

*300-летию Библиотеки
Российской академии наук
посвящается*

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ**

ВЫПУСК 2

Сборник статей по материалам конференции
к 300-летию Библиотеки Российской академии наук
21–24 октября 2014 г.

Санкт-Петербург
2016

ББК 63.2
С 56

Редакционная коллегия:

*Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, В.А. Клишева,
М.В. Корогодина, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова*

Ответственный редактор

И.М. Беляева

Составитель

М.В. Корогодина

С 56 **Современные проблемы археографии.** Вып. 2 : Сб. ст. по материалам конфер. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 окт. 2014 г. / сост. М.В. Корогодина. – СПб. : БАН, 2016. – 509 с. : ил.

В сборнике представлены статьи, написанные по материалам юбилейной конференции, проходившей в Библиотеке Российской академии наук в 2014 г. В сборнике рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с изучением рукописных и редких книг: славянских, греческих и европейских XI–XX веков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	8
----------------------	---

Рукописи и ученые

Бубнов Н.Ю., Беляева И.М. Рукописный отдел: основные направления научной работы	11
Фонкич Б.Л. Начальный период формирования коллекции греческих рукописей Библиотеки Академии наук	24
Поздеева И.В. Археография в Государеве и Государственном московском университете	38
Курьшева М.А. Мстислав Антонинович Шангин – сотрудник Библиотеки Академии наук	53
Вознесенская И.А. Всеволод Измайлович Срезневский: материалы к библиографии	65

Описание рукописей и методы исследования

Добрынина Э.Н., Морозова Е.И. Кодикология и методы реставрации переплетов (Миня на август, РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 125 и Кормчая, ГИМ, Син. 132)	77
Паскаль А.Д. Изучение гаплогграфии как один из методов локализации средневековой рукописной книги (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.)	94
Белякова Е.В. К проблеме каталогизации греческих и славянских церковно-правовых рукописей	111
Давыдова С.А. Итоги и перспективы изучения Сводного патерика	124
Григорьева В.Ю. К вопросу об атрибуции киноварных помет в певческих рукописях XVII века	131
Клишева В.А. Старообрядческие рукописи в фондах Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук: перспективы изучения	151

Книжные собрания и реконструкция библиотек

Белова Л.Б. Иеромонах Никодим – иконописец Антониево-Сийского монастыря	159
Башнин Н.В. Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII века из НИОР БАН	166

Иванов В.И. Состав и особенности комплектования библиотеки Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни (конец XVIII – середина XIX века)	178
Ефимова Н.А. Автографы Тихона Задонского в собрании Археографической комиссии БАН	186
Юдин А.А. Записи на старопечатных книгах Кемеровского собрания ГПНТБ СО РАН	193

Изучение рукописной традиции средневековых памятников

Баранкова Г.С. Статьи Изборника Святослава 1073 г. в древнерусских сборниках	203
Пузина М.А. Новые греческие параллели к стихирам славянского Минейного стихираря XII в.	216
Иванова Кл. Рукопись Каликин 146 и ее место среди новоизводных Панигириков (Торжественников)	222
Духанина А.В. Об одном примере редактирования Жития Сергия Радонежского	235
Жуков А.Е. Свод 1560 г. и русское летописание рубежа XV–XVI веков.....	245
Казанцева Т.Г. К проблеме датировки и локализации певческого сборника из «Собственного собрания старопечатных и рукописных книг С.Ф. Севастьянова»	254
Чурина И.О. Служба преподобному Трифону Вятскому: к вопросу об истории текста	265

Изучение старопечатных книг и сочинений Нового времени

Остапчук Е. (Ostarczuk Jerzy) Евангелие от Матфея в старопечатных изданиях Четвероевангелий: предварительные замечания	277
Макеева И.И. Московские и киевские старопечатные издания «Николина жития»	289
Бережная Н.А. О латинском переводе Степенной книги для Академии наук	307
Вознесенская И.А. История петровского времени в контексте рукописной традиции	322
Романова А.А. Некоторые наблюдения над патериками и перечнями святых XVIII–XIX веков	329
Рашева И. Рассказ Паисия Хилендарского о христианизации Болгарии и русская историография	334

Миниатюры и гравюры в рукописных книгах

Смирнова Э.С. Иллюстрации к Библейским песням в Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3, вторая четверть XIV в.) в контексте византийской традиции	345
Уханова Е.В. К вопросу о датировке и происхождении Симоновской Псалтири	363

Братчикова Е.К. Лицевые редакции Жития Дмитрия Угличского	389
Мишина Е.А. Техника плоской печати в русских рукописях XVII века	404
Плаксина Н.Е. Организация иконописного дела среди старообрядцев-странников (по материалам БАН)	421
Подковырова В.Г. Лицевой Седмилковый апокалипсис (БАН, 25.4.11). К вопросу о принципах создания циклов миниатюр в рукописных памятниках XIX – начала XX века	435

История старообрядчества

Белянкин Ю.С. Эсхатологическое сочинение «Бездна» из сборника с автографами пустозерских узников: проблемы изучения	457
Юхименко Е.М. Два тома Выговских Четиих Миней из собрания БАН в контексте истории уникального книжного свода начала XVIII в.	467
Корогодина М.В. «Правила Иппонского собора» и старообрядческие подделки начала XIX века	476
Список сокращений	487
Сведения об авторах	489

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник, который читатель держит в руках, является вторым, выпущенным под названием «Современные проблемы археографии». Подобно первому сборнику, вышедшему в 2011 г., настоящий выпуск включает статьи, написанные по материалам одноименной конференции, проходившей в Библиотеке Российской академии наук. Уже на первой конференции был намечен ряд направлений, по которым шло обсуждение: описание рукописей, подготовка каталогов и археографические экспедиции, изучение исторически сложившихся рукописных собраний и рукописной традиции отдельных памятников письменности. Составители настоящего сборника стремились сохранить прежние направления, дополнив их новыми. Отчасти это связано с тем, что сборник, как и конференция, посвящен 300-летию юбилею Библиотеки Российской академии наук, и уже это заставило участников вспомнить имена тех замечательных ученых, которые посвятили жизнь изучению рукописей: В.И. Срезневского, М.А. Шангина. Традиции собирания рукописей в XVIII и XIX веках в Библиотеке Академии наук и в Московском государственном университете были продолжены в XX столетии в БАН и продолжают в настоящее время, как это показано в первом разделе сборника.

Второй раздел посвящен важнейшим направлениям деятельности рукописного хранилища – методам описания рукописей и их реставрации. В двух следующих разделах наряду с рукописной традицией отдельных текстов рассматривается история формирования и особенности исторически сложившихся книжных собраний. В особый раздел выделены работы, посвященные памятникам Нового времени, в том числе старопечатным книгам. Особым направлением в истории рукописной книги является книжная иллюстрация: миниатюры и гравюры, которые необходимо изучать в контексте исследования самой книги, как это сделано в одном из разделов сборника. Старообрядческим сочинениям, представляющим большой пласт русской культуры, посвящен заключительный раздел сборника.

Сборник, наполненный новыми находками, публикациями текстов и неизвестных ранее изображений, продолжает традиции изучения исторического наследия и представляет работы как отечественных, так и зарубежных авторов. Преемственность исследовательских традиций, которая не может быть заменена никакими новейшими методами, не менее важна, чем сохранение культурного наследия: рукописей и редких книг. Именно эти задачи: научной преемственности и сохранности письменных памятников ставит перед собой сборник «Современные проблемы археографии».

М.В. Корогодина

РУКОПИСИ И УЧЕНЫЕ

Н.Ю. Бубнов, И.М. Беляева

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Рукописный отдел в Библиотеке Академии наук (БАН) был образован в 1900 г. в составе I-го Славянского отделения по примеру «Депю манускриптов» Публичной библиотеки (1805 г.). В то время в Отделе хранилось лишь несколько сот славяно-русских и западноевропейских рукописей, первоначально выявленных в фондах I-го и II-го (иностранного) отделений, а также большое количество архивных материалов. Рукописная коллекция активно пополнялась.

1 января 1901 г. была учреждена должность ученого хранителя Отдела рукописей, на которую был избран В.И. Срезневский. Необходимость создания Отдела была обоснована академиком А.А. Шахматовым, который считал, что Рукописное отделение «составляет то зерно, из которого образовалась вся Библиотека Академии..., ибо в нем хранятся рукописи, сопутствовавшие Петру Великому в его путешествиях...», и поэтому оно «достойно гораздо большего внимания» [1]. В Отделе хранились богатейшие архивные фонды, среди которых коллекция автографов А.С. Пушкина, рукописи И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и других писателей и поэтов, переданные в результате реформы 1930-х гг. в другие академические учреждения: ИРЛИ, ЛОИИ, Архив АН СССР.

Всеволод Измайлович Срезневский – эрудит и человек деятельный, широко понимал задачи, стоящие перед вновь организованным научным подразделением. Помимо обеспечения достойных условий хранения древних рукописей и выявления из библиотечных фондов новых рукописных кодексов, он считал необходимым обеспечить их доступность для исследователей, а следовательно, потребность снабдить читателей предметными каталогами и карточками. С этой целью В.И. Срезневским был составлен первый план систематизации рукописей по отраслям научных знаний. Такого рода систематизация, применявшаяся ранее некоторыми авторами научных описаний рукописных коллекций внутри томов каталогов, впервые была использована в широком масштабе для полного охвата всего рукописного собрания путем публикации научной серии из нескольких томов по различным отраслям науки. В 1910 и

1915 г. вышли в свет два первых тома систематического описания рукописей БАН: «I. Книги Священного Писания и II. Книги богослужебные» (Т. 1) [2] и «III. Творения отцов и учителей церкви, IV. Богословие догматическое и полемическое и V. Богословие учительное» (Т. 2) [3].

Не менее важной задачей, по мысли В.И. Срезневского, было пополнение Академического рукописного собрания новыми рукописями через покупку и собирательство на стороне. Опыт приобретения ценных рукописей для БАН уже существовал с XVIII в., когда на книжный рынок широко хлынули древности из монастырских библиотек в ходе секуляризации церковных земель при Екатерине II. Широко практиковалась и переписка редких рукописей для Академической библиотеки, в особенности летописных текстов. Характерный пример – снятие по приказу Петра I лицевой копии Радзивилловской летописи, хранившейся в Кенигсберге.

В.И. Срезневский первым выступил с инициативой организации специальных экспедиций на Русский Север с целью приобретения книг у населения для Академии наук.

Несколько организованных и осуществленных им археографических поездок в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии в 1901–1905 гг. не только значительно пополнили фонды рукописей и редких книг БАН, но и породили у собирателя новую мысль. Он обращает внимание на то, что рукописи, собранные на Севере у крестьян-старообрядцев, отличаются особым, неповторимым составом включенных в них письменных памятников, многие из которых были вновь созданы или переработаны самими старообрядцами, а также имеют особенности внешнего оформления в каждом регионе. В результате у собирателя родилась идея формирования в БАН территориальных рукописных коллекций, призванных представить древнюю книжность каждого российского региона во всем её многообразии. Претворяя в жизнь эту идею, В.И. Срезневский в 1913 г. издал монографию, содержащую описание рукописей Олонецкого края [4], и даже сделал попытку перешифровки части рукописного фонда БАН по территориальному признаку.

Сотрудники Рукописного отдела БАН одними из первых в стране осознали важность реконструкции древнерусских частных и общественных (монастырских) средневековых библиотек и библиотек выдающихся ученых и общественных деятелей. Первым осуществленным проектом в этом направлении стала реконструкция (воссоздание) Библиотеки Петра I и его семьи. Толчком к этому послужила находка в Архиве РАН передаточных описей личной библиотеки Петра I и приобретенных в его царствование для БАН библиотечных собраний. Уникальное собрание Петра I, наряду с собранием его сына Алексея Петровича, были выделены в отдельное хранение и впоследствии получили отражение в работах М.Н. Мурзановой, Е.И. Бобровой, В.А. Петрова, вошедших в состав сборника «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» (Вып. 1: XVIII век) [5]; указателе-справочнике Е.И. Бобровой [6] и в подробном описании рукописных книг царской библиотеки И.Н. Лебедевой [7]. В настоящее время вышло в свет

новое подробное описание западноевропейских печатных книг императорской библиотеки, подготовленное научным сотрудником Отдела редкой книги И.В. Хмелевских (Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги. В 2-х т., 3-х кн. СПб.: БАН, 2016).

В 1930 г. в БАН поступило Архангельское собрание рукописей, состоящее из двух частей: Архангельского древлехранилища и Архангельской семинарии. Обе эти коллекции сложились в XIX в. в Архангельске из книг, вывезенных в разное время из многих северных монастырей, общим количеством более 1000 томов. В Рукописном отделе возникла идея, при опоре на это собрание, осуществить реконструкцию нескольких средневековых монастырских библиотек. Эта работа, продолженная несколькими поколениями сотрудников: В.А. Петровым, М.Н. Мурзановой, М.В. Кукушкиной, Л.Б. Беловой, Н.А. Ефимовой, была успешной. По архивным данным, записям на книгах и ряду других опознавательных признаков: записей, наклеек с шифрами, переплетов и др. удалось воссоздать большую часть библиотеки крупного Антониново-Сийского монастыря и нескольких небольших северных обителей. Кроме того, 189 рукописей Архангельского собрания получили подробное научное описание в особом систематическом томе [8]. Можно надеяться, что это описание вскоре будет продолжено.

В послевоенные годы основные направления научной работы Отдела были продолжены под руководством заведующих: В.А. Петрова, В.Ф. Покровской, А.И. Копанева, М.В. Кукушкиной, Л.И. Киселевой – известных исследователей рукописной книжности. В 1950–60-е гг. первоначальный план систематического описания хранящихся в БАН рукописей, предложенный В.И. Срезневским, был скорректирован. Изменения были обусловлены главным образом потребностями ученых. В 1930-е гг. в Ленинграде и Москве возникли академические институты: Русской литературы, Мировой литературы, Истории России, Русского языка и литературы. Стали посещать Ленинград для занятий и зарубежные слависты. Отвечая на пожелания ученых, сотрудники Рукописного отдела подготовили три выпуска Описаний «исторической» серии, посвященные рукописям исторического содержания [9], историческим сборникам XV–XVII вв. [10], историческим сборникам XVIII–XIX вв. и грамотам [11], а также два выпуска «литературной» серии: «Повести, романы, сказания, сказки, рассказы» (Т. 4. Вып. 1) [12], «Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII – первой трети XIX в.» (Т. 4. Вып. 2) [13]. Слаженной работе способствовал сложившийся в Рукописном отделе БАН талантливый коллектив исследователей – историков России и славистов (В.А. Петров, В.Ф. Покровская, Е.И. Боброва, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева, Н.Ю. Бубнов, И.Ф. Мартынов и др.).

С целью познакомить читателей со всем многообразием хранящихся в Рукописном отделе БАН фондов сотрудниками отдела были составлены и опубликованы три выпуска упоминавшегося выше сборника «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук»: Вып. 1 (XVIII в., 1956); Вып. 2 (XIX–XX вв., 1958); Вып. 3 (Карты, планы,

чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I, 1961). Борисом Владимировичем Александровым, умершим в блокаду, было составлено подробное описание хранящегося в Отделе богатейшего собрания рукописных карт XVIII в., которое удалось издать в 1946 г. [14].

Долгосрочный план описания, составленный В.И. Срезневским, необходимо было корректировать еще и потому, что в его время в Рукописном отделе не хранились иноязычные (в частности, греческие) рукописи. К тому же в Отделе долгое время не было специалистов по описанию ряда разделов составленного ученым перечня наук. Эти специалисты появились в Отделе лишь начиная с 60-х гг. XX в. С приходом в Отдел И.Н. Лебедевой и Л.И. Киселевой получили научное описание греческие рукописи [15]; рукописи латинского алфавита X–XV вв. [16] и XVI–XVII вв. [17]. Поступившие в Отдел в послереволюционные годы музыкальные рукописи, содержащие распевы на линейных и крюковых нотах, нашли своего исследователя с приходом в Отдел специалиста – музыковеда и историка музыкальной культуры Ф.В. Панченко, первый выпуск составленного ею научного описания увидел свет в 2001 г. [18]. Готовится описание рукописей, содержащих памятники древнерусского церковного права и историко-юридические материалы (М.В. Корогодина). Вопросы научного описания рукописей нашли свое отражение в многочисленных статьях и докладах сотрудников.

Отдельно скажем о старообрядческих рукописях. Рукописи, написанные старообрядцами в XVII–XX вв. или бытовавшие в их среде, долгое время не интересовали официальную академическую науку и не приобретались. Изучение старообрядчества, его культуры и литературной традиции началось с работ В.И. Срезневского и его путешествий на Русский Север к старообрядцам. В 1918 г. в БАН поступила большая старообрядческая коллекция В.Г. Дружинина, однако рукописи из ее состава лишь избирательно привлекались учеными. К подробному описанию коллекции удалось приступить лишь в 1970-х гг. К настоящему времени подготовлены и вышли в свет два выпуска сочинений писателей-старообрядцев [19] и сборник «Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX веков» [20]. Готовятся следующие выпуски, где старообрядческие рукописи коллекции В.Г. Дружинина, а также кодексы, привезенные из археографических экспедиций, получают достойное место. В ходе описаний удалось выявить и исследовать неизвестные ранее памятники старообрядческой письменности. Некоторые из новонайденных текстов, в частности сочинения малоизвестных соловецких писателей XVII в.: инока Игнатия и казначея Геронтия, а также «Историю о патриархе Никоне» удалось издать в книгах серии «Памятники старообрядческой письменности» [21]. Что касается «Лицевых старообрядческих рукописей XVIII – первой половины XX веков», то это издание открывает новую серию научных описаний, характеризующих изобразительный материал. Вышедшая в свет книга включает постагетное научное описание 85 лицевых рукописей и 28 настенных листов с изображениями, созданных старообрядческими писцами и художниками в указанный период и бытовавших в старообрядческой среде. Следует отме-

тить, что впервые в научной практике описаны не только тексты памятников, но сюжеты около 4500 миниатюр и гравюр, их иллюстрирующие. К сожалению, издание вышло малым тиражом и без иллюстраций, что значительно снижает его ценность. Описание и исследование рукописей с лицевыми изображениями, хранящихся в Отделе, продолжается В.Г. Подковыровой, уже подготовившей к печати 2-й выпуск описания «Лицевые старообрядческие Апокалипсисы». Старообрядцы, писавшие и размножавшие свои сочинения от руки, в последней четверти XIX в. стали переходить на упрощенную форму копирования своих сочинений. В 2012 г. нами был составлен каталог хранящихся в БАН гектографированных изданий [22]. Каталог включает описание 700 редких изданий подпольных бесцензурных старообрядческих типографий, отразивших религиозно-идеологическую полемику главных идеологов старообрядческих общин в последней четверти XIX – первой четверти XX вв.

Следует сказать, что описывать предстоит еще многое. Пока не получили научного описания русские и переводные исторические сочинения XVII–XIX вв., многие литературные сборники, в том числе содержащие жития святых (XV–XX вв.), стиховники (XIX–XX вв.), хождения, паломничества, географические справочники, памятники церковного права, а также рукописи по языкознанию, медицине, математике, военному делу, иллюстрированные рукописи XV–XVII вв.

В начале 1970-х гг. Археографическая комиссия выступила с инициативой учета и научного описания древнерусских, югославянских, греческих и западноевропейских рукописей на территории СССР до XV в. включительно. Этот проект был обусловлен отчасти действовавшим в те годы негласным запретом на богослужебную тематику и не позволял описывать древнейшие рукописи богослужебного и богословского содержания, преобладавшие в раннем средневековье. В рамках проекта сотрудниками Рукописного отдела было подготовлено Описание рукописей, написанных на пергамене в XI–XVI вв. [23]. Часть сделанных описаний была включена с дополнениями в Сводные каталоги славяно-русских рукописей XI–XIII и XIV вв., хранящихся на территории СНГ и Балтии [24]. В настоящее время издание «хронологической» серии в БАН продолжено выпуском Описания семи списков XV в. славянского Пролога (сентябрьская половина), выполненным О.П. Лихачевой (Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской академии наук. Описание рукописей XV века. Вып. 2. Прологи. Ч. 1: Сентябрьская половина года / сост. О.П. Лихачева; отв. ред. А.А. Алексеев; изд. подгот. Л.Б. Белова и др. СПб.: БАН, 2015. 421 с.). Также готовится к печати Описание славяно-русских рукописей XIV в., написанных на бумаге (А.Г. Сергеев).

Одним из направлений работы сотрудников Рукописного отдела долгие годы являлось пополнение рукописных фондов путем приобретения рукописей в археографических экспедициях. С конца 50-х до середины 90-х гг. XX в. было совершено около 60 экспедиций в различные регионы России, в ходе которых найдено и приобретено для БАН более 2000 рукописных и около 1000 редких старопечатных книг XIV–XX вв. [25]. В результате экспедиций в Руко-

писном отделе, в продолжение идеи В.И. Срезневского, было сформировано 11 новых территориальных рукописных собраний. Археографическая деятельность Отдела широко освещалась в научных публикациях и в публицистических статьях. Создание территориальных собраний рукописных книг дает возможность комплексного изучения книжности отдельных регионов, выявления особенностей местного книжного репертуара и традиционной культуры книгописания. Таково, к примеру, Каргопольское рукописное собрание, многие рукописи которого принадлежали членам ныне вымершей общины старообрядцев-скрытников (бегунов), верования, быт и книжная культура которых, при опоре на найденные тексты, ныне интенсивно исследуются. Все вновь найденные рукописи и книги получили в Отделе краткие описания в описях, печатных обзорах и экспедиционных отчетах.

Пополнение фондов Отдела, помимо археографических экспедиций, шло также за счет приобретения новых рукописных коллекций. В 1964 г. было приобретено рукописное собрание ярославского коллекционера В.В. Лукьянова, включающее более 350 рукописей и делопроизводственные «столбцы». В 1977 г. в БАН были переданы 14 рукописных книг XV–XX вв. из Рижской Гребенщиковской общины. В 1979 г. у наследников петербургского старообрядческого наставника А.М. Епифанова приобретены 28 рукописей XVII–XIX вв. и ценный экземпляр Острожской библии 1581 г. В 1989 г., после многолетних контактов с собирателем, у наследников М.И. Чуванова – бывшего наставника Преображенской старообрядческой общины – приобретено его книжное собрание, состоящее из 626 рукописей XVI–XX вв. и гектографированных изданий, а также научная библиотека, состоящая из 2000 томов, личный архив и хранившиеся в нем документы Московской Преображенской общины.

Одним из важных направлений работы Отдела со дня его основания является раскрытие фондов в виде научных публикаций, монографий и статей. Научные работы весьма многообразны и охватывают значительный спектр гуманитарных дисциплин: отечественную и зарубежную историю, источниковедение, филигранологию, кодикологию, библиотековедение и библиографию, книговедение, этнографию, литературоведение, музыковедение, церковное право, а также посвящены вопросам истории БАН, сохранности фондов, компьютерным технологиям. Многие исследования далеко выходят за рамки материалов БАН и имеют общероссийскую значимость. Назовем лишь некоторые серьезные монографии такого рода: Лебедева И.Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы (Л., 1968); Киселева Л.И. Готический курсив XIII–XV вв. (Л., 1974); Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. (Л., 1977); Киселева Л.И. Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв.: Кодикологические и книговедческие аспекты (Л., 1985); Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. Источники, типы и эволюция (СПб., 1995); Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование (М., 1998); Кукушкина М.В. Книга в России в XVI веке (СПб., 1999); Корогодина М.В. Исповедь

в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты (СПб., 2006); Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов (СПб., 2006).

Отдельно скажем об изданиях малоизвестных текстов, найденных и исследованных сотрудниками Отдела. Большой интерес в научном мире вызвала книга «Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613», впервые изданная на русском языке с обширными комментариями [26]. А.И. Копаневым был издан найденный в археографической экспедиции «Пинежский летописец», содержащий новые сведения об открытии русскими землепроходцами Сибири [27]. Совместно с Пушкинским Домом были изданы средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII вв. «Стефанит и Ихнилат» [28], «Сказания и повести о Куликовской битве» [29], переводная «Повесть о Варлааме и Иоасафе» [30]. В ряде статей сотрудниками Отдела опубликованы и исследованы неизвестные ранее небольшие литературные и публицистические тексты: письмо Сильвестра Медведева к Симеону Полоцкому (А.И. Копанев), повести: об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии (В.Ф. Покровская), о событиях Смутного времени, о пожаре 1610 г. в Великом Устюге, «О Псковском взятии», «О Леопольде и его сестре Маргарите» (М.В. Кукушкина), о «Службе благодарственной о великой победе под Полтавой» (И.Ф. Мартынов), «История о юродивом Макарии», повествующая о начале единоверия в Твери (Н.Ю. Бубнов), послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ на него протопопа Аввакума (Н.Ю. Бубнов, Н.С. Демкова).

Особым направлением в работе Отдела можно считать изучение истории БАН, хранящихся в ней фондов и биографий славных предшественников – хранителей фондов и исследователей. Свообразным итогом этой работы стала фундаментальная «История Библиотеки Академии наук СССР (1714–1964)», написанная к её 250-летию юбилею. Эти сведения были дополнены при подготовке двухтомного «Биографического словаря сотрудников Библиотеки Российской академии наук», вышедшего к 300-летию Библиотеки. В Словарь включены краткие биографии и основная библиография трудов сотрудников Библиотеки [31]. Десятки статей в различных сборниках посвящены работавшим в БАН ученым: К.-Э. М. Бэру, Э.А. Вольтеру, А.А. Шахматову, Н.К. Никольскому, В.И. Срезневскому, Ф.И. Покровскому, Н.Н. Зарубину, Е.И. Бобровой, М.Н. Мурзановой, В.Ф. Покровской, А.И. Копаневу, М.В. Кукушкиной, А.А. Амосову, О.П. Лихачевой, И.Н. Лебедевой.

Начиная с 1901 г. по настоящее время научными сотрудниками Рукописного отдела было написано и издано свыше 900 научных статей и 90 монографий. Большинство этих работ соответствует профилю и тематике Отдела, остальные отражают многообразие научных интересов сотрудников в различных научных областях.

Особенно важными для нужд Отдела следует считать работы М.В. Кукушкиной и А.А. Амосова по филологии, а также их усилия по изданию филологических работ и приобретению архивов и библиотек исследователей бумаги С.А. Клепикова и Г.А. Енша. Составлены описи архивов этих

исследователей. В Отделе была собрана прекрасная филигранологическая коллекция альбомов, книг и архивных материалов по этой важной прикладной исторической дисциплине, позволяющей уверенно датировать изучаемые тексты.

С 1966 г. Отдел готовит сборники статей серии «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН». В 2013 г. увидел свет шестой выпуск этой серии. Сборники, издающиеся вот уже полвека по инициативе А.И. Копанева, не только дополняют «систематическую» и «хронологическую» серии Описания Рукописного отдела БАН, но и содействуют всестороннему и углубленному изучению письменных источников, хранящихся в Академической библиотеке. В своих статьях авторы – сотрудники Отдела и его читатели – приводят сведения, полученные ими в результате изучения рукописей, описей материалов и коллекций. Выявляя источники, интересные в историческом, литературном и книговедческом аспектах, авторы определяют новые направления научного поиска, разрабатывают оригинальные приемы и методы, помогающие раскрытию рукописных богатств. «Материалы и сообщения...» являются, наряду с научными описаниями и каталогами, важным инструментом накопления знаний, на которых базируется современная гуманитарная наука.

В 90-х гг. XX в. началась научная обработка личных архивов, хранившихся в Отделе: директора БАН Н.К. Никольского, научного сотрудника Рукописного отдела Н.Н. Зарубина, умершего в блокаду. Этот замечательный ученый оставил важные неизданные труды, в частности работу по реконструкции круга чтения и библиотеки царя Ивана Грозного. Только в 1982 г. труд ученого удалось издать А.А. Амосову, значительно его дополнившему и составившему указатели [32]. Получили описание также архив старообрядца-федосеевца М.И. Чуванова и хранившиеся в его составе материалы архива Московской Преображенской старообрядческой общины [33].

Особенное внимание в Отделе обращалось на необходимость факсимильного издания наиболее выдающихся рукописей, хранящихся в БАН. В 1976 г. в издательстве «Эдион Лейпциг» была опубликована факсимильно рукопись известной голландской художницы XVII в. Марии Сибиллы Мериан [34]. В 1979 г. в БАН прошла конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». В последующие годы Рукописному отделу удалось факсимильно (или фототипически) издать: 1) «Повесть о Куликовской битве» (часть 2-го Остермановского тома Лицевого летописного свода) [35]; 2) Радзивилловскую летопись конца XV в. с иллюстрациями [36]; 3) Лицевой летописный свод Ивана Грозного (хранящиеся в БАН Хронографический сборник и два Остермановских тома XVI в.) [37]; 4) Ремезовскую летопись конца XVII в. с иллюстрациями [38]; 5) «Альбом» (коллекцию рисунков и гравюр) Андрея Винууса (XVII–XVIII вв.) [39]. Все изданные тексты и рисунки сопровождалось подробными комментариями с археографическим описанием, исследованием филиграней, указателями. На очереди – фототипическое издание хранящегося в БАН знаменитого «Пусто-

зерского сборника» 1673 г. из собрания В.Г. Дружинина с автографами житий протопопа Аввакума и инока Епифания. Факсимильные издания чрезвычайно важны, поскольку, помимо обеспечения доступности для исследователей и популяризации памятников письменного наследия, служат также задаче сохранности оригиналов, являясь их своеобразной страховкой, хотя, конечно, подлинники бесценны. В осуществлении всех этих изданий важную помощь ученым оказывают спонсоры, патриоты своей страны.

Как встарь, так и в особенности в последние десятилетия, Библиотека Академии наук и Рукописный отдел ведут работу по популяризации своих фондов с помощью выставок [40]. Назовем последние из них: «Мария Сибилла Мериан и ее дочери. Женщины в науке и искусстве» (Амстердам, Дом-музей Рембрандта и Лос-Анджелес, Центр Дж. Гетти, 2008); «Совершенная Виктория (К 300-летию Полтавского сражения)» (Санкт-Петербург, Эрмитаж, 2009); «Святая Русь» (Париж, Лувр, 2010; Москва, Третьяковская галерея, 2011).

Рукописный отдел ведет большую работу по организации научных конференций, посвященных проблемам изучения средневековых памятников письменности. Например, в 2010 г. в БАН была проведена международная научная конференция «Современные проблемы археографии» [41], которая была приурочена к столетию издания первого тома фундаментального многотомного описания рукописей, хранящихся в Рукописном отделении Библиотеки Императорской академии наук. Конференция проводилась совместно с Археографической комиссией РАН, продолжив традиции и идеи конференций, посвященных археографии, научному описанию рукописей и исследованию рукописных памятников, заложенные более 30 лет назад. В том же году, по инициативе сотрудников Рукописного отдела, были проведены Чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Василия Григорьевича Дружинина – известного историка, археографа, библиографа, собирателя старообрядческих рукописных памятников. Материалы научных чтений составили сборник, который был издан в 2010 г. [42].

Сотрудники Рукописного отдела постоянно принимают участие в организуемых БАН научных конференциях, посвященных исследованию фондов Библиотеки и ее истории. По материалам конференции, проведенной в честь 300-летнего юбилея русского академика М.В. Ломоносова, в БАН были подготовлены два издания: «Библиотека М.В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг» [43] и «Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова» [44], подводящие итог многолетним исследованиям и поискам книг библиотеки ученого. В первом издании дается описание рукописных и печатных книг, находящихся в Санкт-Петербурге и Хельсинки, и углубленное описание помет, сделанных М.В. Ломоносовым на книгах, хранящихся в БАН. Во втором – представлен каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова, хранящихся в БАН и других хранилищах России. В издании принимали участие сотрудники Рукописного отдела.

Научное описание рукописей не только основная форма раскрытия наших богатейших фондов, но и один из способов обеспечения их сохранности. Дру-

гой действенной формой сохранения рукописных памятников, несомненно, являются факсимильные издания.

Успешная работа Отдела была бы невозможна без наличия высококвалифицированного штата сотрудников, силами которых осуществляется работа по раскрытию фондов, их популяризации (книжные выставки, экскурсии), сохранности. Существенную помощь в раскрытии фондов Отдела оказывают исследовательские работы наших читателей – известных специалистов в области рукописной книжности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX–XX века. М.; Л., 1958. С. 26.

2. Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. I. Рукописи. Т. 1. I. Книги Священного Писания и II. Книги богослужебные / сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. СПб., 1910. XVI; 526 с.

3. Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. I. Рукописи. Т. 2. III. Творения отцов и учителей церкви, IV. Богословие догматическое и полемическое. V. Богословие учительное / сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. Пг., 1915. VIII; 629 с.

4. *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. XXVIII; 688 с.

5. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век / авторы М.Н. Мурзанова, Е.И. Боброва и В.А. Петров. М.; Л., 1956. Приложения: Реестры книг Собрания Петра I (I–XXI). Примечания к «Реестрам» (С. 272–367); Каталог книг Петра I, переданных из Кабинета в Библиотеку Академии наук в 1725 г. Примечания к «Каталогу» (С. 368–381); Опись рукописных книг Собрания Петра I (первой части) (С. 382–395); Опись рукописных книг Собрания Петра I (второй части) (С. 396–421); Опись рукописных книг Собрания царевича Алексея Петровича (С. 422–428).

6. Библиотека Петра I: Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва. Л.: БАН, 1978. 216 с.

7. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. 317 с.; 110 с. ил.

8. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8. Вып. 1. Рукописи Архангельского собрания / сост. А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина. Л., 1989. 326 с.

9. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Т. 3. Вып. 1. VI. История / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. Л., 1930.

233 с. Эта книга была впоследствии переработана и значительно дополнена сотрудниками отдела: Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1. Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги / сост.: В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова; под ред. А.И. Андреева. 2-е изд., доп. М.; Л., 1959. 708 с.

10. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв. / сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская; отв. ред. В.А. Петров. М.; Л., 1965. 362 с.

11. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. / сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева; отв. ред. А.И. Копанев. Л., 1971. 420 с.

12. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4. Вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы / сост. А.П. Конусов, В.Ф. Покровская; под ред. В.А. Петрова. М.; Л., 1951. 560 с.

13. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII – первой трети XIX в. / сост. И.Ф. Мартынов; отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1980. 352 с.

14. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. Прил. 2. Александров Б.В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги БАН СССР (С. 267–442).

15. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / сост. И.Н. Лебедева; отв. ред. Е.Э. Грандстрем. Л., 1973. 244 с.

16. Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание рукописей латинского алфавита X–XV вв. / сост. Л.И. Киселева; отв. ред. А.Д. Люблинская. Л., 1978. 320 с.

17. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI–XVII вв. / сост. И.Н. Лебедева; отв. ред. Т.П. Воронова. Л., 1979. 288 с.

18. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 9. Вып. 1. Певческие книги выголексинского письма. XVIII – первая половина XIX в. / сост. Ф.В. Панченко. СПб., 2001. 496 с.

19. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов; отв. ред. А.И. Копанев. Л., 1984. 318 с.; Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7. Вып. 2. Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001. 448 с.

20. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10. Вып. 1. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX веков / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова; отв. ред. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2010. 672 с.

21. Памятники старообрядческой письменности. [Вып. 1. Сочинения Игнатия Соловецкого; «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному»; «Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума»] / сост., ред. Н.Ю. Бубнов; авт. статей, подг. текстов: Н.Ю. Бубнов, О.В. Чумичева, Н.С. Демкова. СПб.: РХГИ, 1998. 384 с. [Повторено: СПб.: РХГИ, 2000. 384 с.]; Памятники старообрядческой письменности. [Вып. 2. Сочинения Геронтия Соловецкого; «История о патриархе Никоне»] / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: Русская симфония, 2006. 464 с.

22. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской ака-

демии наук. Последняя четв. XIX – первая четв. XX вв. Каталог изданий и избранные тексты / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012. 459 с.

23. Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; отв. ред. В.Ф. Покровская. Л., 1976. 236 с.

24. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. [Описание рукописей БАН: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. См. указатель №№ по хранилищам на с. 385–386]. М.: Наука, 1984. 406 с.; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). [Описания рукописей БАН, сделанные Н.Ю. Бубновым, О.П. Лихачевой и В.Ф. Покровской, см.: Указатель авторов]. М., 2002.

25. Обзор археографических экспедиций, проведенных Рукописным отделом БАН в 1952–1989 гг. см.: Амосов А.А. Экспедиционная работа Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР в послевоенный период // Материалы и сообщения. 1990. СПб., 1994. С. 321–338.

26. *Конрад Буссов*. Московская хроника. 1584–1613 / [Подготовка издания: Е.И. Боброва (подгот. к печати текста Хроники и статья «Смутное состояние русского государства... от 1584 до 1613...»); И.И. Смирнов (вводные статьи «Конрад Буссов и его Хроника» и «Археографическое введение»); А.И. Копанев и М.В. Кукушкина (коммент. к тексту Хроники на с. 335–388); А.И. Копанев (подготовка к печати писем К. Буссова)]. Ред. перевода С.А. Акулянц; общая ред. И.И. Смирнова. М.; Л.: Наука, 1961.

27. *Копанев А.И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие. [ИРЛИ]. Л., 1972. С. 57–91.

28. Издание подготовили О.П. Лихачева и Я.С. Лурье; перевод греч. текста Е.Э. Гранстрем и В.С. Шандровский. Л., 1969. 252 с. (Лит. памятники).

29. Издание подготовили Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982. (Лит. памятники).

30. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / подгот. текста, исслед. и коммент. И.Н. Лебедевой; отв. ред. О.В. Творогов. Л., 1984.

31. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. В 2-х т. СПб., 2014. (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия. Т. 13–14).

32. Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / сост. Н.Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова; под ред. С.О. Шмидта. Л., 1982. 313 с.

33. *Ефимова Н.А.* Материалы старообрядческой Преображенской общины в архиве М.И. Чуванова // Материалы и сообщения по фондам Рукописного отдела БАН. СПб.: БАН, 2013. С. 295–299.

34. *Merian Maria Sibylla. Schmetterlinge Käfer und andere Insekten: Leningrader Studienbuch* / Hrag. von W.-D. Beer; Die Komment. von I. Lebedeva und W.-D. Beer. Leipzig, 1976. [Факс. изд. рукописи БАН. Предисл. и послесловие также на рус., фр. и англ. яз.]. Т. 1. 120 отд. л. факс. акварелей в папке; Т. 2. 471 л.

35. Повесть о Куликовской битве. Из Лицевого летописного свода XVI века. The tale of the battle on the Kulikovo field. From the Illuminated Codex of the XVI-th Century / Науч. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Аврора, 1980.

36. Радзивилловская летопись. 1. Факсимильное воспроизведение рукописи XV в. 2. Текст летописи. 3. Исследования, описания миниатюр, указатели / изд. подгот. А.А. Амосов, О.А. Белоброва, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева, Г.М. Прохоров, Б.А. Рыбаков, И.Н. Сергеева; отв. ред. М.В. Кукушкина. М.: Искусство, 1984.

37. Лицевой Летописный свод XVI в. Книга 2 (Хронографический сборник); Книга 6 (Остермановский первый том); Книга 7 (Остермановский второй том). М.: Фирма АКТЕОН, 2006.

38. [История сибирская / Ремезов и сыновья]. Коллекционное изд. Т. 1. Факсимильное изд.; Т. 2. Ремезовская летопись. История сибирская. Летопись сибирская Кунгурская / исслед., текст и перевод Е.И. Дергачевой-Скоп, В. Алексеева. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2006.

39. Альбом Виниуса / сост. описания Е.А. Савельева. Репринтное издание рукописи. СПб.: БАН, Альфарет, 2011. 38 с.; 105 л. ил.

40. Амосов А.А., Петрова Л.А. Экспозиционная деятельность Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1990. СПб.: БАН, 1994. С. 307–320.

41. Современные проблемы археографии: сборник статей по материалам конференции, проходившей в БАН 25–27 мая 2010 г. / отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. СПб.: БАН, 2011.

42. Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936). Материалы науч. чтений 10 августа 2010 г. СПб., 2010.

43. Библиотека М.В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг / сост. И.Н. Лебедева, А.Е. Карначев, Е.А. Савельева, Сиркха Хаву. М.: Ломоносовъ, 2010. 280 с.

44. Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова в Библиотеке Российской академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга / науч. рук. В.П. Леонов; сост. А.Е. Карначев, И.Н. Лебедева, Е.А. Савельева. СПб.: БАН, 2011. 184 с.: ил.

Б.Л. Фонкич

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

В настоящее время собрание греческих рукописей Библиотеки Академии наук насчитывает почти 300 единиц [1]. Основная часть этого конгломерата манускриптов поступила в БАН в конце первой трети XX в.: в 1929 г. – 36 рукописей коллекции А.А. Дмитриевского и в 1931 г. – 192 рукописи Русского археологического института в Константинополе [2]. К тому моменту, когда греческое собрание БАН получило указанные 228 рукописей, оно уже располагало почти четырьмя десятками кодексов: их большая часть приобреталась Библиотекой на протяжении XIX – начала XX в. [3]; меньшая же часть этой коллекции, в состав которой, если наши дальнейшие предположения верны, входило 13 рукописей, и представляла из себя ту основу греческого собрания, которая сложилась в БАН на протяжении первого столетия существования данного учреждения. Перечислим эти рукописи.

F № 1. Дионисий Ареопагит. Сборник трактатов. XV в.

F № 193. Орибасий. Медицинские трактаты. XVI в.

F № 240. Псевдо-Дорофей Монемвасийский. Хроника. 1622 г.

F № 259. Фотий, патриарх Константинопольский. Синтагма канонов. XII в.

Q № 1. Филон Александрийский. Сочинения. XIII в.

Q № 3. Софроний Лихуд. Риторика. XVIII в.

Q № 4. Николай Курсула. Толкование на «Физику» Аристотеля. 1639 г.

Q № 5. Вопросы-ответы на темы «Физики» Аристотеля. XVII в.

Q № 6. Сборник риторический. XVII в.

Q № 7. Михаил Глика. Хроника. XVI в.

Q № 8. Сборник. XVII в.

Q № 9. Григорий Богослов. Беседы. Вторая половина XI в.

Q № 249. Сборник. XVIII в.

Эти рукописи могут быть разделены на две группы: 1) Q № 3–6, 8 и 249; 2) F № 1 и 193, Q № 1, 7 и 9; вероятно, ко второй группе можно отнести F № 259, а также F № 240.

Первая группа из шести рукописей представляет собой комплекс книг учебного характера, которые могли быть использованы в любом греческом учебном заведении среднего и высшего уровня от Италии и до России; в последней с конца XVII в. уже действовали различные греческие (греко-славянские) школы, где употреблялись рукописные учебники по грамматике, риторике, толкованиям сочинений Аристотеля и т. п. именно такого типа, как перечисленные выше типичные учебные книги. Нет ничего удивительного, что такие рукописи XVII и XVIII столетий попадали в Петербург и начинали откладываться в БАН с момента ее основания в 1714 г. и на протяжении всего XVIII в., по мере их замены новыми учебниками.

Вполне возможно, что шесть указанных книг оказались в Петербурге не позже середины — третьей четверти XVIII в., однако в Библиотеку Академии наук к 1770-м годам попали лишь Толкования Николая Курсулы на «Физику» Аристотеля 1639 г. (Q № 4; рис. 1) и Сборник медицинских сочинений (Q № 8): они упомянуты среди рукописей БАН в 1776 г. И. Г. Бакмейстером в его «Опыте о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук» [4]. Другие четыре рукописи 1-й группы присоединились к этим двум манускриптам, по-видимому, в последующие десятилетия: в 1847 г. их в составе рукописного фонда БАН описывает библиотекарь Публичной библиотеки Э. ф. Муральт (рис. 2) [5].

Вторая группа состоит из рукописей, появление которых в Петербурге означает новый этап в истории русской культуры, а именно начало *научного интереса* к разного рода текстам, что и приводит к привлечению в новую столицу тех или иных манускриптов, главным образом — греческих рукописей, находившихся в Москве на протяжении второй половины XVII в. или оказавшихся там в результате различных обстоятельств в первой половине XVIII столетия.

Вероятно, первыми такими книгами оказались две рукописи, привезенные в 1655 г. Арсением Сухановым в Москву из Ватопедского монастыря на Афоне и хранившиеся в Патриаршей библиотеке: Q № 9 (Григорий Назианзин; рис. 3, 4) и Q № 1 (Филон Александрийский; рис. 5, 6). Время перемещения этих кодексов в Петербург можно определить пока только в широких рамках — между 1723 и 1772 гг.: в 1723 г. обе рукописи вошли в каталог греческих рукописей Московской Синодальной библиотеки, составленный Афанасием Скиадой [6], а в 1772 г. сборник сочинений Филона уже в Библиотеке Академии наук в Петербурге изучал приехавший незадолго до этого в Россию Х. Ф. Маттеи [7]. Можно, по-видимому, предполагать, что и рукопись бесед Григория Богослова уже находилась в Петербурге, но не в фондах Академической библиотеки, а в руках кого-либо из деятелей церкви: неслучайно то обстоятельство, что на нее во время двух своих поездок в Петербург не обратил внимания Х. Ф. Маттеи, который писал Д. Рункену из российской столицы 28 января 1779 г.: «...кроме кодекса Филона и Плиния Старшего, я не нашел здесь ничего достойного упоминания» [8].

Обе эти рукописи могли быть переданы из бывшей Патриаршей библиотеки в Петербург, скорее всего, лишь по каналу Святейшего Синода, что и сделало возможным длительную задержку кодексов в столице – с их последующей передачей в Библиотеку Академии: сборника сочинений Филона – уже не позже 1772 г., а сборника бесед Григория Назианзина – не позже 1847 г. [9]

Наряду с рукописью Филона одним из первых греческих манускриптов, поступивших в Библиотеку Академии наук, оказался сборник сочинений Дионисия Ареопагита (F № 1). И. Г. Бакмейстер указывает его среди рукописей БАН в 1776 г. [10] Материалы самого кодекса позволяют предположить, что в первой половине XVIII в. он находился в Москве и, возможно, в конце 1740-х гг. был перевезен в Петербург.

На нижнем поле л. 2 рукописи находится важная для реконструкции истории книги владельческая помета: Ἐκ τῶν τοῦ Γερμανοῦ μητροπολίτου Νύσσης βιβλίων («Из книг Германа, митрополита Ниссы») (рис. 7). Нисский митрополит Герман (1610/15–1688) – выдающаяся фигура в истории греческого просвещения XVII в., в истории греческой церкви времен туркоκραтии [11]. Поскольку он становится митрополитом в 1678 или 1679 г. [12], его владельческая запись в кодексе БАН, F № 1 относится к последнему десятилетию его жизни.

Из работ Х. Ф. Маттеи известно, что в Москве в 70-х гг. XVIII в. была доступна для приобретения заинтересованным лицам, по крайней мере, часть библиотеки Германа Нисского, состоявшая из рукописных и печатных книг. По-видимому, в 1778 г. Маттеи, как он пишет об этом, «по случаю... купил значительное количество греческих книг, как рукописных, так и печатных изданий, из библиотеки Германа, митрополита Нисского, которые, уже не знаю какими судьбами, были привезены в Москву» [13]. Поскольку сборник сочинений Дионисия Ареопагита до своего перемещения в Петербург находился, как мы увидим далее, в Москве, можно было бы думать, что и он принадлежал к «московской части» библиотеки Германа Нисского; от книг, купленных Маттеи, его отличало только то, что он был каким-то образом приобретен неизвестным лицом *несколько раньше* покупки Маттеи и уже не позже 1776 г. попал в БАН, где его и фиксирует в указанное время И. Г. Бакмейстер. Однако при изучении самой рукописи выявляются следующие факты.

На л. 1 об. рукописи находится ее название, принадлежащее русскому книжнику первой половины XVIII в.: «Книга Греческая рукописная Дионисия || Ареопагита о небесном чиноначалии» (рис. 8). Особенности почерка этих двух строк свидетельствуют о том, что перед нами – автограф Моисея Арсеньева, ученика братьев Лихудов, переводчика Посольского приказа и архивариуса Коллегии иностранных дел в первой трети XVIII в. [14] Эта идентификация позволяет сделать следующие выводы:

1. Моисей Арсеньев скончался в 1747 г. Следовательно, рукопись Дионисия Ареопагита была в его руках до этого времени, скорее всего – когда он, после нескольких лет пребывания в Турции в составе первого русского по-

сольства П.А. Толстого (1702–1708), вернулся в Москву и в 1720–30-х гг. служил архивариусом Московской конторы Коллегии иностранных дел.

2. Рукопись Дионисия Ареопагита, таким образом, находилась в Москве уже во всяком случае в 1720-х гг. Едва ли следует думать, что этот осколок книжной коллекции Германа Нисского оказался в России в первой трети XVIII в., а затем, через несколько десятилетий, в Москве появились и другие рукописные и печатные книги того же иерарха, которые попали к Х.Ф. Маттеи. Герман Нисский никаким образом не был связан ни с Россией, ни вообще с восточнославянским миром, так что нет оснований для гипотезы о последующих *неоднократных* «вторжениях» в русскую культурную жизнь книг из библиотеки этого деятеля балканского просвещения. Скорее можно предполагать, что все оказавшиеся на русской почве греческие рукописи, документы (письмо будущего иерусалимского патриарха Нектария Герману) и печатные издания нисского митрополита переместились с Балкан (Герман скончался в Бухаресте) *одновременно* в виде сравнительно небольшой группы материалов.

3. Скучные сведения относительно судьбы библиотеки Германа Нисского в ближайшие после его смерти десятилетия позволяют, как нам кажется, представить себе, что в то время, когда в Валахии началось едва ли контролируемое каким-либо образом распыление книжного собрания такой значительной фигуры в истории греческой культуры [15], отдельные части этого фонда могли появиться (скорее всего, с целью их продажи) в тех центрах греческого просвещения, где они были способны вызвать наибольший интерес, т. е. прежде всего – в Константинополе. Если этого рода события имели место в первом десятилетии XVIII в., то партия таких материалов, несомненно, привлекла бы к себе внимание русского посла в Оттоманской Порте П.А. Толстого или тем более – его образованного переводчика М.И. Арсеньева, и едва ли они не воспользовались бы возможностью приобрести, для себя или для своего ведомства в Москве, партию рукописных и печатных книг на греческом языке.

4. Итак, можно предполагать, что часть библиотеки Германа Нисского попала в Россию из Константинополя в первом десятилетии XVIII в. Последующую судьбу этих книг на русской почве проследить в деталях пока невозможно. Ясно лишь, что рукопись Дионисия Ареопагита принадлежала не частному лицу, но, скорее всего, тому учреждению, где служил М. Арсеньев и где он в своем двухстрочном надписании мог сделать перевод греческого названия кодекса (если бы эта рукопись принадлежала самому М. Арсеньеву, ему едва ли понадобилось бы делать для собственного употребления такое «разъяснение»). Можно, таким образом, думать, что кодекс Дионисия Ареопагита в 1710–1720-х гг. относился к книжному собранию Московской конторы Коллегии иностранных дел, а затем переместился в Петербург, где уже в 1776 г. вошел в состав рукописного фонда БАН.

Что же касается других греческих рукописных материалов московской части собрания Германа Нисского, то они, как известно, в 1778 г. нашли своего ценителя в лице Х. Ф. Маттеи.

Из пяти указанных И. Г. Бакмейстером греческих рукописей, принадлежавших Библиотеке Академии наук уже в 1776 г., пожалуй, меньше всего мы можем представить себе время и обстоятельства появления в Петербурге кодекса XVI в., содержащего **Хронику Михаила Глики (Q № 7)**. Если палеографическое изучение рукописи приводит к выводу о ее принадлежности к продукции афинских писцов конца XVI в. [16], то **последующая жизнь манускрипта**, вплоть до его перенесения с Балкан в столицу России, остается пока полной загадкой: в самой рукописи на л. 9 находится лишь помета о ее принадлежности в XVII в. митрополиту Эноса Парфению († αἴνου παρθενίου) [17] (рис. 9). Х. Ф. Маттеи в своих письмах из Петербурга эту рукопись не упоминает, и впервые она оказывается в поле зрения ученых в 1843, а затем в 1847 гг. [18].

Можно предполагать, что, помимо рукописей, принадлежавших Библиотеке Академии наук в 1776 г., в Петербурге во второй половине XVIII в. появилось еще несколько греческих кодексов. Одним из них, по-видимому, является список первой половины XVI в. медицинских трактатов Орибасия (F № 193; рис. 10) – рукопись, как и Q № 1 и 9, **также афонского происхождения**: оказавшись в Москве в 1655 г. в результате поездки на Афон Арсения Суханова [19], этот манускрипт в 1770-х – начале 1780-х гг., когда Х. Ф. Маттеи служил в Московском университете, находился среди книг Типографской библиотеки [20], в составе которых и был описан немецким ученым [21]. Над своим каталогом греческих рукописей Синодальной и Типографской библиотек Маттеи трудился в Москве до отъезда в июле 1784 г. из России, доводя его затем до совершенства на протяжении 20 лет в Германии: посвящение издания императору Александру I (Р. 3–8) **подписано в Виттенберге в начале марта 1804 г.** После июля 1784 г. и до выхода каталога в свет в Лейпциге в 1805 г. Маттеи над греческими рукописями указанных собраний уже не работал. Все это время список Орибасия, скорее всего, находился в Москве: если бы он еще до публикации каталога оказался в Петербурге и надолго был там задержан, можно было бы относительно этого ждать в «Accurata codicum... notitia et recensio» соответствующего примечания. Вероятно, рукопись была затребована из Москвы в столицу между 1805–1812 гг., а затем надолго «застряла» там и уже в 1832 г. в составе собрания акад. Е. Е. Келера попала в БАН.

Примерно в то же время, что и F № 193, в БАН могла оказаться и **Хроника Псевдо-Дорофея Монеувасийского (F № 240)**: судя по записям в самом манускрипте, рукопись с момента своего создания в 1622 г. и вплоть до конца XVIII в. находилась на Балканах [22].

Наконец, небольшой – 6 л. – фрагмент Синтагмы канонов Константинопольского патриарха Фотия (F № 259) мог попасть в Библиотеку Академии наук еще в первое столетие истории этого учреждения, хотя в самой рукописи нет решительно никаких признаков для заключения о времени и обстоятельствах ее появления в Петербурге [23].

Пытаясь реконструировать начальный этап истории греческой рукописной коллекции БАН, мы вынуждены ограничиться теми скудными сведениями

ями, которые приведены в данной работе. Хотелось бы надеяться на то, что дальнейшие разыскания как архивного, так и кодикологического характера не только уточнят наши предположения, но и умножат сведения по истории формирования самой ранней части греческого рукописного фонда Библиотеки Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В каталоге И. Н. Лебедевой (см.: *Лебедева И. Н.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Том 5. Греческие рукописи. Л., 1973) описаны 287 ед. хр. К ним можно добавить рукопись 17.16.10. Л. 19 об.–114 об. (см.: *Лебедева И.Н.* О новогреческом переводе «Наказа» Екатерины Великой // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.* СПб., 2006. С. 7–11), а также Арх. ком. № 109 (см.: *Карначев А.Е.* Малоизвестные и «забытые» греческие материалы библиотек Санкт-Петербурга (в печати)).

2. См.: *Лебедева И. Н.* Греческие рукописи. С. 3.

3. Мы указываем здесь рукописи, поступившие в БАН (помимо собрания А.А. Дмитриевского и РАИК) в 1832–1936 гг. Все приобретения Библиотеки после получения рукописей РАИК см. в каталоге И.Н. Лебедевой. **1832 г.**: F № 193. Орибасий. Из библиотеки акад. Е.Е. Келера; **1845 г.**: F № 2. Житие св. Георгия Амастридского. От акад. А.А. Куника; **1856 г.**: O № 128. Сборник. Рукопись куплена БАН в Лейпциге; **1858 г.**: 1) F № 3. Сборник копий византийских документов. От В.И. Григоровича; 2) Q № 11. Акты Константинопольского патриархата 1347–1370 гг. Поступила в БАН в 1858 г.; **1859 г.**: O № 129. Сборник нотный. Из Хорасанской экспедиции 1857–1859 гг.; **1862 г.**: 1) Q № 12. Паремийник; 2) Q № 12а. Триодь; **1873 г. (?)**: Q № 2. Сборник произведений Пиндара и Эсхила. Из собрания А. Ф. Гильфердинга; **1878 г.**: Q № 19. Продолжение Хроники Георгия Амартола. От акад. А.А. Куника; **после 1882 г.**: O № 203. Проскинитарий. Рукопись принадлежала Православному Палестинскому обществу; **1900 г.**: 1) F № 5, л. 4–5. Евангельские чтения; 2) F № 5, л. 6. Деяния (?) апостола Петра; 3) F № 5, л. 7–7а. Беседа богословская; 4) F № 5, л. 8–8а. Евангельские чтения; 5) Q № 16. Литургический сборник; 6) O № 131. Сборник нотный. Все 6 рукописей – дар акад. Н.П. Кондакова; **1903 г.**: 1) F № 4. Симеон Метафраст. Минологий на ноябрь; 2) F № 6, л. 3. Минея на апрель; 3) F № 6, л. 9–9а. Синаксарь на март; 4) Q № 14. Сборник; 5) Q № 15. Сборник; 6) Q № 18. Сборник; 7) Q № 285. Литургический сборник. Все 7 рукописей — дар В.Н. Бенешевича; **1907 г.**: 1) O № 185. Сборник писем Александра и Николая Маврокордато; 2) O № 186. Евхологий. Обе рукописи поступили в БАН от вдовы П.А. Сырку; **1910 г.**: 1) Собр. И.И. Срезневского, № 53. Житие Иоанна Златоуста; 2) Собр. И.И. Срезневского, № 72. Сборник; **1911 г.**: Q № 10. Григорий Богослов. Беседы. Дар профессора Новороссийского университета И.А. Линниченко;

1936 г.: 1) Собр. Н.К. Никольского, № 3. Псалтирь; 2) Собр. Н.К. Никольского, № 85. Бенедикт Нурсийский. Устав ордена бенедиктинцев.

4. С. 57–58. Мы даем здесь отсылку к русскому переводу книги И.Г. Бакмейстера, увидевшему свет в Санкт-Петербурге в 1779 г. Первоначально работа вышла по-французски (*Bacmeister J. Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de Curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint Petersburg*, SPb., 1776), а через год после этого — по-немецки (*Versuch über die Bibliothek und die Naturalien und Kunst-Kabinet der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg*, SPb., 1777).

5. *Muralt E. v. Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz, Glykas, Aristoteles und seiner Erklärer nebst Notizen aus der spätgriechischen Literatur* // *Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*. T. III. 1847. Col. 165–174.

6. *Catalogi duo Codicum Manuscriptorum Graecorum, qui in Bibliotheca Synodali Mosquensi asservantur, anno 1722 mense Martio ab Athanasio Schiada... inspecti et examinati...* In *Typographia Mosquensi, Anno MDCCXXIII*. P. 34, 42. Предположение М.А. Шангина, будто эти две рукописи, привезенные Арсением Сухановым в 1655 г. с Афона, не вошли в состав Патриаршей / Синодальной библиотеки, но, возможно, стали личным достоянием Суханова (см.: *Шангин М.А.* Академическая рукопись Григория Назианзина // *Известия Академии наук СССР. VI серия.* 1927. Т. 21. Вып. 6. С. 998), таким образом, не подтверждается.

7. *Тюрина Г.А.* Из истории изучения греческих рукописей в Европе в XVIII – начале XIX в. *Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811)*. М., 2012. С. 287, 341.

8. *Тюрина Г.А.* Из истории изучения греческих рукописей в Европе... С. 287. По-видимому, в своем издании Григория Назианзина 1780 г. Маттеи не упоминает никакого Петербургского списка этого автора (на что наше внимание любезно обратила Г.А. Тюрина) потому, что в Библиотеке Академии наук в 70-х гг. такой рукописи еще не было.

9. *Muralt E. v. Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz, Glykas, Aristoteles...* Col. 165–167.

10. См. выше, прим. 4.

11. *Tsourkas C.D.* *Germanos Locros, archevêque de Nysse et son temps (1645–1700)*. Contribution à l'histoire culturelle des Balkans au XVIIe siècles. Thessalonique, 1970.

12. *Ibid.* P. 57.

13. *Тюрина Г.А.* Из истории изучения греческих рукописей в Европе... С. 235.

14. О нем см.: *Турилова С.Л.* Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в. («Скаска» переводчика и архивариуса Коллегии иностранных дел Моисея Арсеньева) // *ПКНО* 1989. М., 1990. С. 10–15; *Турилов А.А.* Арсеньев Моисей Иванович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1. А–З. СПб., 1992. С. 112–113; *Лукичев М.П.* К истории русского просвещения конца XVII в. (Итальянская школа братьев Лихудов) // *ПКНО* 1993. М., 1994. С. 18; *Фонкич Б.Л.* Моисей Арсеньев. К истории изучения греческих документов в Москве в первой трети XVIII в. // *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 445–448.

15. Точно такое же явление — распыление крупной библиотеки выдающегося церковного деятеля конца XVII в. Герасима Влаха — наблюдается в другом центре греческой культуры, в Венеции, и почти в то же самое время: из 1115 названий описи 1683 г. к 1724 г. сохранилось менее 200 книг; см.: *Τατάκης Β.Ν.* Γεράσιμος

Вλάχος ό Κρης (1605/7–1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία, 1973. Σ. 28.

16. Фонкич Б.Л. О происхождении Ленинградского списка Хроники Михаила Глики // Фонкич Б.Л. Исследования по греческой палеографии и кодикологии. IV–XIX вв. М., 2014. С. 578–589.

17. Для XVII в. известны два Парфения, митрополита Эноса — в 1601 и 1652 гг. (см.: *Αποστολόπουλος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ.* Η Νομική Συναγωγή του Δοσιθέου. Μία πηγή και ένα τεκμήριο. Αθήνα, 1987. № 357–358, 663–664). Не имея дополнительных материалов, мы в данном случае не можем решить, о ком из них идет речь.

18. *Vater F.* Zur Kunde griechischer Handschriften in Russland // *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik.* 9. Supplementband. 1. Heft. 1843. S. 5–11; *Muralt E.* v. Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz, Glykas, Aristoteles... Col. 167–169.

19. И.Н. Лебедева, не обнаружив в привезенной в 1655 г. с Афона рукописи F № 193 пометы Арсения Суханова, полагала, что этот кодекс был тогда же доставлен в Москву архимандритом Дионисием Ивиритом (см.: *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи с Афона в собрании Библиотеки АН СССР // *Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению.* II. Л., 1970. С. 273–276; *Она же.* Греческие рукописи. С. 86). Между тем, среди рукописей, привезенных Дионисием, мы не находим ни одной книги, которую можно было бы сопоставить с рукописью Орибасия (ср.: *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России... С. 163–170). Поэтому нужно сделать вывод, что рукопись F № 193 была привезена из Ивира Арсением Сухановым, отсутствие же в начале книги его пометы можно предположительно объяснить спешкой в работе русского монаха в святогорских библиотеках. Аргументом (хотя и весьма слабым) в пользу «сухановского» привоза этого кодекса Орибасия является то, что F № 193 происходит из собрания Максима Маргуния, а все доставленные в Москву его рукописи были отобраны в Ивире именно Арсением.

20. Судя по материалам описей и каталогов Патриаршей/Синодальной и Типографской библиотек последней четверти XVII–XVIII вв., рукопись Орибасия появляется в составе книг Типографии незадолго до 1723 г.: здесь ее впервые фиксирует Афанасий Скиада (*Catalogi duo Codicum Manuscriptorum Graecorum...* P. 62). С тех пор и до перемещения кодекса в Петербург он, по-видимому, постоянно находился в этой части Синодальной библиотеки. Предположение И.Н. Лебедевой относительно роли Х.Ф. Маттеи в изъятии списка Орибасия из Типографской библиотеки и его передаче Келеру (*Лебедева И. Н.* Греческие рукописи с Афона... С. 276; *Она же.* Греческие рукописи. С. 86) подтвердить едва ли возможно.

21. *Matthaei Ch.F.* Accurata codicum graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio. Lipsiae, 1805. P. 284–285.

22. Описание F № 240 см.: *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 114–115.

23. Там же. С. 55.

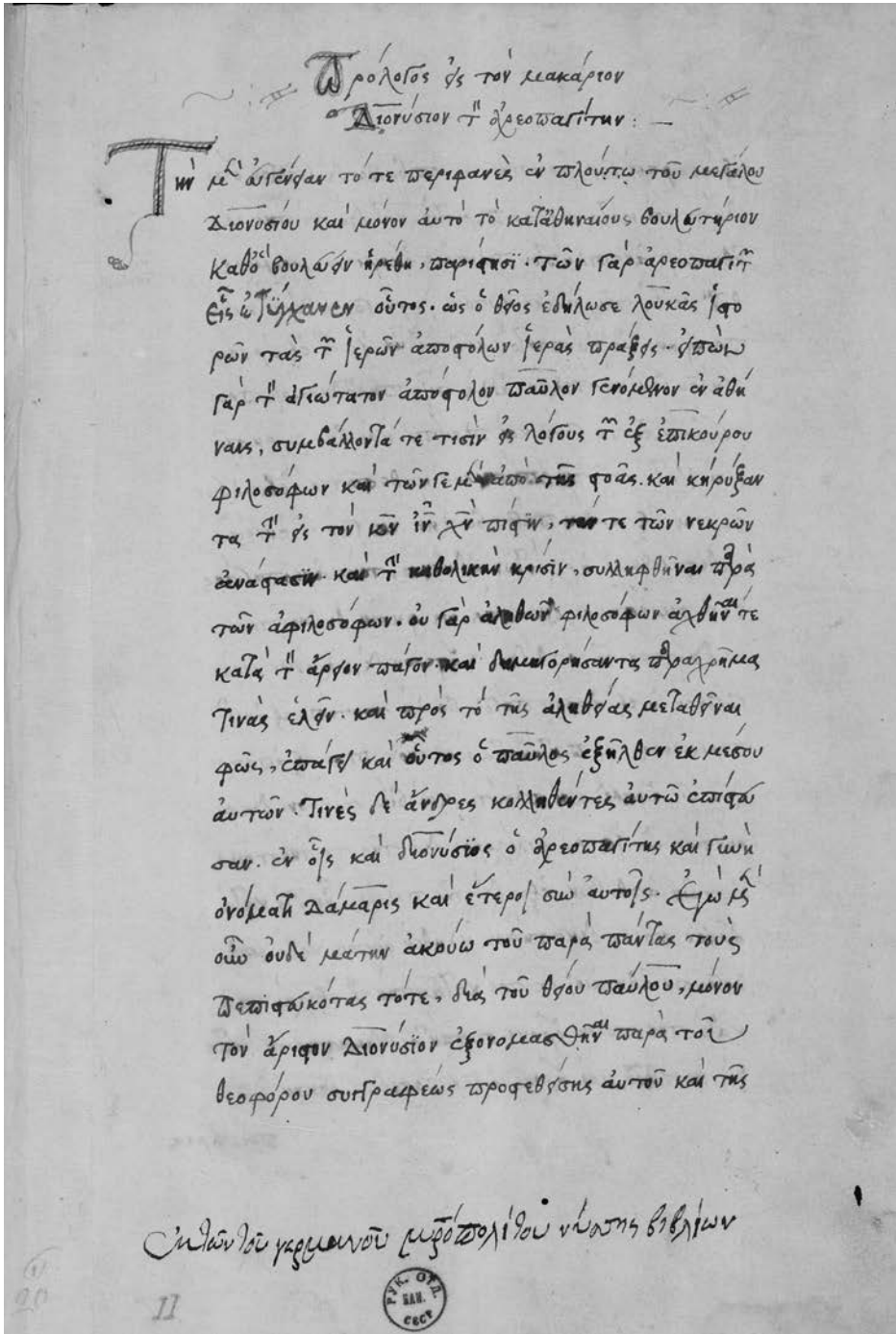

Рис. 7. БАН. F № 1. Л. 2.

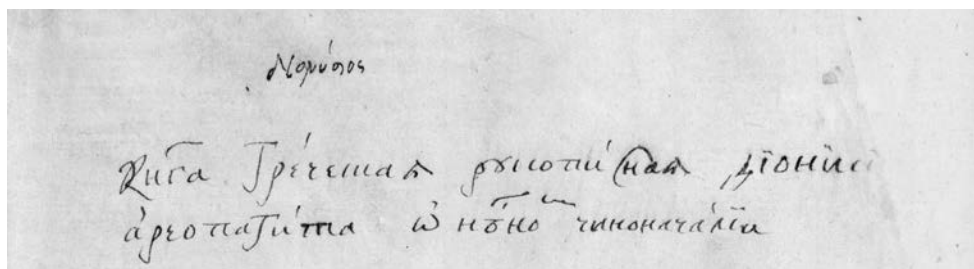

Рис. 8. БАН. F № 1. Л. 1 об.

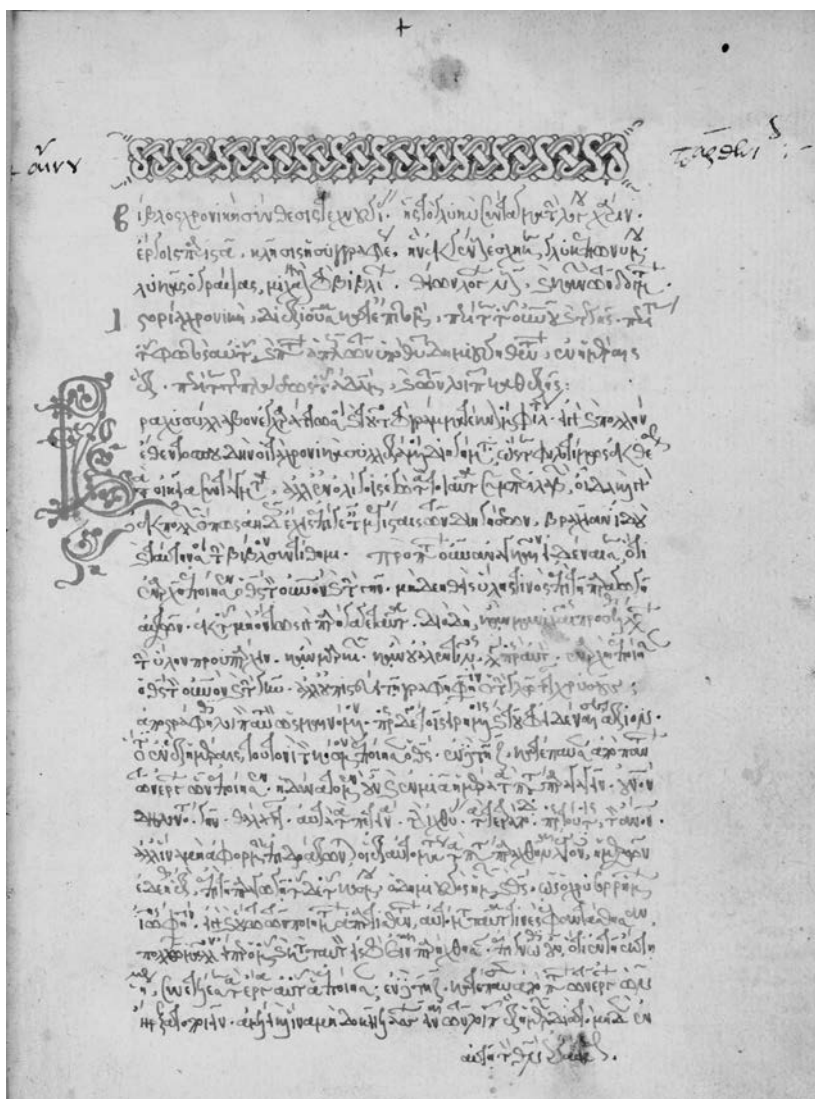

Рис. 9. БАН. Q № 7. Л. 9.

И.В. Поздеева

АРХЕОГРАФИЯ В ГОСУДАРЕВЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Триста лет, значительный срок не только с точки зрения краткой человеческой жизни, но и с точки зрения истории России: эти годы включают в себя несколько различных эпох, войны, революции, создание и распад Российской империи и Советского Союза, величайшие культурные события, важнейшие открытия во всех областях человеческих знаний. В течение этих долгих лет Библиотека Академии наук всегда была на переднем крае российской культурной истории. Поэтому выступить сегодня на этом научном форуме представляется мне честью и серьезным обязательством.

В 1804 г. был принят первый Устав, превративший Московский университет также и в научный центр России, однако из 28 кафедр только три на философском факультете были прямо историческими: всеобщей истории, статистики и географии; российской истории; теории изящных искусств и археологии.

Новый Устав дал университету право создавать научные общества. В том же году было создано Общество истории и древностей российских, во многом не только сумевшее ввести в науку десятки важнейших источников, но и значительно продвинувшее критику источников, правила их издания и изучения.

4 июня 1823 г. воспитанник Императорского московского университета будущий академик Павел Михайлович Строев прочитал в университетском «Обществе истории и древностей Российских» доклад «О средствах удобнейших к открытию памятников отечественной истории и успешнейшем способе обрабатывать оные» [1], сформулировав на века вперед основные задачи археологии. Принято называть Строева «отцом русской археологии», а 1823 г. – годом возникновения археологии как самостоятельной научной дисциплины. За плечами Строева был длинный путь становления российской исторической науки и параллельно – развития археологии, по крайней мере, с середины XVIII в. в трудах Императорской Академии наук, а с 1755 г. и Императорского московского университета.

На заседании общества в докладе «О средствах удобнейших к открытию памятников...» Строев говорил об археологии, как о науке «мало знакомой

обществу... и требующей многих и различных знаний». Он сформулировал основные задачи археографии, способы их решения, этапы археографических исследований. За плечами 27-летнего, уже достаточно известного ученого, были не только университетские знания, но и практический опыт совместных с К.Ф. Калайдовичем археографических экспедиций 1817–1819 гг., открывших сотни важнейших памятников, в том числе: Сборник кн. Святослава 1073 г., труды Кирилла Туровского, Иоанна Болгарского, хронику Амартола и ряд других.

Главнейшими задачами археографии, без решения которых невозможно сегодня представить изучение истории русской культуры, Строев считал: «Найти, извлечь, привести в известность письменные памятники нашей Истории и древней Словесности, рассеянные на обширном пространстве, от Белого моря – до степей украинских и от границ Литвы – до хребта Уральского» [2]. Поэтому предложенный им план археографических работ и задачи археографии актуальны даже сегодня – почти через 200 лет.

Автор считал, что эти задачи необходимо выполнить «постепенно, без лишнего спеха, с единой целью любви к Отечеству». Строев четко определил три этапа или, скорее, направления археографических работ. Первый этап – поиски древних памятников «путешествующими археографами», как он называл себя и своих единомышленников, то есть полевая археография. Второй задачей является обработка, изучение и описание собранных памятников и создание, говоря словами Строева, «общей систематически расположенной росписи, которая, при возможной краткости представляла бы самое полное и вернейшее описание всех где-либо существующих памятников нашей истории и литературы от времен древнейших до XVIII века». И эта «общая систематическая роспись (по изданию ее в свет), – говорил Строев, – будет надежным руководством всех занимающихся российской историей, она соделается необходимым зеркалом историков, критиков, библиотекарей и доставит собою ключ к обширному книгохранилищу целой России» [3]. Таким образом, вторым этапом российской археографии является археография описательная, или камеральная. Эта сформулированная П.М. Строевым всеобщая задача остается и сегодня пока еще несбыточной мечтой. В свое время Археографическая комиссия под руководством С.О. Шмидта привлекла к работе многие библиотеки и другие книгохранилища и выпустила совершенно необходимый, к сожалению, очень скромно изданный том описания самых древних кириллических книг (XI–XIII вв.) [4]. В 2002 г. издан, выполненный под руководством А.А. Турилова первый том описания рукописей XIV в., в который вошли только памятники в алфавитном порядке названий от «А» до «Е». К сожалению, боюсь, что мечта Строева и всех археографов за прошедшие без малого 200 лет, также пока остается неосуществимой.

Только после изучения каждого памятника и публикации их «росписи», по мнению Строева, должно последовать издание избранных текстов, то есть эдиционная археография. Ученый считал, что критическое издание памятников древней истории во многом изменит общественные взгляды на прошлое,

настоящее и будущее России. В этом «отец русской археографии» также, несомненно, был прав, и это произошло уже при введении в научный и общественный оборот находок его самого и его соратников первой половины XIX в., которые позволили многим наукам о Древней Руси сделать действительно громадный шаг вперед, удовлетворить особый интерес общества к российской истории после победы в Первой Отечественной войне.

П.М. Строев сформулировал и подробные планы проведения археографических поисков, их маршруты, очередность, предлагая начать с обследования Северных земель, где, как он писал «наиболее полно сохранились древние документы». Строев предлагал также тщательно обследовать и регионы старобрядческого расселения. В докладе говорилось о собирании старопечатных книг и об участии в археографических экспедициях студентов, то есть почти все, к чему пришла полевая археография второй половины XX в.

Не меньшее значение П.М. Строев придавал собиранию и описанию не только исторических, но также литературных и художественных памятников, которые должны явиться неотъемлемой частью наук о прошлом русского народа [5]. Таким образом, уже в первой четверти XIX в. были названы основные части археографии и их задачи: археографии полевой, описательной (камеральной) и эдиционной. Необходимо помнить, что сам Строев, его единомышленники и последователи относили к важнейшим задачам «путешествующих археографов» и поиски в архивах.

Что касается эдиционной археографии то она, несомненно, является венцом археографических работ, но издается крошечный процент письменных памятников, и, чтобы было что издавать, необходимо памятник обнаружить, описать, изучить, понять и оценить его историческое значение, и только затем станет очевидна важность или необходимость его критического издания. Поэтому «полная систематически расположенная роспись» древних письменных памятников и сегодня остается необходимой, хотя может иметь иные формы, чем то, что предполагал П.М. Строев. Однако недавно была снова возрождена идея, что все задачи археографии сводятся к подготовке критического издания памятников [6]. Однако эта попытка при зрелом размышлении и анализе дискуссии, возникшей по этому поводу в журнале «Отечественные архивы», была или оказалась в результате только эпатажем. Даже абсолютная уверенность автора в своей правоте ничего не изменила в представлениях научного общества о задачах и методах археографии; не ввела в оборот предложенные автором многочисленные новые термины или заново осмысленные существующие понятия. Польза от обсуждения идеи, несомненно, была, так как это заставило многих еще раз вернуться к планам П.М. Строева и продумать как задачи, так и термины археографических исследований на всех этапах работы с книжными памятниками.

Жизнь Строева, целиком отданная выполнению задач, поставленных им перед археографией, хорошо известна [7]. Важно только подчеркнуть, что именно настоятельные предложения и, главное, деятельность Строева привели к созданию в 1834 г. Археографической комиссии при Министерстве на-

родного просвещения, целью которой являлась задача поисков, описания собранных памятников, их изучение и последующая публикация.

Для Строева всегда было очевидным, что полевые находки не должны лежать без известности, результаты полевой археографии «путешествующий археограф» должен «обработать сам, или представить возможность другим выполнить эту работу». П.М. Строев разработал и предложил план дальнейшей общей работы, которая должна была обеспечить «отечественную Клио несметными богатствами» – древними памятниками истории и культуры.

Ближайшими соратниками Строева и известными археографами стали два воспитанника ИМУ – Константин Федорович Калайдович (1792–1832) и Яков Иванович Бередников (1793–1854). Калайдович работал вместе с П.М. Строевым, участвуя и в археографических поисках, в описании, изучении и издании найденных памятников. Талантливый и трудолюбивый он, как писали современники, обладал «железным терпением, столь необходимым в избранной им деятельности».

К.Ф. Калайдович в 15 лет поступил в Московский университет и закончил его в 1810 г. кандидатом словесных наук. В 1811 г. он был принят в члены ОИДР, участвовал в редакции второго–четвертого томов «Собрания государственных грамот и договоров», издал ряд древних памятников. В 1821 г. им было опубликовано первое, критическое для своего времени, издание трудов Кирилла Туровского.

Яков Иванович Бередников достаточно поздно нашел свое призвание в служении российской археографии. Он участвовал в двух археографических экспедициях Строева в 1828–1834 гг., заменив других его спутников, не выдержавших тягот полевой археографии. В результате этих экспедиций найдено более 3000 ценных источников. Позднее Бередников был редактором Археографической комиссии и получил звание члена СПб Академии наук. В дальнейшем созданная в Петербурге Археографическая комиссия, в которой, как правило, работали выпускники и профессора ИМУ, организовывала и проводила розыск в архивах, описание и издание некоторых из найденных документов.

Однако и в самом университете не был забыт опыт археографических экспедиций, но подход к собиранию исторических памятников и задачи этого собирания стали другими – фактически более узко тематическими, но высоко профессиональными: собирание и изучение памятников права, народной словесности, древнерусского искусства и др. И это очень важно, так как в ИМУ определенно проявилось желание и понимание необходимости комплексного подхода к прошлому России, точнее необходимость многостороннего представления о жизни и культуре народа. Этот подход к изучению прошлого определяется самим характером университетского образования и возможностями университетской науки.

В 1852–1853 и в 1856–1857 гг. воспитанник университета уже известный ученый, профессор, занявший после К.Д. Кавелина кафедру истории русского законодательства, Николай Васильевич Калачев (1819–1885) совершил,

связанные с поисками и изучением письменных источников, две длительных археографических экспедиции, обследовав губернии Центральной и Южной России. В своем отчете Ученому совету университета, он писал, что «успел подробно обозреть архивы в городах: Орле, Мценске, Владимире, Переславле, Юрьеве-Польском, Пензе, Саратове и ряде других», а также осмотрел библиотеки Иргизских старообрядческих монастырей. Ученый совет отмечал в годовом отчете, что «найденные документы заслуживают внимания, как материалы исторические и юридические». Большинство найденных памятников вошли в «Прибавления к актам юридическим», подготовленным Калачевым [8].

И сегодня сохраняют значение многие работы Н.В. Калачева, в том числе о сошном письме и писцовых книгах [9]. Калачев вел, как и многие профессора, широкую общественную деятельность: именно его трудами было создано Московское юридическое общество, он способствовал созданию Российского археологического общества и работе его съездов, публикации трудов которых, связанные с изучением письменных источников, нередко незаменимы и сегодня.

Вся жизнь Н.В. Калачева также связана с археографией. Закончив юридический факультет ИМУ, работал в Археографической комиссии, в московских архивах, был библиотекарем архива Министерства иностранных дел, защитил в Московском университете диссертацию о Русской Правде и опубликовал этот памятник по четырем спискам. В 1847 г. он был принят в члены ОИДР; после своих археографических экспедиций в 1858 г. переехал в Санкт-Петербург, а в 1859 – избран академиком. Как писали современники, Н.В. Калачев искал в памятниках прошлого «объяснение настоящего и путь в будущее российского законодательства». Он принимал самое активное участие в подготовке отмены крепостного права. Являясь академиком и сенатором, Калачев не оставлял мыслей о собирании народных юридических обычаев и в 1864 г. издал программу для этой деятельности [10].

Николай Васильевич Калачев добивался успехов на всех многочисленных поприщах своей деятельности не только в результате высоких ученых познаний и не менее высоких должностных постов, но своим удивительным обаянием и вниманием к людям.

К.П. Победоносцев написал о нем: «...Голова его работала непрестанно и работала всегда заодно с сердцем <...> Бог дал ему свойство простоты душевной, пособляющее входить в прямое искреннее общение с людьми...» [11].

Было бы трудно перечислить его труды во многих областях русского права, начиная с древнейших времен до второй половины XIX в. В контексте данной статьи необходимо напомнить, что Н.В. Калачев создал при Географическом обществе специальную Комиссию для собирания народных юридических обычаев. Сам Калачев издал ряд специальных исследований о юридическом быте крестьян XVII в., о волостных и сельских судах и артелях древней и современной ему России и многие иные. Свои знания древнего, в том числе и общинного права, Калачев удачно использовал, участвуя в создании нового законодательства и судопроизводства.

В 30–50-х гг. XIX в. представители гуманитарных наук в московском университете особое внимание обратили именно на собирание источников о прошлом России. Достаточно напомнить деятельность Петра Васильевича Киреевского, Михаила Трофимовича Каченовского, работы Федора Ивановича Буслаева, который в 1859 г. с громадным успехом представил и сегодня остающаяся классической работу «О народной поэзии в древнерусской литературе», а через два года вышли его знаменитые «Очерки русской народной словесности и искусства».

Во второй половине XIX и начале XX в. археографические работы вышли далеко за пределы двух российских столиц и центральных научных учреждений. Много сделали губернские Ученые архивные комиссии и земства. Необходимо вспомнить и собирание во всех концах России древних книжных и иконописных памятников старообрядцами, в значительной степени создавшими в XIX в. фонды наших музеев.

XX в. принес гибель, а не спасение многих древних книжных памятников: это сделали Первая мировая война, революция, повсеместный разгром монастырей и церквей, знаменитых усадебных библиотек. Однако многое было сохранено благодаря энтузиастам – сотрудникам музеев, библиотек, верующим людям, спасавшим в дни безвременья не свою жизнь, а драгоценные памятники прошлого. Работы же поиска и собирания древних книжных памятников в XX в. в СССР были реально развернуты только в послевоенное время, во многом благодаря двум ученым – академику М.Н. Тихомирову и доктору исторических наук В.И. Малышеву [12]. Широкие археографические работы вернулись в научную и общественную жизнь благодаря ученой, педагогической и общественной деятельности академика М.Н. Тихомирова, который добился восстановления в 1956 г. при АН СССР Археографической комиссии и способствовал развитию всех археографических исследований. М.Н. Тихомиров еще в 1918 г. спас книги иргизских старообрядческих монастырей. Эта поездка была совершена, действительно, с прямым риском для жизни, так как в этих местах еще шла гражданская война. Став председателем Археографической комиссии, ученый сразу же направил двух молодых выпускников истфака МГУ – А.И. Рогова, который в 60-х гг. значительно помог в подготовке археографических экспедиций библиотеки МГУ, и В.Б. Павлова-Сильванского в археографические экспедиции.

Михаил Николаевич для этих экспедиций подготовил специальную «памятную записку участникам археографических экспедиций в Бурятскую АССР 1959 года», некоторые положения которой о подготовке, организации, этике и задачах работ стали основой университетской полевой археографии XX в. [13].

Задачи и методы полевой археографии были разработаны и чрезвычайно успешно применены на практике В.И. Малышевым, создавшим ленинградскую школу полевой археографии и фонды Древлехранилища Пушкинского дома. Именно исследования В.И. Малышева и его труды [14] во многом помогли развернуть широкие полевые археографические работы ведущих музе-

ев, вузов и библиотек, которые всячески поддерживала и координировала воссозданная Археографическая комиссия.

В МГУ им. М.В. Ломоносова археографические работы начал в 1966 г. ОРКиР НБ МГУ под влиянием доклада А.Х. Горфункеля об участии в экспедициях В.И. Малышева Ленинградского университета [15]. К 1970 г. отдел пополнился 609 памятниками XVI–XX вв. В 1970 г. состоялась первая экспедиция в район Ветковско–Стародубовских старообрядческих слобод, где работы продолжились до создания в г. Ветке на базе коллекций Ф.Г. Шклярова Музея народного творчества, начавшего планомерное собирание и изучение народной культуры этого региона [16].

Став деканом исторического факультета университета, академик М.Н. Тихомиров создал в 1953 г. кафедру Источниковедения Отечественной истории, которую после Михаила Николаевича возглавил доктор исторических наук, а затем член академии Иван Дмитриевич Ковальченко. Именно при этой кафедре по инициативе ректора МГУ акад. И.Д. Петровского была создана археографическая группа (1971), со временем преобразованная в межкафедральную археографическую лабораторию. Это был чрезвычайно удачный выбор, так как творческая обстановка на кафедре, внимание к методологии и методике исторических исследований, преподавание вспомогательных исторических дисциплин сделало возможным с первых лет работы понимание полевых археографических работ как способа исследования традиционной народной культуры и ее основы – книги. Именно на Кафедре источниковедения была выработана и апробирована комплексная методика полевых исследований [17]. Первые результаты комплексных полевых археографических исследований опубликованы в сборнике 1982 г. под редакцией И.Д. Ковальченко [18].

Благодаря вниманию ко всем этапам археографических исследований академика Д.С. Лихачева, громадной работе Археографической комиссии под руководством С.О. Шмидта, деятельности Н.Н. Покровского и примеру В.И. Малышева многие педагогические и научные учреждения в разных регионах страны начали археографические полевые работы, собрав десятки тысяч памятников.

Университетские археографы сначала под влиянием общего увлечения считали своей целью собирание, затем изучение рукописных и печатных памятников кириллической традиции в среде их бытования, а позднее и изучение самой среды. Это потребовало начинать работы с предварительной археографической разведки регионов исторического старообрядческого заселения, и, в зависимости от уровня сохранности традиционной культуры, индивидуально для каждого из регионов разрабатывать программу комплексного археографического обследования [19].

Для этого этапа полевых археографических работ наиболее результативными были экспедиции МГУ в старообрядческие слободы, некогда окружавшие Ветковский монастырь, расположенные на стыке Украинской, Белорусской ССР и Российской Федерацией, в том числе на территории, ранее принадлежавшей польским магнатам панам Халецким. Этот важнейший с точки

зрения истории старообрядчества и интереснейшей своей самобытной традиционной культуры регион, впервые привлек серьезное внимание археографов, что было особенно важно, так как древняя библиотека монастырей была вывезена во время второй «выводки» Ветки, а документы приказной избы полностью сгорели.

Ветковско-Стародубовское рукописное собрание, созданное в результате экспедиций в ОРКиР НБ МГУ, представляется сегодня уникальным источником по истории ветковского или беглопоповского согласия старообрядцев, приемлющих священство [20].

Расширение задач полевых исследований потребовало включения в экспедиционный коллектив ученых иных специальностей; уже в работах на Ветке принимали участие известный лингвист О.А. Князевская, значительно способствовавшая становлению экспедиционного комплекса, и сотрудник ГТГ Э.К. Гусева [21].

Первая Всесоюзная конференция (1976) по полевой археографии, подготовленная Археографической комиссией, подвела впечатляющие итоги полевых работ [22] и приняла ряд решений, обеспечивших дальнейшее развитие полевых исследований: было подтверждено важнейшее решение Тихомировских чтений 1970 г. о разделении территорий полевых работ различных учреждений, признано оптимальным результатом собирания письменных памятников, создание региональных книжных собраний и коллекций, а также оптимальным форматом полевых исследований – комплексные работы в соответствующих регионах [23].

Значительные успехи собирания книжных памятников и фиксации иных аспектов традиционной культуры были получены благодаря тому, что в экспедициях работали люди, искренне и глубоко заинтересованные в понимании своих «благодетелей», как с первых лет мы называли старообрядцев, с которыми встречались (другие люди в экспедициях не задерживались). Мы все попали под обаяние этих глубоко верующих, трудолюбивых, открытых (если они вас приняли!) людей, особенно интеллигентных, если считать, что интеллигентность – это еще и умение (стремление) понять другого человека, помочь ему всячески. Конечно, когда речь идет о работе в старообрядческих регионах, то сначала вам должны были поверить. Но уж если вам поверили, то хозяева становились друзьями на годы. Их симпатия и доверие были нам очень дороги, а уход из жизни становился и нашей личной бедой.

Переход к комплексным исследованиям был совершенно естественным и с точки зрения самих полевых работ, так как первые же вопросы о найденных книгах выводили на проблемы образования, крюкового пения, судеб старообрядчества; знакомство с интерьером и хозяйством домов в старообрядческих деревнях заставляли понять ценность собирания и изучения памятников народного искусства и быта; услышанные духовные стихи и крюковое пение – покоряли [24].

Особенностью полевых работ 1971 – середины 90-х гг., благодаря которой университетские археографы добились серьезных успехов, являлась их орга-

низация: во-первых, это были официальные экспедиции, которые имели свой транспорт – грузовые машины большой проходимости с кузовом, оборудованным для далеких поездок; возможность включения в состав экспедиционных отрядов не работавших в университете специалистов, как правило, опытных ученых разных специальностей и, главное, в полевых работах продолжали участвовать люди, поехавшие в первый раз в экспедицию студентами второго-третьего курсов, становящиеся потом аспирантами и дипломированными учеными. Фактически в течение четверти века в экспедициях работал факультативный коллектив, в котором ряд участников работали в других учреждениях, ездили «в поле» в собственные отпуска, и студенты нового поколения имели опытных руководителей в каждом полевом отряде. С середины 90-х гг. полевые работы проводят только в форме производственной практики студентов, в которой не могут участвовать даже аспиранты, а о машине и специалистах пришлось забыть.

К началу XXI в. в ОРКиР НБ МГУ археографы передали почти 5000 кириллических рукописных и печатных книг XV–XX вв., составляющих два репрезентативных территориальных книжных собрания (Ветковско–Стародубовских слобод и Верхокамья) и 16 территориальных коллекций старообрядческой книжной культуры в ее догматическом развитии и территориальном движении [25].

В данном контексте достаточно напомнить, что рукописное собрание ОРКиР НБ МГУ, состоявшее ранее из 293 памятников, к 2006 г. увеличилось в результате экспедиционных находок в восемь раз, а собрание кириллических печатных книг на 1655 экземпляров 301 издания, среди которых пять так называемых «анонимных» изданий XVI в., 14 книг, напечатанных Иваном Федоровым (в том числе пять (!) Острожских Библий) [26].

В 1972 г. во время сплошной разведки Пермской области (ныне Пермский край) был открыт заселенный с конца XVII в. старообрядцами поморского согласия («выговцы») маленький район (60 на 60 км) у истоков р. Камы на стыке Удмуртии, Вятской и Пермской областей, получивший название первоначально Верещагинский, а после находки грамот, посланных сюда «в Верхокамье» Симеоном Денисовым в 30-ых гг. XVIII в. – Верхокамским [27].

Здесь среди болотистых лесов, малоплодородной глинистой почвы в районе «рискованного земледелия», бедных деревень и убыточных совхозов богатейшую культуру старообрядческих общин еще можно было зафиксировать как систему. Ежегодно в течение 30 лет здесь проводились комплексные археографические работы, во время которых были собраны или зафиксированы на различных носителях материалы, представляющие собой в определенном смысле кальку традиционной народной культуры общин местного старообрядческого крестьянства.

Участие в полевых работах с 1984 г. ПОКМ позволило создать в музее уникально полный фонд материальной культуры крестьянства Верхокамья. С.А. Димухаметовой подготовлен и Пермским музеем издан прекрасный альбом, посвященный традиционной материальной культуре Верхокамья [28].

Собранные материалы, сформированы и осмыслены как поливидовой территориальный архив традиционной культуры Верхокамья [29]. Он состоит из семи фондов: Верхокамское книжное собрание: – из 2 200 памятников, зафиксированных в Верхокамье, в ОРКиР НБ МГУ поступило около шестисот рукописных и печатных книг XV–XX вв. (их описание издано) [30]; фонд традиционной устной словесности, более тысячи номеров записей в нем переведены на электронные носители, а уникальный комплекс текстов и мелодий духовных стихов в переводе на пятилинейную ноту опубликован отдельной книгой [31]. Фотофонд, создаваемый с 1972 г. составляет более 2 500 фотографий и слайдов, всесторонне освещающих жизнь старообрядческих общин, также в большей части опубликован [32]. С 1996 г. создается фонд ТВ записей, в котором более 450 часов просмотра, в том числе уникальные записи поморского богослужения, крещения, отпевания, службы праздников; изготовление валенок, сита, туесов и многого другого. Все эти материалы объединяет фонд полевой документации – несколько десятков полевых дневников и «тетрадей находок», в которых зафиксирована (по определенной методике) вся многообразная работа комплексных археографических экспедиций и их находки.

К 2008 г. по этим материалам было опубликовано пять каталогов и более 130 научных исследований [33]. Таким образом, университетским археографам удалось разработать методику комплексных исследований традиционной народной культуры и осуществить многолетние исследования на практике.

Полевые работы 70–90-х гг. Археографической лаборатории были, действительно, комплексными, так как в них принимали участие археографы, историки, лингвисты, фольклористы, музыковеды, искусствоведы, этнографы, социологи, – сотрудники университета, АН СССР и ряда ведущих научных учреждений, в том числе и зарубежных – Ричард Моррис, Джон Салливан, Дуглас Роджерс и другие, именно им принадлежит заслуга археографических успехов.

В середине 90-х гг. в работу включились новые люди, ставшие основой новой археографической команды МГУ, которая ведет не менее интенсивные комплексные полевые работы в Республике Молдова, последняя поездка в которую студентов истфака и сотрудников лаборатории состоялась в 2015 г.

Археографические экспедиции в старообрядческие регионы показали, что традиционную культуру, начиная с XVII в. обслуживала именно старопечатная книга, прежде всего, донионовские московские издания. Это заставило систематически обследовать архив Приказа книг печатного дела (РГАДА. Ф. 1182), всесторонне и полно отражающий деятельность Московского печатного двора. Были установлены неизвестные ранее издания, которые дополнили незаменимую книгу А.С. Зерновой [34]: для первой половины XVII в. – это 12% всех ранее известных изданий, а для второй половины – 25%, были установлены точные тиражи изданных книг и указная цена в лавке Печатного двора (с 1632 г.) почти всех изданий XVII в., что позволило показать историческое значение раннего московского книгопечатания [35].

Например, с 1652 по 1700 г. напечатано 51 ранее неизвестное издание первоначального учебника грамоты – Азбуки на листу – общим тиражом 258 000 экземпляров и четверть миллиона других учебных книг. Ни одного экземпляра изданий этих Азбук в России не было известно, первое – 1686 г. – оказалось в собрании Ярославского музея–заповедника, именно оно же описано и в хранилищах Англии. Особенно важным для истории русской книги и книжной культуры стала возможность параллельного исследования издания по Архиву и его сохранившимся экземпляров на местах, что позволяет показать, какое место печатная книга в XVII в. занимала в жизни российского общества на различных территориях страны.

Для осуществления этого на рубеже XX и XXI вв. археографическая лаборатория МГУ начала новую форму археографических полевых и описательных работ, которая представляется в значительной степени продолжением полевой деятельности П.М. Строева. Эти работы также дают максимальные возможности подготовить профессиональных археографов уже в годы университетского обучения. К 2015 г. выявлены, изучены кириллические рукописи и старопечатные книги в регионах Российской Федерации, в которых не было специалистов вообще (или были единицы), профессионально работающих с древней книгой. Принципами этих работ стало обучение местных сотрудников и участие их на всех стадиях описания; просмотр *de visu* всех государственных фондов (а также при разрешении) церковной и личных библиотек, описание найденных материалов и издание этих описаний. Такие работы проведены или ведутся в Тверской, Ярославской областях и Пермском крае.

В 35 учреждениях 24 городов этих регионов найдены, описаны и описания изданы: одного экземпляра изданий XV в.; 31 издание в 88 экземплярах XVI в.; 455 изданий в 2138 экземплярах XVII в.; 455 издания в 839 экземплярах XVIII в. Издано описание 90 тверских рукописей XIV–XVI вв., описание 65 пермских рукописей XV–XVII вв. (описание вышло в свет в 2015 г.). Более 100 книг XVI–XVII вв. поступили в фондохранилища Ярославской области и Пермского края после выхода соответствующих Каталогов, в результате значительного оживления работы музеев и библиотек и интереса общества к древним книжным памятникам. Их описания будут опубликованы в двух новых каталогах.

Результаты вышеназванных работ опубликованы в восьми фундаментальных томах, напечатанных в регионах, общим объемом более 200 печатных листов, прекрасно оформленных черно-белыми и цветными иллюстрациями [36]. Для издания каталогов старопечатных кириллических книг была разработана и уже широко используется методика описания экземпляра как исторического источника, которая, кроме обычных сведений книговедческого характера, предполагает выявление, фиксацию, по определенным правилам, и систематизацию всей исторической информации книжного памятника, связанную с бытованием его в веках [37].

Начиная эту работу и публикуя сведения о ее организации и результатах на страницах научных изданий, мы надеялись, что другие университеты и

библиотеки в центре и на местах продолжают аналогичные описания в своих регионах России, что позволило бы, пусть и через два столетия, но приблизиться к решению задачи, сформулированной П.М. Строевым. Однако этого не произошло, но исторический факультет МГУ эти работы пока продолжает.

Кроме значительного объема исторических, книговедческих, краеведческих, просопографических, даже экономических и других материалов, информация о которых сконцентрирована в 10–11 аннотированных указателях к каждому каталогу, в них учтены тысячи имен владельцев, продавцов, покупателей и читателей книг, тысячи населенных мест, церквей и монастырей, где книги бытовали, почти полторы тысячи точно датированных записей и записей с ценами на книги. Наиболее интересный и новый результат сопоставления данных архива и описанных экземпляров в регионах в том, что удалось доказать наличие уже в середине XVII в. информации об издании фактически всех типографий, печатавших кириллицей и постоянного книжного рынка, охватывавшего, по крайней мере, Западную, Центральную, Северную Россию, Украину, Белоруссию и Литву [38].

Прежде чем вести работу по описанию кириллических фондов в регионах, была разработана программа подготовки специалистов на местах в форме школ-семинаров. Первая такая школа была проведена в начале 90-х гг. XX в. в Тверской области, VI-я – в 2006 г. в Ростове Великом. В течение первых лет работы в новом регионе занятия с сотрудниками местных фондохранилищ ведутся регулярно. В результате во всех трех регионах, где проводилось описание, подготовлены специалисты-профессионалы, ставшие полноправными авторами вышедших Каталогов.

Межкафедральная археографическая лаборатория исторического факультета раз в три года с помощью деканата факультета и ректората МГУ проводит широкие международные конференции, труды которых публикуются. Также вышло уже восемь томов нерегулярного издания лаборатории – «Мир старообрядчества».

Академик Д.С. Лихачев писал в приветствии I Всесоюзной конференции по полевой археографии: «археографией начинаются все науки, изучающие русскую культуру... и именно археография сохраняет будущим поколениям самое ценное в любой культуре, а в русской – особенно, – книги, рукописи, Слово» [39].

Археографы Императорского, а затем и Государственного московского университета всегда старались представить книжную культуру Древней Руси в соответствии с ее высоким предназначением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опубликовано: Северный архив. 1823. № 19. Ч. 8. С. 1–27; Труды и летописи ОИДР [М.], 1828, Ч.IV. Кн. 1. С. 277–301: См. *Софинов П.Г.* Из истории русской дореволюционной археологии. М., 1957. С. 102–103.
2. *Строев П.М.* О средствах удобнейших... С. 283–284.
3. *Строев П.М.* О средствах удобнейших... С. 294.
4. «Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. М., 1984. Продолжение Каталога, благодаря стараниям А.А. Турилова вышло только в 2002 г., это «Сводный Каталог славяно-русских книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии XIV в. М., 2002. Вып. I.
5. *Строев П.М.* О средствах удобнейших... С. 291–292.
6. *Козлов В.П.* Теоретические основы археологических позиций современности // ОА. 2001. № 1. С. 10–32; *Он же.* Приглашение к размышлению об археологии состоялось // ОА. 2002, № 6. С. 58–79; *Поздеева И.В.* Новые концепции эдиционного архивоведения // ОА. 2002, № 1. С. 37–62. См. в ОА за 2002; *Черных В.А.* Еще раз об объекте и предмете археологии // ОА. 2002. № 3. С. 24–28.
7. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878; *Корнева Н.Н., Тельман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археологии в дореволюционной России. М., 1969.
8. Отчет о состоянии и действиях ИМУ в 1852–1853 гг. [М., 1853]. С. 80–81.
9. *Калачев Н.В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850–1861. *Его же.* Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872.
10. *Калачев Н.В.* Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1864.
11. Русский биографический словарь. М., 1897. Т. «Чбак-Ключевский». С. 399.
12. *Мальшев В.И.* Задачи собирания древнерусских рукописей // ТОДРК. Т.Х. М–Л., 1964. С. 303–332; *Он же.* Усть-Цилемские рукописные сборники.
13. *Павлов-Сильванский В.Б.* М.Н. Тихомиров – организатор археологических экспедиций // А.Е. за 1970 г. М., 1971. С. 244–263; *Черков С.В.* М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // А.Е. за 1990. М., 1992. С. 206–209.
14. См. *Панченко А.М.* В.И. Мальшев как археограф // А.Е. за 1977. М., 1978. С. 214–218; *Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
15. См. *Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Задачи и результаты комплексных археологических экспедиций Московского университета в 1966–1986 гг. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археологических экспедиций МГУ 1966–1986 гг.). М., 1982. С. 11–30.
16. Необходимо сказать, что Ф.Г. Шклярков значительно помог университетским археографам и передал МГУ одну из своих рукописей.
17. Вопрос о комплексном характере экспедиций был поставлен на Тихомировских чтениях 1970 г. Н.Н. Покровским. См.: Тихомировские чтения 1979. Материалы научной конференции, посвященные опыту организации археологических экспедиций в РСФСР. М., 1970. В том же году была опубликована статья о практических результатах экспедиции СО АН СССР: *Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К.* Об археологических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // А.Е. за 1968 г. М., 1970; *Поздеева И.В.* Кафедра источниковедения исторического факультета МГУ и изучение русской традиционной куль-

туры // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 213–221.

18. Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1986 гг.): сб. / ред. И.Д. Ковальченко. М., 1982.

19. См: *Курносов А.А., Черных В.А., Шмидт С.О.* О состоянии и задачах советской полевой археографии // А.Е. за 1977. М. 1978 С. 3–14; *Поздеева И.В.* Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 103–115.

20. *Поздеева И.В.* Археографические работы Московского университета в районах древней Ветки и Стародубья (1970–1972) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 52–68.

21. *Гусева Э.К.* Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фонда Научной библиотеки Московского университета. М., 1976. С. 130–135; *Она же.* Памятники старообрядческой живописи XVIII–XIX вв. // **Русские письменные...** С. 151–161.

22. Проблемы полевой археографии. М., 1979. В книге опубликованы приветствия, тексты всех докладов, прочитанных на конференции и принятые решения.

23. *Тверская Д.И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1. С. 106–124 и др. Воспользуемся случаем, напомним о значительной роли в развитии полевых работ в 60–70-гг. XX в. безвременно погибшей Д.И. Тверской.

24. Необходимо отметить значение встреч 1972–1984 г. с Иваном Никифоровичем Заволоко, который особенно ценил и собирал, пропагандировал искусство духовных стихов в годы, когда об этом почти не думала.

25. См.: *Агеева Е.А., Смилянская Е.Б.* Находки археографических экспедиций, пополнявшие фонды МГУ (поступления 1984–1989 гг.) // Из фондов редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 236–249; *Панца А.Ф.* Приветствие конференции // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. I. Кириллическая книга в русской истории и культуре. Ярославль, 2008. С. 16–19.

26. См.: *Кобяк Н.А.* О научном значении книжных памятников, полученных НБ МГУ из археографических экспедиций // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. I. Кириллическая книга в русской истории и культуре. Ярославль, 2008. С. 53–62.

27. *Поздеева И.В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения Верхокамья // Русские письменные... С. 40–71.

28. *Димухаметова С.А.* Мир вещей русских крестьян XIX–XX вв. Из собрания Пермского краеведческого музея. Традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья: каталог. Пермь, 2010.

29. *Поздеева И.В.* Поливидовой территориальный архив традиционной культуры Верхокамья: История формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ. 1972–1998 гг.) // О.А. 2001. № 4. С. 24–35.

30. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. научной библиотеки Московского университета. М., 1980; *Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М.* Кириллические издания XVI век – 1641 год

Научной библиотеки Московского университета. М., 2000; *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Смелянская Е.Б.* Рукописи Верхокамья. XV–XX вв. в библиотеке Московского университета. М., 1994.

31. «Кому повем печаль мою». Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации. М., 2007.

32. См.: *Дадыкин А.В.* Фотоархив Верхокамья: состав, структура, особенности описания // Традиционная культура Пермской земли. Пермь, 2005.

33. Библиография опубликованных работ, см: *Клюшкина И.В.* Научные публикации археографов МГУ им. М.В. Ломоносова и участников комплексных полевых исследований – 1968–2007 гг. // Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья. Кн. II. М, 2008. С. 321–368.

34. *Зёрнова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958.

35. *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652. М., 2001; *Они же.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011.

36. *Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В.* Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век–1725 год): каталог / ред. И.В. Поздеева. Тверь, 2002; Кириллические издания XVI–XVII вв. в государственных хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2003; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1493–1652): каталог / ред. И.В. Поздеева. Ярославль, 2004; Кириллические издания XVIII века в хранилищах Пермского края: каталог. Пермь, 2008; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700): каталог. Ярославль – Ростов, 2012; Кириллические издания XVII века в собрании Переславского музея-заповедника: каталог. 2012; Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли: каталог. Тверь, 2012; Кириллические рукописи XV–XVII веков в хранилищах Пермского края: Каталог / ред. И.В. Поздеева, Ю.С. Белянкин. Пермь, 2014.

37. Методическое пособие для источниковедческого описания экземпляра кириллического издания издавалось пять раз, последний – *Поздеева И.В.* Описание экземпляров старопечатных книг кириллического шрифта. Методическое пособие: [изд. 5-е]. Ростов Великий, 2006. 56 с.

38. *Поздеева И.В.* Московская печатная книга второй половины XVI века в Ростово-Ярославском регионе // Современные проблемы археографии. СПб., 2012. С. 33–42.

39. *Лихачев Д.С.* [Приветствия Первой конференции по полевой археографии СССР] // Проблемы полевой археографии. М., 1979.

М.А. Курышева

МСТИСЛАВ АНТОНИНОВИЧ ШАНГИН – СОТРУДНИК БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

Имя ученика Ф.И. Успенского Мстислава Антониновича (Антоновича) Шангина (1896–1942) – филолога-классика, историка-византиста и палеографа сейчас известно лишь узкому кругу специалистов. М.А. Шангин родился в Иркутске 4 февраля 1896 г., закончил Иркутскую классическую гимназию в 1914 г., затем – Петроградские историко-филологический и археологический институты в 1918 г. Он прожил короткую жизнь, но оставил яркий след в науке как исследователь в редкой и мало кому доступной области изучения – греческой палеографии. М.А. Шангин был одним из первых, кто стал работать с греческими рукописями отечественных собраний. Он изучал историю рукописей, анализировал почерки писцов и разновременные и разноязычные записи в них, расшифровывал тайнописные заметки, транскрибировал и издавал греческие тексты. По его работам видно, что он был палеографом и историком исключительно высокой квалификации.

В рамках проекта «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» благодаря усилиям целого коллектива авторов под руководством И.П. Медведева в научный оборот введены личные фонды русских византистов [1]. Эти публикации служат отличным ориентиром для ознакомления с историей византиноведения в России XIX–XX вв. Жизнь и научная работа М.А. Шангина стали предметом специального исследования С.Н. Гуковой [2]. Помимо сведений о биографии ученого там приведен полный перечень его работ, опубликованных и оставшихся в рукописях.

Наши архивные изыскания позволяют внести некоторые уточнения и дополнения в реконструкцию биографии М.А. Шангина. В Архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» в Севастополе [3] и в Архиве РАН в Москве [4] нами обнаружены неизвестные материалы, позволяющие существенно скорректировать и дополнить картину научной и научно-организационной деятельности этого замечательного ученого [5]. В личном деле М.А. Шангина в АРАН впервые найдены его фотографии (рис. 1) [6]. До сих пор мы не знали, как выглядел этот замечательный ученый.

С самого начала своей научной деятельности М.А. Шангин придавал особое значение изучению греческих и латинских рукописей ленинградских собраний. В частности, он систематически исследовал рукописи Библиотеки Академии наук СССР, греческие рукописи Музея палеографии (собрание Н.П. Лихачева) [7]. Со временем Шангин стал одним из лучших знатоков греческих рукописей в России. С мая по август 1926 г. он занимался в библиотеках Ватикана и Парижа [8]. С октября 1925 г. по сентябрь 1927 г. был прикомандирован к БАН для научно-исследовательской работы «по исследованию греческих рукописей и библиотек Петра I, Алексея Петровича, Брюса, Винюса и Рескина...» [9]. С 15 сентября 1927 г. он сотрудничает в БАН на временной основе, а с 23 декабря 1927 г. начинает работать по совместительству как библиотекарь Отдела рукописей БАН, где официально числился до 1 ноября 1931 г. [10].

Но работа ученого была прервана: М.А. Шангина в 1929–1931 гг. в числе 86 обвиняемых, составивших т.н. «вторую группу», привлекли по т.н. «Академическому делу» [11]. Сведения о том, что Шангин хотя и привлекался к следствию, но был быстро отпущен, как и В.Е. Вальденберг, недостоверны [12]. После публикации в 2003 г. новых архивных данных [13] стало известно, что Шангина арестовали 14 ноября 1930 г. как «участника контрреволюционной монархической организации в Академии наук («дело историков»)» по ст. 58–11 УК РСФСР: в ходе допроса С.Ф. Платонов назвал М.А. Шангина в числе привлеченных им в монархическую организацию лиц из БАН [14]. С 1 ноября 1930 г. М.А. Шангин был уволен из БАН «по сокращению штатов» [15]. Он пытался оспорить свое увольнение на заседании Расценочно-Конфликтной комиссии (РКК) при Президиуме АН СССР 18 ноября 1930 г. Однако рассмотрение этого вопроса было отложено «ввиду неявки тов. Шангина на заседание РКК» [16].

Уже 10 февраля М.А. Шангин был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и оправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1932 г. ученый был освобожден из лагеря в г. Кемь с лишением на три года права проживания в 12 пунктах [17]. Показательно, что в анкетах личного дела в графе 32 на вопрос о привлечении к судебной ответственности М.А. Шангин отмечает, что «привлекался к академическому делу в 1931 г., но освобожден постановлением Президиума ЦИКа Союза в 1932 г. 19/Ш» [18]. После освобождения из лагеря он не имел постоянной работы, жил в Тамбове [19].

Возвращаясь к научным занятиям М.А. Шангина, следует сказать, что вплоть до ареста он систематически работал с греческими рукописями БАН. Фактически М.А. Шангин был первым, кто стал вводить в научный оборот информацию о греческих рукописях и содержащихся в них текстах этой коллекции [20].

М.А. Шангин изучал и датировал такие греческие рукописи БАН, как например:

- 1) Q № 9 (XX Aa/9) – пергаменный кодекс, содержащий Беседы Григория

Богослова. Отмечу, что ученый правильно датировал рукопись XI в., опираясь на свои наблюдения над минускулом, которым написан основной текст, и учитывая присутствующую в ней на л. 266 об.–267 пасхалию на 6590–6596 (=1082–1088) гг., а также пометы, некоторые $\acute{\upsilon}\pi\omicron\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ и схолии на полях, которые он относил к середине – второй половине XI в. [21]. М.А. Шангин обращал внимание не только на палеографию, кодикологию и чтение всех помет и записей, но его интересовала и история рукописи. Дело в том, что, по отмеченным Э.Г. Муральто в рукописи пометам Арсения Суханова [22] и Ватопедского монастыря, рукопись должна была быть привезена в 1655 г. в Москву с Афона и войти в состав Патриаршей библиотеки, а впоследствии – в коллекцию Государственного Исторического музея. Однако обстоятельства, при которых она оказалась в собрании БАН, а не в ГИМ, еще предстоит выяснить [23].

2) Q № 2 (XX Aa/II) – 1474 г., **сборник произведений Пиндара и Эсхила**, поступивший в БАН от А.Ф. Гильфердинга и исследованный академиком А.К. Науком в 1863 г. [24]. Дата рукописи 6982 г. (=1474 г.) расшифрована М.А. Шангиным из криптограммы писца красными чернилами на л. 94 об. [25].

Самым значимым вкладом М.А. Шангина как исследователя-палеографа стал подготовленный им последний, XII том **Каталога астрологических рукописей русских собраний** [26], завершающий фундаментальный международный научный проект по изданию рукописей астрологического содержания (*Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum – CCAG, 1898–1936*). Это серийное издание, инициированное Международной ассоциацией академий и возглавляемое Францем Кюмоном (Franz Cumont), началось в 1898 г. Вышедший в 1936 г. как завершающий это издание том его описаний 50-ти рукописей удостоился самой высокой оценки таких признанных специалистов, как члены Бельгийской Академии наук Ф. Кюмон и А. Делатт [27].

В Каталоге были использованы следующие греческие рукописи БАН:

1) O № 128 (XX Aa/I) – 1447/1448 г., **сборник, содержащий тексты Иоанна Каматира «О круге Зодиака»,** эксерпты из астрономического трактата Абу Машара, «Пирроновы положения» Секста Эмпирика. Этот пергаменный кодекс имеет владельческую помету Ивирского монастыря на Афоне. Рукопись впервые была исследована и датирована М.А. Шангиным по полуугасшей помете писца красными чернилами на л. 201 и по филиграням бумаги [28].

2) Q № 8 (XX Aa/8) – XVII в., **сборник разнообразных сочинений медико-астрологического содержания**, в том числе Галена, Льва Мудрого. Тексты подробно описаны и частично изданы М.А. Шангиным [29].

3) РАИК, № 161 – XVIII в., **сборник астрологических и гадательных текстов, толкования снов, приметы погоды** [30].

4) РАИК, № 173 – XVII в.; **в действительности под этим шифром в каталоге М.А. Шангина** подробно описаны содержащиеся астрономические и астрологические тексты л. 1–14 об. сборника поучительных слов РАИК, № 160, начала XVII в. [31].

5) Q № 17 (XX Aa/27) – ок. 1710 г., сборник богословского, исторического, географического, медико-магического содержания [32].

6) Q № 5 (XX Aa/5) – начало XVIII в., вопросы-ответы на темы «Физики» Аристотеля [33].

Фактически высланный в Тамбов Шангин в письме академику Владимиру Ивановичу Вернадскому 27 апреля 1933 г. описывает свою работу в «своеобразных тамбовских условиях». Он пишет: «...надежда поработать в столичных библиотеках меня поддерживает в моих занятиях. Теперь я особенно чувствую, что наука – это подлинная жизнь и что без интеллектуального труда нет вообще жизни» [34] (рис. 2). В одном из писем 1933 г. Шангин просит подействовать ему в том, чтобы «получить снимок (увеличенный) с листа 253 Академич. рукописи (in folio) XX Ab / III 1. На этом листе отмечены астрономические сочинения, бывшие в обиходе в XV веке» [35].

После увольнения из Института истории науки и техники (ИИНиТ) Академии наук СССР в 1936 г. Шангин не имел постоянного места работы. С апреля 1936 г. вместе со своей женой А.Ф. Вишняковой он был командирован по направлению Наркомпроса РСФСР в Херсонесский музей [36]. Там М.А. Шангин оказался крайне востребованным научным сотрудником высокой квалификации в условиях острой нехватки обученных кадров [37]. Весь проведенный в Херсонесе год он занимался активной научно-исследовательской работой в фондах музея. По плану музейной работы М.А. Шангин инвентаризировал эпиграфические памятники («граффити на эллинистической посуде»), курировал экскурсоводов и музейную библиотеку, комплектуя ее необходимыми для научной работы книгами и руководя составлением каталога книг. Несмотря на отсутствие в Крыму основного предмета его изучения – греческих рукописей, ученый находит и активно разрабатывает другие темы, близкие к его палеографическим интересам, – эпиграфические материалы.

Почти два месяца – февраль и март 1937 г. – Шангин проводит в научной командировке и отпуске «для работы по греческим рукописям» в Государственном Историческом музее в Москве и в Публичной Библиотеке в Ленинграде, во время которой он уполномочен музеем вести переговоры с администрацией БАН СССР о приобретении книг для музея [38]. М.А. Шангин становится ученым секретарем музея: в архиве сохранились автографы его черновиков официальных писем в Музейный Отдел Наркомпроса РСФСР и директору Библиотеки Академии наук СССР в Ленинград с просьбой прислать отобранные им из дублетного фонда БАН книги, необходимые для научно-исследовательской работы музея, в частности для написания истории Херсонеса (рис. 3). С просьбой ускорить пересылку книг Шангин обращается с письмом в книжный киоск АН СССР по адресу «В.О., Менделеевская линия, д. 1» (рис. 4), по-видимому, к своей знакомой по прежней жизни в Ленинграде – Елене Казимировне Гейдрих, которая в конце 20-х гг. была помощником библиотекаря и также проходила по «Академическому делу», после чего была уволена с прежнего места службы «с разрешением нижеоплачиваемой работы в системе Академии наук» [39].

В середине 1937 г. Шангин возвращается в Ленинград. В своей автобиографии он пишет, что с 1936 по 1939 гг. в Ленинграде «исполнял специальные работы», «работал по специальным темам» в Институте истории Академии наук – «греко-русские отношения, византийская политика на окраинах, политическая история Византии X в. и неизданные византийские материалы из собраний СССР. К январю 1939 г. относится его вторая попытка получить степень доктора наук без защиты соответствующей диссертации. Он получает отказ в присуждении докторской степени и решение Высшей Аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР об утверждении его в ученой степени кандидата филологических наук [40].

До своей смерти после тяжелой болезни в эвакуации в 1942 г. в г. Махачкале (вариант того времени: Махач-Кала) М.А. Шангин успел защитить докторскую диссертацию «Византийское книжное письмо» в Институте мировой литературы АН СССР в Москве весной 1941 г. Однако эта работа, подводившая итог его многолетним палеографическим исследованиям, была представлена к защите еще весной 1939 г. и встретила жесткое противодействие со стороны ленинградских коллег-византинистов [41]. Все трудности при её защите подробно описаны С.Н. Гуковой [42].

Мстислав Антонинович Шангин практически одним из первых отечественных историков в полной мере овладел и реализовал в своих исследованиях методику палеографического и кодикологического анализа греческих рукописей. Им сделан значительный вклад в изучение греческих рукописей русских собраний. Становление Шангина как палеографа произошло в стенах БАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. Подведение итогов см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2005; *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.

2. *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество // Рукописное наследие русских

византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 497–520; краткое изложение биографии М.А. Шангина имеется также в работе: *Тункина И.В.* Биографический словарь-указатель // *Бузескул В.П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 802.

3. Сердечно благодарю ученого секретаря музея Н.В. Гинькут и заведующую научным архивом Н.В. Красовскую за возможность доступа к документам по истории музея и постоянную помощь в работе.

4. Приношу благодарность сотрудникам Архива РАН и, прежде всего – заведующей читальным залом И.Г. Таракановой за неоценимую помощь при ознакомлении с этими материалами.

5. *Курьшева М.А.* М.А. Шангин — исследователь греческих астрологических рукописей русских собраний // Человек в мире религиозных представлений. Тезисы докладов и сообщений XIV Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь 27–31 мая 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 35–37; *Она же.* Византинист М.А. Шангин – сотрудник Херсонесского музея в 1936–1937 гг. // I Бахчисарайские чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщения Международной научной конференции (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.). С. 37–38; *Она же.* «The time is out of joint»: академик В.И. Вернадский и историк М.А. Шангин // Грани гуманитарного знания. Сб. статей. Курск, 2013. С. 435–440; *Она же.* Забытый Мастер: эскиз творческой биографии византиниста М.А. Шангина // Одиссей. Человек в истории. 2013. М., 2014. С. 364–387.

6. АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804 (Личное дело М.А. Шангина, 1939–1941 гг.). Л. 1, 11.

7. «Звучат лишь письма...»: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 55.

8. *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество. С. 499; со ссылкой на архивные материалы: ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 286. Л. 4, 5. Важно отметить, что впоследствии, в 30-е гг., М.А. Шангин никогда не упоминал своих зарубежных командировок: при заполнении личного листка по учету кадров 27.10.1939 г. в графе 19 на вопрос «был ли за границей» Шангин напишет «нет» (АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 1), так же он заполняет этот пункт в анкете от 08.06.1940 г. (Там же. Л. 9).

9. Как любезно указал нам А.Е. Карначев, такая информация содержится в материалах Санкт-Петербургского Архива РАН (ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926). Д. 24; Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5899).

10. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1878 (№ 921). Л. 1, 3, 5, 13; *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество. С. 498.

11. *Перченко Ф.Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235; *Брачев В.Н.* Служители академической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. С. 419–420, 444–445.

12. Закрепившееся в науке сравнение ареста М.А. Шангина с судьбой В.Е. Вальденберга (1871–1940) и вывод о том, что «репрессии их как будто не коснулись», см.: *Брачев В.Н.* «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1998. С. 3; *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 498; противоположную точку зрения о том, что М.А. Шангин был осужден, но отпущен не позднее 1934 г. см.: *Ростов А.* [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // Память: Ист. ст. Париж, 1981. Вып. 4. С. 483, 494; *Fonkič B.L., Poljakov F.B.* Schicksale der byzantinischen Philologie in Rußland im 20. Jahrhundert // La Filologia Medievale e Umanistica Greca e Latina nel secolo XX.

Atti del Congresso Internazionale. Roma, Consiglio Nazionale delle Ricerche. Università La Sapienza. 11–15 dicembre 1989. Roma, 1993. P. 767–819 (P. 802, 804, 807). Попытки А.Г. Грушевого объяснить «конструкции обвинения» с привлечением как будто бы сходных данных по М.А. Шангину, В.Е. Вальденбергу и А.И. Бриллиантову (1867–1930/33?), найти какую-то систему, здравый смысл в арестах представляются некорректными (*Грушевой А.Г.* А.И. Бриллиантов: история церкви и византиноведение // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 300–301).

13. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов... С. 496; ГАРФ. Ф. Р–8409. Оп. 1. Д. 650. С. 129–131; Д. 771. С. 134–138; АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804.

14. *Брачев В.Н.* Служители академической науки. С. 419–420, 444–445.

15. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1878 (№ 921). Л. 13.

16. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1878 (№ 921). Л. 14. За указание на эти сведения благодарю А.Е. Карначева.

17. Похожим образом по делу Академии наук был привлечен в 1930 г., осужден на 5 лет ИТЛ и освобожден из Белбалтлага по зачетам в 1933 г. вернувшийся в Ленинград историк и краевед Николай Павлович Анциферов (1889–1958) (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 416).

18. АРАН. Фонд. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 2 об., 10 об.

19. При описании дела № 1823 фонда В.И. Вернадского в Архиве РАН допущена неточность: письма М.А. Шангина написаны из городов «Тамбов, Ленинград, Крюков и др.», тогда как на самом деле они написаны из Тамбова, Ленинграда, Севастополя и Москвы. Неточность произошла из-за адреса отправителя — Шангин жил в Ленинграде по адресу: Крюков канал, д. 28, кв. 3.

20. М.А. Шангин изучал также и латинские рукописи БАН и написал о них две работы: Латинская астрологическая рукопись, принадлежавшая академику Г.В. Крафту // Доклады Академии Наук СССР. 1929. Сер. В. № 3. С. 39–44; Латинская парафраза из утраченного сочинения Маш’аллаха «Семь ключей» // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1931. Т. 5. С. 235–242.

21. *Шангин М.А.* Академическая рукопись Григория Назианзина // Известия АН СССР. 1927. Сер. 6. 21. № 12–14. С. 997–998. В более поздних описаниях эта рукопись неверно датируется более ранним временем (рубежом X–XI в.), иначе интерпретирован ее минускул; см.: *Гранстрем Е.Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 3. Рукописи XI в. // ВВ. Т. XIX. 1961. С. 196–198; *Лебедева И.Н.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Том 5. Греческие рукописи. Л., 1973. С. 23–26.

22. *Muralt E.v.* Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz, Glykas, Aristoteles und Erklärer nebst Notizen aus spätgriechischen Literatur // Bulletin de la Classe historique-philologique de l’Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. III. St.-Petersbourg, 1847. Col. 165–167.

23. Об этом см. статью Б.Л. Фонкича в настоящем сборнике.

24. *Nauck A.* Über eine dem Herrn A. v. Hilferding gehörende Griechische Handschrift // Mélanges Gréco-Romains tirés du Bulletin de l’Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome II. (1859–1866). St.-Petersbourg, 1866. P. 487–518.

25. *Шангин М.А.* Академическая рукопись Пиндара и Эхила // Известия АН СССР. 1927. Сер. 6. 21. № 3. С. 499–510; *Васенко П.Г.* Сербские записи на греческой рукописи XV в., принадлежащей Библиотеке АН СССР // Известия АН СССР. 1928.

Сер. 7. № 1. С. 27–44; *Turyn A.* The manuscript tradition of the tragedies of Aeschylus. NY, 1943. P. 43–44; *Гранстрем Е.Э.* Греческие рукописи БАН // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. М.–Л., 1958. С. 274–275; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 76.

26. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII. Codices Rossicos descripsit M. Šangin.* Bruxellis, 1936. VIII, 268 pp., 6 tabulae; каталог текстов и описаний астрологических рукописей сделан М.А. Шангиным на латинском языке, его автореферат на русском языке см.: *Шангин М.А.* XII том русских рукописей из «Каталога астрологических рукописей»: Автореферат // ВДИ. 1939. Т. 1 (6). С. 178–185.

27. Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Comptes-rendus. Bulletin d'Octobre-Décembre. Paris, 1936. P. 245; *L'Antiquité classique.* T. V. 1936. P. 485–487.

28. *Шангин М.А.* Греческий перевод Абу Ма'шара в рукописи Библиотеки Академии наук // Известия АН СССР. 1926. Сер. 6. 20. № 10–11. С. 907–916; *Shangin M.* Sextus Empiricus in einer Handschrift der Russischen Akademie der Wissenschaften // *Philologische Wochenschrift.* 1927. S. 217–220; *Шангин М.А.* Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по Академической рукописи // Известия АН СССР. 1927. Сер. 6. 21. № 3. С. 425–432; *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 3–6, 95–104; *Гранстрем Е.Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 7. Рукописи XV века // ВВ. Т. 31. 1971. С. 142, № 621; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 73–74. И.Н. Лебедева исправляет датировку М.А. Шангина на 1448 г., отмечая, что ни он, ни Е.Э. Гранстрем не обратили внимание на написание в колофоне писца «месяца ноября», что, таким образом, меняет дату написания кодекса (Там же. С. 73, примеч. 2). Прочтение записи привело нас к незначительной поправке: название месяца в ней практически не угадывается, в то время как ясно видно указание на «11 индикт», что, впрочем, соответствует 1448 г. (*Grumel V.* *La Chronologie.* P., 1958. P. 314).

29. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 6–9, 105–113.

30. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 47–48; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 153 (по филиграммам датируется 1731–1740 гг.).

31. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 48–50, 167; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи... С. 104–105 (по филиграммам датируется началом XVII в.).

32. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 57; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 176–177.

33. *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII...* P. 60–61; *Лебедева И.Н.* Греческие рукописи. С. 144 (по филиграммам датируется И.Н. Лебедевой концом XVII в.). В каталоге И.Н. Лебедевой нет ссылки на работу М.А. Шангина.

34. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 4–5 об.; о возможности его работы в библиотеках Москвы и Ленинграда в это время в течение 2–3 месяцев ходатайствовал помполит («Помощь политическим заключенным», 1918–1937), поскольку еще не истек его срок поражения в правах после лагеря (см.: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Sha.html> [просмотр от 08.04.2013]).

35. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823 (Письма М.А. Шангина В.И. Вернадскому, 1932–1941 гг.). Л. 3–3 об. (2 / III 33 г.)

36. Архив НЗХТ. Д. 391 (Личный состав 1935–1938 гг.). Л. 20 (направление Вишняковой от 23 марта 1936 г.), л. 21 (направление Шангина).

37. Из дневников В.И. Вернадского ясно, что Шангин при их встречах рассказывал о своем севастопольском опыте работы — «Херсонесский музей весь пострадал:

остались одни аспиранты. Важные ком(м)унисты, стоявшие во главе и с настоящим интересом — в странах дальних» (Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Отв. ред. В.П. Волков. Книга 1. 1935–1938. М., 2006. С. 305–306; в примечаниях допущена досадная неточность: комментаторы считают, что речь здесь идет о Бахчисарайском музее и о репрессиях среди крымско-татарской интеллигенции в 1937 г.).

38. Архив НЗХТ. Д. 876 (Материалы по личному составу. Выписки из приказов, удостоверения, справки, заявления: 19.02.1936–13.06.1937 гг.). Л. 94, 97, 98, 118–119.

39. Репрессированные библиотекари БАН, Списки «Комиссии по чистке аппарата Академии Наук», 1929 год <http://www.rasl.ru/science/akKomisiy.php>; http://www.rasl.ru/science/Acaddelo/acadrepress_1929.php [просмотр от 06.04.2013].

40. АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 8.

41. Например, в архиве В.И. Вернадского в фонде материалов «Картотека учебных» (выписки, заметки, газетные вырезки об отдельных деятелях науки, которых большей частью Вернадский знал лично или с которыми ему приходилось встречаться в своей жизни) есть карточка с именем М.А. Шангина. На этой карточке с собственноручной датирующей пометой Вернадского наклеена вырезка из газеты «Известия» от 19. XI. 1940, объявляющая о защите М.А. Шангиным докторской диссертации (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 198. Л. 152), которая тогда не состоялась; см.: Курышева М.А. «The time is out of joint»: академик В.И. Вернадский и историк М.А. Шангин. С. 435–440.

42. Гукова С.Н. М.А. Шангин: жизнь и творчество. С. 511–512, 516–519.

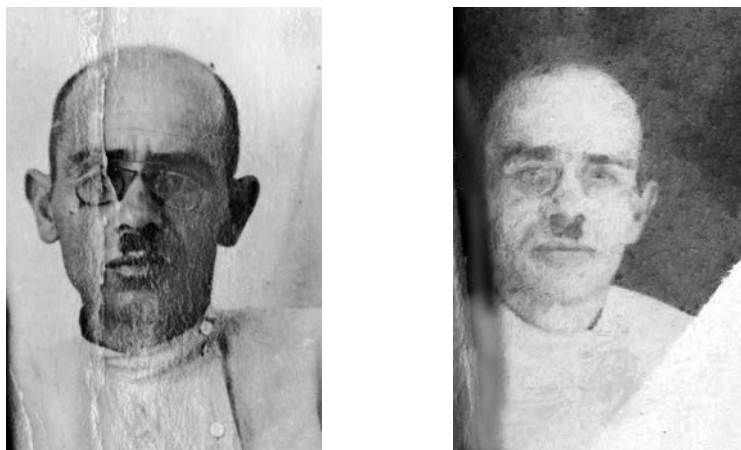

Рис. 1. Фотографии из личного дела Мстислава Антониновича Шангина (1896–1942). 27 октября 1939 г. – 6 февраля 1941 г. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 1, 11.

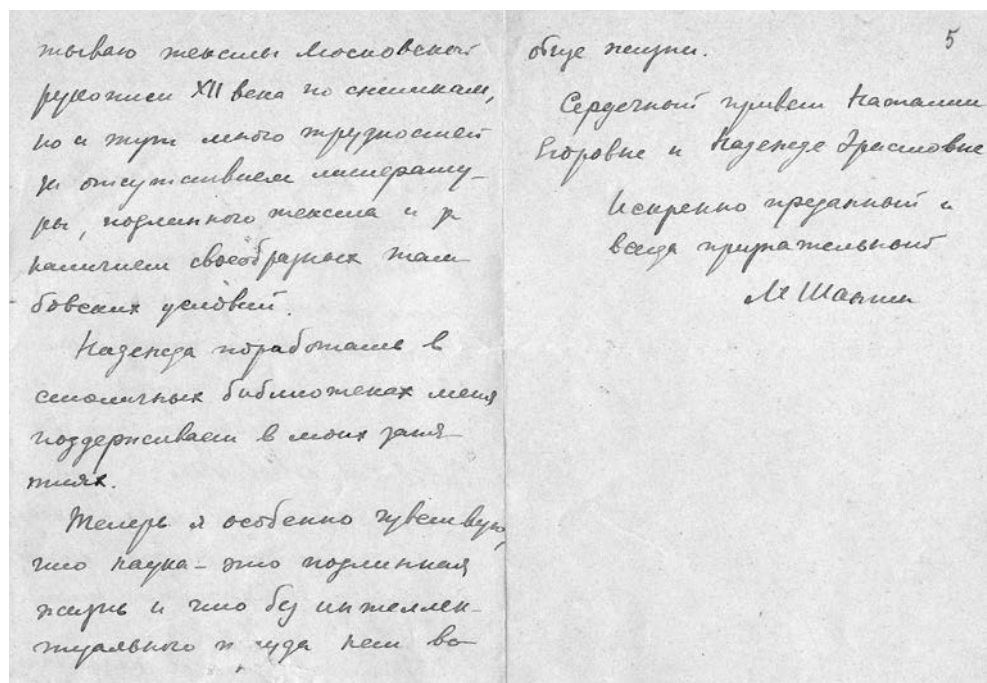

Рис. 2. Письмо М.А. Шангина В.И. Вернадскому из Тамбова, 27 апреля 1933 г. (РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 4–5 об.)

30
 Академик В. Менделеев как министр
 Императорского Высшего книжного
 М. Гусеве Книжничье дело
 Керченский музей просит нас
 усилить переписку / ^{нашею книжную библиотеку} ^{книж. в Керчи} адрес:
 Крым. Севастополь. Керченск. музей
 Книж. отдел. для музея.
 С уважением
 Г. Савремар М. Шангин

Рис. 4. Черновик письма М.А. Шангина в Книжный киоск издательства АН СССР
 Е.К. Гейдрих. НЗХТ. Д. 547. Л. 30. Автограф.

И.А. Вознесенская

ВСЕВОЛОД ИЗМАЙЛОВИЧ СРЕЗНЕВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Всеволод Измайлович Срезневский (1867–1936) – первый ученый хранитель рукописей Академии наук – оставил колоссальное научное наследие, которое до сегодняшнего дня не утратило своей актуальности. Основные направления его деятельности отражены в многочисленных публикациях. К сожалению, ни при жизни ученого, ни позже списка его печатных трудов так и не было составлено. Сегодня в рамках научно-исследовательской работы, посвященной биобиблиографии Отдела рукописей Библиотеки Академии наук, мы пытаемся исправить эту несправедливость.

Первой научной работой В.И. Срезневского стала подготовка к печати «Материалов для словаря древнерусского языка» его отца – И.И. Срезневского, которая длилась более 20 лет. Работа над Словарем ввела Всеволода Измайловича в обширную область памятников древнерусской письменности – исторических, философских, учительных, художественных. В возрасте 22 лет он опубликовал свою первую работу «Замечания к палеографическому снимку текста Русской Правды по Новгородской Кормчей книге XIII в.» (1889).

С самого начала работы в Рукописном отделении Всеволод Измайлович поставил себе задачу описать все накопления рукописей академической библиотеки. Новые поступления также описывались по методике, им самим разработанной. Срезневским были подготовлены и изданы «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук» (1902–1907, 5 томов), «Описание Рукописного отделения БАН» (1910–1930, 3 тома), «Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае» (1913). С начала 1890 г. Всеволод Измайлович совершил пять научных экспедиций для собирания рукописей. Результатом этих поездок стали сотни и сотни новых приобретенных, а точнее спасенных рукописей. Опубликованные им «Отчеты о поездках» дают представление о тщательности поисковой работы.

Важным направлением деятельности Всеволода Измайловича стало изучение творчества Л.Н. Толстого. Толстовский музей был открыт в 1911 г., в

1919 г. он стал подразделением Рукописного отделения. Срезневский руководил музеем до своего отстранения в 1929 г. Он издал два описания Толстовского музея в 1912 и 1913 гг., путеводитель – в 1928 г. Всеволод Измайлович руководил изданием «Толстой. Памятники творчества и жизни» (1917–1923); принимал участие в издании 15 томов «Полного собрания художественных произведений» Л.Н. Толстого (1928–1930), для которого написал около 15 авторских листов комментариев и примечаний; участвовал в издании Полного собрания сочинений Толстого, приуроченного к юбилею писателя в 1928 г. (закончено в 1958 г., 90 томов).

Среди работ Срезневского следует отметить биографические очерки о своем отце и о других ученых. Он опубликовал переписку отца, несколько биографических очерков, написанных И.И. Срезневским, тексты его неопубликованных работ.

Нельзя не отметить работы Всеволода Измайловича по библиографии. Он каталогизировал журналы и составил «Список русских повременных изданий 1703–1899 гг.» (1901), сверяя академический фонд периодики с фондом Публичной библиотеки. Его «Список...» является, по сути, первым полным списком газет и журналов, издававшихся в России. В 1914 г. вышла из печати другая крупная работа – «Издания церковной печати времени императрицы Елисаветы Петровны. 1741–1761».

Еще одним направлением деятельности стало собирание русской революционной литературы для Библиотеки Академии наук. Работа, которая послужила во многом и причиной печального финала его деятельности. В комнате № 14 библиотеки стояли шкафы с документами III отделения императорской канцелярии, корпуса жандармов, охранного отделения и т.п. Срезневскому было вменено в вину хранение этих документов. 7 октября 1931 г., проработав в БАН 38 лет, 62-летний Всеволод Измайлович подал заявление о выходе на пенсию.

Настоящий список печатных трудов В.И. Срезневского – это первый опыт библиографии ученого. Мы надеемся, что в скором времени этот список будет расширен.

1889

Замечания к палеографическому снимку текста Русской Правды по Новгородской Кормчей книге XIII в. СПб., 1889. 4 с.

1893

Вадим Васильевич Пасек и его письма к И.И. Срезневскому (1837–1839) // Русская старина. 1893. № 5. С. 377–402; № 9. С. 545–562.

Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века / издал Вс. Срезневский. Представлено в заседании Историко-филологического отделения 20 мая 1892 г. // Записки АН. Т. LXXII. № 5. СПб., 1893. 120 с.

Украинский альманах. Вс. Срезневского. Киев, 1893. 14 с.

1894

Письма Г.С. Сквороды к священнику Я. Правицкому (1785–1788). С вступит. ст. В.И. Срезневского // Библиограф. 1894. Вып. 1. С. 1–23.

1895

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель (1838–1842). СПб., 1895. 374 с.

1897

Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 г. / издал Вс. Срезневский. (Доложено в заседании Историко-филологического отделения 9 ноября 1894 г.) // Записки АН. Серия VIII. По Историко-филологическому отделению. СПб., 1897. Т. I. № 6. 12 с.

1898

Иван Евсеевич Срезневский. Биографический очерк // ЖМНП. Ч. CCCXVII. 1898. Июнь. С. 351–411.

1899

Из воспоминаний А.Х. Востокова о его детстве и юности // Русская старина. 1899. Т. XCVII. Вып. 3. С. 657–664.

Памяти А.А. Куника // С.-Петербургские Ведомости. 1899. № 21. 22 янв. (3 февр.). С. 2.

Сборники писем И.Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому. Сообщил В.И. Срезневский // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4. Кн. 4. С. 1411–1457.

Срезневский И.И. Обзор древних русских списков Кормчей книги / предисловие и подготовка к изданию В.И. Срезневского // СОРЯС. СПб., 1899. Т. 65. № 2. VI, 207 с.; 1 ил.

1900

Записки И.П. Котляревского о первых действиях русских войск в Турецкую войну 1806 года. [Журнал военных действий 2-го Корпуса войск под командою господина генерала от кавалерии и кавалера барона Мейндорфа]. По рукописи Императорской Публичной библиотеки. Сообщение В.И. Срезневского // Киевская Старина. 1900. № 12. С. 33–346.

И.Е. Бецкий – издатель Молодика // ЖМНП. Ч. CCCXXXII. 1900. Декабрь. С. 273–304.

1901

Заметки А.Х. Востокова о его жизни (с двумя портретами). Сообщил В.И. Срезневский // СОРЯС. СПб., 1901. Т. LXX. 114 с.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Академии наук // Известия АН. Серия V. Т. XV. СПб., 1901. С. 399–421.

Рецензия на сочинение Д.И. Багалея: Опыт истории Харьковского универ-

ситета (по неизданным материалам). Т. I (1802–1815) // Отчет о 41 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1901. 29 с.

Список русских повременных изданий 1703–1899 гг., с сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке Императорской академии наук. СПб., 1901. 1114 с.

1902

Заметки о стихотворениях А.Х. Востокова о его жизни. Сообщил В.И. Срезневский // Сборник памяти Л.Н. Майкова. СПб., 1902. 15 с.

Краткое описание рукописей XVIII в., переданных в дар Рукописному отделу Библиотеки Академии наук крестьянином А.А. Автономовым // Протоколы ОС Академии наук. СПб., 1902. № 2. § 50.

Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Вологодскую губернию (май – июнь 1901 г.) // ИОРЯС. СПб., 1902. Т. VII. Кн. 2. С. 232–272; Кн. 4. С. 128–245.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Академии наук // Известия АН. Серия V. Т. XVI. СПб., 1902. С. 01–094.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Академии наук // Известия АН. Серия V. Т. XVII. СПб., 1902. С. 035–045; 079–097.

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1900 и 1901 годах. В.И. Срезневского. Оттиск из Известий Императорской Академии наук. Т. XVI. № 2 (февраль 1902 г.). СПб., 1902. 88 с.

1903

Иван Петрович Котляревский // РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 331–337.

Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.) // ИОРЯС. СПб., 1903. Т. VIII. Кн. 2. С. 222–245; Кн. 3. С. 127–189; Кн. 4. С. 99–139.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Академии наук // Известия АН. Серия V. Т. XVIII. СПб., 1903. С. 01–019.

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1900 и 1901 гг. Приложение I-е. В.И. Срезневского. СПб., 1903. 197 с.

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1902 г. В.И. Срезневского. СПб., 1903. 109, XVIII с.

1904

Автографы Пушкина, поступившие в Библиотеку Академии наук в 1903 г. // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Т. 1. Вып. 2. С. 1–13.

Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь

1902 г.) // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. IX. Кн. 1. С. 183–246; Кн. 2. С. 96–161; Кн. 3. С. 41–104.

Поездка в Петрозаводск и Заонежье (июнь 1903 г.) // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. IX. Кн. 3. С. 19–36.

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1903 году. Оттиск из Известий Императорской Академии наук. Т. XX. № 1–5 (январь – май 1904 г.). СПб., 1904. 250 с.

1905

Автографы графа А.К. Толстого. (Собрание Академии наук) // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. X. Кн. 4. С. 259–280.

К истории издания Известий и Ученых Записок Второго отделения Императорской Академии Наук (1852–1863). По архивным данным составил В.И. Срезневский // СОРЯС. Т. LXXX. СПб., 1905.

Климовский-Климов, «казак стихотворец» и два его сочинения / публикатор и автор вступительной статьи В.И. Срезневский // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVI. Харьков, 1905.

Малорусская ода 1807 года // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVI. Харьков, 1905.

Описание мира от бытия и летописи собран от различных летописцев. Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями / под редакцией и с предисловием В.И. Срезневского. (Перед заглавием: Симеона Метафраста и Логофета). СПб., 1905. 241 с.

Описание собрания А.П. Воскресенского // Прот. ОС. 1905. № 11. прил. 3-е (к § 207). С. [1–2]. См. также: Прот. ОРЯС. 1905. № 7. § 19.

Отчет ученого хранителя рукописного отдела Академической библиотеки по описанию ее рукописей // Отчет ОРЯС АН за 1905 г. СПб., 1905. С. 54–55.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук // Известия АН. Серия V. Т. XXII. СПб., 1905. С. 037–048.

Охранная опись Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. I. Книги Священного Писания. СПб., 1905. 2 нenum., IV, 70 с.; 4 л. табл.

Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук. Памятная книжка Академии наук на 1905 г., исправлено по 1 июня 1905 г. [СПб.], 1905.

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1902 году. Приложение. Рукописи и книги, приобретенные В.И. Срезневским во время поездки в Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губернии. СПб., 1905. 273 с.

1906

Пушкинская коллекция, принесенная в дар Библиотеке Академии наук

А.А. Майковой // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 4. С. 1–38, 196.

Собрание автографов Пушкина, принесенное в дар Рукописному отделению Библиотеки Академии наук Е.А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой) // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 4. С. 39–46.

1907

Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1904 году. СПб., 1907. 403 с.

Сказание о молодце и о девице по сп. XVII в. Библиотеки Академии наук // СОРЯС. СПб., 1907. Т. XI. Кн. 4. С. 79–90.

1908

Бегунские стихи. СПб., 1908.

1909

[Записка В.И. Срезневского о передаче в БАН хранящихся в Санкт-Петербургском университете цензурных дел и архива Общества любителей словесности, наук и художеств. Важное значение сосредоточения этих собраний в БАН для Комиссии по изданию Академической библиотеки русских писателей] // Прот. ОС. 1908. № 10. § 208; 1909. № 2. § 41.

1910

Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. I. **Рукописи**. Т. 1. I. **Книги Священного Писания** и II. **Книги богослужебные** / сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. СПб., 1910. XVI, 525 с.

1912

Дополнения к описанию древлехранилища // Островский Д.В. Краткое описание церковных древностей Олонецкого епархиального церковного древлехранилища. Петрозаводск, 1912. С. 39–41. (Перепеч. из Олонецких епархиальных ведомостей за 1912 г.).

1913

Измаил Иванович Срезневский. Краткий биографический очерк. СПб., 1913.

Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. XXVIII, 688 с. (Рец.: А. Я. [Яцимирский А.И.] // Русский филологический вестник. 1914. № 2. С. 623–626.).

Толстовский музей в Санкт-Петербурге. Краткое описание музея / сост. В.И. Срезневский и В.Н. Тукалевский. СПб., 1913 (на обложке 1914). 64 с. (Фототипическое издание: СПб., 1912 г.).

1914

Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) / описали В.И. Срезневский и А.Л. Бем. Пг., 1914. 557 с.

Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского. Пг., 1914. (Отд. отт. из сб. «Памяти И.И. Срезневского»).

Первые сорок лет жизни и трудов Востокова. Per cuscum ad lucem. Чтения в Торжественном заседании Отделения Русского языка и словесности 23-го марта 1914 г. // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. XIX. Кн. 3. С. 59–79.

1915

Библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности И.И. Срезневского. Пг., 1915. (Отд. отт. из сб. «Памяти И.И. Срезневского». С. 333–406.).

Новые приобретения Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Т. II. Отд. III. С. 10–12.

Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук. I. Рукописи. Т. 2. III. Творения отцов и учителей церкви, IV. Богословие догматическое и полемическое и V. **Богословие учительное**) / сост. В.И. Срезневский и Ф.И. Покровский. Пг., 1915. VIII, 629 с.

1917

Записка об обширной коллекции литературных и исторических материалов, автографов писателей и др., собранной В.И. Яковлевым и переданной Рукописному отделению БАН // Прот. ОС. 1917. № 6. § 139. С. 117–120.

К истории создания Хаджи-Мурата // Толстой. Памятники творчества и жизни. I. Пг., 1917. С. 3–30.

Неизданные страницы из «Николая Палкина» / послесловие В.И. Срезневского // Былое. I (23). 1917. Июль. С. 13–15.

Неизданные страницы из «Николая Палкина» / послесловие В.И. Срезневского // Голос Толстого и Единение. IV. 4. 1917.

Не могу молчать (Первый набросок) / ред. и вводная заметка В.И. Срезневского // Издание Толстовского музея. Кн. 2. Пг., 1917. 19 с.

Сообщение В.И. Срезневского о коллекции В.Г. Дружинина // Прот. ОС. 1917. № 2. Прил. (к § 66). С. 54–59.

Толстой. Памятники творчества и жизни. I / ред. В.И. Срезневский, А.Л. Бем. Пг., 1917. VIII, 234 с. (К современникам Толстого. От редакции В. Срезневский. 8 с.).

Толстой Л.Н. I. **Николай Палкин. II. Что можно и чего нельзя делать христианину** / под ред. [и с предисл.] В.И. Срезневского. Пг., 1917. 31 с. (Творения Толстого. Издания Толстовского музея в Петрограде. Кн. I.).

1919

Из «Украинской скарбницы» И.И. Срезневского // Известия АН. Пг., 1919. С. 752–764.

Отчет о командировке в Румянцевский Музей для приведения в порядок описи рукописей Л.Н. Толстого // Отчет о деятельности ОРЯС за 1919 г. С. 16–25.

Толстой Л.Н. И свет во тьме светит. Драма. По подлинным рукописям автора / под ред. [и с предисл.] В.И. Срезневского. М., 1919. VIII, 94 с.

1920

Из припоминаний об А.А. Шахматове в Академической библиотеке // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV. С. 243–246.

Из черновики «Николая Палкина» – злодейства правителей (1886) / вступительная заметка и примеч. В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. II. М., 1920. С. 1–4, 6–7.

О личном элементе в драме Л.Н. Толстого «И свет во тьме светит» // Бир. Петроградских Государственных театров: сб. статей / под ред. А.С. Полякова. Пг., 1920 (на обл. 1921). С. 144–158.

Письмо к И.И. Панаеву от 6 октября 1856 г. / пояснения В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. II. М., 1920. С. 19–25.

Толстой. Памятники творчества и жизни. II / ред. В.И. Срезневский. М., 1920. 224 с.

1921

Библиотека Российской академии наук // Наука и ее работники. Пг., 1921. № 5. С. 17–21.

1922

Работы по изучению Толстого в 1920 г. // Начало. II. 1922. С. 294–300.

Хамовнический дом Л.Н. Толстого // Вестник литературы. 1922. II–III. С. 30–31, 38–39.

1923

Из дневника Т.Л. Толстой (Сухотиной) / заметка к дневнику В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. III. М., 1923. С. 64–74.

Л.Н. Толстой в Петербурге в феврале 1897 г. (По данным Петроградского охранного отделения) / предисловие и примеч. В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. IV. М., 1923. С. 185–197.

Отражение в русском обществе отлучения Л.Н. Толстого от церкви по сведениям департамента полиции / вступительная заметка В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. III. М., 1923.

[Отрывок из «Воскресенья»] Гл. LXXX (80) / примеч. В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. III. М., 1923. С. 84–88.

Переписка Л.Н. Толстого с В.П. Боткиным / вводная заметка и примеч. В.И. Срезневского // Толстой. Памятники творчества и жизни. IV. М., 1923. С. 3–87.

Письма Л.Н. Толстого к М.М. Лисицыну / сообщение и послесловие В.И. Срезневского // Альманах «Литературная Мысль». 1923. II. С. 199–205.

Толстой. Памятники творчества и жизни. III / ред. В.И. Срезневский. М., 1923. 41, XI с.

Толстой. Памятники творчества и жизни. IV / ред. В.И. Срезневский. М., 1923. 214 с.

1924

Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измайловичу Срезневскому (1891–1916 гг.) / Издание Отделения Русского языка и словесности Российской Академии наук. Л., 1924.

1925

К вопросу о принадлежности Л.Н. Толстому севастопольских песен // Альманах «Литературная Мысль». 1925. III. С. 387–392.

«Коневская повесть» Л.Н. Толстого. (К истории создания «Воскресенья») // Анатолий Федорович Кони, 1844–1924. Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 40–56.

1926

Библиографический указатель творений Л.Н. Толстого / сост. А.Л. Бем, с дополнениями В.И. Срезневского. Л., 1926. 129 с.

Шутка или трагедия? О «фарфоровой Софье Андреевне» / Мнение В.Н. (sic!) Срезневского о письме Л.Н. Толстого // Красная газета. № 23 (1027). 26 янв. 1926 г. Веч. вып.

1927

Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров. (К истории творчества Л.Н. Толстого, 1857–1858) // Толстой. 1850–1860. Материалы и статьи. Л., 1927. С. 42–72.

О военном журнале Л.Н. Толстого и его сотоварищей по армии (1854) // Толстой. 1850–1860. Материалы и статьи. Л., 1927. С. 29–41.

Собрание рукописей Г.Ф. Квитки. Л., 1927.

«Сон». Набросок Л.Н. Толстого. 1857–1858, 1863, 1864–1865 // Толстой. 1850–1860. Материалы и статьи. Л., 1927. С. 73–79.

Труды Толстовского музея АН СССР. Толстой. 1850–1860. Материалы и статьи / ред. В.И. Срезневский. Л., 1927.

1928

Канва жизни Толстого. Краткое извлечение из работы В.И. Срезневского «Нить жизни Толстого». Л., 1928. 39 с.

Толстовский музей. Ленинград: путеводитель / под ред. В.И. Срезневского. Л., 1928.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений / под ред. В.И. Срезневского. М.; Л., 1928–1958. (Репринтное переиздание: М., 1992).

1930

Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Т. 3. Вып. 1. VI. История / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. Л., 1930. 233 с. (Рец.: Перетц В.Н. // Труды Института Славяноведения АН СССР. Л., 1932. Т. I. С. 459–461).

1933

Об истории составления словаря древнерусского языка И.И. Срезневского. (Представлено академиком А.С. Орловым). Л., 1933. (Отд. отт. из «Известий Академии наук СССР». 1933. С. 705–728.)

Без года

Меншиковский архив. [Б.м., б.г.]. I. Бумаги светлейшего князя А.Д. Меншикова. 120 с.; II. Бумаги Мазепы и письма его сподвижников. 96 с. (216 с.).

[Описание архива Меншикова. СПб., б.г.]. 114 с. Предварительный оттиск. Издание не было закончено.

Толстовский уголок в Петрограде // Вестник литературы. XI (23). С. 14–15.

**ОПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ
И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Э.Н. Добрынина, Е.И. Морозова

КОДИКОЛОГИЯ И МЕТОДЫ РЕСТАВРАЦИИ ПЕРЕПЛЕТОВ
(Минея на август, РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 125
и Кормчая, ГИМ, Син. 132)

Как известно, в отдел научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря поступают на реставрацию рукописи из разных хранилищ, поэтому они не объединяются общими признаками: ни однотипными коллекционными переплетами, ни характером повреждений или позднейших вмешательств, ни материалами. В нашей практике каждый реставрационный «случай» уникален, требует выработки специальной методики реставрации и соблюдения особых условий в работе. Во многих случаях эти требования возникают лишь после того, как рукопись поступает на реставрацию, их обоснование опирается на результаты кодикологического исследования и истории бытования книги. Поэтому этап дореставрационных исследований традиционно рассматривается нами как наиважнейший, по объему и протяженности он обычно занимает треть полного цикла реставрационных работ и, несомненно, определяет их конечный результат. Зависимость метода реставрации рукописного памятника от выявленных особенностей его кодикологии (или шире – археологии) подтверждается на примере многих известных рукописей, отреставрированных в отделе (это Евангелие Симеона Гордого, РГБ, ф. 304/III, № 1; Морозовское Евангелие, ГММК, ГОП, инв. № 11056 и др.) [1].

Однако, осуществляя такой подход на практике, мы не делали его предметом специального рассмотрения. Дореставрационные кодикологические исследования в значительной мере влияют на последующий реставрационный процесс, в частности на реставрацию или реконструкцию переплетов. В настоящей статье этот аспект описан на примере двух древнерусских рукописей: Минеи на август конца XI – начала XII в. РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 125 и Кормчей 1280–1282 гг. [2]. ГИМ, Син. 132.

Находящаяся на реставрации с 2012 г. Минея на август происходит из второго по старшинству комплекта древнерусских служебных Минеи, который датируется концом XI – началом XII в. [3].

При реставрации Минеи на август было необходимо учитывать следующие ее особенности. Во-первых, кодекс был полностью лишен переплета,

шитье блока руинировано, связи между тетрадами разрушены (рис. 1а) [4]. Состояние нитей шитья указывало на невозможность их сохранения в блоке. Нити оказались деструктурированными настолько, что начинали ломаться и крошиться при попытке проверить их прочность и способность держать блок. Кроме того, продукты деструкции нитей, возможно, оказывали неблагоприятное воздействие на пергамен: в корешке тетрадей, в местах соприкосновения с нитями пергамен был сильно загрязнен, и загрязнения не удаляются при помощи органических растворителей. В связи с этим фрагменты нитей, после тщательной фотофиксации, были удалены из корешков тетрадей и помещены в специальные конверты для дальнейшего хранения отдельно от блока. После этого блок был демонтирован, тетради разобраны по листам.

Визуальный осмотр показал, что шитье Минеи осуществлялось по пяти треугольным пропилам в корешках тетрадей и являлось оригинальным; были заметны следы локальных чинок блока, но свидетельства о полной замене шитья отсутствовали. Иными словами, кодекс дошел до нас в своем первоначальном виде, не искаженном позднейшими ремонтами. Рукопись никогда не переплеталась вторично, благодаря чему и сохранила фрагменты первоначального шитья, профиль корешка и ширину полей.

Этот факт определил метод реставрации блока и существенно повлиял на проект переплета. Был выбран такой способ реставрации листов рукописи, при котором удалось сохранить оригинальный профиль корешка каждой тетради и блока в целом. После реставрации корешок кодекса по-прежнему сохраняет характерный грибообразный изгиб (рис. 2а, 2б).

Следующие мероприятия были направлены на воссоздание шитья блока и реконструкцию переплета. Редкой удачей при решении столь сложной реставрационной задачи стало наличие ближайших исторических аналогий августовской Минеи, а именно четырех кодексов из того же комплекта (РГАДА, ф. 381): Минеи на январь (№ 99), февраль (№ 103), апрель (№ 110) и июль (№ 121). Все рукописи имеют переплеты разной степени сохранности, в том числе детали оригинального шитья, капталов, переплетных крышек. Эти археологические фрагменты служат источником косвенной информации о конструкции утраченного переплета Минеи на август.

В Минеях на январь (№ 99) и на апрель (№ 110) поперек корешка отчетливо виден шов «цепочка» – традиционный прием византийских переплетчиков (рис. 3а). В верхней и нижней частях корешка каждой тетради рукописи № 125 имеются отверстия для крепления капталов (рис. 1б). Фрагменты оригинальных капталов сохранились только в январской Минеи № 99 (рис. 4б). Каждый каптал состоит из сердечника в виде толстых сдвоенных ремней из сыромятной кожи, оплетенных льняными нитями, при помощи которых он крепился к доскам и к корешку каждой тетради.

Две рукописи комплекта сохранили переплетные доски – Минеи на февраль № 103 (верхняя) и на апрель № 110 (нижняя, рис. 3б). Доски толщиной 7 мм обрезаны вровень с блоком, обрезы прямые, без желобков; на внешней стороне досок имеются углубления для нитей, которыми сшивался блок.

Принадлежность доски февральской Минеи к ее первоначальному переплету не вызывает сомнений. Относительно апрельской Минеи есть основания полагать, что она сохранила доску от вторичного переплета. В торцевых сторонах доски отсутствуют углубления и отверстия для пришивания капталов, в то время как в корешках тетрадей такие отверстия есть. Кроме того, в рукописи присутствует второй ряд сигнатур, проставленных взамен срезанных сигнатур первого ряда, что свидетельствует о перешивании блока (рис. 4а) [5]. Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения является тот факт, что на л. 16 имеется запись уставом XIII–XIV вв., сделанная переплетчиком Авксентием [6]. Почерк второго ряда сигнатур моложе почерка записи и предположительно датируется концом XIV – началом XV вв. [7]. Следовательно, сохранившийся переплет был выполнен не ранее этого времени.

Оригинальные застежки кодексов не сохранились до нашего времени. В Минее № 110 уцелел фрагмент кожаного ремешка, расположенный посередине переднего обреза, но он, вероятно, позднейшего происхождения. Покрытие переплета февральской Минеи полностью утрачено; на внешней стороне доски апрельской Минеи сохранился небольшой фрагмент холста.

На основании анализа археологических фрагментов кодексов, входящих в рассматриваемый комплект миней (переплетных досок, шитья и капталов) нами была предложена схема реконструкции утраченного переплета Минеи на август, которая предполагает:

- шитье блока по существующим пропилам льняными нитями в технике «цепочка»; толщина нитей определяется толщиной оригинальных нитей, извлеченных из корешка;

- установку досок в размер блока, без покрытия и застежек с тем, чтобы оставить корешок, сохранивший свой первоначальный вид, открытым и доступным для дальнейших исследований;

- отказ от воссоздания капталов. Располагая возможностью восстановить капталы в технике, аналогичной рассмотренным выше оригинальным капталам январской Минеи № 99, мы вынесли этот вопрос на обсуждение расширенного реставрационного совета. В ходе обсуждения было сформулировано решение о том, что реконструкция капталов при полном отсутствии их оригинальных фрагментов в августовской Минее и при существовавшем разнообразии техник их плетения носило бы фантазийный (вкусовой) характер и явилось бы излишним вмешательством в структуру памятника [8];

- создание съемного экзопереплета, покрытого снаружи кожей и снабженного парой застежек на переднем обрезе; функция экзопереплета – защищать открытый корешок от механических повреждений и не допускать деформацию блока.

Таким образом, предреставрационное кодикологическое исследование августовской Минеи, в результате которого была установлена принадлежность шитья блока к первоначальному переплету, привела к решению о минимальном вторжении в саму рукопись и о создании съемного консервационного переплета, не связанного непосредственно с памятником [9].

В случае Кормчей 1280–1282 гг., ГИМ, Син. 132 стояла другая задача – реставрация сохранившегося переплета. Состояние пергаменных листов на момент поступления в реставрацию оценивалось как удовлетворительное, не считая затеков олифы на первых листах и в корешке блока [10]. Переплет же находился в аварийном состоянии: корешок блока был покрыт толстым слоем столярного клея; кожа переплетного покрытия была сильно потерта; на корешке имелись трещины в местах крепления досок и на углах (рис. 5а).

Прежде чем приступить к проведению реставрационных мероприятий, было необходимо определить этапы формирования кодекса и связать с ними время установки последнего переплета. Для этого следовало, опираясь на комплекс кодикологических данных этого сложного рукописного памятника, историю его ремонта и позднейших вмешательств, изучить конструкцию переплета и прийти к заключению о датировке всех его элементов, включая сохранившееся шитье. Предложить методику реставрации, в особенности решить вопрос о допустимости демонтажа шитья и полной расшивке блока, представлялось возможным лишь на основе полученных данных.

Как всем известно, Кормчей 1280–1282 гг. посвящена обширная научная литература, однако ее переплету не уделялось пристального внимания; в каталожных описаниях он датируется широко – XV в., без каких-либо пояснений и уточнений, а вопрос о времени его установки на блок не соотнесен с составом рукописи [11].

Ниже излагаются краткие выводы об этапах формирования Кормчей списка 1280–1282 гг. с приведением фактов, которые не упомянуты в описаниях И.И. Срезневского, М.Н. Тихомирова, Я.Н. Щапова и др.

К первому этапу формирования книги относятся: три ряда оригинальных сигнатур, следующих друг за другом. На л. 1–246 об. сигнатуры (1–31) проставлены в начале и в конце тетради в правом нижнем и в левом нижнем углах соответственно (рис. 5б). Начиная с л. 247 счет тетрадей ведется заново, сигнатуры (1–27) проставлены посередине нижнего поля, в начале и в конце тетради (л. 247–462 об.; рис. 6а). Третий счет тетрадей открывается на л. 463; сигнатуры (1–21) проставлены в начале и в конце тетради, в левом нижнем и в правом нижнем углах соответственно (рис. 6б). Таким образом, кодекс содержит 79 тетрадей, условно разделенных на три блока тремя рядами сигнатур, отличающихся местом постановки. Как известно, сигнатуры проставлялись писцом для того, чтобы правильно собрать тетради в блок. Затем переплетчик обрезал блок и вместе с обрезками полей частично или полностью удалялись сигнатуры, что зависело от их расположения относительно краев листа.

Ко второму этапу в истории создания кодекса относится последняя тетрадь, 80-я по общему счету. Она имеет сигнатуру «22», входящую в третий счет и поставленную у корешка в начале тетради. Тетрадь, состоящая из 4 листов, датируется по палеографическим признакам серединой XIV в. и является позднейшим добавлением к уже существовавший кодекс [12].

На третьем этапе были осуществлены более масштабные работы по ремонту книги. Ранее не было отмечено, что в том случае, если бы последняя

22-я тетрадь была просто приплетена к блоку, не было бы необходимости ее нумеровать. Постановка сигнатуры была необходима лишь при опасности перепутать тетради, иными словами – если блок расплетался и сшивался заново. В пользу этого заключения свидетельствуют также сигнатуры «13» (л. 559) и «19» (л. 607) третьего счета: по своим начертаниям они аналогичны сигнатуре последней тетради (рис. 7а). Совпадает их местоположение и характерная угловатая форма титла. Таким образом, три обнаруженные сигнатуры были проставлены на третьем этапе вместо первоначальных, которые были срезаны при установке первого переплета. В это же время обрез блока с трех сторон был тонирован красной краской (см. следы затеков на некоторых листах). К этому же этапу относится появление на полях кодекса закладок в виде пергаменных узелков (рис. 9а).

Во время предпринятого ремонта текст рукописи на многих листах был дополнен маргиналиями, написанными красной краской и содержащими заголовки статей; они датированы И.И. Срезневским концом XIV – началом XV вв. (рис. 7б) [13]. Палеография маргиналий (заголовков) и обнаруженных сигнатур трех тетрадей служит основанием для определения хронологических границ третьего этапа, а, следовательно, и датировки настоящего переплета Кормчей.

В истории рукописи существовал и четвертый этап [14]. Тогда была внесена правка черными чернилами по всему кодексу: написаны скорописью нижние колонтитулы и главы (И.И. Срезневский определяет их как «новый почерк» и «позднейшая приписка»). Одновременно с этими дополнениями, вероятно, в XVII в., были сделаны закладки из цветных шелковых нитей, сохранившиеся на многих листах (рис. 8б, 9б).

На основе наблюдений по кодикологии и этапам формирования Кормчей 1280–1282 гг. можно охарактеризовать стоящий на ней переплет следующим образом. Он относится к типу обиходных переплетов, бытовавших на Руси в XIV–XVI вв. [15]. **Время его создания и установки на рукопись** можно уточнить как конец XIV – начало XV вв. Блок сшит на шести сдвоенных сыромятных ремнях, концы которых выведены на внутренние стороны переплетных крышек. Внутренняя сторона верхней доски заклеена пергаменным листом с текстом дарственной записи 1526 г., написанной поверх затертых помет и рисунков XIV–XV вв. Под лист подведен кожаный фальц, к которому подклеены первые три тетради кодекса.

Одним из оснований для датировки переплета послужило внимательное рассмотрение отверстий для шитья блока. В корешке каждой тетради имеются небольшие просечки для шитья на одинарных ремнях. Однако в настоящее время блок сшит на сдвоенных ремнях через дополнительные проколы, сделанные симметрично по сторонам от каждой просечки. Следовательно, рукопись была первоначально сшита на одинарные ремни (для конца XIII в. это преобладающий способ шитья); однако из-за ее толщины ремни быстро изнашивались, шитье пришло в негодность, и при повторном переплете решили использовать сдвоенные ремни, для чего и сделали дополнительные проколы.

Таким образом, кодекс перешивался, но не более одного раза, что соответствует приведенным выше кодикологическим данным [16].

Учитывая уточненную датировку переплета Кормчей и ценность всех его сохранившихся элементов (включая шитье) для истории этого уникального памятника, реставрационные меры должны были быть сведены к минимуму, а именно: освобождению корешка блока от столярного клея и деликатному выполнению разрушенного шитья без его полного снятия и размонтировки блока. В процессе реставрации было необходимо составить схему расположения всех отверстий под шитье в корешке тетрадей, с тем, чтобы эта важнейшая информация об этапах формирования рукописи не осталась навсегда скрытой от дальнейших исследований под кожаным покрытием.

Для продолжения реставрации рукопись была передана в отдел научной реставрации Государственного Исторического музея. Реставрация была завершена в конце 2014 г. Насколько можно судить по внешнему виду рукописи, в процессе реставрации были проведены следующие мероприятия: 1) сплетен функциональный каптал из небеленых льняных нитей на шнуре; 2) отреставрировано кожаное покрытие переплета; 3) воссоздана утраченная металлическая фурнитура; 4) установлены застёжки [17]. Очевидно, что первоначальный проект, разработанный на расширенном ученом и реставрационном совете [18], в процессе реставрации был изменен. Некоторые решения, осуществленные в процессе реставрации рукописи, отступают, на наш взгляд, от принципов научной реставрации.

Речь идет, главным образом, о воссоздании утраченной металлической фурнитуры и об установке на рукопись «фантазийных» застёжек с процарапанным орнаментом, воспроизводящих некие современные существующему переплету образцы. Члены расширенного ученого и реставрационного совета (Ю.А. Грибов, Э.Н. Добрынина А.Л. Лифшиц, А.А. Турилов) высказывались категорически против восполнения недостающих жуковин на переплетных крышках. Что касается застёжек, то их функцию, по решению составителей первоначального проекта реставрации, мог бы с успехом принять на себя съёмный консервационный футляр, обеспечивающий, кроме того, дополнительную защиту кодекса. Застёжки следовало бы выполнить в условном стиле, ни в коем случае не имитируя случайные образцы, как это в итоге было сделано по завершении реставрации в мастерской Исторического музея. Подобные решения должны рассматриваться как недопустимое вмешательство в художественную структуру древнего памятника, имеющего сложную судьбу. Воссозданные детали, претендующие на имитацию подлинных, способны ввести в заблуждение не только зрителя, не сведущего в тонкостях реставрации, но порой и специалиста. Вопрос об установке капталов также является спорным: конструкция существующих досок свидетельствует о том, что при повторном переплетении рукописи капталы уже не восстанавливались, следовательно, кодекс большую часть своего исторического пути просуществовал без них, и они не соответствуют сохранившимся доскам (переплету) конца XIV – начала XV вв. В итоге, рассмотренные выше дополнения, сделанные в процессе

реставрации, представляют собой элементы подделки, а взятые в комплексе игнорируют выводы кодикологического исследования Кормчей, суммированного в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рукописям, прошедшим реставрацию в отделе, посвящено несколько выпусков в серии «Исследование и реставрация одного памятника», издаваемой ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря: Евангелие Успенского собора Московского Кремля. Сборник статей. Вып. 1. М., 2002; Деяния и Послания апостолов. Греческая иллюминированная рукопись 1072 г. из собрания Научной библиотеки Московского университета. Сборник статей. Вып. 4. М., 2004; Новый Завет с Псалтирью: греческая иллюминированная рукопись из собрания Государственного Исторического музея. Сборник статей. Вып. 10 (в печати).

2. Вопрос о датировке рукописи остается не решенным, т.к. запись с датой на л. 1 сильно потерта и полностью не читается. См. подробнее: *Щапов Я.Н.* К истории текста Новгородской Синодальной Кормчей // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 295–301; *Янин В.Л.* О дате Новгородской Синодальной Кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 289–291.

3. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. № 43. С. 83–84. Подробную библиографию см. в статье: *Морозова Е.И.* Кодикология и декорация служебной Минеи на август конца XI – начала XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 125). Исследование в процессе реставрации // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. М., 2013. С. 220–231.

4. В таком же состоянии длительное время пребывают и другие древнейшие памятники славянской письменности, например, Остромирово Евангелие, РНБ, Ф.п.1.5, и глаголическое Мариинское Евангелие, РГБ, Григ. 6.

5. См. л. 25. В правом верхнем углу листа видна оригинальная сигнатура, в центре нижнего поля – вторичная. Кроме того, об обрезании и перешивании блока свидетельствует срезанная маргиналия в верхней части правого поля л. 74.

6. В записи сообщается: «се азъ рабъ(ь) б(о)жи ѿξ(е)нтъ(и) преплолъ книги се». Описание апрельской Минеи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. № 41. С. 81–82; *Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР.* М., 1988. № 7. С. 44–46. В опубликованных описаниях кодекса сохранившаяся переплетная доска датируется XVI в. и не соотносится с записью переплетчика на л. 16; наличие второго ряда сигнатур не упоминается.

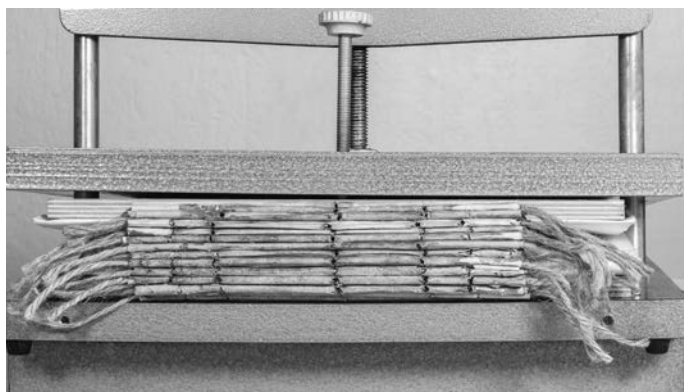
7. Благодарим за консультацию А.Л. Лифшица.
8. Протокол реставрационного совета № 34 отдела научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ от 25 ноября 2014 г.
9. Реставрация Минеи на август завершена в июне 2016 г. Об этом см.: Dobrynina E., Kotchetkov V. A multi-criteria approach to the preservation of religious heritage: research and restoration method for an Old Russian liturgical Menaion of the late 11th – early 12th c. // ESRARC 2016 – 8th European Symposium on Religious Art Restoration & Conservation / Eds. C. Pelosi et al. Firenze: Nardini, 2016. P. 82–84.
10. Налицо была общая всеорообразная деформация пергаменного блока по направлению от корешка к внешнему обрезу вследствие долговременного отсутствия застеежек. Спинка корешка с верхней доской и первыми тремя тетрадами были отделены от блока. Несколько тетрадей в середине и в конце кодекса выпадали из переплета; часть тетрадей отрывалась. Последняя тетрадь блока была приклеена к нижней крышке на коленкорный фальц.
11. Подробную библиографию см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. № 183. С. 207–210.
12. Там же. С. 207.
13. *Срезневский И.И.* Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. С. 85–112.
14. На л. 9 полууставом конца XV – начала XVI вв. красной краской дополнен титул статьи; иных правок этого времени в рукописи не выявлено (рис. 8а).
15. О древнерусских обиходных переплетах см.: *Мокрецова И.П.* Древнерусский обиходный переплет по материалам Синодального собрания в Российском государственном архиве древних актов // *Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация.* М., 2001. Вып. 19. С. 31–38; *Она же.* Средневековый книжный переплет. История, материалы и техника, принципы реставрации. М., 2005. С. 42–52.
16. Одновременно с заменой одинарных ремней на сдвоенные были заменены и переплетные доски. На это указывает наличие проколов для пришивания капталов в верхней и нижней частях корешков тетрадей, в то время как в досках необходимые в этом случае углубления под капталы отсутствуют.
17. Реставрация переплета выполнена Т.В. Авдусиной на высоком профессиональном уровне. К сожалению, ознакомиться с реставрационной документацией авторам статьи не удалось. Проводилась ли разброшюровка блока и если проводилась, то каким способом впоследствии осуществлялось шитье, нам неизвестно.
18. См. Протокол заседания реставрационного совета отдела научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ (№ 28 от 17.09.2013 г.).

Рис. 1а. Минья на август. РГАДА, ф. 381, № 125.
Общий вид кодекса при поступлении на реставрацию.

Рис. 1б. Минья на август. РГАДА, ф. 381, № 125.
Отверстия для пришивания капталов.

а)

б)

Рис. 2. Минья на август. РГАДА, ф. 381, № 125. Общий вид кодекса:
а) в процессе реставрации; б) после реставрации.

Рис. 3а. Миняя на апрель. РГАДА, ф. 381, № 110. Общий вид корешка блока.

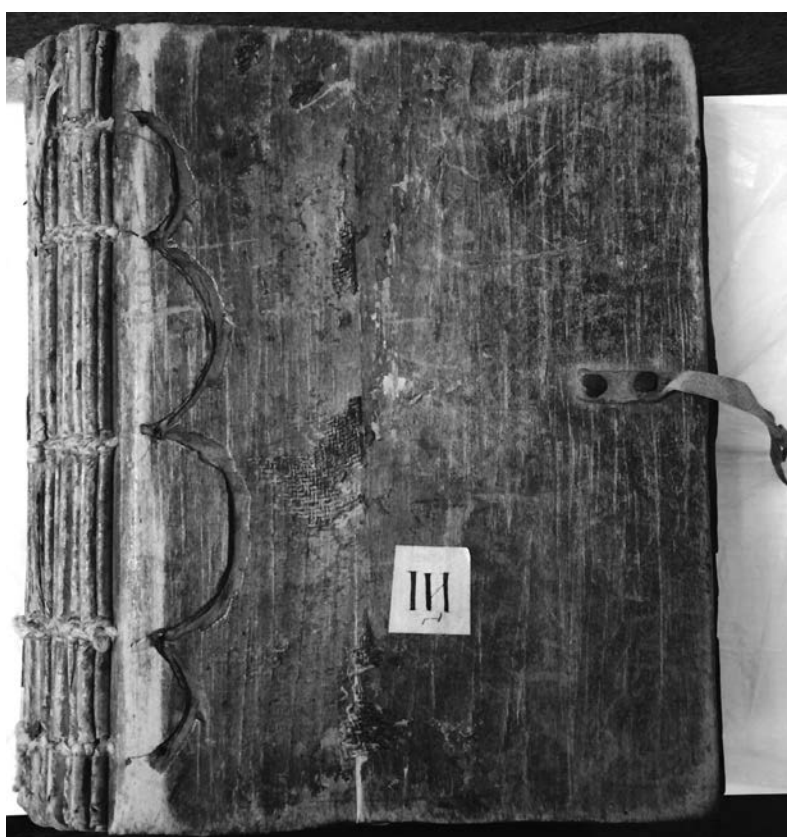

Рис. 3б. Миняя на апрель. РГАДА, ф. 381, № 110. Общий вид кодекса со стороны нижней переплетной доски.

Рис. 4а. Миняя на апрель. РГАДА, ф. 381, № 110. Л. 25 (фрагмент).
Два вида сигнатур: оригинальная (в правом верхнем углу)
и вторичная (в центре нижнего поля).

Рис. 4б. Миняя на январь. РГАДА, ф. 381,
№ 99. Вид нижнего каптала кодекса.

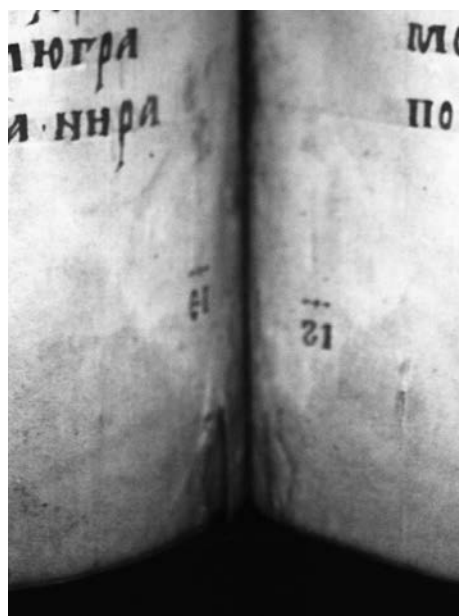

Рис. 5б. Кормчая. ГИМ, Син. 132.
Л. 120 об. – 121. Первый ряд сигнатур.

Рис. 5а. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Общий вид корешка блока.

Рис. 6а. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 310 об. – 311. Второй ряд сигнатур.

Рис. 6б. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 470 об. – 471. Третий ряд сигнатур.

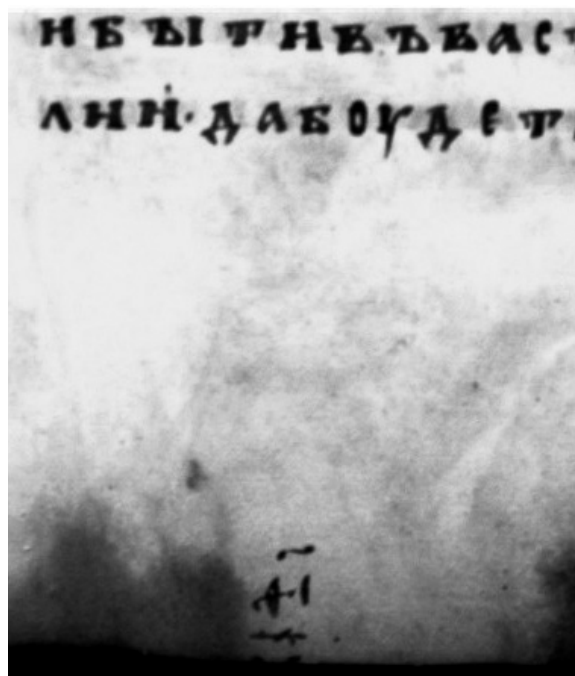
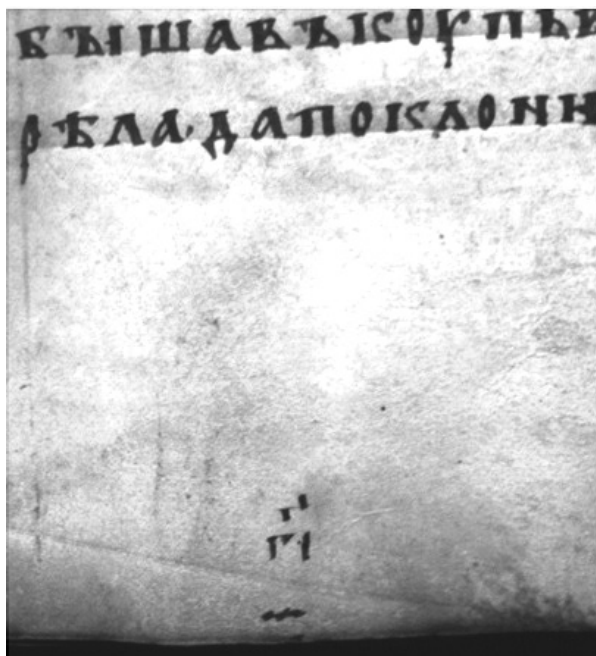

Рис. 7а. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Лл. 559, 607.
Вторичные сигнатуры на месте оригинальных, срезанных при повторном переплете.

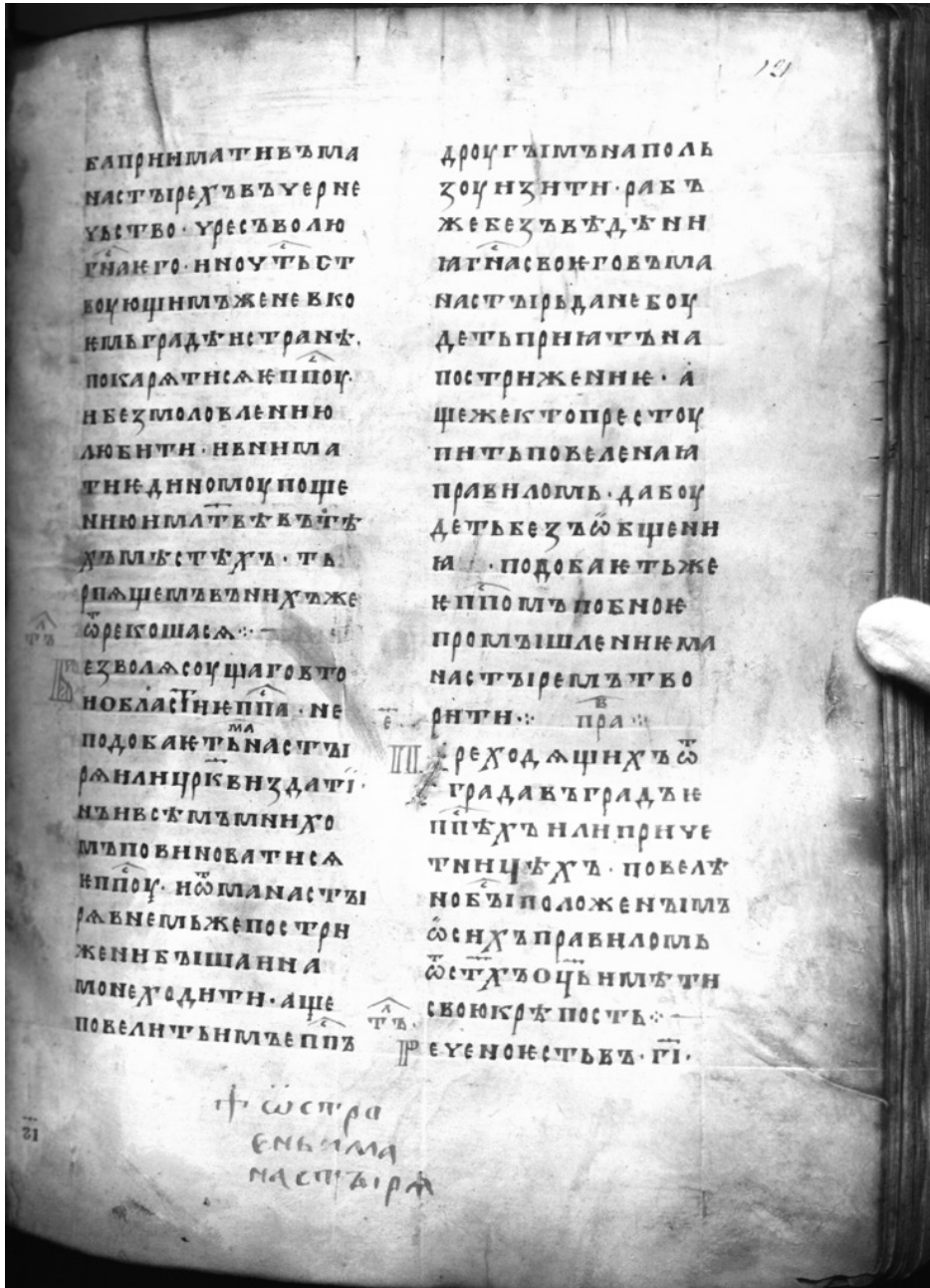

Рис. 76. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 121. Маргиналия, написанная красными чернилами (конец XIV – начало XV вв.).

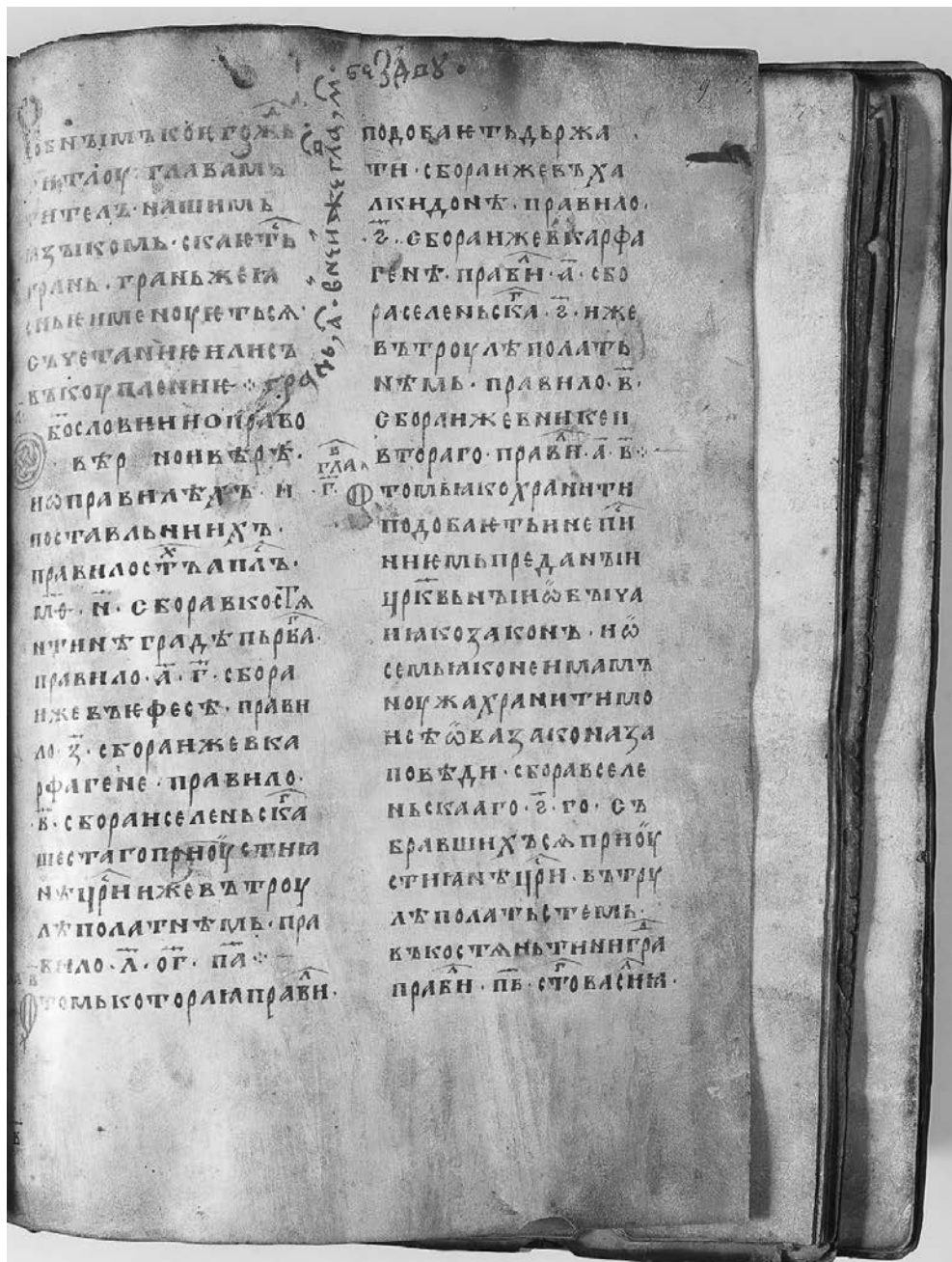

Рис. 8а. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 9. Дополнение титула статьи (конец XV – начало XVI вв.).

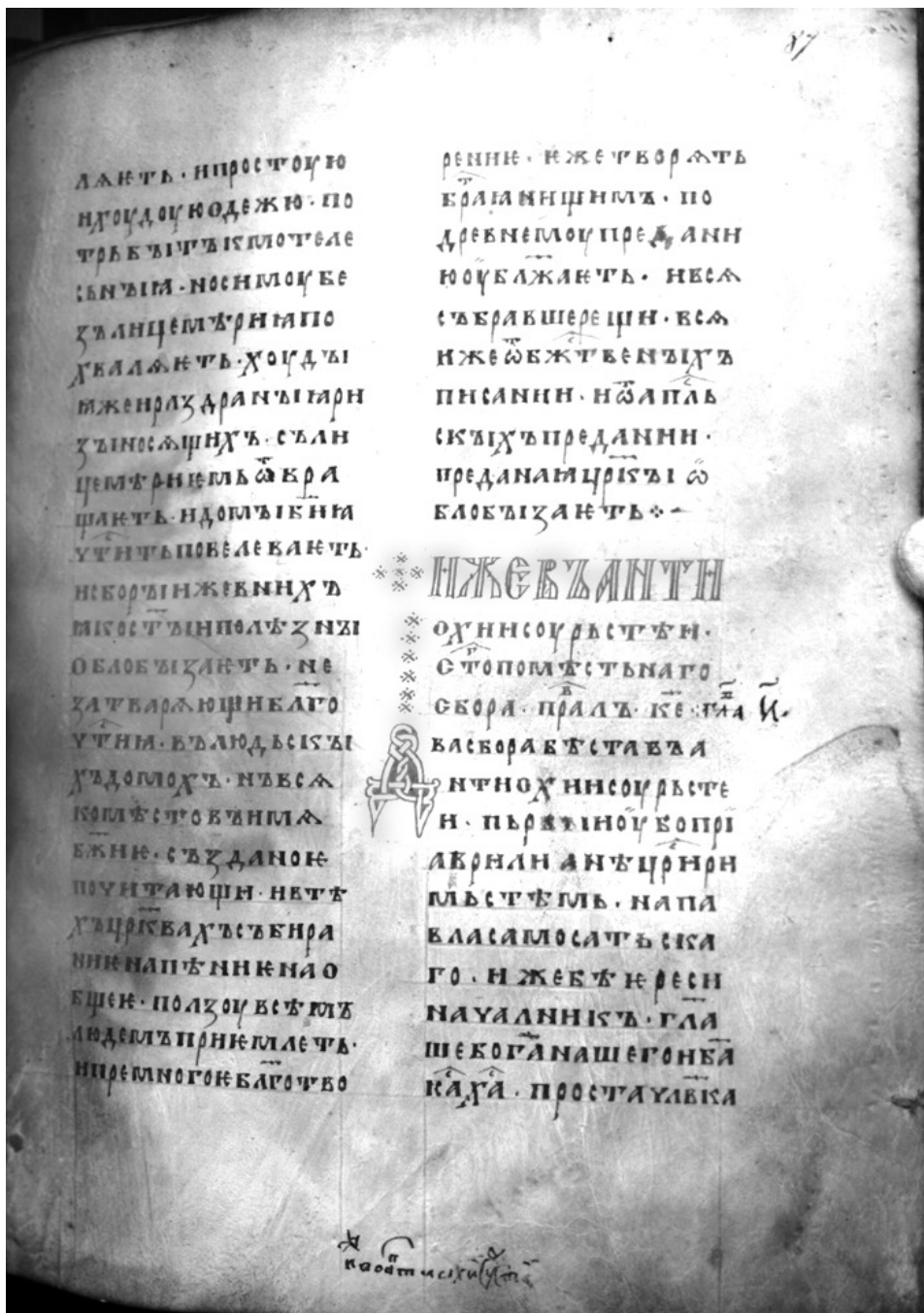

Рис. 86. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 87. Четвертый этап в истории рукописи, XVII в. (номер главы, нижний колонтитул, шелковая закладка).

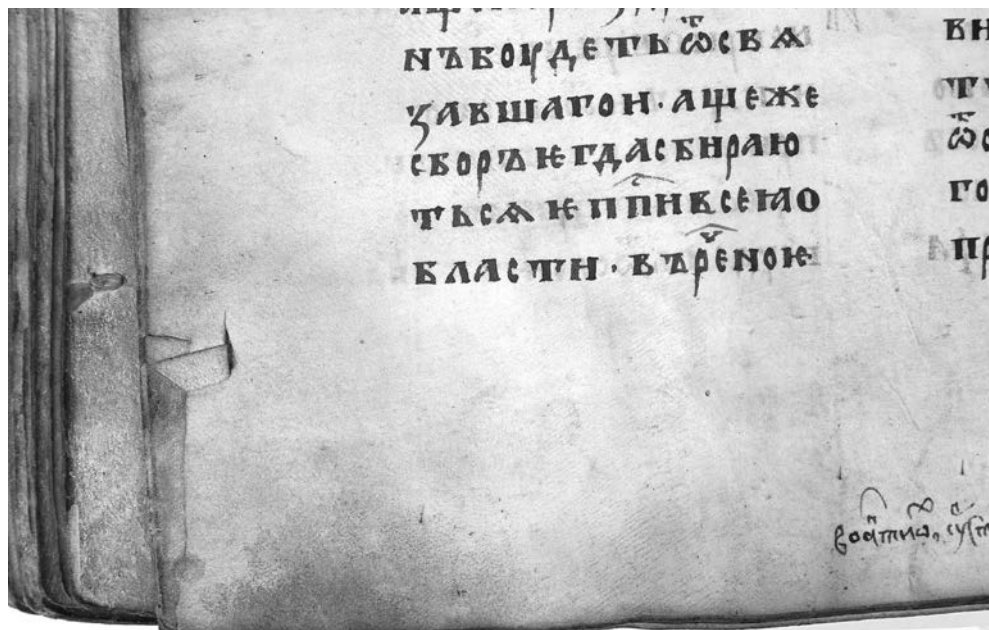

Рис. 9а. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 91 об. Пергаменная закладка.

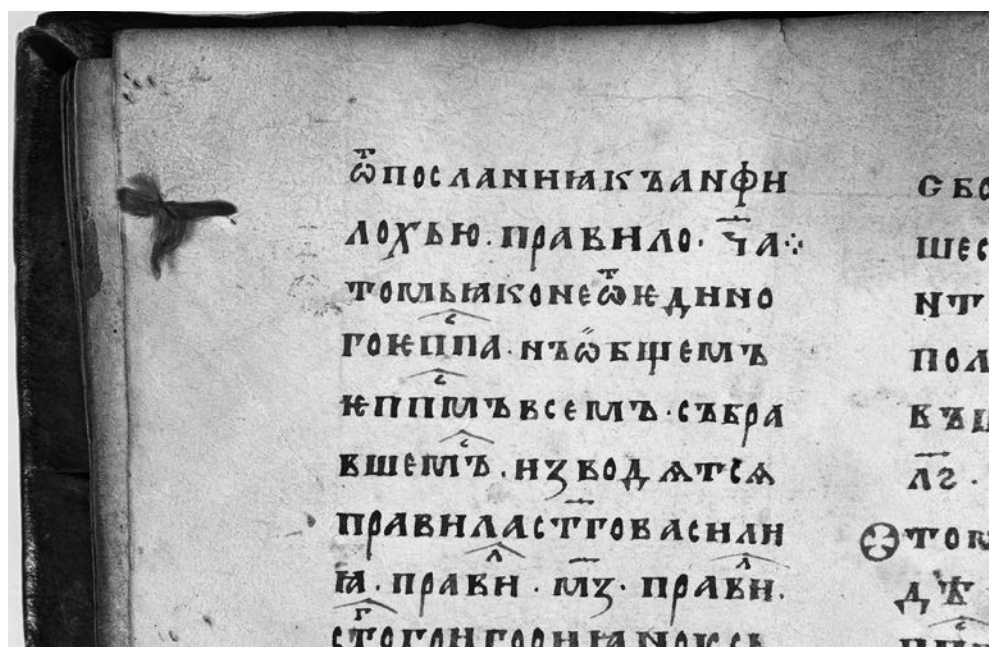

Рис. 9б. Кормчая. ГИМ, Син. 132. Л. 9 об. Шелковая закладка.

А.Д. Паскаль

ИЗУЧЕНИЕ ГАПЛОГРАФИИ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.)

Гаплография [1] хорошо знакома исследователям средневековой рукописной книжности, однако на наш взгляд, она до сих пор недостаточно полно используется как один из возможных методов локализации средневековой рукописной книги.

Исследуя приемы письма книжников славяно-молдавской [2] книжности XV–XVI вв. [3], в частности – в древнейших монастырях Нямец и Путна, автор обратил внимание, что фиксация случаев перескока строк и пропущенных слов при переписке в рукописях, созданных в указанных монастырских скрипториях, позволяет в целом ряде случаев достаточно точно локализовать тот или иной кодекс как продукцию вполне определенного монастырского книжного центра.

Для памятников рукописной книжности средневекового княжества Молдавии этот прием имеет особое значение для атрибуции части недатированных славяно-молдавских рукописей, наиболее многочисленных среди сохранившихся до наших дней [4].

Трудности локализации славяно-молдавских рукописей, на что уже неоднократно обращали внимание известные исследователи [5], обусловлены как употреблением так называемого «молдавского» типа письма с его характерной устойчивостью графических форм, сложностью орфографической ситуации (ориентация на тырновский извод), определенным ограничением традиционных филигранологических методов датировки из-за широкого применения пергамента в княжестве как материала письма до начала XVII в., так и возможностью смешения молдавских по происхождению рукописей с южно-русскими (украинскими) копиями.

Наконец, известны случаи «поновления» славяно-молдавских рукописей с сохранением (воспроизведением) более древних записей писцов, что также создает определенные трудности в датировке и атрибуции славяно-молдавских рукописей.

При этом, учитывая особенность языковой ситуации в Молдавском кня-

жестве XV–XVI вв. (славяно-молдавский билингвизм), когда язык книжности был достаточно независим и отчасти чужд языковым нормам устного общения, важную роль приобретает такая характерная черта феодальной письменности, как традиционность. Подражание, копирование, следование образцу во многом определяли характер и состав создаваемых кодексов.

В книгописных центрах средневековой Молдавии выделяется ряд наиболее активных и деятельных переписчиков и книжников, с которыми связаны заметные достижения в книжности - высокохудожественно оформленные кодексы, редактирование и перевод отдельных произведений или их комплексов, составление оригинальных сочинений, руководство перепиской книг и т. д.

В условиях славяно-молдавского билингвизма число таких книжников было не велико, а их приемы работы и создаваемые ими кодексы были авторитетны, служили образцом и потому мало изменились в последующих копиях рядовых переписчиков, что позволяет более наглядно использовать изучение случаев гаплографии (перескока строк) как одного из возможных методов локализации славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв.

Приведем здесь лишь несколько таких примеров.

1. В литературе давно известна рукопись: **Слова (16) Григория Богослова, 1471 г.** (Россия, Москва, РГБ, Музейное собрание (ф. 178), № 922) [6], в которой сохранилась краткая запись писца на л. 323: «В лето 6979 Касианъ монах исписа ся книга».

Определить принадлежность этого кодекса к продукции конкретного монастырского книгописного центра на основании только этой записи практически невозможно, однако детальное изучение присутствующих в ней случаев перескока строк писцом Касианом (они отмечены им самим на полях рукописи) позволяет достаточно точно локализовать ее, как вышедшую из монастыря Нямец.

Монастырь Нямец, расположенный у подножия восточных Карпат – один из древнейших молдавских монастырей, время основания которого точно не установлено. Принято считать, что это произошло во времена воеводы Стефана I Мушата (1375–1391), который построил на этом месте церковь Вознесения, а в 1402 г. воевода Александр Добрый (1401–1432) воздвиг другую церковь – Иоанна Богослова, перестроил монастырь, в котором появились колокольня и братский корпус [7].

С этим старейшим молдавским монастырем связана деятельность известного книжника и писца – Гавриила Урика. Размах его книгописной деятельности по отношению ко всему периоду существования славяно-молдавской книжности делает его фигуру уникальной – мы не знаем больше писцов, оставивших бы после себя столь обширное рукописное наследие (по нашим наблюдениям, не менее 26 рукописей и фрагментов из них) в течение первой половины XV в., времени активного периода формирования этой книжности [8].

При сравнении указанной рукописи Касиана со списком **Слов (16) Григория Богослова 1424 г.** Гавриила Урика (Россия, Москва, РГБ, ф. 218 (собра-

ние Отдела Рукописей), № 178) [9] нами было обнаружено 29 случаев перескока строки (гаплографии), свидетельствующие о том, что свой кодекс Касиан переписывал непосредственно с рукописи Гавриила. При последующей сверке текста после завершения переписки кодекса эти ошибки были Касианом исправлены: значками были отмечены пропущенные им в тексте оригинала строки, содержание которых он вынес на поле рукописи рядом с тем же значком.

Приведем здесь для примера местоположение лишь некоторых из них (здесь и далее – слева указана страница в оригинале, на которой произошел перескок строк писцом-копиистом при копировании, справа – страница в копии с нее).

Рукопись 1424 г.

л. 161 (рис. 1)

л. 95 об.

л. 111 об.

л. 120

л. 131

л. 156 об.

Рукопись 1471 г.

л. 193 об. (рис. 2)

л. 111 об.

л. 131 об.

л. 142

л. 155 об.

л. 188

Кроме того, сравнение этих двух рукописей показывает, что Касиан во всем следовал традициям Гавриила, используя его рукопись, как образец. При этом мы имеем случай копии [10], что подтверждает палеографический и текстологический анализ.

В самом деле, Касиан полностью следует тексту рукописи Гавриила, сохраняя даже выполненные последним маргиналии, исправления ошибочно написанных слов и пропущенного текста. При этом Касиан подражает Гавриилу в оформлении рукописи, сохраняя тот же тип заставки и инициалов, применяет свойственные Гавриилу приемы написания кодекса – нумерация тетрадей с характерным оформлением колонцифер, скорописью, в отличие от полуустава, которым написан основной текст, выполнены маргиналии и отмечено число листов, на которых помещены отдельные произведения в рукописи.

Его скоропись, которой выполнены маргиналии и колофон рукописи (как и во всех остальных трех его рукописях), по наблюдению Дамиана Богдана представляет единственный пример употребления этого типа графики (второй вариант I типа курсива по Богдану) в славяно-молдавских XV в., кроме рукописей Гавриила [11].

Все это вместе взятое, по нашему мнению, позволяет считать Касиана возможным учеником Гавриила Урика, работавшего, скорее всего, также в Нямецком монастыре.

Как уже отмечалось в литературе, очевидно, написание Касианом этих рукописей находится в прямой связи с ктиторской деятельностью господаря

Стефана Великого, а именно – строительством нового молдавского монастыря Путна в 1467–1470 гг.

Организация монастыря требовала создания определенного комплекса книг, прежде всего в первую очередь, конечно, богослужебных. Сохранился целый ряд кодексов, написанных по повелению господаря и предназначенных для этого нового монастыря [12], в круг которых вполне логично могут быть включены и рукописи Касиана, написанные также по повелению Стефана Великого, о чем и сообщает этот переписчик в кратких колофонах своих рукописей.

Заметим, что их лаконичность – даже не указано место написания рукописей и их предназначение – находит свое объяснение в оригиналах-образцах: таких же кратких колофонах Гавриила, а явная спешка Касиана (торопливый, прыгающий почерк, многочисленные ошибки), говорит, вероятно, о необходимости завершения рукописи ко времени освящения главного храма в Путне [13].

2. Славяно-молдавская рукопись, содержащая **Торжественник триодный (Златоуст) конца XVI в.** (Россия, Москва, РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 186) [14], не сохранила никаких указаний на имя писца и место ее создания, однако применение указанного метода фиксации случаев перескока строк позволяет с очень большой долей вероятности считать ее также принадлежащей к продукции скриптория в монастыре Нямец.

В самом деле, при сравнении ее с рукописью уже упомянутого Гавриила Урика: **Торжественник триодный (Златоуст) 1451 г.** (Россия, Москва, РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 462) [15], в рукописи конца XVI в. нами было обнаружено 42 случая перескока строк, которые позволяют несомненно утверждать, что оригиналом для нее послужила рукопись Гавриила Урика 1451 г. [16].

Приведем для примера лишь некоторые из них.

Рукопись 1451 г.

л. 187 (рис. 3)

л. 191 об.

л. 196

л. 200

л. 205 об.

л. 376 об.

Рукопись конца XVI в.

л. 5 (рис. 4)

л. 10

л. 15 об.

л. 21

л. 27

л. 242

3. Славяно-молдавская рукопись, содержащая **Синтагму Матфея Властаря ок.1510 г.** (Россия, Москва, собрание Е.Е. Егорова, ф. 98, № 65) [17], также не сохранила никаких указаний на имя писца и место ее создания, однако имеющиеся на ее полях отмеченные самим писцом случаи перескока строк позволяют достаточно уверенно локализовать ее как продукцию уже другого

известного книгописного центра средневекового Молдавского княжества – монастыря Путна.

Монастырь Путна, включающий весь комплекс построек, возводился по повелению воеводы Стефана Великого с 1466 до 1470 г., когда после успешного сражения с татарами у Липниц, с его присутствием и с участием митрополита сучавского Феоктиста, епископа Тарасия и игуменов всех монастырей, был освящен главный храм Богородицы в монастыре [18].

По нашему мнению, в этом случае непосредственным оригиналом для безымянного писца стала рукопись: **Синтагма Матфея Властаря 1474 г.** (Россия, Москва, РГБ, собрание Е.Е. Егорова, ф. 98, № 742.) [19], созданная в монастыре Путна иеромонахом Иаковым (запись переписчика на л. 333 об.).

Это подтверждается целым рядом случаев перескока строк при переписке безымянным писцом недатированной рукописи ок. 1510 г., отмеченными им на полях копии, некоторые примеры которых приводим ниже.

Рукопись 1474 г.

л. 17
л. 40 об.
л. 55 об.
л. 62 (рис. 5)
л. 73
л. 109 об.
л. 248 об.

Рукопись ок. 1510 г.

л. 23
л. 53 об.
л. 75
л. 83 (рис. 6)
л. 100 об.
л. 153 об.
л. 355 об.

В заключение хотелось бы также отметить, что изучение случаев гаплографии в ряде случаев помогает решать и вопросы взаимоотношения прототипов и оригиналов, так как перескоки строк были свойственны не только начинающим писцам, но и профессионалам книжного дела (рис. 10).

Так, например, изучение случаев перескока в списках Слов (16) Григория Богослова, созданных Гавриилом Уриком, показывает, что написанная им упоминавшаяся уже ранее рукопись **Слова (16) Григория Богослова, 1424 г.** (Россия, Москва, РГБ, ф. 218 (собрание Отдела Рукописей), № 178), является авторским списком (копией) с переписанной им же рукописи: **Слова (16) Григория Богослова, 1413 г.** (Россия, Москва, РГАДА, ф. 196(собрание Ф.Ф.Мазурина), оп. I., № 1494. л. 149 об. – 338) [20], одной из самых ранних известных нам датированных славяно-молдавских рукописей.

Приведем для примера некоторые из них.

Рукопись 1413 г.

л. 179
л. 182
л. 189

Рукопись 1424 г.

л. 41
л. 45
л. 55

Еще один очень наглядный пример такого приема установления прямой копии – это славяно-молдавская рукопись, содержащая **Минею служебную, февраль, 1596 г.** (Россия, Москва, РГБ, собрание Е.Е. Егорова, ф. 98 № 3) [21], переписанная в монастыре Путна иеромонахом Досифеем, оригиналом для которой послужила созданная ранее в этом же монастыре иеромонахом Стефаном рукопись: **Минея служебная, февраль 1530 г.** (Россия, РГБ, собрание В.М. Ундольского, ф. 310, № 79) [22].

Приведем для примера некоторые из них.

Рукопись 1530 г.

- л. 32
- л. 39
- л. 63 (рис. 7)
- л. 89 об.
- л. 102
- л. 142

Рукопись 1596 г.

- л. 33
- л. 41
- л. 68 об. (рис. 8)
- л. 98 об.
- л. 112 об.
- л. 153 об.

Приведенные примеры основаны, разумеется, на предположении автора о том, что переписка указанных выше копий происходила в стенах той же обители, где находился и оригинал для нее.

При этом нельзя, конечно, полностью исключать возможность переноса оригинала в другой какой-то монастырь «на время» для его копирования, однако нам практически неизвестны документальные подтверждения таких возможных «временных миграций» кодексов в XV–XVI вв., за одним лишь исключением – этот единственный известный нам такой случай был отмечен А.И. Яцимирским в опубликованном им тексте копии письма середины XVI в. игумена монастыря Быстрицы Пахомия к игумену монастыря Нямец Григорию с просьбой прислать для копирования Сборник руки Гавриила, содержащий творения Евфимия тырновского. Текст этого письма приведен русским славистом из рукописного сборника, «писанного в начале XVII в. где-нибудь в Молдавии» [23].

Напротив, существующие разнообразные многочисленные читательские и владельческие пометы XV–XVI вв. в славяно-молдавских рукописях этого же времени свидетельствуют скорее об обратном – обычно кодексы все же постоянно находились в местах своего создания (или вклада) [24].

Разумеется, все случаи подобных перескоков в средневековых рукописях требуют непосредственного изучения «*de visu*» как предполагаемого оригинала, так и его копии, что не всегда просто физически возможно, если обе эти рукописи находятся в различных книгохранилищах (а зачастую – и в различных странах).

Как представляется, обязательное внесение случаев гаплографии (перескока строк) в качестве дополнительного описательного элемента при подготовке научных каталогов-описаний рукописных собраний является на сегодня

няшний день достаточно востребованным. Автор отдает себе отчет в определенной сложности учета этого элемента, но на его взгляд, это чисто технический момент, который приведет просто к увеличению объема описаний с учетом фиксации не только текста самого перескока, но и предыдущих и последующих строк в месте перескока строки переписчиком рукописи.

Однако, несмотря на эту дополнительную сложность для археографов, фиксация случаев гаплогрaфии позволила бы в будущем исследователям не только значительно облегчить работу по возможной локализации средневековых рукописей, но и в ряде случаев реконструировать в определенной степени и их возможные оригиналы (протографы) [25].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. Л., 1983. С.71–72.

2. Термин «славяно-молдавские» обычно применяется в литературе для обозначения памятников славянской письменности, созданных на территории средневековой Молдавии (см. напр.: *Грекул Ф.А.* Историография славяно-молдавского летописания XV–XVI вв. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С.172–188; Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976; Подробнее о различиях терминов «молдавская» и «валашская» применительно к книжной традиции см.: *Турилов А.А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // Хризограф. Вып. 2. М., 2005. С.139–140. К сожалению, следует признать, что действительно научная и справедливая точка зрения указанного автора в этом вопросе до сих пор не находит должного отражения как в современной румынской и молдавской, так и болгарской историографии, в том числе и по причинам, лежащим вне исторической науки.

3. *Паскаль А.Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XIV–XVI вв. (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореферат кандидатской диссертации. М., 1991.

4. По нашим предварительным данным из 231 единиц славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв., выявленных нами в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, почти три четверти (143 рукописи) не имеют указаний на место их создания и практически каждая из них (также, как и датированные) содержит на полях многочисленные отметки писцов по исправлению собственных ошибок перескока строк. См. напр.: *Паскаль А.Д.* Значение рукописных собраний РГБ для изучения славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. (Тезисы доклада) // Румянцевские чтения – 2012. Часть 2. Материалы всероссийской научной конференции (17–18 апреля 2012). М., 2012. С. 110–111.

5. См. напр.: *Яцимирский А.И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1909. С. XII.; *Соболевский А.И.* Славяно-Русская палеография. Лекции.

СПб., 1908. С. 13, 48, 79; *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 320; *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 128–129; Дополнения к «предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986) / сост.: Н.А. Охотина, А.А. Турилов. Предисловие (опыт авторецензии). М., 1993. С. 10–11; *Турилов А.А.* Критерии определения... С. 142–143 (на сегодняшний день это единственная в современной отечественной историографии обобщающая работа по феномену славяно-молдавской книжности и составу ее памятников).

6. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867–69 гг. М., 1871. С. 24; *Émile Turdeanu.* L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Etienne le Grand (1457–1504) // *Revue des études roumaines.* 5–6. Paris, 1960. P. 51–52; Музейное собрание рукописей: Описание. № I. 1–3005. М., 1961. С. 126–128; *Radu Comtăntinescu.* Texte românești în arhive străine (Nichita din Heracleea, Comentarii la cuvintele lui Grigore din Nazianz). București, 1977. P. 22–23; Он же. Manuscrise de origine românească din colecții străine: repertoriu. București, 1986. P. 101, Nr. 512; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / сост. А. А. Турилов; сост. указ.: Б.Н. Морозов, А.А. Турилов. М., 1986. № 203. С.70; *Паскаль А.Д.* Заметки о славно-румынских рукописях хранилищ Москвы (I–III) // *Romanoslavica.* XXX. București, 1977. P. 311–313; *Valentina Pelin.* Manuscrise din domnia lui Stefan cel Mare (II) // *Analele Putnei.* IV.2. Sfanta Manastire Putna, 2008. P. 263–264.

7. *N. Grigoras, I. Caprosu.* Bisericii si manastiri vechi din Moldova. Bucuresti, 1971. P. 33–34; *Stoicescu N.* Repertoriul bibliografic al localităților și monumentelor medievale din Moldova. Monumentelor istorice din România. București, 1974. P. 589; *Mircea Pacurariu.* Istoria bisericii ortodoxe romane. Vol. I. Bucuresti, 1989. P.396; *Igor Gereteu.* Bisericii si manastiri din Moldova (secolul al XIV-lea si prima jumatate a secolului al XV-lea). Braila, 2004. P. 68–69.

8. О нем см.: *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности: Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. СПб., 1904; *Emil Turdeanu.* Les lettres slaves en Moldavie: le moine Gabriel du monastere de Neamțu (1424–1449) // *Revue des Etudes Slaves.* Tome 27. Paris, 1951. P. 267–278; S. Ulea. Gavril Uric, primul artist român cunoscut // *Studii și cercetări de istoria artei. Seria arta plastică.* Vol. 11. NR. 2. Bucharest, 1964. P. 235–263; *I.-R. Mircea.* Contributions à la vie et l'œuvre de Gavril Uric // *Revue des études sud-est européennes.* VI. nr. 4, Bucarest, 1968. P. 573–594; *Radu Comtăntinescu.* Texte românești... P. 20–22; *Damian P. Bogdan.* Paleografia româno-slavă: Tratat și album. București, 1978. P. 104–106; *П. Бойчева,* Традициите на Търновска книжна школа и делото на Гаврил Урик // Търновска книжна школа. Кн. 2. София. 1980. С. 177–182; *Георге Михаилэ.* Рукописи Гавриила Урика Нямецкого и их литературное значение // Търновска книжовна школа. 2. София, 1980. С. 81–88; *Sorin Ulea.* Gavril Uric: Studii paleografic. // *Studii și cercetări de istoria artei. Seria Artă plastică.* Vol. 28. București, 1981. P. 35–62; *Паскаль А.Д.* Автограф молдавского книжника XV в. из ЦГАДА // *Советские Архивы.* № 5. М., 1988. С. 88–89; Он же. Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV в. // *Исследования по истории СССР дооктябрьского периода.* М., 1989. С. 4–32; Он же. Источники по истории... С. 52–53; Он же. Заметки о славяно-румынских рукописях Москвы... С. 310–311; Он же. Новый автограф Гавриила Урика // *Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода.* М., 1992. С. 53–62; Он же. Новые данные о книжной деятельности Гавриила Урика Нямецкого

// Търновска книжна школа. Т. 5. Вел. Търново, 1994. С. 409–414; *Valentina Pelin*. Bibliotecile manastirilor Neamt si Noul Neamt in contextul culturii romanesti (sec. XV–XIX). Studii si texte: Teza de doctorat Bucuresti, 1997; Она же. **Aspecte inedite în manuscrisele lui Gavriil Uric** (Aspects inédits dans les manuscrits de Gavriil Uric) // *Romanoslavica*. № XXXVI. București, 2000. P. 279–284; *Chiriac Vlad*. Gavriil Uric - vrednic caligraf și miniaturist medieval // *Omagiu Virgil Cândea la 75 de ani*. I. București, 2002. P. 153–156; *Климентина Иванова*. Два новототкрита автографа на Гаврил Урик (Предв. съобщ.) // Българистични студии. София, 2004. С. 104–113; *Турилов А.А.* Гавриил // **Православная энциклопедия**. Т. 10. М., 2005. С. 207–209; *Nica Vlad Emilian*. Monk Gavril Uric – Romanian Calligrapher and Miniaturist – 580 Years Since the Publication of the Famous Book of the Four Gospels at Neamt (1429–2009) // *Analele Stiintifice ale Universitatii «Al.I. Cuza»*. (serie noua). Teologie Ortodoxa. tom. XIV. no. 1. Iasi. 2009. P. 83–102; *E. Ene D-Vasilescu*. New Aspects Regarding the Tetraevangelia Written by the Monk Gavril Uric in Neamt Monastery in 1429, Bodleian Library MS. Canon. Graeci. 122 // *Romanoslavica*. XLVI. Bucuresti, 2010. P. 83–114; *Policarp Chițulescu*. Noi manuscrise – posibile autografe – aparținând monahului Gavriil Uric de la Neamt // *Studii Teologice*. Revista facultatilor de teologie din Patriarhia Romana. Nr. 1. București, 2012. P. 191–206; *Паскаль А.Д.* Новые данные о рукописном наследии Гавриила Урика в славяно-молдавской книжности первой половины XV в. (Тезисы доклада) // Румянцевские чтения – 2016. Материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки (12–13 апреля 2016). Ч. 2. М., 2016. С. 31–36; *Паскаль А.Д.* Славяно-молдавские рукописи XV–XVII вв. в собраниях Государственного Исторического Музея // *Академическая археография в России XVIII–XXI веков* (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН) (в печати).

9. *М. Ганицкий*. Старопечатные книги и рукописи в Ново-Нямецком монастыре // Кишиневские епархиальные ведомости. 22. Кишинев, 1880. С. 1096; *Яцимирский А.И.* Рукописи Новонямецкого монастыря в Бессарабии // *Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества*. Т. 2. Вып. 2. М., 1898. С. 91–92; Он же. Григорий Цамблак... С. 342, 357, 378, 381, 420; *E. Turdeanu*. Les lettres slaves en Moldavie... P. 271, 275; Записки Отдела рукописей (Гос. б-ка им. В.И.Ленина. Вып. 14. М., 1952. С. 85; *I.-R. Mircea*. Contributions à la vie... P. 575, 590; *Radu Constantinescu*. Note privind istoria bisericii romane in secolele XIII–XIV // *Studii si materiale de istorie medie*. vol. VI. Bucuresti, 1973, P. 183; Он же. Texte românești... P. 19–20; Он же. Manuscrise de origine românească... P. 113–114, Nr. 586; *Овчинникова-Пелин В.* Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР. Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV–XIX вв.). Кишинев, 1989. С. 88–90; Предварительный список... № 62. С. 59.

10. *Лихачев Д.С.* Текстология... С. 214.

11. *Damian P. Bogdan*. Paleografia romano-slava... P. 247.

12. Миняя служебная, январь–февраль, 1467 г. (Россия, М., РГБ, собрание В.М. Ундольского, № 78; Миняя служебная, апрель, 1467 г. (Россия, М., РГБ, собрание В.М. Ундольского, № 81); Миняя служебная, октябрь, 1467 г. (Россия, М., РГАДА, ф. 188, № 1379); Златоуст 1470 г. (Румыния, монастырь Путна, библиотека, № 556).

13. *Cronicile slavo-romane din sec. XV–XVI publicate de Ion Bogdan*. ediție revăzută și completată de P.P. Panaitescu. Bucuresti, 1959. P. 45, 57, 169, 179; Славяно-молдавские летописи... С. 64, 70, 107; *Sfânta Mănăstire Putna*. Mănăstirea Putna, 2010. P. 41.

14. Рукопись содержит чтения от среды на Преполование до Недели всех святых.

Приносим свою искреннюю благодарность Т.В.Анисимовой, обратившей наше внимание на эту рукопись.

15. *Damaschin Mioc*. Materiale românești în arhive străine // Studii si materiale de istorie medie. vol. VI. Bucuresti, 1973. P. 332; Constantinescu. Texte românești... P. 9–10 (ошибочно датирован 1491 г.); Его же. *Manuscrise de origine...* P. 98, Nr. 492; Предварительный список... № 127; Паскаль А.Д. Новый автограф... С. 53–62; Он же. Заметки о славяно-румынских рукописях... С. 308–310; Valentina Pelin. Aspecte inedite... С. 284 (Примеч.11 – автором статьи выражается сомнение в нашей атрибуции рукописи Гавриилу Урику); *Ion Radu Mircea*. Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie: auteurs byzantins et slaves. Sofia, 2005. P. 227.

16. Отметим, что **безымянный переписчик использовал при этом в качестве непосредственного оригинала не всю рукопись Гавриила Урика, а только ее большую часть – только начиная со статьи 30 в рукописи 1451 г.** (предыдущие статьи, содержащие слова от Великого понедельника до Недели о расслабленном, его почему-то не заинтересовали при переписке).

17. *Ioan Bogdan*. Scrieri alese. Bucuresti, 1968. P. 542–558; *Mihăilă G*. Contributii la istoria culturii si literaturii române vechi. Bucuresti, 1972. P. 285–287; *Radu Constantinescu*. Vechiul drept romanesc scris. Repertoriul izvoarelor 1340–1640. Bucuresti, 1972. P. 176, 240, 252–260; Он же. *Manuscrise de origine...* P. 96, Nr. 482; Texte românești din secolul al XVI – lea: I. Catehismul lui Coresi; II. Pravila lui Coresi; III. Fragmentul Todorescu; IV. Glosele Bogdan; V. Prefețe și epiloguri. București, 1982. P. 365–451, 452–461 (публикация л. 90, 121 об., 122, 130 об., 172 об., 228, 137, 359, 360, 437 рукописи), 462–463 (публикация филиграней рукописи); *Victor Alexandrov*. The Syntagma of Matthew Blastares: the destiny of a Byzantine legal code among the Orthodox Slavs and Romanians. 14–17 centuries // Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 29. Frankfurt am Main. 2012. S. 104–105, 204.

18. *N. Grigoras, I. Caprosu*. Bisericii si manastiri... P. 9–11; Cronicile slavo-romane... P. 45, 57, 169, 179; Славяно-молдавские летописи... С. 63, 64, 69, 70; Corina Nicolescu. Arta in epoca lui Stefan cel Mare // Cultura moldoveneasca in timpul lui Stefan cel Mare. Bucuresti, 1958. P. 309–310; *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества* (последняя треть XIV – начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 75; *Семенова Л.Е.* Княжества Валахии и Молдавии. Конец XV – начало XIX в. (*Очерки внешнеполитической истории*). М., 2006. С. 84.

19. Emil Turdeanu. Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare // Convorbiri literare. V. Iași, Bucuresti, 1943. P. 24–129; *Radu Constantinescu*. Vechiul drept... P. 239; Он же. *Manuscrise de origine...* P. 98. Nr. 496; *Mihăilă G*. Contributii la istoria culturii... P. 276–277; *Ion-Radu Mircea*. Manuscrise necunoscute din vremea lui Ștefan cel Mare // Magazin istoric. 14 nr. 4. Bucuresti, 1980. P. 60; Предварительный список... № 213, С. 70; *Maria Magdalena Székely*. Manuscrise răzlețite din scriptoriul și biblioteca Mănăstirii Putna // Analele Putnei. III. 1. 2007. – P. 164. Catalog №3; *Valentina Pelin*. Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare (II) // Analele Putnei. Vol. 4. N 2. Mănăstirea Putna, 2008. P. 267; *Alexandru Pascal*. Din istoria scrierii de carte în Mănăstirea Putna în secolele XV–XVI // Analele Putnei. Vol. VII. N 2. Mănăstirea Putna, 2012. P. 67–68; *Victor Alexandrov*. The Syntagma of Matthew Blastares... S. 100–101, 201.

20. *Radu Constantinescu*. Manuscrisele slavo-române de la Arhivele Centrale din Moscova R.G.A.D.A // Revista Arhivelor. 53. Nr. 1. Bucuresti, 1976. P. 12; Он же. Texte românești... P. 17–20; Он же. Glose teologice inedite din sec. XV // Biserica Ortodoxă Română. № 95. Bucuresti, 1977. P. 807; Он же. Manuscrise de origine... P. 93, Nr. 464;

Предварительный список... № 29, С. 56; *Паскаль А.Д.* Итоги и задачи... С. 14–15, 29; Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000. С. 119–122.

21. Damaschin Mioc. Materiale românești.. P. 337–338; Radu Constantinescu. Manuscrise de origine... P. 95. Nr. 474. *Maria Magdalena Székely*. Manuscrise răzlețite... Nr 27, P. 176; Îsemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Tara Moldovei, corpus editat de I. Caproșu și E. Chiaburu, după cum urmează: vol. I și II. Iași, 2008. P. 104; *Alexandru Pascal*. Din istoria scrierii de carte. P. 76.

22. *В.М. Ундольский*. Славяно-молдавские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания (с № 1 по № 579). С приложением очерка собрания рукописей В.М. Ундольского в полном составе, написанного А.Е. Викторовым. М., 1870. № 79. С. 105; *Radu Constantinescu*. Manuscrise de origine..., P. 120, Nr. 621; *Maria Magdalena Székely*. Manuscrise răzlețite... Nr 17, P. 171–172; *Alexandru Pascal*. Din istoria scrierii de carte.. P. 73

23. *Яцимирский А.И.* Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. X. Три послания из переписки румынских монастырей XV–XVII вв. // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 4. Книга 2. СПб., 1899. С. 28–30. Само письмо быстрицкого игумена Пахомия первоначально датировано А.И. Яцимирским серединой XV в., но после критики такой датировки со стороны Эмиля Калужняцкого, А.И. Яцимирский изменил дату письма на середину XVI в. (*Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак... С.132.). Местонахождение этой рукописи, находившейся по словам Яцимирского в собрании молдавского священника Феофила Гепецкого (село Ворничены Бессарабской губернии), в настоящее время, к сожалению, нам неизвестно.

24. В XVII в. ситуация в регионе кардинально меняется – начинается активная миграция рукописей из монастырей Молдавии, так как основным содержанием культурно-языковой ситуации этого века вследствие начавшихся языковых реформ в княжестве становится отказ от славянского языка в письменности и замена его национальным с использованием кириллической графики в делопроизводстве, богослужении и литературе.

25. В случаях перескоков целой строки можно реконструировать, например, возможные размеры рукописного текста оригинала. Наглядный пример – многочисленные случаи перескока строк на л. 180 в рукописи Гавриила Урика – Слова (16) Григория Богослова, 1413 г. из РГАДА (рис. 9).

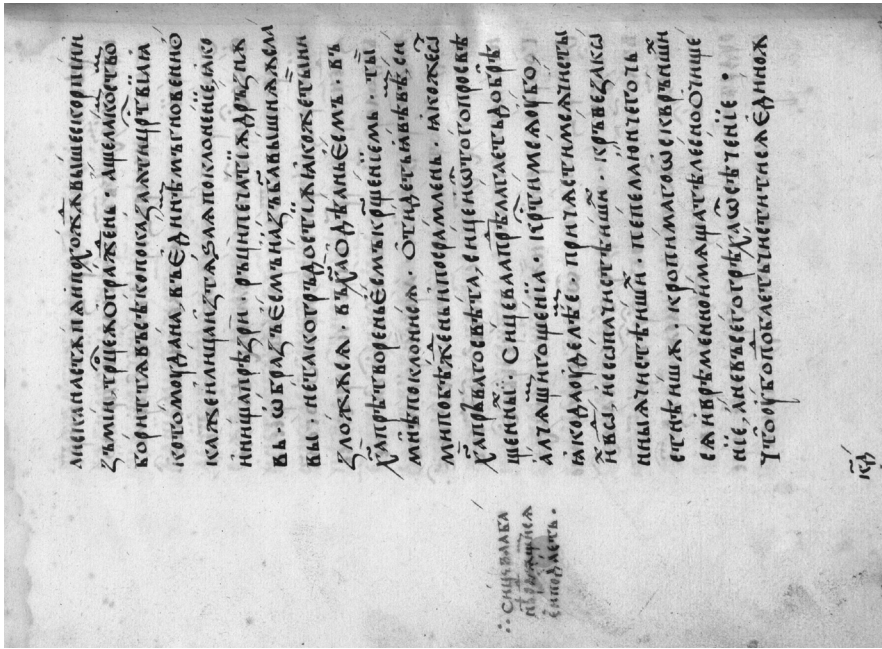

Рис. 2. Слова (16) Григория Богослова, 1471 г. Россия, Москва, РГБ, Музейное собрание (ф. 178), № 922, л. 193 об

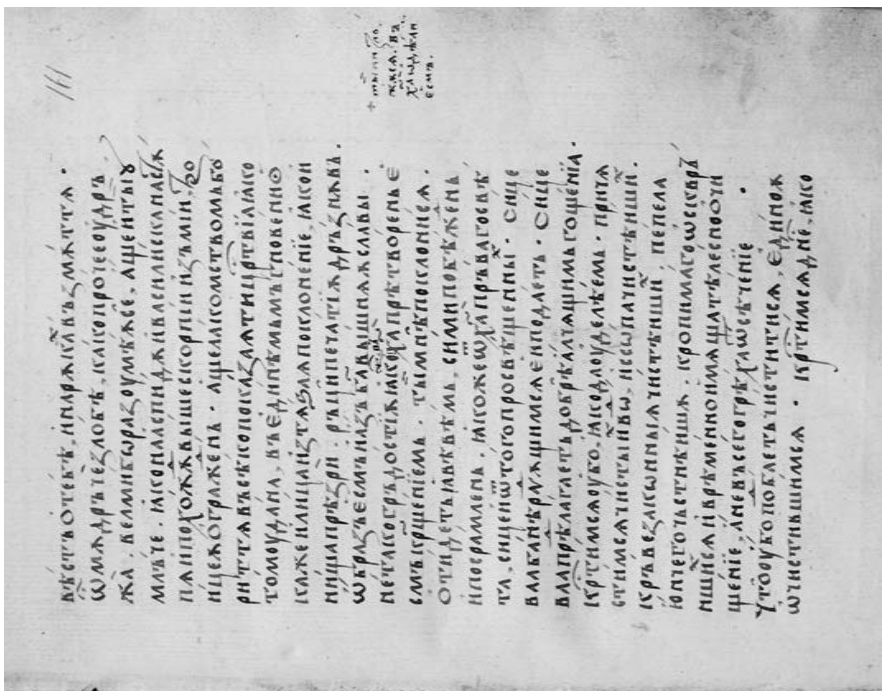

Рис. 1. Слова (16) Григория Богослова, 1424 г. Россия, Москва, РГБ, Собрание Отдела рукописей (ф. 218), № 178, л. 161.

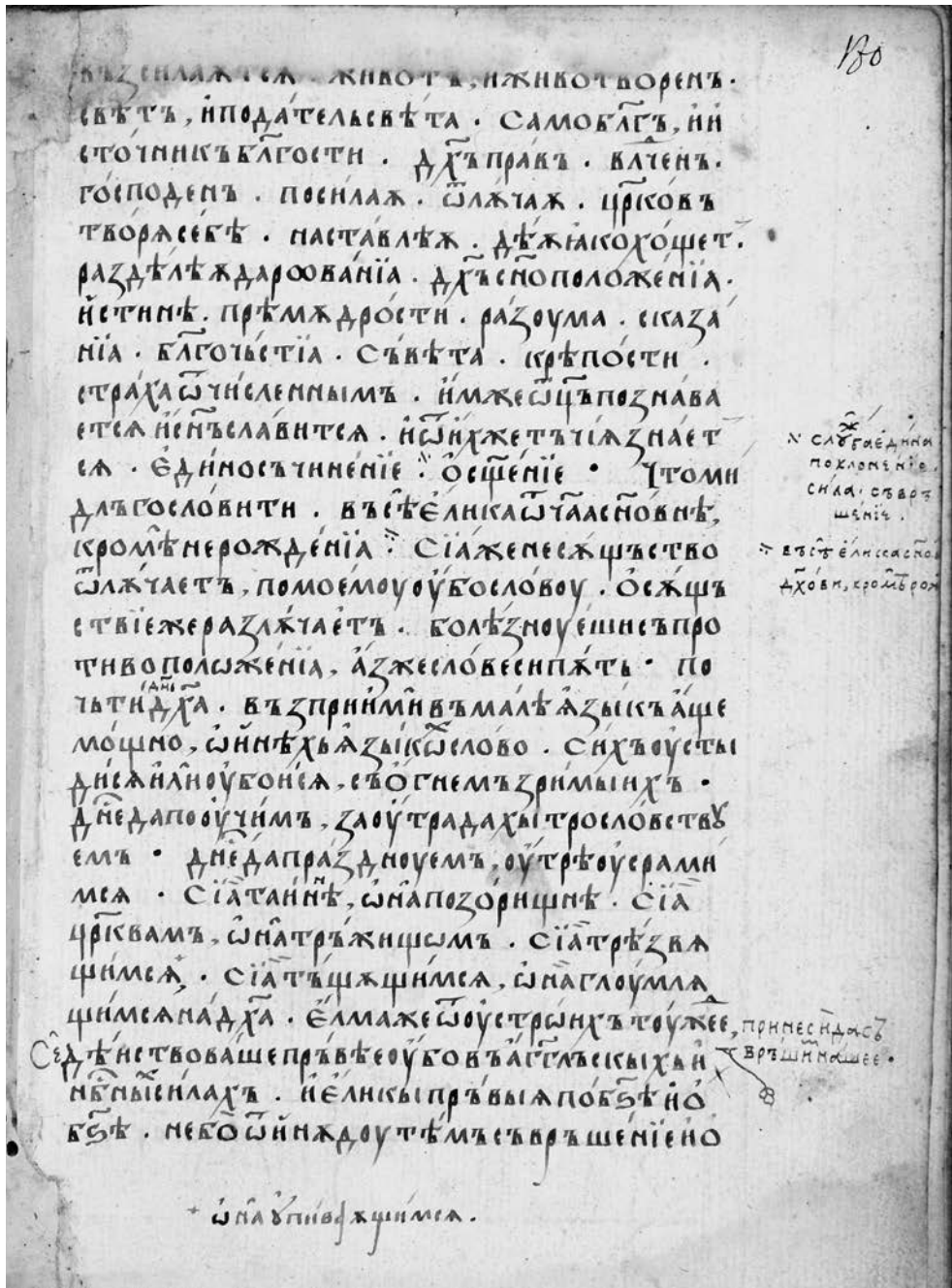

Рис. 9. Слова (16) Григория Богослова, 1413 г. Россия, Москва, РГАДА, ф. 196(собрание Ф.Ф. Мазурина), оп. I., № 1494. л. 180.

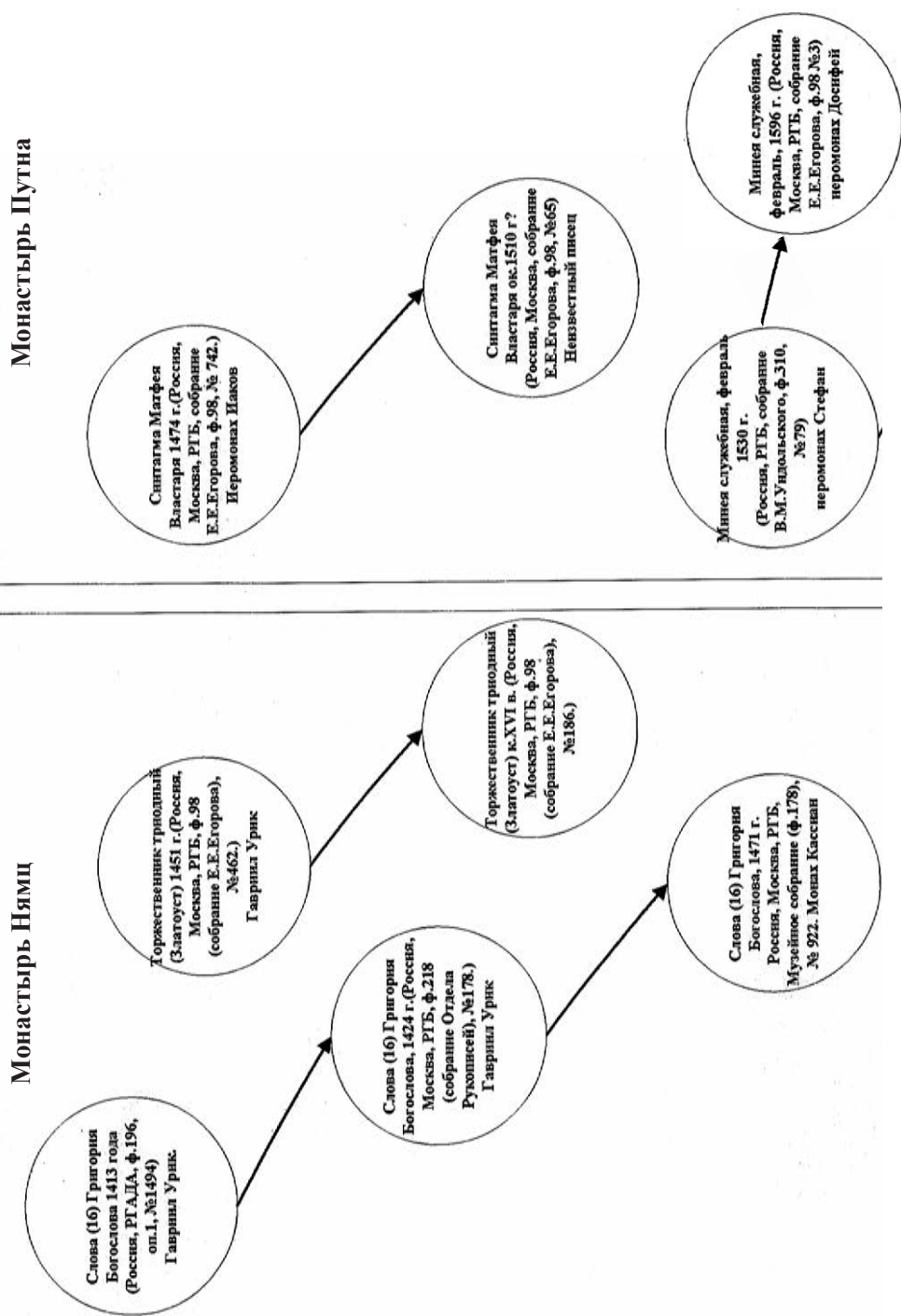

Рис. 10. Результаты локализации некоторых славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. с помощью изучения гаплогграфии

Е.В. Белякова

К ПРОБЛЕМЕ КАТАЛОГИЗАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЦЕРКОВНО-ПРАВОВЫХ РУКОПИСЕЙ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00279, «Подготовка издания и исследование Кормчей книги по древнейшим спискам»

Греческие и славянские памятники светского и церковного права занимают особое место в ряду исторических источников. Само разделение на светское и церковное право при изучении византийской письменности – во многом дань западноевропейской традиции нового времени. В Византии издание императорами законов, касающихся церковной жизни, являлось устойчивой нормой: уже император Константин начал издавать законы, определяющие правовой статус церковных институтов в империи. Особенно много законов, относящихся к внутренней жизни церкви, издал император Юстиниан I, при этом он стал использовать греческий язык для тех новелл, которые были адресованы иерархам и правителям восточных областей. Греческие канонические сборники уже с VI в. включают в свой состав императорское законодательство по отношению к церкви.

Изучение греческих правовых рукописей представляет значительные трудности из-за того, что они находятся в разных хранилищах и получили описания, сделанные по разным принципам. Задачи и пути изучения памятников византийского права были сформулированы В.Н. Бенешевичем на Международном конгрессе в 1934 г. [1].

В 1973 г. германские историки права поставили перед собой задачу каталогизировать византийские правовые рукописи, не включая при этом церковно-правовые. Однако, как стало очевидно, и это отметил руководитель проекта Д. Симон, для эпохи после Юстиниана задача разделения «нереалистична», что «ярко отражают рукописи» [2]. Тем не менее в византийской традиции можно найти рукописи, где содержатся только (точнее преимущественно) законы или только каноны. Исследователи института Макса Планка, собрали микрофильмы 1000 древнейших греческих правовых рукописей из библиотек разных государств и определили их соотношение как 2:1 в пользу канонических (для периода XII–XV вв.). Во II части каталога, названной «Рукописи церковного права», помещены рукописи, в состав которых входят и древней-

шие собрания законов, относящихся к церкви: «Collectia tripartita», «Collectio 25 capitulorum» и «Collectio 87 capitulorum».

В работу института Макса Планка по созданию Реперториума периодически включались многие исследователи и студенты, в том числе греческий канонист С. Тройанос, специалисты-палеографы и другие. Болгарский исследователь Д. Гетов издал параллельно Каталог греческих правовых рукописей Центра славяно-византийских исследований им. Ив. Дуйчева [3].

Среди важных выводов, которые сделал Д. Симон, подводя итог работы: 1) удовлетворительные издания византийских правовых памятников отсутствуют; 2) те, кто хочет заниматься византийской правовой традицией, должны еще десятилетиями обращаться к рукописям [4]. Работа над каталогом затянулась на десятилетия, и это при том, что постоянно формулировалась задача самоограничения. Предпринимались попытки расширить объем работы, сделать издание, которое удовлетворяло бы не только историков права, но и палеографов. Исследователи опирались на существовавшие описания греческих рукописей и внесенные в них дополнения, в ряде случаев пытались сделать самостоятельное описание. Юристы, в частности, отсекали все правовые сборники после XVI столетия, отнеся их к периоду «метавизантийскому» или «туркокрации».

Результатом этой работы явились два тома *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts*: Т.1. Die Handschriften des weltlichen Rechts. Nr. 1–327 / von L. Burgmann, Marie Theres Foegen, Andreas Schminck, Dieter Simon. Frankfurt am Main, 1995. Т. 2. Die Handschriften des kirchlichen Rechts I. Nr. 328–427 / von A. Schminck, D. Getov. Frankfurt am Main, 2010. Таким образом, число каталогизированных рукописей не достигло 500.

Как результаты исследования, так и проблемы, с которыми столкнулись юристы, не без юмора изложены Д. Симоном в его предисловии к первому тому, и представляют большую ценность не только для византинистов, но и для историков славянского права. Д. Симон отметил, что существенной проблемой при составлении каталога, потребовавшей усилий множества специалистов, явилось **соотнесение текста рукописи с публикацией памятников**. И дело здесь не в выявлении разночтений (это отнесено к компетенции издателей), а в важных для юристов определениях полноты текста, выявлении наличествующих фрагментов известных текстов. Значительное число канонических текстов обозначены в каталоге через греческие инципиты, то есть они не имеют научного названия.

Ситуация со славянскими правовыми рукописями оказывается намного проблематичней. Здесь нет возможности разделить рукописи на сборники «светского» и «церковного» права. В славянских рукописях все известные устойчивые собрания канонов сопровождаются и выдержками из императорского законодательства. Памятники славянского права также включаются в состав канонических сборников. Описаний славянских канонических рукописей намного меньше, чем греческих. Печальную роль в деле изучения канонических текстов имел тот факт, что классики описаний А.В. Горский и К.И. Не-

воструев не успели создать том канонических рукописей Синодальной библиотеки (хотя черновики К. Невоструева имеются в НИОР РГБ) [5]. Разумеется, здесь нет таких древностей, как в греческих собраниях, но в целом среди пергаменных рукописей славянские церковно-правовые рукописи занимают внушительное место.

Необходимость создания хотя бы Указателя славянских юридических и канонических памятников давно назрела [6]. Задачу каталогизации славянских юридических памятников ставил и В.Н. Бенешевич и даже писал о проделанной им работе [7] (но, как показало изучение архива историка, по-видимому, она утрачена навсегда). Значительным вкладом стала работа по изучению Русской Правды, приведшая к систематизации списков Кормчих [8]. Выявлением и описанием рукописей Кормчих занимался Я.Н. Щапов, но историка интересовали, прежде всего, княжеские уставы, поэтому в его неопубликованных описаниях дана в первую очередь роспись блока статей, содержащего княжеские уставы, а остальные статьи далеко не всегда указаны.

Значительный вклад в дело описания Кормчих внесла Л.В. Мошкова в изданных описаниях славяно-русских рукописных книг РГАДА [9]. Помимо постатейной росписи, текст описания Кормчих XVI в. содержит добавления, в которых дан анализ состава канонических сборников. По сути, эти добавления представляют собой полноценное исследование тех редакций Кормчих, которые оказались в собрании РГАДА, они позволяют делать сопоставление с рукописями в других хранилищах [10]. Многие рукописи впервые вводятся в научный оборот. Так, рукопись Западнорусской редакции, на которую ссылались составители Памятников древнерусского канонического права (6-ой том Русской исторической библиотеки) [11], не была доступна исследователям, так как ее шифр был изменен.

Важным шагом является и только что вышедший Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. [12] **Здесь появился раздел «Памятники церковного и гражданского права»**, в то время как издаваемые ИРЛИ справочники не включали этих текстов. Этот опыт нуждается в рассмотрении не с целью критики почтенных авторов, а для лучшего понимания пути, по которому должна идти последующая работа.

Название раздела вызывает вопросы, потому что «гражданское право» – это определенная область в современном праве, к которой нельзя отнести, например, Русскую Правду, содержащую нормы уголовного права. Сам принцип совмещения в указателе отдельной статьи и собраний, содержащих несколько сотен статей, вряд ли можно признать удачным. Особенно много вопросов возникает с разделом «Епитимийные правила», где обозначены только правила из Устюжской Кормчей [13].

Очевидны проблемы, которые возникают даже при описании соборных правил, хотя это, несомненно, наиболее устойчивая часть канонических сборников.

а) Недостаточно просто обозначить правила собора и дать номер правила. Тексту правил может предшествовать информация о соборе, которая, как

правило, не выделяется в тексте Кормчих, или может быть дополнительная статья, как в случае II Вселенского собора – Обращение собора к императору. Уже в XVI в. эта особенность была замечена, и составители Даниловской Кормчей попытались свести не только правила в разных редакциях, но и предисловия к правилам. Однако в описаниях и в изданном Каталоге они по-прежнему не отмечены.

б) Правила, имеющие точную отсылку, могут не соответствовать ни одной из семи славянских редакций правил. Назовем эти редакции: 1) перевод Номоканона Иоанна Схоластика; 2) перевод Древнеславянской редакции; 3) перевод Сербской редакции; 4) правила Русской редакции (они могут совпадать с указанными под номером 2 и 3 редакциями, но могут и не совпадать) [14]; 5) редакция Никона Черногорца раннего перевода (К.А. Максимович издал правила этой редакции [15], но наиболее широко распространена вторая редакция); 6) редакция Никона Черногорца второго перевода; 7) редакция с толкованиями Иоанна Зонары. Составители Каталога заменили существующую классификацию редакций на Древнеславянскую Кормчую, Рязанскую Кормчую и Русскую Кормчую. Здесь очевидно смешение разных принципов в основе классификации: Кормчей называется как конкретный памятник, так и предполагаемое обобщение – редакция. Почему не вернуться тогда к классификации И.И. Срезневского по эталонным спискам: Ефремовскому, Рязанскому, Новгородскому?

в) Правило может иметь ошибочный номер (необходимо учесть также несоответствие номеров для разных собраний) или сознательно сделанное неправильное надписание (так называемые апокрифы). Вместо правила может быть помещен его пересказ, эксерпт («извлечение») или толкование.

г) Вопрос о толкованиях к правилам остается нерешенным. Правило может не иметь толкования, толкования могут принадлежать как Алексею Аристину, так и Иоанне Зонаре, толкование может быть неполным. В представленном каталоге толкования не обозначены.

Проблема выделения фрагментов юридических текстов, поставленная Д. Симоном, для славянских рукописей оказывается намного сложнее, чем для греческих, из-за отсутствия научных изданий большинства славянских церковно-правовых текстов. Разумеется, славянские канонические тексты являются в большинстве своем переводными, но соотнесение их с публикациями греческих текстов требует совершенно особой работы, а соотнесение лишь по названию может привести к созданию ложных отсылок.

Опыт систематизации славянских канонических текстов был сделан румынским исследователем Р. Констанинеску [16]. Предложенные им деления на Пенитенциалы, Номоканоны, Смешанные правила, Кормчие представляются слишком обобщенными и не позволяют определить содержание отдельных рукописей. Неясным остается, по каким признакам были выделены вошедшие в каталог рукописи.

В настоящее время ведется работа болгарских исследователей по составлению Каталога славянских юридических рукописей из собраний Болгарских

библиотек. Болгарских коллег спасает незначительное количество этих рукописей. Проблемы, возникшие в результате этой работы описаны в статьях Д. Найденовой [17]. Они связаны, в том числе, с отсутствием росписи статей сборника Псевдо-Зонара и с разнообразием состава сборников. Соотнесение с печатным изданием греческого текста Котельера [18] не решает задачи. Без внесения «принудительной» нумерации в это собрание и росписи статей проблема, на наш взгляд, не может быть решена. Просмотренные нами сборники Псевдо-Зонары (Зинар) показывают, что отдельные статьи могут выпадать, перемещаться и прочее, что связано иногда просто с гаплографией или значительной утратой листов (как например, в двух ранних списках – ГИМ. Хлуд. 76 или РГБ. Муз. 3169). Осуществленное в Болгарии факсимильное издание неполного Архивского Номоканона [19] не внесло облегчения в изучение сборника. Это связано с тем, что отыскивать статьи в сборнике и ссылаться на его листы при сравнении с другими списками сложно технически. Поэтому в начале работы по каталогизации для сборников, не имеющих издания с нумерацией статей, необходимо создать эту нумерацию, даже если она будет иметь предварительный характер. При этом сборник Зинар получил устойчивую нумерацию в списках XVII в. и в старообрядческих печатных изданиях. Она сделана очень неудачно – в ряде случаев одна статья разделена на несколько номеров, в других, целые группы статей не получили номера, тем не менее она должна быть учтена при создании новой нумерации.

На наш взгляд, необходимо продумать нумерацию статей и при подготовке издания Новгородско-Синодальной Кормчей, так как помимо 70 глав, включенных в оглавление, существует целый ряд статей, не получивших номера, однако имеющих большое значение для последующей традиции.

Таким образом, необходимо не столько договариваться о том, как называть большие собрания текстов (хотя эта тема и является постоянным предметом дискуссий), потому что всегда для больших собраний можно проставить варианты их обозначения, сколько уточнять названия отдельных частей собраний (блоков) и отдельных статей. Так как статьи в рукописях не имеют устойчивого названия или могут иметь слишком обширное название, то возникает вопрос об их названиях для каталога. В указанном немецком каталоге инципиты приводятся лишь для статей, не идентифицированных составителями.

Для славянских канонических сборников проблему представляет и расширение их состава за счет в основном статей не юридического характера, а разного рода епитимийных правил и учительных текстов, обращенных к разным категориям: мирянам, исповедникам, духовникам, священникам, властям и особенно монахам. Возможно, тематическое деление поучений позволит выявить близкие тексты, скрывшиеся под разными названиями.

Мы предполагаем разделить помещенные в каталог сборники на 3 уровня: 1) устойчивые юридические и канонические собрания; 2) сборники, в которые входят не только юридические и канонические тексты, но и другие блоки; 3) сборники, в которых представлены лишь отдельные блоки юридических статей или отдельные юридические и канонические статьи. Подобное

деление позволит по-разному представить имеющиеся в составе сборников памятники.

К Сборникам I типа относятся **Кормчие всех редакций, Мерило Праведное, Пандекты и Тактикон Никона Черногорца, Сборник Зинар, Синтагма Матфея Властаря, Собрание правил Иоанна Зонары, Законник Стефана Душана, Номоканон при Большом Требнике.** Сборники I типа делятся на редакции, что дает возможность описывать не каждый в отдельности, а редакции целиком, отмечая для отдельных рукописей отступления от основной редакции.

Сборники II типа нуждаются в подробном описании и их типологизация отсутствует. Часто их можно охарактеризовать по преобладающему блоку. К этому типу относятся разного рода «Номоканоны», Сборники канонического содержания.

Что касается III типа сборников, то для них можно указывать лишь нужные статьи и давать общую типологию сборника. К этому типу относятся Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., Требники, Златоструй (РНБ, Ф.п.1.46), Златая цепь, Студийский устав, Служебник, Иерусалимский устав.

Большую проблему представляют и различные славянские шрифты, используемые для описания рукописей, с системой сокращений (как и раскрытие этой системы). Они становятся препятствием при публикациях, при цитировании, при составлении указателей. Для историков права они не представляют значения, а лингвисты предпочитают обращаться непосредственно к рукописи. До сих пор попытки унификации славянских шрифтов или правил передачи текстов не привели к успеху. Поэтому можно только приветствовать, что составители нового Каталога раскрывают сокращения и используют гражданский шрифт.

Новые технологии, которые сейчас часто используются как барьер между историком и источником (когда историку предоставляют в хранилищах вместо рукописи диск), могут служить и другой цели – создания базы юридических и канонических рукописей, подлежащих исследованию на разных уровнях. Но для этого должна быть проявлена добрая воля хранителей на предоставление копий памятников, а не продажа их по коммерческим ценам. Современные технологии позволяют обсуждать описания на уровне подготовки, с привлечением широкого круга специалистов. Это отнюдь не упраздняет задачи отдельных хранилищ по описанию рукописей и не представляет конкуренции для хранилищ, но дает возможность решать насущные проблемы изучения памятников средневекового права у славян. Без этого изучения невозможно и понимание правовой славянской традиции Нового времени.

При составлении каталога славянских церковно-правовых рукописей возникают трудности с названием памятника. Ряд канонических текстов (в основном, русского происхождения) получил название при издании в «Памятниках древнерусского канонического права» в 6-м томе Русской исторической библиотеки. Так как историки давно используют это издание, то, казалось бы, логично употреблять именно эти названия. Но некоторые из изданных текстов получили другое название в Русском феодальном архиве (изд. 1986 г.) и

в Письменных памятниках истории Древней Руси [20]. Составители нового Каталога также дают, как правило, другое название тексту. При росписи состава Печатной Кормчей мы все время сталкиваемся с проблемой отсутствия единства в названиях глав.

Покажем сложности на примере двух текстов, представляющих особый интерес для истории русской церкви.

В «Памятниках древнерусского канонического права» под номером 7 было опубликовано «Святительское поучение новопоставленному священнику» [21]. Почему-то издатели не стали помещать «молитву отпустную», которой заканчивается текст и в ГИМ. Син. 132, и в ГИМ. Чуд. 4, хотя несомненно, что Поучение и молитва представляют единое целое. В Русском феодальном архиве этот же текст, приписанный по непонятным причинам архиепископу Феодосию, был опубликован как «Поучение [Ростовского и Ярославского] архиепископа [Феодосия Бывальцева] новопоставленному попу или настоятелю монастыря. [Ростов. 1454 г., июня 23 – 1461 г., мая 3]» [22]. Хотя в самой рукописи заглавие текста: «Поучение архиепископа имярек игуменом и попом» [23], а в оглавлении сборника послание названо «Поучение архиепископа имярек попом» [24], то есть нет никаких оснований для атрибуции его именно архиепископу Феодосию. В Письменных памятниках истории Древней Руси этот текст назван «Поучение иерарха новопоставленному священнику» [25]. В Каталоге название приближено к рукописи Чуд. 4: «Свиток законьный, рукоположение епископа, имярек», хотя составители и указали, что в Син. 132 заголовок иной: «Егда отстоять новосвященный поп урок свои...» [26].

Таким образом, следующий исследователь поучения оказывается перед выбором названия для памятника.

Название памятника меняли не только исследователи: изменение названия произошло в Чудовской редакции: здесь исчезло указание на молитвенник и появилось слово хиротония (см. таблицу).

Как показало наше исследование, существует и краткая редакция этого поучения под названием «Наказание святых апостол и святых отец иереом о исправлении церковнем». Нам удалось обнаружить краткую редакцию в составе двух рукописей: сборника середины XV в. из Рогожского собрания (РГБ. Ф. 247. № 253. Л. 199 об.–201 об. Сборник содержит Рогожский летописец, из канонических текстов: Вопрошание Феогноста, правила апостола Павла, Сказание об армянской ереси, Анастасия Антиохийского изложение о вере и др.) и Кормчей Западнорусской редакции (РГБ. Ф. 98, собр. Е.Е. Егорова. № 245. Л. 397). В краткой редакции опущены цитаты и отсутствует предпоследний раздел, где перечисляются «имена» для священника. Почти все сентенции краткого поучения можно отыскать в пространном поучении, но порядок их расположения изменен.

В РГБ. Егор. 245 Поучение встречается и второй раз в краткой редакции, но другого извода и помещено под заглавием «Егда предстоит новосвященный поп урок свои» [27].

В более поздних Кормчих Западнорусской редакции, имеющих в собрании РГАДА, была продолжена работа по созданию поучений Киевских митрополитов. Л.В. Мошкова частично определила характер этой работы, обозначив его как циклы поучений, включающие в себя и формулярные тексты, и указала на близость к Новгородско-Синодальной Кормчей [28].

В трех списках Кормчих (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1594; Ф. 181. Оп. 1. № 1596; Ф. 196. Оп. 1. № 1620) содержится три цикла поучений, которые целиком представлены только в последнем из указанных списков, датированном XVII в., в этом же списке имеется и четвертый цикл, который остался незавершенным.

Краткая редакция святительского поучения с изменением обращения на множественное число входит в состав первого цикла поучений Кормчей Западнорусской редакции: «Наказание святых апостол и святых отец от правил седми вселенских съборов к иерею, попом и о исправлении церковнем» [29].

Во втором цикле поучений почти дословно воспроизведена пространная редакция поучения под названием: «Се ж повчение святительско от херотнии сее» Начало: «Се тебе чадо Господь поручи священие службы страшнее и таине»[30]. В обоих циклах имеется еще одно поучение священникам, которое также носит формулярный характер и представляет собой более позднее и более четкое объяснение обязанностей священника: «с(е) херотонии наука». По окончании этого поучения говорится: «Се ес(ть) список митрополии осмотривалны. Сии список и херотонию дльжен ес(ть) имети каждый у себе священник и потому церковь Божию и дети духовныи правити» [31]. Таким образом, появилось новое название «Се хиротонии наука», которое перешло и в печатные издания, но при этом нужно отметить, что это название употребляется для разных памятников и, по-видимому, само его появление связано с какой-то работой по дополнению первоначального святительского поучения. Оно содержит указания, как содержать священнику престол, что должно находиться на престоле, как сохранять агнец, какие иметь книги в церкви. В перечень необходимых книг входят помимо Евангелия, которое должно находиться на престоле, Апостол, Псалтирь, Октоих, Минеи, две Триоди, два Пролога. При этом допускается замена Октоиха на Шестоднев, Минеи на Трефологий и общую Минею, Прологов – на Соборничек. Особенно оговаривается наличие исправного Службника и правильное совершение чина крещения.

В составе Печатной Кормчей поучение помещено как 60 глава, хотя оно и отсутствовало в основном протографе – ГИМ. Воскр. 28 [32]. Заглавие показывает сложность движения текста: в нем появляется слово «хиротония» и указание, что текст выписан «из правил», то есть что текст в какой-то момент был изъят из Кормчей (по-видимому, во время отдельного издания 1650 г.), а затем вновь в нее вернулся.

<p>ГИМ. Син. 132. Л. 583 г</p>	<p>Пермский педагогический университет. Собр. рукописей, № 1. Л. 241</p>	<p>Кормчая. Моск. печатный двор, 1653. Гл. 60. Л. 601 об.–606</p>
<p>Егда ѿстоитъ ново- сщныи по оурокъ свои. оу сворноѣ цркви тако же обычаи ксть. кппъ ѿпоущаа и къ пороченѣи кму цркви наказавъ дасть кмоу ѿ роукоу свою матввникъ и прочтъ кмоу сви- токъ съ положить на алтари и ве- литъ кмоу взати видѣнниа и паматъ сщнниа</p>	<p>егда ѿстоитъ новосщ- ныи попъ оурокъ свои оу сворныа цркви, ако обычаи е. ппъ ѿпущаа къ порочено емъ црки показавъ и да емъ ѿ правилъ стхъ аплъ хиротонію и проче емъ свитокъ съ и по-ложить и на прѣлѣ. и велитъ емъ взати вѣдѣнїе. и паматъ сщнїа:</p>	<p>О хиротонии, сиречь о рукоположении святи- тельском на новопостав- ленному иереи выпи- сано из правил святых апостол и святых отец. Егда отстоит новопосвя- щенный поп урок свой у соборныа церкви, тогда наказав его святитель, и прочет ему свиток сеи, положит во олтаре, на престол и велит ему взя- ти от престола ведения сего память, священнаго рукоположения и наказа- ния. Се тебе чадо...</p>

Несомненно, что перед нами текст, который имел значение на протяжении всей истории русской церкви, по меньшей мере с XIII в. В него могли вноситься добавления, ему могли менять заглавие, в него могли вставлять имена епископа и священника. Список такого свитка, выданный 15 декабря 1562 г. в Новогрудке священнику Михаилу митрополитом Сильвестром, носившим титул «митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси», хранился в архиве греко-униатских митрополитов при Св. Синоде в XIX в. и был издан в 1848 г. в Актах, относящихся к истории Западной России [33]. Другой список с именем митрополита Антония, но без имени священника находится в Требнике 1605 г. (ГИМ. Усп. 64). Этот текст могли перерабатывать для составления собственных поучений. Из рукописной традиции он перешел в печатную – его стали издавать отдельной брошюрой – известно издание в Стрятыне не позднее 1603 г. «Харитония, то есть поповская наука» [34], во Львове в 1642 г. и в Москве 1650 г. В каталоге РГБ значатся издания «Поучение святительское к новопоставленному иерею» 1696 г., 1774 г., 1795 г., 1799 г. [35] В нашем распоряжении имеется брошюра, изданная в Варшаве в 1930 г., с двумя добавлениями после основного текста: «Наставления от архипастыря священнику», «Что должен делать священник по пастырской своей должности» [36].

При таком стабильном употреблении текста поучения на протяжении столетий хотелось бы, чтобы за ним все-таки закрепилось одно научное название, и современный исследователь истории церкви не принял бы его за

труд архиерея-издателя, как это произошло даже с замечательным знатоком исторических памятников С.Т. Голубевым, который переиздал его и приписал львовскому епископу Арсению Желиборскому: «В издаваемой нами брошюре только одно поучение новопоставленному иерею (разумеется, вместе с “изъяснением темнейших словес, в поучении сем обретающихся”) принадлежит перу Желиборского» [37].

И теперь составитель описания Новгородско-Синодальной Кормчей или следующего каталога стоит перед трудным выбором: следовать ли одному из уже предложенных в отечественной историографии названий памятника или ввести новое.

Несколько лучше обстоит дело с близким по содержанию текстом, опубликованным издателями РИБ под № 8 под названием «Епископское поучение собору епархиального духовенства» [38]. Начало: «Слышити ереиский преподобный изборе, к вам ми слово». Издатели Письменных памятников истории Древней Руси сократили название до «Почтение к собору духовенства» [39], а в Каталоге оно получило промежуточное название «Почтение собору епархиального духовенства», но размещено среди текстов, атрибутируемых Кириллу, митрополиту Киевскому (со знаком вопроса) [40]. Разумеется, вопрос об атрибуции этого текста вряд ли будет решен окончательно, однако его наличие в составе «Златой цепи», куда входят и тексты Серапиона Владимирского, дают возможность предполагать в качестве автора епископа Серапиона, что уже пытался доказать В.А. Колобанов [41]. К тому же в Варсонофьевском списке Кормчей (ГИМ. Чуд. 4) XIV в. оно помещено с атрибуцией Василию Великому [42].

В списках Чудовской редакции это поучение расширено вставкой: «Попом и всему священническому чину что речет правило» и десятью пронумерованными главами, первые восемь начинаются словом «веруй» (ГИМ. Чуд. 167. Л. 247–249 об.) [43]. В Пермском и Чудовском списке оно имеет заглавие «Почтение епископа к иереом» и не содержит указания на Кирилла. Но в других списках этой редакции появляется указание «епископле ко ереом Кирилово» [44].

В Лукашевичском списке Лукашевичской редакции [45] в это поучение была сделана большая вставка после слов: «умножих талант от Бога в священние» Далее идет большой текст, который занимает семь листов рукописи. В нем соединены несколько тем (запрет служить согрешившему священнику, о троеперстном крестном знамении, об обязанностях сохранять причастие). В текст поучения вклиниваются и правила священникам, определяющие, когда он не может служить [46]. Однако в рукописи РГБ. Никиф. 5 этот текст находится без изменения, то есть эту вставку нельзя считать особенностью редакции в целом. Нам кажется, что это важное наблюдение, показывающие, что одна статья может отличаться не только в разных редакциях Кормчих, как это уже отмечалось [47], но и в списках, принадлежащих к одной редакции. В Лукашевичской редакции в списках Лукашевичском и Никифоровском дополнения к Почтению, имеющиеся в Чудовской редакции, вынесены в отдель-

ную главу (гл. 116) [48], но при этом они не содержат 10 учительных главок. В Лукашевичском списке после этой главы следует цикл Поучений к священникам [49].

Это же поучение использовано и в 4-ом цикле Поучений Киевских митрополитов.

То, что разные редакции одного текста могут встречаться в составе одной рукописи, хорошо известный факт. Но он не получил, на наш взгляд, достаточного объяснения, хотя с ним сталкивались все исследователи Русской Правды и княжеских уставов. Наиболее простое объяснение состоит в том, что составители имели в качестве антиграфов тексты разных редакций и не стали сводить их в одну компиляцию, но переписали оба. Возможно, и более сложное объяснение: они отредактировали текст и поместили его уже в своем новом варианте. В таком случае, это может быть связано с переходом текстов из одного вида сборников в другой.

Как показано и в Каталоге, одним из приемов создания текстов, является компилирование фрагментов, обозначаемых составителями Каталога как «монтаж из выписок». При этом составители каталога не сочли подобным монтажом «Правило епископом», хотя нами было показано, что текст Правила был составлен именно таким образом [50].

Возможно, что параллельно с изданием Кормчей Новгородско-Синодальной редакции, необходимо подумать и о переиздании Памятников канонического права с учетом выявленных новых редакций памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 341.

2. *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts.* Т. 1: Die Handschriften des weltlichen Rechts. Nr. 1–327 / von L. Burgmann, M. Th. Foegen, A. Schminck, D. Simon. Frankfurt am Main, 1995. S. 10.

3. *Catalogue des manuscrits grecs juridiques deposes au Centre de recherches slavo-byzantines „Ivan Dujcev“ de l'Universite „St. Clement d'Ohrid“ de Sofia / Dorotei Getov, Vassilis Katsaros, Charalambos Papastathis.* Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, 1994.

4. *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts.* Т. 1. S. 12.

5. НИОР РГБ. Ф. 193. еж.хр.8, 9.

6. Об этой проблеме см.: *Белякова Е.В.* Рукописные Кормчие и проблема состав-

ления сводного каталога славянских канонических и юридических памятников // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. М., 2012. С. 185–187; *Она же*. О задачах составления сводного каталога канонических памятников // Современные проблемы археографии. Сб. статей по материалам конференции, проходившей в библиотеке РАН. 25–27 мая 2010. СПб., 2011. С. 50–54.

7. *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива. С. 340.

8. *Правда Русская* / подг. В.П. Любимов, Н.Ф. Лавров, М.Н. Тихомиров, Г.Л. Гейрманс, Г.Е. Кочин. Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1–2.

9. Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / сост. Жучкова И.Л., Мошкова Л.В., Турилов А.А. М., 2000.

10. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2005. Вып. 1: Апостол – Кормчая / под ред. Л.В. Мошковой. С. 380–470.

11. РИБ. СПб., 1880. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Стб. 111–112. № 8.

12. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / отв. ред. Д.М. Буланин. СПб., 2014.

13. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. С. 367.

14. *Мошкова Л.В.* Апостольские правила в Кормчей русской редакции: принципы соединения текста // *Религии мира. История и современность*. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 44–75.

15. *Максимович К.А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. (юридические тексты). М., 1998.

16. *Constantinescu R.* Vechiul drept romanesc scris Repertoriul izvoarelor 1340–1640. Bucaresti, 1984.

17. *Найденова Д.* О работе над каталогом славянских юридических рукописей из собрания болгарских библиотек // *Современные проблемы археографии*. С. 55–63.

18. *Cotelerius J.B.* Ecclesiae graecae monumenta. Luteciae Parisiorum, 1677. Т. 1.

19. Архивски Номоканон. Български рхкопис от XIV век. Фототипно издание. Шумен, 2007.

20. Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003.

21. РИБ. Т. 6. Стб. 101–110. № 7.

22. РФА. М., 1987. Т. 2. С. 317–320. № 104.

23. РФА. Т. 2. С. 317 (ГИМ. Син. 562. Л. 230 об.).

24. РФА. М., 1986. Т. 1. С. 57.

25. Письменные памятники истории Древней Руси. С. 166–167. № 58.

26. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. С. 425. В Каталоге отсутствует указание на издание памятника в РИБ.

27. РГБ. Егор. 245. Л. 418.

28. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1. С. 454.

29. РГАДА. Ф. 181. № 1596. Л. 329–331 об.

30. РГАДА. Ф. 181. № 1596. Л. 7–7 об. (только фрагмент); Ф. 181. № 1594. Л. 490 об.–493; Ф. 196. № 1620. Л. 549–551.

31. РГАДА. Ф. 196. № 1620. Л. 553 об.; Ф. 181. № 1594. Л. 495 об.

32. Белякова Е.В. Издание Кормчей Книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.
33. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 3, № 31. С. 116–118.
34. Исаевич Я.Д. Преемники первопечатника. М., 1981. С. 30–31.
35. Поучение святительское к новопоставленному иерею. М.: Печатный двор, декабрь 1696; Поучение святительское к новопоставленному иерею. М.: Синодальная типография, 1774; Поучение святительское к новопоставленному иерею. М.: Синодальная типография, 1795; Поучение святительское к новопоставленному иерею. М.: Синодальная типография, 1799.
36. Поучение святительское к новопоставленному иерею. Варшава: Синодальная типография, 1930.
37. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт церковно-исторического исследования). Киев, 1898. Т. 2. С. 327.
38. РИБ. Т.6. Стб. 111–116. № 8.
39. Письменные памятники Древней Руси. С. 164–166. № 57.
40. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. С. 218.
41. Колобанов В.А. О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попам» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 159–162.
42. ГИМ. Чуд. 4. Л. 189.
43. Корогодина М.В. Древнерусское богословие и катехизические тексты XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 11–19.
44. РГАДА. Ф. 181. № 1592. Л. 402. См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. С. 284. № 80.
45. Корогодина М.В. Спорные вопросы в изучении Лукашевичской редакции Кормчей книги // Религии мира. История и современность. 2006–2010. С. 125–133.
46. РГБ. Ф. 152. № 1. Л. 336 об.–340.
47. Белякова Е.В. «Той же Василий Иоанну» или сколько существует славянских редакций 133-й новеллы Юстиниана? // Религии мира. История и современность. 2006–2010. С. 76–89.
48. РГБ. Ф. 152. № 1. Л. 361 об.–364; РГБ. Ф. 199. № 5. Л. 264 об.–266 об.
49. О цикле поучений к священникам см.: Баранкова Г.С. Сборники дидактического характера, обращенные к иереям и мирянам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 10–11.
50. Белякова Е.В. Памятники канонического права в истории славянских церквей на пороге Нового времени // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени: Материалы XXIV конференции «Славяне и их соседи». М., 2008. С. 14–21.

С.А. Давыдова

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СВОДНОГО ПАТЕРИКА

В славяно-русской письменности произведения древнего египетского монастыря, рассказы о монастыре Палестины, Египта, Рима были сосредоточены не только в составе полного корпуса патериков [1], но и в форме выписок из них в сборниках. Среди многочисленных сборников разного состава обращает на себя внимание компиляция, известная в науке под условным названием «Сводный патерик». В ней сосредоточено особенно много патериковых произведений, хотя наряду с ними здесь имеются сходные по содержанию и в литературе не встречающиеся повести, а также фрагменты житий. Именно поэтому название рукописей этого сборника – «Съписания от поучении и от повести и от жития преподобных и богоносных отецъ нашихъ».

Впервые эта компиляция упомянута еще Н. И. Петровым [1]. Он назвал встретившийся ему необычный сборник «византийским, или сводным патериком» и предположил, что составлен был этот сборник в Константинополе или Олимбском монастыре в VII–VIII вв. [2] Изучение Сводного патерика было предпринято лишь в начале XX в. И.П. Ереминым. В Киеве была опубликована его статья на украинском языке под заглавием «"Сводный патерик" у південно-слов'янських, українському та московському письменствах» [3] («Сводный патерик в южнославянской, украинской и русской литературах» [4]). До сих пор эта работа остается наиболее масштабным исследованием об этом сборнике.

История появления этой статьи несколько загадочна. Действительно, почему начинающий петербургский ученый издал свою работу в Киеве? Прямой ответ на этот вопрос мы вряд ли найдем, но некоторые сведения можно почерпнуть в работах М.А. Робинсона о судьбе русской науки в 20–30 гг. XX в. [5]. В них ученый представил довольно подробные архивные разыскания о том, что происходило с Академией наук в то время, как большевистская власть реформировала отделение русского языка и словесности и по сути уничтожала старую науку как немарксистскую и пропагандирующую религиозную тематику. Соответственно, были реформированы и академические из-

дающие организации. В этих условиях издавать какие-либо исследования о средневековой русской письменности и литературе было чрезвычайно сложно даже известным академикам, не говоря уж о скромных исследователях. Большую роль в научной судьбе И.П. Еремина сыграл его учитель и наставник В.Н. Перетц.

И.П. Еремин был одним из любимых и перспективных учеников В.Н. Перетца и слушателем его «Семинария русской филологии» в Петроградском–Ленинградском университете. Еще в студенческие годы Еремин активно приобщался к славистической науке и посещал Отдел рукописей Публичной библиотеки; благодаря протекции Перетца, изучал древнерусские рукописи в хранилищах Москвы. Например, в начале 1920-х гг., когда Еремин работал над Притчей о слепце и хромце, Перетц в письмах к М.Н. Сперанскому, который возглавлял Отдел рукописей ГИМ в 1921–1929 гг., просил помочь своему ученику с рукописями Пролога и переводных патериков [6]. Думается, именно в это время Еремин заинтересовался темой славянских патериков, а книга Петрова о Прологе была стимулом создания новой работы о малоизвестном сборнике патериковых произведений.

Понимая необходимость издания исследования Еремина о Сводном патерике, но и невозможность сделать это в Ленинграде, В.Н. Перетц, являясь с 1919 г. внештатным академиком Украинской АН, а в 1926 г. избранный в ее состав, по-видимому, использовал свои связи, а также более благоприятную обстановку, которая еще сохранялась в то время в Украинской АН. Об этом он сообщал в письме М.Н. Сперанскому от 9 мая 1926 г.: «...здесь гуманитарные науки не только не терпят утеснения, но даже поощряются; I и III отделения печатают больше, чем II физико-математическое» [7]. Напомним, в 1926 г. Перетц сам выпустил в Киеве свою монографию о «Слове о полку Игореве» именно из-за трудностей ее издания в Петербурге.

Статья Еремина вышла на украинском языке, но наверняка первоначальный текст ее был на русском. К сожалению, в архивах Еремина и Перетца отсутствуют не только русский вариант статьи, но и какие-либо сведения об этой работе [8].

При ближайшем взгляде на русский текст статьи Еремина создается впечатление, что в Киеве при переводе она получила некоторую редакторскую правку. На такой вывод наводят некоторые встречающиеся в ней несоответствия сложившемуся в науке взгляду на литературный процесс Руси и Украины Средневековья. Так не только в заголовке, но и везде в тексте статьи словосочетание «украинская литература» предшествует словосочетанию «русская литература» [9], тем самым подчеркивается первенство именно украинской литературы, а не русской, хотя известно о воздействии русской литературы Средневековья на украинскую, украинские рукописи каких-либо произведений более поздние, чем русские [10]; в нашем случае, украинские рукописи Сводного патерика сохранились с XVI в., в то время как русские – с конца XIV в. Кроме того, встречаются плохо вписывающиеся в общий контекст статьи отдельные фразы, например: «В конце XIV в. Сводный патерик уже суще-

ствовал, и его переписывали даже в России» (XV. С. 61) или «Мы не только не знаем об их литературной судьбе, но не можем точно сказать, сколько «скитских» патериков вообще существовало в древней украинской письменности» (XII. С. 49) и др.

Однако, оставляя в стороне «украинские мотивы», выделим самые важные этапы исследования Еремина.

Прежде всего он «отфильтровал» из большого количества рукописных книг не только рукописи Сводного патерика с их обычным названием «Съписания от поучении...» (см. выше), но и такие, которые, имея неверное название «Скитский патерик» или «Лавсаик», являлись таким же сборником. В статье перечислено 60 болгарских, сербских, русских и украинских списков из хранилищ ГИМа, Румянцевского музея (РГБ), Публичной библиотеки (РНБ). На основе исследования состава списков автор приходит к таким выводам.

1. Все списки восходят к трем основным редакциям – в статье они обозначены греческими буквами α , β , и γ . Эти три редакции появились независимо друг от друга, но восходят к одному архетипу, который Еремин реконструирует на основе этих трех редакций; указываются отличия в их составе. Редакция γ – основная – имеет большое количество разновидностей. Они обозначены путем прибавления латинских букв: $\gamma\alpha$, $\gamma\beta$, и т.д. – до $\gamma\rho$. Состав каждой из этих разновидностей описан, а недошедшие (промежуточные) разновидности реконструированы. Перечислены все списки, представляющие ту или иную редакцию, а также разновидности редакции γ .

2. Причины отличий каждой из разновидностей редакции γ состоят в сознательной редакторской переработке. Это сокращение количества статей, или напротив их увеличение (интерполяция), тематическая циклизация.

3. Практически нет абсолютно сходного состава списков даже одной и той же разновидности редакции.

К сожалению, в статье отсутствует стемма происхождения сборника, но она, по-видимому, была, поскольку он пишет: «Закончив обзор рукописей Сводного патерика, предлагаем графическую схему его литературной истории (stemma codicum)» (XV. С. 61). Без нее понять цепь взаимосвязей и взаимозависимости всех установленных автором редакций и их разновидностей очень сложно.

4. Основное содержание сборника (около 75%) составляют выписки из переводных патериков – Синайского, Скитского, Азбучно-Иерусалимского, Римского, причем тексты выписывались не из новых переводов, а из старых. Обновлялись лишь архаизмы в языке источника. Сюда же включались похожие на патериковые «полусветские» повести и рассказы, составленные на славянской почве, и фрагменты житий. «Сводный патерик... не является переводом с греческого, а это компиляция сделанная славянином на основе опять-таки славянских источников», – делает вывод автор (XV. С. 78).

Попутно замечу, что ученый не располагал должным количеством публикаций о патериках – в то время их было крайне мало. И тем не менее он безошибочно определял источники статей Сводного патерика [11].

5. Все исследуемые списки Сводного патерика изобилуют среднеболгаризмами, из чего следует, по мнению автора, что родина его – Болгария. Предложенный им анализ языка свидетельствует о времени составления сборника не ранее XIII–XIV в. (XV. С. 9–60, 78, 82).

6. Сводный патерик на Руси вытеснил древние патерики, о чем свидетельствует огромное количество сохранившихся списков Сводного, но совсем небольшое – древних патериков.

7. Сводный патерик, со времени своего появления на Руси, был постоянным источником выписок различных четых сборников, некоторые из них указываются (XV. С. 57–59).

Новые сведения о литературной истории Сводного патерика представлены также в книге С. Николовой 1980 г. [12]. Исследование болгарской исследовательницы было посвящено прежде всего бытованию в Болгарии XI–XIII вв. патериковых произведений, и как один из этапов их распространения – в составе Сводного патерика [13].

С. Николова дополняет список рукописей Сводного патерика, найденных Ереминым. Используя его классификацию редакций и их разновидностей, она вводит в оборот болгарские списки этого памятника, датированные начиная со второй половины XIV до XVI в. **основной редакции γ, а также сборники выписок из него.**

Датировать составление Сводного патерика, по ее мнению, следует началом XIV в., поскольку выписки из него имеются в сборнике смешанного содержания этого времени АБАН, № 77.

Автором сопоставляются тексты из Сводного патерика со сходными статьями древних патериков по спискам XIV–XVI вв. **На этом основании** заключается, что при составлении Сводного патерика могли быть использованы тексты других редакций древних патериков или вообще другой их перевод.

В книге представлено критическое издание рассказов и повестей Сводного патерика по 5 болгарским спискам основной редакции γ.

Это издание имеет несомненное значение для науки. Жаль, что по причине большого объема памятника в это издание включены не все имеющиеся в сборнике произведения.

Любопытны выводы, к которым пришел австрийский ученый Г. Биркфельнер при изучении извлечений в Сводный патерик из Римского патерика («Диалогов» Григория Великого): 32 текста из 3-й, но в основном из 4-й книг «Диалогов» выписаны в Сводный патерик разновидности редакции γf (по Еремину) из нового, до сих пор не известного науке перевода этого произведения, сделанного в Болгарии [14].

В медиевистике любое исследование требует корректировки, как бы надежно оно не было, а тем более, если оно проведено в науке впервые. И.П. Еремин считал свою работу «черновиком» и возлагал надежды на будущих исследователей в окончательном решении литературной судьбы этого сборника, появившегося на волне второго южнославянского влияния. Несмотря на то, что его работа была дополнена другими исследователями, все же

отдельные моменты литературной истории Сводного патерика до сих пор не решены или освещены недостаточно. К ним, на наш взгляд, относится следующий ряд проблем.

До сих пор все-таки не ясны первопричина составления сборника и для кого он написан. В данном случае следует исходить, как нам представляется, из содержания и тематического подбора статей компиляции. Вспомним, что 1/3 сборника составляют рассказы, выписанные из «Луга Духовного», немало «полусветских» повестей и рассказов. Остается невыясненной причина многих переделок и интерполяций на протяжении истории бытования сборника.

Другая сторона исследования Сводного патерика – уточнение характера источников: были ли использованы старые переводы житий и патериков, как считал Еремин, или все-таки в его составе мы сталкиваемся с исправленными редакциями, другими переводами текстов тех же произведений.

3. Нам совершенно не ясна литературная история памятника в Сербии. Однако о некоторых сербских рукописях специально упомянуто Н.И. Петровым [15] и И.П. Ереминым (XV. С. 57, 82).

4. Важное направление в изучении Сводного патерика – изыскание новых списков памятника в наших книгохранилищах. Их обнаружение поможет подтвердить или скорректировать имеющиеся научные разработки. Например, вне поля зрения ученых остались некоторые списки Рукописного отдела Библиотеки РАН. Первый (33.10.3) – третьей четверти XV в., без заголовка, после которого следует Азбучный патерик. Согласно классификации Еремина, это список Минейной редакции α , наиболее близкой к архетипу, со следами среднеболгарской орфографии. Другой, 21.3.12, разновидности γg , – русский, XVI в. К этому же времени относится еще один русский список Сводного патерика – 21.6.4. В рукописи он следует вслед за Египетским патериком, после «Лавсаика», и воспринимался писцом, вероятно, как продолжение последнего, а потому не имеет должного заголовка. Начальные тексты в этом списке соответствуют редакции β , но затем в нем следуют иные, чем в Сводном патерике этой редакции, выписки из Азбучного, Скитского, Синайского патериков, различных житий.

Последнее, что хотелось бы подчеркнуть. Для исследователя очень важна точная атрибуция текста, находящегося в составе Сводного патерика и в каком-либо из патериков древних, в составе Сводного патерика и какого-либо жития. От этого зависит вывод об истории памятника.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К произведениям египетского монашества (патерик, или отеческие книги) относится собрание *Apophthegmata patrum*. Произведения этого собрания находятся в книгах под условными названиями Азбучно-Иерусалимский и Скитский патерики. На Руси слово «патерик» из родового понятия стало видовым, и другие произведения о монашестве также стали называться патериками. К ним относятся «История египетских черноризцев» и «Лавсаик» (произведения входят в состав Египетского патерика), «Луг Духовный» Иоанна Мосха (Синайский патерик), «Диалоги» Григория Великого (Римский патерик). О патериках см.: *Николаев Н.И.* 1) Патерик Азбучно-Иерусалимский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 299–302; 2) Патерик Египетский // Там же. С. 302–308; 3) Патерик Римский // Там же. С. 313–316; 4) Патерик Синайский // Там же. С. 316–321; 5) Патерик Скитский // Там же. С. 321–325. Новейшее издание греческих текстов *Apophthegmata partum* см.: *Les Apophthegmes des Pères : collection systématique / introduction, texte critique, traduction et notes par Jean-Claude Guy // Sources chrétiennes ; no 387, 474, 498. Paris, 1993–2005*; Издание славяно-русского Скитского патерика см.: *The Scete Paterikon / introduction, maps and indices by William R. Veder. 494 p.; Patericon Sceticum: Greek text, Latin translations of the 6th c., English translation of the Slavonic textus receptus / ed. by Johannes G. Van der Tak, William R. Veder. 724 p.* Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа / изд. Уильям Р.Федер. 750 с. Amsterdam: Pegasus, 2012. 3 v.: ill. (Pegasus Oost-Europese Studies 12–14); См. также последнее издание Римского патерика: *Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / изд. подгот. К. Дидди. М., 2001.*

2. *Петров Н.И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (Иноземные источники). Киев, 1875. С. 174.

3. *Ерьомін І.* «Сводный патерик» у південно-слов'янських, українському та московському письменствах // *Записки Історично-філологічного відділу*. Київ, 1927. Кн. XII. С. 48–77; Кн. XV. С. 54–101. Далее в тексте указываются ссылки на это издание.

4. Перевод статьи И.П. Еремина с украинского языка выполнен В.В. Муцинской (филологический факультет Петербургского государственного университета).

5. *Робинсон М.А.* 1) О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В.Н. Перетца М.Н. Сперанскому // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 48. С. 459–471; 2) Судьбы академической элиты отечественного славяноведения (1917 – начало 1930 годов). М., 2004.

6. *Робинсон М.А.* О судьбе гуманитарной науки... С. 463.

7. Цит. по: *Робинсон М.А.* О судьбе гуманитарной науки... С. 469.

8. Архив И.П. Еремина находится в Отделе рукописей РНБ (ф. 1111), архив В.Н. Перетца – в РГАЛИ (ф. 1277). Некоторые документы В.Н. Перетца сохранились в составе архива В.П. Адриановой-Перетц, который находится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома), но, к сожалению, он не разобран. Приношу благодарность сотрудникам Отдела, которые познакомили меня со списком документов В.Н. Перетца. Архивы В.Н. Перетца имеются также в Самарском государственном университете и Украинской АН, но они мне были недоступны.

9. Правда, в одном случае в статье все-таки встречается правильный порядок: сначала следует «русская литература», а затем «украинская литература» (XV. С. 83, № 4).

10. См. об этом кн.: *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962.

11. По сути, И. П. Еремин опирался лишь на исследования Пройшена и Батлера о греческой рукописной традиции «Лавсаика» Палладия Еленопольского (*Preuschen E. Palladius und Rufinus. Ein Beitrag zur Quellenkunde des Monchtums. Text und Untersuchungen.* Giessen, 1897; *Butler C. The Lausiaca History of Palladius.* I. Cambridge, 1898; II. Cambridge, 1904), И.М. Смирнова о «Луге Духовном» Иоанна Мосха (Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917), В.С. Преображенского о Скитском патерике (Славяно-русский Скитский патерик: опыт историко-библиографического исследования. Киев, 1909) и А.И. Соболевского о Римском патерике (Римский патерик в древнем церковнославянском переводе. СПб., 1904).

12. *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.

13. Там же. С. 20–23, 36–40, 41–64.

14. *Birkfellner G.* Das Römische Paterikon: Studien zur serbischen, bulgarischen und russischen Überlieferung der Dialoge Gregors des Großen mit einer Textedition. Wien, 1979. I. S. 75–79.

15. *Петров Н.И.* О происхождении и составе... С. 178.

В.Ю. Григорьева

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ КИНОВАРНЫХ ПОМЕТ В ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ XVII ВЕКА

До сих пор научное описание крюковых певческих рукописей составляет для сотрудников библиотек немалую практическую трудность. Проблема не ограничивается нехваткой среди архивных работников музыковедов соответствующего профиля: в самой музыкальной медиэвистике те палеографические признаки, которые позволили бы дать тому или иному памятнику верную характеристику в отношении особенностей нотации, времени и среды его создания, сформулированы недостаточно четко. Из-за этого в описаниях допускается значительное количество неточностей, касающихся в основном определения редакции текста песнопений как «истинноречной» («новоистинноречной») или «раздельноречной», а также атрибуции и датировки киноарных помет. Между тем в палеографическом смысле обе указанные позиции чрезвычайно важны.

В части описания помет затруднения чаще всего возникают при работе с наонными пометными рукописями XVII в. В данной группе источников пометы могут быть проставлены как сразу при написании основного текста, так и спустя какое-то время тем же писцом либо другим лицом, но приблизительно в той же среде и в пределах одного хронологического промежутка. Однако вполне возможна и иная ситуация, когда пометы добавлены значительно позднее, в том числе старообрядцами, которые, как известно, использовали древнерусские певческие книги в богослужебной практике и адаптировали их под свои нужды, в том числе и путем внесения киноарных помет. В существующих библиотечных описаниях данные нюансы чаще всего не отражены, в отдельных случаях – отражены ошибочно. В результате исследователям, разыскивая необходимый для работы материал, требуется просматривать немалое количество рукописей, что, конечно, способствует расширению источниковедческого кругозора, но существенно замедляет собственно музыковедческие разработки.

Наличие недомолвок и неточностей в описаниях в значительной мере вызвано устойчивостью в науке того мнения, что систематически пометы могут быть проставлены исключительно в пореформенных рукописях никоновской

или переходной редакции, а также в старообрядческих. Из-за этого пометы XVII в., если они проставлены подробно, последовательно и находятся в наонных источниках, часто неверно определяются как старообрядческие. Чтобы исключить ошибки такого рода, необходимо указать те признаки, которые позволяют атрибутировать пометы точнее.

Пометы представляют собой буквы славянского алфавита и некоторые специальные значки, проставленные в певческих рукописях киноварью (в отдельных случаях – чернилами), и служат для уточнения звуковысотности, ритмики, мелодического развития, структуры и композиции песнопений, а также вокально-исполнительских особенностей. По своей функции пометы разделяются на несколько групп: звуковысотные, указательные и особые. Звуковысотные пометы образуют два класса: ранние или относительные, не фиксирующие точную звуковысотность напевов, и степенные, таковую фиксирующие. Основные задачи атрибуции помет заключаются в следующем: во-первых, выявить в рукописи звуковысотные пометы; во-вторых, определить, к какому из двух классов они относятся; в-третьих – установить, современны ли они рукописи или привнесены позднее.

В музыковедении хорошо известно, что с течением времени состав и значение киноварных помет, а также интенсивность их применения («густота») на листах рукописей испытывали заметные изменения. Кроме того, для отдельных помет в различные периоды преобладали разные графические типы начертания. Эти признаки и служат основой для атрибуции помет.

Применение помет в певческих рукописях XVII в. условно можно разделить на четыре основных периода, первый из которых связан с ранними (относительными) пометами, а остальные три – со степенными. Для каждого из периодов характерен определенный ряд помет, отчасти совпадающий с другими подобными рядами, но во всех случаях имеющий и собственную специфику. Рассмотрим все четыре периода по порядку. В качестве аналитического материала в данной работе использованы рядовые певческие рукописи, датированные по совокупности палеографических признаков, и музыкально-теоретические руководства, которые отражают соответствующие каждому из периодов фазы развития теории помет.

Первый период характеризуется появлением и употреблением в певческих рукописях ранних (относительных) звуковысотных помет и сопутствующих им помет других групп. Он охватывает первые три десятилетия XVII в. (изредка относительные пометы могут встречаться и в 40-е гг.).

В таблице 1 представлен свод ранних помет, содержащихся в музыкально-теоретических руководствах [2] и рядовых певческих рукописях [3] данного периода. Здесь и далее полужирным курсивом отмечены пометы, использующиеся в рукописях наиболее стабильно; названия и певческие значения помет в основном приводятся по текстам музыкально-теоретических руководств. Варианты начерка одной и той же буквы даны в одной ячейке таблицы; различные способы сокращения одного и того же термина рассматриваются как разные пометы.

Таблица 1

Ранние (относительные) пометы (начало — 30-е гг. XVII в.)

	Пометы	Названия, значения
Звуковысотные	ш	<i>высоко или выше</i>
	и I	изниска
	л	мрачно
	н над / под знаменем	<i>ниско или ниже</i>
	пони	пониже
	р	<i>ровно, равно</i>
	с	светло
	свѣ	светло
	сни	снизу
	сниз	снизу
	сни	снизу
	п над / под знаменем	повыше, или прямо, или пониже петь
... точка над / ... под знаменем	повыше / пониже пой	
Другие	а	единое (однако)
	б, в	<i>быстро</i>
	вер	верти
	верти	верти
	вы	выгни
	выг	выгни
	г	громко или гаркни, голкни
	д	дебело, или <i>держи</i> , или дроби
	дболо	держи больно (долго)
	дино	дикая, певческое значение не определено
	дро	дроби
	дроб	дроби
	ж	прижми или жалостно
	з	задержи или завопи
за	закинути	

Другие	ЗАКИ, ЗАКИ	закинь
	ЗЕЛНО	зельно
	К	качати, покачай или коловратно
	Л	<i>ЛОМИ</i>
	ЛЕ	легко пой
	ЛО	ЛОМИ
	НЕДЕР	не держи
	НЕЗАКИДЫВАИ	не закидывай
	НЕЛАМ	не ломи
	НЕРОВ	неровно (<i>о ряде стопиц</i>)
	НЕСПҮ	не спускай
	О	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	У	опустись или опрокинь
	Ў	от сего поднять или откинь
	п над/ под знаменем	постои или поведи
	ПО	постояти или пониже
	ПОКА	покачати
	ПОТР	потрясти
	ПРИЖИ	прижимка, прижми
	С	скоро, или сломи
	СПА	певческое значение не определено
	СПОД	с подковою (<i>с облачком</i>)
	СРД	(<i>средне?</i>) певческое значение не определено
	Т	<i>тихо</i>
	ТРИЖ	ступити трижды
	У, УҮ, ОҮ	<i>ударя, ударити, ударка</i>
	ҮП	упасти
ХО	певческое значение не определено	

	ч	часто
	ы	рыкни
	з	зелно, зри, строки против строк (одинаково)
	зри	зри
	• (точка) сбоку от другой пометы	певческое значение не определено
	ѣ	строки против строк (одинаково)

Современность помет данного свода основному тексту рукописи обычно не подвергается сомнению: как по составу, так и по степени использования в рукописях они сильно отличаются от помет последующих периодов. Из всего приведенного ряда стабильно в рядовых рукописях употребляется лишь очень небольшая часть помет – 8 из 60 [4], то есть всего около 13,5%. Наиболее употребительны «ч», «н», «в», «т» и «^р», относительно часто встречаются пометы «у», «л» и «д». Нередко две-три ранние пометы образуют возле одного певческого знака сочетания «г т», «н т», «ч т», «с у», «ч у», «ч в», «т в ч» и тому подобные.

На листах рукописей ранние пометы зачастую проставлены только в избранных песнопениях; как правило, они немногочисленны, сопутствуют далеко не всем певческим знакам. При этом необходимо отметить, что ранними звуковысотными пометами часто бывают снабжены такие певческие знаки, которые позднее обычно не имеют при себе звуковысотных помет: это голубчик борзый (^а) и переводка (^л). Для помет «в», «т», и «^р», допускающих варианты начерка, в рассматриваемый период типична полууставная, а не скорописная графика, для пометы «ударка» — «v».

При атрибуции следует учитывать, что часть помет, фигурирующих в источниках первого периода, входит и в число помет, характерных для более позднего времени. При этом пометы, встречающиеся исключительно в рукописях первого периода («ч», «ы», «ж», «за», «и», «ле», «незакидыван», «неров», «по», «оу», «чп», «потр», «срд», «свѣ», «снз» и тому подобное [5]), применяются достаточно редко, а часть из них характерна только для единичных рукописей. Поэтому для дефиниции помет как ранних решающим признаком служит не столько наличие в рукописи тех или иных помет из таблицы 1, сколько отсутствие среди них тех помет, которые появляются лишь на следующем этапе (см. таблицы 2 и 3).

Второй период связан со степенными пометами и ограничивается концом 30-х – началом 70-х гг. XVII в.

В данный период звуковысотным пометам так же, как это было описано выше, сопутствуют пометы других групп – указательные и особые. Главная

особенность второго периода заключается в многозначности звуковысотных помет, которая в древнерусской теории выразилась в применении принципа «сугубого согласия» [6]. В таблице 2 представлены пометы, содержащиеся в теоретических руководствах [7] и рядовых рукописях [8] середины XVII столетия.

Таблица 2

Киноварные пометы середины XVII в.

Пометы		Названия, значения
Звуковысотные	п	<i>высоко</i>
	пг	высоко гораздо
	п̇	средним гласом
	п̇	<i>3-я ступень тресветлого согласия</i>
	г	<i>гораздно ниско или гораздо высоко</i>
	гп	<i>гораздно высоко</i>
	гн	<i>гораздно ниско</i>
	м	<i>мрачно</i>
	м̇	гораздно ниско
	м̇	гораздно высоко
	н	<i>ниско</i>
	нг	ниско гораздо
	н̇	гораздно ниско
	тп	<i>повыше</i>
	т̇	ниско
	т̇	<i>2-я ступень тресветлого согласия</i>
	р	<i>равным гласом</i>
	с	средним гласом
	х̂ε̂	«Христе», средним гласом
	̂	гораздно ниско
	· над знаменем	<i>средним гласом</i>
	· под знаменем	гораздно ниско или ниже, чем было
	—	подтинка — вниз гораздо, ниже
	l слева от знамени	равным гласом

Другие	Б, ъ	<i>знамя борзо пети, бодро, борзо</i>
	гор бор	гораздно борзо
	Д	держи
	дик	дикая, певческое значение не определено
	З	закинути, закинути гласом
	“ над знаменем	<i>качай, покачать, качати гласом</i>
	“ под знаменем	<i>купная, купно</i>
	Л	ломка, ломи
	лѣг	легко пой
	ЛО	<i>ломи</i>
	над	певческое значение не определено
	нескоро	тихо
	о	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	ω	откинь
	ω̄	откинь
	рѣ	певческое значение не определено
	с	скоро
	т	<i>тихо</i>
	тих	тихо
	ѵ, ѵ̄	<i>ударить, ударка</i>
	ѕ	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	ѣ̇	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	¹ над знаменем	розсека, нескоро поется
	¹ справа от знамени	отсека, скоро поется
	ƒ	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	—	Подтинка – тихо
	... точки над/... под знаменем	количество звуков в распеве знамени

Рукописи данного периода, как правило, опомечены полностью: пропущены могут быть только отдельные листы или песнопения. Из 48 [9] помет стабильно применяются 17, то есть примерно 35,5% от их общего количества: таким образом, интенсивность их использования по сравнению с первым периодом значительно увеличивается, возрастает и «густота» их расположения на листах.

Относительно предыдущего периода появляется более 20 новых помет: крыжевая и купная ω (под знаменем) пометы, пометы «с хохлами» « \sim », « π », « σ », с крыжками « ρ », « ζ », « τ », « ρ », двухбуквенные сочетания « $\pi\sigma$ », « $\pi\tau$ », « $\pi\sigma$ », « $\sigma\tau$ », подтинка, розсека, отсека, начертание «равным гласом» как вертикальной черты слева от знамени, помета-ремарка « $\chi\hat{\rho}$ », а также пометы, встречающихся только в единичных источниках — « лєг », « над », « рє », « гор бор », « нескор », « тих » [10]. Следует также отметить, что для части помет — « τ », « π », « σ », « \sim », « π », « σ », точки над и под знаменем — в рукописях данного периода изменяются певческие значения: из звуковысотных относительных они становятся степенными.

Что касается дифференциации помет данного периода от более поздних, то от источников последней трети XVII в. и рукописей со старообрядческой опометкой их отличает использование помет « σ » и « д ». Пометы « $\pi\tau$ », « $\sigma\tau$ », « о », « Ѡ », « ѕ » и точка под знаменем не встречаются в старообрядческой опометке, но могут находиться среди помет последней трети XVII. Впрочем, данные пометы достаточно редки и в середине столетия.

Для помет «борзо», «равно» и «тихо», имеющих по два графических варианта, в рукописях середины XVII столетия встречаются оба: для «борзо» это и полууставное, и скорописное написание «буки», для «равно» и «тихо» — более употребительное обозначение соответствующими литерами и менее употребительное — чертами, для ударки — « ρ ».

К концу второго периода рукописи приобретают все бóльшую подробность опометки, приближаясь по внешнему виду к источникам следующего периода. Главное внешнее отличие их сводится к отсутствию звуковысотных помет для ступеней простого согласия « ρ » и « ω ». При составлении описания для того, чтобы убедиться в том, что данных помет в рукописи действительно не содержится, достаточно проанализировать ряд песнопений 1-го, 5-го и 6-го гласов.

Третий период применения помет также связан со степенными и хронологически соответствует последней трети XVII столетия.

Основной характеристикой данного периода является однозначное соответствие звуковысотных помет конкретным ступеням обиходного звукоряда. К концу его в древнерусской музыкальной теории складывается тот ряд кинварных помет, который с высокой степенью стабильности выдерживается позднее в певческих рукописях старообрядческого письма. Как и в предыдущих случаях, ряд помет данного периода выявлен по музыкально-теоретическим руководствам [11] и рядовым певческим рукописям [12].

Таблица 3

Киноварные пометы последней трети XVII в.

Пометы		Значения
Звуковысотные	и	<i>высоко</i>
	иг	высоко гораздо
	д	средним гласом
	и̇	<i>3-я ступень тресветлого согласия</i>
	г	<i>гораздно ниско</i>
	гд	<i>гораздно высоко</i>
	гн	<i>гораздно ниско</i>
	г̇	1-я ступень простого согласия
	г̇	гораздно высоко
	м	<i>мрачно</i>
	г̇м	гораздно ниско
	м̇	гораздно высоко
	н	<i>ниско</i>
	г̇н	2-я ступень простого согласия или странный голос
	нг	ниско гораздо
	п	<i>повыше</i>
	г̇п	ниско или странный голос
	п̇	<i>2-я ступень тресветлого согласия</i>
	ц	3-я ступень простого согласия
	г̇	гораздно ниско
	· над знаменем	<i>средним гласом</i>
	· под знаменем	гораздно ниско или ниско
	г̇	3-я ступень простого согласия
	—	<i>подтинка — вниз гораздо, ниже</i>

Другие	з	<i>знамя борзо пети, бодро, борзо</i>
	гор	гораздно
	з	закинути, закинути гласом
	“ над знаменем	<i>качай, покачать, качати гласом</i>
	“ под знаменем	<i>купно</i>
	л	ЛОМИ
	ло	<i>ломи</i>
	о	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	ω	откинь
	ω̄	откинь
	ρ	<i>равным гласом</i>
	т	<i>тихо</i>
	ү	<i>ударить</i>
	з	строки против строк (<i>одинаково</i>)
	¹ над знаменем	розсека, нескоро поется
	¹ справа от знака	отсека, скоро поется
	¹ слева от знамени	равным гласом
	—	подтинка — тихо

Из 41 [13] пометы стабильно применяются 18 – почти 44% от общего количества. Пометы располагаются практически у каждого певческого знака за исключением отдельных тайнозамкнутых оборотов, нередко рядом с одним знаком одновременно проставлены и звуковысотная, и указательная или особая помета. Несмотря на то что признак «густоты» опометки является несколько поверхностным и субъективным, в ряде случаев он позволяет верно датировать пометы, не прибегая к более детальному анализу.

Ярким отличием певческих рукописей данного периода от более ранних (начала и середины XVII в.) является применение помет «ч» и «г»; кроме того, в отдельных рукописях последней трети XVII в. встречаются пометы «;», «г̄» и «гор».

От рукописей середины столетия источники последней трети отличает в целом более подробная простановка указательных помет. Между пометами

данного периода и ранними (относительными) пометами ряд различий очень значителен: он включает как только что перечисленные пометы, так и те, что позволяют дифференцировать пометы середины столетия от ранних. От помет же, проставленных старообрядцами, пометы последней трети XVII в. отличается наличие обозначений «†г», «†гг», «о», «s», «w̃», точки под знаменем (а также «г̃» и «гор»).

Для помет «борзо» и «тихо», имеющих по два графических варианта, в данный период более употребительна скорописная графика, для «равно» – полууставная.

Таким образом, свод помет данного периода сильно отличается от других сводов тем, что сочетает в себе как архаические, так и новаторские элементы.

Еще один атрибутирующий признак для рукописей третьего периода – это тип писцового почерка: певческие рукописи последней трети XVII в. могут быть написаны скорописью, для середины же столетия известны исключительно полууставные образцы.

Все рассмотренные выше разряды помет относятся к ситуации, когда киноварные пометы проставлены в рукописи примерно в то же время (или хотя бы в рамках одного хронологического отрезка), когда написан её основной текст. Однако, как уже упоминалось, среди певческих рукописей наонной редакции достаточно распространены такие, которые изначально создавались как беспометные, но позднее, в старообрядческой среде, были снабжены пометами.

Четвертый период применения помет в певческих рукописях XVII в. – старообрядческий. Судя по использованным в данной работе источникам, в большинстве случаев пометы проставлялись в 1-й половине XVIII в. поморцами. Поскольку, как уже было отмечено, пометы, проставленные старообрядцами, в некоторых рукописях могут не отличаться по составу от помет конца XVII в., то при атрибуции, помимо выявления перечня помет в конкретном памятнике, необходимо обращать внимание на определенные внешние признаки: соотношение цвета киновари в инициалах и пометах, соразмерность помет и певческих знаков, органичность расположения помет на листах. Как правило, цвет киновари помет, добавленных старообрядцами, отличается от инициалов рукописи; эти пометы, будучи внесены в рукописи довольно мелкого полууставного почерка, характерного для середины XVII столетия, оказываются крупнее, чем пометы, выписанные в источниках того же периода изначально. Если мысленно «изъять» пометы с листа рукописи, то источник, беспометный по исходному типу нотации, графически будет выглядеть вполне завершенным и внутренне уравновешенным, а имеющиеся старообрядческие пометы будут зрительно уплотнять его, тогда как в источнике, рассчитанном на простановку помет, при их отсутствии расстояния между строками будут выглядеть слишком большими. С этой точки зрения для определения времени простановки помет подспорьем могут оказаться не опомеченные по той или иной причине листы, если таковые имеются в рукописи.

Ряд помет, использовавшихся старообрядцами при адаптации под свои

нужды рукописей XVII в., выявлен по опомеченным ими рукописям [14], по старообрядческим рядовым певческим рукописям разного времени [15] и подтвержден старообрядческим теоретическим руководством «Грамматика певчая церковнаго старознаменнаго песнопения», которое содержит особый раздел по теории помет [16]. Следует иметь в виду, что не все пометы, встречающиеся в источниках старообрядческого письма (особенно в ранних поморских), использовались ими при редактировании и дополнении древнерусских рукописей. Часть помет («д», «гор вор», «гор скор») существовала в их среде в «пассивном», а не в «активном» употреблении и лишь переносилась в старообрядческие списки из более ранних протографов, но не применялась в писцовом обиходе, не ориентированном на копирование. Поэтому в таблице 4 данные пометы не учтены.

Таблица 4

Старообрядческие киноварные пометы XVIII в.

Пометы		Значения
Звуковысотные	д	<i>высоко</i>
	д̣	средним гласом
	д̣̣	<i>высоко в тресветлом согласии</i>
	г	<i>гораздно ниско</i>
	гд	гораздно высоко
	гн	гораздно ниско
	г̣	<i>1-я ступень простого согласия</i>
	м̣	<i>мрачно</i>
	г̣̣	гораздно ниско
	м̣̣	<i>гораздно высоко</i>
	н	<i>ниско</i>
	н̣	<i>2-я ступень простого согласия</i>
	п	<i>повыше</i>
	п̣	ниско или странный голос
	п̣̣	<i>повыше в тресветлом согласии</i>
	ц	<i>3-я ступень простого согласия</i>
	г̣̣̣	гораздно ниско
	· над знаменем	<i>средним гласом</i>
	г̣̣̣̣	3-я ступень простого согласия
	—	вниз гораздно, ниже (подтинка)

Другие	з	<i>знамя борзо пети, бодро, борзо</i>
	з	<i>закинути, закинути гласом</i>
	“ над знаменем	<i>качай, покачать, качати гласом</i>
	“ под знаменем	<i>купно</i>
	л	ЛОМИ
	ло	<i>ломи</i>
	ω	ОТКИНЬ
	ρ	<i>равным гласом</i>
	т	ТИХО
	ү	<i>ударить</i>
	‘ над знаком	<i>розсека, нескоро поется</i>
	‘ справа от знака	<i>отсека, скоро поется</i>
	‘ слева от знамени	равным гласом
	—	<i>тихо</i>

От общего количества помет, выявленных для старообрядческой опометки (33 пометы), стабильно применяются 22, то есть почти 67%.

Как видно из таблицы, среди помет, применяемых старообрядцами, по сравнению с последней третью XVII в. нет ни одной новой и ни одной, свойственной исключительно данному кругу источников. Основным дифференцирующим признаком служит их количество: на листах рукописи пометы выписываются старообрядцами в большем изобилии, чем в какой-либо из предыдущих периодов, зачастую избыточно. Среди возможных вариантов обозначения одной и той же ступени звукоряда предпочтение отдается помете «г» вместо «гп» и «г», помете «^» вместо «гп», а также записи «тихой» пометы чертой, а не литерой («борзая», как и в предыдущий период, записывается скорописью, «равно» – литерой). Признаком, отличающим рукописи со старообрядческими пометами от источников всех трех более ранних периодов, служит отсутствие помет «о», «s» и «w»; по сравнению с рукописями последней трети и середины XVII в. в них отсутствуют пометы «нг», «xг» и точка под знаменем; по сравнению с источниками середины и первой трети того же столетия – пометы «с», «д» и несколько точек под или над знаменем, а также все те пометы, которые фигурируют только в единичных памятниках каждого из периодов.

Для певческой книги Обиход дополнительным маркирующим признаком является выборочная простановка помет в последовании Божественной Литургии: ими снабжены только те песнопения, которые использовались в беспоповской практике богослужения («Единородный Сын», «Кресту Твоему»,

«Аллилуиа», «Слава Тебе Господи» до и после чтения Евангелия, «Достоинство есть»).

Проведенный анализ применения помет в различные периоды позволяет составить общий свод употребительности каждой из помет, который представлен в таблице 5 (наличие помет в тот или иной период отмечено знаком «+»; пометы, употребляющиеся стабильно, маркированы знаком «*»; уникальные пометы, встречающиеся в источниках только одного какого-либо периода, помещены на сером фоне. Значок «˘» после пометы обозначает, что она имеет звуковысотное и незвуковысотное значения и поэтому внесена в таблицу второй раз).

Таблица 5

Свод помет в наонных рукописях XVII в.

Пометы	Начало – 30-е гг.	Середина	Последняя треть	Старообрядческая опометка XVIII века
а	+			
б, б˘	*	*	*	*
п	*	*	*	*
пг		+	+	
р		+	+	+
п˘		*	*	*
вер	+			
верти	+			
вы	+			
выг	+			
г	+	*	*	*
гп		*	*	+
пч		*	*	+
г˘			+	*
г˘˘			+	
гор			+	
гор бор		+		
д	*	+		
дболно	+			

дик, дико	+	+		
дро	+			
дроб	+			
ж	+			
з	+	+	+	*
за	+			
закн, заки	+			
зелно	+			
и I	+			
“ над знаменем	+	*	*	*
“ под знаменем		*	*	*
л	*	+	+	+
ле	+			
лег		+		
ло	+	*	*	*
˘	+	*	*	*
f ˘		+	+	+
˘˙		+	+	*
н, N	*	*	*	*
нг		+	+	
f н		+	+	*
над		+		
недер	+			
незакидыван	+			
нелам	+			
неров	+			
нескоро		+		
неспу	+			
о	+	+	+	
ω	+	+	+	+
ŵ	+	+	+	
п (повыше, прямо, пониже)	+	*	*	*

п (постои, поведи)	+			
ѣ		+	+	+
ѣ̇		*	*	*
по	+			
пока	+			
пони	+			
потр	+			
прижи	+			
р	*	*	*	*
рє		+		
с (светло)	+	+		
с (скоро)	+	+		
свѣ	+			
сн	+			
снз	+			
сни	+			
спа	+			
спод	+			
срд	+			
т	*	*	*	+
тих		+		
триж	+			
оу, у, v	*	*	*	*
уп	+			
х̂		+		
хо	+			
ц			+	*
ч	+			
ы	+			
ѕ	+	+	+	
ѕри	+			
↵слева от знамени		+	+	+
— (вниз гораздно, ниже)		+	*	+
— (тихо)		+	+	*

¹ над знаменем		+	+	*
¹ справа от знака		+	+	*
^ƒ (гораздно ниско)		+	+	+
^ƒ (строки против строк)		+		
· под знаменем		+	+	
· над знаменем		*	*	*
[˙]			+	+
· (точка) сбоку от другой пометы	+			
... точки над/... под знаменем	+	+		
˘	+	+		
Всего помет:	60	48	41	33
Стабильных помет:	8	17	18	22
Уникальных для периода помет:	39	8	2	0

Как видно из таблицы, одинаково интенсивную употребительность в рукописях XVII в. сохраняют 5 помет: «н», «п», «борзо», «^ƒ» и «^у». Ряды помет трех первых периодов XVII в. относительно близки между собой по общему количеству применяемых помет – это 60, 48 и 41 помета, значительно отличается от них старообрядческий ряд, включающий всего 33 пометы. При этом по соотношению стабильных и уникальных помет все четыре периода коренным образом различаются. Первые десятилетия XVII в. характеризует наличие наибольшего числа уникальных помет – их 39, гораздо меньше таких помет в середине и последней трети столетия – 8 и 2 пометы. В старообрядческой опометке XVIII в. таковые совершенно отсутствуют. Это говорит о постепенной стабилизации пометного ряда, уменьшении в нем доли «индивидуальных» помет, в том числе свойственных единичным рукописям.

Всеми описанными случаями сложность атрибуции помет в наонных рукописях XVII столетия еще не исчерпывается. В целом ряде источников пометы проставлены в несколько приемов: например, первоначально выписаны писцом рукописи, позднее дополнены кем-либо из его младших современников (или им самим несколько лет спустя), а впоследствии – еще и в старообрядческой среде. Таким образом, рукопись становится в плане помет «много-

слоистой». Это свойство, как правило, определяется визуально по различиям писцовых почерков, по индивидуальным особенностям начерка той или иной пометы, а также по цвету киновари. Но разделение «слоев» помет для их корректной атрибуции – процесс достаточно кропотливый. Первое, что требуется сделать в таком случае, – постараться определить количество слоев: два или три, затем отдельно выписать встречающиеся в рукописи пометы каждого из них, после чего по сумме характерных для каждого периода особенностей попытаться их атрибутировать. Очевидно, что позднейшие слои при этом будут представлены в рукописи неполно, поскольку писцы, как правило, действовали по принципу дополнения или комментирования уже имеющихся помет, а не полной их дублировки или замены.

Итак, обобщим изложенное выше. В певческих рукописях XVII в. могут содержаться ранние и степенные пометы, в общей совокупности охватывающие четыре временных промежутка: первая треть XVII в., середина столетия, его последняя треть и первая половина XVIII в. Для верной атрибуции помет в той или иной конкретной рукописи необходимо выявить их полный ряд и учитывать качественный и количественный состав. Наиболее просто атрибутируются ранние пометы, стабильный ряд которых достаточно узок. Сложнее дифференцировать степенные пометы середины и последней трети того же столетия, а также старообрядческие, поскольку их ряды имеют между собой достаточно много пересечений. Однако для каждого ряда существуют характерные особенности, которые должны быть выявлены при атрибуции помет конкретной рукописи. Наибольшую трудность представляет атрибуция помет в «многослойных» рукописях; учитывая трудоемкость этого процесса, выскажем пожелание, чтобы в научных описаниях подобная «многослойность», по крайней мере, отмечалась.

Атрибуция помет в крюковых рукописях XVII в. является важным датированным признаком, дополняющим данные палеографического и кодикологического анализа памятника. Наличие того или иного ряда помет позволяет определить хронологические рамки создания рукописи, а вкупе с редакцией текста (наонной или наречной) и типом писцового почерка – также и то, в какой среде пореформенного [17] русского общества она была написана. Все эти сведения, несомненно, важны для эффективного подбора исследовательского материала и должны быть обязательной частью описаний певческих рукописей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семантическая корректность данных терминов весьма спорна. Однако данный вопрос выходит за рамки нашего исследования, поэтому сейчас останавливаться на нем не будем. О данной проблеме см.: *Успенский Б.А.* К вопросу о хомовом пении // Музыкальная культура Средневековья. М., 1991. Вып. 2: Тезисы и доклады конференций / сост. и отв. ред. Т.Ф. Владышевская; ред. Г.М. Малинина. С. 144–147.

2. Соловецкий Вопросоответник (РНБ. Солов. № 621/660), «Толк словесем» (ИРЛИ. Собр. М.В. Бражникова. № 25) и «Сказания пометкам» в двух редакциях (1-я редакция — РНБ. Вязем. О.80, 2-я редакция — РГБ. Ф. 299. № 212).

3. РГБ. Ф. 37. № 93; Ф. 178. № 766, № 875; Ф. 379. № 22, № 23; Ф. 304.I. № 427; РНБ. Солов. № 690/768, № 621/665, № 277/292; Кир.-Бел. № 681/938, № 639/896, № 593/850, № 583/840 (о данной рукописи см.: *Гусейнова З.М.* «Извещение» Александра Мезенца и теория музыки XVII века. 1-е изд.: СПб., 1995. С. 118—119); НСРК. Q.14; Быстр. № 17; ГИМ. Щук. № 54, Синод. певч. собр. № 1194, № 1209; ОРКиР ЗНБ СГУ. № 1126 (данной рукописи был посвящен доклад А.Г. Хачаянц «Раннепометная нотация Евангельских стихир большого роспева в сборнике 30-х годов XVII века из собрания Научной библиотеки Саратовского университета» на Бражниковских чтениях — 2013»); ККГУНБ, № 1121448.

4. Пометы «п» и «с» многозначны, поэтому в таблице приведены по два раза.

5. С привлечением новых источников ряд подобных помет, вероятно, будет расширен.

6. Об этом явлении см.: *Григорьева В.Ю.* «Книга инока Иосифа Ловзунского, его знамени и пометы». Певческие Праздники XVII века: Публикация и исследование памятника. М., 2014. С. 38, 64—70.

7. «Роспись пометам мастерским» (РГБ. Ф. 299. № 212; Ф. 379. № 1; ГИМ. Синод. певч. собр. № 1252), «Сказание божественного пения о подметных словах» (РНБ. О.XVII.19), «Сказание о подметках» (РГБ. Ф. 299. № 212; Ф. 379. № 1, № 4, № 15; РНБ. О.XVII.19; Солов. № 690/757), «Сие уложение» (РГБ. Ф. 299. № 212; Ф. 379. № 1, № 4, № 15; РНБ. О.XVII.19; Солов. № 690/757; ГИМ. Синод. певч. собр. № 1252), система помет мастеропевца Леонтия (известная по одному из списков «Сказания о подметках» — РНБ, О.XVII.19. Л. 61, 64 об.), «Сии убо строки» («Азбука помет Никиты», ГИМ. Епарх. певч. собр. № 154), «*Стражи*» (ГИМ. Епарх. певч. собр. № 154), «При степенех в лицах строк» (ГИМ. Синод. певч. собр. № 58, № 74), «Ино снискание» (РГБ. Ф. 299. № 212; Ф. 379. № 1, № 4; РНБ. Солов. № 690/757), «Сказание известно о осмостепенных пометах» (РГБ. Ф. 379. № 1), «Сказание о зарембах» (ГИМ. Синод. певч. собр. № 219) и «Пометы гласныя» (РНБ. Q.XII.1; РГБ. Ф. 178. № 3893; Ф. 379. № 2).

8. РГБ. Ф. 354. № 144; Ф. 37. № 138; Ф. 98. № 777, № 1634; Ф. 210. № 1; Ф. 173.II. № 27; Ф. 379. № 57, № 59, № 63—66; РНБ. Тит. 1470, Тит. 3320 (в работе А.Н. Кручининой последние две рукописи неверно датированы кон. XVII в.; см.: *Кручинина А.Н.* Коллекция нотированных рукописей из собрания А.А. Титова, хранящегося в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки // Музыкальная археография — 2013. Сб. ст. Материалы Международной научно-практической конференции / сост. Н.В. Заболотная. М., 2013. С. 146); БАН. Вятск. № 9; МДА. № 231869, № 231871; ОРК ГПНТБ СО РАН. О.Ш.8; ГАТО. Ф. 1409. № 1044.

9. Подтинка, «с» и «с», имеющие по два различных певческих значения, приведены в таблице по два раза.

10. С привлечением новых источников ряд подобных помет, вероятно, будет расширен.

11. «Извещение» Александра Мезенца (см.: Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению (1670 г.) / Введение, публикация и перевод Памятника, историческое исследование — Н.П. Парфентьев, комментарии и исследование Памятника, расшифровка знаменной нотации — З.М. Гусейнова. Челябинск, 1996), «Начало о рождении» (ГИМ. Синод. певч. собр. № 58), «Начало божественного пения» (РГБ. Ф. 272. № 429), «Ут, ре, ми...» (РГБ. Ф. 299. № 212), «Посем – ряд всех согласий» (РГБ. Ф. 379. № 19), «Сказание о помете красной» (ГИМ. Синод. певч. собр. № 211), «Извещение о согласных пометах» (*Шабалин Д.С.* Материалы и исследование по древнерусской музыке. Краснодар, 2003. Т. 1: Певческие азбуки Древней Руси. Тексты. С. 189) и «Сказание известно о двенадцати согласиях» (РГБ. Ф. 379. № 4; ГИМ. Синод. певч. собр. № 1252; БАН. 25.7.8; НБ ТГУ ОРКП. В-5687; частн собр. Азбука № 1).

12. РГБ. Ф. 17. № 765; Ф. 218. № 1196; ГИМ, Синод. певч. собр. № 160, № 188, № 219, № 728, № 1206, № 1210, № 1214, № 1224, № 1230, № 1234, № 1243, № 1244; МДА. № 231897, № 231909.

13. Многозначная помета «подтинка» представлена в таблице дважды.

14. МДА. № 231904, № 231910; РГБ. Ф. 210. № 1; Ф. 17. № 765; Ф. 379. № 23, № 31; ГИМ. Синод. певч. собр., № 678; РНБ. Тит. 1231 (в исследовании А.Н. Кручининой данная рукопись неверно датирована кон. XVII в.; см.: *Кручинина А.Н.* Коллекция нотированных рукописей из собрания А.А. Титова. С. 146).

15. МДА. № 235148, № 235151, № 235157, № 235688, № 235680, № 235684, № 235062, № 234803, № 235060, № 234474; БАН. Калик. 8; Колоб. 697; ОРК ГПНТБ СО РАН. Т. 191 и др.

16. РГБ. Ф. 379. № 11. Данное руководство было создано в 1835 г. поморцами, придерживающимися наречного пения.

17. Имеются в виду никоновские церковные реформы.

В.А. Клишева

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ РУКОПИСИ
В ФОНДАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ
БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Старообрядческая книжность сегодня находится в центре внимания исследователей. В библиотеках, музеях и научных центрах страны хранится колоссальное количество рукописей, созданных и бытовавших в среде русских старообрядцев. Благодаря частным коллекционерам XIX и XX вв., археографическим экспедициям собраны богатейшие собрания, представляющие уникальный источниковедческий материал как для археографов, так и, в равной степени, для специалистов всех гуманитарных дисциплин. Интерес к истории старообрядчества и его культурному наследию возник еще на рубеже XVIII–XIX вв. Литература по истории раскола из «обличительной» к концу XIX в. превратилась в «аналитическую», во многом благодаря изучению рукописного наследия старообрядцев. Противники церковных реформ патриарха Никона стали рассматриваться не только как крайние оппозиционеры официальной церкви, но и как социально-культурный феномен в контексте истории общественного развития. Публикации памятников старообрядческой литературы, наряду с документами по истории раскола, свидетельствуют о достижении высокого текстологического и критического уровня исследований рукописного наследия староверов России [1]. Осознание просвещенной общественностью его историко-культурной ценности неминуемо привело к развитию археографических исследований старообрядческой книжности. К сожалению, старообрядческая тематика не стала приоритетным направлением советской исторической науки. Однако исследовательская активность научных центров по сбору рукописного материала, плодотворность археографических экспедиций, финансирование советским государством приобретения рукописных коллекций частного происхождения в конечном итоге позволили значительно увеличить количество и тематическое разнообразие рукописных памятников в книгохранилищах страны.

Какое место по количеству старообрядческих рукописей занимает Библиотека Российской академии наук (БАН) среди других книгохранилищ страны,

сегодня установить трудно, ибо подобными сведениями о других фондах мы не располагаем. Наличие в БАН нескольких собраний, почти полностью состоящих из старообрядческих рукописей, частые археографические экспедиции в регионы, где проживали старообрядческие общины, дают основание считать, что памятники старообрядческой книжности в БАН составляют одну из крупнейших коллекций как в России, так и за рубежом.

Описание старообрядческих рукописей из фондов БАН имеет столетнюю историю. Во втором томе Описания Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук, составленном В.И. Срезневским и Ф.И. Покровским и изданном в 1915 г., корпус старообрядческих рукописей помещен в часть IV под общим заголовком «Богословие догматическое и полемическое», в разделе «Писания старообрядцев» [2]. Это, пожалуй, один из первых примеров выделения старообрядческих рукописей в особый раздел. Двумя годами ранее в описании рукописных памятников и книг, собранных за время археографической экспедиции в Олонецкий край, корпус старообрядческих рукописей был представлен наряду с рукописями богословского содержания и вместе с историческими памятниками.

С 1984 г. под руководством Н.Ю. Бубнова реализуется многотомная серия «Сочинения писателей-старообрядцев», в рамках которой изданы выпуски научных описаний рукописей с сочинениями писателей-старообрядцев XVII в. и первой половины XVIII в. [3]. **Прямое отношение к раскрытию корпуса старообрядческих рукописей имеют описания певческих рукописей выголексинского письма XVIII – первой половины XIX в. и лицевых старообрядческих рукописей XVIII – первой половины XX вв. [4]. Благодаря стараниям археографов на сегодняшний день описаны 646 рукописей, содержащих памятники старообрядческой письменности. Работа по описанию всех памятников старообрядческой книжности далека от своего завершения. Выбранная стратегия описания по систематическому принципу, несмотря на свои недостатки, продолжает оставаться актуальной [5].**

Полагаясь на сведения, собранные по описям собраний БАН, попытаемся представить количество рукописей, содержащих старообрядческие сочинения. Полученные данные могут рассматриваться как приблизительные. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить неучтенные нами старообрядческие рукописи.

На сегодняшний день в фондах Рукописного отдела по самым приблизительным подсчетам находится не менее 3157 ед. хр. (16% от общего объема рукописного фонда), относящихся к памятникам старообрядческой литературы, которые рассредоточены по разным собраниям.

В Основном собрании из 3273 ед. хр. 191 (0,5%) рукопись содержит старообрядческие сочинения. В Собрании текущих поступлений доля старообрядческих рукописей составляет 105 ед. хр. (7,6%). Из общего количества старообрядческих рукописей этих собраний имеют печатное описание только 55,7%. Дальнейшие рассуждения посвятим остальным собраниям Рукописного отдела, оставив вышеназванные собрания без внимания.

Представим коллекции Рукописного отдела БАН в порядке их насыщенности старообрядческими рукописями.

В **первую группу** объединим собрания, которые не менее чем на 80% состоят из памятников старообрядческой письменности. В неё вошли собрания: В.Г. Дружинина (100%), М.И. Чуванова (99,4%), Белокриницкое (95%), русская часть собрания С.Г. Строганова (82,3%), а также собрание общества старообрядцев Поморского согласия (85%). Из общего количества старообрядческих рукописей выделенной группы 82,6% не имеют печатного описания.

Во **вторую группу** отнесем собрания, состоящие из старообрядческих рукописей на 50–79%. Она представлена собраниями: А.Е. Бурцева (61%), Ф.А. Каликина (68,6%), Вятским (58,9%). В совокупности старообрядческие рукописи вышеназванных собраний описаны на 9,9%; остальной корпус не имеет научного описания.

Третья группа состоит из собраний, где удельный вес старообрядческих рукописей составляет от 20 до 49%. Это собрания: А.М. Епифанова, Каргопольское, Тагильского скита, Кубенское, Казачье. Всего в группе 150 рукописей, что составляет 24,5% от общего количества рукописей в этих собраниях. В изданные на сегодняшний день описания вошло только 24,6% старообрядческих рукописей этой группы.

В **четвертую** группу вошли собрания: Успенского, В.В. Лукьянова, Устюжское, А.П. Чапыгина, Неманское, Собрание Рижской Гребенщиковской общины, Н.Я. Колобова, Ф.М. Плюшкина, А.И. Яцимирского, К.Н. Никольского, Архангельское и собрание Российской Академии наук, в составе которых имеются 188 ед. хр., отнесенных нами к старообрядческим рукописям, что составляет 5,1% от общего количества рукописей в собраниях данной группы. Несмотря на сравнительно небольшое количество старообрядческих рукописей в этих собраниях, в научных описаниях они отражены наиболее полно – 34,5%.

Количество неописанных старообрядческих рукописей БАН – 2511 ед. хр. (79,6%) предельно ясно свидетельствует, что подготовка и издание научных описаний являются первоочередной задачей. Сведения о концентрации старообрядческих рукописей по разным собраниям могут послужить материалом для размышлений о выборе принципов описания.

Собрания, отнесенные к первой группе (Белокриницкое, В.Г. Дружинина, М.И. Чуванова, С.Г. Строганова (рус.), собрание общества старообрядцев Поморского согласия), являются преимущественно коллекциями памятников старообрядческой книжности. По происхождению они делятся на частные и территориальные. Описывая собрания частного происхождения (В.Г. Дружинина, М.И. Чуванова, С.Г. Строганова) в целом, можно выявить не только археографические особенности отдельно взятого рукописного памятника, но и представить всё собрание как замысел, идею собирателя. Существенное преимущество такого подхода в организации описания состоит в полноте охвата описываемого материала. Описывая полностью региональные собрания, составитель значительно расширяет сферу применения своего труда. Сплошное

описание рукописного собрания помогает избежать недостатка, на который указывал в своих статьях и выступлениях Д.Н. Альшиц [6]. Суть его замечаний сводится к мысли, что выборочное описание, подчиненное теме и хронологическому периоду, замедляет процесс раскрытия рукописных фондов. Кроме того, субъективный взгляд исследователя-составителя при отборе рукописей приводит к оставлению без внимания интереснейшие рукописи или списки того или иного сочинения. Сейчас уже очевидно, что к имеющимся выпускам описаний требуется подготовить объемные по содержанию дополнения, так как ранее не были выявлены рукописи, содержащие важные памятники старообрядческой литературы, имеющие первостепенное значение для исследователей. Описание рукописей отдельно взятого собрания может быть разделено на тематические блоки, аналог которых представлен в Описании РО БАН Т. 7. Вып. 2 «Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века»: 1) догматические сочинения, 2) сочинения исторические и агиографические, 3) публицистические сочинения, 4) сборники.

Отдельно отметим еще одно преимущество описания рукописей по собраниям – возможность включить в него обобщающие материалы о собирателе и истории коллекции. До сих пор сведения о жизненном пути и творческом наследии Сергея Григорьевича Строганова, Василия Григорьевича Дружинина, Михаила Ивановича Чуванова существуют в разрозненном состоянии. Описание региональных собраний старообрядческих рукописей (Белокриницкого, Общества старообрядцев Поморского согласия) может обогатиться информацией об экспедициях в эти регионы или краткими разъяснениями об идеологии старообрядчества разных согласий, их духовных лидерах.

Все вышеизложенные наблюдения и предложения относятся, прежде всего, к собраниям, отнесенным нами по концентрации в них старообрядческих рукописей к первой группе. Реализация этого проекта позволила бы описать 1778 рукописей, причем 1473 или 82,6% из них были бы введены в научный оборот впервые.

Описание рукописей, хранящихся в остальных группах, может осуществляться по традиционному для БАН тематическому принципу. Распределению памятников по тематическим группам должны предшествовать тщательный просмотр *de visu* всех рукописей и составление их предварительного списка с обозначением содержания. Этот этап камеральной археографии продолжителен по времени, но будет иметь свою практическую значимость для целого ряда последующих исследовательских задач. Во-первых, это позволит представить всю совокупность старообрядческих рукописей указанных собраний; во-вторых, наметить тематические разделы описаний; в-третьих, предварительный список будет полезен и для составления репертуарного каталога старообрядческих сочинений, хранящихся в Отделе рукописей БАН, о перспективах составления которого неоднократно объявлялось.

Идея создания нового справочника-указателя старообрядческих сочинений по образцу «Писаний русских старообрядцев», изданного более 100 лет назад В.Г. Дружининым, не однократно озвучивалась на источниковедческих

форумах. Несмотря на солидный по времени период обсуждения этой проблемы, такой работы, объединяющей сведения о старообрядческих рукописях, так и не появилось.

При описании старообрядческих рукописей БАН выявлено достаточное количество старообрядческих текстов, не учтенных в справочнике В.Г. Дружинина. Большая доля не упомянутых им произведений принадлежит перу старообрядцев-поповцев. Возможно, это объясняется тем, что первоначально интерес исследователя был сосредоточен на литературном творчестве старообрядцев Поморского согласия и их ответвлениях. Хотя в собственной коллекции Дружинина имеется большой корпус рукописей с сочинениями Стародубских, Иргизских и Московских идеологов старообрядчества, однако в его справочнике они не указаны. Это можно объяснить более поздним временем их появления в собрании Дружинина. Василий Григорьевич и сам хотел переиздать указатель с существенными дополнениями, но этого сделать не удалось. К осуществлению этого проекта призывал Николай Юрьевич Бубнов с 1979 г. В статье, опубликованной в сборнике «Мир старообрядчества» в 1998 г., Н.Ю. Бубновым была изложена комплексная программа консолидации научных сил всех центров изучения старообрядчества [7]. Попытка переиздания с дополнениями каталога-указателя В.Г. Дружинина была предпринята коллективом исследователей Московского государственного университета. Результатом работы явились две опубликованные статьи, где подробнейшим образом освещались ошибки, допущенные В.Г. Дружининым, и декларировались пути их исправления [8].

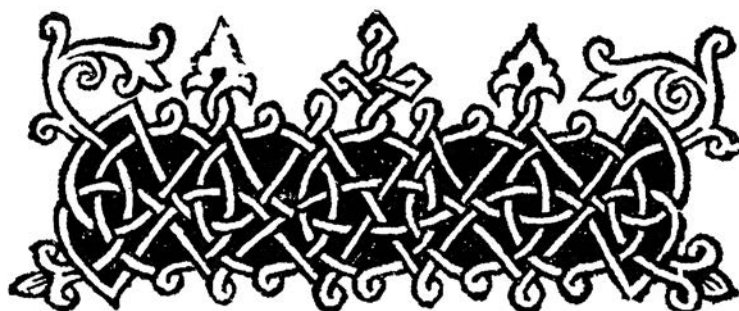
Переиздание указателя с дополнениями по всем книгохранилищам страны – большая кропотливая работа, требующая объединения усилий ученых всех книгохранилищ. Коллективу отдельно взятого учреждения (библиотеки, музея, архива) посильно составить репертуарный справочник только по собственным фондам. Значимость такой работы очевидна: во-первых, каталог обобщит репертуар старообрядческих сочинений; во-вторых, уточнит места хранения и шифры рукописей, что в свою очередь отразится на оперативности их поиска исследователями; в-третьих, сведения о сочинениях будут отражать современный уровень знаний о старообрядческих литературных памятниках. Результатом этой работы, предпринятой в БАН, может стать решение одной из генеральных задач археографии – раскрытие рукописных фондов Отдела рукописей Библиотеки Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912; Никольский Н.И. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. СПб., 1916; Публикации в Записках Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972; *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола. М., 1878–1890.
2. Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. Пг., 1915. Т. 2. С. 133–142.
3. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов; отв. ред. А.И. Копанев. Л., 1984; Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7. Вып. 2. Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001.
4. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 9. Вып. 1. Певческие книги выголексинского письма. XVIII – первая половина XIX в. / сост. Ф.В. Панченко. СПб., 2001; Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10. Вып. 1. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX веков / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова. СПб., 2010.
5. Бубнов Н.Ю. Систематическая серия описания рукописей в Библиотеке Академии наук: замысел и воплощение // Современные проблемы археографии: сб. ст. по материалам конф., проходившей в библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. / отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. СПб., 2011. С. 14–21.
6. Альшиц Д.Н. Вопросы теории и практики научного описания исторических источников // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 45–46; Альшиц Д.Н. Источниковедческие аспекты научного описания рукописей // Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 172–180; Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории Допетровской Руси. СПб., 2009. С. 474.
7. Бубнов Н.Ю. Программа исследований старообрядческой письменности в Библиотеке Российской академии наук: итоги и перспективы камеральной археографии // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований. М., 1998. С. 51–56.
8. Кобяк Н.А., Круглова Т.А. Корпус имен писателей-старообрядцев в книге В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»: подготовка к переизданию // Flo-rilegium: К 60-летию Б.Н. Флори: сб. ст. / сост. А.А. Турилов. М., 2000. С. 126–133; Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Плигузов А.И., Елпатьевская Е.А. О переиздании книги В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований. М., 1998. С. 57–64.

**КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ
БИБЛИОТЕК**

Л.Б. Белова

ИЕРОМОНАХ НИКОДИМ – ИКОНОПИСЕЦ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

В исследованиях, посвященных иконописному наследию Русского Севера, собраны материалы о монастырских иконописных мастерских, творчестве отдельных мастеров-иконописцев, почерпнутые из разного рода архивных документов. Сведения об иконописном убранстве церковей Антониево-Сийского монастыря, мастерах-иконописцах содержатся в монастырских описях, приходо-расходных и вкладных книгах, в записях на иконах и книгах. Истории иконописной мастерской Антониево-Сийского монастыря в XVII в. посвящена статья О.Н. Мальцевой [1], где учтены эти документы. Известно, что иконописцами были настоятели монастыря игумены Антоний и Феодосий и архимандрит Никодим [2]. В библиотеке Антониево-Сийского монастыря хранился хорошо известный исследователям Сийский иконописный подлинник (БАН. Арханг. С. 205 и РНБ. собр. ОЛДП. F 88), собранный усилиями архимандрита Никодима и переданный им в 1714 г., в числе других книг, в монастырь. Сам факт наличия такого памятника говорит о внимании, которое уделялось в монастыре иконописному делу. В монастыре работали по найму холмогорские и московские иконописцы: Андрей, Богдан Зотиков, Борис Афанасьев, Терентий Силин и др. [3]. В течение нескольких лет трудился в монастыре известный сольвычегодский иконописец Василий Осипов Кондаков [4]. В монастыре были иконы работы известных мастеров – Постника Дермина (Дербина), Евфимия, Федора Зубова [5]. Работы «государева иконописца» Истомы Савина специально собирал игумен Феодосий [6]. В Москве для монастыря писали иконы Иосиф Поспеев, Семен Долгой и др. [7].

Среди монастырской братии также были иконописцы. В архивных документах XVI–XVIII вв. **встречаются имена монахов Авраамия, Антония, Герасима, Захарьева, Иосифа, Иоасафа Карамзина, Михея, Филофея и др.** [8]. В записях на рукописях Антониево-Сийского монастыря выявлены имена двух иконописцев. В одной из них (БАН. Арханг. Д. 497) упоминается иконописец чернец Митрофан, продавший в 1619 г. рукопись старцу Антониево-Сийского монастыря Анисиму Баскакову. В другой (БАН. Арханг. Д. 427. Л. 477) в 1680 г. иконописец Ивашка Мефодиев сын сделал запись значковой счетной

тайнописью. Возможно, именно он в 1695 г. иллюстрировал «Лист планидный – дванадесять небес» вместе с подьячим Трофимом Кузнецовым [9].

В Российском государственном архиве древних актов в фонде Антониево-Сийского монастыря в деле, содержащем Духовное завещание иеромонаха Вассиана от 4 мая 1744 г., хранится документ, в котором упоминается имя еще одного, неизвестного исследователя, иконописца Антониево-Сийского монастыря иеромонаха Никодима.

Документ представляет собой договор на поновление двух и написание семи новых икон, написанный рукой иеромонаха Никодима в марте 1741 г. и подписанный заказчиком, иеромонахом того же монастыря Вассианом [10] (рис. 1, 2). Согласно этому документу, иеромонах Никодим брался отреставрировать икону святого Антония Сийского с чудесами из придела Николая Чудотворца соборной Троицкой церкви, то есть снять олифу и поновить образ и чудеса, а в тех случаях, когда чудеса поновить невозможно, написать новые. И, как сказано в тексте, «весь тот Антониев образ поновить добрым мастерством». Другую икону (Сошествие Святого духа) он также брался поновить «и построить добрым мастерством». Кроме того, иеромонах Никодим рядился написать семь месячных икон (февраль – август) в дополнение к пяти иконам, которые уже имелись в соборной церкви. Эти иконы он собирался писать «на золоте на листовом, красками добрыми против прежних пяти». За всю работу ему полагалось 15 рублей, из которых пять он получал в задаток на краски и золото, пять – после реставрации двух икон, а остальные пять – после завершения работы над минейными иконами, когда они «назнаменены будут и излевъкашены». Эту работу он подрядился выполнять вместе со своим сыном (его имя не названо) «на монастырском хлебе». Задаток на краски и золото иеромонах Никодим получил у келаря монаха Сосипатра Круглого 6 июля 1741 г. Расписка в получении денег, написанная, возможно, монахом Сосипатром и подписанная иеромонахом Никодимом, находится в том же деле на л. 6 (рис. 3).

Из черновой Ведомости иеромонахов, иеродиаконов и монахов Антониево-Сийского монастыря за 1733 г. [11] мы узнаем, что иеромонах Никодим – уроженец Кеврольского уезда Ваймужской волости. Его мирское имя – Никифор Иоанов сын Попов. 15 лет он был священником в церкви Николая Чудотворца. Став вдовцом, еще 2 года служил в той же церкви, а затем, в 1722 г., по указу архиепископа Холмогорского и Важеского Варнавы был пострижен архимандритом Германом. В 1733 г. ему было 50 лет. Иеромонах Никодим Попов и келарь монах Сосипатр Круглый упоминаются в Ведомости Антониево-Сийского монастыря 1743 г.: первому было тогда 59 лет, второму – 72 года [12].

Священнослужители Поповы упоминаются в документах Холмогорского архиерейского дома. Из этого рода происходит кеврольский иконописец Григорий Попов, работы которого хранятся в Архангельске и Москве [13]. В исследовании Т.М. Кольцовой упоминается иконописец Василий Попов, который в 1739 г. выполнял иконописную работу для Красногорского монасты-

ря [14]. Там же приводятся сведения из документа 1737 г. о дьячке Воскресенской церкви Кеврольского уезда Василии Никифорове сыне Попове, дед и отец которого были священниками при церкви Николая Чудотворца Кеврольского уезда Ваймужской волости [15]. Вероятнее всего, это и есть сын иеромонаха Никодима (Никифора Иванова Попова), который вместе с отцом должен был выполнить иконописные работы для Антониево-Сийского монастыря.

Упомянутые в договоре иконы учтены в описи Антониево-Сийского монастыря 1783 г. (БАН. Арханг. Д. 593): икона Сошествия святого духа (л. 23 об., № 219 и л. 33 об., № 334) и 12 миней месячных, «писанных на красках» (л. 35, № 350) в соборной Троицкой церкви, икона Антония Сийского – там же в приделе Николая Чудотворца (л. 41 об.). При создании минейных икон иеромонах Никодим мог пользоваться материалами Сийского иконописного подлинника, который хранился в то время в монастыре.

В Духовном завещании иеромонаха Вассиана упоминается иеромонах Никодим, у которого находилось принадлежащее иеромонаху Вассиану и завещанное им монастырю рукописное Житие Иоанна Милостивого. В завещании сказано, что в случае, если иеромонах Никодим книгу не отдаст, то с него нужно взять 30 копеек и отдать священнику, который будет ходить «по три дни на могилу для поминовения» [16]. Из завещанных иеромонахом Вассианом братии 10 рублей иеромонах Никодим получил 50 копеек [17].

В монастырскую казну были также завещаны «2 образа Богоматери да чудотворца Антония на красках», «складки на трех досках медные небольшие» и четыре книги: Канонник и Святцы (рукописные и печатные) [18].

Заказчик иконописной работы иеромонах Вассиан скончался 11 мая 1744 г. Дата его смерти приписана рядом с его именем в Ведомости монастырской братии за 1742 г. [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мальцева О.Н. Иконописная мастерская Антониево-Сийского монастыря в XVII веке // «Погибшие святые». 4-я научно-практическая конференция. Тезисы докладов. Ч. 3. СПб., 1996. С. 58–73.

2. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2009. С. 449–451, 619–620, 723; Кольцова Т.М. Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. М., 2009. С. 62–73.

3. Кольцова Т.М. Искусство Холмогор... С. 85–102; Словарь русских иконописцев... С. 70, 248, 620 и др. В рукописи Арханг. Д. 375 на л. 80 об. упоминается московский иконописец Павел, работавший в монастыре: «А в чудотворцове храме Деисус

писал московской мастер Павел и Спасов образ и праздники и пророки, а денги платил емчанин Богдан Зотиков...».

4. *Мальцев Н.В., Мальцева О.Н.* Мастера иконостасной скульптуры и иконописцы северной России XVI–XVIII веков. Вып. 1. СПб., 1998. С. 56–57; *Словарь русских иконописцев...* С. 348–350. К приведенным в данных справочниках источникам можно добавить сведения из рукописи Арханг. Д. 375, л. 80: «А Деисус писан в соборной церкви при игумене Феодосии, мастер был Василей Кондаков усонец. Писал нижново Деисуса полтора годы, а от всей церкви ряжено было двести рублей, а золото и краска и доски было все монастырское...»; л. 84: «171 год. Написан образ чудотворца Антония, что поставлен над гробом. А писал Василей Кондаков, а обложен на денги медные, что великий государь пожаловал».

5. *Словарь русских иконописцев...* С. 178, 206, 250–259.

6. *Мальцев Н.В., Мальцева О.Н.* Мастера иконостасной скульптуры и иконописцы северной России XVI–XVIII веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 64; *Словарь русских иконописцев...* С. 567–570.

7. Имена иконописцев Иосифа Поспеева и Семена Долгого упоминаются в Арханг. Д. 375 на л. 71 об. и 72: «Деисус писали на Москве, дано от него сто рублей. [далее приписано другим почерком] А иконописцы Осиф Поспеев да Семен Долгой с товарищи. Деисус 3-х аршин длина». В «Словаре русских иконописцев» учтен «царский изуграф» Осип Поспеев, но цитируемых сведений там нет. Иконописец Семен Долгой в словаре не учтен.

8. *Словарь русских иконописцев...* С. 29, 59, 141, 228, 305–306, 316, 429, 735 и др.

9. *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 54. В «Словаре русских иконописцев» иконописец Ивашка Мефодиев учтен как Верзовал Иван Мефодиев (с. 120–121), а в исследовании *Т.И. Кольцовой* «Искусство Холмогор XVI–XVIII веков» как Ивашко Мефодиев сын Тетерин (с. 90–91).

10. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 5 об., 12.

11. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 206. Л. 10 об.

12. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 377. Л. 13. Келарь монах Сосипатр Круглый был пострижен в Соловецком монастыре в 1741 г., родом из крестьян Сумского острога, вотчины Соловецкого монастыря. См.: Там же. Л. 2 об.

13. *Кольцова Т.М.* Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. М., 2009. С. 82–84.

14. Там же. С. 98.

15. Там же. С. 82.

16. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 1.

17. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 3.

18. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 1, 2 об.

19. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.

Приложение

**Рядная иконописца Антониево-Сийского монастыря
иеромонаха Никодима**

(л. 5 об.) 1741-го года марта в 30* день Сийского монастыря живоначалныя Троицы и чудотворца Антони у еромонаха Васяна подрядился написать я, нижеименованный, и поновить в пределную церковь местной образ Антониа чудотворец с чудесами на одной дски, которыя возможно олифа снять и поновить, а которыя чудеса поновить невозможно, снова написать. И весь тот Антонив образ поновить добрым мастерством, да другой образ Сошествие Святаго Духа поновить: снять олифа и вычистить и построить добрым мастерством. Да вновь написать семь миней месечных: месец февраль, март, апрель, май, июнь, июль, авьгуст ко старым пяти месяцам, которыя имеются в соборной церкви, а писать те семь миней на золоте на листовом красками добрыми противо прежних пяти. А рядил я, Васьян, за ту вьсю работу ему Никодиму пятнатцать рублев, а задатку взял на золото // (л. 12) и на краски и на олифу пять рублев. А как построю чудотворцов образ и Сошествие Святаго Духа и дать другая пять рублев. А достальны пять рублев отдать как те семь миней и назнаменены будут и излевькашены. А работать мне, Никодиму с парнем, сыном моим, двоима на монастырском хлебе и в том я, Никодим, иеромонах, ему иеромонаху Васяну договорное письмо написал. Писал своеручно.

РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 5 об., 12.

**Расписка иеромонаха Никодима
в получении денег на золото и краски**

(л. 6) 1741 года июля 6 дня Антониева Сийского монастыря иеромонах Никодим принял того же Сийского монастыря у господина отца келаря монаха Сосипатра Круглого денег пять рублев на золото и на краски на иконное писание по подрядной записи, которой подряд взят у иеромонаха Васяна в тот же Сийской монастырь. В том ему господину отцу келарю монаху Сосипатру Круглому сию просписку дал. Иеромонах Никодим руку приложил.

РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 6.

*Дата изменена: прежняя цифра «29» (?) исправлена на «30».

Знаюши знающе парубжеав аиакъ
 построю убоицею ображоше тави
 Спато Ака Дратъ дротга пахорбде
 дотпальны парубжеав бдаха тго Сеть
 микси зна знаменны бдотъ судкав.
 хашены арабтпа мтго Никодимъ
 спатней Сено мой донна наиконатъ
 сто мтотъ юто анихриъ иеромонахъ
 еио иеромонахъ шайни в дато одное
 ттимо Натиса Пиналь Соербно

Рис. 2. Рядная иеромонаха Никодима. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 12.

1744 года июля в. дня Антониева Сийского Митра
 иеромонахъ Никодимъ Тримиа того сего митра
 иеромонахъ оца Клеаръ монахъ Соспатуа Куделого
 дийевъ Пятъ родковъ Назолото мацаши
 Нармонное Аишаише Попорядио записа Ко-
 шромъ Попорядъ взвнъ иеромонаха вадана
 иеромонахъ Сийсого Митра отомъ Еиу Еио
 оца Клеаръ монахъ Соспатуа Куделого
 сивъ просидитъ гавъ иеромонахъ Нико-
 димъ родко триростки

Рис. 3. Расписка иеромонаха Никодима в получении денег на золото и краски. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 412. Л. 6.

Н.В. Башнин

**ФРАГМЕНТ СИНОДИКА
ДИОНИСИЕВО-ГЛУШИЦКОГО МОНАСТЫРЯ
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА ИЗ НИОР БАН***

*Работа выполнена при финансовой поддержке
гранта Президента РФ МК-5985.2015.6

Из источников непосредственно о поминальной практике в Глушицком монастыре в XV–XVIII вв. до нас дошли только синодики. Каких-либо сведений о составлении и существовании вкладных и кормовых книг неизвестно. В 1870-х гг. вологодский историк Н.И. Суворов в книге о Дионисиево-Глушицком монастыре описал три синодика, написанных на бумаге: «...два в пол-лист и один в 4-ю долю. По почерку, все три писаны не ранее XVII столетия» [1]. В.И. Срезневский во время поездки в 1901 г. в Вологодскую губернию посетил и Глушицкий монастырь. В обители, среди 22 заинтересовавших его рукописей, он также описал три синодика: «17) Синодик. В лист, на бумаге. Письмо полууставное XVII века с приписками XVIII в. 18) Синодик (без начала). В четверку, на бумаге. Письмо полууставное XVII в. с приписками XVIII в. 19) Синодик. В лист, на бумаге. Письмо полууставное XVIII в.» [2]. После этих упоминаний в поле зрения ученых памятники поминальной практики Глушицкого монастыря долгое время не попадали.

Итак, какова же история глушицких синодиков в XX в.? В августе 1924 г. было принято решение ликвидировать Глушицкий монастырь [3]. К счастью, многие историко-культурные ценности были переданы в Вологодский музей. Согласно актам о передаче, среди них были и помянники: 1) «синодик рукописный в кожаном переплете. По монастырской описи № 124/44» [4]; 2) «синодик в переплете 17 века» [5].

Первая упоминаемая рукопись отождествляется с синодиком конца XVII – начала XVIII в., который ныне хранится в СПИ ВГИАХМЗ. № 2014. Рукопись в 2°, 41 л., заключенна в кожаный переплёт – «сумку», поступила из Сосновецкого Глушицкого монастыря по акту от 22/VIII 1924 г. № 12 [6]. Рукопись написана одним основным почерком (полуустав) с поздними дополнениями небрежной скорописью и скорописью гражданской [7].

Вторая рукопись была передана в музей уже в сентябре 1924 г. и идентифицируется с более ранним синодиком Глушицкого монастыря XVII в.

(1640-е гг.). В настоящее время хранится в СПИ ВГИАХМЗ. № 2139. Рукопись в 4°, 331 л., без переплёта, поступила из Глушицкого монастыря по акту от 19/IX 1924 г. № 29 [8]. Большая часть рукописи написана одним основным почерком (полуустав, киноварь в заголовках), с многочисленными дополнениями различными почерками (полууставом, скорописью). На л. 1–13 находится литературное предисловие, остальная часть рукописи – списки имён [9]. Как видим, два синодика из трех оказались в Вологодском музее; что произошло с третьей рукописью, не известно.

Во время археографической экспедиции, организованной А.А. Амосовым, были найдены семь листов из синодика Глушицкого монастыря [10]. Для того чтобы выяснить происхождение фрагмента рукописи, было проведено сравнительное исследование.

Итак, в конце XIX – начале XX в. были известны два синодика форматом 2°. В СПИ ВГИАХМЗ хранится синодик конца XVII – начала XVIII в. форматом 2°, рукопись содержит 41 л., но, судя по состоянию переплета и содержанию, часть памятника утрачена (рис. 1) [11]. В НИОР БАН хранятся 7 листов из синодика, датируемых также концом XVII – началом XVIII в. и такого же формата [12]. Атрибуция синодика из Вологодского музея уже проведена и не вызывает сомнения [13]. Происхождение листов помянника из Глушицкого монастыря также было определено А.А. Амосовым. На л. 3 содержатся сведения, прямо указывающие на то, что памятник происходит из этой обители: «Дано на покров Дионисию и Анфилогию камки лимонная мерой 6 аршин 2 четверти» [14]. Гробница с мощами святых с такими именами известна только в Глушицком монастыре. Таким образом, обе рукописи происходят из Дионисиево-Глушицкого монастыря в Вологодском уезде.

Как соотносятся между собой две рукописи? Во-первых, они одного формата – 2°; во-вторых, одного времени (филиграни Герб города Амстердама разных видов, датировка охватывает тридцатилетний период 1690–1720-е гг.); в-третьих, рукописи написаны одним почерком (рис. 2 и 3); наконец, состав поминаемых родов не повторяется, о чем говорит приведенная ниже таблица.

Таблица

**Соотношение поминаемых родов в синодиках
Глушицкого монастыря XVII–XVIII вв.**

№№ п/п	Поминаемые роды	Синодик 1640-х гг.	Синодик конца XVII – начала XVIII в.	Листы из си- нодика конца XVII – начала XVIII в.
1	Род боярина князя Ивана Борисовича Черкасского	+	-	+

2	Род боярина Петра Михайловича Салтыкова	-	-	+
3	Род гостя Ивана Даниловича Панкратьева	-	-	+
4	Род стольника Федора Петрова сына Мусина-Пушкина	-	-	+
5	Род стольника Стефана Афанасьева сына Зубова	-	-	+
6	Род Богдана Григорьевича Засецкого	+	-	+
7	Род Андрея Матвеевича Верещагина	+	-	+
8	Род Алексея Семенова сына Чаплина (Чаплина) Дмитриевского уезда	+	-	+
9	Род гостя Феодосия, «пореклу» Бахтеяра Евсевиева сына Булгакова	+	-	+
10	Род боярина Богдана Матвеевича Хитрово, «человека ево» Якова Назарьева сына Дружинина	+	-	+

Источники: СПИ ВГИАХМЗ. № 2139; СПИ ВГИАХМЗ. № 2014; НИОР БАН. Устюжское собр. № 87.

Из таблицы следует, что из десяти родов, записанных основным почерком в синодичные листы из НИОР БАН, ни один не повторяется в синодике конца XVII – начала XVIII в. из СПИ ВГИАХМЗ. При этом шесть из десяти родов записаны и в синодик 1640-х гг., и на листы из синодика рубежа XVII–XVIII вв., поэтому преэминентность очевидна. Итак, можно утверждать, что 7 листов, найденные во время археографической экспедиции, являются частью помянника, который поступил в Вологодский музей в 1924 г. Вероятно, незадолго до момента передачи рукописи в музей из нее и были изъяты найденные позднее листы.

На 7 листах из НИОР БАН, по нашим подсчётам, содержатся всего 332 имени в 12 родах, из них: мужских – 164 (из них убитых – 4), женских – 122, девиц – 5, младенцев мужского пола – 27, младенцев женского пола – 14 [15]. Среди сотен имен отметим Ивана Борисовича Черкасского, видного политика времен царя Михаила Федоровича; Петра Михайловича Салтыкова, который был близок к царю Алексею Михайловичу и к тому же часть его земель располагалась недалеко от вотчины Глушицкого монастыря; представи-

теля купеческого рода Панкратьевых (владельцев соляных промыслов в Яренском уезде) – Ивана Даниловича, президента Корабельной палаты [16].

Приведем некоторые сведения о госте Бахтеяре Булгакове, который долгое время был вкладчиком и благодетелем Глушицкого монастыря. В 1605 г. в Глушицкий монастырь был вложен серебряный крест с изображением Дионисия Глушицкого под распятием. Н.И. Суворов во второй половине XIX в. видел его, сделал описание вклада и воспроизвел надпись на кресте. Согласно вычеканенной надписи, вклад был сделан при игумене Андриане [17] «на гроб великим чудотворцом Дионисию и Анфилохию по родителям своих вечно, по обещанию многогрешного раба Божия Феодосия Бул...» [18]. Очевидно, что вкладчиком был Феодосий Булгаков, носивший прозвище Бахтеяр (с перс. – удачливый, богатый). Этот человек был крупным московским купцом.

О высоком статусе Бахтеяра Булгакова говорит его присутствие в числе гостей, приглашенных на обед 21 декабря 1623 г. к патриарху Филарету и царю Михаилу Федоровичу [19]. В 1640 г. гость Бахтеяр Булгаков со своими сыновьями Иваном и Василием устроили серебряную раку над мощами преподобных Дионисия и Амфилохия [20]. Подробное описание этой гробницы содержится в описи Глушицкого монастыря 1701 г. [21]. Этот купец особо чтит Дионисия и Амфилохия Глушицких и Дмитрия Прилуцкого. Согласно челобитной Бахтеяра Булгакова от 30 августа 1640 г. келарю Спасо-Прилуцкого монастыря Левкию, в обители над «гробом» Дмитрия Прилуцкого вкладчик желал сделать сень «подобием тем, как у преподобных отец Дионисия и Амфилохия чудотворцов» [22].

Отмечу, что при «бесчинстве и пустоте» игумена Иринарха в начале 1630-х гг. в Глушицком монастыре, именно «вкладчик» Бахтеяр Булгаков выступил защитником насельников монастыря, вотчинных крестьян, и бил челом архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму о разрешении конфликта [23]. В синодике Глушицкого монастыря 1640-х гг. названо его имя, полученное при крещении, – Феодосий, и перечислен его род – 133 имени [24]. Только при этой записи есть помета о специальной поминальной службе: «Ектения сия глаголется за упокой...» [25]. Записан род Бахтеяра Булгакова и на листах из синодика конца XVII – начала XVIII в. [26].

Таким образом, из трех синодиков Глушицкого монастыря, известных во второй половине XIX – начале XX в., до нас дошли только два. Они хранятся в СПИ ВГИАХМЗ, при этом фрагмент помянника конца XVII – начала XVIII в. находится в НИОР БАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Суворов Н.И.* Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 87–88. В описи Глушицкого монастыря 1683 г. упомянут «сенадик литейной в полдесть» (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / сост. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова; отв. ред. М.С. Черкасова. Вологда, 2011. С. 205). В описи монастырского имущества 1701 г. среди письменных книг «в полдесть» упоминается синодик (*Башнин Н.В.* Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 149). Упоминаются два синодика «в десть» в описи Глушицкого монастыря 1775 г. (Переписные книги вологодских монастырей... С. 220); эти же рукописи зафиксированы описью 1782 г. (Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12 об.). В описи Глушицкого монастыря 1915 г. описаны синодики: «два в пол-лист и один в $\frac{1}{4}$ долю листа». Рукописи датированы «не ранее XVII столетия» со ссылкой на Н.И. Суворова (ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 102–102 об.).

2. *Срезневский В.И.* Отчет Отделению русского языка и словесности императорской Академии наук о поездке в Вологодскую губернию (май – июнь 1901 г.) // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. VII. Кн. 2. С. 269.

3. *Петрова Т.Г.* Закрытие Глушицкого Сосновецкого Дионисиева Предтеченского монастыря в 1924 году // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. С. 101–104; *Петрова Т.Г.* Из истории Дионисиево-Глушицкого монастыря // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен: Сборник научных статей / гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2002. С. 30–37. *Петрова Т.Г.* Документы о закрытии Глушицкого Сосновецкого Дионисиева монастыря (Из личных материалов председателя ликвидационной комиссии И.И. Чуркина) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 65–84.

4. 22 августа 1924 г. Акт о передаче ценностей Глушицкого Сосновецкого монастыря в Вологодский государственный музей. См.: *Петрова Т.Г.* Документы о закрытии Глушицкого Сосновецкого Дионисиева монастыря. С. 78.

5. 19 сентября 1924 г. Акт о передаче имущества Глушицкого Сосновецкого монастыря в детский дом им. В.И. Ленина и в Вологодский государственный музей. См.: *Петрова Т.Г.* Документы о закрытии Глушицкого Сосновецкого Дионисиева монастыря. С. 80.

6. Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – СПИ ВГИАХМЗ). Ед. хр. 2014. Запись о поступлении рукописи сделана на внутренней стороне переплета темно-фиолетовыми чернилами.

7. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. I. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 161. № 61.

8. СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. 2139. Л. 1. Запись о поступлении рукописи сделана карандашом.

9. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. I. Вып. 2. С. 131. № 34.

10. *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю., Петрова Л.А.* Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX века: Сборник научных трудов. Л., 1979. С. 118.

11. СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. 2014.

12. НИОР БАН. Устюжское собр. Ед. хр. 87.
13. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. I. Вып. 2. С. 161. № 61.
14. НИОР БАН. Устюжское собр. Ед. хр. 87. Л. 3.
15. Подробнее о подсчетах имен в Глушицких синодиках и интерпретации этих сведений см.: *Башнин Н.В.* Монастыри и окружающий мир в конце XVI–XIX в. // *Вопросы истории.* 2014. № 1. С. 141–148.
16. *Гейман В.Г.* Соляной промысел гостя И.Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. // *Летопись занятий археографической комиссии.* Вып. 35. Л., 1929. С. 11–38.
17. У П.М. Строева игумен Адриан упоминается в 1596–1600 гг. См.: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007. Стлб. 748.
18. *Суворов Н.И.* Глушицкий монастырь... С. 44. Далее, констатирует Н.И. Суворов, надпись не разобрать. В описи имущества Глушицкого монастыря 1854 г. есть описание этого креста: «Чеканной работы серебряный, под золотом, в возглавии изображение убруса, по сторонам: по правую Божией Матери и Марии Магдалины, по левую Иоанна Богослова и Логгина Сотника, а в подножии преподобнаго Дионисия. Украшен семью камнями, из коих три зеленого, два бело-голубаго, один розоваго и один дымнаго цвета, по краям убран средним жемчугом, а по бокам подпись благодотворителя 7113 года, в коем весу с деревом 1 ф. 34 золотника» (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Ед. хр. 2535. Л. 17 об.).
19. *Перхавко В.Б.* Средневековое русское купечество. М., 2012. С. 294–295. Бахтеяр Булгаков гость в 1626 г., в 1627 г. торговал с персидскими купцами соболями «на сырой шолк», в 1631/32 «на службе» в Архангельске с гостем В.А. Юдиным, в 1632/33 таможенный и кабацкий голова в Архангельске и на Холмогорах, в 1641 обсуждал внешнеторговые вопросы (Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / сост. Т.Б. Соловьева, Т.А. Лаптева. М., 2004. С. 25, 26, 97, 122–124, 126–131, 133, 142, 154, 424). Также о работе Бахтеяра Булгакова на северных таможах см.: *Голикова Н.Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. М.; СПб., 2012. С. 167, 175, 223, 224, 237, 245, 246.
20. *Суворов Н.И.* Глушицкий монастырь... С. 39; *Шамина И.Н.* Глушицкий Соновецкий во имя Святого Иоанна Предтечи мужской монастырь // *Православная энциклопедия.* Т. 11. М., 2006. С. 615. Заметим, что в 1622 г. Бахтеяр Булгаков сделал вклад в Спасо-Прилуцкий монастырь, который состоял из «парусы и якори, и бичевы, и олтуги, и дроги, и завозы на Вологде, да парус большого дощаника и 6 новых спусков на Колмогорах» (Описание свитков, хранящихся в Вологодском Епархиальном Древлехранилище. Вып. II. 1508–1687 гг. / сост. И.Н. Суворов. Вологда, 1900. № 294. С. 32). В описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. значится «Купчая московского гостя Бахтеяра Евсевьева сына Булгакова гостиные сотни торговому человеку Ивану Петрову сыну Харламову в Захарыне трубе Половнихе на четверть с росолом и на иные угодыя 154-го года за руками, ветха» (СПИ ВГИАХМЗ. Ф. 3. Ед. хр. 3. Л. 202). П.А. Колесников отмечал, что Бахтеяр Булгаков получил от О. Строгановой часть соляного промысла в Тотьме, в 1640-х гг. зафиксировано несколько сделок с варницами и трубами (Подр. см.: *Колесников П.А.* Город Тотьма в XVII в. (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001. С. 180–277).

21. Башнин Н.В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря. С. 162.
22. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 165. № 186.
23. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 83. Ст. 1, 2.
24. СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. 2139. Л. 134–139 об. Бахтеяр Булгаков также был вкладчиком и Николо-Коряжемского монастыря. Запись его рода есть в синодике этой обители (РНБ. Ф. 550. Ед. хр. Q. IV. 351. Л. 81–82 об.).
25. СПИ ВГИАХМЗ. Ед. хр. 2139. Л. 134–134 об.
26. НИОР БАН. Устюжское собр. Ед. хр. 87. Л. 6–7 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII в.

Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII в. хранится: НИОР БАН. Устюжское собр. № 87. Рукопись форматом 2^о, 7 л. (л. 1 об., 2 об. – чистые), архивная нумерация в правом верхнем углу карандашом. Большая часть текста написана одним почерком, полууставом с киноварью в заголовках, дополнения дописаны различными почерками (полууставом, скорописью XVIII в.). Листы 4 и 5 соединены, остальные листы одинарные. Лист 1 ветхий, края обтрепаны и надорваны, посередине повреждения и следы плесени, бумага потемнела. На нескольких листах присутствуют капли воска. У всех листов нижний правый угол затерт и запачкан. По краям всех листов видны следы воды. На всех листах посередине остался след горизонтального сгиба, по краю левого поля видны следы от проколов в 5 местах. На верхнем поле л. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 7 об. имеется помета киноварью, современная рукописи: «Москва». На нижнем поле л. 1, 7 об. синий оттиск штампа с надписью: «Рук. Отд. БАН. СССР», в верхнем левом углу л. 1 надпись сиреневыми чернилами (XIX – начала XX в.?): «6778/2», рядом две цифры «77» перечеркнуты крест-накрест, на л. 3 в верхнем правом углу помета, современная (?) рукописи: «А». Филигрань Герб города Амстердама типа: Дианова Т.В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 448, 449 (1690–1700-е гг.), литеры IM и BW.

Текст памятника подготовлен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и с учетом сложившейся исторической традиции издания средневековых документов:

– текст передается современным гражданским шрифтом с заменой отсутствующих в алфавите букв: «i» заменяется на «и» (краткость обозначается в соответствии с нормами современного русского языка), «фита» – на «ф», «кси» – на «кс», «пси» – на «пс», «омега» – на «о», «йотированный аз» и «юс малый» – на «я»;

– рукописный текст воспроизведен без купюр, дополнений и нормализации орфографии; сохранены особенности написания, характерные для отдельных писцов;

- сокращения под титлом раскрываются, выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в рукописях;
- кириллические цифры заменяются арабскими;
- знаки препинания расставляются в соответствии с современными правилами и с учетом особенностей текста XVII – начала XVIII в.;
- текст, написанный киноварью, передается **полужирным шрифтом**;
- дополнения в содержание рукописи (новые имена, роды), сделанные во время ее использования в монастыре, оговорены в археографических примечаниях;
- графика расположения текста в рукописи не передается.

(л. 1) Род боярина князя **Ивана Борисовича Черкасково**. Помяни, Господи, род сий раба своего: Романа, Ульянею, Данила, **Никиту** во иноцех **Нифонта**, **Евдокею**, князя **Бориса**, княгиню **Татьяну**, **Бориса** младенца, **Никиту** младенца, **Иоанна** младенца, **Александра**, **Михаила**, **Никифора**, **Иоанна**, княгиню **Анну**, князя **Феодора** младенца, князя **Петра** младенца, князя **Андрея** младенца, княжну **Татияны**¹ младенца, княжну **Анну** младенца, князя **Афонасия** младенца, князя **Глеба** младенца, **Ирину**, **Алексея**. //

(л. 2) Род боярина **Петра Михайловича Салтыкова**: **Мисаила** схимника, **Евники** схимницы, боярина **Исакия**, **Бориса**, **Евфимии**, **Домники**, **Парасковьи**², **Алексия**, **Василия** младенца, **Иоанна** младенца, **Михайла** младенца, **Анастасии** младенца, **Василия**, **Соломонии**, князя **Георгия**, княгини **Марфы**, князя **Василия**, княгини **Фотинии**, князя **Иоанна**, княгини **Леониды**, князя **Иоанна**, **Иоанна**, **Параскевии**, **Анны** девицы, **Агрипины** девицы, боярини **Пераскевии**, **Василия** младенца, княгини **Марии**, инока **Василия** схимника, инокини **Софии** схимницы, князя **Михайла**, княгини **Марии**, **Агафии** младенца, **Екатерины**. //

(л. 3) ³Род гостя **Ивана Даниловича Панкратьева** и сына ево **Семена Ивановича**, да приказщика их **Ивана Иванова сына Чюмакова**³: ⁴**Григория**, **Данила**, **Андрея**, **Иоанна** 3-жды, **Марии** 2-жды, **Анны** девицы, **Василия**, **Симеона**, **Иоанна**, **Агафии**, **Никиты**,⁴ ⁵**Иоанна**, **Анну** 2-жды, **Ефросинии**⁵, ⁶**Параскевии**, **Марии**⁶.

⁷Дано на покров Дионисию и Анфилогию камки лимонной мерой 6 аршин 2 четверти⁷. //

(л. 3 об.) ⁸Род столника **Федора Петрова сына Мусина-Пушкина**, помянуть за упокой: **Савы**, **Петра**, **Михаила**, **Василия**, **Михаила**, **Леонтия**, **Михаила**, **Автамона**, **Алексея**, **Петра**, **Дея**, **Исака**⁹, **Иоанна**¹⁰.

Варвары, **Анны**, **Екатерины**, **Мамелфы**, **Евдокеи**, **Ксении**⁸.

¹¹Деревни Чашникова. Деревни Щашникова: за упокой **Агрипены**¹¹. //

(л. 4) Род столника **Стефана Афонасьева сына Зубова**: **Стефана**. //

(л. 4 об.) Род **Богдана Григорьевича Засецкого**: **Насецкого**¹² **Назария**, **Григория**, **Парасковей**, **Феодора** младенца 2-жды, **Илии** младенца, инока **Макария** схимника, **Матроны**, **Михаила**, **Сергия**, **Константина**, **Пелагеи**, **Иоанна**, **Екатерины**, **Димитрия**, **Анны**, **Ирины**, **Назария** убиенного, иноки **Феодосии**

схимницы, инока Макария схимника, Василия, инока Сергия схимника, Феодора, Евдокии 2-жды, Феодора, Феодора, Иоанна, Меркурия, Василия, Мавры, Агафии, Петра 2-жды, Феодора младенца 2-жды, Ирины младенца, Феодоры младенца, боярина Иосифа, Алексия, Петра. //

(л. 5) Род **Андрея Матфеевича Верещагина**: Матфея, иноки Ефросинии схимницы, Ирины, Тимофея убиенного, Василия, Харитины, Иоанна убиенного, иноки Ирины схимницы, Ульянии 2-жды. //

(л. 5 об.) Род **Алексея Семенова сына Чаплина Дмитревского**¹³ уезду: инока Варлаама схимника, инока Алексадры¹⁴ схимника, Семиона, Параскевы¹⁵, Феодора младенца, Василия, Тарха, Иоанна 2-жды, Елены схимницы, Матфея, Или 2-жды, Марфы схимницы, Варвары, Феодора, Алексея.

¹⁶Род Бельских¹⁷: Герасима Василевича, Григория¹⁸ Герасимовича прикаштика¹⁹ Строганова: Сергия, Якова, Ирины 2-жды, Илию, Елены, Ксении, Евдокии¹⁶.

²⁰Род деревни Савкина Марка Степанова: за упокой Евдокеи²⁰. //

(л. 6) Род **гостя Феодосия, пореклу Бахтеяра Евсевиева сына Булгакова**: Флора, Михаила, инока Серапиона, Михаила, Симеона, Анастасии, Симеона, Ирины, Викулы, Ксении, Доментияна, Евсевия, Или во иноцех Иова схимника, Марии во иноцех Марфы схимницы, Ульянеи, Димитрия, инока Домияна, иноки Улиты схимницы, инока Варлаама схимника, Стефана, Кирила, Антонида, Варфоломея, Василия, Антонида, Василия, иноки Аникии схимницы, Марфы, Марии, Дионисия схимника, Никиты 2-жды, иноки Анисии схимницы, Ульянии, Маремьяны, Зиновия, Михаила, Неонилы, Димитрия, Фаддея, Константина, Иоанна 2-жды, Пелагеи схимницы, Голендухи²¹ схимницы, Петра, Феодоры, Марины, Карпа // (л. 6 об.) во иноцех Козмы, Матроны, Иоанна, Марии, Василия младенца, Ксении младенца, Харитона, Флиппа младенца, Софония младенца, Еуфимия²², Феклы, Матроны, иноки Антонида схимницы, инока Моисея, иноки Ксении схимницы, Иоанна, священно диякона Генадия схимника, Иоанна, иноки Ефросинии схимницы, Терентия, священно инока Варсонофия, Тихона младенца, Домникии младенца, Тимофея младенца, Стефана младенца, Дарии младенца, Феодосия младенца, Алексия, Дарии младенца, Петра младенца, Авраамия младенца, Димитрия младенца, Евдокии младенца, Дарии младенца, Марфы, инока Феодосия схимника, Василия, иноки Антонида схимницы, иноку Александру схимницу, иерея Петра, Ксении, инокини Феодулии схимницы, // (л. 7) иерея Артемия, Марфу, Фотинии, Евгении, Феклы, Василия, Иоанна, инока Филарета схимника, инока Герасима схимника, инока Леонида схимника, Евсевия, Симеона, Василия, Фомы, Карпа, Филарета схимника, Елеферия, Ефимии, инокини Анисии схимницы, иноки Клеопатры схимницы, иноки Парасковии схимницы, Петра, Агрипены, Матроны, Всеволода²³, Ульянии девицы, Марии, Дарии, Евдокии, Анны, Марии, Ульянии, Григория, Бориса, Ильи, иноки Александры схимницы, Еупраксии, Феклы, иноки Екатерины схимницы, инока Сергия схимника, Ульянии, Андрея, Евфимии, Марфы, Татияны девицы, Григория 2-жды, Анны, Евфимия, Стефанида, Антонида, Алексия, Ма-

рии, Антипы, Иоанна, Ксении, Сергия схимника, Устины, // (л. 7 об.) Алексия, Марии младенца, Илии младенца, Ксении младенца, Устины, Афонасия убиенного, Феодора, Марии, Феклы младенца.

Род боярина Богдана Матвеевича Хитрова человека ево Якова Назарьева сына Дружинина: Назария, Пераскевий²⁴, иноки Таисии схимницы, Марфы, Ульянии, Анастасии, Елеозара, инока схимника Авдия.

БАН. Устюжское собр. № 87. Л. 1–7 об.

¹ Так в ркп.

² В ркп. Параскои.

³⁻³ В ркп. другим почерком.

⁴⁻⁴ В ркп. другим почерком.

⁵⁻⁵ В ркп. другим почерком.

⁶⁻⁶ В ркп. другим почерком.

⁷⁻⁷ В ркп. другим почерком.

⁸⁻⁸ В ркп. другим почерком.

⁹ В ркп. Иисака.

¹⁰ В ркп. Иоанна.

¹¹⁻¹¹ В ркп. другим почерком.

¹² Так в ркп.

¹³ В ркп. Дмитревско.

¹⁴ Так в ркп.

¹⁵ В ркп. Параскевии.

¹⁶⁻¹⁶ В ркп. другим почерком.

¹⁷ В ркп. над строкой.

¹⁸ В ркп. Григоря.

¹⁹ В ркп. над строкой.

²⁰⁻²⁰ В ркп. другим почерком.

²¹ Так в ркп.

²² В ркп. далее вычеркнуто киноварью младенца.

²³ В ркп. Ввда.

²⁴ Так в ркп.

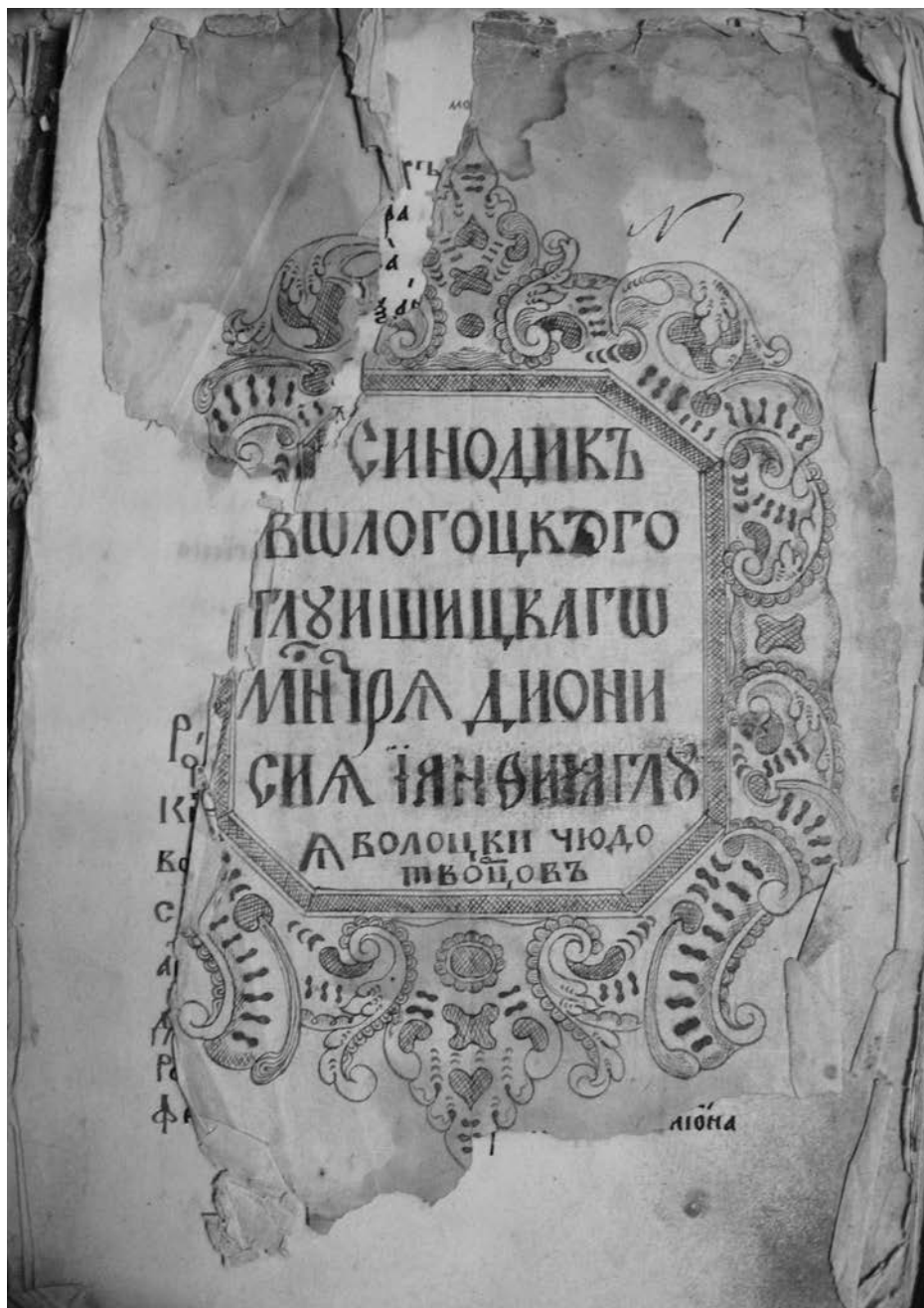

Рис. 1. Синодик Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII в.
Узорная заставка. СПИ ВГИАХМЗ. № 2014. Л. 1.

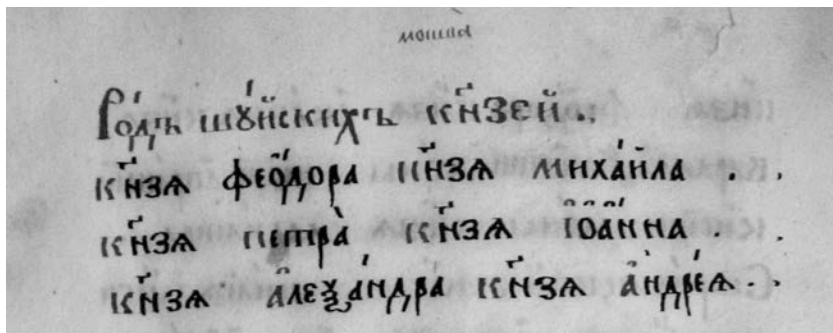

Рис. 2. Синодик Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII в.
Фрагмент. СПИ ВГИАХМЗ. № 2014. Л. 2.

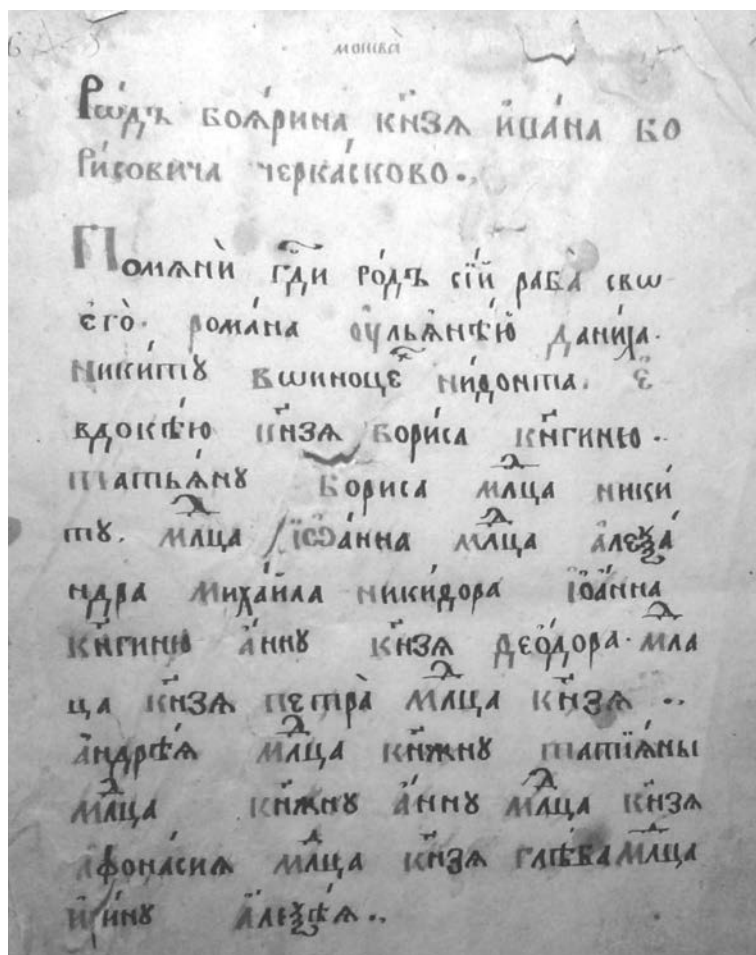

Рис. 3. Синодик Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII в.
Фрагмент. НИОР БАН. Устюжское собр. № 87. Л. 1.

В.И. Иванов

**СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
БИБЛИОТЕКИ ЧЕРНОМОРСКОЙ
ЕКАТЕРИНО-ЛЕБЯЖСКОЙ ПУСТЫНИ
(КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)**

Черноморская Николаевская Екатерино-Лебяжская пустынь – это первый монастырь, основанный черноморскими казаками вскоре после их переселения на Кубань из Приднестровья. Самое раннее упоминание о намерении основать на территории Черноморского казачьего войска монастырь мы встретили в письме казака Панка Белого кошевому атаману Захарии Чепеге от 29 июня 1793 г., в котором сообщается, что, исполняя волю «громады», он передал 50 руб. умершего казака Я. Солонского «на Черноморский монастырь» [1]. Через год, 24 июня 1794 г., в ответ на прошение Войскового правительства Екатерина II издала **именной указ, ею собственноручно подписанный**, с разрешением в избранном им месте устроить монашескую пустынь, где бы престарелые и раненые на войне казаки могли воспользоваться спокойной монашеской жизнью. Войсковая обитель должна была строиться по образцу Саровской пустыни: 1 строитель, 30 человек братии и 10 больничных, всего 41 человек. Все расходы на строительство и содержание пустыни должно выделять Войсковое правительство. Ему же предоставлялось право выбора настоятеля и определение его сана (архимандрит или игумен). На основании этого именного указа 7 августа Святейший Синод разослал соответствующие указы митрополиту Екатеринославскому, в Сенат и в Войсковое правительство [2].

Монастырь был основан на острове Лебяжьем в одноименном лимане, образованном при слиянии рек Бейсуг и Бейсужек, в 30-ти километрах от Азовского моря. Судя по архивным документам, место для будущего монастыря выбирали лично атаман З.А. Чепега и войсковой судья А. Головатый. Первому архимандриту Феофану оно понравилось [3]. В 1796–1798 гг. на строительство монастыря было выделено Войсковым правительством 20 000 руб. Свои деньги жертвовали также атаманы З.А. Чепега (1 тыс.) и Т.Т. Котляревский (1 тыс.), подполковник А.С. Высочин (по завещанию 1 тыс.), дру-

гие офицеры и рядовые казаки (около 3 тыс. руб.), сам архимандрит Феофан (1247 руб.) [4].

Самые ранние сведения о библиотеке Екатерино-Лебяжской пустыни мы получаем из описи монастыря 1799 г. (см. приложение).

Источники комплектования большей части монастырской библиотеки в описи монастыря от 10 сентября 1799 г. не названы [5]. Можно предположить, что первоначально книги собирали всем миром, а большую их часть выделило Войсковое правительство. Только при описании двух книг отмечается, что они были получены в качестве вкладов: большое Евангелие «на полуалександрийской бумаге» в посеребренном окладе, с пятью финифтинными изображениями дала жена майора Ивана Павловича Великого [6], а Прологи на весь год в четырех книгах были получены от казака Кисляковского куреня Сизонта Гиговского 27 сентября 1799 г. [7]. Большую партию книг (почти треть всей библиотеки – 18 экземпляров 14-ти наименований) монастырь получил из Феодосийской духовной консистории. Земли Черноморского казачьего войска с 1794 г. входили в состав этой викарной епархии. Скорее всего, это были новые книги, изданные в России.

Общее количество книг в библиотеке Екатерино-Лебяжской пустыни в 1799 г. (на 27 сентября) составляло 69 экземпляров тридцати трех наименований книг [8]. Отмечено, что три книги, которые значились по описи Войскового правительства, обнаружены не были: Октоих, Симфония на Четвероевангелие и Толкования (Иоанна Златоуста?) на святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды [9]. Ведущим признаком систематизации основной части книг в этой описи служит их размер: книги разделены на группы «в лист», «в четверть», «в осьмуху». Ни одна из книг в этой описи не датирована. Иногда (всего у шести книг, то есть 9%) имеются указания на место издания: Евангелие «киевской печати»; Служебник, Акафистник, Псалтырь и Часослов «печерской печати»; Служебник «черниговской печати». Все они печатались, как мы видим, на Украине.

По содержанию все книги относились к церковно-религиозной литературе. Большую часть (51%) составляли книги богослужебные (17 наименований – 41 экз.); 36% относились к книгам богословским (12 наименований – 14 экз.), последние почти все были переданы из Феодосийской духовной консистории: творения Иоанна Златоуста (пять книг – 7 экземпляров), Макария Великого, Иоанна Лествичника, Амвросия Медиоланского и другие [10].

Житийная литература представлена полным циклом издания «Жития Святых Отец» (за 12 месяцев – шесть книг) и «Жития Святых Отец» за июнь – август (одна книга), что составляет 10% общего числа книг монастырской библиотеки [11]. Можно выделить книги церковно-назидательные (Прологи на весь год – 4 книги), церковно-исторические («Священная история» Сульпиция Севера) и церковно-юридические (Кормчая – из 2-х книг). Все они составляют 12% наименований книг библиотеки. По количеству единиц хранения (то есть отдельных книг) структура библиотеки выглядит следующим образом: богослужебный раздел – 41 ед. хр. (60%); богословский – 14 ед. хр. (20%); житий-

ный и церковно-назидательный – 11 ед. хр. (16%); церковно-исторический и юридический – 3 ед. хр. (4%).

В описи 1854 г. книги разделены на семь групп. (0) Напрестольные Евангелия (6, из них 5 межигорские), которые хранились в ризнице. (1) Рукописи (одна под названием «Рай»). (2) Печатные книги Священного Писания (11 наименований, включая шесть Новых Заветов, один из которых на греческом языке); три Библии (одна на немецком), два Апостола. (3) Богослужбные книги (13 наименований, 27 экз.). (4) Писания Св. Отец (59 наименований, включая журнал «Воскресное чтение», 135 экз.). (5) Прочие книги духовного содержания (11 наименований, 13 экз.). (6) Книги исторические (22 наименования, 44 экз.). Итого: 136 наименований книг, 239 экземпляров, включая отдельные части книг.

Тематическую структуру библиотеки в целом можно представить следующим образом: богослужбные книги – 30 наименований (22%), 46 экз. (19%); богословские – 84 наименования (62%), 149 экз. (62%); житийные – 10 наименований (7%), 26 экз. (11%); церковно-исторические – 12 наименований (9%), 18 экз. (8%). Итого: 136 названий (+ 35 экземпляров + 68 отдельных частей), 239 экземпляров.

По количеству книг библиотека за полвека увеличилась в 3,5 раза, а по наименованиям стала полнее в 4 с лишним раза. Тематически прямо пропорционально поменялось соотношение книг богословского (62%) и богослужбного (19%) содержания (по описи 1854 г.). В конце XVIII в. богословские составляли всего 20%, а богослужбные – 60%. Библиотека из служебной превращается в назидательно-богословскую. Важное значение имело в этом смысле поступление книг из Киевского Межигорского монастыря. Незадолго до упразднения этого монастыря в нем числилось (по описи 1777 г.) кириллических 53 рукописных (79 экз.) и 176 печатных (509 экз.); латинских – 114 (162 экз.); польских – 54 (76 экз.), а всего 397 названий (826 экз.) книг [12]. Войсковое правительство (по инициативе атамана Т.Т. Котляревского), рассматривая себя наследником Запорожской Сечи, старалось собрать церковные ценности, в том числе и книги, некогда принадлежавшие запорожцам. В 1798 г. на Кубань была передана ризница запорожской Свято-Покровской церкви [13], а в 1804 г. привезена ризница с утварью и книгами войскового Киевского Межигорского монастыря [14]. Большая часть монастырской библиотеки, а именно – коллекция рукописных книг, книги на латинском и польском языках остались на Украине и попали в библиотеки разных церковных институций. По предположению исследователей, на Кубань привезено было не менее двухсот печатных книг, а в Екатерино-Лебяжскую пустынь из них поступило около шестидесяти. Остальные книги были распределены между войсковым училищем (90 названий) и храмами [15].

Однако в сочинении архимандрита Филарета «Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане» (Харьков, 1856) названы только 33 книги (19 богослужбных и 14 учительных), полученные из библиотеки Киевского Межигорского монастыря. Сопоставляя сведения из книги Филарета и описи

1854 г., удалось идентифицировать достаточно уверенно из 19 межигорских богослужебных книг только 11 (58%), а из 14 учительных – только 5 (36%). Ещё три книги из описи 1854 г., возможно, также относятся к межигорским [16]. Остальные по неизвестным нам причинам в описи отсутствуют.

Зато в описи 1854 г. отмечена одна межигорская рукописная книга, очевидно, XVII в., о которой нет упоминаний в других документах. Она озаглавлена «Рай» и представляла собой сборник, включающий несколько слов Иоанна Златоуста и толкования блаженного Феофилакта епископа Болгарского на четыре Евангелия. В книге имелись цветные изображения трех евангелистов: Матфея, Марка и Иоанна, написанные красками и наклеенные на листы рукописи. Эта рукопись также была связана с Межигорским монастырем. На нижнем поле с 3-го по 8-й лист имелась вкладная запись: «Лѣта от рожденія Христова 1634-го мѣсяца октября 15 дня: Азь многогрѣшный раб Божій Матвѣй Матвіанович мещанин богоспасаемаго града Кіева надал самы и даровах сію книгу нарицаемую Феофилакта архієпископа Болгарскаго толкованіе на Св. Евангеліе всѣх четырех Евангелистов, ко храму Преображенія Господа нашего Ісуса Христа монастырю Мижигорскому общаго житія: вѣчне и недвижимо: и аще бы кто хотѣл сію книгу от того монастыря вышеименованнаго отнести и на свой пожиток обернути, на таковаго каждаго нехай будет клятва Св. Отец тїих, иже в Никей, и разсудится со мною на страшном судѣ пред Господом нашим Ісусом Христом, когда прїдет судити живым и мертвым. Аминь» [17].

В описи 1854 г., как правило, указываются время и место издания, а также стоимость книг. Самое раннее издание в библиотеке Екатерино-Лебяжского монастыря по этой описи – Евангелие учительное, изданное в местечке Рохманово в 1609 г. Всего XVII в. отмечены 15 книг, то есть около 6% (четыре изданы в Москве, три – в Киево-Печерском монастыре, по две – в Вильне, в Киеве, в Кутеинском Богоявленском монастыре (близ Орши) и по одной – во Львове и Рохманове). К XVIII в. относятся 72 издания, то есть 30% (из которых лишь пять – к первой половине века). Из них 49 книг изданы в Москве, по пяти – в Санкт-Петербурге и Киево-Печерской лавре и три – в Киеве [18]. Остальные две трети книг датируются XIX в., основная их часть издана в Москве, а также Санкт-Петербурге (15) и Киеве (10).

Общая стоимость книг библиотеки оценивалась в огромную сумму – 3627 руб. 20 коп. Причем половину этой стоимости составила оценка пожертвованного патриархом Иоакимом в Киево-Межигорский монастырь напрестольного Евангелия 1687 г. Общий вес этой книги равен был 2 пудам 10,5 фунта, то есть более 37 кг, а сам серебряный с позолотой оклад весил почти 24 кг (1 пуд. 10 фунтов 8 золотников) [19]. В описании оклада сообщается, что поверх досок переплета «наложены доски сребренныя, золоченыя, гладкія, на оных накладныя чеканныя сребренныя, бѣлыя, сквозныя травы; на верхней доскѣ посрединѣ крест сребренный, гладкій, позлащенный, на нем распятіе Господне чеканное, вверху на сребрѣ слова: «Аз есмь лоза истинная». Кругом онаго креста на виноградной лозѣ изображены двенадцать

Апостолов, окружіе серебряное, чеканное, позлащенное, по четырем углам изображены серебряные, бѣлые чеканные четыре Евангелиста, а по двум сторонам изображенія: Богоявленія Господня и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. На исподней доскѣ на срединѣ внизу изображеніе праотца Ёссея, из коего процвѣло древо, на двѣнадцати вѣтвях коего изображены св. пророки, Божія Матерь и надпись бѣлая таковая же: «Жезл от корене Ёссеова», около древа того чеканное позлащенное окружіе, по углам чеканное изображеніе четырех святителей: Епифанія, Григорія, Василя и Амвросія, а по сторонам с изображенія волхвов и Богоявленія Господня. Сверх сего в самых углах на обоих досках по четыре Херувима серебряные, лица бѣлыя, а власы и крылья позлащенные. На корнѣ самага Евангелія по гладкой серебряной позлащенной оправѣ положено востѣм серебряных, травчатых прорѣзных блях, зашипки серебряныя, позлащенные, гладкія широкія, на них накладныя серебряныя вычеканенныя травы, с другой стороны шпеньки литыя серебряныя. На корнѣ сверху и снизу заертки серебряныя, позлащенные с репейками» [20]. Шесть богато украшенных напрестольных Евангелий составляли 90% стоимости всей монастырской библиотеки.

В современных книжных собраниях следов этой монастырской библиотеки практически нет. Известна только одна книга – Минея служебная (август) с записью, указывающей на её связь с Екатерино-Лебяжской пустынью [21].

1. Несмотря на позднее возникновение (конец XVIII в.), библиотека Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни за пятьдесят лет превратилась в довольно обширное (136 наименований, 239 экземпляров) собрание разнообразной церковной литературы.

2. Прослеживаются тесные связи с украинскими книжными центрами и прежде всего церковными учреждениями бывшего Запорожского войска.

3. В библиотеке сложился, хотя и небольшой (около 10%), комплекс старопечатных изданий XVII – начала XVIII в., имелся рукописный сборник XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 218а. Л. 266.
2. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Краснодар, 2001. С. 333–334. В войсковом журнале входящих бумаг явно ошибочно указ датирован 7 сентября 1794 г. и вместо Синода назван Сенат – «Святейший Правительствующий» (!?) – ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 207. Л. 130.
3. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 286. Л. 15. Он был настоятелем «войскового» Запорожского войска Самарского Николаевского монастыря близ г. Екатеринослава.
4. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Краснодар, 2001. С. 336. Подробное описание монастыря см.: *Филарет [Гумилевский], архимандрит*. Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане. Харьков: Университетская типография, 1856.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 428. Л. 28–40.
6. В 1796 г. был секунд-майором. См.: Древнейшие метрические книги Кубани. Сб. документов. Краснодар, 2010. С. 66.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 428. Л. 28–40 об.
8. Имелось три Евангелия в окладах (одно большое и два меньших); три Службника разных изданий (в лист, в 4^о и 8^о); две Псалтыри – «с последованием» и «печерской печати»; два Требника – один в лист, а другой в 8^о; два Жития Св. Отец: полный комплект на 12 месяцев в 6-ти книгах и одна книга на июнь – август. А вот сочинения Ефрема Сирина и Саввы Дорофея были объединены в одну книгу.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 428. Л. 32–32 об. Эту предшествующую (вероятно, первую) опись обнаружить пока не удалось.
10. Там же. Л. 32.
11. Скорее всего, это Минеи месячные (Киев, 1750) или Четьи минеи (Киев, 1705), возможно, Четьи минеи Дмитрия Ростовского (1-е изд. в Москве 1711–1718).
12. *Кирьянова О.В., Долгова Ю.А., Лукошкина Е.В.* Ещё раз о количественных характеристиках библиотеки Киево-Межигорского монастыря // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Краснодар, 2011. Вып. 7. С. 151. Эта опись хранится в настоящее время в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 1. № 5516 – см.: *Иванова О., Лось В.* Рукописные книги Киево-Межигорского монастыря в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского: краткий обзор // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 179.
13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 392.
14. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 68.
15. *Слуцкий А.И., Кирьянова О.В.* К вопросу о библиографической реконструкции библиотеки Киево-Межигорского монастыря на Кубани // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 191–192.
16. *Филарет [Гумилевский], архимандрит*. Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане. С. 19–26.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 834. Оп. 3. Д. 2609. Л. 178–180.
18. Часть книг в этой описи даты и места издания не имеют.

19. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2609. Л. 90; *Филарет [Гумилевский], архимандрит*. Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане. С. 21.

20. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2609. Л. 89–90.

21. Книжные памятники Кубани. Каталог изданий, хранящихся в отделе редкой книги Краснодарской краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина. Краснодар, 2000. С. 19 (инв. № 216561).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опись библиотеки Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни

10 сентября 1799 г.

Евангелии

Евангелие на полуалександриской бумаги оправлено по фили¹ мѣдью, посеребрено; с пятью фифтяными штучками – одно. Надано госпожею маіоршею Великою. **Еваньгелие** меньшее оправлено мѣдью с пятью финифтяными штучками – одно. **Еваньгелие** меньшее кievской печати покрыто золотом глизетом, облажено по краям вокруг серебром с шестью штучками финифтяными оправлены съсребром. <...>

Книг разных в лист

Устав церковный или **Типикон** – один. **Миней** двенадцать м(е)с(я)цев книг двенадцать. **Актоих** востѣмь гласов – книг двѣ. **Триодь** посная – книг одна. **Триодій** цвѣтных – книг двѣ. **Апостолов** – книг двѣ. **Служебник** печерской печати – один. **Миней** общая – книги двѣ. **Псалтырь** с послѣдованіем – одна. Преподобного **Ефрема Сырина**, въкупѣ и с **авы Дорофѣя** – одна². **Житіе Святых отец** двенадцать м(е)с(я)цев – книг шесть. **Житія Святых отец** три м(е)с(я)ца: июнь, июль, август – книга одна. **Требник** – книга одна. **Часослов** печерской печати – одна.

В четверть

Служебник черниговской печати – один. **Акафистник** печерской печати – один.

Псалтырь печерской печати – одна. **Иермологіев** – книг двѣ. **Молебних пѣній** – книг двѣ.

В осьмуху

Служебников – книг двѣ. **Требник** – книга одна.

Книги, присланные из Феодосийской духовной консисторіи

Амвросія Медиоланского – книг двѣ. **На Бытія** первая часть святаго **Іоанна Златоустаго** – книг одна. **На четырнадцать посланій святаго Иоанна Златоустаго** – книг двѣ. **О покаяніи святаго Ио[а]нна Златоустаго** – книга одна. **Чин освященія церкви** – книга одна. **Слов избранных поученій святаго Иоанна Златоустаго** – книг двѣ. **Иоанна Лѣствичника** – книга одна. **Слов к Феодору Падшему** в четверть – книга одна. **Слов Макарія Великаго** в четверть – книга одна. **Сивера Сулпиціи Священной исторіи** в

четверть – книга одна. **Поучительных слов и бесѣд святаго Иоанна Златоустаго** – книга одна. **Кормчая** в двух книгах – двѣ. **Шестоднев** в четвертину – книга одна. **О церкви и тайн св(я)тих ко увѣщеванію** в четверть – книга одна.

Коеи по описи данной из Войскового правительства не оказалось:

Октаев в осьмуху – книга одна. **На толкованія святых Апостол Іакова, Петра, І[о]анна, Іуды** – книга одна. **Симфоній на Четвероевангилій** – книга одна.

<...> Сентября 27 дано на монастырь куреня Кисляковского козаком Сизонтом Гиговским **Прологов круг** в четырех книгах двенадцать м(е)с(я)цев – итого книг четыре.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 428. Л. 28 об., 31 об. – 32 об., 40.

¹ Так в рукописи.

² *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. № 237 (Москва, 1652).

Н.А. Ефимова

АВТОГРАФЫ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В СОБРАНИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ БАН

С 1763 по 1767 г. пост епископа Воронежского занимал Тихон Задонский – человек настолько неординарный, что его личность нашла свое отражение даже в классической литературе. Он послужил одним из прототипов старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», о чем сам Достоевский писал в 1870 г. в письме к А.Н. Майкову: «Хочу выставить во 2-й повести главную фигурой Тихона Задонского, конечно под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре на покое» [1]. Кем же был этот человек?

Тимофей Соколов (Соколовский), будущий Тихон Задонский, родился в 1724 г. в семье дьячка села Короцкое Новгородской губернии Савелия Кириллова [2]. В 1738 г. Тимофей был записан в Архиерейскую славянскую школу, а после преобразования школы в Новгородскую семинарию принят туда в числе лучших учеников. Еще во время обучения в семинарии он совмещал учебу и преподавание греческого языка, а затем стал учителем риторики. В 1758 г. Тимофей был пострижен в монашество под именем Тихон. Через год он стал архимандритом Тверского Желтикова монастыря, а затем был переведен в Отроч Успенский монастырь и назначен ректором Тверской семинарии. В 1761 г. Тихон был рукоположен в сан епископа Кексгольмского и Ладожского и стал викарием Новгородским, еще через два года назначен епископом Воронежским. На этом посту он занимался просветительской деятельностью, возродил духовную семинарию, закрытую из-за отсутствия финансирования, а также активно выступал против раскола. Ко времени назначения епископом Воронежским здоровье святителя было сильно подорвано. Трижды он подавал прошение об отставке, и только в декабре 1767 г. Тихон Задонский был уволен на покой. Поначалу он поселился в Спасо-Преображенском Толшевском монастыре близ Воронежа, но местный болотистый климат не позволил ему находиться там постоянно, поэтому в 1769 г. Тихон перебрался в Задонский Рождество-Богородицкий монастырь. Там он скончался 13 августа 1783 г. и был погребен во Владимирском соборе. В мае 1846 г. при демонтаже собора

под алтарем были обретены мощи святителя, и тогда же встал вопрос о его канонизации. Спустя полтора десятилетия, в 1861 г., Тихон был официально причислен к лику святых.

Тихон Задонский является автором множества слов и поучений. Часть рукописного наследия после его смерти, согласно завещанию, была отправлена в Синод и позже опубликована [3]. В 1784 г. впервые были напечатаны отдельные его произведения, в том числе «Письма келейные» и «Разные письма к некоторым приятелям посланные». Еще девятнадцать писем были опубликованы в 1799 г. в «Остальных сочинениях преосвященного Тихона» [4]. Однако уже Евгений Болховитинов отметил, что не все сохранившиеся письма Тихона попали в печать [5]. В XIX – начале XX в. в ряде периодических изданий публиковались отдельные «новонайденные» письма [6]. Некоторые из них были перепечатаны в переизданиях Полного собрания сочинений Тихона. Общее число «писем посланных», имеющихся в «последнем полном собрании творений», составило 62 [7].

В собрании Археографической комиссии БАН находится рукопись под № 172 (старый шифр: Арх. ком. 321), которая содержит Слова Тихона Задонского. Рукопись представляет собой тетрадь, формата Folio, написанную одним четким почерком без помарок [8]. Обложка – картон, обернутый холщовой набивной тканью. В рукописи выписаны девять из семнадцати Слов Тихона Задонского, сказанные им к Воронежской пастве: Слово о сырной седмице, Слово на новый год, Слово на возведение честного креста и другие [9]. На полях, рядом с заглавиями, стоят карандашные отметки «напечат.». С внутренних сторон переплета и на отдельных страницах рукописи наклеены листы с текстом, написанным рукой святителя Тихона и неустановленного лица. Часть листов содержит молитвы и «размышления». Тихон Задонский известен как автор некоторых молитв, в нашей рукописи их несколько: молитва Христу, молитва во время брани, молитва-благодарение Господу. К последней из них сделана приписка святителя о том, что она «как и всякая, тому только прилична, кто не хочет грешить» [10]. Другая часть наклеенных листов представляет собой небольшие записки, адресованные разным лицам. Шесть «записок», имеющих личную подпись Тихона, пронумерованы красным карандашом. По водяным знакам рукопись относится к 60–70-м гг. XVIII в. **Филиграни на приклеенных листах плохо просматриваются** [11].

Среди опубликованных писем Тихона Задонского редко указаны адресаты, это было отмечено еще в статье И. Малышевского [12]. Большинство опубликованные письма носят нравоучительный характер и, за редким исключением, не несут сведений о подробностях жизни святителя или его адресатов. Это характерно и для записок, сохранившихся в рукописи БАН. В двух из них Тихон говорит о переписке неких текстов. В одном из писем читаем: «Ваше благородие, послал к Вам тетрадь сию: прошу именем моим попросить учителя детей ваших, чтобы он списал три копии или четыре поскорее...» (см. прил., 8). В другой записке – «Ваше Благородие, что приписано вновь, тое прикажите и на другой тетради переписать» (см. прил., 5).

По свидетельству Е. Болховитинова, святитель собственноручно писал только «Сокровище духовное, от мира собираемое» [13]. В остальных случаях Тихон диктовал свои творения келейникам. Поскольку текст рукописи написан без помарок, можно предположить, что он является белой копией, переписанной неизвестным лицом.

Другие письма в рукописи имеют обращение к конкретным лицам, но, к сожалению, их личности не всегда удается установить. Так, в одной из записок встречается имя некоего Ивана Михайловича (см. прил., 7). Фамилия его неизвестна, но в опубликованных трудах Тихона имеется другое письмо, адресованное этому человеку [14]. В нем святитель благодарит адресата за переписку. В примечании к изданию сказано, что сведений об Иване Михайловиче не сохранилось, но, возможно, он трудился над перепиской сочинений Тихона [15]. В опубликованном письме Тихон говорит о том, что для Ивана Михайловича в Липовке [16] приготовлена «особливая келия» и нет, по мнению святителя, лучшего места для адресата. Таким образом, можно предположить, что этот человек был близок к святителю либо во время его пребывания на Воронежской кафедре, либо когда он находился на покое в Задонском монастыре.

В письмах, находящихся в рукописи БАН, указана фамилия только одного адресата – Александра Ивановича Писарева, в дом которого надлежало что-то «отдать». Данная записка наклеена на другую, где содержится просьба приютить некоего человека, чтобы он «в покое и тишине пожил и к желаемому концу дошел» (см. прил., 9 и 10). Отметим, что эти записки написаны не самим Тихоном. Нам не удалось узнать, кем был А.И. Писарев, однако в разных описаниях жизни святителя упоминается некий колодец, вырытый Тихоном и получивший название «Тюнин». В одном из выпусков ежегодника «Воронежская старина» некий помещик Писарев упомянут как строитель деревянной часовни рядом с этим колодцем [17].

Еще несколько любопытных записок в рукописи адресованы неизвестным женщинам. В одной из них святитель советует женщине ехать в мужском платье, потому что «сие и благочестию не противно и Вам безопасно» (см. прил., 3). В другом письме Тихон рассуждает о браке: он говорит о том, что это серьезный шаг, что «в бракосочетании много бед». Поэтому святитель советует женщине не выходить замуж, а продать имение и раздать деньги бедным. В этом Тихон советует равняться на некую Павлу Стефановну. В конце письма святитель говорит, что его наставление, которое можно списать, имеется у «генеральской» дочери и у дочери Ивана Дмитриевича (см. прил., 4). Еще две записки только косвенно касаются женщин. В одной из них говорится, что святитель не берется дать совет и говорит лишь, что дама должна сама решать, что ей полезно, и делать то, что приказывают отец и мать (см. прил., 2). Кроме того, в вышеупомянутой записке, адресованной Ивану Михайловичу, святитель Тихон просит его передать некоей Дарье Федоровне, чтобы она приехала к нему в монастырь (см. прил., 7).

Следует отметить, что в рукопись вложен отдельный лист синей бумаги [18], на котором выписаны краткие сведения о Дарье Федоровне Лукиной

(в монашестве Вриенне) и Екатерине Алексеевне Бехтеевой (в монашестве Елене), где они названы современницами и ученицами Тихона. Екатерина Бехтеева на 18-м году жизни в 1774 г. тайно поступила в Воронежский Покровский женский монастырь, скончалась в 1834 г. в Киеве во Фролове девичьем монастыре. Екатерина Алексеевна была из рода Бехтеевых, задонских помещиков. Святитель часто бывал в имении ее двоюродного дяди и своего близкого друга Алексея Ивановича Бехтеева [19]. О Вриенне Лукиной известно мало. Она родилась в 1743 г., в 1788 г. вступила в девичий Сырков монастырь Новгородской епархии [20], с 1800 по 1810 г. была игуменьей новгородского Духова монастыря [21], умерла в 1819 г. Не удалось найти сведений о ее знакомстве с Тихоном Задонским. Нельзя точно сказать, о какой Дарье Федоровне говорится в вышеупомянутом письме, обращенном к Ивану Михайловичу. Неизвестно также, случайно ли был вложен этот лист в рукопись.

Определить адресатов писем, посланных Тихоном Задонским, довольно сложно. Это связано с тем, что во множестве биографических очерков о нем говорится как о святителе, о писателе, но редко как о простом человеке. Записки, сохраненные чьей-то заботливой рукой, позволяют приоткрыть личность Тихона Задонского как обычного человека, который, тем не менее, не забывал заботиться о нравственно-духовной жизни своих знакомых.

Рукопись из собрания Археографической комиссии № 172 интересна тем, что позволяет узнать частную жизнь Тихона Задонского. В этих письмах святитель выступает как заказчик работ по переписыванию своих произведений, как проситель протекций для своих знакомых, как духовный наставник. Записки раскрывают имена его близких знакомых (Иван Михайлович и Александр Иванович), а также лиц, упомянутых в письмах (Дарья Федоровна, Павла Стефановна, Иван Дмитриевич и его дочь). В отличие от официальных биографий, письма раскрывают подробности личной жизни святителя и его окружения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Достоевский Ф.М.* Письма к разным лицам. М.; Л., 1930. С. 264.
2. Биографию Тихона Задонского см.: *Болховитинов Е.* Полное описание жизни преосв. Тихона, бывшего прежде епископа Кексгольмского и Ладожского, и викария Новгородского, а потом епископа Воронежского и Елецкого. СПб., 1796; *Иоанн (Маслов), схиархимандрит.* Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении: статьи разных лет. М., 1995. Здесь же см.: Библиография трудов Тихона Задонского и литература о нем.
3. Более подробно об издании трудов свт. Тихона см.: *Болховитинов Е.* Описание жизни и подвигов преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, собранное для любителей и почитателей памяти сего преосвященного. М., 1820. С. 99–111; *Иоанн (Маслов), схиархимандрит.* Святитель Тихон Задонский... С. 15–162.
4. Остальные сочинения преосвященного Тихона. Для удовольствия и душевной пользы благочестивых читателей, а особливо для любителей памяти сего преосвященного собранные и изданные Воронежской семинарии префектом, Павловским протоиереем Евфимием Болховитиновым. СПб., 1799.
5. *Болховитинов Е.* Полное описание жизни преосв. Тихона... С. 70.
6. Письмо, сообщенное С. Зверевым // Воронежские епархиальные ведомости. 1887. № 24; Новоткрытое письмо Тихона, еп. Воронежского // Воронежские губернские ведомости. 1865. № 38; *Мальшевский И.* Неизданное письмо святителя Тихона Задонского и заметки по поводу этого письма // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1893. Т. 3. и др.
7. *Попов Т.Д., свящ.* Св. Тихон Задонский как нравоучитель // Воронежская старина. 1912. Вып. XI. С. 3–141.
8. Два листа вставных: л. 3 (синяя бумага, водяной знак «ФВѠ») и л. 56 (контрамарка «J.Honig & Zoone»). На л. 56 находится окончание «Слова на введение пресвятые Богородицы» (лист с оригиналом обрезан). Нижняя крышка переплета подклеена бумагой с хозяйственными записями, датированными 1762 г.
9. Впервые были напечатаны под заголовком «Разные проповеди, сочиненные преосвященным еп. Воронежским и Елецким Тихоном первым, и говоренные им во время пребывания его на епархии» (М., 1784).
10. БАН. Арх. ком. № 172. Л. 1.
11. Водяной знак по всей рукописи – Pro Patria с литерами АГ, без льва, контрамарка «АГ» (вензель): *Клепиков С.А., Кукушкина М.В.* Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского происхождения. (Материалы для датировки рукописных и печатных документов) // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1965. № 2, 3. Припереплетный лист: Щит с лигатурой «РФМІ», над щитом – полумесяц с крестом. Такой знак с контрамаркой «Рожок с перевязью в щите под короной» относится к 1764–1773 гг. (см.: *Кукушкина М.В.* Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – нач. XIX вв. (обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. Вып. 2. XIX–XX вв. М.; Л., 1958. № 315). Данный водяной знак принадлежал фабрике Масаловых. Л. 4 содержит вензель сходного знака фабрики Масаловых. См.: *Кукушкина М.В.* Филигранные... № 305 и 306 (1750–1753 гг.). На приклеенных листах видны очертания знака фабрики Масаловых – Рожок с перевязью, «РФМ» (?) на фигурном щите, нижняя часть знака Pro Patria (более мелкий знак, чем в основной рукописи). Определить их датировку не удалось.

12. Мальшевский И. Неизданное письмо святителя Тихона Задонского и заметки по поводу этого письма // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1893. Т. 3.
13. Болховитинов Е. Описание жизни и подвигов... С. 56.
14. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 6-е. М., 1899. Т. 5. С. 360.
15. Там же. Примечания к Т. 5. С. VII, № 14.
16. Село Липовка в Воронежской области.
17. Фадеев А. Несколько слов о почитании святителя Тихона при преосв. Антонии I // Воронежская старина. Воронеж, 1911. № 10. С. 18.
18. См.: Сноска 8. Текст написан между 1824 и 1834 годами, т.к. в нем упоминается «ныне здравствующая... Екатерина Бехтеева» (умерла в 1834 г.), постриженная в 1824 г. в монашество.
19. О Елене Бехтеевой см.: Церковная православная газета. 2009, апрель. № 7–8 (233–234). Нам удалось ознакомиться со статьёй по электронному ресурсу <http://arhiv.orthodoxy.org.ua/ru/istoriya/2009/04/18/23535.html>
20. БАН. Арх. ком. № 172. Л. 3.
21. Строев П. Списки иерархов и настоятелей Российския церкви. СПб., 1877. С. 90.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записки Тихона Задонского

1. «Четыре книжки к тебе отсылаю, а прочие оставил у себе, пока письма <нрзб.> оттуду перепишутся. Тихон» (л. 1).
2. «Ваше благородие, что ты пишешь от другого человека, я в том дать совета не могу. Вижду козни бесовския многи. Пусть сама рассуждает, что ей полезно, а что не полезно. Все делать должно, что отец и мать приказуют, кроме греха. Спасаясь да спасает душу свою. Спасайся и о мне грешном молись. Тихон» (л. 1 об.).
3. «По незнаемым местам можно в мужеском платье ехать, знаете причину сами. А слугам накрепко заказать молчать. Сие и благочестию не противно и Вам безопасно. Посылаю Вам свое сочинение с прочиими» (л. 2 об.).
4. «Примечай. Надобно человеку изобрать едино или тое, или другое: или жить безбрачно, или браку сочетатся, а не колебаться мыслию. Толко тебе советую: ежели чувствуешь себе к тому удобну, оставить мысль о браке, понеже время кратко и в бракосочетании много бед, как сама видишь. А лучше одной о себе жить, себе и спасению своему внимать, молится и терпеть <нрзб.> от беса искушения. Не знаем, когда нас Христос позовет к себе. А как в брак вступишь, то много будешь плакать и каятся. Ей тебе истину пишу. Советую тебе место изобрать безмолвное и вотчину продать и роздать бедным, и тако внимать спасению. Подражай Павле Стефановне и ей прилепись. То хороший ярем. И живи хотя больным (?). Наставление мое попроси списать: оно у генеральской дочери есть, и Ивана Димитриевича дочери» (л. 19 об.).
5. «Ваше благородие, что приписано вновь, тое прикажите и на другой тетради переписать. Спасайся» (л. 24 об.).

6. «Ваш доброжелатель нелестный Тихон. Домашним Вашим от мене поклон» (записка наклеена на предыдущую).

7. «Иван Михайлович, ежели Дарья Феодоровна будет в Ксизове, прошу ей объявить искусно, чтобы ко мне в монастырь приехала ради некоего слова, нужного ей и другим. Тихон» (л. 24 об.).

8. «Ваше благородие, послал к Вам тетрадь сию: прошу именем моим попросить учителя детей Ваших, чтобы он списал три копии, или четыре, поскорее. И мне сию и копии той пришлите немедля. И бумаги я при сем посылаю. У нас некому переписывать, а мне оне нужны. Когда хотите, и себе спишите. Спасайся. Тихон. н. иг. Попроси его, когда возмется, чтобы чтобы исправно написал, где точки, двоеточия, и прочия знаки ставил. За труды его Бог заплатит» (л. 31).

9. «Ваше благородие, сего человека послал я к тебе, кто он и откуда сам он тебе объявит. Прошу покорно, Христа ради, поискать ему места, где бы он в покои и тишине пожил, и к желаемому концу дошел. Ваш слуга и доброжелатель Тихон епископ. Храни тайну» (л. 66, ранее был приклеен к нижней крышке переплета. Записка написана почерком, не принадлежащим Тихону Задонскому, но имеет его подпись).

10. «В доме Александра Ивановича Писарева отдать» (записка наклеена на предыдущую).

А.А. Юдин

ЗАПИСИ НА СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГАХ КЕМЕРОВСКОГО СОБРАНИЯ ГПНТБ СО РАН*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-00318а.
«Старообрядческие библиотеки Кузбасса:
филологический и музыковедческий аспекты исследования»)

Кемеровское территориальное собрание ГПНТБ СО РАН состоит из рукописей и старопечатных кириллических книг, которые в разное время, начиная с 70-х гг. XX в., поступили в библиотеку в ходе археографического изучения этого региона. Первые экспедиции проводились совместно с Институтом истории СО РАН (привезено 7 книг) [1], в дальнейшем работа осуществлялась и продолжается до сих пор археографами ГПНТБ. Коллекция старопечатных книг Кемеровского собрания насчитывает 69 экземпляров. Больше половины из этого числа (39 книг) было привезено археографическими группами, возглавляемыми нынешним заведующим Отделом А.Ю. Бородихиным. 37 книг изданы Печатным двором в Москве, четыре – в конце XVI в. в Вильно, есть в собрании львовский Апостол Ивана Федорова, единичными экземплярами представлены киевские и могилевские издания XVII в. Также в собрании находятся издания московской синодальной типографии и черниговской типографии начала XVIII в. Два экземпляра Псалтири можно отнести к начальному этапу деятельности типографии Единоверцев [2]. Остальные книги выпущены в старообрядческих типографиях Вильно, Гродно, Супрасля, Почаева и Москвы. На данном этапе описания собрания, к сожалению, не удалось определить, где и когда были изданы три не полностью сохранившихся книжных памятника начала XX в.

Записи на старопечатных книгах вызывают определенный интерес у исследователей и являются обязательным элементом при описании экземпляров в выпускающихся каталогах книг кириллической печати. На важность изучения записей указывал еще А.Н. Лебедев [3]; методическим рекомендациям в исследовании такого рода атрибута книги посвящены работы А.С. Зерновой [4] и И.В. Поздеевой [5]. Историографию вопроса можно найти в последней работе Ю.Э. Шустовой [6].

Специфика книг из Кемеровского собрания ГПНТБ СО РАН состоит в том, что почти все они, за редким исключением, до момента поступления в

библиотеку были в живом обращении, входили в состав старообрядческих библиотек. Естественно, за долгие годы существования и вследствие читательской востребованности многие книги утратили какие-то свои части (переплет, отдельные листы), некоторые сохранились в виде фрагментов, немногие издания вошли в собрание как аллигаты. Зачастую книги хранились у прежних владельцев не в идеальных условиях. Забота о сохранности того или иного экземпляра выражена в отдельных случаях в элементах кустарной реставрации как книжного блока, так и переплета. В связи с этим прочтение отдельных записей представляет определенную трудность. Утрата в таком случае как целой записи, так и ее отдельных частей носит непреднамеренный характер. Иногда такая запись поддается восстановлению и прочтению [7]. Сложнее, когда запись целенаправленно была уничтожена последующими владельцами книги. Восстановление и правильное прочтение записи в этом случае зависит от характера повреждений. Если запись срезана [8] или вычищена до протертости бумаги [9], к сожалению, в большинстве случаев, она потеряна. Заклеенная бумагой, зачеркнутая, измененная в написании, затертая не до конца запись еще может быть восстановлена и правильно интерпретирована.

Все записи Кемеровского собрания [10] можно разделить по времени их создания. Наиболее ранние записи естественно ожидать в книгах, вышедших из печати в конце XVI – начале XVII в. **Традиционность составления определенного вида записи** (вкладной, владельческой, запродажной, купчей) предполагает ее местонахождение в книге. Так, для вкладной – это будут лицевые части первых листов книги, в нижней части страницы, под текстом. Следует отметить, что такое расположение вкладной записи обнаруживается в большинстве случаев, хотя есть и исключения. Она может появиться и на пустом листе издания, в этом случае, как правило, начальные листы экземпляра уже заняты более ранней записью. Также из-за несвободных первых листов запись о вкладе следующего владельца появляется как бы в продолжение предыдущей или сопровождает ее текст на тех же листах. В зависимости от полноты информации и характера разбивки записи-скрепы (на отдельные фразы, слова, буквы) она может занимать от нескольких до сотен страниц. Следует также сказать, что содержательная часть вкладной записи обусловлена рамками формуляра и поэтому приближает ее к древнерусским актовым источникам.

Владельческая запись не имеет строгой привязанности к расположению на первых листах книги. Хотя большинство владельцев книг, вошедших в Кемеровское собрание, оставляли записи о принадлежности книги именно там, встречаются такие записи и на листах в середине книги и на последних листах. При этом оставленные в середине книги над наборной полосой или встречающиеся на боковом поле записи можно отнести к излету традиции составления владельческой записи: конец XVII – началу XVIII в.

И.В. Поздеева классифицирует записи на старопечатных книгах по трем категориям: 1) связанные с процессом возникновения самого текста книги (типографские пометы, авторская корректура); 2) возникающие в процессе

функционирования экземпляра книги (в эту категорию входят все виды владельческих записей (вкладные, купчие, запродажные и т.п.), сюда же можно отнести записи читательские); 3) случайные записи, не связанные напрямую с текстом и конкретным экземпляром (хозяйственного, нотариального, календарного характера).

Следует отметить, что записей первой категории в книгах из Кемеровского собрания обнаружить не удалось. Наибольшее число выявленных записей относится ко второй, отмеченной И.В. Поздеевой, категории.

Среди вкладчиков встречаются люди, принадлежавшие к разным социальным слоям. К наиболее хорошо сохранившимся вкладным записям на книгах Кемеровского собрания относится запись думного дьяка Парамона-Сыдавного Васильевича Зиновьева [11]. Антропонимический комплекс в записи состоит из нехристианского имени вкладчика и отчества. Собственно, именно так и именовался этот государственный деятель в документах того времени. Привычное для современников именование, вероятно, не требовало указания на статус владельца. Сыдавной Васильевич записан без чина.

Запись слуги стольника Ивана Родионовича Стрешнева сохранилась не полностью, с трудом можно разобрать имя стольника, имя самого вкладчика утрачено [12].

«Прихожаня» села Кимры, вотчины боярина и дворецкого князя Алексея Михайловича Львова, указывают в записи в виленском Евангелии учительном 1595 г., кто сколько дал на покупку книги для «приклада» ее в церковь [13].

Некоторые записи трудно отнести к той или иной категории. Так, если в записи сохранилась лишь ее часть и можно понять, что книга была выменена на другую, такую запись сложно уже назвать купчей или запродажной.

Есть определенная сложность в отнесении записей к той или иной категории, особенно для выполненных в более позднее время, в конце XIX – начале XX в. Они не имеют строгого формуляра, делаются скорее для оставления по себе памяти или в рамках уже новых веяний в культуре чтения книги. Так, запись, сделанную в 1880-х гг. на московском Апостоле 1623 г., нельзя строго отнести к владельческим, скорее в ней отражен читательский интерес, хотя не стоит исключать и возможность владения этой книгой автором записи: «Читаль многогрешный Ив. Чувановъ, въ бытность свою въ с. Давыдкове Ярослав. губ. въ 1883–84 гг.-дахъ» [14]. Мне, к сожалению, не удалось соотнести автора записи с известным собирателем книг Михаилом Ивановичем Чувановым. Замечу лишь, что и записи XIX – начала XX в. представляют определенный интерес и могут привести к дальнейшим поискам.

В процессе составления поэкземплярного описания старопечатных книг и в частности при изучении записей разных времен в этих книгах решается также и проблема исследования миграции книжных памятников. Различные записи владельцев содержат не только антропонимическую, но и топонимическую информацию. К сожалению, в отличие от других составляющих формуляра, например, вкладной записи, антропонимы и топонимы в большей степени были подвержены уничтожению. Не всегда, тем не менее, эти части записи

исчезали по вине последующих владельцев, зачастую сам состав чернил, а также сохранность бумаги первых и последних листов не позволяют полностью восстановить существовавший текст. Например, на обороте последнего сохранившегося листа Псалтири 1602 г., выпущенной Андроником Тимофеевым Невежей, можно разглядеть начало владельческой записи: «Сия Псалтирь Луки Степановича...» [15], фамилию человека можно разобрать с трудом (лишь буквы «Ону...»). Отчество, оканчивающееся на -вич, предполагает, что владелец не был простолудином, почерк можно отнести к XVII в. Обратившись к Боярским спискам XVIII в. [16], находим стольника Луку Степановича Онучина.

География мест, где книги обретались до прибытия в Кемеровскую область, довольно обширна. Несколько книг находились в Устюге Великом, о чем свидетельствуют частично утраченные записи. Например, Пролог 1642 года издания одно время принадлежал Архангельскому монастырю Устюга Великого. К сожалению, запись о том, когда он туда попал, частично обрезана [17]. Экземпляр Псалтири, выпущенной Московским Печатным двором в 1647 г., одно время принадлежал устюжанину Игнатьеву сыну Протопопову. Большая часть записи заклеена при владельческой реставрации. Катойконим «устюжанин» частично также заклеен, начальная часть слова («устю») читается лишь на просвет [18].

Стремление закрепить обладание книгой за собой проявляется не только в форме владельческой записи. Так, на форзацном листе одной из книг приводится точный адрес владельца-старообрядца. Иногда представление о факте владения книгой в XX в. и, косвенно, о ее местоположении в определенном регионе может дать примета экземпляра, сделанная прежним владельцем неосознанно: фрагменты писем, бланки телеграмм, листы календарей, послужившие закладкой в книге, говорят нам о том, что книги пришли в Кемеровскую область в составе старообрядческих библиотек из самых разных мест (Республика Алтай, Кронштадт, Киргизия, Удмуртия, Пермский край и др.).

Среди книг, пришедших в Кемеровское собрание из «живых» старообрядческих библиотек, следует отметить четыре экземпляра, поступивших из одного источника. Речь идет о книгах, имеющих на форзацном листе экслибрис: прямоугольная белая наклейка с изображением древнего храма, выходящего из книги, и надписью: «Из книг Николая Килина». Николай Кириллович Килин, известный среди староверов часовенного согласия Кемеровской области человек, живо интересовался книжной культурой. Эти четыре книги [19], являющиеся только частью довольно крупной старообрядческой библиотеки, были переданы в дар ГПНТБ СО РАН владельцем. Конечно, как всякий читающий и любящий книгу человек (достаточно сказать, что интерес владельца распространялся и на современные книжные новинки: старообрядец из Кемеровской области приобретал Труды Отдела древнерусской литературы, Ежегодники Рукописного отдела Пушкинского дома), Николай Кириллович осознавал, что появление экслибриса на старопечатной книге не совсем вписывается в древнерусскую традицию владения книгой, поэтому, по согласова-

нию с А.Ю. Бородихиным, и чтобы вклад дарителя не затерялся среди других экземпляров Кемеровского территориального собрания, экслибрис появился только на книгах, переданных в библиотеку. Книги, оставшиеся в его собрании, такой знак владельца не приобрели.

Случайные, по терминологии И.В. Поздеевой, записи представлены в книгах собрания в немалом объеме. Так, в Псалтири 1647 г. на части листов, не занятых печатью, дана информация о кончине того или иного члена одной семьи. Записи сделаны на протяжении 30–40-х гг. XVIII в. [20]. На форзацном листе Апостола, изданного Старообрядческой книгопечатней в 1911 г., читателем XX в. фиксируются гидрометеорологические наблюдения в определенной местности [21].

Большое количество записей, вызванных интересом читателя к прочитанному, стремлением поделиться узанным в кругу своих единомышленников, – неперемный атрибут книги, находившейся в т.н. «живой» старообрядческой библиотеке. Записи такого рода находятся как на полях, свободных от печатного текста, так и на форзацных листах, переплете. Они могут быть пометами типа «зри», выписками и толкованиями к тексту, отметками о прочтении его в определенном кругу людей и к определенному событию. Редкое, но вполне закономерное явление в книжной культуре – организация подобного рода выписок, включение их в состав печатной книги. Пример можно обнаружить в составе Кемеровского собрания: в Илиотропион, переведенный Иоанном Максимовичем, владельцы вшивают тетрадь, которую заполняют ссылками на важные, с их точки зрения, места в книге [22].

В заключение следует также упомянуть, что в рамках работы над составлением каталога Кемеровской территориальной коллекции были описаны и рукописи, входящие в это собрание [23]. В связи с этим стоит обратить внимание на одну рукопись, имеющую владельческую запись. Речь идет о рукописи Алфавита духовного Исаяи Копинского [24]. При поступлении книги в библиотеку в 1995 г. запись, частично вычищенную, сразу разобрать не удалось. Однако сейчас можно с уверенностью утверждать, что рукопись входила в библиотеку келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина. Книги, оставшиеся после смерти Симона Азарьина, имеют запись единого содержания: «Лета 7173 дал в дом живоначалные Троицы в Сергиев монастырь сию книгу [приводится название книги] келарь старец Симон Азарьин во веки неотъемлемо никому» [25]. Запись на Алфавите духовном из Кемеровского собрания соответствует этому формуляру, однако она почти полностью вычищена. Особенно постарались при уничтожении года, вписав к тому же на вычищенное место фразу «сия книга». Нетронутым осталась часть с названием книги. Таким образом, последующий владелец рукописи составил, если можно так выразиться, свою запись из остатков прежней: «Сия книга Алфавит никому». К тому же антропонимический комплекс записи оказался удален не очень тщательно, и начало фамилии келаря («Аза...») видно достаточно отчетливо. Кроме того, в Описи книгохранительницы монастыря за 1701 г., приводимой Е.Н. Клитиной в статье о Симоне Азарьине, на л. 275 об. отмечена «Книга

Алфавит духовный, письменной, в четверть» [26]. Местонахождение этой рукописи на момент выхода вышеуказанной научной статьи в Трудах Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома не было известно. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что Алфавит духовный из библиотеки старца находится в Кемеровском территориальном собрании Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Описание этих семи книг было опубликовано: *Енин Г.П., Соболева Л.С.* Описание старопечатных книг (коллекция 1970–1971 гг.) // Вопросы истории книжной культуры: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 173–214.

2. К такому выводу можно прийти на основе изучения орнаментики двух экземпляров Псалтыри одного издания (ГПНТБ СО РАН, QK.IX.11 и QK.IX.22), а также при сопоставлении косвенных данных (водяные знаки бумаги Псалтыри соответствуют времени передачи Акимом Карташовым оборудования для обустройства типографии Единоверцев). Подробнее см.: *Юдин А.А.* Неизвестные старообрядческие издания Псалтыри в территориальных собраниях Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Николай Константинович Никольский: судьба ученого и его трудов. Материалы научных чтений к 150-летию со дня рождения (Санкт-Петербург, 2–3 октября, 2013) (в печати).

3. *Лебедев А.Н.* Надписи на старинных книгах. М., 1895.

4. *Зернова А.С.* Надписи на книгах московской печати XVI–XVII вв. в собрании Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Книга: исследования и материалы. М., 1991. Сб. 62. С. 111–131.

5. *Поздеева И.В.* Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения, 1976. М., 1978. С. 39–54.

6. *Шустова Ю.Э.* Записи в изданиях типографии Львовского братства 1591–1644 годов из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. М., 2011. Вып. 2. С. 44–79.

7. Октоих. Часть II (гласы 5–8). М.: Печатный двор; печатники Н.Ф. Фофанов и П.В. Федьгин, 15.VIII.1618 (ГПНТБ СО РАН, FK.IX.28). Л. 9–17, 22–26, 28, 29: «... Николы / Чюдотворца / и святаго / великого / мученика / Иоанна / иже / в Белом / граде / ... [дьяче]к(?) / Ф[едк]а / Яко[вле]в / лета / 7164 [1655] / сентября / в 14 день» (запись частично утрачена вследствие потери листов и подклейки обветшавших).

8. Как, например, в издании: Апостол. М.: Печатный двор, 15.VIII.1635 (ГПНТБ СО РАН, FK.IX.22). Самая ранняя запись утрачена из-за обреза книжного блока при

выделке нового переплета прежними владельцами; сохранились лишь верхние части литер скорописного почерка.

9. В экземпляре: Апостол. [Вильно: тип. Мамоничей, ок. 1592] (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.32) **вычищена не вся запись, а лишь наиболее существенная часть ее, экклезионим (название монастыря): «Апостол попа Микифора Димитриева сына [стерто] монастырь»** (л. 5 первой тетради).

10. Это относится не только к данному собранию, но и к записям на книгах старой печати вообще.

11. «Лета 7121-г[о] [1612] декабря в 27 д[е]нь дал на Кострому в Кремль-город въ Воздвиженской манастыр[ь] Сыдавной Васильевич Минею общую печат[ь] московская в десть, о своем многолетном здравии и по своих родителях при архимарите Корнилие з брат[ь]ею» (Минья общая. М.: Печатный двор; печатник Никита Федоров Фофанов, 6. XI. 1609 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.27). Л. 9 перв. сч.).

12. Запись начала XVIII в. сохранилась частично, так как на некоторых листах была написана поверх кустарных «реставрационных» наклеек, которые оказались утрачены, восстанавливается, исходя из особенностей формуляра: «[Сия] / кни[га] / глаго[лемая] / [Апос]толь / [бо]/[яри]/[на] / [ближ]/него / стол/[ника] / Ив[ана] / [Ро]ди/ оно/[вича] / Стре/[шне]ва / слу/[ги] / [...] / [...] / ево / [...] / [...] / по а[...] / [...] / [...] / [...] / ева / А под/писал / [...] / [...] / я / Зино/въ/[ев?] / [сво]/ею / рукою / ныне/шне/го / 712 / году / месяца / деке/[мв]/рия / 25-го / дня» (Апостол. М.: Печатный двор, 15. VIII. 1635 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.22). Л. 1–58).

13. «[Лета 7153 (1645)] / февраля / 8 день / приложили / сию книгу / глаголемую / Евангилие (!) / толковое / вотчины / боярина / и дворедцкого (!) князя / Алексея / Михайловича / Лвова / села Кимры / Никольские / прихоженя / села Белово / в купле в рубли / прихоженя / а треть того жо / купли / в то толковае (!) / Евангилие / дал / тое же / вотчины села Кимры / [...] полтину / киморской воло/сной крестьянин / Томило / Петров сынъ / Шестаков / [...] полтину / и будет хто / тое книгу / глаголемую / [Евангелие] Толковае (!) / украдет от церкви / и тот буди анафема / и сверхъ / буди / проклят / а подписал / тое ж тое ж (!) / вотчины / боярина / и дворедцково (!) / князя / Алексея Михайловича / села Кимры / таможенной дьячек / Июдка Федоров» (Евангелие учительное (с пагинацией). Вильно: тип. Луки и Кузьмы Мамоничей, 1595 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.24). Л. 1, 2, 4–54).

14. Апостол. М.: Печатный двор; печатник Кондрат Иванов, 25. I. 1623 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.26). Л. 258 об.

15. Псалтирь. М.: [Печатный двор]; печатник Андроник Тимофеев Невежа, 30. XI. 1602 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.23). Л. [332] об.

16. Поиск осуществлялся с помощью информационно-поисковой полнотекстовой системы «БОЯРСКИЕ СПИСКИ XVIII века» (<http://zaharov.csu.ru/>).

17. «... марта въ 20 день прислана ся книга / глаголемая Пролог ш[есть месяцев] / с Устюга Великого из Архангелск[ого] / монастыря домовая / [...] / своего монастырского стро[...] / [...]» (Пролог, первая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 16. XII. 1642 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.18). Л. 12–19).

18. «...Игна/тъ/ева / сына / Про/то/по/[по]/[ва] / устю/[жа]/н[и]/на...» (Псалтирь. М.: Печатный двор, 1. XI. 1647 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.4). Л. 5–17 вт. сч.).

19. 1) Минья общая с праздничной. М.: Печатный двор, 9. XII. 1653 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.21); 2) Минья общая. М.: Печатный двор; печатник Н.Ф. Фофанов, 6. XI. 1609 (ГПНТБ СО РАН, ФК. IX.27); 3) **Октоих. Часть II (гласы 5–8). М.: Печатный двор; печатники Н.Ф. Фофанов и П.В. Федьгин, 15. VIII. 1618 (ГПНТБ СО РАН,**

ГК.ІХ.28); 4) [Иеремия Дрексель]. Илиотропион / перев. Иоанна Максимовича. Чернигов: тип. Троицко-Ильинского монастыря, 1714 (ГПНТБ СО РАН, QK.ІХ.10).

20. Псалтирь. М.: Печатный двор, 1.XI.1647 (ГПНТБ СО РАН, QK.ІХ.4). Л. 11 об. вт. сч., 18 вт. сч., 214 вт. сч., 282 об. вт. сч., 334 об. вт. сч.

21. Апостол тетр. М.: Старообрядческая книгопечатня, 20.V.7419 (1911) (ГПНТБ СО РАН, QK.ІХ.21). Внешний лист нижнего форзаца: «Первой снег упал 30 октября 62 г. нового стиля в етот же день пошла шуга по Селенге».

22. [Иеремия Дрексель]. Илиотропион / перев. Иоанна Максимовича. Чернигов: тип. Троицко-Ильинского монастыря, 1714 (ГПНТБ СО РАН, QK.ІХ.10). Рукописные листы вшиты в последнюю печатную тетрадь книги и имеют общее заглавие: «Заметки на книгу Илиотропион».

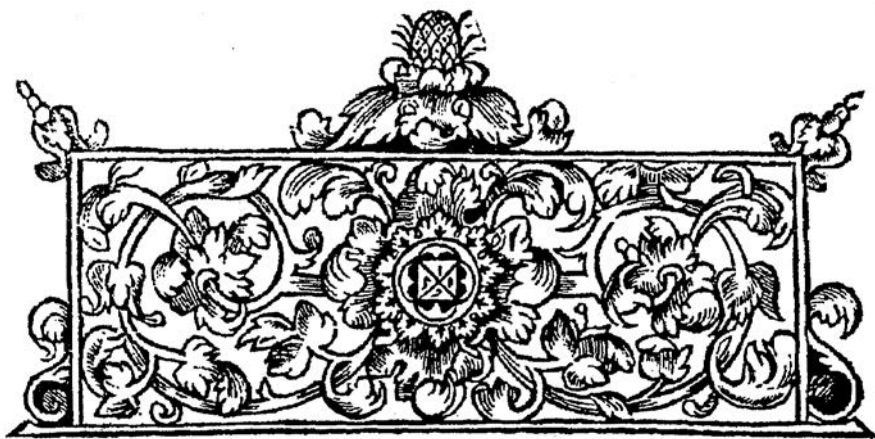
23. В собрание входят 61 рукопись и один гектограф.

24. [Исайя Копинский]. Алфавит духовный. 30-е гг. XVII в. (ГПНТБ СО РАН, O.ІХ.4).

25. *Клицина Е.Н.* Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 304.

26. Там же. С. 311.

ИЗУЧЕНИЕ
РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ

Г.С. Баранкова

СТАТЬИ ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 г. В ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКАХ

Одним из авторитетных и ранних по времени своего появления на Руси был переводной византийский сборник, сохранившийся в древнейшем восточнославянском списке 1073 г., известный как Изборник Святослава 1073 г. (далее в нашем обозначении – ИСв). Византийский сборник, текст которого был переведен на славянский язык в Преславе при царе Симеоне, имел вероучительный, богословский и отчасти естественнонаучный характер [1]. Широта рассматриваемых в Изборнике вопросов от богословско-филологических, церковно-канонических до исторических и даже поэтико-риторических позволяет исследователям рассматривать его как энциклопедический по своему характеру памятник, введший в христианство и знакомивший новообращенных христиан-славян с высокой византийской культурой. Его основное содержание составляют «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, начинающиеся с 16 глав первой части книги. В этом сборнике наряду с разнообразными статьями и выдержками из сочинений отцов Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Евсевия Кесарийского, Климента Александрийского, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника, Григория Нисского и других авторов был представлен философский трактат Феодора Раифского, содержащий толкования основных философских категорий и понятий, статья Георгия Хировоска «О образех», в конце ИСв помещен «Летописец вкратце от Августа даже и до Константина и Зоя цесарь греческих».

Как известно, византийские литературные традиции были усвоены и продолжены в творчестве писателей и редакторов при создании произведений древнерусской книжности разной жанровой принадлежности, при этом наименее изученным представляется вопрос о влиянии этих традиций на состав древнерусских сборников.

Изборник Святослава 1073 г. имел большое значение в духовной жизни древнерусского общества как на ранней, так и более поздней стадии его духовного развития и сохранился в многочисленных списках. К. Куев приводит сведения о 27 списках Изборника (в том числе и отрывков из него) [2], однако в его перечне во многом не учтены сборники со статьями из этого произведения. А между тем именно история бытования ИСв в русской рукописной тра-

диции дает возможность судить о том влиянии, которое этот византийский по происхождению памятник оказал на древнерусскую книжность.

Вопрос о том, насколько широко использовался Изборник Святослава при составлении древнерусских сборников, остается малоизученным [3]. Впервые на необходимость его разработки указал И.В. Левочкин [4], который предпринял анализ некоторых сборников, содержащих статьи из ИСв. Разумеется, в его работе приведены сведения лишь о нескольких сборниках, так как тема эта неисчерпаема ввиду того, что значительное число сборников в наших архивохранилищах так и остаются не расписанными по статейно, а также в силу большого, как выясняется, числа таких сборников в целом. Работа по выявлению и описанию этих сборников была продолжена автором настоящей статьи [5]. Отдельным объектом исследования остается соотношение Изборника Святослава 1073 г. и разнообразных сборников под названием «Златая цепь», в которые в разном количестве (в зависимости от редакций) входят статьи Изборника. Согласно классификации М.С. Крутовой, сборники Златой цепи III типа, 3 группы «обнаруживают явную зависимость от Изборника Святослава 1073 г. ... с сохранением общей композиционной последовательности глав последнего» [6].

Методологически важным представляется вопрос, считать ли рукописи, содержащие большое число статей Изборника, его списками, как это сделал К. Куев, относя Новгородский Софийский список (РНБ, Софийское собр. № 1285) и ГИМ, Синодальное собр. № 561 к полноценным спискам Изборника, или при анализе древнерусских сборников следует говорить лишь об использовании их составителями Изборника для каких-то целей? Варьируется ли состав выбранных из Изборника статей или имеется определенный набор статей, которые постоянно включаются в эти сборники? Как композиционно располагаются эти статьи? Наконец, какими редакциями Изборника пользовались их составители?

Как уже говорилось выше, списки со статьями Изборника весьма распространены в наших хранилищах. Назовем те из них, которые нам удалось просмотреть и в которых в разной степени и в разном количестве представлены статьи из Изборника:

РГАДА, собр. МГАМИД. Ф. 181. № 370 [Каталог 2000: 206-214], перв. четв. XV в. [7].

ГИМ, собр. Барсова. № 619, нач. XV в.

ГИМ, собр. Барсова. № 1395, XV в.; собр. Барсова. № 311, XVI в. (Златая Цепь II тип, 2 ред. по классификации М.С. Крутовой).

ГИМ, собр. Барсова. № 630, XVI в.

ГИМ, Епархиальное собр. № 367, XV в. (Златая Цепь III тип, 1 группа по классификации М.С. Крутовой).

ГИМ, собр. Черткова. № 346, XVI в.

ГИМ, Синодальное собр. № 951, XV в.

ГИМ, Синодальное собр. № 561, XVI в. (назван К. Куевым полноценным списком ИСв).

ГИМ, Синодальное собр. № 1001, XVII в. (Златая Цепь II тип, 2 ред. по классификации М.С. Крутовой).

РНБ, Софийское собр. № 1285, XV в. (этот список К. Куев перечислил среди полноценных списков ИСв).

РНБ, Кирилло-Белозерское собр. № 28/1105.

РГБ, собр. Юдина. № 2, XV в. (Златая Цепь III тип, 3 группа по классификации М.С. Крутовой).

РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. № 2, кон. XIV – нач. XV в.

РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. № 214, XVI в. (Златая Цепь II тип, 1 ред. по классификации М.С. Крутовой).

Проведенное изучение русских сборников XV–XVI вв. со статьями из ИСв показало, что статьи из этого памятника включаются в состав сборников в определенной последовательности, связанной не столько с порядком их следования в старшем списке этого памятника, сколько с задачами, которые ставили перед собой составители сборников. Весьма разнообразен по составу сборник Син-951, в состав которого, помимо статей Изборника, входят главы из Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, Уставы кн. Владимира и Ярослава Мудрого, краткая летопись, апокрифические (о родословии Богородицы, «Галеново на Гиппократ») и естественнонаучные статьи, толковые тексты, в том числе «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, «Толк божественныя литургии», «Толкование неудобь познаваемым в неких писаниях речем» и другие статьи. При этом его составитель включил из Изборника статьи, во многом перекликающиеся по своей тематике с содержанием всего сборника. Если из Богословия были взяты преимущественно естественнонаучные главы о мироздании («О твари», «О здании видимом», «О небеси, о свете и огни и свитильници», «О вздусе и о ветрех», «О водах и о мори о земли и яже от нея», «О едемском раи», «О самовластном человеце»), то из ИСв составитель выбрал главы о рае («Вспрос чювьственны ли есть раи или разумень, тленен или нетленень» (ИСв 2:22), «Дионисья Александрьскаго от [то]го иже на Орегиона» (ИСв 2:24)), а также ряд своего рода естественнонаучных статей: «Имена великих рек» (ИСв 2:25), «Немесия епископа о естестве человеце» (ИСв 2:27). Толковым текстам Син-951 близки статьи из Изборника: «Что есть ефуд, имь же впраша святитель» (ИСв 2:51), «Златоустаго еже о ризе святительстей» (ИСв 2:52), «Святаго Епифания повесть о камыцех» (ИСв 2:53). Если для составителей Син-561 и Черт-346, имеющих сходный состав, актуальной являлась антилатинская полемика, в связи с чем большое внимание уделялось теме Троицы, то и статьи на эту тему, а также вероучительные вопросы выходили на первое место при выборке из Изборника. В то же время в обоих сборниках представлено сочинение Георгия Хировоска «О образех» и трактат Федора Раифского.

Весьма распространенным явлением в сборниках со статьями ИСв является их переработка или дополнение.

В сборник Библейских книг Тр-2, содержащих книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, Есфирь [8], добавлен ряд статей из второй части Изборника,

представляющих собой цикл христорологических и календарных статей, удачно дополняющих основной текст сборника. Этот цикл следует за «Кратким Хронографом», содержащим записи прошедших лет «от Адама до потопа», «от разделения языков до Авраама» и т.п. и заканчивающимся записью лет «От Володимера до Всеволода Гюргевича». Он содержит следующие статьи ИСв: «О обавлении господскихх от апостольскихх заповедии» (ИСв 2:181), «Евсевиево от тленныхх» (ИСв 2:182) [9], «Того же» (без выделения заголовка киноварью, см.: ИСв 2:183), «Исухиево о Христове рожении» (ИСв 2:184). После статьи «Иоанна Дамаскина о македонскихх месяцихх» вставлена статья «Отъ апостольскихх заповедии», не относящаяся к Изборнику Святослава, однако содержательно связанная с предыдущими главами. Это статья, вероятно, русского происхождения дает сведения о времени рождения, крещения, распятия и вознесения Иисуса Христа. За ней следует не выделенная отдельным киноварным заголовком глава «О пророцехх и о пророчицахх» (не имеющая отдельного номера ни в оглавлении второй части ИСв, ни в самом тексте), за ней идут статьи «О именехх глаголемыхх жидовьскимъ языкомъ въ книгахх церковныхх», «Имена пророческая», затем продолжают главы ИСв «Святаго Епифания от Панария» (ИСв 2:33) и «От Анкюрота» (ИСв 2:34). Две последние главы с рассказом о расселении племени Авраама и его сыновей с перечислением народов, заселивших весь мир, завершают сборник библейских книг. Следует отметить, что составитель сборника Тр-2 не только хорошо знал текст Изборника Святослава, но и умело сделал тематическую подборку его статей, наилучшим образом соответствующую всему содержанию Тр-2.

В Син-561 к ряду глав из ИСв сделаны дополнения составителем сборника, приводящие к усилению познавательного или учительного компонента той или иной статьи. Так, например, к статье «Како есть разумети еже рече Соломонъ о древесех и инех» (ср. ИСв 2:55) добавлена статья «О царствии трехх», содержащая сказание о царе Соломоне из текста 3 кн. Царств; к статье «От Исхода» сделаны дополнения из сочинений Аввы Дорофея и Никиты Стифата [10]. При этом сам текст Изборника сохраняется без существенных изменений.

Одним из наиболее ранних сборников, в составе которого находится большое число статей Изборника, а также Пчела, является сборник МГАМИД № 370. В нем представлено более 90 статей Изборника, взятых как из первой, так и из второй части Изборника. Пожалуй, это наиболее репрезентативный по числу статей из Изборника известный на настоящий момент сборник. Более 80 статей имеет сборник Кирилло-Белозерского собр. № 28/1105. В обоих памятниках статьи группируются в основном тематически.

Список МГАМИД-370 начинается вероучительными статьями из второй части Изборника – о Троице, о св. Духе (это статьи: «Феологово о св. Духе», «Иустина Философа о правой вере»), комплекс статей из Изборника о грехах, о пожертвованиях церкви. В основном текст взят из «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита. В этом сборнике также наблюдается прием расши-

рения за счет включения других статей в текст Изборника. Так, в подборку статей из Изборника о вдуновении св. Духа в апостолы (это статьи: «Како рече Господь аще не иду то утешитель не придет» и «Евсевия еже от Марина» (ИСв 2:95, 96) прибавлены 3 статьи на ту же тему: «Того же от 88 иже от Ивана еуангелиста о дуновении егда Спась дуноу», «Того же въ а-мь слове еже от деянии», «Св. Григория Богослова въ слове еже на н-ницу яко трикраты Христось духъ дасть апостоломъ». Добавления сделаны и после статьи «Оригеново» (ИСв 2:90) – «Еуаглие от Матфея» («Рече господь своимъ ученикомъ»), «Апостола Павла» («Аще бо быхъмъ сами себе разсужали») [11]. После статьи ИСв 1:1 «Святаго Василья от того еже на Евнюмия от слова д̄» («Якоже душевныи недугъ есть...») сделана вставка «Слово ответное на иноверныи» («Господь нашъ Исусъ Христось въ евангелии рече не восходя»). После значительно переделанной статьи Изборника 2:108, озаглавленной в МГАМИД-370 «От евангелия. р̄г», следуют две вставки: «Апостолско святого Якова» («Иже и хотящи славе явитися») и «Въспросъ» («Да аще съгрешит человек к человеку») [12]. В некоторых случаях в списке МГАМИД-370 можно видеть следы нумерации ИСв. Так, на л. 170 глава «Павла апостола» имеет номер р̄к̄г. Эта глава имеет тот же номер в ИСв 1:123; на л. 206 об. МГАМИД-370 глава «От Лимонария» имеет номер р̄, та же глава 2:100 читается в ИСв; на л. 209 МГАМИД-370 пронумерована глава «Того же еже къ ифисеомъ. р̄ѣи» [13], та же глава с тем же номером 1:168 представлена в ИСв. Однако статье с номером р̄нв в МГАМИД-370 соответствует статья под номером р̄н в ИСв 2:150.

Интересно, что статьи из Изборника были включены в утраченную часть рукописи РГАДА, МГАМИД № 279, протограф которой, по мнению исследователей, мог восходить к XIII в. В этом сборнике сохранилось Оглавление с перечислением глав Изборника, в котором были представлены также не сохранившиеся Апокалипсис и Пчела [14]. Название Пчела имеет и сборник Бар-1395, состав которого весьма разнообразен, однако во всех владельческих записях этот сборник фигурирует именно под этим названием: «Пчела архимарита Ермогена ево килейная, подписал своею рукою», «р̄ма г февраля въ д̄н̄ь продал к̄н̄гу Пчелу Новгородской сей волости подячей Родион Кирилл, подписал своею рукою», «142 года сентября в 12 день продал сию книгу четию Пчелу торговой ч̄л̄вк̄ книжново крестьца Любим Дементиянов сынъ а подписал самъ своею рукою» [15]. Объединение Изборника с настоящей Пчелой, имевшее место, по крайней мере, в двух древнерусских сборниках, возможно, приводило к отождествлению названия Изборника с Пчелой. Ту же традицию демонстрирует румынский список Изборника из собрания Библиотеки Румынской академии наук № 310, названный Пчелой («сия книга Пчела»), хотя по содержанию таковым не является [16]. Кроме того, Изборник входил в состав сборников антилатинской проблематики, к которым относятся упоминавшийся выше Кир-Бел-75, а также Син-561 и Черт-346.

Весьма интересным и показательным для работы древнерусского книжника является Софийский сборник, представляющий своего рода антологию

памятников литературы домонгольского периода [17]. В этот сборник вошли как значительные по величине отрывки из переводных сочинений (Изборника Святослава 1073 г., Богословия в переводе Иоанна экзарха Болгарского, Шестоднева Севериана Гавальского), так и оригинальные древнерусские и южнославянские сочинения, в том числе Феодосия Печерского, разнообразные антиязыческие и полемические сочинения, канонические статьи и ряд других. Примечательно, что протограф сборника относится ко времени не позднее второй половины XII в. – **середины XIII в. Первыми в антологии являются главы ИСв вероучительного и догматического характера: первая глава Изборника «Св. Василия еже на Евномия о св. Духе» (ИСв 1:1), «Написание о правой вере» Михаила Синкелла (ИСв 1:9) и Иустина философа (ИСв 1:4), статьи Иоанна Златоуста и Григория Нисского. Всего же в Соф-1285 представлено 60 статей из ИСв. Статьи ИСв перемежаются с текстами других произведений, но в основном они сосредоточены в двух частях сборника: 9 статей читается на первых 14 листах, 2 статьи на л. 47–48, а остальная часть на л. 65, 67–80 об. Ряд этих статей касается покаяния, прощения грехов и поминовения усопших, а также вопросов милостыни, праведного и неправедного богатства. Однако редактор-составитель не просто копировал тексты Изборника, но и существенно перерабатывал некоторые из них. Так, в Соф-1285 в статью о вселенских соборах вставлены данные о 7-м соборе (в ИСв приводятся сведения о 6 соборах). Значительной переработке подверглась в Соф-1285 статья «Отъ исхода» (ИСв 2:114). Редактор переделал не только текст статьи об иудейских праздниках, но и внес существенные добавления, касающиеся трех главных христианских постов.**

Как показал анализ Соф-1285, большое значение для его составителя (или составителя его протографа) имело «Предсловие покаянию», являющееся одним из интереснейших канонических памятников раннего периода, которому в древнерусской книжности придавалось особое значение, что нашло отражение не только в этом, но и во многих других сборниках.

При выборе статей из ИСв составитель Софийского сборника руководствовался идеями «Предсловия», о чем свидетельствует значительная подборка статей из Изборника, тематически связанная с покаянием и обличением неправедного богатства. Этой теме подчинены и принципы переработки составителем протографа Софийского сборника ряда статей ИСв. Особенно наглядно это проявляется в статье «Слово иже от Матфея. Добро ли исповедати грехы к духовнымъ отцемъ» (ср. ИСв 1:72), в которую напрямую включены отрывки из «Предсловия». Еще одна переделка статьи ИСв «Того же еже о альчбе» (ИСв 1:27) также демонстрирует связь с «Предсловием»: здесь среди грехов добавлены резоимство и лихоимство, отсутствующие в Изборнике. Показательна редакторская вставка в завершающей статье из Изборника в Соф-1285 «Иоанна Златоустаго иже от деянии» (ср. ИСв 1:140): **всѣкое же съгрѣшение раздрѣшаетъ сѣ дѣломъ твореннѣа. а не словомъ исповѣданнѣа. по наоучению стѣхъ ѿцѣ. какоже естъ писано въ предъсловьи покаяннѣа Соф-1285, л. 80г.**

Таким образом, статьи из Изборника Святослава 1073 г., взятые как из первой, так и второй части этого памятника, представленные в Софийском сборнике, группируются тематически и во многом идейно связаны с «Предсловием покаянию» [18].

Рукопись Кир-Бел. 28/1105 имеет в своем составе комплексную подборку статей из «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита, также сгруппированную в основном по тематическому принципу: о грехах, о покаянии и т.п. Добавлений здесь не наблюдается, однако одна из статей «Что суть истинни поклонници» не совпадает по содержанию с одноименной статьей Изборника 1:34.

Характер текстологических и языковых разночтений статей Изборника в рассматриваемых сборниках и списках самого Изборника свидетельствует о том, что в одних сборниках эти статьи близки редакции древнейшего списка, хотя не всегда повторяют его особенности, в других имеют сходные чтения с краткой редакцией этого памятника [19]. Однако все они даны в одном и том же переводе, хотя имеются и некоторые языковые различия, связанные с более поздним лексическим редактированием (заменой устаревших слов, преславизмов и т.п.), например: *млатъ* МГАМИД-370 – *кын* ИСв, *сытъ* Юд-2 – *сытотсть* ИСв, *плачевныи* Юд-2 – *плачьныи* ИСв, *гаденіе* Тр-214 – *брашьно* ИСв, *факлана* Син-951 – *доуплатица* ИСв, *твердъ* Тр-214 – *рьдръ* ИСв, л. 152в, *создания мироу* Тр-2 – *зъдания мироу* ИСв, *покааник* Тр-2 – *покаазни* ИСв, *нарицактса* Тр-2 – *са именоуктъ* ИСв, *лоуче* Соф-1285 – *оуне* ИСв, *творителноу* Соф-1285 – *творитвьноу* ИСв и т.п.

В ряде случаев искаженные и испорченные места ИСв имеют в сборниках правильные чтения: *късть стъждъ слава и бладетъ* ИСв, л. 44а 15–17 – *късть стоуд слави блгдтъ* (греч. *χαρις*) Бар-1395; ошибочное чтение в ИСв *кръмла плъныа* (греч. *σωματικῆς*) в Тр-214 читается как *кормла плотныа*; вместо ошибочного *безмѣрникъ*, читающегося в ИСв на л. 4а, в МГАМИД-370 представлено правильное чтение *безвѣрнемъ* (μετὰ ἀπιστίας) и т.п. Интересно, что неверное прочтение, связанное с глаголическим оригиналом, с которого, по всей вероятности, переписывался список 1073 г. *трнбразьнок коуагѣленк* 176г, *тръльнични соутъ* 176г передано в МГАМИД-370 и других списках правильно, как *дѣри вбразное еуагѣе*, *дѣри лічни сѣтъ* (МГАМИД-370, л. 156).

Составители сборников использовали и краткую редакцию Изборника, о чем свидетельствуют чтения списка Тр-214 [20], совпадающие с чтениями списка краткой редакции РГБ, собр. Румянцева. № 6, ср.: *сами не врѣждають са* ИСв, л. 153в – *сами же безъ врѣда прѣбывають* Рм-6 – *само же бѣ врѣда прѣбывае* Тр-214, л. 310; *съ льпашцемъ каменникъ* ИСв, л. 153в – *с прилѣпшиъ каменіеъ* Рм-6 – *с прилѣпшѣм каменіем* Тр-214, л. 310; *юницѣ тризѣ* Тр-214, л. 301, Рм-6 – *жницеж третъактве* ИСв, л. 137а. Ряд искаженных в ИСв чтений в краткой редакции и Тр-214 передан правильно и совпадает. Так, вместо искаженного чтения Изборника *гърлица же родить* ИСв, л. 236а в Тр-214 и Рм-6 представлено правильное чтение: *горлица гавлаше рдтъ сиць* Тр-2, л. 299 об.

Следует обратить внимание на оформление заголовков, объединяющих

статьи из Изборника. В Син-561 и Чертков-346 эти статьи имеют общий заголовок «Зачало съ Богомъ книзе сеи, в неже о святеи Троици и о вере и о прочих и о многих». Этот заголовок находится в тексте обоих сборников и выделен киноварью. Любопытно, однако, что на нижнем поле здесь же представлен обычный для Изборника 1073 г. заголовок «Съборъ от мног отецъ толкование о неразумных словесех въ евангелии и въ апостоле и иныхъ книгахъ вкратце сложено на память и на готовъ ответъ», что является прямым свидетельством использования текста этого памятника. Заголовок Софийского сборника шире приведенного в Изборнике и совпадает почти дословно с заголовком 2-й части Кирилло-Белозерского списка № 1/1082, содержащего Похвалу Симеону, а также с заголовком списка из собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 496: «Си книга повеленья Христова съборникъ, еже слове от многъ отецъ толкованья о неразумных словесех въ Евангелии и въ Апостоле и въ Псалтыри и въ Паремьи, и въ прочихъ книгахъ въкратце съложено на память и на готовъ ответъ и на причастье будущаго века послушающимъ книгъ сихъ и творящимъ повелеваемая ими въ оставление грехов. Господи, благоволити, отче». Интересное использование заголовка ИСв можно видеть на примере рукописи РГБ ОСРК Q.I.312, свидетельствующее о явном знакомстве его составителя с Изборником, однако не в редакции ИСв: «Изборник от многих святых отецъ толкование неразумных словесех въ Еуангильи и въ Апостоле и в прочих книгахъ въкратце сложено на память и на готовъ ответъ послушающимъ книгъ сихъ и творящимъ повелеваемая ими въ оставление грехов и въ славу святыхъ Троица Отца и Сына и святаго Духа». Здесь заголовок ближе к заголовку Соф-1285. В то же время в списке Q.I.312 под этим заголовком объединены статьи, за немногим исключением, не относящиеся к Изборнику 1073 г. Первая из них – «Слово первое бытъя», представляющая собой мини-Шестоднев; затем идут толкования на «слова евангельския», разнообразные подборки выдержек из Слов отцов церкви. Из собственных статей Изборника следует упомянуть «Вспрос что есть знамение истиннаго христианина», а также Слово от Матфея (ИСв 1:72).

Как упоминалось выше, ряд сборников со статьями из Изборника озаглавлен «Злата цепь». В тех случаях, если статей из Изборника немного, они могут сопровождаться записью «от златыхъ чепи» (Бар-630). Чаще же статьи Изборника входят в состав сборников энциклопедического характера.

Проведенный анализ сборников показал, что чаще всего заимствуются статьи из первой догматической части Изборника и Анастасиевых ответов, значительно реже в сборники включались статьи из его заключительной части – философские («Максимово») и риторический трактат «О образехъ» [21]. Состав статей варьируется в зависимости от содержания сборника, поэтому выделить основное ядро этих статей Изборника не удастся. Но есть главы, наиболее часто включаемые во все сборники.

Среди них глава Изборника 2:53 «Св. Епифания о двою на десяте камыку, иже беаху на логии святителеве», которую, по определению К. Кунца, «можно рассматривать как прототип всех христианских сочинений о символике дра-

гоценных камней» [22]. Из Изборника это описание было полностью перенесено в Толковую Палею и Александрию второй редакции [23]. Еще одна пространенная в сборниках статья Исв 2:59 – «Иполутово чьто есть мудрость създавшия себе домъ», представляющая собой толкование на притчу Соломона «Премудрость созда себе храм» [24]. К ней часто в сборниках примыкает статья Исв 2:61 «Колико величество бе соломоньския церкве».

Одной из постоянно присутствующих статей Изборника в сборниках можно считать уже упоминавшуюся главу 1:72 «Вопрос добро ли есть исповедати грехы наши духовным мужем». В Бар-1395 она подверглась существенной переделке: к ней составителем сборника сделаны значительные добавления о грехах, за которые христиане должны отлучаться от причастия. Вставка сделана после слов *мѡго бо можетъ мѡтва праведнаго съ помощю и аплоу глѡцю* (см. Исв, л. 45в), сам же конец этой главы в Барс-1395 опущен. Приводим вставку к этой главе Барсовского списка: *к могущиѣ цѣлѣнти по писаномѹ вы силнѣ и подомните. рекше по византе целебноюю. нѹжа есть оубо. имже порочено створити. тѣмъ исповѣдовати грѣхы. по еуѣльн же тако кричню. ѿноу исповѣдовахъ грѣхы свои. в дѣланихъ же аплкъ. ѿ нихъ же крщахоуся вси. поминающе и вѣже прецене прѣрком рекше. горе иже смысленіе есте в себѣ. и пред собою хитри. и аплоу глѡцю. желаю бо видити подѡ даръ вамъ. тако оутвердитса вамъ еже есть клѡтвѹ безъсловеснѣ бываемю. или иное повелѣное нами. мѡтвѹ нерѣискѹ подобаетъ раздрѣшати. и тако клѡтвами пособствующен. и творащен. аще клирици бѹдоу извергѹт. аще ли ж иноци. или вѣщии члѣци бѹдут. ѡлѣчаютъ причащеніа. в незлобии. и безъпристрѣтти. и тако не подобаетъ вѣздаати зло за зло. и еже блѣгтворити вклеветающин. се хрѣстѣаномъ свонствено есть. и тако привлачаще клеветни свои на сѹдилища. подлежа хѣбъ законѹ. и тако прѣстѹпници законѹ его сѹдѡт и в сѣмъ вѣце и в бѹдущемъ. и причащеніа бжтвенныхъ танихъ оулишиваютса. зане временный вѣщен ра^{ди}. ѡрѣкоша вѣчныхъ. избавленіе пришеде бѹдущаго сѹда и вѣчнаго вѣсѣженіа. временнымъ слѣжа сѹдилищѣ. и хотѣща имъ цртво нѣное ходатанти. аще и не блѣгымъ произволенемъ. хищеніа ра^{ди} измѣнихомъ. или много в злобеніа вѣсѣжаю. и тако сценникомъ бѣющѣ вѣрна или невѣрна члѣка. бжтвеннаа правила извергѹютъ. и тако иноко^м бѣющемъ какова ли бо члѣка. ѡлѣчаю^т стѣхъ причащеніи бжтвеннаа писаніа. и тако вѣзвонаю^т закони. не пронаренныа на брань. имѣти или кѹповати врѣжіа воиньскаа. токмо малыа ножевы не дѣиствующаа на брани. и в разлчїи и оубииствѣ вѣлны и невѣлны. и тако простаго вѣдаа запрешеніе. невольное оубииство има^т Бар-1395, л. 380 об.–381 об.*

Добавления касаются того, в каких случаях наказаниям должны подвергаться священники и монахи: законы запрещают им «бить верна или неверна», ходить на войну и «куповати оружия воиньская, токмо малыа ножевы».

Как уже говорилось выше, значительной переделке подверглась та же статья Исв 1:72 и в Софийском сборнике, где в нее был вставлен фрагмент из «Предслова покаянию», при этом сам текст сильно сокращен.

Изборник Святослава 1073 г.,
л. 43г-45г

Софийский сборник, л. 14а-б

Въпросъ. Добро ли ксть прамь исповѣдовати грѣхы наша дхъовнымъ мжжемъ . Отвѣтъ . Добро и зѣло пользъно . нъ не безъ искоуса сжштнимъ . и гроува о такыхъ вѣдоуштинимъ . да не троувоу [25] милостиж или безгоднымъ и нехытрыимъ провлѣченикъмъ завѣта . прѣбидника и нерадива или лѣнива и ослабкна тѣ сътворитъ . аште оубо обраштите мжжа дхъовна . искоуса на могшста тѣ врачевати . бе-срамѣниа и съ вѣрож исповѣжъ сѣ кмѣ . акы гѣи а не чѣкоу . рече бо мждрин о дши свои и не срамѣи сѣ . ксть бо стоудъ навода грѣхъ . и ксть стждъ слава и бладетъ [26] и не прими лица на дшоу свою . и не срамѣи сѣ на паданик свое . и не оустыди сѣ исповѣдати о грѣсѣхъ своихъ . ѿваннъ аще рече исповѣдакмъ грѣхы свои . вѣрнъ ксть и правднъ бѣ . да оставитъ намъ грѣхы . и оцѣститъ ны отъ всакого неправди . нъ мнози нечрѣднни чѣци и тѣмьнаа дѣла дѣлажште не тѣчиж то творать и въ тѣмѣ ходатъ . нъ и пристажт дѣлажштинихъ . и зѣлы вины оучителек быважт да ни сами градоутъ на свѣтъ ни инѣмъ дадатъ ити . въ лѣпотоу оубо глаше о тацѣхъ гѣ . горе вамъ книгъчиа и фарисеи лицемѣри . тако затвараете црѣвник нѣсьнок прѣдъ чѣкы . вы бо не влазите ни въ лѣсти хоташтинимъ не дасте въ лѣсти горе вамъ книгъчиа и фарисеи лицемѣри . тако овъходите море и соушоу . сътворите кдинога пришьельца и кгда вждетъ творите и сѣна родьствоу огнюоуоумоу соугоувьнѣиша васъ . горе вамъ вождеве слѣпини . ничѣтоже бо тако въ моукоу ведетъ въ негонежью . тако кже възбранати и съпоноу творити хоташтинимъ спсати сѣ ...

Слово иже ѿ матѣѣвѣ еванглю толкованье впрѣ Добро ли исповѣдати грѣхы . къ доуховнымъ щемъ . [Ѡ]вѣтъ . Добро и полезно не безъ искоуса соущимъ . боудетъ бо попинъ гроуеъ . ли невѣжа . ли гордъ . ли гнѣванъ ли запончивъ . ли неразоумникъмъ шьдержимъ . къ таковому не подобаетъ исповѣдатисѣ такъ бо соущь оучитель . пришвидника . и лѣнива . и шславлена тѣ сътворитъ . [Ѡ]ще ли швраштите . моужа дхъовна . или разоумна и кротъка . то бесоромѣ . и бесмоутѣ . исповѣжъ всѣ таковому . такъ бо соущь оучитель . наставитъ тѣ на истинуу . вѣренъ бо естъ гѣ шставлати грѣхы . по доброму оучению . мнози бо попове невѣжъствомъ шдержими . ли гроувостию . ли пыаньствомъ . ли какою люво злобою . не дадатъ правнымъ поутемъ ити . ни сами ходатъ . [Ѡ]ниже гѣ рече . горе вамъ книгъчиа . лицемѣри . и фарисѣи . тако швьходите землю . и море . и творите единого пришьельца . сѣна дьери шгннѣи . соугоувѣиша васъ горе вамъ вожеве слѣпини . спонуу творите хоташчимъ спсатисѣ и въ разоумъ истиннымъ приити

Интересно, что в той же редакции, что и в Софийском сборнике, эта статья Изборника читается в сборнике РНБ, ОСРК Q.I.312, л. 134 об., ср.: **Глово ѿ матфѣѡ еуѡѡликъ. Въспросъ. Добро ли исповѣдати грѣхы своѡ къ дѡховнымъ оцѣмъ. Добро и полезно но не безъ искуса сущимъ бѡдетъ бо попинъ грѣбъ и невѣжа ли гордъ. ли запончивъ. ли гнѣваливъ или неразоумѣемъ удѣржимъ...** Связь с этой переработанной из Изборника статьей, в которой использован текст Предслова, можно видеть в списке Q.I.312 и в толковании цитаты Мф. 23:15-16 на л. 130: **Рече члвкъ гь горе вамъ книгъчига и фарисѣи и личемѣрѣ · тако швѡходите море и сѡшю · и творите единого пришельча сна дѣври шгнени и сѡгнѣшиа васъ · горе вамъ вожи слѣпни · т се глѣтѡ погѣхъ и ш покалальныхъ сынѣхъ попови бо величаву и грѣбу и неразумиву не достонитъ быти попомъ и дѣтти не достонитъ приимати дѡховныхъ. ни достонитъ са къ таковому исповѣдати · себе не могушю наоучити како инога наоучити хощеть.** Оба сборника объединяет новгородское происхождение, и весьма вероятно, что составитель Q.I.312 мог пользоваться Софийским сборником (или его протографом).

Достаточно часто представлена в древнерусских сборниках статья Исв 1:9 «Михаила Сунькела иерусалимьскааго написание о правои вере» [27], сохранившая изложение христианского догмата о Троице, что вполне отвечало задачам составителей сборников богословского содержания и в целом духовным запросам древнерусского общества.

Еще одна статья Изборника 1073 г., по-видимому, представлявшая большой интерес для древнерусских книжников – **Отъ апѡльскихъ заповѣднн** (Исв 1:162). Она читается и в Софийском сборнике (л. 47г-48г), однако с некоторыми изменениями, которые касаются, прежде всего, ее адресата. Если в Исв она обращена к епископу, то в Софийском сборнике это обращение относится к епископам и попам, причем переделка обращений проведена в Софийском сборнике последовательно во всех случаях, ср.: **епискшпоу Исв - епшпоу и попови Соф-1285, о епискшпи Исв – о епше и пове Соф-1285, о епискшпе Исв - ш епше и ерею Соф-1285.** Кроме того, в Соф-1285 эта статья подверглась известным лексическим изменениям: **отъ дажда Исв – ѿ прикоупа Соф-1285, плодonoсна Исв – приношенья Соф-1285, вонна Исв – мѣчника Соф-1285** и т.п. В древнерусских сборниках (РНБ, Соловецкое собр. № 858/968; РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 560) встречается статья под названием «О церковном приношении», представляющая собой ту же статью, но или в ином переводе, или, что менее вероятно, ее существенную переделку. При этом в Вол-560 текст существенно изменен по сравнению с Сол-858, что является свидетельством того, что эта статья неоднократно переделывалась редакторами сборников.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что Изборник Святослава 1073 г. был хорошо знаком древнерусским книжникам и широко использовался составителями сборников, отбиравшими для своих целей статьи из этого памятника, создававшими в некоторых случаях по образцу этого памятника собственные компиляции и группировавшими статьи Исв по те-

(26). София, 1992. С. 13–59), а вслед за ней О.Л. Новикова, посвятившая большую статью Ефросиновскому сборнику и спискам Изборника – его предшественникам (см.: *Новикова О.Л.* Изборник 1073 г. и «Ефремовский сборник о лагынех» // Очерки феодальной России. Вып. 16. СПб., 2013. С. 51–148).

15. *Левочкин И.В.* Указ. соч. С. 374.

16. *Михаила Г.* Списки Сборника царя Симеона в Библиотеке Румынской академии // *Paleobulgarica / Старобългаристика*, 1987. № 3. С. 3–20.

17. Его изд. см.: Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / изд. подгот. Г.С. Баранкова, Н.В. Савельева, О.С. Сапожникова; под ред. Н.В. Савельевой. М.; СПб., 2013.

18. Более подробно о соотношении Изборника Святослава 1073 г. и Софийского списка этого памятника см.: *Баранкова Г.С.* Статьи Изборника Святослава 1073 года в составе Софийского сборника // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / изд. подгот. Г.С. Баранкова, Н.В. Савельева, О.С. Сапожникова; под ред. Н.В. Савельевой. М., СПб., 2013. С. 444–452.

19. О текстологических редакциях Изборника Святослава 1073 г. см.: *Камчатнов А.М.* Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года // Древнерусская литература: источниковедение. Л., 1984. Вып. 2. С. 5–19.

20. Троицкий список (Тр-214) в настоящей работе не рассматривается как полноценный список Златой цепи, на что в свое время указала в своей работе и М.С. Крутова (*Крутова М.С.* Указ. соч. С. 61).

21. О рукописной традиции этого произведения см.: *Булакина Т.В.* Указ. соч. С. 13–59.

22. Цит. по: *Аксентон Ю.Д.* Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977. С. 283.

23. *Аксентон Ю.Д.* Указ. соч. С. 283.

24. О влиянии этой статьи на древнерусскую книжность и ее распространении в сборниках см.: *Брюсова В.Г.* Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977. С. 292–306.

25. **троувоу** ошибочно вм. **гроувоу** (Симеонов сборник. С. 282).

26. **бладеть** ошибочно вм. **благодать**.

27. В другом переводе та же статья была представлена в древнеславянской Ефремовской Кормчей – см.: *Щапов Я.Н.* «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. в древнеславянской Кормчей Ефремовской редакции // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977. С. 332–341.

М.А. Пузина

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К СТИХИРАМ СЛАВЯНСКОГО МИНЕЙНОГО СТИХИРАРЯ XII в.*

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 13–34–01009а1
«Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию»

Всего несколько лет назад, несмотря на пристальное внимание специалистов к проблемам славянской гимнографии, Минейный стихирарь находился практически вне зоны исследования лингвистов. В 2000 г. в серии «*Monumenta Musicae Byzantinae*» вышло фототипическое издание Минейного стихираря XII в. по списку БАН. 34.7.6, сопровождавшееся инципитарием с греческими параллелями, а также греческим инципитарием [1]. За прошедшие несколько лет ситуация кардинальным образом изменилась. Славянский Минейный стихирарь XII в., находившийся на периферии научного изучения, переместился непосредственно в центр внимания научного сообщества. Пять списков Минейного стихираря XII в. (РНБ. Соф. 384; БАН. 34.7.6; ГИМ. Син. 572, Син. 589; РНБ. Q.п.I.15), а также один отрывок (РНБ. СПбДА.А.II.397) были опубликованы на сайте manuscripts.ru, предоставляющем широкие возможности аналитической работы с текстом. Два стихираря XII в. в числе других древних памятников были выложены на сайте РГАДА (rgada.ru). Кроме того, совместными силами сотрудников ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова продолжается подготовка к изданию списка ГИМ. Син. 279, начатая В.М. Живовым.

Тем не менее проблема критического издания не стала менее актуальной. В связи с подготовкой нового, наборного издания Стихираря БАН 34.7.6 (предполагается, что оно будет включать разночтения по семи сохранившимся славянским спискам XII в., полные греческие соответствия стихир, а также комментарии и словоуказатели) нами проводится поиск в рукописных хранилищах России и Европы неопубликованных греческих оригиналов к стихирам и разночтений в греческих рукописях. В настоящее время работа не завершена, однако определенные результаты уже могут быть представлены. Следует признать, что большая часть греческих стихир опубликована в издании *Μηναία τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ* [2]. Незаменимую помощь в розыске греческих текстов оказывает издание зачал греческих гимнографических произведений

[3], которое дает ссылки на все публикации искомым зачал. Отдельные зачала или полное воспроизведение текста можно найти в Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος [4], однако значительную трудность для исследователя представляет то, что не все выпуски Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος доступны. Иногда стихиру удавалось найти не по тому адресу, который указан в изданиях, а в других рукописях. Есть единичные тексты, представленные довольно широко, но неопубликованные. Однако среди неопубликованных гимнографических текстов уникальных и редких (имеющихся в одной – двух рукописях) большинство. Всего нами были обнаружены 32 неопубликованные стихиры, переводы которых входят в состав славянского Минеяного стихираря. Для 14 из них зачала не опубликованы, зачала остальных 18 можно найти в различных источниках [5]. Поиск проводился по рукописям, хранящимся в Библиотеке Российской академии наук, Российской Национальной библиотеке, частично в Российской Государственной библиотеке, Национальной библиотеке Франции в Париже, библиотеках Ватикана и монастыря Гроттаферраты, а также по микрофильмам афонских рукописей, хранящимся в библиотеке Патриаршего института святоотеческих исследований в Салониках, и микрофильмам синайских рукописей, находящимся в Библиотеке Болгарской академии наук в Софии. Было просмотрено более 130 различных рукописей стихираря и служебных миней на разные месяцы, датируемых X–XV вв.

Если проводить статистические подсчеты, чтобы определить, в каком из рукописных хранилищ было обнаружено большее количество стихир, получаем следующие данные. (При подсчетах мы учитывали и повторения в разных рукописях, поскольку вероятность нахождения в рукописи нужной, редкой стихиры не так велика). Наибольшее количество стихир обнаруживается в синайских рукописях (24 текста). Второе место занимают рукописи Парижа (8). На третьем месте афонские рукописи (7 текстов). Затем идут рукописи Ватикана (6 стихир) и Гроттаферраты (4 стихиры). 3 стихиры были обнаружены в греческих манускриптах РНБ. На данный момент столько же текстов было найдено и в РГБ, однако последовательный просмотр рукописей РГБ пока не осуществлен.

Как уже подчеркивалось выше, обнаружение греческих параллелей к славянскому переводному гимнографическому материалу на данном этапе имеет в большей степени случайный характер, поэтому такое распределение ново-найденных стихир по архивам трудно объяснить какой-то одной причиной: количеством греческих рукописей в хранилище, степенью их описанности или продолжительностью работы с ними. Так, за неделю работы в монастыре Влатадон в Салониках, несмотря на максимально удобные условия работы с микрофильмами рукописей и наличием изданного каталога, нам удалось найти всего две новые параллели, и уже в последний день перед самым закрытием библиотеки внезапно нашлось сразу пять новых текстов. Работа с рукописями Ватикана в значительной степени затрудняется тем, что каталоги этого собрания рукописные, не снабжены указателями, и для обнаружения необходимого манускрипта приходится прочитывать насквозь все многочис-

ленные тома описаний. Таким образом, весьма вероятно, что какие-то рукописи остаются незамеченными, особенно в условиях ограниченного времени. Напротив, весьма удобные условия созданы в монастыре Гроттаферраты, где имеется каталог и все рукописи доступны в электронном виде в свободном доступе с библиотечных компьютеров. Практически идеальны условия работы в Библиотеке Болгарской АН, где хранятся микрофильмы синайских рукописей. По сравнению с зарубежными архивами, в Петербурге находится значительно меньшее число греческих гимнографических рукописей интересующего нас периода.

По-видимому, приведенное выше количественное распределение новых стихир во многом можно объяснить особенностями комплектования библиотек и происхождением рукописей, в них находящихся, что может быть важно для уточнения происхождения славянского Стихираря и определения исторических связей славянских книжников с христианской гимнографической традицией, входящей в сферу влияния Византии.

В настоящий момент поиск новых греческих оригинальных текстов продолжается. Несмотря на все усилия, еще более сотни славянских переводных стихир остаются без греческих параллелей.

В Приложении мы публикуем зачала 14 стихир, которые ранее не были опубликованы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инципитарий

Дата, память	Слав. текст [6]	Адрес	Греч. текст	Адрес
16.11 ап. Матфей	Христосовы оученикы вожествовныхъ апостолъ съучетникъ бывъ	БАН 54у, Син279 60г, Q 72г	Τῆς τοῦ Χριστοῦ δωδεκάδος τῶν θείων Ἀποστόλων συναρίθμιος γέγονας	Sin.gr. 1219 28r, Sin.gr. 1216 55r-v
06.12 свт. Николай	Дѣша правдыныихъ въ роукѣхъ господню съ нимижѣ твоѣ оугодьниче николанѣ	Q 89г, Син279 77г	Δικαίων ψυχαὶ ἐν ταῖς χερσὶ Κυρίου, μεθ' ὧν σου, θεράπων Νικόλαε	Греч. 48 9г, Греч. 525 35v-36г
25.12 Рождество Христово	Дньсь съвезнавальныи штьцю сынъ начаткъкъ приемлетъ	Син572 73у, Син589 86v	Σήμερον ὁ συνάναρχος Πατρὶ Υἱὸς ἀρχὴν λαμβάνει.	Sin.gr. 583 200г

Неделя по Рождестве	ПАМΙΑΤΗ ΣΦΕΤΗ- ΛΑ И ΠΡΕΣΦΕΤΗ- ΛΥΙΗ ΠΡΑΖΔΗ- ΝΙΚΗ	БАН 94v, Соф384 19v, Син572 77v, Син589 92г	Μνήμη φαιδρὰ καὶ λαμπρὰ ἑορτή	Crypt. Δ.α. XIV 282v
	ΠΟΙ ΔΑΥΥΔΕ ΒΡΑ- ЦΑΝΙΚΗΜ ΔΕΙЖА	БАН 95г, Син589 91v, Тип152 69г	Ψάλλε Δαυὶδ τὴν κινύραν κίνων	Crypt. Δ.α. XIV 282v
05.01 Пред Богоявле- нием	ΠΡΕΔΤΗΠΡΑΖΔΗ- ΝΟΥΜΗΓ ΛΥΔΙΗ ΧΡΙΣΤΟΥ ΒΟΓΟΑΒΛΗΝΗ	Соф384 21v	Προεορτάσωμεν, λαοί, Χριστοῦ τὰ Θεοφανία	Sin.gr. 1219 70r
26.03 Собор арх. Гавриила	ΠΡΕΣΤΟΛΟΥ ΠΡΕΔΥΣΤΟΥ ΤΡΕΣΥΛΗΝΥΝΑΑΓΟ ΒΟЖЕСТВА	БАН 131v	Τῷ θρόνῳ παριστάμενος τῆς τρισηλίου θεότητος	Vat.gr. 2008 120r, Греч. 552 40v
01.05 прор. Иеремия	ΟΥΜΗ ΠΡΕΚΥΣΤΗΙΗ И ЖИΤИΗ	БАН 137v, Q 158v, Син572 124v	Νοῦν καθαρώτατος καὶ βίος	Sin.gr. 1216 116v, Sin.gr. 1219 110r
24.06 Рождество св. Иоанна Предтечи	ΒΥΣΙΝΑ ΔΥΝΕΣ ΟΥΤΩ ΒΕΣΠΟΔΥ- ΝΥΠΑ ΟΥΤΡΟΥΤΥ ΒΕΛΙΚΥΙΗ	БАН 148г, Син279 98v, Соф384 58г, Син572 135г, Син589 144г	Ἄνατέταλκεν ἔξ ἀγάρπου μήτρας ὁ μέγας Ἰωάννης	Paris. Reg. gr. 3467 114v
27.07 вмч. Пантелеи- мон	ΒΥΣΕΜΗ ΜΙΛΟСΤΙΒΥΙΗ ГОСПОДЬ	БАН 170г, Син279 127г, Q 172г, Соф384 76v, Син572 163г, Син589 162v, Тип145 29г	Ὁ πάντων ἐλεήμων Κύριος	Sin.gr.1214 123r-v
15.08 Успение Богоро- дицы	ΚΥΜΗ ΓΡΟΒΥΝΥΙΗ ΠΕΣΥΜΗ ΒΥΣΠΟΜΗ ЖИВОНΟΣΥΝΟΥЮ ΠΑΜΙΑΤΗ	Син279 146г	Ποίοις ἐνταφίωv ᾄσμασιν ἀνυμνήσωμεν τὴν ζωηφόρον μνήμηv	Sin. gr. 631 53r

	Двѣрь свѣтѡвразъна бѣсть сѣльница правьдѣнаго	Син279 146r	Πύλη φωτοειδής γέγονας τοῦ ἡλίου τῆς δικαιοσύνης	Sin.gr. 631 53r
	Таиноууитѣ божествѣна тебе когородице	Q 185v	Μυσταγωγεί- ται θεῖος ἐπί σοι Θεοτόκε	Sin. gr. 1219 144r-v
18.08 мчч. Флор и Лавр	Рѣвнителѣ свѣтага	БАН 192r, Син279 151v, Q 186r, Соф384 90v, Син572 189r, Син589 185r, Тип145 63v	Ἡ ξυνωρίς ἡ ἁγία	Sin.gr. 1216 153v

Источники:

а) Славянские

БАН – Стихирарь минейный XII в. БАН. 34.7.6.

Син279 – Стихирарь минейный XII в. ГИМ. Син. 279.

Син572 – Стихирарь минейный XII в. ГИМ. Син. 572.

Син589 – Стихирарь минейный 1158 г. ГИМ. Син. 589.

Соф384 – Стихирарь минейный 1156–1163 гг. РНБ. Соф. 384.

Тип145 – Стихирарь минейный XII в. РГАДА. Ф. 381. Тип. 145.

Тип152 – Стихирарь минейный XII в. РГАДА. Ф. 381. Тип. 152.

Q – Стихирарь минейный XII в. РНБ. Q.п.1.15.

б) Греческие

Ватикан

Vat. gr. 2008 – Миняя служебная, январь–апрель, XI в.

Гроттаферрата

Срут. Д.α XIV – Миняя служебная, декабрь, XI в.

Париж

Paris. Reg. gr. 3467 – Стихирарь, XIII в.

София

Sin.gr. 583 – Миняя служебная, декабрь, XI в.

Sin.gr. 631 – Миняя служебная, август, XI в.

Sin.gr. 1214 – Стихирарь, XI–XII в.

Sin.gr. 1216 – Стихирарь, XIII в.

Sin.gr. 1219 – Стихирарь, XII–XIII в.

РГБ

Греч. 48 – Минея служебная, декабрь – февраль, XV в.

РНБ

Греч. 525 – Минея служебная, декабрь, XV в.

Греч. 552 – Минея служебная, март – август, XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus* / Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars principalis. Haunia, 2000a; Pars suppletoria. Haunia, 2000b.

2. *Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ*. Т. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

3. *Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae graecae*. Vol. I–V (1/2) (= *Studi e testi*, 211–215 bis). Città del Vaticano, 1960–1966.

4. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ.

5. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ; *Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae graecae*. Vol. I–V (1/2) (= *Studi e testi*, 211–215 bis). Città del Vaticano, 1960–1966; *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus* / Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars suppletoria. Haunia, 2000b; *Кривко Р.Н. Византийские источники славянских служебных миней // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–15 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*. М., 2008. С. 76–101.

6. Славянские зачала даются в орфографии первого списка, указанного в третьем столбце (адрес).

Кл. Иванова

РУКОПИСЬ КАЛИКИН 146 И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ НОВОИЗВОДНЫХ ПАНИГИРИКОВ (ТОРЖЕСТВЕННИКОВ)

Рукопись из собрания Ф.А. Каликина 146 – календарный сборник, содержащий Слова, предназначенные для подвижных праздников церковного года. В южнославянской книжной и археографической традиции это Триодный Панигирик (в русской книжной и археографической традиции – Триодный Торжественник). Здесь я позволю себе сохранить соответствующий русскому Торжественнику южнославянский термин – *Панигирик*, который выражает балканский генезис этого состава, его связь с византийскими уставными чтениями и с болгарской и сербской традицией самоназвания «панигирик» или «панагирик» [1]. В общем Триодные Панигирики имеют более четкую календарную структуру, чем минейные, и у них редки перестановки в порядке следования праздников.

Кодекс Каликин 146 (далее Кал146) принадлежит к новоизводным Триодным Панигирикам. Термин «*новоизводный*» в истории южнославянского Триодного Панигирика отражает принадлежность текста к новому составу и к новым переводам, возникшим около середины XIV в. [2]. Основная часть как литургических памятней, так и выбора Слов новоизводного Триодного Панигирика, отвечает календарным указаниям Иерусалимского устава (типика), который в этом отношении в основном воспринял указания Евергетидского типика [3]. Не останавливаясь на сопоставлении с аналогичными византийскими памятниками, отмечу, что, как считает проф. Елена Велковска, славянские новоизводные Триодные Панигирики не являются точными соответствиями определенных греческих рукописей, в них включено большее число Слов, выбранных из нескольких памятников [4]. Свод новоизводных Триодных Панигириков, по-видимому, переводился и оформлялся не меньше десяти лет. Считается, что составление свода связано с деятельностью болгарских исихастов (в том числе и патриарха Евфимия Тырновского) как на Афоне, так и в Тырнове. Самые ранние копии Триодных Панигириков датируются 70–80-ми гг. XIV в., причем они создавались как на территории Восточной Болгарии (около или в самой болгарской столице), так и на Афоне – в Лавре св. Афанасия, в Зографском и Хиландарском монастырях. Один из самых ранних

болгарских Панигириков нового состава датируется временем между 1370 и 1380 гг. и является уникальным по объему: он содержит тексты на весь триодный цикл – 174 Слова. В настоящее время кодекс принадлежит Хиландарскому монастырю (Хиландар 404), но, вероятнее всего, написан в другом скриптории на Афоне [5]. В греческой традиции, как замечает Е. Велковска, нет рукописей, содержащих больше 100 текстов на подвижные праздники. Евергетидский типик содержит около 90 чтений, и это самое большое число Слов в проанализированных Ерхардом памятниках [6].

Отмечу, что сербские копии новоизводных Триодных Панигириков на Афоне появились почти одновременно с болгарскими [7]. За последние три десятилетия XIV в. сохранилось значительное число списков новоизводных Панигириков; это говорит о том, что они уже были в употреблении в южнославянской книжности и распространялись и в Болгарии, и на Афоне, и в Сербии. Известные мне болгарские и сербские Триодные Панигирики, возникшие до конца XIV столетия, охватывают полный круг подвижных праздников с Недели о мытаре и фарисее до Недели всех святых. Текстовая традиция у них замкнутая, литературные редакции одни и те же, варианты на уровне содержания и текста ограничены [8].

Более поздние списки различаются, главным образом, количеством и порядком Слов в рамках одного праздника. Отмечу, однако, что отдельные тексты в их составах точно следуют за своими антиграфами, так что дополнительные произведения встречаются очень редко. Иногда перемена в порядке отражает предпочтение того или другого Слова заказчиком или копиистом. Но чаще всего эти изменения можно объяснить тем, что для одного праздника включено по несколько Слов: **четыре, пять и больше, вплоть до одиннадцати**, так что объем всего Триодного Панигирика огромен. Не имея возможности изготовить или приобрести полное собрание статей Триодного Панигирика, в некоторых скрипториях переписывались редуцированные новоизводные панигирические тексты.

Как известно, календарный порядок и объем новоизводного комплекта отражаются и в распределении материала: в двух томах (постный и цветной, при этом Страстная седмица может попасть либо в постную, либо в цветную часть); или в четырех томах. В последнем случае материал располагается поразному, чаще с учетом **середины богослужебного времени, то есть для постного цикла** в первом томе помещаются подготовительные недели к Великому посту, а во втором томе – остальное время до Вербного воскресенья. Третий том охватывает цветной цикл с **Вербного воскресенья (или с Пасхи) до Недели о расслабленном**; четвертый том – с Преполовления Петидесятницы до Недели всех святых. Но, как я уже отметила, служебная календарная структура не всегда сохраняется, а подвижность периода с Вербного воскресенья до Пасхи, как и особенности создания книг, предполагают и другое распределение материала.

Рукопись Кал146 содержит слова на праздники от Преполовления Пятидесятницы до Недели всех святых. Этот состав имеет самоназвание «Преполове-

ние». По всем приметам и по типу бумажных знаков Кал146 датируется первой половиной XV в., скорее всего до 30-х гг. этого столетия или около этого времени [9]. Кодекс написан тырновским правописанием, орфография Евфимиевская, происхождение, без всякого сомнения, молдавское. Кодекс в плохом состоянии, часть полей срезана и подклеена полосками бумаги, в начале и в конце листы переставлены (см. указание порядка листов в приложении), но утрат текста не так много. В начале не хватает 11 листов [10]. Один лист из 16-й тетради попал в конец кодекса, так что в первом Слове на Пятидесятницу Иоанна Златоуста с началом: Па̀кы п̀ра̀з̀ннѣкь. па̀кы т̀рѣ̀жѣ̀ство порядок листов такой: л. 155–156 об. (156 об.: ...п̀ра̀з̀ннѣкь бо ннѣ̀то̀же нно ѣ̀, // л. 247: р̀а̀з̀рѣ̀тъ весѣ̀ліє д̀х̀о̀вноє. весѣ̀ліє же д̀х̀о̀вноє ннѣ̀то̀же нно т̀во̀рнѣ̀тъ...), 247–247 об., 157–165. Конца рукописи нет. Нумерация в начале и в конце тетрадей читается с конца 4-й тетради. В рукописи присутствует нумерация статей, и по ней видно, что все Слова сохранились, хотя в начале и в конце рукописи – частично. Всего в рукописи 47 статей, но по нумерации их 46, потому что № 19 повторяется. Работу выполняли два книжника, первый переписал 15 тетрадей (с л. 1 до л. 109 об.), **второй – с л. 110, возможно, до конца, хотя кое-где почерк слегка меняется**, но, вероятнее всего, это происходит из-за смены пера. Первый писец не имеет характерных особенностей молдавского литургического полуустава, выучка у него невысокого класса, почерк неровный. Второй копиист пишет типичным молдавским письмом, четко и красиво. В рукописи в некоторых Словах приведены глоссы, которые восходят к греческим оригиналам и были переведены одновременно с основным текстом; те же самые глоссы находятся и в других списках, поскольку они копируются вместе со словами [11]. Кое-где на полях пропущенные в основном тексте слова добавлены соответствующими знаками. Возможно, **вставки сделаны вторым писцом, поскольку похожи на его почерк**.

Единственный красочный орнамент в рукописи находится на л. 1 перед началом текста. Сохранилась только часть этого листа, так что целостность заставки и инициала, оформленных в балканском геометрическом растительном стиле, нарушена. **Заголовки, указания на полях и инициалы, орнаментированные растительными мотивами (отростками и почками), выполнены кинноварью.**

Поскольку цель настоящей публикации – **указать место Кал146 среди других новоизводных Триодных Панигириков**, коротко остановлюсь на классификации этого памятника.

Замкнутая текстологическая традиция новоизводного Триодного Панигирика дает возможность выбрать самые ранние и полные кодексы, близкие к протографам, и положить их в основу классификационной схемы в качестве инвариантов, **удобных для сопоставления со всеми доступными новоизводными составами**. Здесь я ограничусь только заметками о новоизводных цветных Панигириках, к которым принадлежит Кал146.

Среди них такой ранней и полной является рукопись из Рьльского монастыря, шифр 4/7 (далее – РМ4/7) [12]. **Рукопись РМ4/7 датируется не позд-**

нее 80-х гг. XIV в. и по своей текстологической характеристике стоит в начале тырновской группы. Ее состав охватывает полностью тексты с Лазаревой субботы до Недели всех святых. В скобках отмечу, что к тырновской группе восходят молдавские Триодные Панигирики и, в первую очередь, – рукописи известного книжника Гавриила Урика, в списках которого сохранилась значительная часть болгарской книжности XIV в. [13]. Текстологическим маркером подгруппы молдавских Триодных Панигириков является то, что в них, за редкими исключениями, не помещаются те слова Григория Богослова, которые еще в византийской книжности входили в циклы триодных праздников [14].

Вторая группа – **афонская**, к ней принадлежат юсовые и часть безьюсовых (западноболгарских и сербских) рукописей. Афонская новоизводная группа имеет незначительные отличия от тырновской, но в рамках данного сообщения она нас не интересует.

По сравнительному описанию содержания Кал146 и РМ4/7, приведенному в приложении, видно, что статьи в обоих кодексах совпадают по порядку. Проведенное мною сличение отдельных Слов дало ожидаемый результат – они совпали и по **текстовой редакции**. Состав РМ4/7, как я уже отметила, гораздо шире Кал146, но, начиная с праздника Преполовения, РМ4/7 и Кал146 тождественны за одним только исключением – в Кал146, как и следовало предполагать, отсутствует Слово Григория Богослова на Пятидесятницу; однако это точное следование за антиграфом является особенностью не только Кал146. Из молдавской подгруппы рукописей, содержащих вторую часть цветного Триодного Панигирика, мне известны еще три кодекса XV в., содержание которых частично или полностью совпадает с Кал146: две рукописи Российской государственной библиотеки, Москва (ф. 98, собр. Е.Е. Егорова № 462; ф. 209, собр. П.А. Овчинникова № 222) и одна в Библиотеке Румынской АН, Бухарест (№ 149, далее – РАН149).

Панигирик из собрания Егорова № 462 по записи датирован 1451 г. Он содержит статьи от Великого понедельника до Недели всех святых [15]. Слова с Преполовения до Недели всех святых и по порядку, и по текстам совпадают с Кал146 и, соответственно, – с РМ4/7. А.Д. Паскаль, который исследовал и описал эту рукопись, считает, что она принадлежит перу Гавриила Урика [16].

Панигирик из собрания Овчинникова № 222 по записи датирован 1456–1457 г. [17]. Его состав и редакция текстов тоже соответствуют Кал146, с одной только разницей – в начале в нем помещены два Слова из цикла Недели о расслабленном, но с третьего Слова и до конца содержание совпадает с Кал146.

Остановлюсь и на Бухарестком кодексе № 149 (РАН149). Он хранился в монастыре Нямец и датируется около 30-х гг. XV в. По приписке видно, что он был изготовлен Гавриилом Уриком. Рукопись известна, ее описал А.И. Яцимирский [18], а в 1959 г. – румынский исследователь П.П. Панайтеску [19]. Согласно обоим описаниям, рукопись заканчивается Словом Ефрема Сирина. Создается впечатление, что по составу РАН149 расходитсся с Кал146, в которой находится полный цикл Слов на Неделю всех святых и которая заканчивается

Словом Филофея Коккина. Но ни А.И. Яцимирский, ни П.П. Панайтеску не установили точный объем лакуны в конце рукописи. Из-за потерянных листов Яцимирский воспринял пространный текст в конце как часть Слова Ефрема Сирина, а Панайтеску повторил ошибку Яцимирского. Таким образом, в их описаниях не упоминается о *Слове на Воскресенье всех святых Филофея Коккина*, которым заканчивается кодекс, потому что его начало было вырвано еще до описания А.И. Яцимирского. Мне удалось найти 14 листов из Гаврииловой рукописи в ГИМ, в собрании П.И. Щукина [20]. Они дополняют недостающий текст на праздник Всех святых, доказывая, что рукопись Гавриила Урика по содержанию тождественна Кал146. Очень существенно, что в составе обоих кодексов ошибочно повторен порядковый номер 19-й. Внешнее оформление Кал146 и РАН149 похоже; правописание, насколько я могла проверить, одно и то же. Конечно, сравнение внешнего оформления, почерков и правописания могут подвести – в молдавских рукописях они близки и без связи между кодексами. Но то, что заставки и инициалы на первой странице обоих кодексов похожи друг на друга (см. рис. 1 и 2), является дополнительным свидетельством того, что обе рукописи, по-видимому, генеалогически связаны. Вероятнее всего, РАН149 является антиграфом Кал146. В РАН149 заставка и большой инициал изящные, рисунок точный, краски положены внимательно. Оформление первого листа Кал146 повторяет заставку и инициал в рукописи РАН149, но неумело и небрежно. Вероятно, украшения в Кал146 выполнены первым книжником, чей почерк вообще не отличается тщательностью.

Подводя итоги, отмечу, что рукопись Каликин 146 является одним из самых ранних списков новоизводного сборника «Преполовение». По датировке оба Панигирика: Кал146 и РАН149 очень близки (около 30-х гг. XV в.), поэтому не исключено, что рукопись Кал146 была написана в Нямецком монастыре. Неизвестно, как она попала на Русь и где хранилась до XX в., лишь на вкладном листе сохранилась помета владельца рукописи Федора Антоновича Каликина: «Приобретена в Ярославле в 1944 г. у В.И. Смирнова».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отмечу, что есть и второе самоназвание того же памятника – «Златоуст», но в южнославянской книжности оно многозначно и часто применяется к разным типам сборников. Сборник «Златоуст» в русской традиции имеет общие статьи с триодным Торжественником, так как оба памятника по структуре следуют за триодными праздниками, но в нем в основном помещаются учительные тексты, и он постепенно рас-

ширяется поучениями как на будничные дни триодного цикла, так и на воскресные дни всего года. В своих поздних полных редакциях русский Златоуст проник к южным славянам; в XVIII в. списки печатного полного Златоуста распространяются и на Балканах. Библиографию по русскому Златоусту и Торжественнику см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К. С. 358–363; Л., 1989. Ч. 2: Л–Я. С. 432–435; СПб., 2012. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 178, 399–400.

2. О новоизводных текстах и южнославянских календарных сборниках см.: *Иванова К.* Агиографско-хомилитични сборници с устойчив състав в южнославянските литератури // *Cyrrillomethodianum*. 1981. Вып. 5. С. 11–19; *Иванова К.* Болгарская переводная литература X–XIV вв. в контексте “*Slavia orthodoxa*” // *Studia Slavica mediaevalia et humanistica*. Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. Т. 2. Р. 361–371; *Иванова К.* Новоизводните търновски сборници и въпросът за ролята на Патриарх Евтимий в техния превод // *Старобългарска литература*. 1991. Вып. 25–26. С. 124–134.

3. В своем труде об уставных чтениях типиков В.П. Виноградов **показал, что состав чтений триодного состава Иерусалимского типика почти совпадает с Студийско-Алексеевским и Евергетидским** (см.: *Виноградов В.П.* Уставные чтения. (Проповедь книги). Историко-гомилетическое исследование. Сергиев посад, 1914. **Вып. 1: Уставная регламентация чтения в греческой церкви**. С. 152–164). По этому вопросу, но на материалах Минеяного Панигирика см.: *Атанасова Д.* Мъченици, текстове, контексти. Мъченически повествования в ръкопис № 1039 от Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий». София, 2008. С. 53–72. О типиках, в том числе библиографию см.: *Велковска Е.* Типик // *Кирило-Методиевска енциклопедия*. София, 2003. Т. 4. С. 57–59.

4. *Иванова К., Велковска Е.* Хиландарская рукопись № 404 (Предварительные заметки к истории новоизводных панигириков на Афоне) // *Афон и славянский мир*. Сб. 1. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16–18 мая 2013 г. Святая Гора Афон, 2014. С. 244–245. Как замечает В.П. Виноградов, указания для уставных чтений в Иерусалимском типике и конкретно в его триодной части гораздо беднее указаний в двух предшествующих типиках, Студийско-Алексеевском и Евергетидском (см.: *Виноградов В.П.* Уставные чтения... С. 153, 157). В этом отношении очень интересный и неизученный материал в славянской книжности дают переводные Слова, которые являются добавлениями к указанным в Иерусалимском типике текстам.

5. *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 158; *Иванова К., Велковска Е.* Хиландарская рукопись № 404... С. 236.

6. *Иванова К., Велковска Е.* Хиландарская рукопись № 404... С. 243, 244.

7. Характерным примером очень быстрого копирования первых новоизводных болгарских Триодных панигириков сербами на Афоне является хиландарская рукопись № 392 сербского книжника Иова, созданная между 1375 и 1385 гг., антиграфом которой, несомненно, был кодекс Хиландар 404. См.: *Иванова К., Велковска Е.* Хиландарская рукопись № 404... С. 236.

8. Не только в переводах, но и между составами староизводных и новоизводных южнославянских Панигириков есть глубокое различие на всех уровнях. В репертуаре староизводных календарных сборников, который существует еще с начала болгарской книжности (если не с переводческой деятельности св. Мефодия), **порядок и содержание почти каждого Триодного Панигирика отличают его от остальных**. Встречаются переводы одного греческого слова, иногда возникшие спонтанно в разных скрипториях или выбранные из других памятников (см.: *Милтенов Я.* Златоструй: старобъл-

гарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон. Текстологическо и извороведско изследване. София, 2013. С. 167–186). Большое число редакций **текстов затрудняет текстологическую работу. Однако несомненно, что именно староизводные тексты, перенесенные очень рано в русскую книжность, стали основой русских календарных сборников и других учительных составов.**

9. К сожалению, de visu я работала с Кал146 очень мало и не имела возможности скопировать и проверить филигранные. Я благодарю коллегу А.Г. Сергеева, который любезно предоставил мне предварительный список выявленных им бумажных знаков, а именно: «1) Голова оленя (л. 3, 6, 7). 2) Цветы (л. 5, 9, 10, 11, 13–112, 115–128, 131–133, 142–149, 157–159, 162–175, 178–180, 182–187, 189–212, 221/228, 223/226). 3) Колокол (л. 113/114). 4) Ножницы (л. 129/130, 134–141, 150–156, 160/161, 176/177, 181/188, 222/227, 224/225). Сходные Piccard G. Wasserzeichen Werkzeug und Waffen. Stuttgart, 1980. V. IX. Abt. III. № 829, 904 (1420 г.). 5) Три горы (л. 213–220, 229–247)». Все филигранные указывают на первую половину XV в., а *ножницы* датируются 1420 годами. После идентификации всех знаков время создания рукописи будет определено более точно, но несомненно, что она старше середины XV столетия.

10. Я выражаю благодарность руководству и сотрудникам **Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук** за предоставленную мне возможность получить копии первых и последних листов Кал146, что позволило мне разобраться в порядке и последовательности листов.

11. В новоизводных сборниках, хотя и редко, **встречаются толковые глоссы, свидетельствующие о внимании славянских копиистов к некоторым неясным словам в переводе.** В Кал 146, например, на л. 217 (в Слове Ефрема Сирина на Неделю всех святых) против *почръпѣ* стоит (*снръѣ напоѣ*), но эта глосса не принадлежит переписчику – **она возникла еще на начальном этапе распространения перевода, так как читается с самых ранних болгарских списков (РМ4/7) до более поздних молдавских.**

12. *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI–XVIII век запазени в България. Своден каталог. София, 1982. Т. 1. С. 54. В этом каталоге РМ4/7 датируется концом XIV в., но коллега Н. Вутова основательно уточнила датировку кодекса 70–80-ми годами XIV в. 12 листов РМ4/7 находятся в собрании В.И. Григоровича, который вырвал их при своем посещении Рыльского монастыря (№ М.1703.2.). Других утрат в рукописи нет.

13. На личность и творчество молдавского книжника Гавриила Урика специальное внимание обратил еще А.И. Яцимирский, который считал, что Григорий Цамблак в монашеской схиме принял имя Гавриил и продолжил свою деятельность как Гавриил Урик, монах Нямецкого монастыря (см.: *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904. С. 213–430). Гипотеза Яцимирского не нашла поддержки; см., например, рецензию на его труд: *Turdeanu E.* Grégoire Cambлак: faux arguments d'une biographie // *Revue des études slaves.* 1946. Т. 22. Р. 46–81). Яцимирский описал часть кодексов Гавриила Урика; также о рукописном наследии Гавриила Урика писали: *Turdeanu E.* Les lettres slaves en Moldavie: le moine Gabriel du monastère de Neamtu (1424–1448) // *Revue des études slaves.* 1951. Т. 27. Р. 267–278; *Мухаила Г.* Рукописи Гавриила Урика Нямецкого и их литературное значение // *Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски.* Втори международен симпозиум Велико Търново, 20–23 май 1976. Велико Търново, 1980. С. 81–88; *Mihăilă Gh.* Studii de lingvistică și filologie. Timișoara, 1981. С. 48–51 и др. В связи с исследованием славянской книжности в Молдавии А.Д. Паскаль изучает наследие Гавриила Урика и находит новые его авто-

графы. Обзорная статья о Гаврииле Урике с обширной библиографией и перечень его автографов см.: *Паскаль А.Д.* Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 4–32; *Паскаль А.Д.* Новый автограф Гавриила Урика // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992. С. 53–62; *Паскаль А.Д.* Новые данные о книжной деятельности Гавриила Урика Нямецкого // Търновска книжовна школа. 5. Паметници. Поетика. Историография. Пети международен симпозиум Велико Търново, 6–8 септември 1989 г. Велико Търново, 1994. С. 409–413. Я получила от коллеги А.Д. Паскаля консультации по рукописям и исследованиям, связанным с рукописями Гавриила Урика, за что высказываю ему искреннюю благодарность.

14. Шесть Слов Григория Богослова попали в состав Триодных панигириков еще в византийской традиции: на Неделю мясопустную, на Неделю сыропустную, два слова на Пасху, на Фомину неделю и на Пятидесятницу.

15. Описание собрания рукописных книг Е.Е. Егорова. (Фонд 98). Обработали В.Б. Кобрин и др. М., 1964–1985. № 462 (машинопись, хранится в Научно-исследовательском Отделе рукописей РГБ).

16. *Паскаль А.Д.* Новый автограф Гавриила Урика; *Паскаль А.Д.* Новые данные о книжной деятельности Гавриила Урика Нямецкого. С. 411. Эта атрибуция возможна, но она нуждается в более веских и конкретных доказательствах, потому что почерки молдавских рукописей первой половины XV в. очень близки между собою, как и их правописание, а полууставные начертания маргиналий, мне кажется, отличаются от характерного беглого полуустава или грецизированного письма Гавриила Урика. Кроме того, хотя имя в приписке поновлено поверх выцветшей записи, так или иначе читается имя *иунаъ*, а следов хотя бы одной буквы от начала имени Гавриила (*гавр-*) нет. Вопрос можно было бы решить более подробным сравнением почерков и других элементов оформления.

17. Опись собрания рукописных книг П.А. Овчинникова. (Фонд 209). Обработала Л.В. Тиганова. Москва, 1963. № 45 (машинопись, хранится в Научно-исследовательском Отделе рукописей РГБ). Рукопись упоминается и А.Д. Паскалем: *Паскаль А.Д.* Новый автограф Гавриила Урика. С. 58.

18. *Яцимирский А.И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек / Сборник ОРЯС. 1905. Т. 79. С. 737–741.

19. *Panaitescu P. P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. București, 1959. Т. 1. Р. 191–195.

20. *Яцимирский А.И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина. М., 1896–1897. Т. 1. С. 76–79. Фрагмент сохранил начало Слова Филофея Коккина и конец Слова Ефрема Сирина. Он хранится среди фрагментов П.И. Щукина, которые переплетены вместе под № 370 (IV-й фрагмент, л. 52–65 об.). Об этом фрагменте см.: *Иванова К.* Незабелязан фрагмент от *Словото за всички светии* на патриарх Филотей, автограф на Гавриил Урик (РАН 149) // *Palaeobulgarica*, 40, 2016, № 3 (в печати).

Рис. 1. Рукопись Каликина № 146, БАН, л.1.

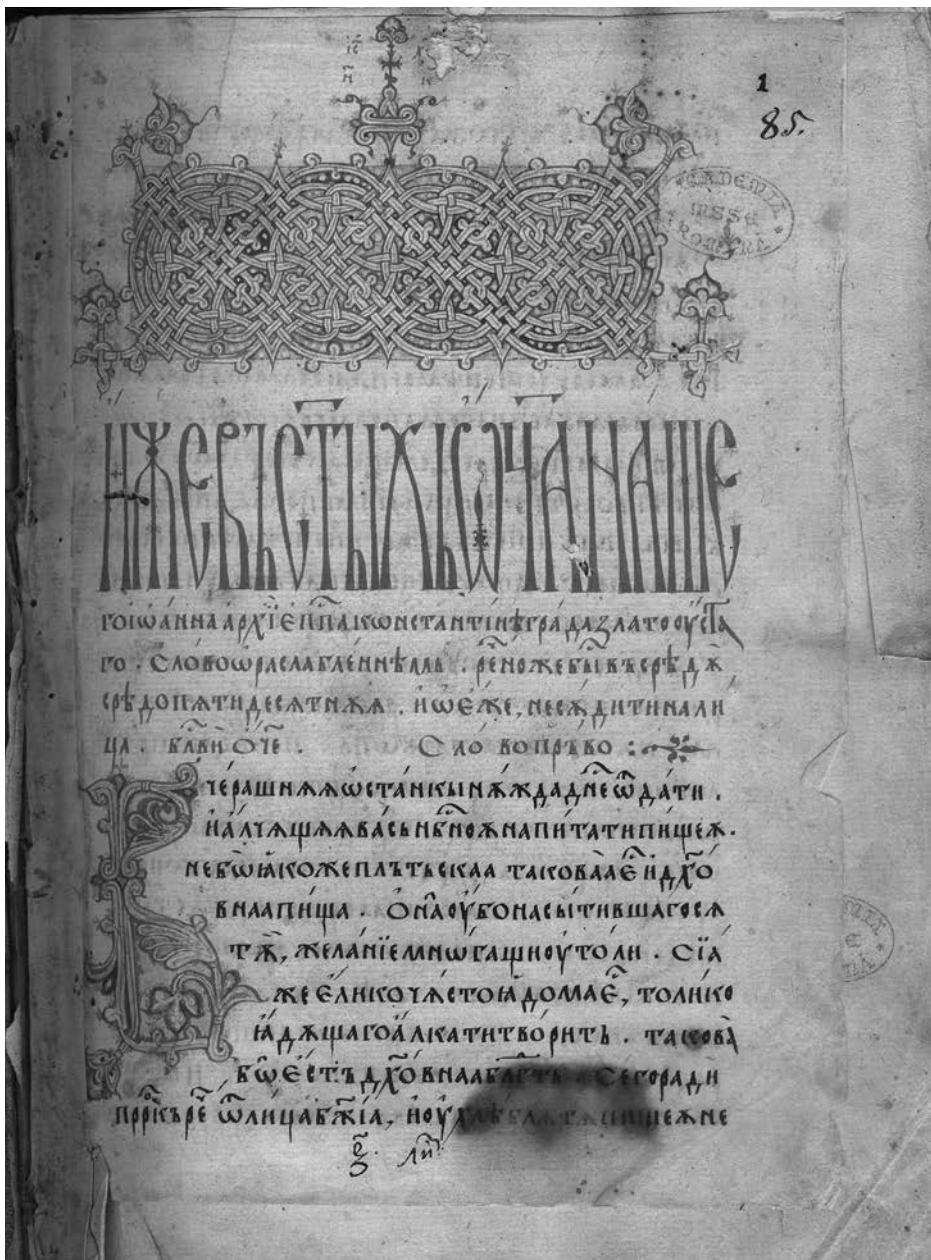

Рис. 2. Рукопись № 149 из собрания Румынской академии, Бухарест, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Содержание Триодного Панигирика Кал146
в сопоставлении с содержанием соответствующей части РМ4/7**

Для каждой статьи в начале даны порядковые номера, которые частично совпадают с номерами в рукописи, но после № 19 расходятся, так что оригинальные порядковые номера в списке Кал146 ставятся в круглых скобках. После одной косой черты ставится номер статьи в рамках одного праздника. Соответственно для РМ4/7 числа после двух косых черт обозначают проставленные мною порядковые номера статей, а после одной косой черты – номер в рамках одного праздника.

Имена авторов даны в соответствии с заголовками статей в рукописи, без указания на действительное авторство текстов. Начала статей маркированы. Для статей, в которых утрачено начало текста, инципит дается в квадратных скобках.

Преположение Пятидесятницы

1/1. 1–1 об., 4–4 об., 2–2 об., 3–3 об., 6–6 об.: Иоанна Златоуста. Вчєрашнѣмъ встанкы, = РМ4/7//58/1.

2/2. 6 об.–7 об.: Иоанна Златоуста. Иже члѣвскы, без конца: оумажунвь оубо тѣ гнѣвь тако // = РМ4/7//59/2.

[3]/3. 5: Иоанна Златоуста. Только конец слова [Иблѣзко н финнксѣ] //сѣмншичъ чинъ адршновы жрѣтвы... = РМ4/7//60/3.

4/4. 5–5 об., 9–9 об.: Иоанна Златоуста. Азъ хрїстолюбци настоящее тръжество. = РМ4/7//61/4.

5/5. 9 об., 8–8 об., 10–11: Иоанна Златоуста. Икоже свѣтоносная луна. = РМ4/7//62/5.

6/6. 11–13: Иоанна Златоуста. Ндѣ вѣка хс. тако источинкъ. = РМ4/7//63/6.

Неделя о самарянинах

7/1. 13–17 об., 19–19 об.: Иоанна Златоуста. Днѣ намъ хс подвнги самарѣннѣ, без конца: въздвнзѣ тѣ къ же// = РМ4/7//64/1.

[8]/2. 21–21 об., 18–18 об., 20–20 об; 22–23: Иоанна Златоуста. [Блѣтъ дховнѣа]. Без нач.: шавь еда болѣн еси ѿца нашѣ іакѡва. (не хватает 1 л.) = РМ4/7//65/2.

9/3. 23–27 об.: Иоанна Златоуста. Въсждоу въра нѣ трѣбѣ е. = РМ4/7//66/3.

10/4. 28–33: Иоанна Златоуста. Многы нѣ топлвты трѣбѣ н тѣщанїа. = РМ4/7//67/4.

11/5. 33–35 об.: Прокла патриарха. Прннеси оубо днѣ възлюбленн... = РМ4/7//68/5.

Неделя о слепом

12/1. 35 об–40 об.: Иоанна Златоуста. Н мнохѡдѣ ѿ, вндѣ члѣка слѣпа. = РМ4/7//69/1.

13/2. 40 об.–44 об.: (Иоанна Златоуста). Хвтѣщїи что ѿ прочтѣемыѣ. = РМ4/7//70/2.

14/3. 44 об.–50 об.: Иоанна Златоуста. Писанїа не просто нже подѣанѣ. = РМ4/7//71/3.

15/4. 50 об.–58 об.: Иоанна Златоуста. Нже радн истнны н радн хѣва. = РМ4/7//72/4.

16/5. 58–62 об.: Афанасия Великого. Трѹды оубв пѣтннкѹ. = РМ 4/7//73/5.

Вознесение (Четверг Шестой недели по Пасхе)

17/1. 62 об.–71: Иоанна Златоуста. Н егда крѣта памѣ творѣ. = РМ 4/7//74/1.

18/2. 71–73: Иоанна Златоуста. Свѣтлв мн црковное позорнице. = РМ 4/7//75/2.

19/3. 73 об.–76 об.: Иоанна Златоуста. Блѣвенѣ бѣ. блговрѣменно днѣ. = РМ 4/7//76/3.

20(19!)/4. 76 об.–77 об.: (Иоанна Златоуста). Да веселат сѣ нѣса н радѹет сѣ. = РМ 4/7//77/4.

21(20)/5. 77 об.–79 об.: Афанасия Великого. Недовѣдал кын прїимѣ аззыкѣ. = РМ 4/7//78/5.

22(21)/6. 79 об.–83 об.: Афанасия Великого. Въскрѣсенїа оубв памѣ. = РМ4/7//79/6.

23(22)/7. 83 об.–87: Прокла патриарха. Блѣвенѣ бѣ. прѣжннкѣ съврѣшаемѣ. = РМ4/7 //80/7.

24(23)/8. 87–88: Василия Селевкийского. Чѣстно сътекшн сѣ съсловїе. = РМ4/7 //81/8.

25(24)/9. 88 об.–90 об.: Григория Нисского. Юко сладокѣ съпѣтннкѣ. = РМ4/7// 82/9.

26(25)/10. 90 об.–93 об.: Иоанна Златоуста. Свѣтель оубо въсѣкѣ прѣжннкѣ. = РМ4/7//83/10.

27/11. 93 об.–95 об.: Иоанна Златоуста. Бжтвно нѣкое оупѣбн сѣ бытн. = РМ 4/7//84/11.

Неделя святых Отцов Первого Вселенского Никейского собора

28(27)/1. 95 об.–103 об.: Георгия Кесарийского. Покарѣтн сѣ наставннкѹ. = РМ4/7//85/1.

29(28)/2. 103 об.–111: Арсения прѣзитера. Ублаци оубо нже ѿ дымѣщѣкѣ сѣ. = РМ4/7//86/2.

30(29)/3. 111–114 об.: Василия Селевкийского. Малѣ оубо вамѣ. = РМ4/7//87/3.

31(30)/4. 114 об.–134: Иоанна Златоуста на Евтропия. Сладостень оубо. =РМ4/7//88/4.

32(31)/5. 134–141 об.: Иоанна Златоуста. Въ дѣвѣ на десѣтое лѣто. = РМ4/7//89/5.

Суббота поминовения усопших перед Пятидесятницей

33(32)/1. 14 об.–149: Иоанна Златоуста. Пррѣцн оубо дѣнновѣрно глѣмынмѣ. = РМ4/7//90/1.

34(33)/2. 149–155: Иоанна Златоуста. Не плачнмѣ горѣтъ възлюбленн. = РМ4/7//91/2.

Пятидесятница

35(34)/1. 155–156 об., 247–247 об., 157–165: Иоанна Златоуста. Паки праз-
никъ, паки тръжьство.

= РМ4/7//92/1.

36(35)/2. 165–170: Иоанна Златоуста. Бл̄вень б̄ъ. велнка възлюбленн. =
РМ4/7//93/2.

37(36)/3. 170 об.–176: Иоанна Златоуста. Въсъкъ оубо д̄нь свѣтель. = РМ
4/7//94/3.

38(37)/4. 176–181: Иоанна Златоуста. Нб̄въ намь въ̄ землѣ. = РМ4/7 //95/4.

39(38)/5. 181–183 об.: Иоанна Златоуста, апостолам. Въ лѣпотѣ н д̄нѣ
наптїе. = РМ 4/7//96/5.

40(39)/6. 183 об.–187 об.: Василия Великого. Оуже бѣ н о д̄сѣ въцѣа. =
РМ4/7//97/6.

41(40)/7. 188–190 об.: Василия Селевкийского. Мнѡга нѣкако ѣ брашнонь.
= РМ4/7//98/7.

42(41)/8. 190 об.–193 об.: Петра Антиохийского. Пандесатницѣ оубо праз-
никъ. = РМ4/7//99/8.

Неделя всех святых

43(42)/1. 193 об.–198: Иоанна Златоуста. Свѣтлаа н възжделѣнна ѣ въсѣгда.
= РМ4/7//101/1.

44(43)/2. 198–203 об.: Иоанна Златоуста. —неанже с̄ценное тръжьство. =
РМ4/7//102/2.

45(44)/3. 203 об.–213 об.: Льва императора. Прѣвъе с̄тго д̄ха празновааше
са. = РМ4/7 //103/3. **46(45)/4. 213 об.–217 об.:** Ефрема Сирина. Неразоумень н
ненадоуень. = РМ 4/7//104/4.

47(46)/5. 217 об.–246 об.: Филофея Коккина. Н еже словесн оубо ннако гаже
с̄ты. Без конца: зр̄ащюу нже по ѣствоу невнднаго, н чнстын // = РМ 4/7//105/5.

А.В. Духанина

ОБ ОДНОМ ПРИМЕРЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Изучение личности Сергия Радонежского, его значения и влияния на русскую историю, культуру, духовную жизнь ведется уже не одно столетие. Но тема эта поистине неисчерпаема, что еще раз подтвердили многочисленные научные события, приуроченные к 700-летию со дня рождения Сергия, которое отмечалось в России в 2014 г.

Основным источником наших сведений о преподобном Сергии является его Житие (далее – ЖСР) – уникальный памятник древнерусской литературы с чрезвычайно сложной текстологией.

Написанное древнерусским книжником Епифанием Премудрым, учеником преподобного Сергия, в 1418–1419 гг., спустя 26 лет после его смерти, Житие на протяжении трех веков неоднократно подвергалось редактированию. Созданный Епифанием текст не сохранился как самостоятельное произведение. В 40-е гг. XV в. к работе над Житием приступил сербский книжник, пришедший на Русь с Афона, Пахомий, известный под прозвищами Серб и Логофет, – его перу принадлежат несколько редакций Жития, споры о числе и взаимоотношениях которых продолжаются по сей день. В начале XVI в. на основе сохранившейся первой части Епифаниевской редакции и Пахомиевских редакций Жития была создана новая, компилятивная редакция, известная сейчас под названием Пространной. В XVII в. эту редакцию использовали троицкие книжники Герман Тулупов и Симон Азарьин при создании редакций Жития, дополненных новыми посмертными чудесами преподобного Сергия. В конце XVII в. еще одну редакцию на основе последней Пахомиевской создал Димитрий Ростовский. Кроме того, особые редакции Жития известны в составе разных летописных памятников [1]. При этом редакции ЖСР не только копировались книжниками и писцами, но и нередко подвергались редактированию.

Крайне сложная текстология памятника до сих пор остается малоизученной. Обобщающих работ по этой теме единицы [2]. Последней и наиболее полной из них на сегодняшний день является работа Б.М. Клосса, которая представляет собой лишь очередной, далеко не последний этап в изучении

текстологии Жития. В ней много неточностей и ошибок, но, главное, очень многое осталось вне поля зрения ученого.

Наибольший интерес у исследователей вызывает Пространная редакция ЖСР, так как именно она сохранила часть первоначального епифаниевского текста. Однако и эта редакция в текстологическом отношении все еще изучена слабо.

Считается, что Пространная редакция была создана в начале XVI в. [3]. Первая ее часть, включая Предисловие и первые 10 глав, до главы «О изведении источника», представляет собой текст Епифаниевской редакции (а точнее, тот ее вариант, который сохранился к началу XVI в.), вторая же часть – это компиляция глав из разных Пахомиевских редакций. При этом Пространная редакция неоднородна: относимые к ней списки с первой Епифаниевской частью различаются составом, последовательностью и редакциями включенных в них глав второй Пахомиевской части.

Системно к этой проблеме подошел впервые Б.М. Клосс, предложивший классификацию выявленных им 46 списков редакции из 5 видов: Основной, Волоколамский, Вятский, Минейный и Вяземский [4]. Однако им были указаны довольно размытые и даже противоречивые критерии выделения видов, а также неверно распределены некоторые списки по видам [5]. Исследование списков Пространной редакции позволило существенно уточнить классификацию Б.М. Клосса, добавив в нее и ряд новых списков, неизвестных ученому (см. таблицу 1). При этом, в частности, выяснилось, что несколько списков должны быть выделены в отдельные виды – в приводимой ниже таблице 1 они указаны в отдельных строках, без названия видов. Всего на данный момент известно 53 списка Пространной редакции ЖСР, и перечень этот, несомненно, будет пополняться.

В предложенной Б.М. Клоссом классификации (за редким исключением) не отражены взаимоотношения списков Пространной редакции. Очевидно, что такая классификация должна опираться на историю текста, которая остается практически не изученной.

Небольшому фрагменту этой истории и посвящена настоящая статья.

Среди списков ЖСР с первой Епифаниевской частью особое место занимают списки Вяземского вида Пространной редакции.

Вид этот был назван Б.М. Клоссом по списку Вяз. Q.273, который, по мнению ученого, является старшим списком данного вида и датируется 50-ми гг. XVI в., однако, по нашим наблюдениям, рукопись следует датировать 60-ми гг. XVI в. [7]. Кроме того, к этому виду должны быть отнесены и два более ранних списка, неизвестных Б.М. Клоссу (Пог. 755 и Арханг. Д.141 – см. ниже). Таким образом, название вида оказывается необоснованным [8].

На данный момент к Вяземскому виду могут быть отнесены семь списков, пять известных Б.М. Клоссу [9] и два неизвестных ему (см. таблицу 1). При этом списки Вяземского вида неоднородны, что Б.М. Клоссом отмечено не было, и их можно распределить по трем подвидам, проследив историю формирования каждого из них.

Таблица 1

**Уточненное распределение списков
Пространной редакции ЖСР по видам [6]**

Вид редак- ции, по Б.М. Клоссу	Списки
Основной вид	БАН П.І.А 38, кон. XVII в.; Солов. 10, нач. 20-х гг. XVII в. ГИМ Барс. 1442, кон. XVI в.; Син. 90, посл. четв. XVI в.; Син. 797, 1646 г.; Чуд. 307, 1599 г. РГАДА Ф. 196, Мазур. 662, сер. XVI в. РГБ Ф. 722, Единичн. 107, 40-е гг. XVII в.; ф. 173/І, МДА 50, нач. 20-х гг. XVI в.; ф. 173/І, МДА 88, нач. 20-х гг. XVI в.; ф. 173/І, МДА 146, втор. четв. XVII в.; ф. 173/І, МДА 208, 50-е гг. XVI в.; ф. 178, Муз. 3855, 1637 г.; ф. 304/ІІІ, Троиц. (ризн.) 21, 80-е – нач. 90-х гг. XVI в.; ф. 304/І, Троиц. 663, 60-е гг. XVI в.; ф. 304/І, Троиц. 698, 50-е гг. XVI в. РНБ ОЛДП. F.92, сер. XVI в.; *Пог. 756, кон. XVI – нач. XVII в.; F.I.278, 60-е гг. XVI в.; Q.I.69, 30-е гг. XVII в.
Минейный вид	ГИМ Епарх. 455, 50–60-е гг. XVI в.; Син. 174 (ВМЧ), нач. 50-х гг. XVI в. РГБ Ф. 209, Овчин. 259, нач. 40-х гг. XVII в.; ф. 292, Стро- ев. 29, 20-е гг. XVII в.
Волоколам- ский вид	ГИМ Епарх. 387, втор. пол. 20-х гг. XVI в.; Увар. 405 , 50-е гг. XVI в. РГБ Ф. 37, Больш. 421, 70–80-е гг. XVI в.; *ф. 98, Егор. 196, 1634 г.; ф. 228, Пискарь. 121 , 30-е гг. XVII в.; ф. 299, Тихонр. 412 , сер. XVII в.; ф. 310, Унд. 372 , перв. четв. XVII в. РНБ ОЛДП F.445, посл. четв. XVI в.; Сол. 997/1106 , 30– 40-е гг. XVI в.; *F.I.869, 40-е гг. XVII в. СПбИИ РАН *Ф. 238, Лих. 122, 40–80-е гг. XVI в.; ф. 115, Рукоп. 155 , сер. XVI в.
Вятский вид	БАН Вятск. 51, 20-е гг. XVII в. ГИМ Востр. 1006, втор. пол. 30-х гг. XVII в. РГБ *Ф. 98, Егор. 354, 40-е гг. XVII в.; ф. 113, Волок. 644 , втор. пол. 20-х гг. XVI в.; ф. 299, Тихонр. 427, сер. XVII в.
Вяземский вид	БАН *Арханг. Д.141, 30-е гг. XVI в. ГИМ Щук. 113, кон. 50-х – нач. 60-х гг. XVI в. РГБ Ф. 209, Овчин. 282, нач. 20-х гг. XVII в.; ф. 218, Рукоп. 422, 40-е гг. XVII в.; ф. 310, Унд. 370, 50-е гг. XVI в. РНБ Вяз. Q.273, 60-е гг. XVI в.; *Пог. 755, 40-е гг. XVI в.

	РНБ ОЛДП F.185 , 20–30-е гг. XVI в. РНБ *Пог. 824, кон. XVI – нач. XVII в.
	РНБ Пог. 822 , 1607 г.

Но сначала необходимо сказать несколько слов о Вяземском виде в целом.

Хотелось бы сразу заметить, что Вяземский вид, несмотря на свою специфику, явно взаимосвязан с другими видами Пространной редакции. Это следует из анализа разночтений, а также из наличия вставки из 4-й Пахомиевской редакции о 23-летнем возрасте пострижения Сергия, которая читается в составе Епифаниевской части во всех списках Пространной редакции ЖСР [10], в том числе и в списках Вяземского вида.

Важной особенностью этого вида, не отмеченной никем из исследователей ранее, является более дробное деление на главы Епифаниевской части, отличное от деления в списках остальных четырех видов (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Деление на главы Епифаниевской части
в разных видах Пространной редакции ЖСР [11]**

<i>Основной вид, Минейный вид, Волоколамский вид, Вятский вид</i>	<i>Вяземский вид</i>
Предисловие	Предисловие
«Начало житию Сергиеву»	«Начало житию Сергиеву»
«Яко от Бога дасться ему книжный разум, а не от человек»	«О учении грамоте»
«От юныя версты»	<i>Нет выделения в тексте</i>
«О преселении родителей святого»	«О преселении Кирилове» – <i>начинается выше по тексту, заголовок разрывает фразу</i>
<i>Нет выделения в тексте</i>	«О отшествии Сергиеве от мира на взыскание пустынного жития»
<i>Нет выделения в тексте</i>	«О Стефане»
«О пострижении его, еже есть начало чернечеству святого»	«О пострижении его, еже есть начало чернеческого жития»
«О прогнании бесов молитвами святого»	<i>Нет выделения в тексте</i>
<i>Нет выделения в тексте</i>	«О начале братства»
<i>Нет выделения в тексте</i>	«О поставлении игуменства Сергиева»

«О начале игуменства святого»	«О пришествии его в монастырь от града на власть»
«О Иване сыне Стефанове»	«О пострижении Феодорове»
«О изобилвании потребных»	«О изобилвании потребных»
<i>Нет выделения в тексте</i>	«О принесении хлеба и брашен»
«О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине» [12]	«О худости риз Сергиевых и о некоем поселянине»

В частности, текст, который в других видах Пространной редакции отнесен к главе «О преселении родителей святого», разделен в Вяземском виде на три главы: помимо главы «О преселении Кирилове» выделены также главы «О отшествии Сергиеве от мира на взыскание пустынного жития» и «О Стефане», сама же глава «О преселении...» начинается в Вяземском виде раньше, чем в других видах, причем заголовок разрывает фразу. Не выделены в отдельные главы в Вяземском виде главы, выделяющиеся во всех других видах Пространной редакции: «О прогнании бесов молитвами святого» и «От юныя версты».

Проблему деления Епифаниевской части Пространной редакции ЖСР на главы поднимал только В.М. Кириллин, который обратил внимание на случайный и, следовательно, по его мнению, поздний характер деления, а также указал, что заголовки не могут принадлежать Епифанию Премудрому, аргументируя последнее тем, что в списках Основного вида в заголовках Сергей называется святым, тогда как в тексте Епифаний, в отличие от Пахомия Сербя, его святым не называет [13]. Списки Вяземского вида В.М. Кириллин не исследовал, но если посмотреть на заголовки глав, то их на основании отсутствия эпитета «святой» можно было бы признать первичными. Однако деление на главы и в Вяземском виде едва ли является первичным. Скорее всего, ни один из дошедших до нас видов Пространной редакции не отражает собственно епифаниевского деления.

Вяземский вид противопоставлен остальным четырем видам Пространной редакции также составом, редакциями и последовательностью глав Пахомиевской части. В Основном, Минейном, Волоколамском и Вятском видах Пахомиевская часть основана на 5-й Пахомиевской редакции (несколько глав могут быть заменены на главы из 1-й и 4-й Пахомиевских редакций: об основании монастыря на реке Киржач, о Исакии молчальнике и о возвращении Сергия с Киржача), к ней добавлена глава, известная только в составе 3-й Пахомиевской редакции («О прозвитере и о мужи, бывших в Латинских странах») [14]. Специфика списков Вяземского вида в том, что основу Пахомиевской части в них составляет 4-я Пахомиевская редакция, отличающаяся от 5-й не только стилистически, но и порядком и составом глав (в 4-й Пахомиевской редакции отсутствуют главы о Голутвинском и Высоцком монастырях, «О лихоимце» и о преставлении преподобного Никона, которые имеются в 5-й Па-

хомиевской редакции; в отличие от 5-й Пахомиевской редакции, в 4-й глава о видении ангела, служащего с Сергием, следует за главой о видении святым птиц – в 5-й она помещена гораздо ниже, после главы «Начало Симоновского монастыря»; глава о видении божественного огня, наоборот, находится в 4-й Пахомиевской редакции выше, после главы о видении Богоматери, – в 5-й же после главы «О лихоимце»).

Вяземский вид, а точнее один из списков, к нему относящихся, – Унд. 370, чаще других видов Пространной редакции становился предметом изучения: его упоминает В.О. Ключевский, к нему обращались Н.С. Тихонравов, а затем Л. Мюллер. Что же вызвало такой интерес ученых?

Список Унд. 370, как и некоторые другие списки той же разновидности Вяземского вида, характеризуется дублированием ряда глав Пахомиевской части – дублируется, в частности, набор глав: об основании монастыря на реке Киржач, о Исакии молчальнике и о возвращении Сергия с Киржача. В первый раз эти главы даны в варианте, представленном в 4-й Пахомиевской редакции, без заголовков, а ниже (через 4 главы) – две главы в варианте из 1-й Пахомиевской редакции и глава «О приходе святого в монастырь» в варианте из 4-й Пахомиевской редакции, как в списках Основного вида Пространной редакции, откуда они и заимствованы (в результате глава о возвращении Сергия с Киржача дважды встречается в тексте в одной и той же 4-й Пахомиевской редакции). Таким образом, создатель этой разновидности Вяземского вида решил не выбирать между двумя встречающимися в Пахомиевских редакциях объяснениями ухода Сергия из Троицкого монастыря на Киржач и включить их оба, продублировав соответствующие главы, либо, что менее вероятно, это было сделано случайно. Дублируется также глава «О провидении еже посланных брашен», текст которой по 4-й Пахомиевской редакции был случайно скопирован перед главой о преставлении Сергия. Кроме того, были добавлены главы, отсутствующие в 4-й Пахомиевской редакции, но имевшиеся в Основном виде Пространной редакции (из 3-й и 5-й Пахомиевских редакций – см. выше).

Именно факт дублирования и обратил на себя внимание исследователей, попытавшихся выяснить, как образовалась эта разновидность текста и какое место среди других редакций ЖСР она занимает. Однако на ограниченном рукописном материале и без учета текстологических особенностей других видов Пространной редакции ЖСР выяснить это было невозможно, поэтому выводы оказались неверными.

Н.С. Тихонравов, к примеру, пришел к заключению, что список Унд. 370 является конгломератом глав из разных редакций, часть которых дублируется, и «представляет как бы черновой сборник выписок, может быть, назначавшийся для выработки новой редакции» [15].

Л. Мюллер, посвятивший этому списку отдельную статью, доказал, что он не может быть черновиком, и отнес его к особой редакции ЖСР, назвав ее редакцией F, автор которой руководствовался «стремлением к полноте», попытавшись включить в новую редакцию «весь известный нам состав повествовательного материала о жизни Сергия» [16]. При этом Л. Мюллер пола-

гал, что основной рукописью для составителя редакции F являлась рукопись 4-й Пахомиевской редакции, а Пространная редакция использовалась автором этой особой редакции F лишь в качестве дополнительной [17]. Этот вывод вызывает недоумение, учитывая, что первая часть взята именно из дополнительной Пространной редакции.

Б.М. Клосс, выделив Вяземский вид, отметил лишь, вслед за предшественниками, что он возник в результате соединения Пространной редакции с Синодальным видом 4-й Пахомиевской редакции, приведшего к дублированию отдельных глав [18].

Что же на самом деле представляет собой данная разновидность ЖСР и как она была создана?

Ответить на этот вопрос помогли обнаруженные нами два списка Пространной редакции с таким же делением Епифаниевской части на главы и с теми же особыми чтениями, что и в списках Вяземского вида с дублированием глав, но с особой Пахомиевской частью – взятой полностью из Синодального вида 4-й Пахомиевской редакции: Арханг. Д.141, 30-х гг. XVI в., и Пог. 755, 40-х гг. XVI в. [19]. Оба списка старше известных на сегодня списков Вяземского вида с дублированием глав (старший список с дублированием – Унд. 370, 50-х гг. XVI в.).

Очевидно, что Вяземский вид с дублированием глав возник на основе списка без дублирования, к которому были добавлены главы из списка Основного вида. Таким образом, он представляет собой контаминацию двух видов Пространной редакции, а не разных редакций ЖСР, как считалось ранее. Вкратце процесс его создания можно описать так. За основу был взят некий список вроде списка Арханг. Д.141 с первой Епифаниевской частью, характеризующейся особым делением на главы, и второй Пахомиевской частью, взятой из 4-й Пахомиевской редакции. Располагая также списком Основного вида Пространной редакции и видя, что он содержит больше глав, некий книжник решил создать более полную версию текста Жития, для чего в процессе работы переписывал текст последовательно то с одного, то с другого списка, причем некоторые главы по невнимательности, а другие, вероятно, сознательно были продублированы.

Помимо двух рассмотренных разновидностей Вяземского вида, существует третий вариант его текста, представленный списком Щук. 113, конца 50-х – начала 60-х гг. XVI в., который отнесен Б.М. Клоссом без каких-либо оговорок к Вяземскому виду. Между тем этот список характеризуется целым рядом отличий от других списков Вяземского вида и, прежде всего, в нем нет дублирования глав Пахомиевской части: главы об уходе Сергия на Киржач, об Исакии молчальнике и о возвращении Сергия с Киржача даны только один раз в той же редакции, что и в Основном виде, причем помещены там, где в Вяземском виде они в другой редакции, то есть переставлены. Кроме того, в этом списке отсутствует случайно продублированная в начале главы «О преставлении Сергия» глава о провидении брашен и переставлены некоторые другие главы («О преставлении преподобного игумена Никона», «О воине, избавленном от

поганных», «О прозвитере и о мужи, бывших в Латинских странах»). Таким образом, здесь имело место именно устранение дублирования. Эта разновидность Вяземского вида появилась так. Некий книжник, имея в своем распоряжении опять же два списка Пространной редакции – на сей раз Вяземского вида с дублированием глав и Основного вида, решил с опорой на список Основного вида отредактировать список Вяземского вида, убрав из него дублирование и переставив некоторые главы. Такое редактирование, по-видимому, объясняется тем, что составитель разновидности текста ЖСР, известной нам по списку Щук. 113, располагал неполным списком Вяземского вида с дублированием глав, в котором было утрачено начало: как показывают разночтения, Предисловие и первые 4 главы, вплоть до главы «О отшествии Сергиеве от мира...», в списке Щук. 113 взяты не из списка Вяземского вида, а из списка Основного вида. То есть составитель был вынужден привлечь к работе еще один список Жития, уже Основного вида Пространной редакции, взяв из него начало, а потом отредактировал по нему Пахомиевскую часть. Открытым при этом остается вопрос о том, почему в качестве основного списка был выбран неполный список Вяземского вида, если в распоряжении составителя имелся полный список Основного вида.

Изучение списков Вяземского вида показывает, что история текста Пространной редакции весьма непростая: списки разных видов оказывали влияние друг на друга, что приводило к появлению новых вариантов текста. К сожалению, этот процесс освещен пока слабо.

Рассмотренный материал обнаруживает одну интересную особенность работы книжников с Житием Сергия Радонежского, которая непосредственно связана с его историей создания и редактирования. Текст Жития был известен в разных редакциях и видах редакций, и практически в каждой скриптории имелось несколько разных его вариантов. Книжники, располагавшие такими разными вариантами текста, подчас по каким-либо причинам создавали на их основе новый вариант. Причем, как правило, речь идет именно о контаминации двух редакций или двух видов одной редакции путем добавления, удаления, замены или перестановки глав. Так, в рамках Пространной редакции выделяются 12 разновидностей текста [20], различающихся последовательностью, составом и редакциями глав Пахомиевской части. То же самое можно сказать и о других редакциях. Б.М. Клосс, например, выделяет списки, которые он относит к соединению 4-й и 5-й Пахомиевских редакций, к компиляциям 1-й и 4-й, 3-й и 4-й Пахомиевских редакций, промежуточные варианты в рамках 4-й Пахомиевской редакции и другие. Все они еще ждут своего детального исследования. Наличие их говорит о том, что в результате создания Пахомием Сербом нескольких редакций ЖСР и существования части Епифаниевской редакции в руках у древнерусских книжников XVI–XVII вв. **оказался** своеобразный конструктор, пользуясь которым они могли создавать разные варианты текста Жития, что они с успехом и делали.

Хотелось бы подчеркнуть, что любой фрагмент истории Жития Сергия Радонежского интересен и заслуживает специального изучения, так как пред-

ставляет собой один из элементов сложной картины истории этого постоянно редактировавшегося на протяжении нескольких веков памятника, над воссозданием которой еще предстоит работать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Согласно Б.М. Клоссу, можно говорить об особых редакциях Летописного свода 1518 г., Никоновской летописи, Степенной книги, свода 1560 г., «Русского временника», Патриаршего свода 70-х гг. XVII в. (*Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 256–267.*)

2. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1971; *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892; *Яблонский В.[М.]* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. **Житие Сергия Радонежского. М., 1998.** Еще ряд работ посвящен отдельным вопросам текстологии ЖСР (см., например: *Зубов В.П.* Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 145–158; *Кириллин В.М.* Епифаний Премудрый как агиограф Сергия Радонежского: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 264–275; *Кучкин В.А.* О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002. С. 96–107; *Духанина А.В.* К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 5–19; *Шибяев М.А.* Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 290–319; и др.).

3. См.: *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 213.

4. Там же. С. 213–222.

5. См. подробнее: *Духанина А.В.* К вопросу о классификации списков Пространной редакции Жития Сергия Радонежского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 52–54.

6. Полу жирным шрифтом даны те списки, которые были ошибочно отнесены Б.М. Клоссом к другому виду; звездочкой помечены списки, которые остались Б.М. Клоссу неизвестны. В таблице 1 не указаны два пока не исследованных нами списка, отнесенных Б.М. Клоссом к Основному виду Пространной редакции: Центральной научной библиотеки НАН Украины, собр. Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, № 29, 40-е гг. XVI в.; МГУ, № 1306, перв. пол. XVII в. (данные Б.М. Клосса), а также список РНБ, Q.I.346, трет. четв. XVII в., который в действительности является списком редакции Симона Азарьина. Датировки списков приведены по работе Б.М. Клосса (*Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 213–222*), за исключением неизвестных ему списков, а также списков МДА 50, МДА 88, Вяз. Q.273 (указанные для них датировки определены или уточнены нами по филиграммам рукописей).

7. Б.М. Клосс указал лишь одну филигрань рукописи (причем встречающуюся не на тех листах, на которых находится список ЖСР, занимающий л. 126–247 об.): «Сфера под лилией и литеры I и В – Брике, № 14056 (1548–1552 гг.)» (*Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 221*). Между тем бумага рукописи содержит 5 филиграней с вариантами: 1) л. 3–125, 148–184 – Сфера под звездой и литеры М и I (два варианта), наиболее близкий вариант *Брике*, № 14058 – 1565 г. (лите-

ры I и С); 2) л. 126–147, 185–265 – Сфера под звездой (два варианта), типа *Лихачев*, № 1837, 1838 – 1558 г.; 3) л. 266–344 – Сфера под звездой (середина знака уходит в корешок и не видна), близка к *Лихачев*, № 1839 – 1562 г.; 4) л. 345–388, вперемежку с филигранью № 5 – Сфера под лилией и литеры I и В, *Брике*, № 14056 – 1548–1552 гг.; 5) л. 345–388, вперемежку с филигранью № 4 – Сфера под звездой, типа *Лихачев*, № 2948 – 1561 г.

8. Следует отметить, что столь же необоснованными оказываются названия Волоколамского и Вятского видов, названных по спискам Волок. 644 и Вятск. 51 соответственно (см. таблицу 1). Тем не менее при указании редакций и видов редакций ЖСР мы будем использовать терминологию Б.М. Клосса, классификация которого является последней и наиболее полной.

9. Б.М. Клосс относит к Вяземскому виду также список Пог. 822, который к этому виду не относится: Елифаньевская часть в нем восходит к списку Основного вида, а Пахомиевская часть основана на 5-й Пахомиевской редакции, в отличие от списков Вяземского вида.

10. Исключение составляют списки ОЛДП F.185 и Пог. 824, которые требуют отдельного изучения.

11. В таблице 2 указаны заголовки глав Основного вида. В отдельных списках Минейного, Волоколамского и Вятского видов они могут немного отличаться. В списках Волок. 644, Епарх. 387, ОЛДП F.445 обнаруживается частичное сходство в делении на главы со списками Вяземского вида, что позволяет предположить их взаимосвязь.

12. В списках Волоколамского и Вятского видов эта глава помещена после глав Пахомиевской части «О изведении источника», «О воскрешении отрока молитвами святого», «О беснующемся вельможе» и о видении птиц и обещании процветания монастыря.

13. *Кириллин В.М.* Епифаний Премудрый как агиограф Сергия Радонежского: проблема авторства. С. 265–268.

14. О вариантах Пахомиевской части в Основном, Волоколамском и Вятском видах Пространной редакции см. подробнее: *Духанина А.В.* К вопросу о классификации списков Пространной редакции Жития Сергия Радонежского.

15. *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. II. С. 204.

16. *Мюллер Л.* Особая редакция Жития Сергия Радонежского // Записки Отдела рукописей. Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1973. Вып. 34. С. 88.

17. Там же.

18. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 221.

19. Интересно, что Б.М. Клосс при характеристике Вяземского вида назвал в качестве одного из его источников именно Синаодальный вид 4-й Пахомиевской редакции, хотя указанные им особенности этого вида (см.: *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 180) в списках Вяземского вида с дублированием глав отсутствуют (там нет глав, в составе которых они отмечены, или соответствующие главы даны в другой редакции). Однако эти особенности (в частности, дата смерти Никона Радонежского) есть в неизвестных Б.М. Клоссу списках Вяземского вида без дублирования – Пог. 755 и Арханг. Д.141.

20. Б.М. Клосс группирует их всего в 5 видов.

А.Е. Жуков

СВОД 1560 г. И РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ РУБЕЖА XV–XVI ВЕКОВ*

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01017 «Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской академии наук: исследование и подготовка каталога»

Свод 1560 г. – памятник русского летописания второй половины XVI в. Это одна из крупнейших исторических компиляций своего времени. Два его списка содержат текст с 6897 г. Это рукописи РГБ, Ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева) № 255 [1] (Румянцевский список; нет окончания, повествование завершается 1558 г.) и РГАДА, Ф. 181 (собр. МГАМИД) № 11 [2] (Архивский список; текст завершается 1560 г.). Обе датируются рубежом XVI–XVII вв. [3]. Первоначально текст в этих рукописях не отождествлялся. Обнаружил, что в них отразился один и тот же памятник, Б.М. Клосс. Исследователь также указал на другие списки Свода 1560 г. и высказал мнение, что к нему в части с 1518 по 1560 г. восходит Львовская летопись [4]. Нами было проведено текстологическое изучение списков Свода. Первоначальный текст памятника не сохранился. Было установлено, что в Архивском списке отразилась особая редакция памятника с некоторыми дополнениями и сокращениями [5].

Вопрос об источниках Свода 1560 г. рассмотрен нами в отдельной статье [6]. На всем протяжении до 1533 г. памятник является компиляцией Никоновской и Воскресенской летописей, дополненной по другим источникам. Один из них относится к той же группе, что и Софийская II, и Львовская летописи (далее – СП-Львов.). Последние два памятника, по мнению исследователей, восходят к общему протографу – Своду 1518 г. [7]. В Своде 1560 г. из источника, близкого к СП-Львов, были заимствованы как пространственные летописные известия, так и незначительные вставки. Перечисление этих известий содержится в нашей статье [8], что позволяет нам не приводить их подробный перечень в настоящей работе.

Мы пришли к выводу, что известия Свода 1560 г. не восходят ни к Софийской II, ни к Львовской летописям, ни к их общему протографу. Источник Свода 1560 г. содержит множество более исправных чтений по сравнению с этими памятниками. Прежде всего, рассмотрим комплекс известий о Ферраро-

Флорентийском соборе. Только в Своде 1560 г. и СП-Львов. читаются ответное послание Василия II и грамота папы польскому королю, что свидетельствует об использовании в данном фрагменте источника группы СП-Львов. Однако в Софийской II и Львовской летописях, а следовательно, в их общем протографе имеется лакуна. В тексте послания Василия II в Константинополь отсутствует фрагмент между словами «исповедания Божиим смирением конец приаша» и «и еже о нем Божественаго и священнаго собора» [9]. В Своде 1560 г. этот фрагмент читается, хотя и в сокращенном виде [10].

По всей видимости, к источнику, близкому к СП-Львов., восходит известие о походе Ивана III к Новгороду «миром». Такой же текст присутствует в Московском своде конца XV в. В Своде 1560 г. читается текст, отсутствующий в Софийской II и Львовской летописях: «А отто внука его Ивана Дмитриева сына Исакова, 20 караблеников да 2 бочки вина красного. Генваря в 2 день пир у Офонася у Груза, даров 30 зо[ло]тых кораблених, 3 потстава сукна ипсково» [11]. Этот фрагмент читается в Московском своде конца XV в. [12]. Следовательно, он присутствовал в известии первоначально. Таким образом, Свод 1560 г. содержит более исправный текст по сравнению с СП-Львов.

Рассмотрим также известие о свадьбе сына Василия Темного Ивана и дочери Бориса Тверского Марии. В Никоновской и Воскресенской летописях оно излагается так: «Пришедшу же ему в Тверь и князь велики Тверский дал ему у себе опочинути и честь велику въздасть ему и дары многы. Князь же великий Василей Васильевич обручал тогда за болшаго сына своего за князя Ивана, дщерь великого князя Бориса Марью. Мнози же бояре с многими людьми приидоша к великому князю в Тверь» [13]. Идентичный текст читается в Софийской II летописи [14]. В Львовской летописи читается другой вариант этого известия: «Князь же Борис Александрович рече великому князю: “Жени у меня сына своего Ивана; а не женишь, и яз тебя выдам опять князю Дмитрею”. Он же неволею обруча дщерь Марию у князя Бориса у Олександровича за сына своего за князя за Ивана, иже после отца седе на великом княжении» [15]. Согласно данной версии, Борис Тверской не договорился о свадьбе с Василием Темным, а фактически вынудил московского князя пойти на этот шаг, чтобы спастись от преследования Дмитрия Шемяки. Версия Свода 1560 г. представляется нам своего рода соединением двух этих вариантов. Начинается фрагмент также, как в Никоновской, Воскресенской и Софийской II летописях: «И пришедшу же ему во Тверь. И князь великий Тверский даде ему у себя опочинутися и честь велику въздаде ему у себя и дары многи» [16]. Далее следует продолжение: «По сих же глагола князь великий Борис Александрович Тверский великому князю Василию Васильевичю: “Аще возьмеша тщерь мою за сына своего за князя Ивана, то яз буду с тобою на Шемяку за един. Аще ли ни, то яз не помогаю”» [17]. С точки зрения описания событий текст Свода 1560 г. ближе к Львовской летописи, однако ее крайне резкие акценты существенно смягчены.

Последние обращения к источнику типа СП-Львов. в Своде 1560 г. относятся к 80-м гг. XV в. (известия под заголовками: «Совершена трапеза на Си-

манове» [18], «Заложен погреб на Казеном дворе» [19], «Володимир Ховрин заложил полату и ворота» [20], «Заложены полаты Образцовы» [21]). В изложении событий после 6996 г. этот источник не привлекался. В последнем известии, заимствованном из него, повествуется о московском пожаре 6996 г. В Своде 1560 г. читается: «Того же месяца в 13 день на 9-м часу дни загореса на посаде церковь Благовещенье на Болоте и от того погоре от города Кулишки до всех у святых до Покрова в садах да по Неглинну, да по Устретение, что на Кучкове поле да по Златауст и по все святые, что на Кулишках и по Васильевской луг и по реку Москву и мосты три у Фроловских ворот и пушешная изба. И церквей згорело тогда 42» [22]. Первая часть данного известия дословно совпадает с Воскресенской и Никоновской летописями, которые служили составителю Свода 1560 г. основными источниками [23]. Выделенный фрагмент заимствован из СП-Львов. [24].

Еще раз подчеркнем, что текстологический анализ этих известий позволяет предположить, что при создании Свода 1560 г. были использованы не Львовская и не Софийская II летописи. Свод 1518 г. не мог привлекаться в том варианте и по тому списку, который использовался в Софийской II и Львовской летописях. Можно предположить, что источником Свода 1560 г. стал один из памятников, использованных при создании Свода 1518 г., написание которого относят к 80-м гг. XV в. Гипотезу о его существовании выдвинул А.Н. Насонов. Исследователь обратил внимание на то, что в СП-Львов. присутствует ряд оригинальных известий, которые не читаются в других летописях. Прерывается эта цепочка уникальных сведений на 80-х гг. XV в. По мнению А.Н. Насонова, этот летописный свод был создан в окружении митрополита Геронтия около 1489 г. [25]. По мнению Я.С. Лурье, текст был составлен в 80-е гг. XV в., но уже после 1483 г., к которому относится последнее уникальное известие СП-Львов. [26]. Б.М. Клосс и В.Д. Назаров связывают создание этого Свода с Успенским собором Московского кремля [27]. Обоснованная гипотеза об авторе Свода 1480-х гг. была выдвинута С.Н. Кистеревым. По мнению исследователя, его составителем был священник церкви Иоанна Лествичника Кифа-Петр [28]. Оригинальные известия СП-Львов. отразились также в Своде 1560 г. Это, например, известия о том, что Борис Тверской принудил Василия II к свадьбе детей, статьи о походах на Вятку, повествование об опале митрополита Ионы на Феодосия Бывальцева, сведения о поведении под Алексинем Ивана Беклемишева и др.

В Своде 1560 г. присутствуют также известия, которые встречаются не только в СП-Львов., но и в источниках этой группы летописей. В первую очередь речь идет о дополнительных статьях известий о Ферраро-Флорентийском соборе. Эти известия в СП-Львов., по мнению Я.С. Лурье, были заимствованы из Московского летописного свода. Послания Василия II и Папы Римского исследователь возводит к материалам митрополичьего архива [29]. К Московскому своду можно также возвести известия о походе Ивана III в Новгород. По мнению Я.С. Лурье, известия проникли в СП-Львов. из Московского летописного свода. Однако исследователь не приводит аргументов против того,

что указанные статьи могли быть включены уже в Свод 1480-х гг., а оттуда перешли в Свод 1518 г. Поэтому заимствование данных известий в Своде 1560 г. не противоречит гипотезе о том, что они читались уже в источнике Свода 1518 г.

Использование Свода 1480-х гг. в Своде 1560 г. вполне возможно. Нет оснований полагать, что в СП-Львов. из него были заимствованы только уникальные известия. Последние статьи Свода 1560 г., сходные с Софийской II и Львовской летописями, относятся как раз к 80-м гг. XV в. Однако это не является аргументом, который бы подтверждал использование именно Свода 1480-х гг., а не какого-либо другого памятника. Установить, к какому источнику восходят рассматриваемые заимствования в Своде 1560 г., можно, только сопоставив его с другими памятниками, которые лежали в основе Свода 1518 г. Чтобы очертить круг этих произведений, обратимся к историографии.

Б.М. Клосс и В.Д. Назаров, рассматривая источники СП-Львов., определили, что не все известия, оригинальные для них, имеют единое происхождение. Исследователям удалось выявить источник заимствования некоторых известий, которые ранее считались оригинальными и определялись как фрагменты Свода 80-х гг. XV в. Это поздняя сокращенная летописная компиляция РГБ, ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева) № 253. Ее источниками, по мнению исследователей, были Ермолинская, Софийская I и летопись типа Троицкой. Оттуда в СП-Львов. попали некоторые известия, ранее считавшиеся уникальными [30]. В частности, из данного летописца в Свод 1518 г. попал оригинальный текст о взятии Царьграда турками. Следовательно, его источником в СП-Львов. послужил не Свод 1480-х гг., а другой памятник. Данное известие о взятии Царьграда присутствует в Своде 1560 г. [31], что свидетельствует об использовании не самого Свода 1480-х гг., а памятника, в котором с последним были уже соединены сведения из других источников.

Кроме того, исследователями было отмечено, что последняя часть Уваровской летописи, начиная с 80-х гг. XV в., сходна с СП-Львов. По мнению Б.М. Клосса и В.Д. Назарова, в ней отразилась первая редакция Свода 1518 г. Вторая редакция, которая содержится в СП-Львов., была дополнена известиями, заимствованными из ряда источников: Московского свода конца XV в., Сокращенного свода 1491 г., материалов митрополичьего архива и оригинального источника [32].

Итак, если правы Б.М. Клосс и В.Д. Назаров, то к Своду 1480-х гг. обратился составитель второй редакции Свода 1518 г. В первой редакции, отразившейся в Уваровской летописи, этих известий не было. Если составитель Свода 1560 г. использовал не Свод 1518 г., а данный источник, в нем не должно быть известий, которые читаются в первой редакции Свода 1518 г. Однако такие известия есть. Приведем два примера. Оба известия расположены под 6993 г. Первое повествует о расторжении мира с великим князем Михаилом Тверским. Оно читается в Своде 1560 г., Львовской летописи, Уваровской летописи и Академической редакции Типографской летописи.

Свод 1560 г. (РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3)	Львовская летопись (ПСРЛ. Т. 20)	Уваровская летопись (ПСРЛ. Т. 28)	Типографская летопись (ПСРЛ. Т. 24)
<p>Тое же зимы князь великий Иван Васильевич всея Руси разверже мир с великим князем Михаилом Борисовичем Тверским <u>о том</u>, что жениться великому князю Михаилу у короля и крест на том целовал. И посла к нему князь великий: сложи кресное целованье и места порубежные велел воевати. И князь велики Михаил Борисович Тверский присла владыку Тверскаго и доби челом великому князю Ивану Васильевичю всея Руси по его воле и братом не зватися ему, но молотший брат, а что зовет князь велики земли своими землями и Новоторжскими и те земли великому князю, а куда поиде князь велики ратью и ему с ним же ити за один (л. 132–132 об.)</p>	<p>Тое же зимы разверже мир князь великий с Тверским великим князем Михаилом Борисовичем <u>о том</u>, что жениться ему у короля и целова ему. И посла князь великий, и сложи целованье, и посла рать порубежную, и повеле воевати. И князь великий Михаило Борисовичь Тверский присла владыку и доби ему челом на всей воле его: не зватися ему братом, но младший брат; а что назовет князь великий земли своими землями и Новоторжскими, а те земли князю великому; а куда поидеть князь великий ратью, и ему с ним же ити за один (с. 351)</p>	<p>Тое же зимы разверже мир князь великий с тверским великим князем Михаилом Борисовичем <u>про то</u>, что жениться ему у короля, и целова ему. И посла князь великий, сложи целованье, и посла рать порубежную, повеле воевати. И князь великий Михало Борисовичь Тверский присла владыку и доби ему челом на всей воли его, не зватися ему братом, но младший брат; а что назовет князь великий земли своими землями и новоторжскими, а те земли князю великому; а куда поидет князь великий ратию, и ему с ним же ити за один (с. 317)</p>	<p>Тое же зимы разверже мир князь великий с Тверским князем Михаилом Борисовичем <u>про то</u>, что жениться ему у короля и целовав ему. И посла князь великий и зложи целование и посла рать порубежную, повеле воевати. И князь великий Михаило Борисовичь Тверский и присла владыку и доби ему челом и на всей его воли, не зватися ему большим, но молотшой брат, а что назовет князь великий своими землями и Новоторжскими, а те земли князю великому, а куда поидет князь великий ратью, а ему с ним (с. 235)</p>

Второе известие повествует об изъятии у тверского гонца грамот.

Свод 1560 г. (РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3)	Львовская летопись (ПСРЛ. Т. 20)	Уваровская летопись (ПСРЛ. Т. 28)	Типографская летопись (ПСРЛ. Т. 24)
Того же лета выняша у тверскаго гонца грамоты, что послал его князь великий тверский в Литву х королю с теми грамотами. И князь Михайло Тверский посылал х королю с теми грамотами и князьми. Михайло Тверский <u>посылал</u> к великому князю Ивану Васильевичю бити челом владыку своего и потом присылал к великому князю князя Михаила Холмского. Князь же великий не прият челобитья (л. 133 об.)	Того же лета вынели у гонца у Тверского грамоты, что посылал в Литву х королю; князь же великий велми поношая ему, он же <u>посла</u> владыку бити челом, князь же великий не прият челобитья его; потом же князь Михайло Холмский приездил из Твери и дядька его; и князь великий на очи не пустил, а рать нача збрати на Тверского (с. 352)	Того же лета выняли у гонца у тверского грамоты, что посылал в Литву к королю. Князь же великий велми поношая ему. Он же <u>присла</u> владыку бити челом. Князь же великий не прият челобитиа его. Потом же и князь Михайло Холмский приездил из Твери и дядка его; и князь великий и на очи не пустил, а рать нача збирати на тверского (с. 318)	Того же лета вынял у Тверского гонца грамоты, что послал в Литву х королю, князь же великий велми поноша ему. Он же <u>присла</u> владыку бити челом, князь же великий не прият челобитья. И князь Михайло Холмский приездил из Твери, и дядька его приездил, и князь великий на очи его не пустил. Князь же великий нача збирати рать на Тверь (с. 236)

В приведенных фрагментах текст в Архивском списке Свода 1560 г. содержит некоторые отличия от других памятников. В двух случаях известия ближе к Львовской летописи текстологически. В тексте о расторжении мира с Михаилом Тверским в Своде 1560 г. и Львовской летописи (Своде 1518 г.) читается «о том», в то время как в Уваровской летописи и Типографской летописи – «про то»; в известии об изъятии у тверского гонца грамот приводится чтение «посылал»/«посла» вместо «присла».

Итак, в Своде 1560 г. отразились известия первой редакции Свода 1518 г. (Уваровской летописи), при составлении которой еще не привлекался Свод 1480-х гг. Кроме того, текст Свода 1560 г. в отдельных чтениях ближе не к Уваровской летописи, а к СП-Львов. Следовательно, составитель Свода 1560 г.

обращался ко второй редакции Свода 1518 г., близкой к Софийской II и Львовской летописям, но список, который находился в его руках, был более исправным, чем их оригинал.

Высказанные соображения носят предварительный характер. Определить источник Свода 1560 г., из которого были заимствованы известия СП-Львов., с полной достоверностью будет возможно только после досконального изучения русского летописания рубежа XV–XVI вв. В настоящей статье для нас важно было обратить внимание на то обстоятельство, что Свод содержит ценный материал для проведения подобного исследования. Выявление новых источников, которые бы помогли установить взаимоотношения между летописными памятниками конца XV – начала XVI вв., представляется нам важнейшей задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 450.

2. Рукопись была введена в научный оборот А.Е. Пресняковым (см.: Пресняков А.Е. Архивский летописец // Памяти Л.В. Майкова. СПб., 1902. С. 1–14).

3. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 203–204.

4. Там же. С. 199–205.

5. Жуков А.Е. «Летописец начала царства» в составе Свода 1560 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. СПб., 2014. С. 62–73.

6. Жуков А.Е. К вопросу об источниках Свода 1560 г. // Историческое повествование в средневековой России: К 450-летию Степенной книги (Материалы всероссийской научной конференции). СПб., 2014. С. 126–187.

7. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 223–228.

8. Жуков А.Е. К вопросу об источниках Свода 1560 г. ... С. 160–172.

9. Софийская II летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 97; Львовская летопись // ПСРЛ. М., 2005. Т. 20. С. 253.

10. В Своде читается текст: «Покояния же плода недоспеша принести согрешения своих, иже им духовни отцы заповедаша очисщением мук очистятца по смерти. Мы же по святым правилом собравше во отечестве нашем Русстей земле собравше боголюбивая епископы отечества нашего по благодати святого Духа избравше кого человека добра мужа духовна верою православна да поставят нам митрополита на Русь, понеже преже сего за нужу поставление в Руси митрополитом бывало, а мы о всем хощем преизначальства нашего православнаго хрестьянства посылание и совопрошание и любовь святым ти царством от святейшего патриарха благословения и молитвы

требовати хошем, и желати донеле же Бог благоизволит и земля наша доколе имет стояти никако же не имат от вас разлучено быти, наше православное крестьянство до века просим же о семъ святое ти царство соизвещанием о всем со чеснейшим вашим писанием и отпустите к нам сих послов неиздержно да услышавши о здравии и о благопробывании свягата ти царства возвеселимся духовне все Господа и ныне и присно и во веки веком. Аминь» (РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 101 об.–102; РГБ. Ф. 256. № 255. Л. 269 об.–270). В самом Послании читается более пространнй текст: «И покаания плоды не доспеша принести о согрешениих своих, о них же им духовнии отцы заповедаша, и таковии очищением мук очистятся по смерти и прочая. Сам же убо Исидор во своих ему когда грамотах, идеже посылая писаше, нарицаа себе легатоса от ребра апостольска седалища Лятыскаго и Литовьскаго и Немецкаго, и запечатляше писания своя зелеными запечатленми, и пред собою повелеваше распятие латынски изваянно носити, обе нозе единемъ гвоздемъ пригвоздене, по всему Латынские обычая восприим держаше; еще же и в две церкви, нашаия убо православныя и Латынския, еже в Лятыской земли и в Литовьской и в Немецкой, от папы благословение прият, рече, учителем и настоятелем себе называше, злочестиве двоеженствуя; еще же и помяновение папина имени в святей нашей съборней и велицей церкви в служении своем сътвори; к сему же пода и поработи нас под отлученную, многих ради ересей, святыми и богоносными Отцы Римскую церковь и Римскаго папу — еже добре весть святейшее ваше владычество, яко преже многих лет не имеет совокупления и приобщения Римскаа церкви и Римский папа и прочее все еже под ним Латынство с четырьми святейшими патриархи; надо всеми же сими сътвори всему нашему православному христианству отца и учителя, и всемъ церквам главу, пасти и рядити и пещися всеми церквами, и на всех концех вселенныя имети его перваго, неистинне и неправедне называюще его в писании оном наместника блаженному и верховному апостолу Петру. Не токмо же до сего сътвори, но и ина многая странна и чюжа от православныя христианския веры внесе в наше православие, их же и писахом zde. Мы же убо сиа слышавше и видевшe, подвигохомся преже, потом же надежю възложивше на неизреченныа судьбы Божия и благодаривше человеколюбие его, созвахом боголюбивыа епископы отечества нашего, елицы обретошася в тое время близ нас ростовскаго Ефрема, суздальскаго Авраамия, рязанскаго Иону, коломенскаго Варлама, сарайскаго Иова, пермскаго Герасима, такоже и архимандритов и игуменов и прочих священноиноков и иноков земля нашаа немало, и повелехом им възрети в таа божественнаа и священаа правила святыа Апостол и богоносных Отец, еже прияхом от святыа великия сборныа апостольския Божия церкви Гречьския вашего истиннаго православия, и тое принесенное его от папы послание повелехом прочитати намнозе; и явися всем нашим боголюбивым епископом русьским, и честнейшим архимандритом и преподобным игуменом, и прочим священноиноком и иноком, и всему нашему православному христианству, яко чюже есть и странно отъ Божественных и священных правил Исидорово все дело и прихождение. И того ради послахом к святому царю и к святейшему ти владычеству, и ко всему Божественному и священному събору послов наших, а с ними послахом и тое писание папино писано по-латыне и по вашей гречьской грамоте, еже принесе к нам Исидор за папиною печатию. И просим святейшее ти владычество да с святым царем и со всем божественным и освященным събором възревше в святаа ваша и Божественнаа правила Гречьскаа и во оно папино послание, и разсудивше, и за нужю далечнаго и непроходнаго путешествия, и за нахождение на наше христианство безбожных Агарян, и за неустроение и мятежи еже в окрестных нас странах и господарей умножения, свободно нам сътворите в нашей земли поставление митрополита;

еще же и за сию нужю, яко и духовная дела вся каждому православному христианину, и наша съкровеннаа, а господскаа потребнаа словеса и дела нужно нам делати с митрополитом, толкованно младыми человеки, от них же лепо есть что таити, и тии преже инех уведают. И того ради просим, послете к намъ честнейшее ваше писание, яко да помощию Божию и благодатию святаго Духа споспешением святаго ти царства и благословением святейшаго патриарха» (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I: 1334–1598. СПб., 1841. С. 74–75).

11. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 74 об.–75; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.; Л., 1948. Т. 25. С. 307.

12. Использование самого Московского свода маловероятно, поскольку не удалось выявить других случаев обращения к этому памятнику.

13. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 8. С. 119; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 71–72.

14. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 118–119.

15. ПСРЛ. Т. 20. С. 261.

16. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 2. Л. 123.

17. Там же.

18. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 132 об.; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 320; ПСРЛ. Т. 20. С. 351.

19. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 133; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 320; ПСРЛ. Т. 20. С. 351.

20. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 133 об.; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 321; ПСРЛ. Т. 20. С. 352.

21. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 135; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 321; ПСРЛ. Т. 20. С. 352.

22. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 3. Л. 136.

23. ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ПСРЛ. Т. 12. С. 219.

24. ПСРЛ. Т. 20. С. 353.

25. *Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII серия. Л., 1930. № 9. С. 714–721.

26. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи ... С. 237.

27. *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство. М., 1984. С. 305.

28. *Кистерев С.Н.* Эпизод истории частного московского летописания XV в. // Летописи и хроники (2008). М.; СПб., 2008. С. 171.

29. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 229–234.

30. См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 154–155; *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. ... С. 303.

31. РГАДА. Ф. 181. № 11. Т. 2. Л. 165 об.–166.

32. *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. ... С. 305.

Т.Г. Казанцева

**К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ
ПЕВЧЕСКОГО СБОРНИКА ИЗ «СОБСТВЕННОГО СОБРАНИЯ
СТАРОПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ КНИГ
С.Ф. СЕВАСТЬЯНОВА»**

В коллекции крюковых певческих книг ГПНТБ СО РАН особое место занимает кодекс, хранящийся под шифром Q.I.5. Созданная в XVI в., эта рукопись является одной из наиболее древних в собрании библиотеки и по объему певческой информации качественно превосходит все остальные музыкальные памятники. По уровню профессионализма почерков, которыми написаны вербальный и невменный тексты, а также по характеру внутреннего декора она, несомненно, выходит за рамки рядовых явлений древнерусской певческой книжности.

Сам факт наличия певческого кодекса столь высокого уровня в региональном собрании позднего формирования уникален. К сожалению, история его появления в фондах ГПНТБ СО РАН в настоящее время не может быть восстановлена в полном объеме. Информация, содержащаяся в опубликованных источниках [1], картотеке и инвентарных книгах Отдела редких книг и рукописей, а также приметы самого экземпляра, прежде всего, владельческий штамп на первом сохранившемся листе: «Собственное собрание старопечатных и рукописных книг Стефана Федоровича Севастьянова № 37», указывают только на то, что данная рукопись не бытовала на территории Сибири, а была приобретена, скорее всего, непосредственно у сына С.Ф. Севастьянова – Михаила Стефановича, известного старообрядческого деятеля, собирателя древней книжности [2].

Обратимся далее к характеристике самого кодекса. Формат рукописи – 4° (22×15,8); ее объем – 932 л. С учетом утраченных первых тетрадей и нескольких тетрадей после шестой, следует предположить, что первоначально книжный блок составляли более тысячи листов. Такой необычно большой для древнерусских певческих книг объем обусловлен содержанием сборника, которое охватывает практически полный репертуар знаменного распева, сложившийся к моменту создания рукописи. В ее состав вошли ирмосы канонов воскресных и праздничных с розниками [3], начальный фрагмент Обихода, Октоих полно-

го состава, светильны, богородичны и стихиры Евангельские, богородичны и крестобогородичны из Октоиха и Минеи, Стихирари минейный и триодный, стихи покаянные, дополнительная подборка стихир различным праздникам и памятям, не вошедших в основной раздел Минейного стихираря.

Переплет – доски в коже. По неустановленным пока причинам (вероятно, из-за прежних реставраций) существует значительное превышение объема книжного блока относительно переплета. Это привело к разрыву кожи корешка и отрыву нижней крышки, а также к частичному разрушению книжного блока: его начальные листы представляют собой разрозненные тетради, хранящиеся отдельно. Тем не менее бумага рукописи хорошо сохранилась, листы чисты, чернила не смыты и не повредили бумагу. Все это наводит на мысль о том, что рукопись не использовалась на клиросе, а служила каким-то иным целям, например, была образцовой.

Оформление певческой книги в целом довольно аскетично (киноварные заглавия и инициалы), однако на листах 211 и 738 (в начале Минейного и Триодного стихирарей) размещены мастерски выполненные заставки и «цветки» на полях в красках и золоте; золотом поверх киновари также выписаны вязь и последующий текст развернутых названий разделов. На предшествующих листах сделаны прорезы квадратной формы, заклеенные тонкой материей желтого и бордового цветов для лучшей сохранности красок и золота (см. рис.).

Вербальный текст песнопений выписан мелким каллиграфическим полууставом. Над рукописью работали несколько писцов, границы их почерков преимущественно совпадают с границами вошедших в состав сборника певческих книг. Очевидно, что тексты составляющих основу сборника Стихирарей минейного и триодного (л. 211–900) написаны одной рукой; предшествующие им Ирмологий (л. 1–46) и Октоих (л. 50–164) демонстрируют еще два разных почерка. Разделы светильнов и евангельских стихир, богородичнов, покаяннов и дополнений к Стихирарю написаны близкими между собой, но отличающимися от основных почерками. Возможно, они принадлежат одной руке, за исключением почерка раздела светильнов и евангельских стихир (л. 170–182), который крупнее остальных. Расположение строк гимнографического текста предоставляет достаточный простор, позволяющий писцам крюков в значительной мере избежать характерной для XVI в. «многоэтажной» записи.

Писцов крюков также было несколько, каждый из них «знаменил» соответствующую книгу или раздел: почерк 1 – л. 1–46 (Ирмологий); почерк 2 – л. 48–48 об. (Обиход), л. 170–182 (светильны и евангельские стихиры); почерк 3 – л. 50–164 (Октоих), л. 186–207 (богородичны и крестобогородичны из Октоиха и Минеи); почерк 4 – л. 211–734 об. (Стихирарь минейный); почерк 5 – л. 738–900 (Стихирарь триодный); почерк 6 – л. 905–916 об. (покаянны); почерк 7 – л. 918–932 (стихиры дополнительного раздела).

Текст песнопений преимущественно раздельноречный (за исключением деталей, которые требуют специального анализа). Нотация знаменная без помет. Все образцы песнопений относятся к столповому знаменному распеву.

Определить точное время создания рукописи наиболее надежным способом – по писцовым, владельческим и другим записям, а также по именам высших государственных лиц и церковных иерархов, упоминаемых обычно в текстах многолетий, не удастся. Записи, вероятно, были утрачены вместе с начальными листами, на которых обычно размещается такого рода информация; многолетия в анализируемом списке указаны в разделе часов царских перед Рождеством Христовым, однако сами тексты отсутствуют.

Кодикологический анализ бумаги дал следующие результаты. Первые шесть тетрадей, соответствующие Ирмологию, изготовлены из бумаги с водяным знаком «двуглавый орел под короной» и контрамаркой «лигатура из литер PW», датируемым 1590 г. [4].

Бумага тетрадей 7–27 и 116–119 (с песнопениями Октоиха и всех «дополнительных» разделов) имеет водяной знак «одноручный кувшин» с различным литерным сопровождением. Из них наиболее точно идентифицируется водяной знак бумаги тетрадей 17–21 – «одноручный кувшин» с короной, розеткой и литерами «ИН» на тулове. Сходные по контурам филигрании расположены в довольно широких хронологических границах: от 1594 до 1611 г. [5].

Бумага тетрадей 28–115 (раздел Стихирарей) принадлежит 60-м гг. XVI в. Здесь преобладает знак «сфера» [6]. В тетрадах 51 и 54 кроме него встречается «перчатка», увенчанная королевской лилией, а в тетради 55 – та же «перчатка» с литерой «В» на манжете, увенчанная короной [7]. Обращает на себя внимание соседство знаков «сфера» и «перчатка». Оно оказывается не единственным. В альбоме Н.П. Лихачева можно найти по меньшей мере три примера такого соседства: Мартовский пролог № 724 (1735) 1562 г. [8] и Миняя служебная № 468 (429) 1567 г. [9] из собрания Троице-Сергиевой Лавры и Триодь цветная № 328 1567 г. из собрания Московского Общества Истории и Древностей Российских [10]. Таким образом, можно отметить явно выраженную тенденцию соседства знаков «сфера» и «перчатка» в рукописях, датируемых 1560-ми гг.

Таким образом, блок рукописи сшит из тетрадей бумаги, принадлежащей разным десятилетиям XVI в.: Стихирари переписаны на бумаге 1560-х гг., а все остальные разделы – как минимум на три десятилетия позже – в конце XVI – начале XVII в. Такое «соседство» возможно в том случае, если рукопись представляет собой конволют, составленный из написанных порознь и в разные годы книг. С другой стороны, она могла создаваться на протяжении очень длительного периода либо примерно в одно время, но на бумаге как современной, так и «залежалой».

В пользу первой версии свидетельствуют незаполненные текстом листы в конце каждого раздела книги, а также вышеупомянутое разнообразие почерков. Другое доказательство – писцовые сигнатуры, частично сохранившиеся на отдельных тетрадах кодекса. Первые 6 тетрадей писцовых сигнатур не имеют; тетради 8–10, 12–21 имеют писцовые сигнатуры 2–4, 6–15 соответственно [11]. Сигнатуры выписаны в нижней части лицевой стороны первого листа тетрадей, смещены к корешку. Это может означать, что написанный на данных

листах Октоих первоначально мыслился как самостоятельная книга, а не как продолжение предшествующего ему Ирмология.

Далее следы сигнатур появляются на первых листах тетрадей 107–109 на лицевой стороне листа, ближе к вертикальному обрезу блока. К сожалению, основная их часть оказалась срезанной. По сохранившимся фрагментам можно предположить, что сигнатурами помечены тетради шестого десятка. Если это так, то данный сигнатурный счет относится к общему блоку Стихирарей минейного и триодного. Следовательно, Стихирари также задумывались как отдельная самостоятельная книга. Исходя из этого, следует предположить, что часть, содержащая Стихирари, была создана ранее (в 1560-е гг.), остальные книги позже – в 1590-е. В то же время, по-видимому, был окончательно сформирован сборник-конволют.

Однако можно привести доказательства другого рода, свидетельствующие о том, что сборник все же мыслился как единый свод песнопений знаменного репертуара своего времени. Во-первых, во второй половине – конце XVI в. идея создания разного рода сводов, в том числе и певческих, была чрезвычайно актуальна. Во-вторых, пустые листы в конце каждой книги сами по себе не являются неопровержимым доказательством абсолютной самостоятельности книг сборника: они могли быть распределены между разными писцами, но это не отрицает саму возможность того, что книги писались для единого свода.

Общее оформление текста и характер письма указывают на единую рукописную традицию. Так, во всех книгах независимо от смены почерка сохраняются одинаковые размеры области письма – около 14,5×9,0; везде, кроме светильнов и евангельских стихир, на лицевой и оборотной сторонах листа выписано по 22 строки (в указанных разделах из-за более крупного почерка на листах поместилось только 20 строк). Тип почерка также однороден – мелкий, буквы стремятся к вписыванию в квадрат с незначительным прижимом к строке по вертикали, наблюдается единство форм написания отдельных букв. Также однородны почерки писцов крюковой строки. Более того, почерки обоих текстов явно не переходят границ XVI в.

Вышеприведенные особенности, в свою очередь, могут свидетельствовать не только о времени, но и о географии происхождения сборника. Однако установление места создания памятника – задача значительно более сложная, чем определение времени его написания. Несмотря на то что в последние десятилетия исследователями ведется активная работа по изучению монастырских библиотек и, в частности, их скрипториев [12], на сегодняшний день еще не сформулирована абсолютно надежная методика, позволяющая однозначно определить место создания того или иного рукописного памятника.

Задача усложняется и особенностями организации книжного дела в Московской Руси в XVI в. Так, исследование состава монастырских библиотек Русского Севера М.В. Кукушкиной [13] показало, что, несмотря на обширные библиотеки данных монастырей, а также наличие в них специальных писцов и оформителей книг, говорить о том, что в XVI в. здесь были книгописные палаты, подобные средневековым западноевропейским, все же не приходится.

ся. Часто перепиской книг занимались «пришлые» мастера, одну книгу могли писать несколько писцов из разных монастырей, а ее украшением заниматься специально приглашенные иконописцы или златописцы. Переписка книг по заказу монастырей могла осуществляться в других центрах. Сама возможность работы мастера из одного книгописного центра в другом (или даже в нескольких) до минимума снижает шансы точного установления места происхождения изучаемого нами кодекса Q.I.5.

Тем не менее выскажем некоторые предположения. Прежде всего, число возможных скрипториев, в которых мог быть создан сборник Q.I.5, следует ограничить теми центрами, где существование рукописных мастерских в конце XVI в. исследователями было доказано наиболее убедительно: Троице-Сергиева Лавра, Чудов монастырь [14], художественные мастерские, царские скриптории [15]. Следует также принять во внимание новгородскую школу, как известно, повлиявшую на формирование московской [16]. На основе опыта палеографов можно сформулировать те параметры, анализ которых позволит выполнить хотя бы гипотетическую атрибуцию анализируемого списка. Ими являются сорт бумаги, характер книжного декора, почерки [17].

Идея систематизировать книжные памятники на основе сорта бумаги принадлежит еще Н.П. Лихачеву, но как инструмент атрибуции рукописей тому или иному книжному комплексу этот параметр стал активно использоваться в недавнем прошлом. Здесь, прежде всего, следует назвать работы А.А. Амосова, установившего на основе единства бумаги круг рукописей, вышедших из «государевых мастерских» [18]. Вслед за ним данной методикой воспользовалась Ф.В. Панченко, включив в этот комплекс один из выдающихся памятников древнерусской музыкальной письменности – Стихирарь БАН, Строг. 44 [19]. На основе сопоставления сортов бумаги О.Л. Новиковой и А.В. Сирену удалось установить принадлежность скрипторию Чудова монастыря некоторых списков Степенной книги, комплекта так называемых Годуновских Псалтирей и ряда других рукописей [20].

Что касается кодекса Q.I.5, то, как было сказано выше, его бумага неоднородна. Филигранные старшей его части позволили соотнести ее с рукописями из альбома Н.П. Лихачева, две из которых принадлежат собранию Троице-Сергиевой Лавры. Однако более подробное знакомство с описанием данных рукописей заставляет усомниться в их лаврском происхождении. Так, в послесловии к Прологу № 724 указаны имя переписчика («раб Божий Тимошка») и дата создания («в лето 7070»), но прямого свидетельства о написании данной рукописи в Троице-Сергиевой Лавре запись не содержит. Более того, на первых ее листах имеется другая запись, сообщающая о принадлежности книги Успенскому Стромьинскому монастырю [21]. Минея служебная 1567 г. также располагает писцовой записью, в которой ничто не указывает на ее лаврское происхождение [22]. В этой записи также обращает на себя внимание упоминание имени Новгородского архиепископа. Наконец, бумага с аналогичными филигранями использовалась не только в лаврском скриптории, но и в типографии Ивана Федорова при издании первопечатного Апостола. Таким обра-

зом, водяные знаки «сфера» и «перчатка» сами по себе в данном случае не могут служить надежными атрибутирующими признаками, так как бумага с этими знаками, по-видимому, имела в 1560-е гг. достаточно широкое распространение.

Поздняя часть кодекса Q.I.5 локализована в более узких географических пределах. Напомним, что в данной части преобладает бумага с филигранью «кувшин одноручный» с различным литерным сопровождением, в частности «ПН». Аналогичный «кувшин» был обнаружен О.Л. Новиковой и А.В. Сиреновым на бумаге целого комплекса рукописных памятников, определенных исследователями, как принадлежащие скриптории Чудова монастыря [23]. Тем не менее исследователи отмечают и факт использования этого сорта бумаги в издании Минеи общей А. Невежи 1600 г. [24]. На основании этого можно предполагать московское происхождение нашего сборника.

Однако окончательно утвердиться в сделанном выводе не позволяет «старшая» часть рукописи. Она все же допускает версию о том, что Стихирари могли быть переписаны в другом месте (например, в Троице-Сергиевой Лавре или даже Новгороде), а затем дополнены другими книгами уже в Москве. Разница в возрасте тех и других может рассматриваться как подтверждение данной версии.

Обратимся к другим кодикологическим аспектам. Важной приметой является стиль книжного оформления. Как было сказано выше, оформление Стихирарей в сборнике Q.I.5 позволяет отнести их списки к категории роскошных. Этот факт вновь позволяет ограничить поле исследования только крупнейшими книгописными центрами. Исходя из того, что далеко не все рукописные комплексы описаны подробнейшим образом, в решении данного вопроса мы сосредоточились на собрании Троице-Сергиевой Лавры с целью подтвердить либо исключить возможность принадлежности к данной традиции изучаемого кодекса. Особенности художественного оформления рукописей собрания Троице-Сергиевой Лавры получили детальную проработку в исследовании Т.Б. Уховой [25]. Кроме того, размещение цифровых копий рукописей на сайте Лавры [26] дает возможность детального ознакомления с ними *de visu*.

Среди певческих рукописей собрания Троице-Сергиевой Лавры преобладают «рабочие» списки, написанные «торопливым» почерком, как правило, не имеющие особых украшений. Среди небольшого числа украшенных певческих Стихирарей (ф. 304.I, № 411, 413–419) не удалось обнаружить ни одного, полностью совпадающего с типом художественного оформления рукописи Q.I.5. Исключение составляет сборник ф. 304.I, № 411 начала XVI в., Стихирарь которого открывается золотой вязью (л. 1); матерчатые завесы встретились только в рукописи ф. 304.I, № 416 (л. 1, 204).

В связи с этим возникла необходимость привлечь к сравнению другие рукописи собрания из разряда роскошных. Среди них особое внимание было уделено кодексам, имеющим (как и Стихирарь Q.I.5) заставки и иные украшения, относящиеся к нововизантийскому либо старопечатному стилям или сочетающие приметы обоих [27].

При сопоставлении вариантов заставок было установлено, что детали орнамента заставок сборника Q.I.5 в целом соответствуют набору деталей, применяемых для создания заставок роскошных рукописей из собрания Троице-Сергиевой Лавры. Общими приметами следует считать золотой фон, эмалевые цветы, навершия и угловые украшения, цветков репейника и султаны, некоторые элементы старопечатного стиля (шишки хмеля, травные мотивы). Широкие рамки композиций состоят из типичных элементов – цепочек, зубчатки, крестиков; контур украшен усиками и ресничками. Все эти приметы делают орнамент рукописи близким по типу выделенной Т.Б. Уховой IX-й группе рукописей [28]. Однако сочетание этих «стандартных» элементов в Q.I.5 настолько индивидуально, что заставляет усомниться в его принадлежности к лаврской традиции.

Тем не менее в процессе сравнения наше внимание привлекла рукопись Евангелия учительного 304.I, № 100, принадлежащего руке знаменитого писца XVI в. Исаака Собаки. Почерк данной рукописи оказался типологически близок почерку, которым выписаны заглавия обоих Стихирарей сборника Q.I.5. Обращают на себя внимание единый тип начертания прописных «И» и «Н», характерное начертание литеры «К», высокие мачты у «ятей», «еров» и «ерей», приметный хохолок у выносной «д», использование скорописной лигатуры «тр» и некоторых других; в вязи в обоих случаях используется двустороннее «Ч». В свою очередь, почерк заглавий Стихирарей в Q.I.5 вполне сопоставим с некоторыми почерками из первой и второй групп, выделенных Л.М. Костюхиной среди писцов комплекта Чудовских миней четых 1600 г. [29].

Конечно, нет оснований предполагать, что Исаак Собака дожил до времени создания кодекса Q.I.5 и имеет к нему какое-либо отношение. Однако можно с достаточной долей уверенности говорить, что анализируемый список относится к определенной школе книжного письма, основоположником которой стал знаменитый мастер.

Связь Исаака Собаки с Троице-Сергиевой Лаврой прослеживается слабо. Напротив, его деятельность в большей степени была связана с Чудовым монастырем: есть сведения о его работе по переписке книг в 20–30-х гг. в митрополичьей книгописной мастерской; Максим Грек, за переписку текстов которого и пострадал Исаак Собака, осуществлял свои переводы с греческого именно в Чудовом монастыре; а в период своей опалы с 1545 по 1548 г. Исаак был архимандритом этой обители [30].

Однако основной текст написан другими почерками. Полагаем, что писцами в данном случае были певчие, изнутри знающие традицию. Дело в том, что тексты песнопений не вполне обычны для писца четых книг. Они должны быть написаны строгим полууставом, в них не допускается использование записи под титлами и выносные буквы. Кроме того, тексты данного периода содержат множественные раздельноречные элементы, не встречающиеся в четых книгах. Чтобы верно записать текст песнопений, необходимы не просто внутренняя диктовка, но особое певческое его слышание, иначе неизбежны многочисленные ошибки, которых в Q.I.5 нет.

Писцами могли быть певчие только двух хоров – митрополичьего (затем патриаршего) и государева. Думается, в нашем случае речь должна идти именно о государевых певчих дьяках. Во-первых, государев хор имел более сильный состав [31]. Во-вторых, о писцовой деятельности митрополичьих (патриарших) певчих ничего не известно, тогда как свидетельства о работе государевых певчих дьяков в качестве писцов многочисленны.

В этом контексте любопытны наблюдения Б.Н. Морозова, который в фондах РГАДА выявил архив государевых певчих дьяков, состоящий из «черновых» рукописей XVI – начала XVII в. с крюковой нотацией (ф. 188, № 1573–1815). При этом на бумаге части из них установлены филигранные, аналогичные основному знаку чудовских Годуновских Псалтирей [32] и печатных изданий А. Невежи.

Учитывая сказанное, наиболее убедительной является следующая гипотеза происхождения данного памятника музыкальной письменности. Книга писалась как образцовый экземпляр. Работа осуществлялась в два этапа. На первом этапе (1560-е гг.) были созданы Стихирари минейный и триодный. Писцами были государевы певчие дьяки. Оформление заставок и золотых глав принадлежит писцам скриптория Чудова монастыря. В 90-е гг. того же века Стихирари были дополнены другими певческими книгами с целью создания фундаментального свода знаменной монодии. При этом писцы работали в той же традиции, сохранив не только внешние формы литерной и невменной графики, но и особенности орфографии старшей его части.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 262–274.

2. Отношение к личности М.С. Севастьянова в среде профессиональных археографов неоднозначно (см.: Малышев В.И. Задачи собирания древнерусских рукописей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 303–332). До настоящего времени также остается открытым вопрос о подлинности штампа библиотеки С.Ф. Севастьянова. Тем не менее известно, что М.С. Севастьянов был близко знаком с М.Н. Тихомировым и значительная часть поступившего в Сибирское отделение АН СССР в 1965 г. собрания академика была собрана при его непосредственном участии (URL: <http://www.izdrevle.ru/lately/10>; дата обращения 12.10.2014). Возможно, после ухода из жизни М.Н. Тихомирова у М.С. Севастьянова сохранились связи с новосибирскими археографами: аналогичный штамп встречается на многих рукописях и старопечатных книгах сибирских книгохранилищ.

3. Начальные гласы из-за утраты листов представлены фрагментарно, ирмосы 4–8 гласов изложены в полном объеме.

4. *Briquet C.M.* Les filigranes dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907. V. 1–4. № 309.

5. Изображение близко по типу: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков: в 3 ч. СПб., 1899. № 1953 (1594 г.), 1954 (1594 г.), 1965 (1611 г.), 1966 (1611 г.), 4115 (1596 г.).

6. Близко: *Лихачев.* № 1839 (1562 г.); № 1910, 1911 (1567 г.); № 1927, 1928 (1567 г.).

7. Близка по типу: *Briquet.* № 11026 (1568 г.).

8. *Лихачев.* Ч. 1. С. 174. Знак «сфера» тот же, что и в рукописи Q.I.5 (*Лихачев.* № 1839), знак «перчатка» с раструбом и короной над пальцами (*Лихачев.* № 1846) не соответствует знаку, встречающемуся в нашей рукописи, но само соседство двух знаков одних и тех же типов достаточно показательно.

9. *Лихачев.* Ч. 1. С. 179. Кроме знака «сфера» в этой же рукописи встречается и знак «перчатка» с литерой «В» (*Лихачев.* № 1926).

10. *Лихачев.* Ч. 1. С. 178. Знак «сфера», соответствующий изображению: *Лихачев.* № 1910 и 1911, сопровождается различными вариантами знака «перчатка», в том числе и с литерой «В» (*Лихачев.* № 1901 и 1902), однако в филигранях из альбома Лихачева литера размещена на самой перчатке, а в нашей рукописи – на манжете.

11. Первый лист тетради 7 утрачен, заменен двумя другими, чем объясняется отсутствие писцовой сигнатуры 1; сигнатура тетради 11 (писцовая «5») не написана.

12. Наиболее значимые из них указаны, например, в публикации О.Л. Новиковой и А.В. Сиринова (*Новикова О.Л., Сиринов А.В.* Сделано в Чудове // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 441, сноска 2).

13. *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977.

14. *Костюхина Л.М.* Из истории рукописного дела России XVII в. // *Археографический ежегодник за 1964 год.* М., 1965. С. 56–76.

15. *Морозов Б.Н.* Рукописи из царских скрипториев XVI – начала XVII в. в собраниях РГАДА // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции.* М., 2002. С. 336–339.

16. М.В. Кукушкина отмечает, что связь Москвы с Новгородом не прекращалась вплоть до 80-х годов XVII в. Новгородские владыки, занимая пост главы церковной иерархии, увозили с собой книги в Москву, пополняя митрополичью библиотеку. Так поступил Макарий в 1542 г., а позднее – патриарх Никон (см.: *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки... С. 70). В свою очередь, Н.П. Парфентьев отмечает, что новгородский Софийский хор стал основой митрополичьего хора еще при Иване Калите (см.: *Парфентьев Н.П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Свердловск, 1991. С. 50).

17. Важным параметром атрибуции могла бы выступить редакция (орфоэпия и орфография) гимнографического текста памятника, однако данный аспект в настоящей работе не затрагивается, так как требует самостоятельного исследования.

18. *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // *Библиотека Ивана Грозного.* Л., 1982. С. 98–117.

19. *Панченко Ф.В.* Стихирарь конца XVI в. из собрания С.Г. Строганова // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.* СПб., 2006. С. 206–305.

20. *Новикова О.Л., Сиринов А.В.* Сделано в Чудове. С. 441–450.

21. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=724>.
22. <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=468>.
23. Новикова О.Л., Сиренов А.В. Сделано в Чудове. С. 445.
24. Новикова О.Л., Сиренов А.В. Сделано в Чудове. С. 448–449.
25. Ухова Т.Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 22. М., 1960. С. 5–56.
26. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/index.php>
27. Из фонда 304.I рассматривались № 47 Псалтирь толковая XVI в., № 86 Псалтирь толковая 1550-х гг., № 100 Евангелие учительное 1524 г. (писец Исаак Собака), № 133 Слова Василия Великого 1556 г. (писец Исаия Каргополец), № 178 Поучение Феодора Студита 1560-х гг., № 188 Книга Нила Сорского 1550–1560-х гг., № 316 Псалтирь с воследованием 1543 г. (писец Игнатий Курачев), № 351 Часослов 1560-х гг., № 680 Минея четья за август 1550–1560-х гг. Из фонда 173.I – № 5 Апостол 1540-х гг., № 6 Апостол второй четверти XVI в. (писец Исаак Собака), № 29 Слова Василия Великого 1560-х гг., № 89 Минея четья 1550–1560-х гг., № 94 Минея четья 1558 г. (писец Фирс), № 95 Минея четья 1558 г. (писцы Фирс и Иоасаф), № 139 Апостол 1550–1560-х гг.
28. Ухова Т.Б. Миниатюры, орнамент и гравюры... С. 23–25, 47–51.
29. Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. / Гос. Историч. музей. Б.м., Б.г. Особенно, на наш взгляд, близкими являются почерки 14 и 12.
30. Дмитриева Р.П. Исаак (Исак) Собака // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 1. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Л., 1988. С. 442–443.
31. Не случайно история сохранила сведения о том, что в декабре 1585 г. на Рождество в Чудов монастырь «славить Христа» приходили дьяки четырех основных станиц государева хора (см.: Парфентьев Н.П. Древнерусское певческое искусство... С. 51).
32. Морозов Б.Н. Рукописи из царских скрипториев... С. 228–339.

И.О. Чурина

СЛУЖБА ПРЕПОДОБНОМУ ТРИФОНУ ВЯТСКОМУ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Преподобный Трифон Вятский (ок. 1547–1612), основатель и первый настоятель Хлыновского Успенского монастыря на Вятке, стал почитаться в основанном им монастыре вскоре после смерти 8 октября 1612 г. В 1650–1664 гг. в обители было составлено Житие архимандрита Трифона, а в 1684 г. при строительстве нового Успенского собора в монастыре обретенны его мощи. Во Вторую редакцию Жития как раз было включено повествование об обретении мощей. Тогда же, вероятно, была составлена Служба святому на день преставления.

Служба преп. Трифону Вятскому известна нам по следующим спискам: **1.** РНБ, собр. А.А. Титова, № 563. Л. 1–37 об. (конец XVII – начало XVIII вв.); **2.** БАН, Архангельское собр. Д. 406. Л. 1–46 (1716 г.); **3.** БАН, Вятское собр., № 15. Л. 2–25 об. (начало XIX в.); **4.** ГИМ, Епархиальное собр., № 801. Л. 126–143 (XVIII в.), **сборник содержит только канон преп. Трифону Вятскому**; **5.** Научная библиотека Кировской области, № 121. Л. 5–30 (XIX в.); **6.** РГБ. Ф. 595. Собр. Г.Р. Наумова, № 6. Л. 2–44 [1]; **7.** Чердынский краеведческий музей, № 1043/45, 1838 г. [2].

Во всех указанных списках, кроме рукописи ГИМ, Епархиальное собр., № 801, Служба сопровождает Житие преподобного Второй редакции (в списке БАН, Вятское собр., № 15 – редакцию Жития, в основе которой также Вторая редакция).

Сборник БАН, Вятское собр., № 15 содержит также нотированную Службу преп. Трифону Вятскому (л. 76–90 об.).

Вероятно, количество списков Службы местнотимому Вятскому архимандриту никогда не было значительным. Краевед В.Я. Струминский в 1904 г. писал, что в день памяти преп. Трифона служба ему «совершается по особой, неизвестно когда и кем составленной книжке, книжка эта... значится еще в церковной описи 1771 года» [3].

Согласно описи 1764 г., в монастыре среди 26 рукописей находилась «Служба преп. Трифону Вятскому с Житием его» (она же в описи 1854 г.) [4]. Известно также, что список Службы преп. Трифону находился и в церкви с. Вобловицы, в монастырской вотчине [5].

Н. Барсуков указывает список ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 216 (XVIII в.) [6], однако выявить его в современном собрании Государственного исторического музея нам не удалось.

Первое исследование Службы преп. Трифону Вятскому было предпринято протоиереем Н.М. Кибардиным [7] в 1910–1911 гг. По поручению Юбилейного Комитета, организационного органа празднований 300-летия памяти преп. Трифона в Вятской епархии, он рассмотрел текст рукописной Службы и подготовил его к публикации. Н.М. Кибардин располагал лишь тремя списками Службы XVIII в.: 1753 и 1764 гг. из монастырской библиотеки Успенского Трифонова монастыря, а также текстом Службы из сборника 1716 г., хранившегося при церкви с. Малонемнужского Архангельской губернии (БАН, Архангельское собр. Д. 406).

Вопросу о времени создания Службы уделил внимание и протоиерей И.М. Осокин в «Историческом очерке почитания преп. Трифона, Вятского Чудотворца» 1912 г. Его сведения почерпнуты, главным образом, из доклада Н.М. Кибардина, представленного в Юбилейный Комитет. И.М. Осокин вслед за докладчиком отнес составление Службы святому ко времени между 1684 и 1696 гг. [8].

В 1912 г. Служба преп. Трифону Вятскому была издана [9]. Текст к публикации подготовил Н.М. Кибардин, при этом он переписал 2-ю стихиру на литии «как неудовлетворительную по содержанию» [10]. В 1980 г. Служба преп. Трифону вошла в состав Зеленых Миней [11].

Обращаясь к содержанию Службы преп. Трифону Вятскому, отметим, что все исследованные нами списки содержат текст Службы «на малой вечерне», характерной для прославления местных святых [12]. Список Чердынского музея начинается с части «на великой вечерне», вероятно, потому, что он предназначался в дар за пределы Вятской епархии.

Поскольку Служба практически не содержит деталей, характеризующих личность преп. Трифона, можно предположить, что она в значительной мере является компиляцией. Первые наблюдения в этом вопросе были сделаны Н.М. Кибардиным, который назвал среди источников памятника Службы преп. Зосиме Соловецкому, преп. Сергию Радонежскому, преп. Евфимию Суздальскому, преп. Феодору Трихине и преп. Мемнону.

Действительно, первые три стихиры на Господи воззвах на малой вечерне можно назвать «условно общими» [13], так как они могли быть заимствованы из Службы преп. Сергию Радонежскому (25 сентября) или из Общей Службы преподобному. Далее в Службе преп. Трифону значительные заимствования сделаны из **Службы Зосиме Соловецкому** (17 апреля) (см. приложение). Работая над текстом Службы Вятскому святому, составитель достаточно полно цитирует Службу преп. Зосиме, опуская при этом текст, повествующий о море и сподвижниках святого. Например, полностью заимствованы три стихиры на литии, кроме стихиры «В незаходимыя зашел еси моря отоки... добли Германом наставляем», которая отражает индивидуальную историю преп. Зосимы. Вместо этой стихиры, вероятно, в списке БАН, Вятское собр., № 15 была

дописана новая «Любовію Христовою...», взятая из **Службы Евфимию Суздальскому** (1 апреля).

Из Общей Службы преподобному могли быть заимствованы также славник «Преподобне отче, во всю землю изыде...» и седален по 1-й кафизме «Постника Господня...», но они также читаются, например, в Службе преп. Савватию Соловецкому (27 сентября), потому и их будем считать «условно общими» (см. приложение).

В конце Службы две стихиры на хвалитех и славник заимствованы из **Службы Феодору Трихине** (20 апреля), а другие две стихиры на хвалитех – из **Службы преп. Мемнону** (29 апреля).

Служба содержит два Канона преп. Трифону, которые практически полностью состоят из заимствований из **Служб Евфимию Суздальскому** и **преп. Мемнону**, сочетая в каждой песни строфы Канонов этим святым (см. приложение). Однако это не всегда прямые заимствования, в ряде случаев песни Канона переработаны, а внесенные изменения отражают знакомство составителя Службы преп. Трифону с традициями почитания святого в Хлыновском Успенском монастыре. Например, в 6-й песни Канона:

Служба преп. Мемнону (29 апреля), 6-я песнь Канона:

«Едином точию званием пружи отгоняются и всяк вред демонский: Бога бо, Мемноне, великий угодник, познался еси, вельми тя, отче прославльшаго» [14].

Служба преп. Трифону Вятскому:

«Единогласнымъ точию призываниемъ святаго твоего имене и омытиемъ воды, исходящія во обители твоей, трясавичная болѣзнь отъ человекѣкъ отгоняется и всякъ вредъ бѣсовскій молитвами твоими потребляется».

Служба преп. Мемнону (29 апреля), 6-я песнь Канона:

«О, чудо! Како от единого токмо призывания спасаются твоего, преславне Мемноне, вернии плавающие, тебе видяще приспевающа и волн молву кротяща?».

Служба преп. Трифону Вятскому:

«О, чюдо предивное, како отъ единого токмо призыванія болящїи спасаются твоимъ явленіемъ, преславне Трифоне, и бѣды и напастей свобождаются твоими къ Богу молитвами».

Таким образом, в Каноне преп. Трифону отразились почитание святого источника в монастыре и, возможно, чудо исцеления больного после явления ему преп. Трифона, о котором известно из Жития блаженного Прокопия Вятского [15], или подобное ему.

Обратимся к вопросу о времени создания Службы преп. Трифону Вятскому. Н.М. Кибардин и И.М. Осокин датировали ее концом XVII в. Н.М. Кибардин, рассматривая текст Службы, отметил следующую особенность в стихире по 50-м псалме: в списках 1716 (БАН, Архангельское собр. Д. 406) и 1764 гг. читается «и царемъ нашимъ на сопостаты побѣдное одолѣніе даруй», тогда как в списке 1753 г. в этом месте слова изменены на «императрицѣ нашей...» (в поздних списках службы – «императору нашему»). Он счел, что под «царями» стихиры подразумеваются совместно правившие до 1696 г. Иоанн и Петр Алексеевичи. На этом основании Н.М. Кибардин считал, что текст, зафиксиро-

рованный списком 1716 г., был создан между 1684 г. (обретение мощей преп. Трифона Вятского) и 1696 г. (смерть Иоанна Алексеевича) [16]. Это замечание достойно внимания, но данная стихира была заимствована из Службы преп. Зосиме Соловецкому, и здесь важно соотнести тексты в рукописной традиции XVII в.

Обратимся к текстам тропаря и кондака преп. Трифону Вятскому в тексте Службы: они были созданы по образцу тропаря и кондака Евфимию Суздальскому.

Тропарь преп. Евфимию Суздальскому: *Яко светозарная звезда, пришел еси от востока на запад, оставив отечество твое, Нижний Новгород, и, дошед богоспасаемого града Суздаля, в нем обитель сотворил еси, и собрал еси монахов множества, и, прием дар чудес от Бога, отче Евфимие, был еси о Христе собеседник и спостник преподобному Сергию. С нимже у Христа Бога испроси нам здравие, и спасение, и душам нашим велию милость.*

Тропарь преп. Трифону Вятскому: *Яко свѣтозарная звѣзда, восія отъ востока до запада, оставль свое отечество и дошедъ Вятскія страны, богоспасаемаго града Хлынова, и въ немъ обитель во славу Пресвятыя Богородицы создавъ, и тамо на добродѣтель вперився, собравъ иночествующихъ множество, и сихъ наставляя на путь спасенія, и бысть ангеломъ собесѣдникъ и постникомъ сопричастникъ, Трифоне преподобне, съ ними Христа Бога моли спастися душамъ нашимъ.*

Как видим, в тропаре преп. Евфимию говорится: «...пришел еси от востока на запад». Это отражает тот факт, что преп. Евфимий действительно пришел от Нижнего Новгорода в Суздаль. Путь преп. Трифона лежал напротив, скорее с северо-запада на юго-восток, и составитель Службы заменяет «пришел» на «воссия». Кондак же заимствован почти дословно.

Со временем появлялись локальные варианты тропаря, отражающие особенности местного почитания святого. Так, И.М. Осокину были известны варианты этого тропаря святому, бытовавшие в Пермском уезде Пермской губернии (кондак в этих случаях общий) [17]. В конце XIX в. в Житии преп. Трифона Вятского, изданном Вятским Успенским Трифоновым монастырем, помещен новый тропарь святому:

«Проповедует присно страна Вятская подвиги и труды твоя, преподобне, в странах Архангельских, Устюжских, Пермских и светло красуется, стяжав тя помощника и покровителя себе особне. Молим убо тя, святче Божий, не лиши и нас, грешных, небесныя твоя помощи и покровя молитв твоих, к твоему бо заступлению в скорбех наших вседушно прибегаем и прославльшему тя Господу со умилением зовем: алилуиа» [18].

Но списки БАН, Архангельское собр. Д. 406 и ГИМ, Епархиальное собр., № 801 содержат и другие тропарь и кондак преп. Трифону [19]:

Тропарь, глас 4: *Отъ земныхъ на небесная помысливъ, иноческое житіе измлада, преподобне, возлюбивъ, и дѣломъ совершивъ ко Господу любовь. И твердымъ умомъ богодухновеннымъ учиніемъ озаряя миръ, и возлюбивъ, блаженне, всенощное бдѣніе и молитву непрестанну, и въ наставленіе божественнаго разума инокъ стадо собра,*

мудрее. И наставиль еси ко свѣту благоразумія, Трифоне, отче нашъ, Христа Бога моли даровати душамъ нашимъ вѣлю милость.

Кондак, глас 8: Днесь вначалѣ основанія добродѣтелемъ, блаженне, положишь еси въ души своей страхъ Божій, **отъ юности въземь крестъ свой, благочестно** Христови послѣдовалъ еси. Ангельскимъ образомъ облечеся и бысть монахъ предивенъ, въ добродѣтелехъ цвѣтяше, къ будущимъ Богови простираяся. И своей плоти, яко врагу, немилостивъ, отче, былъ еси, терпѣніемъ явися, блаженне, яко злато, искушено въ горнилѣ, но и нынѣ не забуди посѣщати чадъ своихъ, поминай насъ, чтущихъ пресвятую память твою, да вси благодарнѣ вопіемъ ти: **радуйся, премудре Трифоне, наставниче монахомъ.**

Можно предположить, что они более древние и созданы на самом раннем этапе почитания архимандрита Трифона, когда Служба ему еще не была написана [20].

Итак, нам удалось выявить ряд заимствований в Службе преп. Трифону Вятскому: в стихирной части они сделаны из Службы преп. Зосиме Соловецкому (17 апреля) и Службы преп. Феодору Трихине (20 апреля), а каноны чередуют заимствования из Канонов преп. Евфимию Суздальскому (1 апреля) и преп. Мемнону (29 апреля). Очевидно, составитель пользовался в данном случае печатной Минеей на апрель. Кроме того, ряд стихир заимствован, возможно, из Общей Службы преподобному («условно общие»).

Дальнейшее исследование текста Службы преп. Трифону Вятскому подразумевает выделение редакций памятника. Например, редакции списка БАН, Вятское собр., № 15, который происходит из среды старообрядцев с. Старая Тушка Вятской губернии и принадлежал книгопечатнику Л.А. Гребневу [21]. Чтения этого списка ближе к чтениям источников Службы преп. Трифону. Например, в стихирах на литии:

Преп. Зосиме Соловецкому: Светлая память успенія твоего, преподобне отче *Зосимо*, нам сердца просвѣщаетъ, чтуще бо **честныя твоя мощи**, врачевство *страстей неудобь целимых*, прославляем прославльшаго тя Господа и твоя труды и подвиги, венчавша благодатию. Усердно и мы, подвигов и трудов емшеся, твоею стезею ходити ко Христу Богу, Егоже моли спасти и просветити души наша.

БАН, Вятское собр., № 15: Свѣтлая память успенія твоего, преподобне отче *Трифоне*, нам сердца просвѣщаетъ, зрящее бо **честную ти раку**, врачевство *страстемъ неудобьцѣлимых*, прославляем прославльшаго тя Господа, труды и подвиги, вѣнчавша благодатию. Усердно и мы подвигомъ и трудомъ емшеся, твоею стезею ходити ко Христу Богу, Его же моли спасти и просвѣтити души наша.

РНБ, собр. Титова, № 563 и БАН, Архангельское собр. Д. 406: Свѣтлая память успенія твоего, преподобне отче *Трифоне*, сердца наша просвѣщаетъ, зрящего **честную ти раку**, врачевство *страстемъ неисцѣльнымъ* подающе, славимъ прославльшаго тя Господа и твоя *поты*, труды и подвиги, вѣнчавша *Своею* благодатию. *Мы же усердно* подвигомъ и трудомъ твоимъ емшеся, твоею стезею ко Христу Богу ходити *познахомъ*, Его же моли спасти и просвѣтити души наша.

Замена «честныя твои мощи» на «честную ти раку» в обеих редакциях Службы преп. Трифону кажется нам важной, т.к. может говорить о времени

составления Службы святому некоторое время спустя после обретения мощей в 1684 г. Отметим, что со 2 августа 1690 г. мощи находятся под спудом и верующие, действительно, могут видеть только раку святого.

Преп. Зосиме Соловецкому: Преподобне отче, всечестне Зосимо, добрыми делами возшедь, яко на колесницу *востекл еси*, победныя почести отъ Него приемля. Тело твое трудолюбное, яко *масти*, нам во гробе оставил еси, отче, источати исцеления и прогнати духи лукавыя. Тем же ты убожаемъ, всечестне.

БАН, Вятское собр., № 15: Преподобне отче всечестне Трифоне, добрыми делами къ Богу возшедь, яко на колесницу *востече*, побѣдныя почести отъ Него приемля. Тѣло твое трудолюбное, яко *масти* во гробѣ намъ оставилъ еси, отче, источати исцѣленіе и прогнати духи лукавыя, тѣмъ же ты убожаемъ, всечестне.

РНБ, собр. Титова, № 563 и БАН, Архангельское собр. Д. 406: Преподобне отче всечестне Трифоне, добрыми делами къ Богу возшедь, яко на колесницу *востече*, побѣдныя почести отъ Него приемля. Тѣло твое трудолюбное, яко *милотъ* во гробѣ намъ оставилъ еси, отче, источати исцѣленіе и прогнати духи лукавыя, тѣмъ же ты убожаемъ, всечестне.

Также в 8-й песни Канона:

Преп. Евфимию Суздальскому:

Слезными твоими течении огнепальныя страсти **пожегл** еси, геенскаго пламене страх *отгнал еси*, отче мудре, совершенную любовию Создателя своего, примесився страхом во вся веки.

Якоже Енох, к Богу **преставився**, от Него пріят был еси, отче, и с вышними ликостоянии водворяешися, и поеши: вся дела Господня, Господа пойте и превозносите во вся веки.

Ныне нетленных даров наслаждаяся и трисолнечныя светлости исполняяся, блаженне, певцы твоя **страстей тьмы** молитвами твоими избави, да достойно Христа славословим.

БАН, Вятское собр., № 15:

Слезными ти теченіи огнепальныя страсти **пожегль** еси, геенскаго пламене страхъ *огня*, отче мудре, совершеную любовію Создателя своего, примѣсився страхомъ, во вся вѣки.

Якоже Енохъ къ Богу **преставлься**, отъ него пріять бысть, отче, съ вышними ликостояніи водворяешися и поеши: вся дѣла Господня Господа пойте и превозносите Его во вся вѣки.

Нынѣ на небесѣхъ нетлѣнныхъ даровъ *отъ Бога* наслаждаяся, и трисолнечныя его свѣтлости исполняяся, *Трифоне* блаженне, пѣвцы своя **страстей тьмы** молитвами ти избави, да достойно Христа славословимъ во вся вѣки.

РНБ, собр. Титова, № 563 и БАН, Архангельское собр. Д. 406:

Твоими иже къ Богу слезными теченіи, огнепальныя страсти **потопиль** еси, геенскаго пламене страхъ погасиль, отче мудре, совершенную любовію Господа своего присно поя во вся вѣки.

Якоже вѣторый Енохъ къ Богу **прешедъ**, отъ Него пріять бысть, отче, и с вышними ликостояніи водворяся, поеши: Вся дѣла Господа, пойте и превозносите во вся вѣки.

Нынѣ на небесѣхъ нетлѣнныхъ даровъ отъ Бога наслаждаяся и трисолнечныя его свѣтлости исполняяся, *Трифоне* блаженне, пѣвцы своя молитвами твоими **страстныя мгы** избави поющихъ и превозносящихъ Господа во вся вѣки.

Кроме того, в списке БАН, Вятское собр., № 15 3-я стихира на стиховне «Общником быти нескончаемая радости...» – отредактированная стихира преп. Зосиме – заменена на прямую цитату из Службы Зосиме Соловецкому «Цельбоносному ти гробу предстояще...». Таким образом, можно предположить, что список БАН, Вятское собр., № 15 либо воспроизводит более раннюю редакцию Службы, либо переписчик из среды старообрядцев, будучи хорошо знаком с богослужебными текстами, намеренно возвращается к тексту источников Службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот список Службы преп. Трифону Вятскому не был изучен в ходе нашего исследования.

2. Список был пожертвован сыновьями Василия Ермолаева Калашникова к церкви Богоявления Господня в 1838 г. Он, очевидно, имеет прямое отношение к списку Жития преп. Трифона Вятского 1838 г., принадлежавшему И.В. Калашникову и опубликованному В.Я. Струминским, в настоящее время неизвестному. «Житие и жителство и отчасти чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Трифона...» / Предисл. и подгот. текста В.Я. Струминского // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. IX. Пермь, 1905. С. 55–75.

3. *Струминский В.Я.* Был ли канонизирован преп. Трифон Вятский? // Пермские епархиальные ведомости. 1904. № 49. Отд. неоф. С. 38.

4. *Селивановский К.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. Вятка, 1912. С. 90.

5. Каталог памятников Трифоновского церковно-археологического музея // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. II–III. Отд. I. Вятка, 1914. С. 33.

6. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 561.

7. Доклад члена Комитета ректора Вятской Духовной семинарии протоиерея Николая Кибардина в Комитет по подготовке к юбилейному торжеству по случаю 300-летия со дня смерти св. преп. Трифона, Вятского Чудотворца // Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 76. Д. 1366.

8. *Осокин И.М.* Исторический очерк почитания преп. Трифона, Вятского Чудотворца // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. I–II. **Рефераты и сообщения.** Вятка, 1912. С. 21.

9. Служба преп. Трифону, Вятскому Чудотворцу. Вятка, 1912. 33+3 с.

10. Доклад... Н. Кибардина... // ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 1366. Л. 48.

11. Минея служебная. Октябрь. М., 1980. С. 210–228.
12. *Карбасова Т.Б.* История почитания преп. Кирилла Новоезерского // Русская агиография. СПб., 2005. С. 510.
13. «Условно общими» можно назвать элементы Службы, которые характерны сразу для нескольких Служб. *Карбасова Т.Б.* Кирилл Новоезерский: история почитания. М.; СПб., 2011. С. 180.
14. В статье цитаты из Служб святым, кроме Службы преп. Трифону, приведены по текстам Зеленых Миней. URL: http://azbyka.ru/dictionary/12/zelenye-minei.shtml#zelenaja_mineja_aprel_po_staromu_stilju.
15. Житие блаженного Прокопия Вятского. БАН, Архангельское собр. Д. 406. Л. 237. В списке БАН, Вятское собр., № 139 чудо 4-е. Л. 77–77 об.
16. Доклад... Н. Кибардина... // ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 1366. Л. 46.
17. *Осокин И.М.* Места подвигов преп. Трифона, Вятского чудотворца, в Пермском крае // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. V. Пермь, 1902. С. 91.
18. Житие преподобного Трифона и блаженного Прокопия, Вятских чудотворцев / Сост. Иеромонах Стефан (Куртеев). С изд. 1893 г. Киров, 1999. С. 34.
19. БАН, Архангельское собр. Д. 406. Л. 45–46.
20. *Карбасова Т.Б.* Кирилл Новоезерский... М.; СПб., 2011. С. 176.
21. На обороте крышки переплета сборника БАН, Вятское собр., № 15. Л. I, 104 об. – печать «Лука Арефьевич Гребнев».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Структура Службы преподобному Трифону Вятскому и ее источники

Служба преп. Трифону Вятскому	Источники текста
На малой вечерне 3 стихиры, глас 1	«условно общие»
славник	Служба Зосиме Соловецкому (17 апреля)
богородичен	
3 стихиры на стиховне на малой вечерне	Служба Зосиме Соловецкому
славник	«условно общий»
богородичен	
На великой вечерне на Господи воззвах 3 стихиры, глас 8	Служба Зосиме Соловецкому
3 «ины стихиры», глас 2	Служба Зосиме Соловецкому
славник	
богородичен	
Прокимен дню, «Премудрости Соломони чтение»	Служба Зосиме Соловецкому

3 стихиры на литии	Служба Зосиме Соловецкому
4-я стихира на литии	Служба Евфимию Суздальскому (1 апреля)
славник	«условно общий»
богородичен	
2 стихиры на стиховне	Служба Зосиме Соловецкому
3-я стихира на стиховне	На основе стихир Зосиме Соловецкому
славник	«условно общий»
богородичен	
тропарь	На основе тропаря Евфимию Суздальскому
богородичен	
На утрени седален по 1 кафизме	«условно общий»
богородичен	«условно общий»
седален по 2 кафизме	Служба Зосиме Соловецкому
богородичен	
седален по полиелее	Служба Зосиме Соловецкому
богородичен	
Стихира по 50-м псалме	
Канон преподобному Трифону, глас 2	
Песнь 1	Служба Евфимию Суздальскому (1 апреля)
«Другий канон преподобному», глас 4	
Песнь 1	Служба преп. Мемнону (29 апреля)
Песнь 3: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «инога ирмоса», богородичен	Служба преп. Мемнону
седален, глас 8	Служба Евфимию Суздальскому, седален
«другий седален»	Служба преп. Мемнону, славник
богородичен	
Песнь 4: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «инога ирмоса», богородичен	Служба преп. Мемнону

Песнь 5: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «иноного ирмоса», богородичен	Служба преп. Мемнону
Песнь 6: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «иноного ирмоса», богородичен	На основе 6-й песни преп. Мемнону
кондак	Служба Евфимию Суздальскому, кондак
икос	Служба Евфимию Суздальскому, икос
Песнь 7: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «иноного ирмоса», богородичен	Служба преп. Мемнону
Песнь 8: 3 строфы, богородичен	На основе 8-й песни канона Службы Евфимию Суздальскому
3 строфы «иноного ирмоса», богородичен	На основе 8-й песни канона Службы преп. Мемнону
Песнь 9: 3 строфы, богородичен	Служба Евфимию Суздальскому
3 строфы «иноного ирмоса», троичен, богородичен	Служба преп. Мемнону, 9-я песнь канона
светилен	На основе светильна и богородична Евфимию Суздальскому
богородичен	
2 стихиры на хвалитех	Служба Феодору Трихине (20 апреля), стихиры на Господи воззвах
2 стихиры на хвалитех	Служба преп. Мемнону
славник	Служба Феодору Трихине

ИЗУЧЕНИЕ
СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ
И СОЧИНЕНИЙ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

Е. Остапчук (Jerzy Ostapczuk)

**ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ
В СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЙ:
предварительные замечания***

*Статья написана в рамках исследовательского проекта, реализованного фондом уставных исследований Христианской Богословской Академии в Варшаве, финансируемых Министерством науки и высшего образования в 2014 г.

Церковнославянские тексты Евангелия, как и другие произведения, разделяются на два основных типа: рукописные и печатные. Первые восходят к святым Кириллу и Мефодию, а их начало датируется второй половиной IX столетия. Печатные книги, если речь идет о Евангелиях, появились с 1512 г.; хотя книгопечатание кириллических книг, содержащих другие тексты, началось на несколько лет раньше, с 1491 г. Печатные издания подразделяются на два вида: старопечатные – то есть выпущенные до 1800 г., и печатные – выпущенные с 1801 г.

В течение почти 300-летнего периода книгопечатания (когда речь идет о старопечатных книгах) [1], то есть с 1512 по 1800 г., на разных славянских землях евангельский текст многократно издавался кириллицей [2], отдельно или с другими Библейскими книгами Нового и Ветхого Завета. В этот период полная Библия печаталась 18 раз, Новый Завет с книгой Псалмов – 13 раз, а сам Новый Завет – 38 раз [3]. Кроме этого, издавались и книги, содержащие евангельские (иногда и апостольские) чтения, предназначенные специально для употребления в храмах во время богослужения. Это видно из того, что евангельские фрагменты расположены в них не по евангелистам (Матфей, Марк, Лука и Иоанн), но по порядку чтений литургического года. Из них надо указать издания, содержащие: а) только Двенадцать Страстных Евангелий (издано 1 раз), б) только чтения Великого Четверга и Пятницы (17 раз), в) чтения всей Страстной недели (3 раза), г) чтения одиннадцати утренних Евангелий (1 раз) [4]. Кроме этих последних изданий, охватывающих совсем небольшую часть подвижного литургического года (то есть Страстную неделю) или только один столп евангельских чтений (то есть одиннадцать утренних Евангелий) и тем самым содержащих небольшое количество фрагментов Священного Писания, надо указать и другие книги также исключительно литургического ха-

рактера. Это старопечатные апракосы. До 1800 г. они печатались всего четыре раза [5]. Первые три – это Апостолы-Евангелия апракосы воскресные, изданные в 1620 г. (в Угорцах), 1640 г. (в Луцке) и 1706 г. (во Львове). Четвёртое издание – единственное старопечатное Евангелие апракос полное, напечатанное в 1707 г. в Киеве [6]. Этот апракос связан с принесением неким архимандритом из святой Горы Афон в дар гетману Иоанну Мазепе евангельской книги, имеющей текст, расположенный по зачалам [7].

Все старопечатные апракосы были выпущены в Украине, первые два (1620 и 1640 гг.) до, а последние два (1706 и 1707 гг.) после начала исправления богослужебных текстов и литургической реформы (которую обычно относят ко второй половине XVII в. [8]), а тем самым и сближения русской и белорусско-украинской церковных традиций [9]. Выход в свет этого малоизвестного типа евангельских литургических книг может – что указано на примере других церковных изданий [10] – подтверждать возможность существования различий в православных [11] богослужебных книгах [12] разных славянских территорий [13]. Каким же был с текстологической точки зрения евангельский текст старопечатных апракосов, напечатанных в Украине?

Исследование [14] текста литургических чтений на воскресения в период после праздника Пятидесятницы [15] (т.е. 16-ти фрагментов из Евангелия от Матфея) всех четырёх старопечатных апракосов, напечатанных на территории современной Украины, показало [16], что:

- находящийся в них евангельский текст нельзя признать вполне идентичным, так как в нем находятся разного вида разночтения;

- самое большое количество разночтений в тексте [17], в сравнении с тремя другими, содержит Луцкий апракос 1640 г., а самое малое количество – Угорецкий апракос 1620 г.;

- апракосы можно разделить на близкие текстовые группы: апракосы 1620 и 1707 гг. (Угорецкий и Киевский) и апракосы 1640 и 1706 гг. (Луцкий и Львовский);

- даже в количестве стихов (форме) исследованных евангельских чтений выявлено различие: в апракосе 1706 г. в чтении на шестое воскресенье пропущен седьмой стих девятой главы Евангелия от Матфея, так что литургическое чтение в этом апракосе имеет форму Мф 9,1-6 и 8.

Такая форма евангельского чтения на шестое воскресенье – не новинка в литургической практике [18]. Этот пропуск, как и выявленные разночтения в тексте Евангелия от Матфея, указывают на унаследование отдельными старопечатными книгами некоторых особенностей рукописной литургической и текстовой традиции. И это, как уже указывалось в научных исследованиях, совсем не удивительно.

Полученные результаты побудили к проведению предварительного исследования, в котором вместо старопечатных апракосов использовались бы только старопечатные Четвероевангелия. Таким образом, исследование основывалось бы на типологически идентичных книгах [19]. В науке указывалось на параллельное существование отличающихся литургического и четвѣго тек-

стов не только Евангелия [20], но и других книг Библии (например, Псалтири [21]).

Кириллические Четвероевангелия, в сравнении с апракосами, печатались до 1800 г. в тридцать раз больше, так что на один апракос приходится 30 Четвероевангелий. То есть с 1512 г., когда впервые в Тирговище иеромонахом Макарием напечатано Четвероевангелие, по 1800 г. этот тип книг издавался около 120 раз [22]. До 1554 г. Четвероевангелия издавались исключительно на юге: в Тирговище (1512), Руяне (1537), Сибиу (1537, 1551) и Белграде (1552) [23]; а с XVII в. [24] – на севере, преимущественно в Москве, Львове, Вильнюсе, Киеве, Почаеве и Чернигове [25]. Из всех старопечатных Четвероевангелий, указанных в каталогах и учтенных в описаниях разных собраний, в нашем предварительном исследовании использовано 23 издания, то есть почти 20%. Четыре из них были напечатаны в XVI в., восемь – в XVII в. и одиннадцать – в XVIII в. Это значит, что использовано [26] 33% Четвероевангелий, вышедших в XVI в., 21% – вышедших в XVII в. и 16% – вышедших в XVIII в. Они изданы [27] в Тирговище (1512), Руяне (1537), Белграде (1552), Вильнюсе [28] (1575 и 1600 [29]), Львове [30] (в типографии Успенского Братства: 1636 [31], 1644 (михѣиаль сльозка типографъ лѣѣо [32]), 1670, 1690 и 1704 и в типографии Михаила Сльозки [33], 1665), Москве [34] (1627, 1648, 1716, 1745, 1748 (издание из месяца март) и 1784), в Киеве [35] (1712, 1733 и 1759) и Почаеве [36] (1768, 1771 и 1780, формат 1°).

Из-за большого объема текста в Четвероевангелиях исследование проводилось на основе только избранных шести чтений – на субботу и воскресенье шестой, одиннадцатой и шестнадцатой недель после праздника Пятидесятницы.

Эти чтения составляют следующие фрагменты:

- суббота 6-я: Мф 9,18-26 (зачало 32);
- воскресенье 6-е: Мф 9,1-8 (зачало 29);
- суббота 11-я: Мф 19,3-12 (зачало 78);
- воскресенье 11-е: Мф 18,23-25 (зачало 77);
- суббота 16-я: Мф 24,34-44 (зачало 101);
- воскресенье 16-е: Мф 25,14-30 (зачало 105).

Выявленные в исследовании старопечатных Четвероевангелий разночтения касаются:

- разных глаголов (прости – поустѣ; отъпоустѣ – остави; творитъ – дѣеть);
- разных глагольных форм (въстани – въставъ; събиреши – събирѣи);
- разных имен существительных (дѣльгъ – должное; пѣнась – динарии; вода – потопъ);
- разных имен прилагательных (раслабленъ – ослабень);
- разных форм прилагательных (моужьскыи и женьскыи – мжжьскъ и женьскъ);
- разных имен числительных (ова – дѣва); указательных местоимений (тоу – тѣмо; тои – онъ); притяжательных местоимений (твоюго – своюго);
- пропусков притяжательных (ихъ; его) и указательных местоимений (тои) или значительной части текста (възьмъ одръ свои).

Существование в старопечатных Четвероевангелиях указанных выше типов разночтений дает возможность предварительно распределить исследованные тетры на несколько групп.

Часть чтений находится только в наиболее древних Четвероевангелиях – трех южнославянских, изданных в первой половине XVI в. (то есть в 1512, 1537 и 1552 гг.); тетры, напечатанные с 1575 г., этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выявить следующие разночтения:

Евангелие от Матфея, глава, стих, день	Евангельский текст в тетрах после 1575 г.	Чтение в тетрах первой половины XVI в. (1512, 1537 и 1552 гг.)
9,4 (6 воскр.)	и <u>видѣвъ</u> <u>исъ</u> помышлениина ихъ рече	вѣды
9,6 (6 воскр.)	тѣгда глагола раславленомоу <u>въстани</u> <u>възьми</u> твои одръ и иди въ домъ твои	въставъ
9,7 (6 воскр.)	и въставъ <u>възьмъ одръ свои</u> и иде въ домъ свои	текст <u>възьмъ одръ свои</u> отсутствует [37]
18,23 (11 воскр.)	сега ради оуподоби са <u>цѣсарьствик</u> небесьное	цѣсарьство
18,26 (11 воскр.)	падъ оубо <u>равъ тои</u> [38] кланѣаше са емоу	равъ [39]
18,27 (11 воскр.)	милосърдовавъ же <u>господь</u> раба того прости его	господинъ
18,27 (11 воскр.)	милосърдовавъ же <u>господь</u> раба того <u>прости</u> его и дългъ <u>отъпусти</u> емоу	поустити [40] остави
18,28 (11 воскр.)	и емъ его двавѣаше глаголь <u>отъдаждъ</u> ми имже ми еси дължьнъ	даждъ [41]
18,34 (11 воскр.)	предде его мжителемъ дондеже <u>въздасть</u> <u>въсь дългъ</u> [42] свои	въсе должное
19,4 (11 суб.)	яко сътворивъши искони <u>моужьскыи полъ</u> и <u>женьскыи</u>	мжжьскъ и женьскъ
19,7 (11 суб.)	что оубо <u>мосии</u> <u>заповѣда</u> дати кънижъ <u>распоустнижъ</u> и <u>отъпустити</u> ѿ	поустити [43]
19,11 (11 суб.)	<u>онъ</u> же рече имъ	<u>ис</u>

24,39 (16 суб.)	приде вода и възлѣтъ <u>всѣ</u>	всѣхъ
25,15 (16 воскр.)	комоуждо противѣ <u>силѣ его</u>	силѣ свои
25,18 (16 воскр.)	примѣи же кдинѣ шьдѣ <u>въкопа его въ землѣ</u>	ископа въ земли
25,19 (16 воскр.)	приде господинѣ рабѣ <u>тѣхъ и сътаза са</u> о словеси съ ними	исътазати са
25,20 (16 воскр.)	и пристѣпль <u>примѣи пѣтъ таллантъ</u> ¹	иже примѣи
25,24 (16 воскр.)	рече господи <u>вѣдахъ</u> тѣ яко жестокъ кси чловѣкъ <u>жънеши</u> идеже не сѣялъ еси и <u>сѣвиреши</u> ѡдоуже не расточилъ кси	вѣдахъ жъна или жънаи [44] сѣвирѣа
25,29 (16 воскр.)	имѣющоу моу бо <u>всѣде</u> дано вждетъ и <u>преизвоудетъ</u>	всѣкомѣ извждетъ

Иная часть чтений выявлена только во всех **львовских Четвероевангелиях** (1636, 1644, 1665, 1670, 1690 и 1704 гг.); тетры, напечатанные в других местах (на юге, в Москве, Вильнюсе, Киеве и Почаеве), этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет указать следующие различия:

Евангелие от Матфея, глава, стих, день	Евангельский текст в тетрах, напечатанных на юге, в Москве, Вильнюсе, Киеве и Почаеве	Чтение в львовских тетрах (1636, 1644, 1665, 1670, 1690 и 1704 гг.)
19,5 (11 суб.)	оставить чловѣкъ отьца и матеръ и прилѣпить са (къ) женѣ свои и вждетъ <u>оба въ плѣтъ кдинѣ</u>	дѣва [45]
19,9 (11 суб.)	и жени са поущеницею <u>прѣлюбы дѣетъ</u>	прѣлюбы творить
19,9 (11 суб.)	онъ же рече имъ не вси вѣмѣшють <u>словесе сего</u>	слово сие
19,12 (11 суб.)	и сѣтъ каженици ^{III} иже ^{III} <u>искажиша сами себе</u> ^{II} цѣсарьствиа ради небеснаго _	скопиша са сами
25,29 (16 воскр.)	отъ не имоущаго же и кже мьнить са <u>имѣа</u> възато вждетъ отъ него	имѣти (так же в киевском издании 1712 г.)
25,30 (16 воскр.)	неключимаго раба вѣврьзѣте въ тѣмъж кромѣшънжъ <u>тоу</u> вждетъ плачь и скръжьтѣ зжвомѣ	тѣмо

Ещё часть чтений выявлена только в некоторых **львовских Четвероевангелиях**, а именно в напечатанных в 1644 и 1665 гг.; первое из них подготовлено Михаилом Сльозкой, а второе им издано. Тетры, напечатанные в других местах (на юге, в Москве, Вильнюсе, Киеве и Почаеве) и во Львове в 1636, 1670, 1690 и 1704 гг. этих чтений не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий показывает следующие различия:

Евангелие от Матфея, глава, стих, день	Евангельский текст в тетрах, напечатанных на юге, в Москве, Вильнюсе, Киеве, Почаеве и во Львове в 1636, 1670, 1690 и 1704 гг.	Чтение в львовских тетрах 1644 и 1665 гг.
18,26 (11 воскр.)	падъ оубо <u>рлвѣ тѡи</u> (или без тѡи [46])	рлвѣ онѣ
18,27 (11 воскр.)	милосръдоблвѣ же господѣ <u>рлвѣ того</u> (или о рлвѣ томѣ [47])	рлвѣ оногѡ
18,28 (11 воскр.)	изшѣдъ же <u>рлвѣ тѡи обрѣте</u> <...> иже вѣ длѣжнѣ емоу сътомѣ <u>пѣнасъ</u>	рлвѣ онѣ динари
18,32 (11 воскр.)	тѣгда призѣвалѣ его <u>господинѣ</u> его	господѣ
25,19 (16 воскр.)	по мѣноузѣ же врѣмени приде <u>господинѣ</u>	господѣ [48]
19,3 (11 суб.)	аще достоинѣ чловѣкоу <u>поустити женѣ</u>	отѣпоустити [49]
19,8 (11 суб.)	повелѣ влмѣ <u>поустити женѣ</u> вашѣ	отѣпоустити
19,9 (11 суб.)	иже аще <u>поуститѣ</u> женѣ своѣ	отѣпоуститѣ
19,9 (11 суб.)	женѣмѣ <u>поушеницею</u> прѣлюбѣтворитѣ	отѣпоушеницеѣ
24,36 (16 суб.)	о днѣи же <u>томѣ</u> и о часѣ	ономѣ
24,45 [50]	поставитѣ господинѣ его надѣ <u>домѣ</u> своимѣ	домовники своимѣ

На родство между этими двумя львовскими Четвероевангелиями указывают не только выявленные различия, но и написание местоимения **вьсь** с двойным «в» (то есть **ввесь**), имеющее место в Мф 18,32 [51] и 34 [52] (11-е воскресенье).

Другая часть чтений выявлена только в Четвероевангелиях, изданных в первой половине XVI в. (то есть в 1512, 1537 и 1552 гг.), и во всех львовских (1636, 1644, 1665, 1670, 1690 и 1704 гг.). Тетры, напечатанные в Москве, Вильнюсе, Киеве и Почаеве, этих чтений не подтверждают [53]. Такое сопоставление Четвероевангелий дает следующие различия:

Евангелие от Матфея, глава, стих, день	Евангельский текст в тетрах, печатавшихся за пределами юга и Львова	Чтение в южнославянских и львовских тетрах
9,2 (6 воскр.)	и се принесоша ємоу раславена <u>жилли</u> [54]	жилли отсутствует
18,24 (11 воскр.)	доньдеже въздастъ вьсь дльгъ [55] <u>свои</u>	ємоу
24,39 (16 суб.)	и не оувѣдѣша доньдеже приде <u>вода</u>	потопъ
24,45 [56]	еже даати имъ пицжъ въ врѣмѣ <u>ихъ</u>	ихъ отсутствует [57]

Ещё часть чтений выявлена только в Четвероевангелиях [58], изданных в Вильнюсе (1575 и 1600 гг.) и Москве в XVII в.; тетры, напечатанные на юге, во Львове, Киеве, Почаеве и Москве в XVIII в., то есть в 1716, 1745, 1748 (издание из месяца март) и 1784 гг., их не подтверждают. Такое сопоставление Четвероевангелий позволяет выделить следующие различия:

Евангелие от Матфея, глава, стих, день	Евангельский текст в тетрах, напечатанных на юге, во Львове, Киеве, Почаеве и Москве в XVIII в.	Чтение в вильнюсских и московских тетрах XVII в.
9,2 (6 воскр.)	и се принесоша ємоу <u>раславена</u> (жилли)	ославена
9,2 [59] (6 воскр.)	рече <u>раславленомоу</u> дръзди чѣдо	ославленоуємоу

В исследованных Четвероевангелиях можно указать и такие различия, которые находятся только в отдельных изданиях. На данный момент они не дают возможности более подробного деления использованных тетров на группы, но в будущем могут оказаться полезными для того или иного рода исследований. Надо подчеркнуть, что в этих чтениях могла отразиться работа наборщика, справщика или типографа; в таком случае это будут авторские чтения. Эти единичные различия выявлены в тетрах, изданных в Руяне в 1537 г. [60] и Киеве в 1759 г. [61].

Наше исследование ограничено только 23 старопечатными Четвероевангелиями, происходящими из разных печатных центров и выпущенными в разные годы в течение почти 300 лет. Выявленные нами различия в евангельском тексте указывают на возможность группировки напечатанных до 1800 г. тетров по годам или местам их изданий:

- три южнославянские Четвероевангелия первой половины XVI в.: 1512, 1537 и 1552 гг.;
- все львовские Четвероевангелия: 1636, 1644, 1665, 1670, 1690 и 1704 гг.;
- два львовские Четвероевангелия 1644 и 1665 гг. (подготовлены Михаи-

лом Сльозкой; первое издано в типографии Успенского Братства, а второе – в его частной типографии);

- три южнославянские первой половины XVI в. и все львовские Четвероевангелия;

- Четвероевангелия вильнюсские (1575 и 1600 гг.) и московские XVII в.

Основанная на текстологическом исследовании возможность группировки старопечатных Четвероевангелий становится понятной, если учитывать [62] разницу в местных литургических традициях, историю развития книгопечатания, тогдашних политических и торговых связей и т.д. Выделяющиеся из общей массы три Четвероевангелия первой половины XVI в. были выпущены на юге в первое пятидесятилетие славянского книгопечатания. Их текстологическая близость с львовскими тетрами подтверждает связь украинских (особенно западных) земель с Константинополем и Балканами, откуда происходили их образцы. Близость [63] виленских Четвероевангелий с московскими можно объяснить ориентацией их издателей на московский рынок [64], что заставляло их учитывать в печати московскую манеру [65]. Неудивительно, что львовские и московские издания Четвероевангелий отличаются между собой с текстологической точки зрения, ведь украинские и московские богослужебные книги не сходны [66] между собой [67].

Полученные результаты пока нельзя признать окончательными, ведь исследование проводилось только на 20-ти процентах старопечатных Четвероевангелий. Использование всех остальных типологически идентичных изданий или какой-то их части (например, южнославянских, львовских или московских изданий XVI, XVII или XVIII вв.) может подтвердить полученные в предварительном исследовании результаты, но с другой стороны, может также категорически их опровергнуть и указать на их случайность. Использование большего количества изданий Четвероевангелий может дать и новые, не выявленные в этом исследовании, результаты. Чтобы получить возможно полную картину истории старопечатного евангельского текста, необходимо привлечь для изучения все издания, в рамках которых (при ограничении [68] местом или периодом издания) будет проводиться исследование. Без сомнения, все старопечатные Четвероевангелия заслуживают подробного исследования не только с текстологической, но и с других точек зрения, например, литургической.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В дальнейшем, когда в тексте не будет указано дополнительно, речь будет идти о книгах, напечатанных до 1800 г.

2. В исследовании не учтены евангельские тексты, напечатанные глаголицей у южных славян.

3. Подробнее о предварительной статистике печатных евангельских текстов см.: *Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne perykopy liturgiczne z Ewangelii Mateusza w cerkiewnosłowiańskich lekcjonarzach krótkich*. Warszawa, 2013. С. 133–155.

4. *Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne...* С. 154–155.

5. Апракосы издавались и после 1800 г., преимущественно в Украине. Об изданиях апракосов в XIX в. см.: *Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne...* С. 164–167.

6. См.: *Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne...* С. 155–163.

7. Во введении написано: *добрѣхотны читателю видащи и прїемлющи Євѣскѣю Книгоꙋ не почѣдѣса (Євѣѣ или Бѣговѣствовање гѣда бѣга и спѣса ншегов Іиса Хрѣта, в стои великои чѣдотворнои Лаврѣ Печеѣскои Киевскои, Первое сицевымъ составленемъ издадѣса, ѣлѣзъ, 2,4-6 (I счета))*.

8. Или даже к концу 30-х – 40-м гг. XVII в. (*Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков: Простая Псалтирь*. М.; СПб., 2010. С. 48).

9. *Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири...* С. 38.

10. *Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири...* С. 37, сноска 164.

11. В XIX в. апостолы-евангелия апракосы (воскресные) печатались лишь в греко-католической среде, во Львове и Вене, с целью использовать их в обучении (*Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne...* С. 166–167). Исключение составляет только Евангелие апракос полный, изданный в 1854 г. в Синодальной типографии в Москве, рукописный образец для которого был приготовлен Христом Павловичом из Дупницы Македонской в 1845 г. (раньше ошибочно указывалось на Петра Васильевича Хавского (1771–1876)) (см.: *Алексеев А.А. Библия в богослужении: Византийско-славянский лекционарий*. СПб., 2008. С. 141; *Ostapczuk J. Sobotnie i niedzielne...* С. 164, сноска 100).

12. При издании апостольских и евангельских чтений нельзя говорить о различиях в богослужении, поскольку форма евангельских чтений (что касается начала и конца зачал) в них идентична. Разница может наблюдаться только в количестве евангельских чтений минейной части (соответствующей неподвижным праздникам). Это обусловлено местными праздниками, принятыми в той среде, для которой печатники предназначали свою работу. В случае с Евангелием разница касается лишь типа книги: апракоса или тетра.

13. *Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири...* С. 37, сноска 164. В «Малой подорожной книжке» Ф. Скорины учтены богослужебные традиции жителей Великого княжества литовского (см.: *Вознесенский А.В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах: 1. Малая подорожная книжка Франциска Скорины // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 338, сноска 5).*

14. *Ostapczuk J. Stabilność cerkiewnosłowiańskiego tekstu Ewangelii w cyrylickich starych drukach lekcjonarzy // Starodruki cyrylickie w zasobach parafialnych pogranicza polsko-słowackiego*. Gorlice, 2014. С. 10–24.

15. Разнотчения в тексте, предназначенном для Пасхальной литургии, см.: *Os-*

tapczuk J. Starodruki cyrylickich ewangeliarzy w świetle cerkiewnosłowiańskiej tradycji // Rocznik Teologiczny. Т. 53. 1–2/2011. С. 103–106.

16. *Ostapczuk J.* Stabilność cerkiewnosłowiańskiego... С. 16–17.

17. Описание учитываемых в исследовании различий см.: *Ostapczuk J.* Stabilność cerkiewnosłowiańskiego... С. 15–16.

18. См. *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne... С. 316.

19. На это указывал Ф.К. Людоговский (см.: *Людоговский Ф.К.* Функционирование и эволюция служебного и четьего вариантов церковнославянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2006. Т. 2004–2005. С. 417, сноска 24).

20. *Людоговский Ф.К.* Функционирование и эволюция... С. 401.

21. *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 85, 89.

22. *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne... С. 137–148.

23. *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne... С. 137.

24. Во второй половине XVI в. Четвероевангелия издавались в Москве (ок. 1555, ок. 1560 и ок. 1564), Брашове (1561), Мръкшиной Церкви (1562), Вильнюсе (1575) и Шебеше (1579). См.: *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne... С. 138–139.

25. *Ostapczuk J.* Sobotnie i niedzielne... С. 139–148.

26. Из вильнюсских изданий Четвероевангелий использовано 50%, из львовских – 54%, из киевских – 23%, из почаевских – 60% и из московских, напечатанных в XVII и XVIII вв., только 9%. К сожалению, Четвероевангелия московские XVI в. (ок. 1555, ок. 1560 и ок. 1564), из Сибиу (1537 и 1551), Шебеша (1579 и 1583), Брашова (1561), Мръкшиной Церкви (1562), из Монастыря св. Иоанна возле Бухареста (1582), Клиницы (1786) и Чернигова (1717) не были использованы в исследовании.

27. В исследовании дополнительно использовано издание Василия Цяпинского (1580), в котором вообще нет литургических указаний и дополнений. Результаты, полученные при исследовании этой книги, указаны в сносках.

Дополнение печатного текста Евангелия или Апостола (изданных как части Нового Завета) рукописными служебными указаниями давало возможность использовать их в богослужении, что отмечено в научных исследованиях (см.: *Вознесенский А.В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах: 2. Об изданиях Ивана Федорова и о некоторых особенностях раннего кириллического книгопечатания // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 628).

28. Не использованы вильнюсские Четвероевангелия: 1644 и 1790 гг.

29. Издание с сигнатурами. Подробнее о «парных» виленских изданиях Мамоницей см.: *Вознесенский А.В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах: 4. Виленский «Часословец» 1601 г. // ТОДРЛ. Т. 52 С. 636–637.

30. Не использованы львовские Четвероевангелия: 1639, 1683, 1722, 1736 и 1743 гг.

31. Над напечатанным в типографии Успенского братства в 1636 г. Четвероевангелием работал Михаил Сльозка; в этой типографии он работал в 1634–1637 и 1643–1651 гг. (см.: *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование // Россия и Христианский Восток. Библиотека. М., 2009. Вып. 8. С. 199, 206–207.

32. Об условиях работы Михаила Сльозки в 1643–1651 гг. см.: *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского... С. 206–207. Предисловие к Евангелию подписано Братством Храма Успения и Михаилом Сльозкой (см.: *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского... С. 487).

33. После кончины Сльозки в 1667 г. его типографию в 1670 г. купило Братство.
34. Не использованы московские Четвероевангелия: 1606, 1619, 1628, 1633, 1634, 1637, 1640, 1644, 1651, 1653, 1655, 1657, 1663, 1668, 1677, 1678, 1681, 1685, 1687, 1688, 1689, 1694, 1697, 1698, 1701, 1702, 1703, 1711, 1717, 1718, 1711, 1730, 1735^x, 1735^{xi}, 1741, 1744, 1748^{ix}, 1751, 1753, 1754, 1757, 1758, 1759, 1760, 1762, 1763ⁱⁱ, 1763^{vii}, 1763^{xi}, 1764, 1766, 1771ⁱ, 1771^v, 1774, 1775, 1779^{vi}, 1779^{viii}, 1782, 1785, 1786, 1789, 1791, 1794, 1796, 1798 и 1800 гг.
35. Не использованы киевские Четвероевангелия: 1644, 1659, 1697, 1737, 1746, 1752, 1771 (два издания), 1773 и 1784 гг.
36. Не использованы почаевские Четвероевангелия: 1759 и 1780 гг., формат 2°.
37. В тетраях киевском 1759 г., почаевском 1780 г. и в издании Василия Цяпинского этот текст находится в скобках.
38. Только в львовских изданиях 1644 и 1665 гг. есть *равъ онъ*.
39. В Мф 18,27 и 18,38 в Четвероевангелиях 1512, 1537 и 1552 гг. есть *рѣва того и равъ тои*.
40. Так же в издании Василия Цяпинского в основном тексте, но на поле написано: *в московскомъ недавно дрѣкованомъ: просъти*. Так же в издании Василия Цяпинского.
41. В Мф 18,30 (11 воскр.) во всех исследованных Четвероевангелиях написано *въздѣстъ*.
42. В Мф 18,30 (11 суб.): *онъ же не хотѣлше нъ ведъ въсѣди его въ темъницѣ дондеже въздѣстъ въсь дългъ*, во всех Четвероевангелиях вместо *въсь дългъ* стоит *должное*.
43. В Мф 19,8 (11 суб.): *глагола имъ ꙗко по жестосрѣдню влшемоу повелѣ влмъ поустити жены влшѣ*, во всех Четвероевангелиях, кроме тетров 1644 и 1665 гг. (в которых находится *отъпоустити*), написано *поустити*.
44. В Евангелии тетр 1537 г.
45. В других местах, то есть в Мф 24,40 и 41 (16 суб.), во всех тетрах *дѣва*.
46. В тетрах 1512, 1537 и 1552 гг. только *равъ*.
47. Во львовских тетрах 1670, 1690 и 1704 гг.
48. Идентичное употребление этой пары имен существительных (*господинъ - господь*) в таком сопоставлении Четвероевангелий выявлено в двух иных местах, то есть в Мф 24,45 и 46 (текст после чтения 16-й субботы).
- О неоднородности употребления этих лексем (*господинъ - господь*), соответствующих одному греческому слову *ὁ κύριος*, в таком сопоставлении Четвероевангелий, даже в одном и том же литургическом чтении, свидетельствует фрагмент Евангелий на 11-е и 16-е воскресенья после праздника Пятидесятницы. В первом чтении кроме Мф 18,32 слово *господь* находится в 18,25.26.27.34, а *господинъ* в 18,30. Во втором чтении кроме Мф 25,19 слово *господь* находится в 25,20.21^{2*}.22.23^{2*}.24 и 26, а *господинъ* в 25,18.
49. В Мф 19,7 (11 суб.): *что оубо мосии заповѣда дати кънижъ распоустнѣжъ и отъпоустити ѡ*, во всех Четвероевангелиях, кроме самых древних тетров (1512, 1537 и 1552 гг., в которых находится *поустити*), написано *отъпоустити*.
50. Текст Мф 24,45 находится после чтения 16-й субботы.
51. В Мф 18,32 *въсь (дългъ)* написано: в 1644: *ввесь*, и в 1665: *ввесь*.
52. В Мф 18,34 *въсь (дългъ)* написано: в 1644: *ввесь*, и в 1665: *ввѣ*.
53. С изданием Василия Цяпинского.
54. Имя существительное *жилми* в тетрах по 1716 г. печаталось в скобках.

55. Только в Четвероевангелиях, изданных в первой половине – середине XVI в. (то есть в 1512, 1537 и 1552 гг.), находим *всье должное*, во всех остальных – *всь дльгъ*.

56. Текст Мф 24,45 находится после чтения 16-й субботы.

57. В трех тетрах (1759, 1771 и 1780 гг.) это местоимение находится в скобках.

58. К Четвероевангелиям виленским и московским XVII в. примыкает и издание Василия Цяпинского.

59. В Мф 9,6 (6 воскр.) во всех исследованных Четвероевангелиях находится *раславленоуѣ*, но начиная с 1716 г. (за исключением тетра 1768 г.) всегда в скобках.

60. В Мф 19,7 (11 суб.): *распоустнижъ* – *распоустнж* (Руянский тетр); Мф 24,45: в Руянском тетре пропущено местоимение *его* (по *господинъ*); 25,25 (16 воскр.): *въ земли - въ земляжъ*; Мф 25,26 (16 воскр.): *не сѣлахъ* – *не сѣла^х ѣмь* (Руянский тетр).

61. В Мф 25,24 и 26 (16 воскр.): дважды вместо *ждоуѣ* есть *идѣже* (Киевский тетр 1759 г.).

62. А.В. Вознесенский указал на необходимость учитывать историю местного развития книги (см.: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 55–56).

63. Так называемые «парные» издания Мамоницей печатались с разных наборов одного и того же текста (см.: *Вознесенский А.В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах: 4. Виленский... С. 637).

64. Напечатанные в виленской типографии Мамоницей «парные» издания, различающиеся книгообразующими элементами (т.е. наличием или отсутствием кустод, сигнатур и счета листов), распространялись и в Московском государстве (см.: *Вознесенский А.В.* Сведения и заметки о кириллических печатных книгах: 4. Виленский... С. 636–637). **Богослужбные книги, попавшие в Москву, происходили главным образом из типографии Мамоницей в Вильне** (см.: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 42). Подробнее см.: *Зернова А.С.* Типография Мамоницей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. Москва, 1959. Сб. 1. С. 208–221.

65. *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 42.

66. В Москве белорусские и украинские книги не просто перепечатывались, а использовались – после тщательной сверки и исправления – «в качестве готовых форм» для создания других текстов (см.: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 50).

67. *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири... С. 44.

68. В своих исследованиях простой Псалтири А.В. Вознесенский ограничился московскими изданиями XVI–XVII вв. (см.: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири...).

И.И. Макеева

МОСКОВСКИЕ И КИЕВСКИЕ СТАРОПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ «НИКОЛИНА ЖИТИЯ»

«Службы и житие Николая Мирликийского» только в течение XVII в. Московским печатным двором были изданы восемь раз: в 1640 г., 1641 г., 1643 г., 1662 г., 1679 г., 1688 г., 1694 г. и в 1699 г. Между первыми тремя изданиями, появившимися почти подряд, и пятью следующими публикациями прошло около девятнадцати лет. Такой длительный перерыв можно объяснить удовлетворением имевшихся потребностей: тираж третьего издания составил 2400 экземпляров. Кроме того, с печатных изданий делали рукописные копии. В XVIII столетии московские публикации продолжали появляться достаточно регулярно: в 1725 г., 1752 г., 1764 г., 1785 г. Первое киевское издание появилось намного позднее – в 1680 г. Затем последовали публикации 1700 г., 1738 г., 1746 г., 1747 г., 1751 г., 1757 г., 1761 г. и др. [1].

Первое московское издание «Николина жития» (так книга поименована в документах Приказа книгопечатного дела – РГАДА. Ф. 1182) появилось в последний год патриаршества Иоасафа. Печатание книги было закончено 5 декабря 1640 г., ко дню памяти Николая Чудотворца, отмечаемому 6 декабря по ст. ст. Второе издание (1641 г.) вышло в период междупатриаршества, а третье (1643 г.) появилось уже при новом патриархе Иосифе, который был поставлен на престол в марте 1642 г.

Как свидетельствуют документы Приказа книгопечатного дела, над первым изданием (1640 г.) и над вторым изданием (1641 г.) работали одни и те же шесть справщиков: протопопы Иоаким и Михаил Рогов, Иван Наседка, старец Савватий, вдовый дьякон Иван Селезнев и мирянин Шестой Мартемьянов [2].

Справщики, готовившие третье издание, поименно не названы ни в одной из двух книг Приказа книгопечатного дела. Обозначено только их количество – пятеро (РГАДА. Ф. 1182. Д. 34. Л. 66 об.; Д. 36. Л. 215 об.). Состав устанавливается по предыдущим и последующим изданиям Московского печатного двора. В работе над третьим изданием «Николина жития» не принимали участия протопоп Иоаким и вдовый дьякон Иван Селезнев, вместо которых к работе приступил Захарий Афанасьев Подосенов.

Состав книги был определен как «книги николина жития и чудеса и правдство» (РГАДА. Ф. 1182. Д. 34. Л. 1), «книги николина жития со всею

службою ова пражника в декарѣ и в мае» (там же. Л. 10 об.), «книги никола чюдотворца пранество и житие с чюдеса обѣ службы в декарѣ и в мае» (Там же. Д. 35. Л. 199). То есть в издание должны были войти службы и произведения, приуроченные ко дню памяти святителя 6 декабря («Никола зимний») и дню перенесения мощей в итальянский город Бари 9 мая по ст. ст. («Никола вешний»).

Структурно все издания «Служб и жития Николая Мирликийского» состоят из четырех частей: службы, житие, сказания о чудесах и «Слова». Причем во всех книгах служебная часть помещена первой, а житие следует вторым. Расположение чудес и «Слов» варьируется.

В основу издания, как сказано в предисловии, положены тексты из списка, принадлежавшего Московскому Успенскому собору, ключарем в котором был Иван Наседка [3]. Однако, если учитывать комбинации произведений цикла св. Николая в русской письменности, напрашивается предположение о том, что список был не один.

В русской рукописной традиции к этому времени сформировался и функционировал посвященный св. Николаю литературный цикл, в целом включавший около двух десятков житий, похвальных слов и других произведений и почти столько же сказаний о чудесах [4]. Обычно они входили в состав сборников религиозно-нравственного содержания и в Торжественники. Отдельных рукописей с циклом св. Николая мало.

В сборниках большинство текстов приурочено к «Николе зимнему», и лишь «Память (Слово) перенесения мощей» – к «Николе вешнему». Традиционно под 6 декабря сначала помещалось одно из житий (чаще всего так называемое «Иное житие»), затем следовали сказания о чудесах и «Слово похвальное св. Николаю». Однако нередко чудеса и «Слово похвальное» оказывались вместе с «Памятью перенесения мощей» под 9 мая.

В первое и последующие московские издания «Николина жития» из трех больших житий, не совпадавших по содержанию, вошло не самое известное «Иное житие», а так называемое «Метафрастово житие св. Николая», автором которого был византийский агиограф X в. **Симеон Метафраст**. Текст представляет собой южнославянский перевод с греческого, известный в русской письменности с XV в.

Раздел «Слов» составили «Слово похвальное св. Николаю», «Слово на перенесение мощей» и «Слово похвальное на перенесение мощей».

Часть сказаний о чудесах в русской письменности стала известна уже в древнерусский период. Их старшие списки относятся к XII–XIII вв. [5]. Входящие в эти рукописи тексты составили цикл ранних чудес св. Николая, которые будут в данной работе в центре внимания [6]. Остальные сказания известны в более поздних списках начиная с XV в. Если среди житий был проведен отбор, то известные в русской письменности сказания о чудесах в старопечатные издания включены почти полностью. В книгу 1640 г. вошли: 1) чудо о Петре-чернеце (из раннего цикла сказаний); 2) чудо об утопшем муже (из стихного Пролога); 3) чудо о Епифании, или о злате (из раннего цикла сказа-

ний); 4) чудо о детище («позднее» сказание); 5) чудо о половчине («позднее» сказание); 6) двойное чудо свв. Николая Чудотворца и Георгия Победоносца (из раннего цикла сказаний); 7) чудо о Дмитрие (из раннего цикла сказаний); 8) чудо о Симеоне (из раннего цикла сказаний); 9) чудо об Агрике и его сыне Василии (из раннего цикла сказаний); 10) чудо о юноше Николе (из раннего цикла сказаний); 11) чудо о попе Христофоре (из раннего цикла сказаний); 12) чудо о ковре (из раннего цикла сказаний); 13 и 14) два чуда о царе Стефане (из «Жития Стефана Сербского», написанного Григорием Цамблаком); 15) чудо об обнищавшем монастыре («позднее» сказание).

В первом московском издании 1640 г. чудеса выделены как особая часть: *Ўсѣлѣ чудеса ст҃аго нико́лы, / ꙗже по преставленіи егѡ бывшаа, / в различнаа времена* (л. ꙗ об.). Во втором и третьем изданиях сказания следуют за предыдущим произведением без особой рубрики. В том, что в книги вошли именно посмертные чудеса, заключается одна из причин отсутствия прижизненных чудес о трех воеводах (из раннего цикла) и о трех девицах («позднее» сказание). Кроме того, оба сюжета были частью находящегося в книгах «Метафрастова жития св. Николая».

В первом издании всего было 15 сказаний, из них 9 ранних. Начиная со второго издания 1641 г. раздел «Чудес» состоял из 16 произведений: добавлено сказание о трех иконах. Ранних чудес осталось 8: двойное чудо свв. Николая Чудотворца и Георгия Победоносца заменено созданным на его основе чудом о сарацине. По непонятной причине так и не вошло в книгу известное в рукописной традиции чудо о трех друзьях. Помимо изменения состава справщики поменяли порядок текстов. Таким, каким он стал во втором издании, порядок сказаний остался во всех следующих изданиях (см. таблицу 1).

Таблица 1

Состав и порядок следования чудес в московских изданиях «Николина жития» (здесь и далее курсивом обозначены ранние сказания о чудесах)

Текст	№ п/п в издании 1640 г.	№ п/п в изданиях 1641 и 1643 гг.
<i>Чудо о Петре</i>	1	5
Чудо об утопшем муже	2	10
<i>Чудо о Елифании, или о злате</i>	3	11
Чудо о детище	4	7
Чудо о половчине	5	12
<i>Двойное чудо 1640 г.; чудо о сарацине 1641 г. и 1643 г.</i>	6	3
<i>Чудо о Дмитрие</i>	7	6
<i>Чудо о Симеоне</i>	8	13
<i>Чудо об Агрике и его сыне Василии</i>	9	1

<i>Чудо о юноше Николе</i>	10	14
<i>Чудо о попе Христофоре</i>	11	2
<i>Чудо о ковре</i>	12	15
Чудо о царе Стефане (1)	13	8
Чудо о царе Стефане (2)	14	9
Чудо о монастыре	15	16
Чудо о трех иконах	-	4

Готовя первое издание, справщики отредактировали сказания [7]. Редактирование было разным. Одни тексты остались в виде, близком к рукописной традиции, другие в той или иной степени изменены. У чуда об Агрике и его сыне Василии поменялась структура: исключен большой вставной эпизод с изложением части сказания о трех воеводах, который, во-первых, дублировал соответствующую часть «Метафрастова жития», во-вторых, нарушал целостность самого чуда об Агрике.

Включая сказания во второе издание 1641 г., справщики еще раз отредактировали тексты, но уже не все, а только часть из них, причем иногда отмечается возврат к рукописной традиции (см. таблицу 2). В той же редакции сказания вошли в третье издание 1643 г., повторяющее второе.

Таблица 2

Редакторская правка текстов ранних чудес «Николина жития»

Текст	Издание 1640 г.	Издания 1641 и 1643 гг.
<i>Чудо о Петре</i>	<i>Отредактировано</i>	<i>Отредактировано</i>
<i>Чудо о злате</i>	близко к рукописной традиции	= изданию 1640 г.
<i>Двойное чудо</i>	близко к рукописной традиции	Заменено чудом о сарацине
<i>Чудо о Дмитрии</i>	<i>Отредактировано</i>	<i>Отредактировано</i>
<i>Чудо о Симеоне</i>	<i>Отредактировано</i>	= изданию 1640 г.
<i>Чудо об Агрике и его сыне Василии</i>	<i>Отредактировано</i>	<i>Отредактировано</i>
<i>Чудо о юноше Николе</i>	близко к рукописной традиции	= изданию 1640 г.
<i>Чудо о попе Христофоре</i>	<i>Отредактировано</i>	<i>Отредактировано</i>
<i>Чудо о ковре</i>	Близко к рукописной традиции	= изданию 1640 г.

Помимо редактирования текстов во втором издании были изменены названия семи сказаний. Общий принцип установить трудно. Можно предпо-

ложить, что справщики руководствовались следующим: отразить в новом названии общую тему произведения (см. чудеса о Петре, о детище, о Дмитриии, о попе Христофоре) или указать конкретную, отсутствовавшую ранее (как во втором чуде о царе Стефане); откорректировать языковые погрешности (порядок слов в чуде об Агрике); устранить имя автора (как в первом чуде о царе Стефане) (см. таблицу 3).

Таблица 3

Редактирование названий сказаний во втором/третьем изданиях

Текст	Название сказания в издании 1640 г.	Название сказания в издании 1643 г.
Чудо о Петре	Чюдо ст҃аго нико́лы ђ петрѣ во/евѡдѣ, е҃гоже ѡс темни́цы / ѡзѡба́ви ѡ сраци́нѣ ѡ приведе / в рѣмѣ	Чюдо ѡ петрѣ нѣкоемъ военача/лицѣ, е҃гоже ст҃ый нико́ла ѡс темни́цы ѡзѡба́ви
Чудо о детище	Чюдо ст҃аго нико́лы сотвори́ше/еса во градѣ кѣвѣ	Чюдо ѡ нѣкоемъ дѣтищи оу҃тропше ^М , / е҃гоже ст҃ый нико́ла жива сохрани
Чудо о Дмитриии	чюдо ст҃аго дѣца нико́лы ђ димѣтрѣи. / е҃гоже ѡзѡба́ви ѡзѡ дна мо́ра	Чюдо ђ нѣкоемъ мѡжи димѣтрѣи, / е҃гоже ст҃ый нико́лае ѡзѡба́ви ѡ / потопленѣа
Чудо об Агрике	Чюдо ст҃аго нико́лы ђ васи́лѣи, / снѣ ѡгриковѣ	Пѡвѣстѣ ѡ чудеса ст҃аго ѡца нико́лы, / ѡже ѡ ѡгриковѣ снѣ васи́лѣи
Чудо о попе Христофоре	чюдо, ст҃аго нико́лы, ђ нѣкоемъ / ѡренѣи ѡманемъ христо-ѡбрѣ	Чюдо ѡ христоѡбрѣ попѣ, како ст҃ый / нико́лае ѡзѡба́вилѣ ѡ посѣченѣа меча
Чудо о царе Стефане (1)	Чюдо новѣйшее ст҃аго нико́лы / ђ црѣ стефанѣ се́рвскомъ ѡже / в дача́нѣхъ, како дарова́ емѣ / ѡчи ѡже на дла́нѣ. ѡписано гри/го́рѣемъ мни́хомъ ѡ презвѣте/ромъ. ѡгѡменомъ бывшимъ / тоѡ же ѡвѣтели	Чюдо ѡ стефанѣ црѣ се́рвскомъ, / како емѡу ст҃ый нико́ла по ѡслѣ/пленѣи ѡчи на дла́ни показа
Чудо о царе Стефане (2)	ѡно чюдо / ст҃аго нико́лы ђ тоѡ же црѣ стефанѣ	Чюдо ѡ тоѡмъ же црѣ стефанѣ, / како ст҃ый нико́ла первыи свѣтъ емѡу дарова́

В том виде, какой сказания о чудесах приобрели в издании 1641 г. и повторяющем его издании 1643 г., они вошли в следующую публикацию «Николина жития» 1662 г.

Эта книга отличается от остальных (предшествующих и последующих) другим форматом (8° вместо 4°) и более мелким изящным шрифтом. В книге другие колонтитулы: обычно в них указано название соответствующего текста, а в издании 1662 г. поименован раздел: **чѹдеса** (на левой стороне, т.е. обороте) **сѣ́агѡ нѣ́кола́а** (на правой стороне).

В следующей московской публикации 1679 г. с «технической» точки зрения сделан возврат к предыдущим изданиям, то есть оно вновь выполнено в формате 4° крупным шрифтом; возвращены колонтитулы с названием каждого сказания.

Обращение к предыдущим изданиям отразилось также в изменении названий трех сказаний. В новой, теперь уже третьей, версии они вошли в следующие московские публикации «Николина жития».

Изменения сделаны с ориентацией на первое издание книги 1640 г. В названии чуда о попе Христофоре вновь появилось слово **иерен**. Но при этом сохранена двухчастная структура наименования, которой не было в первом издании: (1662 г.) **ЧЮДО Ѡ ХРІСТОФОРѢ / ПОПѢ, КАКѡ СѢ́ЫЙ НѢ́КОЛА́И ИЗБА́ВИЛЪ Ѡ ПОСѢ́ЧЕНІ́А МЕЧА**; (1679 г.) **Чюдо ѡ христофорѣ іерен, какѡ / сѣ́ый никола́й избавилъ ѡ посѣ́ченіа меча**; ср. в первом издании: **чюдо, сѣ́аго нико́лы, ѡ нѣ́коемъ / іерені́и манемъ христо-фѡрѣ**.

В название первого чуда о царе Стефане возвращены определение **новѣ́йшее** и имя автора, которые были в первом издании: (1662 г.) **ЧЮДО Ѡ СТЕФАНѢ / ЦРѢ́ СѢ́РВСКОМЪ, КАКѡ ЕМЪ СѢ́ЫЙ / НИКОЛА́Й ПО ѠСЛѢ́ПЛЕНІ́И Ѣ́ЧИ НАДЛА́НИ ПОКАЗА**; (1679 г.) **Чюдо новѣ́йшее сѣ́агѡ нико́ла́а / ѡ црѢ́ стефанѣ сѢ́РВСКОМЪ, / какѡ емъ сѣ́ый никола́й по / ѠслѢ́пленіи Ѣ́чи на длани показа. / Списано григоріемъ монахомъ / и пресвѣ́теромъ, и́г҃меномъ / бывшимъ то́же ѡ́вѣ́тели; ср. в первом издании: **Чюдо новѣ́йшее сѣ́аго нико́лы / о црѢ́ стефанѣ сѢ́РВСКОМЪ і́же / в дачанѣхъ, како дарова емъ / ѡ́чи і́же на дланѣ. Списано григоріемъ мнѣ́хомъ и презвѣ́теромъ. и́г҃меномъ бывшимъ / то́ же ѡ́вѣ́тели**.**

Из названия второго чуда о царе Стефане исключена тема текста и добавлено определение **ино**: (1662 г.) **ЧЮДО ѠТОМЖЕ ЦРѢ́ / СТЕФАНѢ, КАКѡ СѢ́ЫЙ НИКОЛА́Й / ПЕРВЫЙ СВѢ́ТЪ ЕМЪ ДАРОВА**; (1679 г.) **Ино чюдо сѣ́агѡ нико́ла́а, / ѡ то́м же црѢ́ стефанѣ**; ср. в первом издании: **ино чюдо / сѣ́аго нико́лы ѡ то́ же црѢ́ стефанѣ**.

В издании 1679 г. справщики вновь отредактировали тексты. Из восьми ранних чудес сильнее всего выправлены сказания о злате и о ковре, которые пока еще оставались в версии, близкой к рукописной традиции [8]. Объем сделанной в них правки особенно хорошо виден в сравнении с правкой в других сказаниях.

В небольшом чуде о Дмитрии, где редаKTура была минимальной, часть

изменений сделана в целях исправления некорректных словоформ: семѣже оубѡ во єдино ѡлѣтъ... взѣмъ свѣщю... - Сеѣже оубѡ во єдино ѡлѣтъ... взѣмъ свѣщю; бѣвшѣ ѡмъ напѣти - бѣвшѣ ѡмъ на пѣти. Остальная правка представляет собой замену форм и лексемы: вниде - вшѣлъ єси; ѡ великіа оубѣсти - ѡ великагѡ оубѣса.

При редактировании чуда о злате сделаны лексические и грамматические замены, убраны архаичные конструкции, добавлены или исключены слова; иногда при этом менялся смысл: прежереченный – преждереченный; декабрь - декемврѣа; Не/слѣчившѣжеса - Не слѣчѣжеса; в полатѣ своей - палатѣ своеѡ; ѣзавеніе прѣиде положеномѡ златѡ - в ѣзавеніе прѣиде положеннагѡ злата; глагола - глабола; возмѣ - взѣмъ; какѡ єси возмѣ злато, гдѣ єси дѣлаъ даное тебѣ мною, повѣждѣ ми - какѡ взѣмъ злато оубѣти, хощеши, нѡ гдѣ єси скрѣлъ даное тебѣ мною, повѣждѣ ми; на оубѣти - на оубѣти бо; в сажѣнѣ же ѡтрокѡ бѣвшѣ в желѣза, ѣзатворѣнѣ въхраминѣ єдиноиѡ - всажѣнѣ же ѡтрокѡ бѣвъ в желѣза, ѣзатворѣнѣ в храминѣ єдинѣ; во свѣтъѣ не пристѣпнѣ - во свѣтъѣ не пристѣпнѣ; пострада - пострадавый; воскресъ - воскресъ єси; своимъ - твоимъ; ѣспытаѣши - ѣспытаѣши; въ вѣдѣ - в вѣдѣхъ; ѣ пѣсти єго - ѣспѣсти єго; перстомъ кажѡ - ...показѡ; злато свое - злато твоѡ; вполатѣ - в палатѣ; наболнисѡ - наболнисѡ; оубѣшеніе стѣимъ николаемъ - оубѣшеніе стѣаго николаа; ѣже ми єси призрѣлъ добромъ, ѣ стѣимъ твоимъ приходомъ - ѣже ми єси презрѣлъ добрымъ, ѣ стѣимъ твоимъ приходомъ; глагола - гла; творецъ нѣѡ ѣ земли - творецъ нѣѡ ѣ земли; но ѣ еще рекѡ, ѡ честнаѡ главо - Но ѡ чѣтнаѡ главо; бѣа слѣго - бѣа слѣга; ѣ да оубѣшеніи твоихъ полѣчивше стѣихъ мѣтъ - ѣ да оубѣшеніе твоихъ полѣчивше стѣихъ мѣтъ.

Иногда правка возвращает в текст близкое к рукописному и логичное чтение: мало ѡ малагѡ слышанѣа памѣтовавъ - мало ѡ многагѡ слышанѣа памѣтова^в (ср. Унд-258, л. 89: мало ѡ много слышанѣа спамаѣтовавъ); занѣ ѣкѡ чѣкъ єсмь, ѣ поношеніе челоѣкѡвъ - ѣзъ єсмь черѡвъ ѣ не чѣкъ, поношеніе чѣкѡвъ, ѣ оубѣженіе людѣй (ср. Унд-258, л. 89–89 об.: азъ бо черѡвъ єсмь ѣ не чѣкъ. // поношеніе чѣкомъ, ѣ оубѣженіе людѣ^м).

В чуде о ковре сделана не только лексическая и грамматическая правка, но и отредактированы целые фрагменты текста:

– лексическая правка: тѣакѡ - сѣце; жадаѣтъ - жадаѣтъ; в прежереченнѣмъ - въ преждереченнѣмъ, преже/реченный - преждереченный; сѣже - сѣе же (2 раза); сѣ - сѣе (2 раза); не послабѣшѣ - неослабно; чѣти гда - Честѡѣи гда; ѡ своихъ... трѡдѡвъ - ѡ твоихъ... трѡдѡвъ; днѣсь бо ѣ ѡтро - днѣсь бо, ѣли оубѣтѡ (восстановление исконого чтения); животѡ наю - животѡ нашегѡ; коверѣ... наю - коверѣ... нашь; мысли своей - мысли твоѡ; свое - твоѡ; раѡвъ своихъ - раѡвъ твоихъ; коверѣ своѣй - коверѣ твоѣй; вынавѣ - ѣзѣмъ; оубѣ глѡщи мнѣ оубѡзѣѣ - Оубѣ мнѣ, глаболющи, страннѣѣ; кидѡше словеса - метѡше словеса; не домышлѣшеса - недомышлѣше; во ѡбѣлницѣ - во ѡбѣлницѣ (новое чтение верное и ближе к исконому; ср. Унд-258, л. 82: во ѡбѣлницѣ); тѡ ѡбѣ - ѣ ѡбѣ (2 раза);

тѣ - Тогда; тѣ в цркви ст҃агѡ николаа - тамъ; да оубѣсть - вѣсть; болѣ - вѣще; коли - когда;

– грамматическая правка: поминājuщихъ - поминāл; во ст҃ыхъ писанїихъ глаголющаа – во/ст҃ыхъ писанїихъ глаголемаа; прибли/жившѣса... дни - Приблїжившѣса... днѹ; сотворїма - сотворїмъ; нама - намъ; не имѣщима - не имѣщымъ; не имѣщима, ѣже на по/трѣвѣ – не имѣщымъ ѣже на по/трѣвѣ; постигнѣвши - постиже; гла - глаголаше; таковаго ковра – таковѣй коверѣ; в рѣцѣ старѣцѣ - в рѣцѣ старѣца; Разшѣдши/мажеса ѣма - Разшѣдшымѣса же ѣмъ; того срѣтѣ - тѣмъ срѣтѣ; напѣлненомъ - напѣлненымъ; нехѣтѣщи - не хѣтѣше; ѣже на по/трѣвѣ - ѣже на по/трѣвѣ; ѡвѣщавшиса - ѡвѣщавшѣса; возложъ - возложивъ; сїе имѣи - сїи имѣи (речь идет о ковре); ѡвѣщавши же - ѡвѣщавши же; смѣхъ - смѣхъ; возопїста - возопїша; напѣлнїстаса - напѣлнїшаса; текѣста - текѣша; текли - текѣша; сїають чюдеса - сїають чюдеса (восстановлено исконное чтение); неполучитъ поможь - не получитъ поможїи; не прїиметъ ѣзбавленїе - не прїиметъ ѣзбавленїа; ѣ - ѣго; ми - мнѣ; нанъ – на него; (совратї...) любвї - любвѣ; днѣ - днѣ (2 раза); ѡ дни - ѡ днѣ;

– добавление или пропуск слова, чаще всего союза и: пррѣкомъ - пррѣкомѣ дѣдомъ (восстановлено первичное чтение; ср. Унд-258, л. 76 об.: прркомъ дѣдомъ глающа); ѣ ѣзбде - ѣзбде; на колїцѣ хѣщешї ѡдѣти, да ѡ дасї коверѣ - на колїцѣ хѣщешї ѡдѣти коверѣ; нѣ токѡв - токѡв; ѣ оумолї ма - оумолї ма; подобнаа ксїмъ - подобнаа сїмъ; ѣкѣпївѣ - кѣпївѣ; зрѣ - ѣ зрѣ; не лѣжъ во ѣсть хс снѣ вѣїи - Не лѣжъ во ѣсть рекїи, хрѣтѣс снѣ вѣїи (восстановлено первичное чтение); мѣжъ ли ѣли - мѣжъ ѣли; старѣ ли ѣли - старѣ ѣли; свѣтелъ чѣстенъ - свѣтелъ ѣ чѣстенъ; слышавъ же - Онъ же слышавъ; чѣтнїи - Чѣтнїи же; нїктоже - нїктоже бо; по всемѣ мїрѣ, ѣ поземлї - по всемѣ мїрѣ, по землї же ѣ мѣрю; к стѣомѣ - стѣомѣ;

– редактирование фрагментов: 1) что во сладчѣе / повѣждъ ми; рабѣтающихъ ли / житїа земнїмъ царѣмъ слышати, / ѣли бгѣ рабѣтающихъ, мнѣже / оубѣ, ѣкѡ болѣ сегѡ веселїе при/носитъ дшамъ хѣтѣщїмъ рабѣтати / нѣномѣ црѣо слышанїе словѣсѣ вѣїихъ творѣщїмѣса ст҃ыхъ ѣгѡ - Что во сладчѣе повѣждъ ми; / рабѣтающымъ земнїмъ царѣмъ, пѣче, но ѣже слышати / тѣїнѣ ѣзѣ црѣвѣхъ: / ѣкѡ бѣдѣе сегѡ веселїе прино/ситъ дшамъ хѣтѣщїмъ ра/бѣтати нѣномѣ црѣо хрѣтѣ, / слышанїе словѣсѣ вѣїихъ, ѣ / чюдѣсѣ творѣщїхѣса ст҃ыми / ѣгѡ; 2) сево сотворїти ѣскѣсныхъ вѣ мѣдрѣстѣхъ / ѣже оумъ свѣѣ ѡвѣчающихъ - Се во / сотворїти ѣскѣсныхъ вѣ мѣдрѣсти / ѣсть, ѣ оумъ свѣѣ ѡвѣчающихъ; 3) ѣного во неїмавѣ / нїчтоже, но тѣчїю сѣ ѣдино, / ѣ сѣ ни накѣюже по/трѣвѣ нама. ѣда чѣдомъ наю ѡстанѣтъ ѣхъ же / неїмавѣ – ѣ сѣ рекшї, показѣ / ѣмѣ коверѣ свѣѣ, глающи: / прїимї сѣ, ѣ шѣдъ продаї: / ѣ ѣди ѣ кѣпї всѣ ѣже на по/трѣвѣ пѣматї ст҃агѡ николаа: / ѣно во нїчтоже ѣмамы, тѣчїю сѣ ѣдино: ѣ сѣ нїна/кѣю же по/трѣвѣ намъ, ѣда чѣ/домъ нашымъ ѡстанѣтъ, / ѣхъ же не ѣмамы; 4) ѣще сотворїтъ члѣкъ во ѡправданїи ѣ согрѣшїтъ во ѣдино, всѣмъ ѣсть повїненъ - ѣще сотворїтъ чѣловѣкъ всѣ законъ, согрѣшїтъ же во ѣдино, вѣсть всѣмъ

повиненъ; 5) тѣ същѣхъ во градѣ томъ словѣщихъ, ѿмъже нѣсть числа - тамъ същѣхъ во градѣ томъ словѣщемъ, ѿхъже нѣсть числа.

Несмотря на такую большую правку, в тексте остались неудачные чтения. Можно назвать два из них. Когда описывается путь старца на торг, упоминается столб царя Константина и церковь святого Платона. Однако само слово *церковь*, которое было в списках (Унд-258, л. 78 об.: *миновѣшю же ємоу цркъвь стго платона*), в издании 1679 г. по-прежнему опущено: *минѣвшѣ емѣ стгаго платона*. Форма причастия *носи*, хорошо вписывавшаяся в структуру предложения, осталась разделенной на причастие и союз: *Стый же николай прїиде тѣ, ѿбѣе носѣ ѿ / коверѣ, къ женѣ*.

Сквозной правкой, затронувшей разные тексты, в издании 1679 г. было «осовременивание» синтаксиса (устранение оборота «дательный самостоятельный») и грамматики. «Осовременивание» грамматики заключалось в замене форм двойственного числа (там, где речь шла не о парных предметах). Таких изменений много в чуде об Агрике и его сыне Василии, что обусловлено содержанием сказания. Однако правка сделана непоследовательно, и в чуде о Петре-чернце, когда речь идет о двух святых, двойственное число сохранено. Такой же характер «осовременивания» имела замена местоимения *наю* на *нашѣ* и местоимения *съ* на *сѣ*.

Правка, сделанная в московском издании 1679 г., была последней серьезной редактурой «Николина жития». В московские издания 1688 г., 1694 г., 1699 г. и 1725 г. вносились лишь отдельные изменения.

Первое киевское издание «Николина жития» появилось в 1680 г. в типографии Киево-Печерской лавры при тогдашнем архимандрите Иннокентии (Гизеле). Затем последовала публикация 1700 г., осуществленная «тщанием» уже другого архимандрита – Иоасафа (Кроковского). Третья книга опубликована в 1738 г. в той же лавре.

В основе первого киевского издания лежит московское издание. Об этом свидетельствует предисловие *Сказаніе въкратцѣ ѡ чудесѣхъ...*, которое было в московских изданиях начиная с 1640 г. В нем говорится об использованном справщиками списке Московского Успенского собора: *Дивнаго сегдѣ ѿ многочюдеснаго, / стгаго архіерѣа бжїа, великаго / стїтѣла, ѿ славнаго ѿже во стѣхъ, / ѿца нашего ѿ чудотворца николаѣ, ѿ рожденїи, ѿ ѿ воспитанїи, / ѿ житїи єгдѣ ѿ ѿ повнзѣхъ, ѿ ѿ части чудесѣ въ краткосовранїи бѣвшнхъ здѣ во время житїа єгдѣ. / такоже ѿ ѿ преставленїи єгдѣ, тцанїе / со грѣбостїю, паче же ѿ ѿ скѣдостїю // оубогаго нашего к недостаточествѣ / несмыслѣства трѣдолобномѣ тцѣ/тельствѣ, ѿ мнѣгнхъ дрѣвннхъ / превѣдавѣ ѿже соборной цркви мо/сковьской престѣмъ ѿ пречтѣмъ бѣцы, / чтнаго ѿ славнаго єа оупенїа, прѣданныхъ, снискахомъ єако ѿврѣ/тѣхомъ, ѿ в тисненїе печатнаго дѣла произведѣхомъ... (л. 3̄е). Тот же самый список упоминается в киевском издании 1680 г.: *Дивнаго сегдѣ ѿ многочюдеснаго, стгѣ / Архіерѣа Бжїа, великаго стла ѿ славнаго, ѿже въ / стѣхъ Оца ншегѣ, ѿ чудотворца Николаѣ, ѿ рожденїи / ѿ ѿ воспитанїи, ѿ ѿ житїи єгдѣ ѿ ѿ повнзѣ, ѿ ѿ час/ти Чюдѣ въ краткосовранїи бѣвши въ время житїа єгдѣ. Такоже ѿ ѿ**

Преставленій єгѡ, зѡѡ тѡцѡнїѣ^М ѡще ѡ малобѡмїѣм^М нїшегѡ / недостаточества ѡ несмыслства^В къ трѡдолюномѡ тѡцѡтелствѡ. / ѡ мнѡгїх^Х превѡдо^В ѡже собѡной Цркви Москоской, Прѡтыя / Пречѡтыя Бѡци, чѡтнагѡ ѡ славнагѡ єѡ ѡспєнїѡ предѡннѡхѡ, / снискаѡ^М єлїкѡ ѡбрѡѡѡѡ, ѡ вѡ тисненїѣ печѡнагѡ дѡла проїз/ведѡѡ^М... (л. ѡѡ).

Тексты сказаний свидетельствуют, что в основу киевского издания положено московское издание 1662 г.

В книгу 1680 г. вошли все 16 чудес московских книг. Кроме того, она дополнена четырьмя текстами, неизвестными в русской рукописной и старопечатной традиции: **ЧѡДО ѡ ИКѡНѢ ЄТОГѡ** / **Нїколаѡ ѡже Жидѡвїнѡ** далѡ севѡѡ на/писѡти ѡ вѡ рѡчїѡлѡ ѡей своїѡ всѡѡ вѡещї, / ѡ ѡїде вѡ пѡѡѡ (далее – чудо об иконе жидовина); **ЧѡДО ЄТОГѡ НїКОЛАѡ НА/дїсѡное ѡ стѡѡїшагѡ Патрїѡрхї Мєѡѡѡ/дїѡ ѡ златѡѡ ѡ Жидѡвїна нѡѡкромѡ хрѡтїанїнѡ,** / **взѡїмѡ дѡннѡмѡѡ** (далее – чудо о злате жидовина); **ЧѡДО ЄТОГѡ НїКОЛАѡ ѡ ДВОХ / Млѡнцаѡхѡ ѡдѡщїнѡхѡ до ѡѡѡнѡѡ** (далее – чудо о двух младенцах); **ЧѡДО ЄТОГѡ ѡЦѡ НАШЄГѡ** / **Нїколаѡ, ѡ двоѡхѡ сосѡдаѡхѡ** (далее – чудо о двух сосудах). Пятый текст, отсутствовавший в московских изданиях и включенный в киевскую публикацию, где назван **ЧѡДО ЄТОГѡ ѡЦѡ НАШЄГѡ / Нїколаѡ ѡ трєхѡхѡ кѡпѡцѡхѡ ѡ погѡнѡѡ потѡплѡннѡхѡѡ**, был хорошо известен в русской рукописной традиции, но в другой редакции. Обычно он назывался чудом о трех друзьях (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Состав и порядок сказаний в московских изданиях
и в киевском издании 1680 г.**

Текст	Московские издания 1643, 1662, 1679 гг. (состав и № п/п)	Киевское издание 1680 г. (состав и № п/п)
Чудо об Агрике	1	1
Чудо о попе Христофоре	2	2
Чудо о сарацине	3	3
Чудо о трех иконах	4	4
Чудо о Петре	5	5
Чудо о Дмитрии	6	6
Чудо о детище	7	7
Чудо о царе Стефане (1)	8	8
Чудо о царе Стефане (2)	9	9
Чудо об утопшем муже	10	10
Чудо о Етифании, или о злате	11	11
Чудо о половчине	12	12

Чудо о Симеоне	13	13
Чудо о юноше Николе	14	14
Чудо о ковче	15	15
Чудо об иконе жидовина		16 (л. $\overline{p}\overline{z}$ - $\overline{p}\overline{n}$)
Чудо о злате жидовина		17 (л. $\overline{p}\overline{n}$ - $\overline{p}\overline{o}$)
Чудо о трех друзьях		18 (л. $\overline{p}\overline{o}$ - $\overline{p}\overline{ai}$)
Чудо о монастыре	16	19
Чудо о двух младенцах		20 (л. $\overline{p}\overline{g}$ - $\overline{p}\overline{g}$ об.)
Чудо о двух сосудах		21 (л. $\overline{p}\overline{d}$ - $\overline{p}\overline{d}$ об.)

Такой состав сказаний о чудесах соответственно в московских и киевских изданиях оказывается устойчивым и воспроизводится на протяжении последних десятилетий XVII в. и в XVIII столетии. Поэтому можно говорить о московской традиции и о киевской (или юго-западнорусской). Четыре юго-западнорусских сказания присутствуют в киевских изданиях «Николина жития» 1700 г., 1738 г., 1746 г., 1747 г., 1751 г., 1754 г., 1757 г., 1761 г. Нарушают традицию киевские издания 1789 г., 1793 г. и 1798 г., которые в отношении состава чудес следуют московской традиции [9].

Редактирование текстов в киевском издании 1680 г., хотя и минимальное, все же было проведено. Вот такой была, например, правка по сравнению с московским изданием 1662 г. в большом сказании об Агрике и его сыне Василии: **Блгоговѣнный** (1662 г.) - **Блгоговѣнный** (1680 г.) [10]; **внезапѣ** - **внезапѣ**; **такоже ѿ** - **Такожде**; **дабы тѣ въздвигнула своима рѣкама ѿ ѡбратила** - **ѿ дабы тѣ въздвизала своима рѣкама ѿ ѡбращала**; **глаголющи** - **глаголющи**; **ловызающи** - **ловызаше**; **ликоствоанїа** - **ликоствоанїа** [11]. Попытка исправить неясную фразу успехом не увенчалась: **ѿ всѣкихъ неповинныхъ смертей многѣхъ избавляетъ** - **ѿ всѣкихъ непо//винныхъ смерти, многѣхъ избавляетъ**.

В книге 1680 г. справщики сильно отредактировали акцентуацию. Если акцентная микросистема московского издания 1662 г. была восточного типа, то в первом киевском издании она характеризуется как западная. Различия между московским и киевским изданиями имеются также в системе надстрочных знаков [12].

Та же акцентуация и особенности постановки надстрочных знаков сохраняются во втором киевском издании 1700 г., которое основано на предыдущей публикации. Только в отдельных словоформах ударение изменено.

В книге 1700 г. справщики сократили раздел «Чудес»: были изъяты оба чуда о царе Стефане. Тексты остальных сказаний они отредактировали. Об этом сказано дважды: в предисловии к неслужебной части книги и в маленьком послесловии. В предисловии под прежним названием **СКАЗАНІЄ ВКРАТЦѢ W ЧУДЕСѢ**... редакторы говорят о необходимости новой публикации и об «обновлении», под которым следует понимать редактирование: **...Но понѣже прешѣдшѣ досѣлѣ толїкѣ времени ѿзданныа**

Ѡ насть / въ похвалѣ чѣдѣсъ Сѣла Хѣа Николѣа Книжици оумалишася:
 / Сего ради ревностію тѣхъже чѣдѣсъ прославленіа, и желаніемъ /
 Благочестивы похвалы егѡ рачителей возвѣдшеся, потщѣхѡса /
 паки сіа Тѣпомъ Ѡновити: Житіеже Сѣла Николѣа в Книзѣ /
 новоизданныхъ Житій Сѣхъ в Мѣцѣ Декемврїи 5 числа /
 и Сказаніе ѡ Пренесенїи чтнхъ Мощей егѡ в Мѣцѣ Маїи /
 положенное зде изъобразивше, и Ѡное ради вразумителной ѡ / чѣ-
 дѣсѣхъ егѡ преславны повѣсти на части подобіемъ прѣднего
 / изданіа расположивше, и всѣ проча чѣдѣсъ егѡ Сказаніа /
 по радѣ присовокупивше... (л. лѣ об.). О том же сказано в послесловии:
 ...въ благодарное Сѣла Хрѣова Николѣа / Мурликіискаго Чѣдотворца,
 премногѣхъ / Чѣдѣсъ Прославленіе; въ оусѣрдное, Прѣбны / и Бгоносныхъ
 Мѣцѣ нашихъ Антѡнїа / и Θεодѡсіа, и всѣхъ Ѡгодникѡвъ / Печѣрскихъ
 Почитаніе; Сїа Книжица / второе Тѣпомъ поновїса... (л. рѣ об.).

Правка осуществлена на уровне языка и на уровне текста.

На уровне текста редакторы частично унифицировали структуру сказаний. Из некоторых исключены вступительные и заключительные части, а также редкие еще оставшиеся отступления (как в чуде о половчине). То есть устранено то, что не имело непосредственного отношения к сюжету и излагаемым событиям. Исключенные из текстов вступления были большими, как в чуде о ковре, или состояли только из одной фразы, как в нескольких сказаниях: чудо о Епифании, или о злате: **Ино Чѣдо хоцѣ вамъ сказати нѣтъ любїмаа братїа и ѡцы, сѣаго и велика Архїереа Хѣа Николѣа;** чудо о Симеоне: **Послѣшайте чѣда моа, молю вы, да вы повѣмъ, ѣкѡ вѣдетъ вамъ оутѣшенїе велїе;** чудо о юноше Николе: **Ино Чѣдо повѣдати хоцѣ вамъ.** Вместо прежнего большого предисловия в чуде об утопшем муже появилось новое короткое вступление всего из шести строк. После редактирования предисловия остались в трех сказаниях: новое в этом чуде; старое, известное еще по рукописной традиции (хотя и в измененном виде) – в чуде о Дмитрии; а также в чуде о детище. Вступительная фраза сохранилась в чуде о сарацине.

Большое послесловие убрано справщиками из чудес о злате и о половчине. В сохраненном послесловии сказания о ковре исключен фрагмент, начинающийся словами **тѣ сѣщихъ...**, в котором среди прочего говорилось о быстром отклике св. Николая на мольбы людей. Конец сказания о юноше Николе, изначально не имевшего послесловия, редакторы переделали, изъяв из него фрагмент.

В киевском издании 1700 г. есть пропуск, который можно рассматривать как специально сделанное значимое изменение. Речь идет о чуде о трех иконах, где патриарх велел вынести вон написанную икону св. Николая, поскольку тот – «сын Феофанов, смердович», и его изображению не подобает находиться рядом с Христом и Богородицей. Эта фраза была и в той версии сказания, которая известна в русских рукописных источниках; она сохранена в московских изданиях «Николина жития» и в киевском издании 1680 г.:

Видѣвъ же / Патріархъ ѿбразъ, и великаго стѣла Николѣа, / рече: сїю йконѣ ктѣмъ написа Архієппа Мурска / Николѣа. Сїи во снѣ Теофановъ смердѣвичъ / бы^{ст}, и не подобаетъ ѿбразъ егѣмъ здѣ съ стѣми / йконами стоѣти. И повелѣ ѿбразъ стѣгъ / Николѣа вонъ изнестѣ. Аггеею же йконописцѣ / рече: не пиши йзѣграфѣ йконы Мурскагѣ Еппа / Николѣа симъ великимъ ѿбразомъ. Теофанъ / же зѣло ѡ вещи ѡскорвѣса, занѣже ѿбразъ / великагѣ стѣла Николѣа повелѣ Патріархъ вонъ / изнестѣ (л. .оѣ.). В издании 1700 г. остались начало и конец фрагмента, а упоминание низкого происхождения святителя редактор исключил: Видѣвъ же Патріархъ ѿбразъ, и великагѣ стѣла / Николѣа, не похвали, и повелѣ ѿбразъ стѣгъ / Николѣа вонъ изнестѣ. Теофанъ же зѣло ѡ вещь / той ѡскорвѣса, ѣкѣ ѿбразъ великагѣ стѣла / Николѣа повелѣ Патріархъ во изнестѣ (л. .б.) [13].

Правка на уровне языка, сделанная во втором киевском издании 1700 г., схожа с редактированием московского издания 1679 г. В целом она нацелена на упрощение текстов. Справщики стремились сделать их более понятными и соответствующими времени – рубежу XVII–XVIII вв. В этих целях они устранили формы двойственного числа, заменили местоимение *наю* на *нашъ*. По возможности убран оборот дательный самостоятельный. Например, в чуде о юноше Николе: (1680 г.) *такъ емѣ иѣцѣлѣвшѣ, и стоѣщѣ прѣстѣ*; (1700 г.) *тако ѡнъ иѣцѣлѣвъи стоѣщи прѣсто*. Из сказаний исключена редкая и архаичная лексика, среди которой слова: *глоумитиса, чпагъ, тортъ* [14] и др. Чудо о юноше Николе: (1680 г.) *ползаше на тортѣ*; (1700 г.) *ползаше по землѣ*; чудо о ковре: (1680 г.) *тѣ ѣвѣ сагъ въ чпагъ рѣзы своѣа стѣий Николѣе, взѣмъ злато, и даде шестъ златниѣ великиѣ в рѣцѣ старцѣ*; (1700 г.) *ѣвѣ стѣий Николѣе, взѣмъ злато, и даде шестъ златникъ: великиѣ в рѣцѣ старцѣ*. Из входящих в синонимические ряды слов предпочтение отдано более употребительной лексике: чудо о ковре: (1680 г.) *къ хѣжи своѣй*; (1700 г.) *къ дѣмѣ своѣмѣ*. Устранено дистантное расположение частицы *ся*: чудо о юноше Николе: (1680 г.) *начашасѣ емѣ Жѣлы прѣстирати*; (1700 г.) *начаша емѣ жѣлы прѣстиратиса*. Нередко заменены конструкции и целые предложения (вместе с лексикой), восходящие к рукописной традиции: чудо о ковре: (1680 г.) *радѣсѣа прилѣченїю на проданїе Ковра да непогрѣшитѣ мысли своѣа*; (1700 г.) *радѣсѣа ѡ проданїи Ковра, да иѣсполнитѣ намѣренїе своѣ*; (1680 г.) *не провождаше дни стѣгѣ Николѣа вѣпамати*; (1700 г.) *не провождати дни стѣгѣ Николѣа безъ празнованїа*; чудо о юноше Николе: (1680 г.) *ни самъ вѣдѣ ѡчѣмъ превѣти* [в рукописной традиции *превывати*]; (1700 г.) *ни самъ имѣ чи препитатиса*. Для ясности справщики добавляли субъект там, где он отсутствовал: чудо о юноше Николе: (1680 г.) *видѣвшѣ же дивлѣхѣсѣ*; (1700 г.) *видѣвшѣ же стоѣщїи, дивлѣхѣсѣ*; (1680 г.) *Тогда рече ѣвѣвийсѣ*; (1700 г.) *Тогда рече ѣвѣвийсѣ емѣ стѣль Николѣе*.

Четыре юго-западнорусских сказания – чудеса об иконе жидовина, о взятмъ займы золоте, о двух младенцах и о двух сосудах – в киевском издании 1700 г. по сравнению с книгой 1680 г. сохранены с минимальными изменениями.

В книге 1700 г. исправлены названия четырех текстов. В новом названии чуда об Агрике и его сыне Василии можно видеть стандартизацию или влияние первого московского издания (Чюдо ст҃аго николы о василїи, / сї҃нѣ а҃гриковѣ; в остальных сохраняется Повѣсть ѡ чудесї...): (1680 г.) **ПОВѢСТЬ ѡ ЧУДЕСІИ С҃ТТѢ / ѡца Николѣа, ѡже ѡ а҃гриковѣ / сынѣ Василїи**; (1700 г.) **ЧУДО С҃ТТѢ ѡца НИКОЛАА / ѡ а҃гриковѣ сынѣ Василїи**. Название чуда о попе Христофоре изменено в соответствии с московским изданием 1679 г.: (1680 г.) **ЧУДО ѡ ХРИСТОФОРѢ ПОПѢ, / какъ С҃тїи Николѣе ѡзбавилъ ѡ ѡ посѣченїа Меча**; (1700 г.) **ЧУДО ѡ ХРИСТОФОРѢ ІЕРЄИ, / какъ С҃тїи Николѣе ѡзбавилъ е҃гѡ / ѡ посѣченїа меча**; (1679 г.) **Чюдо ѡ христофорѣ іерєи, какъ / с҃тїи николѣи ѡзбавилъ ѡ посѣченїа меча**. В название чуда о юноше Николе в киевское издание 1700 г. внесено слово нарицаемомъ, сохраняющееся и впоследствии: (1680 г.) **ЧУДО С҃ТТѢ НИКОЛАА, ѡ ЮНОШѢ / Николѣеже ѡименемъ**; (1700 г.) **ЧУДО С҃ТТѢ НИКОЛАА, ѡ ЮНОШѢ / ѡименемъ Николѣа нарицаемомъ**.

Третье киевское издание 1738 г. базируется на публикации 1700 г., дополненной текстами из московского издания 1725 г. (едва ли более раннего – 1694 г. или 1699 г.). Предисловия «Сказание вкратце о чудесех» в публикации 1738 г. нет. Неслужебная часть начинается «Метафрастовым житием св. Николая», первая часть которого (включая главу «Сказание о трех мужех») взята из московского издания 1725 г. Начиная с главы «Чудо о трех воеводах» текст соответствует «Житию» из киевского издания 1700 г. с редкими текстологическими изменениями. После Жития помещена «Похвала» (нач. **Ктѡ тѣа вѡмѡжетъ...**), извлеченная из московского издания. Завершает эту часть книги 1738 г. «Сказание о пренесении честных мощей» из киевской публикации 1700 г. (нач. **Въ лѣта бл҃говѣрнаго цр҃л...**).

Состав сказаний соответствует книге 1680 г.: здесь вновь появляются два чуда о царе Стефане. Их источником стало московское издание 1725 г. О московском источнике косвенно свидетельствуют колонтитулы, которые во всех других текстах называют раздел, как принято в киевских изданиях (Чудеса // с^т: Николѣа), а в двух сказаниях о царе Стефане указывают на сам текст, как обычно в московских изданиях. В пользу этого говорят также названия чудес: (1680 г.) **ЧУДО ѡ СТЕФАНѢ ЦАРѢ / Сербскомъ, какъ емѡ с҃тїи Николѣе / по ѡслѣплѣнїи ѡчи на длани показѡ**; **ЧУДО ѡ СТЕФАНѢ ЦАРѢ / Сербско^м, какъ с҃тїи Николѣе Первыи / свѣтъ емѡ даровѡ**; (1738 г.) **Чудо новѣйшее ст҃агѡ нїколѣа ѡ цр҃ѣ стѣфанѣ сербскомъ, какъ емѡ с҃тїи нїколѣи / по ѡслѣплѣнїи ѡчи на длани показѡ. спї/сано григорїемъ монахомъ ѡ пресвѣтеромъ, / ѡименемъ бывшимъ томже ѡвїтели**; **Ино чдо ст҃агѡ нїколѣа, ѡ томже / цр҃ѣ стѣфанѣ**; ср. названия в московских изданиях в таблице 3.

В книге 1738 г. частично изменены названия двух сказаний. В чуде о попе Христофоре появился аорист **ѡзбави** вместо прежнего **ѡзбавилъ**. В чуде о юноше Николе исключено слово **именемъ** и изменен падеж имени собственного, что поменяло смысл: (1680 г.) **ЧУДО С҃ТТѢ НИКОЛАА, ѡ ЮНОШѢ**

/ **Николáе же йменемъ**; (1700 г.) **ЧѸДО ЄТГО НИКОЛА́А, ѡ ЮНОШѢ** / йменемъ **Николáа нарица́емомъ**; (1738 г.) **ЧѸдо сѣ́агѡ нѣ́колáа, ѡ юноши нѣ́колáй** / нарица́емомъ. В названии юго-западнорусского чуда о двух младенцах существительное **младенецъ** заменено на **юноша**, видимо, в связи с уточнением семантики слова. В этом же названии, а также в наименовании последнего чуда о двух сосудах скорректирована форма числительного: **двоухъ** > **двою**, и **двоухъ** > **двѹ** соответственно: (1680 г.) **ЧѸДО ЄТОГѡ НИКОЛА́А ѡ ДВОХЪ** / **Млнцахъ идѹщихъ до ѿѡннъ**; (1700 г.) **ЧѸДО ЄТГО НИКОЛА́А ѡ ДВОХЪ** / **Млнцахъ идѹщихъ до ѿѡннъ**; (1738 г.) **ЧѸдо сѣ́агѡ нѣ́колáа ѡ двѡю юношѹ** идѹщею / до ѿѡннъ.

Редактирование текстов в киевском издании 1738 г. было минимальным. Иногда при правке сказаний использовалось московское издание 1725 г.

Кардинально поменялась акцентуация. В книге 1738 г. не осталось (за редким исключением) особенностей, характерных для западной зоны. Акцентная микросистема книги стала такой же, какой была в московских изданиях. Упорядочена и стала соответствовать московским изданиям и вся система надстрочных знаков. Такая унификация стала необходимой в связи с тем, что часть текстов восходила к московскому изданию 1725 г. (в них акцентуация осталась без изменений, то есть их акцентная микросистема относилась к восточному типу), а часть – к киевскому изданию 1700 г. Именно в них, в том числе в сказаниях о чудесах, соответствующим образом, чтобы не было расхождения, отредактирована акцентуация [15].

В следующих киевских публикациях (до 1789 г.) существенных изменений не было сделано. Самое важное из них – объединение двух чудес о царе Стефане в одно – сделано в издании 1746 г. Бывшее второе чудо выделено абзацем (1746 г. л. **Ѹѡ** об.; 1747 г. л. **рѡи**); оно начинается словами **Єгда оубѡ пáтѡе лѣтѡ єгѡ пребывáнїа, тáмѡ оуже совершáшеся: честнѣй пáмáти настáвшеѡ чѸдотворѣагѡ дѣ́а нѣ́колáа...**

Первое московское издание «Николина жития» появилось в 1640 г.; первое киевское – лишь в 1680 г. Справщики Московского печатного двора создавали книгу, основываясь на списке (или списках) Московского Успенского собора, включив в раздел «Чудес» почти все сказания, известные до этого в русской рукописной традиции. Издание, появившееся в Киево-Печерской лавре, базируется на третьей московской публикации 1662 г. Оно, в свою очередь, положено в основу книги 1700 г. Раздел «Чудес» в киевском «Николине житии» дополнен четырьмя сказаниями, неизвестными в русской рукописной и старопечатной традиции, и еще одним текстом, хорошо известным по русским рукописям, но почему-то не включенным в московские издания.

Как московские, так и киевские издания были несколько раз отредактированы. Из московских книг это были публикации 1641 г. и 1679 г. Из киевских изданий – первая книга 1680 г. (с незначительной правкой) и издание 1700 г. Первоначально довольно близкое, московское и киевское «Николино житие» начинает сильно различаться с появлением издания 1679 г. Публикация 1700 г. делает различие еще большим, поскольку в ней изменена даже структура не-

которых сказаний. В редактировании московских и киевских книг наблюдается много общего. Справщики делают тексты более простыми и понятными, устраняя устаревшие слова, формы, конструкции и обороты. Однако московские справщики иногда возвращаются к рукописной традиции, чего не отмечается в киевских изданиях.

Новый этап в истории киевских изданий «Николина жития» начинается публикациями 1789 г., 1793 г. и 1798 г., которые ориентированы на московские издания по составу чудес. Это было уже третье обращение киевских издателей к московским публикациям после использования книги 1662 г. для подготовки первого киевского издания 1680 г. и нового включения в киевское издание 1738 г. двух чудес о царе Стефане, извлеченных, вероятно, из московского издания 1725 г.

Источники

- Унд-258 – РГБ, собр. Ундольского, № 258, Житие св. Николая, XV в.
Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, XII.1640 г., 4°.
- Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, IV.1641 г., 4°. Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, VIII.1643 г., 4°.
- Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, IV.1662 г., 8°.
- Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, IV.1679 г., 4°. Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, I.1688 г., 4°.
- Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, I.1694 г., 4°.
- Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., тип. Моск. печ. двора, VIII.1699 г., 4°.
- Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., Синод. тип., IX.1725 г., 4°.
- Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., Синод. тип., I.1752 г., 4°.
- Служба и житие Николая Чудотворца. М., Синод. тип., III.1764 г., 4°.
- Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. М., 1785 г., 4°.
- Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1680 г., 4°.
- Служба и житие Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, X.1700 г., 4°.
- Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1738 г., 4°.
- Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1746 г., 4°.

Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1747 г., 4°.

Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1751 г., 4°.

Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1754 г.

Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1757 г., 4°.

Служба с акафистом и житие с чудесами Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1761 г., 4°.

Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, VI.1789 г., 4°; Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1793 г., 4°; Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, XI.1798 г., 4°.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оказались недоступными упоминаемые в печатных каталогах киевские издания 1754 и 1787 гг.

2. В расходной книге 7149–7151 гг. (РГАДА. Ф. 1182. Д. 34) указаны не все имена; в приходной книге 7148 и 7149 гг. все шесть справщиков поименованы (РГАДА. Ф. 1182. Д. 35. Л. 165 об., 199 об.).

3. См. подробнее: *Макеева И.И.* Рукописная и старопечатная традиции сказаний о чудесах Николая Мирликийского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 366–415.

4. См. подробнее: *Макеева И.И.* Сказания о чудесах Николая Мирликийского и литературный цикл святого в русской рукописной традиции // Современные проблемы агиографии. СПб., 2011. С. 207–227.

5. *Макеева И.И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2002–2003>. М., 2003. С. 228–310.

6. *Макеева И.И.* Ранние славянские чудеса святителя Николая Мирликийского // Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 167–181.

7. См. подробнее: *Макеева И.И.* Рукописная и старопечатная традиции сказаний о чудесах Николая Мирликийского. С. 366–415.

8. Первый текст – одиннадцатый, второй – предпоследний пятнадцатый. Возможно, над ними работал один и тот же справщик.

9. Поскольку оказалось недоступным упоминаемое в печатных каталогах киевское издание 1787 г., первым изданием без юго-западнорусских сказаний оказалась книга 1789 г.

10. Слово **благоговѣнный** известно в письменности с XII в. См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 1. С. 197.

11. Замена **ликоствѣюще** - **ликовствѣюще** сделана в «Похвале на перенесение мощей».

12. Правка акцентуации в книге 1680 г. подробно описана в статье: *Макеева И.И.* Акцентуация старопечатных московских и киевских изданий «Николина жития» // *Русский язык в научном освещении.* 2015, № 2 (30). С. 118–154.

13. Далее в сказании то же слово исключено еще раз: св. Николай является то-нушему патриарху со словами **смердовича призываеши** (на помощь). Вместо него в издании 1700 г. **тогѡ призываеши.**

14. О слове см.: *Макеева И.И.* Редкая лексика в сказаниях о чудесах Николая Чудотворца // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика, слово и текст.* М., 2012. С. 43–63.

15. Подробнее см.: *Макеева И.И.* Акцентуация киевских старопечатных изданий "Николина жития" // *Русский язык в научном освещении.* 2016, №1 (31). С. 249–280.

Н.А. Березная

О ЛАТИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ ДЛЯ АКАДЕМИИ НАУК

В описи собрания иностранных рукописей (фонд 28) Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук под шифром F 12 значится латинская рукопись, озаглавленная «Interprecis (sic!) Academici Tolmačzew versio latina ex chronico Rossico» («Академического переводчика Толмачева латинский перевод текста из русской летописи»). Никакой дополнительной информации о ней (как то: сведений о дате и месте написания, материале, из которого рукопись изготовлена) в описи не содержится, нет также ссылок на описания рукописного отдела или Исторический очерк – только старый шифр и количество томов (1). Рукопись F 12 еще не попадала в поле зрения исследователей, она впервые вводится в научный оборот.

Предварительный анализ текста показал: перед нами перевод Степенной книги. А.В. Сиринов предположил, что рукопись F 12 – не копия латинского перевода, хранящегося в РГАДА и, по всей вероятности, принадлежащего перу И.В. Паузе [1], а иной перевод. Об этом свидетельствует, среди всего прочего, и объем текста: «краткий пересказ» [2] Степенной книги из РГАДА помещается на 133 листах формата Q, а рукопись БАН F 12 содержит 219 листов формата F. **Однако сохранились сведения еще об одном предполагавшемся переводе Степенной книги, который Академия наук поручила переводчику Ивану Семеновичу Горлицкому (Горлецкому) [3]. Указ президента барона Иоганна Альбрехта фон Корфа от 19 сентября 1735 г. гласил: «Имяющую при академии книгу «Российскую летопись от Рюрика до царя Михаила Феодоровича», которая прислана святейшаго правительствующаго Синода от вице-президента великого господина преосвященного Феофана, архиепископа Велико-Новгородскаго и Великолукскаго, из дому его, с российского языка перевести на латинский язык как возможно не замедля; а как переведена будет, то оную при репорте объявить в академической канцелярии. И о том переводчику Ивану Горлецкому дать указ» [4].**

У нас есть основания предполагать, что рукопись F 12 – это тот самый латинский перевод Степенной книги с выписками из Хронографа, доведенными

до воцарения Михаила Федоровича. В указе президента фон Корфа говорится о летописи, присланной «из дому» Феофана Прокоповича. Известно, что после смерти Прокоповича все принадлежащие ему рукописи исторического содержания были переданы в Академию наук [5]. Однако ни одна из Степенных книг, хранящихся в Рукописном отделе БАН и атрибутированных как рукописи Прокоповича (32.8.3, 32.8.5) [6], не является оригиналом латинского перевода. А.В. Сиринов высказал предположение, что таким текстом может быть Никоновский список Степенной книги (32.8.1) [7] – выписки из Хронографа в нем доведены до Михаила Федоровича, кроме того, рукопись поступила в БАН в первые годы существования Академии – она была включена в Камерный каталог, хотя обстоятельства ее поступления неизвестны. В процессе анализа данного списка это предположение подтвердилось.

Наиболее показательным является следующий факт: в текст F 12 включена запись, присутствующая в Никоновском списке Степенной книги и не встречающаяся ни в одном другом списке Степенной. В 1-й степени, главе 43, где повествуется о крещении Новгорода, после рассказа о возникновении у новгородцев «языческого» обычая биться деревянными палицами («Он [Перун. – Н.Б.] же пловяше сквозе велики мост, и врьже на мост палицю свою, и рече: “Сим тешитесь людие новоградстии, поминающе мене”, – еже творяху безумнии людие в многа лета, в некия праздники сходящеся и, яко позоры деюще, бои творяху, древяным ослопием биахуса и убивахуса, утеху бесом сдеваху. О таковых же делех много многажды взбраняху им святителие, и помалу таковая ныне прелесть упражняшеся.») **стоит знак вставки.** Помета на полях сообщает: «Последи же, во 7160 году, последния палицы у святаго Бориса и Глеба взем Никон митрополит новгородцкии пред собою огнем сожже, и тако преста бесовское то тризнице оттоле со оловянными наконечники тяжкими» [8]. Отрывок латинской рукописи, соответствующий данному фрагменту, **выглядит так:** «*Nam fatui incolae, multis annis, confluentes ad caerta festa spectaculus facientes, baculis luctantes, ad mortem, occidebantur, gaudium excitantes diabolis, quem infandos actus prohibebant Praesules atque de die in diem tale nefandus opus evanescens annihilatum, et Baculum illud, quod conservabatur in templo sanctos Martyres Boris et Glebi, Metropolita Novogradias Nicon combussit, a que die festum illud Diaboliens prorsus annihilatum*» [9]. Этот текст можно перевести следующим образом: «Ибо, в самом деле, глупые жители в течение многих лет, собираясь на благочестивые праздники, творили представления, бились палицами до смерти и погибали, радость доставляя дьяволу, каковые ужасные представления запрещали священники, и эти нечестивые занятия, ослабевая день за днем, сходили на нет, а те палицы, которые сохранялись в церкви святых мучеников Бориса и Глеба, митрополит новгородский Никон сжег, и после этого дня дьявольские праздники совершенно прекратились». Как видно, латинский перевод хоть и сокращен (по сравнению с русским текстом), но вполне узнаваем, к тому же сам отрывок о сожжении палиц находится в рукописи на том же месте, где в Никоновском списке Степенной книги стоит знак вставки.

Некоторые другие особенности данного списка Степенной также воспроизведены в латинской рукописи. В 1-й степени, в главе 29, годом крещения великого князя Владимира ошибочно назван 6406 г. вместо 6496 г. [10]. В 6-й степени, в главе 9, рассказ о походе князя Всеволода на болгар заканчивается словом «цели» вместо слов «здрави», «здравии», как в других списках. Само предложение звучит так: «Тогда же велики князь Всеволод и на блгары посла воинство свое, и много вевавшe, **взвратишяся цели**» [11]. В соответствующем фрагменте F 12 перед нами будет следующий текст: «Eo temporis Princeps Vsevolod expedivit Copias ad Bulgaros quibus victis reversi sunt salvi et incolumes» [12], что можно перевести как: «Тогда же князь Всеволод послал войско на болгар, возвратившееся с победой, целым и невредимым». При этом ни одно из двух употребленных переводчиком прилагательных не имеет значения «здоровый».

Окончание латинской рукописи повторяет окончание Никоновского списка Степенной книги, которое, в свою очередь, представляет собой выписки из Хронографа 2-й редакции (по классификации А.Н. Попова), доведенные до воцарения Михаила Федоровича. В латинском тексте присутствуют все статьи, наличествующие в русском оригинале. Последние слова 17-й степени: «Eadem tempestates Crumeliae Rex vorsabatur maxima in Controversias **Cum Nagais, grassabatur enim tunc famis in Crumelia**» [13] соответствуют русскому тексту: «Тогда же бысть Крымскому царю с нагаи великая разность и гладь **великъ бысть в Крыме**» [14]. Далее, без какого-либо отдельного заголовка, с новой строки следует Сказание о распре митрополита Геронтия с ростовским архиепископом Вассианом («Anno 6986 orta est Controversias inter Gerontius Metropolitans et Vassiano Episcopo Rostoviae...» [15]), а после него – разрешительная грамота царю Ивану Васильевичу на вступление в четвертый брак («Anno 7803 (sic!) **vigesima nona Aprilis Christianissimus Imperator et Magnus Dux totius Rossiae Joannes Basiliewicz...**» [16]). Затем идет довольно подробное изложение событий конца XVI – начала XVII в. (по тексту Никоновского списка Степенной книги [17]) – от правления Федора Ивановича, сына Ивана Грозного, и события Смуты до восшествия на престол Михаила Федоровича Романова [18]. Текст заканчивается словами: «Qui felicissime in multos annos vivens, crescat et virescat» [19] («Ему же в благоденствии жить долгие годы, и расти, и укрепляться») – которые, несомненно, являются сокращенным вариантом русского оригинала: «Ему же буди благопробывательно и многолетно здравствовати и во всяком благоденствии и радости расти и мужествовати» [20]. Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что имеющийся у нас текст – это перевод именно Никоновского списка Степенной книги.

Чтобы как можно более точно датировать время создания латинской рукописи, необходимо было изучить филиграни. Особенность данной рукописи заключается в том, что она целиком состоит из двойных листов, подшитых друг к другу, а не сброшюрованных в тетради. В F 12 представлены четыре филиграни: 1) лигатура МК [21] на обеих сторонах листа, л. 1–4,

23–24, 29–32, 39–42, 47–48, 55–88, 111–202, 205–220 [22], сходен с № 353 у Клепикова (1727–1728; 1732–1737 гг.) [23], № 575–577 у Лихачева (1727, 1733, 1736 гг.) [24] и № 740 у Тромонина (1733 г.) [25]; 2) лигатура РФ в картуше = АГК [26], л. 90–110 (в различных вариациях), сходен с № 479 (1733 г.) [27] и № 655 (1734–1736 гг.) [28] у Клепикова и № 526 у Участкиной (1733 г.) [29]; 3) Комерцъ = коллегіи, л. 203–204, сходен с № 309 (1738–1746 гг.) [30] и № 393 (1736–1741 гг.) [31] у Клепикова, № 570 у Лихачева (1741 г.) [32] и № 446–447 (1741–1746 гг.) [33] у Тромонина; 4) ГКС [34] = **инициалы мастера (ФР?)**, внизу, на обеих сторонах листа, «белая дата» – 1765 г., на припереплетных листах, типа № 180–189 у Клепикова (1761–1765 гг.) [35] и № 3552–3558 у Лихачева (1760–1762 гг.) [36].

Большая часть использованной в рукописи бумаги была изготовлена на Красносельской (Дудоровской) фабрике, в 1725–1734 гг. находившейся в ведении Мануфактур-коллегіи, в 1734–1753 гг. – **Комерц-коллегіи**, а после переданной барону Карлу Сиверсу [37]. Присутствие в конце рукописи филигрانی «Комерцъ коллегіи» позволяет предположить, что перевод был написан тогда, когда новые листы уже поступили в продажу, но прежние еще не вышли из обращения. Вместе с тем большая залежность бумаги (больше 4 лет) маловероятна [38], поскольку, согласно указу Сената от 12 сентября 1737 г., Академия наук (в числе прочих правительственных учреждений Санкт-Петербурга) была обязана заказывать бумагу именно на Красносельской мельнице [39]. Возможно, этот указ только закреплял сложившееся положение вещей – ведь бумажная фабрика в Красном Селе была единственной, расположенной в окрестностях Петербурга (казенная Петербургская фабрика была соединена с ней в 1726 г. [40]). Листы 90–110 были произведены на фабрике Филатова (Карамышева), она же – фабрика Гончаровых (село Спасское под Калугой) [41]. Тимофей Филатович Карамышев умер в 1732 г., а в 1735 г. его компаньоны, Григорий Иванович Щепочкин и Афанасий Абрамович Гончаров, разделили имущество (владельцем мельницы стал Гончаров). По мнению исследователей, указанные литеры могли использоваться в короткий промежуток времени между 1732 и 1735–1736 гг.: они отражают процесс смены владельца фабрики (при жизни Карамышева водяные знаки воспроизводили его собственные инициалы, а после того как Щепочкин оставил совместное дело – только инициалы Гончарова). Это обстоятельство является крайне важным для датировки рукописи. Бумага фабрики Филатова (Гончаровых) встречается в середине рукописи, тогда как бумага с филигранью «Комерцъ коллегіи» – **почти в самом конце. По нашему мнению, совокупность этих фактов позволяет утверждать, что рукопись была создана во второй половине тридцатых годов XVIII в., скорее всего, в конце 1735–1738 гг.** Текст не мог быть написан раньше конца 1735 г.: указ барона фон Корфа о переводе Степенной книги вышел из канцелярии 19 сентября 1735 г., в действительности работа должна была начаться позднее. Верхняя граница создания текста обусловлена временем залежности бумаги, исходя из расположения различных ее видов в рукописи. F 12 была переплетена после 1765 г.

Итак, перед нами латинский перевод Степенной книги второй половины 1730-х гг. Однако, если единственный (помимо приписываемого Паузе) перевод, существование которого подтверждается документальными источниками, Академия наук хотела поручить Горлицкому, почему же в названии рукописи, зафиксированном в описи, стоит имя Толмачева? Какие-либо данные о переводчике не встречаются на страницах рукописной книги, и на данный момент уже сложно понять, какими соображениями руководствовался сотрудник библиотеки, когда заносил F 12 в опись как перевод именно Толмачева. Тем не менее следует высказать некоторые общие соображения об авторе перевода.

Анализ опубликованных документов императорской Академии наук [42] позволил установить, что переводчиками в 1735 г. являлись: 1. Иван Юрьевич Ильинский [43]; 2. Иван Семенович Горлицкий (Горлецкий); 3. Иван Андроникович Толмачев. В «Именном штате о жалованье» от 7 марта 1735 г. [44] среди переводчиков еще числится Иоганн Вернер Паузе, хотя фактически он был вынужден оставить службу в конце предыдущего года по причине прогрессирующей душевной болезни. Кроме того, к переводам привлекались и другие люди – профессора, адъюнкты, секретари и студенты Академии наук, учителя и ректоры латинской и немецкой гимназий, служащие правительственных учреждений (см. таблицу). Некоторые из них на профессиональном уровне знали языки, не изучавшиеся за пределами иностранной коллегии. Так, Георг Яков Кер, профессор «ориентальных» (восточных) языков при иностранной коллегии, переводил татарские исторические манускрипты на русский и латинский языки и подготовил каталог древних татарских монет, хранящихся в кунсткамере; адъюнкт Яков Яковлевич Штелин перевел на немецкий язык итальянскую книгу о «военном состоянии Оттоманской Порты»; проректору латинской гимназии Георгу Мерлингу, взятому на службу в 1736 г., поручались переводы со шведского и финского языков (на немецкий и латинский), а также корректура выходящих на этих языках академических изданий. Другие занимались переводами учебной литературы – как по гуманитарным, так и по техническим предметам: адъюнкт Василий Евдокимович Адодуров переводил учебники по математике, физике и механике; студент (с мая 1738 г. – адъюнкт) Иоганн Каспар Тауберт – исторические сочинения.

В первой половине XVIII в. основными языками преподавания и общения в Академии наук, кроме русского, являлись немецкий и латинский. Это было связано с особенностями культурной политики петровской эпохи и последовавших за ней десятилетий: профессорами Академии, а также ректорами и учителями гимназий становились, в основном, немецкие ученые. Лишь немногие из них выучивали русский язык настолько хорошо, чтобы писать на нем научные труды. Для них языком научного общения стал латинский: в Германии он по-прежнему оставался одним из основополагающих элементов образовательной системы. Сложнее приходилось французским ученым, ведь во Франции латынь уже давно не играла ведущей

роли в образовании. Некоторые из них – например, профессор И.Н. Делиль – в первые годы своего пребывания в Петербурге нуждались в помощи синхронных переводчиков [45].

В приведенную ниже таблицу мы внесли данные обо всех сотрудниках Академии наук, а также учрежденных ею заведений (Российское собрание, латинская и немецкая гимназии), и о служащих иных коллегий, которые привлекались Академией к переводам во второй половине 30-х гг. XVIII в.

Таблица

**Переводчики Академии наук
во второй половине 30-х гг. XVIII в.**

№	Фамилия Имя Отчество	Должность в Академии наук	Языки перевода	Характер выполняемой работы
1	Адодуров Василий Евдокимович	адъютант профессора физики	немецкий	переводил указы, письма, немецкие календари, «сокращенную механику», «выходящая математическая и физическая книги и вещи» [46]
2	Волчков Сергей Саввич	секретарь Российского собрания	немецкий, французский	переводил с немецкого и на немецкий язык ведомости, отчеты из камчатской экспедиции, указы Сената, «Флоринову генеральную экономия», Скифскую историю; с французского языка – «Вобанову книгу об атаке и обороне», роман «Грациан придворный человек» и др. [47]

3	Горлицкий Иван Семенович	переводчик	латинский, французский	переводил с французского языка Арифметику, Геометрию, Астрономию, Географию, Фортификацию, Грамматику и др.; с латинского – «обсервацию Камчатки», инструкцию камчатской экспедиции, прошения профессоров, поданные в Сенат [48]
4	Ильинский Иван Юрьевич	переводчик	латинский, немецкий	переводил с латинского языка речи профессоров Академии, «экстракт из книги патера Рибера», рукопись о старинных русских монетах; различные письма, отчеты из камчатской экспедиции – с латинского и немецкого языков; принимал участие в переводе немецко-латинско-русского лексикона [49]
5	Кер Георг Яков	профессор «ориентальных» языков при иностранной коллегии	татарский, латинский, немецкий	перевел с татарского языка на немецкий историю об Абулхазихане, на латинский – турецкую историю, «сочинил каталог о 4000 древних татарских монет» [50]

6	Мерлинг Георг	проректор латинской гимназии	шведский, финский, немецкий, латинский	«кроме школьной должности, обязан он переводить швецкаго и финскаго на немецкой и латинской язык, а ежели что на швецком или финском языке печатается, то он делает корректуру» [51]
7	Тауберт Иоганн Каспар	студент, адъюнкт с 1738 г.	немецкий	переводил ведомости, письма, статьи профессоров, отчеты из камчатской экспедиции, «Азовскую историю», «Жизнь и дела принца Евгения», краткое изложение жизнеописания царя Алексея Михайловича, сделанное профессором Г.З. Байером; вел протокол в Российском собрании [52]
8	Толмачев Иван Андроникович	переводчик	латинский	переводил письма и прошения профессоров, инструкцию и отчеты камчатской экспедиции, «метеорологическая обсервация... из дальних мест» и др. [53]

9	Тредиаковский Василий Кириллович	секретарь Российского собрания	французский	перевел книги об артиллерии, политике, Татарскую историю, «Марсилиеву книгу о военном состоянии Оттоманской Порты» [54]
10	Фишер Иоганн Эберхард	ректор латинской гимназии	латинский, немецкий	перевел с латинского на немецкий язык «Ланговы разговоры», с латинского на русский «Разговоры Франциски Лудовицы Туллий», выполнял корректуру перевода истории об Абулхазихане профессора Кера (на немецком языке) [55]
11	Шванвиц Мартин	ректор немецкой гимназии	немецкий	переводил на русский язык «Арифметику» профессора Эйлера, «Ланговы разговоры», «школьную книгу Сейболди» [56]
12	Штелин Яков Яковлевич	адъюнкт профессора элоквенции	немецкий, итальянский	перевел с итальянского на немецкий язык «Марселиево военное состояние Оттоманския Порты» [57]
13	Эмме Федор	советник камер-конторы, член Российского собрания	немецкий	«перевел математическую и физическую географию и Шрейдерову Шацкамору, ... военную книгу Флемингов совершенный солдат» [58]

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют утверждать, что во второй половине 30-х гг. XVIII в. латинскими переводами занимались четверо: И.Ю. Ильинский, И.С. Горлицкий, И.А. Толмачев, И.Э. Фишер. При этом важно отметить: во-первых, ректор латинской гимназии привлекался к переводам сочинений латинских авторов, используемых в процессе обучения, а кроме того, выполнял корректуру переводов профессора Кера (на немецком языке). У нас нет сведений о том, что Фишер когда-либо переводил пространные тексты с русского языка на латинский. Во-вторых, судя по сохранившимся сведениям, И.Ю. Ильинский в последние годы жизни (он скончался в марте 1737 г.) уже не привлекался к переводам текстов большого объема [59], а переводил только документы, письма, отчеты камчатской экспедиции.

Таким образом, во второй половине 30-х гг. XVIII в. только И.С. Горлицкий и И.А. Толмачев могли заниматься переводами русских рукописей на латинский язык. Иван Андроникович Толмачев [60], выпускник Славяно-греко-латинской академии, за шесть лет своего пребывания в Академии наук (октябрь 1732 – 18 ноября 1738) перевел на латинский язык «книгу письменную Прокритарию [61], в девяти тетрадях», «всякия из Сибири, Казани, Астрахани и других дальних мест присылаемые сюда метеорологическия обсервации», различные документы для профессоров из Юстиц-коллегии и полиции, а с латинского на русский – инструкцию для камчатской экспедиции, профессорские прошения в Сенат и письма. Помимо этого, в «Реэстре с именным описанием должности и действительной каждого работы, трудов и исправления академических профессоров и прочих чинов и служителей, и с щетом, что еще академия на сей 1737 г. на нужнейшие расходы и объявленным чином жалования заплатить надлежит» от 31 декабря 1737 г. значит, что Толмачев «перевел Российскую старую кронику по латыни» [62] – однако по сохранившимся источникам невозможно понять, о чем именно в данном случае идет речь. Фраза о переводе некоей древней российской «кроники» встречается в «Реэстре» также у И.С. Горлицкого [63] и у С.С. Волчкова [64]: судя по всему, под хрониками составители реестра подразумевали любые исторические сочинения, не имеющие собственного названия.

Иван Семенович Горлицкий [65], также выпускник знаменитой московской академии, учившийся в Амстердаме и Париже, служил в Академии наук переводчиком в 1724–1744 гг. и в 1749–1776 гг. В конце 1720-х – 1730-е гг. он работал почти исключительно с французским материалом: в источниках сохранились сведения о выполненных им переводах книг по арифметике, геометрии, тригонометрии, астрономии, фортификации, «бухгалтерской должности». Горлицкий брался за сочинения разнообразной тематики, в том числе за французскую грамматику, «историю о Японии», перевел путевой журнал лейтенанта морского флота А. Чирикова (от Санкт-Петербурга до Камчатки). Тем не менее, поскольку Горлицкого брали на службу со знанием в том числе латинского языка, ему поручали и перевод латинских рукописей – например, обсервации Камчатки и инструкции камчатской экспедиции. Пе-

рыв в его работе связан с «делом Шумахера» – Горлицкий был одним из главных доносителей на академического советника, библиотекаря и директора Канцелярии. Само «партикулярное переводчика Горлицкого письмо» не сохранилось, однако есть указание от 7 октября 1742 г. «расписать» его и «учинить... вопросительные пункты» [66]. В числе вопросов, заданных следственной комиссией профессорам и служащим Академии 24 февраля 1743 г., был следующий: «О переводе Степенной книги имеется ли определение или журнальная записка президента Корфа, такожь и отпуск ордера о переводе той книги переводчику Горлицкому?» [67]. Сохранился документ от 12 марта 1743 г., где представлены результаты расследования и объявлен приговор «доносителям». В пункте восьмом показаний Шумахера упоминается Степенная книга. Этот пункт гласит: «Якобы Шумахер в академию определил секретаря иноземца Тидмана, и при нем двух канцеляристов немцев же; а надлежало бы де быть секретарю русскому. Оный же де секретарь принуждал переводить с российского на латинский, а не с латинского на русский язык, профессорския издания; также де и президент Корф велел перевести Степенную книгу с российского на латинский язык, дабы де все, что у нас тайно, было бы им явно. А Шумахер сказал, и по следствию явилось, что секретаря Тидмана и двух канцеляристов определил президент Корф, и подозрения на оного Тидмана никакого не показано, и чтоб принуждать что переводить с русского на латинский язык Горлицкой ничего не доказал. А бывший президент Корф Степенную книгу приказал перевести для сочинения российской истории» [68]. Заметим: Горлицкий не утверждает, что Степенную книгу перевел именно он, и в доказательство этого не предъявляет сам текст перевода. Скорее он приводит этот заказ как яркий пример того, что в Академии учебный процесс построен таким образом, чтобы сделать информацию как можно более доступной для иностранцев, в то время как ничего не делается для развития собственно российской науки. Итак, если Горлицкий все же не переводил Степенную книгу, мог ли это сделать Толмачев? Последний занимался только латинскими переводами. В истории Академии наук были случаи, когда работа перераспределялась между переводчиками: так, посылая в июне 1729 г. Горлицкому «французскаго диалекта грамматику, для переводу с оного на российский диалект», И.Д. Шумахер велит забрать «имеющийся у него лексикон <...> и разделяя на две части, отдать для переводу ж переводчикам Ильинскому и Сатарову» [69].

После смерти Толмачева в ноябре 1738 г. его вещи, в том числе книги и документы, были забраны в Академию наук [70] – возможно, что двести листов латинского текста пролежали в этих вещах до середины 60-х гг. XVIII в., когда некто нашел и переплел их. Возможно, тогда же рукопись поступила в библиотеку Академии наук: круглый двязычный штамп библиотеки, поставленный на обороте первого листа F 12, использовался в 1759–1837 гг. [71]. Вопрос о том, был ли автором перевода Толмачев или Горлицкий, в настоящее время остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сиренов А.В.* Степенная книга. История текста. М., 2007. С. 6–7.
2. Там же. С. 7.
3. Горлицкий (Горлецкий) Иван Семенович (1690–1779) – переводчик Академии наук. В документах встречаются оба варианта написания фамилии, однако в историографии установилась традиция писать ее через «и».
4. Материалы для истории императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 2. 1731–1735. С. 799, 804.
5. *Петров В.А.* История рукописных фондов Библиотеки Академии Наук с 1730 г. до конца XVIII в. // *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук.* М.; Л., 1956. Вып. 1. XVIII в. С. 176, 185, 210–212.
6. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1. Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги / сост. В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова. 2-е изд., доп. М.; Л., 1959. С. 470–473, 517–523.
7. Благодарю А.В. Сиренова за высказанное в устной беседе предположение о том, что оригиналом латинского перевода мог являться Никоновский список Степенной книги. О Никоновском списке см.: Там же. С. 464–470; *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии* / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. С. 32–33.
8. БАН. 32.8.1. Л. 184 об.
9. БАН. F 12. Л. 45.
10. БАН. 32.8.1. Л. 162; БАН. F 12. Л. 41.
11. БАН. 32.8.1. Л. 368.
12. БАН. F 12. Л. 71.
13. Там же. Л. 212.
14. БАН. 32.8.1. Л. 1122.
15. БАН. F 12. Л. 212.
16. Там же. Л. 212–212 об.
17. БАН. 32.8.1. Л. 1130 об.–1163.
18. БАН. F 12. *Regnum Imperatoris et magni Ducis Theodori Iwanowicz totius Rossiae.* § 18. Л. 213–214; *Regnum Borissi, qui Senatoria dignitate nominatus fuit Godunow.* Л. 214–215; *Regnum Theodori Borissowicz Godunow.* Л. 215; *Imperium Rosstrigi, qui falsum sibi imposuit nomen magni Ducis Demetrij Uglitskij.* Л. 215–215 об.; *Imperium Basijj Imperatoris Cognomento Szuijski.* Л. 215 об.–217 об.; *Administrant Imperium Proceres.* Л. 217 об.–218; *De Hermohens Patriarcha.* Л. 218–218 об.; *Litvani redigunt in potestatem sua urbem Mosevam, denuo recuperatur ea.* Л. 218 об.–219; *Regnum Imperatoris totius Rossiae necnon magni Ducis Michaelis Theodorowicz.* Л. 219–219 об.
19. Там же. Л. 219 об.
20. БАН. 32.8.1. Л. 1165.
21. В альбоме «Филиграни и штемпели» С.А. Клепиков настаивал на том, что эти литеры следует прочитывать как «Мельница Красносельская», однако М.В. Кукушкина высказала сомнение, что владельцы бумажных фабрик могли называть их мельницами – по крайней мере, в XVIII в. З.В. Участкина более поздние филиграни с подобными литерами расшифровывает как «Мануфактур-коллегия». В следующем своем альбоме «Филиграни» С.А. Клепиков согласился с этим вариантом.

См.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 53; Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. XIX–XX вв. С. 292; *Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-Mills and their watermarks* // *Monumenta Chartae Papyraceae Historiam illustrantia* / ed. by E.J. Labarre. Vol. IX. Hilversum, Holland, 1962. № 353–354, P. 213–214, 255; Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX вв. М., 1978. С. 32, 80.

22. Л. 5–16, 19–20, 25–28, 33–38, 43–46, 49–54 без филигранных.

23. Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные... № 353.

24. Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в московском государстве. СПб, 1891. № 575–577. Н.П. Лихачев приводит этот водяной знак как отдельный, без упоминаний о том, что на левой и правой сторонах листа одинаковые филигранные.

25. Tromonin K.Y. Tromonin's watermark album. A Facsimile of the Moscow 1844 edition / ed. by J. S. G. Simmons // *Monumenta Chartae Papyraceae Historiam illustrantia* / ed. by E.J. Labarre. Vol. XI. Hilversum, Holland, 1965. № 740. К.Я. Тромонин также приводит этот водяной знак как отдельный.

26. В альбоме «Филигранные и штемпельные» С.А. Клепиков расшифровывает эти литеры как «Рольная фабрика Афанасия Гончарова, Карамышева», а в альбоме «Филигранные» уже как «Русская фабрика Афанасия Гончарова и Карамышева». В свою очередь З.В. Участкина предлагает интерпретировать эти знаки как «Русская фабрика Афанасия Гончарова Компании». См.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные... С. 59; Его же. Филигранные... С. 42, 81; *Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-Mills...* № 526, P. 221, 260.

27. Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные... № 479.

28. Клепиков С.А. Филигранные... № 655.

29. *Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-Mills...* № 526.

30. Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные... № 309.

31. Клепиков С.А. Филигранные... № 393.

32. Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы... № 570.

33. Tromonin K.Y. Tromonin's watermark album... № 446–447.

34. Эти литеры исследователи расшифровывают как «граф Карл Сиверс». В 1760 г. барону Сиверсу был пожалован титул графа, после чего инициалы БКС на водяных знаках его фабрики сменились на ГКС. Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик... С. 296.

35. Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные... № 180–189.

36. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. III. Альбом снимков. № 3552–3558.

37. Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик... С. 294–295.

38. М.В. Кукушкина приводит следующие данные: «Из 382 случаев, когда на бумаге имеется филигранный с годом и датированный текст, написанный на ней, в 16.5% случаев бумага употреблялась в год ее изготовления, 62.3% случаев имеют разрыв во времени между годом выпуска бумаги и датой текста в 1–2 года, 12.9% в 3–4 года и только 8.3% имеют разрыв во времени от 5 до 30 лет. Такой незначительный по времени разрыв между годом изготовления бумаги и временем ее использования позволяет нам датировать филигрань по тексту». См.: Там же. С. 287.

39. Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы... С. 90.

40. Кужушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик... С. 294.
41. Там же. С. 296–297; Малинин Д.И. Полотняный завод в Калуге в XVIII в. Калуга, 1929.
42. Материалы для истории императорской академии наук. Т. 2. С. 617–629 (№ 702); Т. 3. 1736–1738. СПб., 1886. С. 564–583 (№ 613).
43. В источниках Ильинский фигурирует как Иван Юрьевич, однако в советской историографии, начиная с середины XX в., его называли Иваном Ивановичем, никак этого не обосновывая. Мы считаем необходимым вернуться к исходным имени и отчеству. См.: Материалы для истории императорской академии наук. Т. 2. С. 110 (№ 132), 147 (№ 191), 186 (№ 247); История Академии наук СССР / под ред. К.В. Островитянова. М.; Л., 1958. Т. 1. 1724–1803. С. 119, 467; *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 105, 150.
44. Материалы для истории императорской академии наук. Т. 2. С. 617–629 (№ 702).
45. Сохранились сведения о вызовах к И.Н. Делилю С. Коровина в марте 1726 г. и И.С. Горлицкого в январе 1727 г. «для толкования речей с французского языка на российский, а с российского на французский», см.: Материалы для истории императорской академии наук. СПб., 1885. Т. 1. 1716–1730. С. 184 (№ 326), С. 233 (№ 476).
46. Там же. Т. 1. С. 459 (№ 677), 476–477 (№ 690), 484 (№ 706), 603 (№ 858); Т. 2. С. 69 (№ 81), 122 (№ 145), 141 (№ 177–178), 163 (№ 217), 413 (№ 418), 485–486 (№ 523); Т. 3. С. 100 (№ 125), 355 (№ 381), 525 (№ 584), 572 (№ 613); Т. 4. 1739–1741. СПб., 1887. С. 91 (№ 124), 213 (№ 305).
47. Там же. Т. 2. С. 479 (№ 510), 480–481 (№ 513), 485–486 (№ 523), 488–489 (№ 527), 732 (№ 788), 777 (№ 843); Т. 3. С. 2 (№ 3), 34–35 (№ 37), 48 (№ 61), 284 (№ 287), 506 (№ 561), 578 (№ 613), 773–774 (№ 816), 778–779 (№ 823), 797–799 (№ 848); Т. 4. С. 13 (№ 29), 66–73 (№ 107), 73–80 (№ 108), 271 (№ 402).
48. Там же. Т. 1. С. 36 (№ 44), 233 (№ 476), 270 (№ 502), 355 (№ 550), 369 (№ 566), 388 (№ 588), 444 (№ 651), 499 (№ 747), 602–603 (№ 858), 636 (№ 879), 662 (№ 899), 683 (№ 917); Т. 2. С. 59 (№ 64), 157 (№ 208), 326 (№ 345), 431 (№ 431), 492–493 (№ 531), 787 (№ 854), 799 (№ 865), 804 (№ 878); Т. 3. С. 576 (№ 613).
49. Там же. Т. 1. С. 499 (№ 747), 602–603 (№ 858), 632 (№ 872); Т. 2. С. 110 (№ 132), 147 (№ 191), 186 (№ 247), 365 (№ 396), 433 (№ 439), 644 (№ 721), 712 (№ 755); Т. 3. С. 48 (№ 61).
50. Там же. Т. 3. С. 129, 141 (№ 137), 506 (№ 560), 514–515 (№ 568), 576 (№ 613).
51. Там же. Т. 3. С. 580 (№ 613).
52. Там же. Т. 2. С. 326 (№ 345), 482 (№ 515), 633 (№ 706); Т. 3. С. 48 (№ 61), 68 (№ 82), 100 (№ 125), 346 (№ 364), 386 (№ 427), 411 (№ 461), 574 (№ 613), 623 (№ 652), 630 (№ 662); Т. 4. С. 127 (№ 170).
53. Там же. Т. 2. С. 184–185 (№ 243), 186 (№ 246), 189 (№ 253), 302 (№ 313), 326 (№ 345), 441 (№ 455–456); Т. 3. С. 578 (№ 613).
54. Там же. Т. 2. С. 109–110 (№ 131), 392–393 (№ 407–408), 449 (№ 468), 527 (№ 589), 735 (№ 794), 761 (№ 816); Т. 3. С. 99 (№ 123), 347 (№ 367), 348–349 (№ 370), 460 (№ 503), 576 (№ 613).
55. Там же. Т. 3. С. 330 (№ 337), 506 (№ 560–561), 514–515 (№ 568), 578 (№ 613).
56. Там же. Т. 1. С. 353–354 (№ 545); Т. 2. С. 641 (№ 717–718); Т. 3. С. 580 (№ 613).
57. Там же. Т. 2. С. 734 (№ 792); Т. 3. С. 99 (№ 123), 574 (№ 613).

58. Там же. Т. 3. С. 576 (№ 613).

59. Последний раз перевод русской рукописи был поручен ему президентом Академии наук бароном фон Кейзерлингом 23 августа 1733 г. В тексте указа говорилось о «российской рукописной книге о копейках, которые под владением российских великих князей и царей, а также от российских городов чеканены были». См.: Там же. Т. 2. С. 365.

60. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук... С. 151.

61. Вероятно, речь идет о Проскинитариях – сочинениях, содержащих описание паломничества в Св. землю.

62. Материалы для истории императорской академии наук. Т. 3. С. 578 (№ 613).

63. Там же. С. 576.

64. Там же. С. 578.

65. *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук... С. 29, 99–100, 104–105, 139, 150, 157; История Академии наук СССР... С. 22, 119–121, 136, 138, 154, 156.

66. Материалы для истории императорской академии наук. СПб., 1889. Т. 5. 1742–1743. С. 378–379 (№ 322).

67. Там же. С. 544 (№ 506).

68. Там же. С. 582 (№ 528). Первые страницы документа были утеряны, текст начинается с показаний Шумахера по четвертому пункту обвинения.

69. Там же. Т. 1. С. 499 (№ 747). Речь идет о немецко-латинско-русском лексиконе, изданном Академией наук в 1731 г. Латинско-русской его частью занимались сначала Горлицкий, а после – Ильинский и Сатаров, а за немецкую отвечал ректор немецкой гимназии М. Шванвиц. См.: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук... С. 151; История Академии наук СССР... С. 120.

70. Материалы для истории императорской академии наук. Т. 3. С. 858 (№ 923).

71. Кириллические издания XV–XVI века Отдела редкой книги БАН: Каталог / сост. М.Ю. Гордеева, А.А. Романова. СПб., 2010. С. 141.

И.А. Вознесенская

ИСТОРИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
грант 16-01-00192

Иследуя состав рукописных сборников XVIII в., М.Н. Сперанский выделил в особую группу сборники, «объединенные новым содержанием, которое тесно связано с передовой литературой петровской поры и второй четверти XVIII в.» [1]. Новизну в рукописной практике этого времени он определил «тяготением к публицистике и вниманием к документам и конкретным сведениям по различным областям знаний». Особо исследователь отметил то, что в настоящей группе рукописных сборников литературная проза встречается крайне редко, как и в печатных изданиях этого времени. Составители отдают предпочтение статьям практического характера, часто учебного или исторического, это могут быть записи о современных событиях или политические памфлеты. Важной особенностью настоящих сборников является использование текстов печатных изданий первой половины XVIII в.

Значительная часть сборников этой группы связана с историей царствования Петра I, причем встречаются как отдельные статьи в составе рукописных сборников, так и целые сборники, посвященные Петру и его времени [2]. Следует отметить, что широкое распространение «петровской» темы в рукописной традиции XVIII в. связано с тем огромным значением, которое в общественном сознании занимала личность Петра Великого. Исторические песни, сказки, лубочные картинки XVIII в. создали образ Петра как часть народной культуры, оказав влияние на историческую литературу о Петре [3].

Среди основных источников сборников следует отметить, прежде всего, «Историю о зачатии и рождении Петра Великого» П.Н. Крекшина, первую главу его «Сказания о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол Петра I», опубликованного в 1787 г. [4]; «Записки о стрелцком бунте» А.А. Матвеева, также впервые опубликованные в 1787 г. [5]; «Журнал о шествии из Москвы в Европейские края» (Дневник Великого посольства) [6]; «Житие Петра Великого» Антония Катифора в переводе Стефана Писарева [7]; слова и проповеди Феофана Прокоповича [8]; Книгу Марсову

[9], а также отдельные журналы и реляции. Кроме того, очень часто подобные сборники включают в себя хронологические таблицы правителей Руси, начиная с Рюрика, и перечни основных событий из жизни Петра.

Состав сборников, посвященных истории петровского времени, которые можно условно назвать «петровскими», относительно постоянный. Некоторые тексты встречаются в определенном порядке. Например, Записки А.А. Матвеева в значительном количестве рукописей разрываются, и между двумя частями помещается Дневник Великого посольства. Следует заметить, что Записки Матвеева часто помещаются в сборники именно в виде отрывков. Такое расположение материала показывает желание составителя показать историю царствования Петра I в хронологическом порядке. Как правило, такие сборники начинаются «Историей о зачатии и рождении Петра Великого» П.Н. Крекшина, затем следуют Записки А.А. Матвеева со вставкой Дневника Великого посольства, продолжает повествование «Житие Петра Великого» А. Катифора, а в заключительной части помещаются слова «о смерти» и «на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича. Однако хронологический принцип не всегда определяет место и выбор помещаемых в сборники текстов. История Крекшина в ряде случаев может помещаться после перечня основных событий царствования Петра (БАН. 28.6.36) или даже после сочинения А. Катифора (БАН. Колоб. 490) или А.И. Манкиева (БАН. Тек. пост. 408), нарушая стройную хронологию. Довольно часто «Житие Петра Великого» А. Катифора предваряет так называемый «Журнал в стихах», который иногда даже называют стихотворным предисловием.

Следует отметить, что Книга Марсова в петровских сборниках встречается значительно реже, чем сочинение П.Н. Крекшина, но в общей канве повествования истории Петра Великого также занимает почетное место. В одном из сборников из собрания БАН (Плюшк. 238) объединены «родисловие от Рюрика», сочинение Катифора, Книга Марсова и газета «Ведомости» со 2 июня по 2 июля за 1709 г. «Родисловия» или хронологические таблицы позволяют довольно точно датировать время создания сборников, так как они заканчиваются на времени современного сборнику правления. Поздние добавления, как правило, хорошо видны. Так, в упомянутом сборнике из собрания Плюшкина хронологическая таблица из 44 пунктов от Рюрика до Анны Иоанновны позже дополняется записью мелким почерком для экономии места: «17 октября 1740 – 25 ноября 1741 – междуцарствие». Затем, еще 4 имени: Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины Алексеевны и Павла Петровича, причем, похоже, той же рукой [10]. Запись о Петре III и Екатерине II сделана в 1762 г., а уже в 1796 г. другими чернилами дописаны сведения о смерти Екатерины и восшествии на престол Павла. Таким образом, сборник, созданный до 17 октября 1740 г., дополнялся до конца XVIII в. Судя по тому, что составитель не называет имени Иоанна Антоновича, он сторонник Елизаветы Петровны. В ряде сборников петровскую тему замыкают статьи, посвященные Елизавете Петровне. Чаще всего встречаются «Историческое описание... о восшествии на престол Елизаветы Петровны» (БАН. Петр. гал. 46) и «Слово на день вос-

шествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» Амвросия Юшкевича (БАН. 24.5.36).

Не менее интересны в контексте рукописной традиции памятники, редко используемые в петровских сборниках. Так, мы уже обращали внимание на текст надгробной похвалы Петру, сочиненной учениками Московской славяно-греко-латинской академии [11]. Подобные сочинения, созданные в «школьной» среде, редко выходили за пределы круга ученого монашества и студенчества. Описания различных церемоний, как правило, публиковались в течение ближайшего года. Иногда эти описания встречаются в списках в петровских сборниках. Например, «Описание, каким образом шаха персидского полномочный посол Исмаил-бек имел въезд в Санкт-Петербург и на аудиенцию к его императорскому величеству допущен был» [12] в собрании БАН мы нашли только в одной рукописи (Тек. пост. 571).

Некоторые петровские сборники можно определить как тематические по материалам, связанным с каким-то конкретным событием. В частности, нами выделен сборник середины XVIII в. «Победа на магометан», посвященный исключительно русско-турецким отношениям (Тек. пост. 721). В его состав входят печатные издания 1711 г.: «Последование... о помощи православно-российскому войску и Манифест... о разрыве мира», а также рукописные послания Петру от Е. Украинцева, описание Прутского похода и рассказ об Азове, начиная со сдачи его туркам в 1711 г. до возвращения России по «вечному миру» 1739 г.

Отдельные документы петровского времени могут встречаться в сборниках разного характера. В список «Краткого описания Малой России», использованного Д.Н. Бантыш-Каменским для написания «Истории Малой России» (БАН. 17.16.29), включено письмо Петра I Нежинскому полковнику Лукьяну Журавскому. В «Просветитель» XVIII в. из Антониево-Сийского монастыря включены печатные «Торжественные врата» [13] 1703 г. и «Манифест об отрешении Алексея Петровича» [14] 1718 г. (БАН. Арх. Д. 429). Если включение письма Петра в «Краткое описание Малой России» тематически обосновано, то печатные документы в «Просветителе» кажутся абсолютно случайными. Однако описание триумфальных ворот, воздвигнутых учителями Славяно-греко-латинской академии к торжественному въезду Петра I в Москву, вполне созвучно содержанию «Просветителя», включавшего в себя «Книгу о семи свободных художествах» Николая Спафария [15]. Манифест же, который подлежал уничтожению в 1727–1731 гг. [16], имеет следы от сгибов. Можно предположить, что какое-то время он в сложенном виде лежал в книге или даже среди тетрадей и был вплетен в кодекс действительно случайно.

Состав сборников, содержащих отдельные материалы о петровском времени или единичные документы петровского времени, также вызывает интерес, поскольку характеризует диапазон и специфику исторических сведений, включенных в такие сборники. Например, сборная рукопись XVIII в. (БАН. Тек. пост. 267) содержит реестр указов с 1684 по 1740 г., указы и инструкции Петра I, касающиеся прав Сената, отдельные указы за разные годы, в том чис-

ле и печатные, реляции, уставы, регламенты и другие отдельные документы петровского и послепетровского времени до 1740 г. Включение в состав этого сборника «Краткой повести о смерти Петра» Феофана Прокоповича показывает, что особого различия между правовыми документами и нарративом не делалось, и в данном контексте смерть государя рассматривалась как исторический факт. В другом сборнике середины XVIII в. (БАН. 16.6.16) то же сочинение Феофана Прокоповича «окружено» краткой реляцией о восшествии на престол Елизаветы Петровны и статейным списком посольства Андрея Ищеина в Царьград из «Повести о двух посольствах» [17]. В настоящем сборнике объединен разновременный нарратив, связанный с тремя государями: Иваном Грозным, Петром и Елизаветой Петровной. В «Повести о двух посольствах» важное место занимает вопрос о характере царской власти, и в образе Ивана Грозного представлен образ идеального государя-самодержца. Создание подобного сборника позволяет рассматривать императрицу Елизавету Петровну как продолжательницу славных дел не только первого императора, но и первого царя в свете обоснования легитимности ее власти.

Как уже было сказано выше, отличительной особенностью рукописных сборников в XVIII в. становится использование печатных изданий. В случае с Книгой Марсовой, «Ведомостями», словами Феофана Прокоповича и Амвросия Юшкевича все очевидно: эти сочинения получили распространение, прежде всего, в печатном виде и затем уже переписывались. Однако ни Крекшин, ни Катифор, ни Матвеев до последней четверти XVIII в. не издавались, а *Дневник Великого посольства* и вовсе был издан только в XIX в. Таким образом, получив широкое распространение в списках, эти сочинения были напечатаны, уже будучи известными и популярными, что возможно и послужило стимулом к публикации.

Круг владельцев петровских сборников может быть определен по владельческим пометам. В собрании БАН владельческие пометы имеют только 11 рукописей из 100 используемых в настоящем исследовании, 9 из которых – настоящие петровские сборники, а 2 книги – сборники, содержащие отдельные статьи или документы, касающиеся истории царствования Петра. Таким образом, мы можем определить около 10% владельцев. Почти половина из них принадлежит к дворянскому сословию. Генерал-поручик Алексей Семенов сын Полозов владел книгой, иллюстрированной им собственноручно. Помимо рисунков пером книга украшена вырезанными из печатных книг гравюрами (БАН. Тек. пост. 328). В состав рукописного сборника вошли сочинения Крекшина, Шафирова, Феофана Прокоповича, а также список городов, взятых с 1702 по 1723 г. Вахмистр Киевского полка Мина Тимофеев сын Спенков, который со временем стал секунд-майором, продал свою книгу капитан-лейтенанту флота П.В. Козакевичу (БАН. Плюшк. 97). Сборник, содержащий хронологическую таблицу от рождения Петра до коронации Елизаветы Петровны, принадлежал капитану Егору Степанову сыну Пестрову (БАН. 31.3.10). Одна из рукописей имеет владельческую запись сержанта Петра Масалова, который был писцом Навагинского пехотного полка (БАН.

24.5.36). Остальные владельцы – крестьяне Иван Назаров (БАН. Колоб. 473) и Даниил Табуров (БАН. 16.5.44), мещане, казанский Ф.И. Рыбников (БАН. 25.6.13) и тарусский В.М. Жданов (БАН. Плюшк. 93), и вологодский купец Григорий Коробейников (БАН. 17.8.12). Одна из рукописей имеет экслибрис «Из библиотеки села Петровского рода Михалковых» [18] (БАН. 17.10.22).

Обзор рукописных сборников из собрания Библиотеки Российской академии наук, связанных с историей царствования Петра I, позволяет сделать предварительные замечания о составе и источниках настоящих сборников. Рассмотрев около 100 рукописей, мы определили наиболее популярных авторов петровских сборников, к которым относятся П.Н. Крекшин, А. Катифор, А.А. Матвеев и Феофан Прокопович. Сочинения таких авторов, как П.П. Шафиров, А. Нартов, А.И. Манкиев встречаются в сборниках значительно реже. Важное место в рукописной традиции петровской темы занимают печатные официальные документы, реляции, журналы, описания различных событий государственного значения: коронаций, шествий, посольств, погребений. Законодательные акты петровского времени являются важной составляющей не только сборников документов, но и сборников более широкого содержания, в некоторых случаях даже неисторического, хотя это, скорее, исключение из правил.

Всплеск интереса к истории Петра Великого связан с воцарением Елизаветы Петровны. Придя к власти в результате государственного переворота, новая императрица остро нуждалась в «литературном» обосновании легитимности. И в этом смысле резкое увеличение количества так называемых «петровских» сборников во второй половине XVIII в. кажется закономерным. Елизаветинская тема становится логичным продолжением петровской.

Мы не знаем составителей петровских сборников, они не оставили своих имен. Судя по известным владельцам, половина из них дворяне, остальные купцы, мещане и крестьяне. Таким образом, круг владельцев представлен почти всеми слоями российского общества XVIII в. Интерес к истории Петра Великого стимулировался пониманием особой важности личности этого государя, при нем государство обрело имперский статус и упрочило свое положение в мире благодаря военным победам на суше и на море, расширению границ, междинастическим бракам, культурным и научным приобретениям. Несмотря на попытки создания официальной историографии еще при жизни Петра [19], настоящее развитие история петровского времени получила в рукописной традиции, начиная с 40-х гг. XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 32–42.
2. См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. Л., 1971.
3. См., например: *Плюханова М.Б.* История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1981. Вып. 513. Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение. С. 17–39.
4. Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол Петра I. М., 1787; *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. См. также: *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I. XVIII в. СПб., 1912.
5. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. СПб., 1787.
6. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы // Русская старина. 1879. № 5.
7. *Катифор А.* Житие Петра Великого императора и самодержца Всероссийского, отца Отечества. СПб., 1772.
8. *Феофан Прокопович.* О смерти Петра Великого императора Российского. Краткая повесть. СПб., 1726.
9. Книга Марсова или воинских дел войск царского величества. СПб., 1713.
10. БАН. Плюшк. 238. Л. 6.
11. *Вознесенская И.А.* Рукописная книга о Петре в собрании ВИМАИВиВС // Современные проблемы археологии: Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 298–302.
12. Описание, каким образом шаха персидского полномочный посол Исмаил-бек имел въезд в Санкт-Петербург и на аудиенцию к его императорскому величеству допущен был. СПб., 1723.
13. Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М., 1958. С. 90–92. № 28.
14. Описание изданий гражданской печати: 1708 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 226–227. № 278.
15. *Белоброва О.А.* К изучению «Книги избранной вкратце о девяти мусах и семи свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 30. С. 307–317. Библиографию см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И–О. С. 398–400.
16. ПСЗ. Т. 5. С. 534–539. № 3151, примечание: «Манифест сей повелено было указом из Верховнаго тайнаго Совета 1727 июня 26 отобрать и уничтожить, но оной с возстановлением отмененнаго тем же указом Устава Правды воли Монаршей манифестом 1731 декабря 17 получил прежнюю силу, почему здесь и помещается».
17. *Каган М.Д.* Повесть о двух посольствах – легендарно-полюемическое произ-

ведение начала XVII века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 218–249. Рукопись БАН. 16.6.16 не учтена в публикации 1955 г.

18. *Сахаров И.В.* Родовая библиотека Михалковых и ее собиратели // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX вв. Л., 1988. Вып. 3. С. 112–119; *Беляева И.М.* Библиотека Михалковых как частная коллекция в фонде иностранных изданий БАН // Книга в России XVIII – середины XIX вв. Л., 1989. С. 111–121.

19. См., например: *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историографическая мысль XVI–XVIII вв. СПб., 2010. С. 334–385; *Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.

А.А. Романова

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПАТЕРИКАМИ И ПЕРЕЧНЯМИ СВЯТЫХ XVIII–XIX ВЕКОВ

В русской книжности в отдельных случаях можно проследить интерес не столько к детальному описанию жизни и подвигов русских святых, сколько к статистическим и справочным материалам, касающимся святости. Статистические выкладки о количестве святых присутствуют в достаточно ранних памятниках. В текстах «семитысячников» («Синаксарь имат в году книжных месяц 12...») [1] встречается указание на количество святых, память которых празднуется на протяжении года: «...а святых от года до года 1000 тем и 206 опроче новых чудотворцов» [2].

Сведения о почитаемых в Московском государстве святых аккумулировались не только в житиях и богослужебных текстах, но и во внежитийных источниках, организованных по-разному. Наиболее распространены памятники, использующие календарный порядок, – то есть святцы (обычные или с летописью). Еще в одном источнике – иконописных подлинниках – используются как календарный, так и алфавитный принципы, в ряде случаев известия о святом могут находиться (в хронологическом изложении) в летописных памятниках.

В рукописной традиции, особенно XVII в. и последующих столетий, были популярны тематические, или монографические сборники, посвященные тому или иному святому, или подборки житий, созданные по географическому принципу.

Так, хорошо известны в научной литературе сборники житий, включающие по преимуществу жития святых Вологодского края и Белозерья. Один из ярких примеров такого сборника – ГИМ, Увар. 107-1° (конец XVII – начало XVIII в.), который включает жития прп. Димитрия Прилуцкого, без начала; Житие прп. Игнатия Вологодского; Житие прп. Арсения Комельского; Житие прп. Иннокентия Комельского; Житие прп. Герасима Вологодского; Житие прп. Сергия Нуромского (Обнорского); Житие прп. Павла Обнорского; Житие прп. Иоасафа, Каменного монастыря чудотворца; Сказание известно о Каменном монастыре и о первоначальниках Каменного монастыря; Житие прп. Александра Куштского; Житие прп. Корнилия Комельского; Житие прп. Дионисия Глушицкого; Житие прп. Галактиона Вологодского [3].

Примером новгородского житийного свода может стать «Патерик Новгородский» последней четверти XVII в. (РГБ, ф. 98, собр. Егорова, № 1274), включающий подборку сочинений о новгородских святых, в который вошли сказания об иконах, службы и жития новгородских святых (в числе их: владыки Иоанн, Моисей, Никита, Евфимий, Нифонт, Серапион, преподобные Варлаам Хутынский, Зосима и Савватий Соловецкий, Александр Свирский, Ефрем Перекомский, Савва Вишерский, братья Алфановы, а также юродивые Никола Кочанов и Арсений Новгородский) [4].

Однако создание сводов житий было продолжительным и не всегда осуществимым проектом (так как в ряде случаев житий святых не существовало). Более краткие данные о святых включали в себя росписи, создаваемые, по видимому, по случаю, хотя и не всегда известно, по какому.

Одним из наиболее известных примеров такого перечня является роспись, составленная около 1634 г. по просьбе царицы Евдокии Лукьяновны священником Максимом. Просьба царицы состояла в том, чтобы «отписать подлинно», «сколько в Новеграде и в новгородских местех чудотворных мест, и в коем месте который чудотворец какими чудеса от Бога просвещен». Соответственно, составленный Максимом перечень уделяет внимание преимущественно не житию или чудесам подвижников («И будет, государыня, повелишь списати тех чудотворцов жития с чудесами их подлинно, и яз, государыня [Евдокия Лукьяновна], тотчас велю списати с житиями и чудеса тех новгородских чудотворцев, которым житья и чудес у вас, государей, не сыщутца»), а указанию и описанию погребений. Для каждого описания предлагается справка исторического содержания. Максим указывает и на случаи почитания, которые еще не получили официального признания. Упомянув имя Арсения Новгородского, он пишет: «А тропарь и кондак ему составлен, а празднества еще не установлено» [5].

Если составители «росписей» ставили перед собой конкретную задачу перечисления святых, чтимых на определенной территории, то составитель «Книги глаголемой Описание о российских святых...», очевидно, замахнулся на создание краткой «энциклопедии русской святости». Время составления «Описания о российских святых» точно не определено, но по ряду указаний (во всех списках, включая два наиболее ранних, НБ МГУ, № 293 (1710–1720-х гг.) и РГБ, ф. 205, собр. Общества истории и древностей российских, № 212 (примерно того же времени), есть память Симеона Верхотурского и Прокопия Устьянского, прославление которых датируется 1695 г.), составление этой энциклопедии русской святости может быть датировано началом XVIII в.

Своеобразие «Книги глаголемой Описание о российских святых...» состоит не только в отказе от месяцесловного принципа и переходе к географическому, но и в масштабах. Составитель «Книги...» ставил, очевидно, задачу максимально полного охвата данных о чтимых в России святых. В издании М.В. Толстого вошли сведения о 456 святых (с дополнениями – 477) из 58 городов [6]. Впрочем, за счет масштабов значительно пострадала точность

приводимых данных – даты преставления святых, указываемые в «Книге...», неточны в подавляющем большинстве случаев, особенно для подвижников XVI–XVII вв. Многие списки «Книги глаголемой Описание о российских святых...» созданы в старообрядческой среде.

Биографические справки о подвижниках (канонизированных и местно чтимых) содержат данные об имени святого, кем он был, где подвизался и когда скончался – каждый элемент может содержать множество неточностей. Перечень городов начинается с Киева, Чернигова, Брянска, Смоленска, далее в списках начинаются некоторые разночтения.

Четкой системы описания святых по городам, очевидно, не было. Данные книги не оставались неизменными – в отдельных списках с течением времени появилось предисловие, в некоторых оставлялось место для дополнений, менялись местами некоторые города и порядок следования статей, а в ряде случаев сведения пополнялись (например, сведениями для Санкт-Петербурга – память Александра Невского или Астрахани – память митрополита Иосифа, убитого казаками Степана Разина в 1667 г.).

Дополнения, вносимые по ходу работы, не всегда правильно трактовались переписчиками позднейших списков.

Приведу наглядный пример с памятью Корнилия Кожеозерского, который, как считается, был учеником Серапиона Кожеозерского. В списке «Книги...» из Научной библиотеки МГУ, № 293 (Сборник Моховикова) имена кожеозерских иноков Логгина, Германа и Боголепа, а также Корнилия, именуемого «начальник Спаского монастыря Кожеозерского», внесены в основной текст позднее, чем два заголовка, присутствующие на странице: «Града Мангазея и Енисея святых» и «Града Каргополя святых» (л. 441). Под заголовком «Града Мангазея и Енисея святых» (к которым был отнесен только хорошо известный отрок Василий Мангазейский) было оставлено пустое место, рядом же с перечислением каргопольских святых, следовавшего сразу за этим разделом, места было немного, поэтому память Корнилия, которую вписали рядом с именем Никодима Кожеозерского, оказалась написана немного выше, практически на уровне раздела о «Мангазее и Енисее». Если редактор ранних списков «Книги...» отчетливо представлял себе место Корнилия Кожеозерского, то в более поздних списках «Книги...», например: Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, собр. Киевского Софийского собора, № 368/137 (конец XVIII в., глава 47) и ГИМ, собр. Уварова, № 17 (первая четверть XIX в.), вставка была интерпретирована следующим образом: «Святой преподобный Корнилий начальник Спаскаго монастыря Кожеозерский чудотворец во граде Мангазее и Енисеи». По какой-то причине Мангазея, Енисей и Верхотурье в списках «Книги...» включены между перечнями соловецких святых и святых града Каргополя, и подзаголовок «во граде Мангазее и Енисеи», относящийся исключительно к отроку Василию, позднейшими переписчиками соотнесен и с именем Корнилия и всех остальных учеников преп. Серапиона Кожеозерского. Кроме того, получившееся сообщение стали трактовать как указание на существование в Мангазее Кожеозерского монастыря. Списки «Книги...»

с неправильно понятой вставкой оказали влияние и на историографию. Исследователи, и Никодим (Кононов), и Сергей (Спасский), опираясь на это указание, предположили, что «означенные иноки с Корнилием переселились в Тобольскую епархию и там основали другой Кожеозерский монастырь» [7]. О Спасском Кожеозерском монастыре близ Мангазеи других сведений нет. И хотя Корнилий помещен в число святых «Мангазеи и Енисея» из-за ошибки переписчика, в современной литературе можно встретить его упоминание как начальника монастыря в Мангазее.

В XVIII в. по существу прекратилось официальное прославление святых. Однако составление перечней святых, организованных по географическому принципу, получило значительное распространение и в XVIII в., и эти перечни известны, прежде всего, для вологодских и новгородских святых.

Так, в сборнике первой половины XVIII в. (РНБ, Q.XVII.232) находится «Реэстр преподобным отцем нашим вологодским и белозерским чудотворцем» (л. 217 об.), включающий указания: «В месяцах и числах памяти их» и «Кто откуда рождением беше, от какой фамилии произыде».

В сборнике РНБ, Q.XVII.77 помещено «Описание в Великом Новегор(оде) и в Новгородской епархии чудотворцов» (л. 236–242 об.), включающее перечень с данными, восходящими к первой четверти XVIII в. (согласно им, Валаамский монастырь еще находится в юрисдикции Кирилло-Белозерского).

Характерно, что в перечнях святых, как и в более ранних (в частности, в «Росписи» священника Максима), особо отмечается наличие службы или хотя бы краткой службы (тропаря и кондака) тому или иному святому.

Традицию составлять перечни святых и чтимых подвижников продолжили и крупнейшие деятели русской церкви. Перечень святых Вологодской епархии, созданный Евгением (Болховитиновым) в 1811 г., был издан спустя более полвека, в 1864 г., в «Вологодских епархиальных ведомостях» Н. Суворовым [8]. Этот и подобные ему перечни легли в основу создававшихся в разное время соборов святых русских епархий, они зачастую оставались неопубликованными.

XIX век стал расцветом жанра патериков русских святых, составленных по географическому принципу. Одним из первых таких патериков стал созданный в начале 1830-х гг. иноком Александро-Невского монастыря Паисием Кривоборским «Патерик новгородских чудотворцев», в который автор включил жития святых: как полные, так и проложные, а также месяцесловные памяти, сведения об обителях и богатый иллюстративный материал – листовые гравюры первой четверти XIX в., посвященные рассматриваемым им обителям – РНБ, собр. Александро-Невской лавры, А-9 (1831 г.).

Троицкий, Московский, Тверской, Архангельский, Олонецкий и тому подобные патерики появились на свет благодаря трудам деятелей церкви в конце XIX – начале XX в. [9]. Некоторые из них остались неопубликованными (см., например, Минеи священника Константина Добронравина (еп. Гермогена, 1820–1893) – РНБ, собр. Петроградской духовной семинарии, № 25/1–12 (конец XIX в.)).

Источниками новых патериков становились как рукописные первоисточники и устные сказания, так и опубликованные источники и исследования, как, например, свод данных, опубликованных в «Истории российской иерархии» [10].

В целом все упомянутые выше статьи и своды важны не как источники о биографии святого (в таком качестве на их данные опираться не следует), но, прежде всего, как источники по истории почитания того или иного святого в определенное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Симонов Р.А.* Малоизвестные русские средневековые источники по хронологии – «семи тысячники» // Историко-астрономические исследования. М., 1975. Вып. 12. С. 109–112; *Турилов А.А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семи тысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 27–38.

2. Цит. по: *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 333.

3. *Шульгина Э.В.* Лицевой сборник Житий вологодских святых XVII в. (ГИМ. Увар. 107-1°) // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 242–261.

4. *Брюсова В.Г.* К истории стенописи Софийского собора Новгорода. Фрески Мартирьевской паперти // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 108–125.

5. *Никольский А.* Описание святой Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской области (до 1654 г.) // Вестник археологии и истории. 1901. Вып. 14. С. 219–226; *Каган М.Д.* Максим (во иночестве Моисей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 323–326.

6. Книга глаголемая Описание о российских святых / изд. М. Толстой. М., 1887.

7. *Никодим (Кононов).* Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 83, 84, 197; *Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (репринтное изд.). Т. 3. С. 564.

8. *Суворов Н.* Краткое сведение об угодниках Божиих, в пределах Вологодской епархии почивающих // Вологодские епархиальные ведомости. 1864. № 1.

9. Краткий перечень такого рода патериков помещен в публикации: *Марк (Лозинский).* Из истории патериков // Журнал московской патриархии. 1973. № 3. С. 72–75.

10. *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. М., 1807–1815. Ч. 1–7.

И. Рашева

РАССКАЗ ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО О ХРИСТИАНИЗАЦИИ БОЛГАРИИ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

История принятия христианства болгарами часто встречается не только в болгарских, но и в иностранных средневековых текстах. Акт присоединения болгар к Восточной христианской церкви как нарратив появился в западных исторических сочинениях еще в IX в. В XIV–XVI вв. это событие снова присутствует в текстах многих хронистов. В более поздней историографии оно отразилось в сочинениях Мавро Орбини, Шарля Дюканжа, Иосифа Ассемани и др. В болгарской историографии XVIII в. тема христианизации получила отражение в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского [1]. Цель настоящего исследования – рассмотреть одну часть культурного аспекта сочинения Паисия, а именно – функцию анахронизмов в сведениях о принятии нашими предками христианства из главы «О учителях словенских», которая имеет политический смысл и множество более поздних проекций.

В славянских, латинских и греческих литературных памятниках, посвященных теме принятия христианства болгарами, чехами, моравами и поляками, очень часто встречаются анахронизмы, касающиеся Кирилла и Мефодия, как непосредственных проводников христианства. Таким образом, Паисий далеко не первый, кто использовал авторитет славянских первоучителей в патриотических целях. В настоящем исследовании не затрагивается вопрос, как интерпретирован и в каких именно староболгарских литературных памятниках представлен акт принятия христианства в Болгарии в IX в. Мы лишь перечислим некоторые источники, использованные Паисием: Пространные жития Кирилла и Мефодия, известные как «Паннонские легенды», сочинение «О письменах» Черноризца Храбра, «Сказание о письменах» Константина Костенечского, «Успение Кириллово», «Солунская легенда», Проложное житие Константина Кирилла Философа, Пространное житие Климента Охридского, сочиненное Феофилактом Охридским, «Историография» Мавро Орбини, «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония, Синодик Борила, Краткое житие Климента Охридского Димитрия Хоматиана, Проложное житие

Мефодия, Второе староболгарское житие Наума Охридского, «Жития святых» Димитрия Ростовского, Хилендарское сказание о переводе Священного Писания и пр. [2]. Не затрагивая вопрос о том, какие списки использовал Паисий, мы рассмотрим, какое отражение нашли эти источники в главе «О учителях словенских» «Истории славяноболгарской». В рассматриваемом тексте Паисий говорит о том, что Мефодий обратил болгар и славян в христианство, а Кирилл составил для них алфавит. В большинстве апокрифических текстов христианизация болгар – заслуга одного Кирилла, в некоторых текстах – это общее дело двух братьев, у Паисия – только Мефодия. Единственный староболгарский источник Паисия, в котором царь Борис назван «духовным чадом» святого Мефодия, – это Пространное житие Климента Охридского, написанное Феофилактом [3].

Большинство исследователей «Истории славяноболгарской», среди которых такие ученые, как Б. Ангелов [4] и В. Велчев [5], утверждают, что Паисий был знаком с сочинением Димитрия Ростовского, и мы не будем ставить этот факт под сомнение в настоящем исследовании. Если Паисию действительно были известны «Жития святых» Димитрия Ростовского, то становится понятно, почему он считал, что святой Мефодий и изограф Мефодий – одно и то же лицо. Паисий Хилендарский завершил свою Историю в 1762 г., к этому времени житийный сборник Димитрия Ростовского уже дважды издавался и был доступен для использования. «Четьи Минеи» Димитрия Ростовского отчасти составлены по «Великим Четьям Минеям» митрополита Макария, отчасти – по «Acta Sanctorum» болландистов. Материалом для сборника также послужили переведенные с греческого жития святых Симеона Метафраста, сборники житий русских святых и различные Синаксари. Интересно, что Симеон Метафраст утверждал, что изограф Мефодий, создавший для Бориса после его обращения в христианство изображение Страшного суда, являлся братом Константина Кирилла Философа. У митрополита Макария в житии святых первоучителей (на 6 апреля) такое отождествление отсутствует. В свою очередь, это может служить подтверждением того, что Димитрий Ростовский дополнял жития греческими и латинскими источниками (среди последних нам известен только «Acta Sanctorum»). Можно предположить, что идею отождествления святого Мефодия с монахом живописцем Паисий заимствовал у Димитрия Ростовского. При сравнении текстов можно увидеть, что это только идея. По мнению ростовского митрополита, Борис, уверовав в силу христианства благодаря своей сестре и вымоленной помощи его стране, попросил прислать наставника из Царьграда. В качестве такого наставника в Болгарию приехал сам святой Мефодий, чтобы завершить чудо своим художественным произведением и дать миру новых обращенных в христианство язычников. Следует уточнить, что в рассказе о принятии христианства из основной части «Истории славяноболгарской» анахронизм, касающийся роли святого Мефодия, отсутствует. Можно предположить, что Паисий, познакомившись с сочинением Димитрия Ростовского, решил авторизовать событие позже и поэтому развил эту идею в отдельной главе «О учителях словенских».

**«За славянските учители» —
«История славянобългарска»
Паисия Хилендарского**

«Във времето, когато в България царувал Муртагон, Методий дошъл в Търново, понеже тогава цар Муртагон поискал иконописец да му изпише дворците. Методий познавал това дело. Повече дошъл за това, за да може да научи и привлече българите към християнската вяра. Когато цар Муртагон му заповядал да нарисува в онзи дворец животни, птици и картини на лов, свети Методий изобразил пришествието Христово много умело и страшно. Когато видял тая картина, царят се изплашил и изпаднал в чувство на умилиение. Тогава Методий улучил удобно време, говорил на царя, поучавал го да приеме християнската вяра и обърнал Муртагона към нея. Изпратил до царица Теодора и дошъл от Цариград епископ, изпратен от царицата, и кръстил цар Муртагона, нарекли му име Михаил...» [6]

«Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских» Димитрия Ростовского

«Борис или Богорис, царь болгарский, после войны с греками пожелал принять христианскую веру. Сестра Бориса, за несколько лет пред этим бывшая в плену в Царьграде, возвратилась в Болгарию христианкою и старалась убедить брата принять ту же веру. Он долго не соглашался; но голод и смертоносная язва опустошили его государство. Тогда он по совету сестры обратился с молитвою к христианскому Богу и бедствия прекратились. Борис послал в Царьград просить наставников. Мефодий предпринял путешествие в Болгарию. Он изобразил на стене царской палаты страшный суд и объяснил царю блаженство праведников и муки грешников. Царь, уже приготовленный словами и примером сестры и чудесным прекращением бедствий, принял христианскую веру. Это было в 860 или в 861 г. Крещение всей Болгарии последовало в 869 г.» [7]

Совпадение имен художника и первоучителя Мефодия и отождествление славянского первоучителя с изографом Мефодием у Димитрия Ростовского полностью устраивали Паисия. В тексте русского автора святого Мефодия в Болгарию отправил сам византийский император в ответ на просьбу царя Бориса о духовном наставничестве. Паисий не повторил эту подробность, а приукрасил историю. Легенда об одинаковом имени, которую рассказали Орбини и Бароний (она им была известна из Хроники Продолжателя Феофана и Хроники Псевдо-Симеона X в.), и совпадение имен у ростовского митрополита – удобный повод для того, чтобы Мефодий Паисия «оказался» в Търнове. По мнению автора, Мефодий согласился привлечь болгар к христианской вере. Ошибочное использование топонима Търново также не случайно. Паисий знал, что Търновград построен в период царствования династии Асенов. Однако после многолетнего рабства, во второй половине XVIII в., если у его современников и были живые воспоминания о славном прошлом, то они обязательно были связаны с Търново, а не с Плиской или Преславом – древними

столицами Болгарии, которые были уже давно забыты. Паисий подчеркнул, что болгары приняли христианство, потому что Мефодий говорил с ними на болгарском языке. Таким образом, он продолжил важную полемическую тему, присутствующую в творчестве староболгарских авторов Золотого века, тему защиты славянской письменности от трехязычной догмы и права славян понимать и восславлять Бога на своем языке.

Как уже было сказано, культ святых Кирилла и Мефодия в Болгарии возник еще в X в. В староболгарской литературе их образы косвенно связаны с народным самосознанием, и необходимостью утвердить авторитет всего славянского населения, обращенного в христианство, и государства, сохранившего письменность. С XI по XIII в. роль Кирилла и Мефодия снова стала фундаментальной, их образы снова связаны с народным самосознанием потому что сохранить целостность народа (Болгария была под византийской властью) означало защитить их дело. Болгарские исторические сочинения периода Возрождения второй половины XVIII и первой половины XIX вв., по мнению А. Бурмова, также «ставят целью укрепить самосознание создающейся тогда болгарской нации; в них существует преднамеренное желание прославить любой ценой величие болгарского народа в прошлом» [8]. Примеры из истории, в частности деятельность святых первоучителей в романтическом ореоле, направлены на укрепление национального самосознания и имеют политическую окраску. С 1762 по 1875 г. упомянутый анахронизм Паисия нашел свое место в произведениях шести авторов в трех вариантах. Спиридон Палаузов и Любен Каравелов считали, что именно святой Мефодий обратил болгар в христианство; в произведениях иеромонаха Спиридона и Марина Дринова болгар обратил в христианство святой Кирилл; а в сочинениях Георгия Раковского и Тодора Бурмова болгары приняли христианство через обоих святых Кирилла и Мефодия. Бесспорно, для историографии болгарского Возрождения, вплоть до освобождения от власти турок, целостность народа также зависела от авторитета Кирилла и Мефодия и от гордости за их великое дело.

«История славяноболгарская» открыла целую эпоху в современной болгарской историографии, обозначив взаимодействие между существующей самобытной национальной историографической традицией и достижениями зарубежной историографии, связанной с исследованием болгарского прошлого. Средневековая история Болгарии в контексте истории Византии рассматривалась в сочинениях немецкого византиста Йохана Левенклавиуса, французского византиста Шарля Дюканжа и др. Особенно важное значение имеют исторические сочинения «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония и «Книга Историография» Мавро Орбини, изданные в переводе на русский язык в 1719 г. и 1722 г. соответственно. Именно в этих переводах они были доступны болгарским авторам.

После успешных войн против Османской империи болгары и их история стали объектом исследования русского славяноведения, которое выделилось как отдельная научная дисциплина в Академии наук. Первые русские славяноведы следовали идеям панславизма, провозглашенным еще хорватом Юри-

ем Крижаничем. В 1811 г. в Московском университете была открыта кафедра славянской словесности. Многие ученые объединились в так называемом Румянцевском кружке, который занимался письменностью балканских славян. После 1835 г. кафедры славяноведения открылись в четырех университетах: в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и Казани. В конце 30-х гг. XIX в. в основном в трудах М.П. Погодина развивались идеи превосходства славян над «западными людьми». Юбилейная дата – 1863 г. – стала одним из важнейших информационных поводов для написания новых критических исследований и публикаций разного рода источников по кирилло-мефодиевской проблематике. При всей многочисленности трудов по кирилло-мефодиевской проблематике в России явно недоставало единого, цельного свода источников по истории жизни и просветительской деятельности славянских первоучителей. Первый подобный труд создал О.М. Бодянский (1808–1877). Памятники, собранные и представленные в сборнике «Кирилл и Мефодий», ученый разделил на три отдела в соответствии с тремя языками, на которых они были составлены: памятники на славянском языке, памятники на греческом языке, памятники на латинском языке.

В настоящем исследовании мы рассмотрим несколько примеров из трудов русских историков с начала XIX в. и до освобождения Болгарии, демонстрирующих интерес к анахронизму в рассказе о христианизации Болгарии святым Мефодием. Эта оговорка позволит нам не привлекать труды таких выдающихся болгароведов и кирилло-мефодиеведов, как К.Ф. Калайдович (1792–1832), О.М. Бодянский (1808–1877), В.И. Григорович (1815–1876) и др., потому что в их сочинениях мы не нашли интересующего нас рассказа. Кроме того, для нашего исследования необходимы те труды, которые были доступны болгарским историкам.

Убедительные доказательства того, что тема крещения Бориса и болгар, совершенного святым Мефодием, занимала русских историков и они обсуждали ее, находим в «Славянском сборнике» 1845 г. у Н.В. Савельева-Ростиславича: «Обращение болгар к христианству все писатели согласно относят к половине IX века. Писатели различно думают о том, что было побудительною причиною к принятию веры: по одним Михаил был убежден сестрою, уверовавшею во время пребывания ее в Константинополе, по другим, в следствие чрезвычайного действия на его душу изображения будущих мучений» [9].

В 1830 г. Академия наук в Санкт-Петербурге отправила в Болгарию Юрия Венелина (1802–1839), слависта украинского происхождения, имевшего академическое образование. Он посетил несколько болгарских городов и записал ряд народных песен и сказаний. Очерк «Критические исследования истории болгар» [10], изданный в 1849 г., превратился в настольную книгу для многих болгарских историков времени Возрождения. Ю. Венелин также был сторонником теории о том, что святой Мефодий обратил Бориса в христианство: «Мефодий же неутомимый поборник блага... Занимая место Королевскаго живописца, он подлинно был духовником сестры Короля... был и правою рукою Короля в предначертываемом им преобразовании... Из уст его получал Бо-

рис наставления и просвещение, от рук его принял крещение и миропомазание...».

Эта теория нашла отражение и в современном ей историографическом исследовании Спиридона Палаузова (1818–1872), который известен в науке как русский историк, хотя он был сыном эмигрировавшего в Одессу выходца из Габрово Николая Палаузова. Его монография «Век болгарского царя Симеона» вышла в 1852 г. в Санкт-Петербурге, и в ней присутствует интересующий нас анахронизм. В этом очерке немало внимания уделено царствованию Бориса-Михаила (852–889). Рассмотрим фрагмент текста, в котором можно проследить интересующее нас событие: «Още по времето на управлението на императрица Теодора се водели преговори с цариградския двор, който искал да откупи знаменития монах Теодор Куфара. Борис приел предложението, но не взел откуп, а пожелал размяна. Сестрата на Борис, името на която за съжаление си остава неизвестно, тридесет години преди това, т.е. в 815 г., при царуването на Лъв Арменец, била взета в плен. Отведена в Цариград още като дете, тя била възпитана в двора в правилата на православието. Може да се допусне с голяма вероятност, че монахът Куфара пръв е разколебал езичеството на Борис, а сестрата на последния, върнала се в България, окончателно подействувала на брат си, още повече, че в своето семейство Борис имал ежедневен пример на благочестив живот. Но повече от всичко на Борис въздействувал св. Методий, по-големият брат на св. Кирил» [11].

Как видим, С. Палаузов не ставит под сомнение прямое участие святого Мефодия в обращении в христианство Бориса, хотя не рассказывает легенду о зрелище Страшного суда, которое произвело большое впечатление на царя-язычника.

Спустя десять лет тот же анахронизм был интерпретирован М.П. Погодиным (1800–1875) в речи, произнесенной в 1863 г. в День первоучителей: «Св. Кирилл и Мефодий перевели Священное писание не для Моравов, следовательно не в 862 году... Прочитав Моравскою легенду и Шафарика, я заключаю, что перевод Евангелия и книг богослужебных был у них уже непременно готов и до Болгарии, до крещения Борисова, точно как и до Моравии. Мне кажется ясно, что крещение Борисово было прежде посольства Ростиславова, а могли Св. братья заехать по пути к Борису, заботясь об утверждении его в Христианстве... Кирилл и Мефодий, первые истинные панслависты, они должны быть символом Славянского общего обновления. Славянский язык, их наследие, должен быть средоточием, связию всех славянских племен, основанием их единства, условием их наследия, ...средством возбуждения к новой жизни, источником спасения и освобождения от всякого ига, вещественного и духовного, турецкого и немецкого» [12].

В том же юбилейном 1863 г. архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) (1805–1866) произнес речь «Кирилл и Мефодий, славянские просветители», в которой утверждал, что святой Мефодий обратил в христианство Бориса, причем даже указал источники: «Мефодий успел произвестъ перемену в Болгарском Царе Борисе, так что не только сам принял крещение, но и

решился бороться с языческим упорством своего народа... Император Константин и Кедрин приписывают это Греческому иноку Мефодию и, не называя его братом Константина, приближают дело Мефодия в Болгарии к 861 году... В житие Климента сказано, что Мефодий сделал учеником своим Болгарского владетеля Бориса» [13].

Пять лет спустя выдающийся русский болгаровед А. Гильфердинг (1831–1872) издал «Историю сербов и болгар». В ней он упомянул изданное им ранее «Успение святого Кирилла Философа», в котором указано любопытное известие из «одного болгарского жития», относящегося к XIV в. Житие это было открыто незадолго до того в Софии, и, по утверждению А. Гильфердинга, мэрия Софии предоставила ему копию с содействия С. Филаретова. Рассказ Гильфердинга включает весь анахронизм: «Этот Богорис или Борис, носивший также славянское имя Радивоя, стал уже внимать Феодору Куфаре, находившемуся в плену у Болгар, а потом, когда императрица Феодора, стараясь об освобождении Куфары, для обмена возвратила в Болгарию Борисову сестру..., воспитана при дворе в Цариграде, для обмена это влияние еще более усилилось... Наставником его в христианской вере был монах Мефодий: так показывают единогласно памятники греческие и славянские, и последние свидетельствуют, что Мефодий этот был именно великий Солунский учитель, брат Кирилла... По греческим летописцам, Борис сам, еще до своего крещения, призвал к себе Мефодия. Борис был страстный охотник и велел Мефодию украсить домик, где он часто останавливался во время ловли. Мефодий же, вместо зверей и птиц, написал ему картину Страшного Суда, которая так поразила Бориса, что он решился спасти свою душу от огня вечного. Посетил ли Болгарию и брат Мефодия, Константин, об этом нет верного известия, но иначе быть не могло... Во всяком случае, основание христианства в Болгарии было делом Славянских просветителей... Мефодий нарек Бориса своим духовным чадом, Мефодий был наставником Болгарского народа в богопочитании и православной вере...» [14].

По случаю 1000-летия успения святого Кирилла 14 февраля 1869 г. А. Гильфердинг сообщил перед Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом, что открыл «Историю во кратце о болгарском народе словенском», написанную иеромонахом Спиридоном в 1792 г. В отличие от Паисия Спиридон не рассказывал анахронизм об обращении Бориса в христианство святым Мефодием. Он ссылаясь на Цезаря Барония и Евфимиеву летопись XIV в., к существованию которой сегодняшняя историческая наука относится весьма скептически. Иеромонах Спиридон назвал Царьград местом обращения Бориса в христианство и подчеркнул непосредственное апостольское участие святого Кирилла в этом деле: «После похода в Армению Борис принял христианство в Царьграде, там еще приняла христианство болгарская армия из 53 000 солдат, и в этом деле участвовал святой Кирилл» [15]. А. Гильфердинг издал статью под названием «Празднование тысячелетия кончины Свв. Кирилла и Мефодия» в газете «Голос» (№ 69/1869) [16], в которой, ссылаясь на утверждения иеромонаха Спиридона и на его сведения из летописи

святого Евфимия Тырновского, еще раз подтвердил свой тезис о болгарском происхождении Кирилла и Мефодия и то, что святой Кирилл был отправлен императором в Тырново обратить болгар в христианство и составить им письменность. Автор заблуждался, в это время Тырново не было болгарской столицей, однако его статья вызвала большой интерес в славянофильских кругах.

Два года спустя из печати вышел «Краткий очерк истории православных церквей» Е.Е. Голубинского (1834–1912). В этом очерке Е.Е. Голубинский составил самый полный перечень всех источников, в которых содержится анахронизм в рассказе о миссии святого Мефодия по обращению в христианство болгар. Е.Е. Голубинский рассмотрел и проанализировал сведения девяти греческих авторов: Никиты Пафлагона, Продолжателя Амартола, Симеона Логофета, Продолжателя Феофана, Льва Грамматика, Скилицы, Кедрина, Зонары, архиепископа Феофилакта, а также сведения из трех западных хроник: Бертинских, Фульдских и Ксантенских анналов. Именно в очерке Е.Е. Голубинского приводится единственное историографически подкрепленное фактами заключение, в котором анахронизм опровергается: «Древних сказателей, повествующих о крещении болгарского государя, мы имеем с излишком... в этом множестве сказателей весьма мало достоверных... Вопреки почти общепринятому мнению, Константин и Мефодий не принимали никакого участия в обращении болгар к христианству, ни оба вместе, ни который-нибудь в отдельности... Равным образом, и рассказ о том, будто Борис решился принять христианство, быв поражен зрелищем написанной для него картины Страшного суда, хотя бы даже написавшего картину живописца Мефодия и не считать за Мефодия брата Константинова, должен быть признаваем не более как за позднейший вымысел, принадлежащий тому самому византийцу, который первый его сообщает – Симеон Логофет... Борис был в решимости принять христианство не внешнею проповедью каких-нибудь проповедников, а собственным сознанием необходимости этого дела» [17].

Таким образом, в большинстве трудов русских историков XIX в., несмотря на преобладание научных методов в изучении проблемы христианизации Болгарии, продолжалась популяризация анахронизма. Значение этих трудов связано не только с идеями панславизма в истории православной церкви, но и с той исторической эпохой пробуждения болгарской нации, когда анахронизм, касающийся миссии святого Мефодия по обращению в христианство Болгарии, снова приобрел политическую окраску. Очерки, не связанные с рассказами Паисия и Димитрия Ростовского, косвенно помогли принять романтические идеи о роли святого Мефодия в христианизации болгар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный текст Паисия был опубликован в 1914 г. (*Иванов Й.* История славяно-болгарская, собрана и нареджена Паисием иеромонахом. София, 1914.) Работа Паисия была рассмотрена в многочисленных исследованиях болгарских историков, лингвистов, писателей, философов, социологов и педагогов. Это потребовало создания биб-

лиографического каталога, который был опубликован в 2003 г. (*Тодоров И. Паисий Хилендарски. Анотиран библиографски указател. София, 2003*) и включает в себя 1279 трудов.

2. Информацию для авторов, рассматривающих источники Паисия, можно найти в библиографическом каталоге И. Тодорова. Среди них Б. Пенев, Б. Ангелов, В. Велчев, Н. Драгова, Д. Чешмеджиев, К. Иванова.

3. Этот факт был отмечен и Е.Н. Прижимовой (*Прижимова Е.Н. Кирилло-Мефодиевский вопрос в болгарской историографии второй половины XVIII в. // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 29–40*). Прижимова отметила, что Паисий руководствовался либо легендой о Мефодии Зографе, либо сочинением Феофилакта. Она отметила и гипотезу Д. Петкановой-Тотевой, которая считала, что Паисий, начав составлять главу о славянских учителях, вдруг подумал, что Мефодий – не случайная личность, а сам моравский епископ (*Петканова Д. Кирил и Методий в някои легендарни книжовни пааметници // Константин Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969. С. 75–49*). В настоящем исследовании я не затрагиваю вопрос о крещении болгар в болгарской историографии XVIII в., об этом моя статья «Концептът за участието на първоучителите св. Кирил и св. Методий в българското покръстване във възрожденската ни историография».

4. Ангелов Б. Паисий Хилендарски. София, 1985. С. 83–105.

5. Велчев В. Отец Паисий Хилендарски и Цезар Бароний. Принос към изследване изворите на Паисиевата история. София, 1943. С. 60–101.

6. Паисий Хилендарски. История славяноболгарска. София, 2002. С. 94–101.

7. Димитрий Ростовский. Жития святых. М., 2006. Кн. 3. С. 430.

8. Бурмов А. Марин Дринов като историк на България // Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960. С. 108.

9. Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. СПб., 1845. С. 306.

10. Венелин Ю. Критические исследования истории болгар. М., 1849. С. 123–124.

11. Палаузов С. Избрани творби. София, 1974. Т. 1. С. 105.

12. Погодин М.П. Речь, произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности председателем Погодиным, 11 Мая 1863 года, в память о свв. Кирилле и Мефодии // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М., 1865. С. 95–110.

13. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Кирилл и Мефодий, славянские просветители // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М., 1865. С. 110–121.

14. Гильфердинг А. Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 1. С. 48–55.

15. Габровски С. История во кратце о болгарском народом словенском. София, 1900. С. 18.

16. Дилевски Н. Църковен вестник. 1992. № 12. С. 6.

17. Голубинский Е. Краткий очерк истории православных церквей. М., 1871. С. 22–23, 238.

МИНИАТЮРЫ И ГРАВЮРЫ В РУКОПИСНЫХ КНИГАХ

Э.С. Смирнова

**ИЛЛЮСТРАЦИИ К БИБЛЕЙСКИМ ПЕСНЯМ
В СИМОНОВСКОЙ ПСАЛТИРИ
(ГИМ, ХЛУД. 3, ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIV в.)
В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**

Симоновская Псалтирь – одна из выдающихся новгородских иллюстрированных рукописей. Когда-то её относили к XIII–XIV вв. [1], затем рассматривали как произведение конца XIII в. [2], а в сравнительно недавние годы она получила хорошо обоснованную датировку второй четвертью XIV в. [3]. Наряду с собственно палеографическими данными, эта датировка базируется на исключительной близости тератологических композиций между заставками Симоновской Псалтири и так называемой Псалтири Кюра Константиновича (она же – Псалтирь княгини Марины), ГИМ, Син. 235, созданной до 1343 г. Псалтирь ГИМ, Хлуд. 3 получила своё условное название по имени её заказчика, которое упомянуто в одной из записей писца (л. 98 об.). Его святой патрон, апостол Симон, изображён на одной из миниатюр в составе Деисусного чина (л. 248 об.). Рукопись содержит десятки орнаментальных композиций и сюжетных миниатюр, располагающихся как внутри текста, так и рядом с ним, на полях. В этом можно видеть соединение традиций «аристократических» и «монастырских» Псалтирей, что указывает на условность деления Псалтирей византийского мира на эти две категории.

Художественное оформление Симоновской Псалтири почти не изучено. Можно указать лишь работы О.С. Поповой, которые посвящены преимущественно первой выходной миниатюре, выделяющейся своими стилистическими особенностями [4]; публикации А.С. Преображенского (одну – о миниатюрах в аспекте ктиторских композиций [5], другую, ещё не опубликованную – о некоторых общих вопросах иллюстративного ряда [6]), а также замечания автора данной статьи о соотношении орнамента заставок в Псалтирях ГИМ, Син. 235 и ГИМ, Хлуд. 3 [7].

Особое значение художественного ансамбля Симоновской Псалтири состоит в том, что он создавался вне волны палеологовского искусства, которая обозначилась в живописи Новгорода во второй четверти XIV в. и проявилась в таких произведениях, как икона «Спас на престоле» 1337 г., заказанная архие-

пископом Моисеем (Благовещенский собор Московского Кремля), или иконы 1341 г. с двенадцатью праздниками из Софийского собора (Новгородский музей). Вместе с тем ансамбль миниатюр Симоновской Псалтири представляет собою не умирающую архаику, а высоко содержательное явление, с выразительными иконографическими акцентами и своеобразными стилистическими решениями, где варьируются и развиваются художественные традиции предшествующего периода.

Данная статья посвящена иллюстрациям к Библейским песням, которые помещены после всех основных разделов Псалтири. Тексты восьми Песен, от имени ветхозаветных персонажей, представляют отклик на библейские события, а две последние Песни посвящены Богоматери и теме Рождества Иоанна Предтечи, составляя своеобразный переход к новозаветной тематике.

Эти иллюстрации созданы в русле византийской иконографической традиции, которая дошла до нас как в самих византийских Псалтирях [8], так и в иллюстрациях Октатевхов [9], Книг Пророков [10], творений отцов церкви (например, Григория Назианзина), Менологиев. Византийские иллюстрации к Библейским песням рассматриваются как в общих работах, посвящённых иллюстрированным Псалтирям, так и в специальных публикациях. Между тем соответствующие миниатюры Симоновской Псалтири остаются неизученными.

Миниатюры Симоновской Псалтири принадлежат нескольким художникам. Все эти художники, за исключением первого мастера, исполнившего «Явление Христа жёнам-мироносицам», с точки зрения стиля продолжают в своём творчестве традиции местного искусства XIII в. Это относится и к тем двум мастерам, которые исполнили иллюстрации к Библейским песням. Один из них обладал более свободным рисунком, использовал гибкие волнистые контуры и диагональные ритмы в композициях, тонкие красочные слои, своей прозрачностью напоминающие акварель. Он сделал иллюстрации к песням 1 и 2 (Моисея), 4 (Аввакума), 5 (Исаии), 7 и 8 (пророка Даниила и Трёх отроков). Другой исполнил миниатюры к Песням 3 (Анны), 6 (Ионы), 9 (Богоматери) и 10 (Захарии). Его композиции относительно статичные, краски сгущённые и интенсивные, формы плотные.

Несмотря на индивидуальные различия в стилистических оттенках, оба художника с точки зрения иконографии опирались на очень древние византийские модели. Особенно интересны те случаи, когда в этих архаических по стилю, консервативных русских миниатюрах Симоновской Псалтири угадываются прототипы, взятые из искусства Македонского Ренессанса и чуть более позднего времени: преломление этих образцов оказывается глубоко местным, резко меняющим древнюю основу, наполняя композицию новыми смыслами.

Среди иллюстраций Симоновской Псалтири к Библейским песням таких композиций пять.

Песнь Первая, Моисея (л. 270 об.) рассказывает о переходе израильтян через Чёрное море, дабы спастись от войск египетского фараона (Исход, XV,

1–19) (рис. 2). Миниатюра, как и в других случаях в иллюстрациях Симоновской Псалтири, помещена перед началом Песни. Изображены израильтяне, уже перешедшие через голубые волны моря. В центре группы – Моисей, протирающий жезл по направлению к морю, где лёгкими контурами намечены фигуры утонувших египетских воинов. В левой части композиции – аллегорическая фигура с чем-то вроде ткани, о которой речь пойдёт позже.

Эта композиция по своим основным элементам восходит к миниатюре Парижской Псалтири, BNF, cod. gr. 139, fol. 419 [11] (рис. 1). В верхней зоне представлены израильтяне, на первом плане среди них Моисей с посохом, направленным в сторону фараонова войска, погибающего в волнах. Слева вверху – две фигуры-персонификации: в данном случае это Ночь («ΝΥΧ»), которая держит широкую ткань, и Пустыня («ΕΡΗΜΟΣ»). Внизу, в море – также две аллегорические фигуры: «ΒΥΘΟΣ» («дно моря») и «ΕΡΥΘΡΑ ΘΑΛΑΣΣΗ» («Красное море»).

Иконография Парижской Псалтири с некоторыми упрощениями воспроизводится в византийских Октатевхах XII в.: Vat. gr. 147, fol. 89 v. [12]; Vat. gr. 746, fol. 192 v. [13]; в несохранившемся Смирнском Октатевхе, fol. 81 v. [14]; в Октатевхе из собрания Топкапы в Стамбуле [15]. В византийской традиции в ряде случаев присутствуют и дополнительные изображения, а именно сцена «Танец Мариам» – композиция с танцующими женщинами, что передаёт ликование спасённого от гибели народа. Фигура Мариам помещена уже в греческой Хлудовской Псалтири IX в., ГИМ, Хлуд. 129 д [16], а также во многих других циклах [17]. Увеличение числа эпизодов в иллюстрациях к этой Песни наблюдается и в рукописях XIII–XIV вв. Так, в Псалтири Hamilton, XIII в., Berlin, Kupferstichcabinet, cod. 78 A 9, fol. 243 v., вверху изображены Моисей со спасшимися израильтянами, а внизу – танец Мариам, с несколькими фигурами [18]. Первая песнь Моисея иллюстрирована особенно подробно, в трёх миниатюрах славянской Псалтири Томича, около 1360–1363 гг., ГИМ, Муз. 2752: сначала представлены израильтяне с Моисеем (л. 248 об.), затем, на том же развороте – погибающее в волнах войско фараона (л. 249), а на следующем развороте (л. 249 об.–250) – «Танец Мариам» [19]. В Киевской Псалтири 1397 г., РНБ, ОЛДП F 6, содержатся два изображения: переход через море, а затем – танец Мариам [20].

Между тем в миниатюре новгородской Симоновской Псалтири сохраняется лапидарность, компактность соответствующих византийских композиций X–XI вв. и воспроизводятся их основные элементы. Однако некоторые особенности новгородской миниатюры указывают на значительное изменение древнего образца. Это, во-первых, иное изображение группы израильтян. Если в сцене Парижской Псалтири, её репликах, а также в других версиях они представлены обращёнными вправо, как бы останавливая своё движение, то в Симоновской Псалтири они ликуют, воздевают руки, играют на разного рода трубах, из которых вырывается звук, показанный чёрными штрихами. Женщина, изображённая впереди, видимо, Мариам, бьёт в тимпаны в соответствии с текстом Исход, XV, 20. Справа от Мариам изображён Аарон. Таким образом,

в единой композиции представлены и завершение перехода через Чёрное море, и торжество израильтян. Примечательны жесты персонажей в правой части группы, а также контур изогнутой трубы, которые дают представление о замкнутости композиции, как бы о возвращении движения влево.

Во-вторых, необычно изображение аллегорической фигуры слева. Предмет в её руке, похожий на развевающуюся ткань, заставляет вспомнить изображение Ночи в Парижской Псалтири X в. Но в новгородской рукописи дана фигура крылатая, это ангел, а слева помещена надпись: «ВОЖАШЕ Я В ДНЬ ОБЛАКОМ». Очевидно, эта фигура иллюстрирует текст Исход XIV, 19–20 об ангеле, который шёл вместе с израильтянами, и об облаке, которое становилось мраком для египтян, но для израильтян давало свет в ночи. Как мы видим, сохраняющаяся древняя композиционная схема наполняется в новгородской Псалтири новыми смысловыми оттенками.

Песнь Вторая, Моисей (л. 272) (рис. 4). Перед смертью Моисей обратился к сынам Израилевым, описал милость Господа к ним, а также укорил их за отпадение от веры и предрёк наказания для тех, кто оставил Господа и послужил другим богам (Второзаконие, XXXII 1–43) [21].

В Симоновской Псалтири на фоне горы с широкой пещерой изображена группа израильтян. Среди фигур выделяется старец с нимбом, похожий на Аарона, и женщина, похожая на Мариам из предыдущей композиции, а около неё – мальчик-отрок. Справа стоит Моисей, получающий свиток с небес и обращающийся к группе израильтян. Рядом с фигурой Моисея надпись: «МОИ-СИ». Текст на свитке, который получает Моисей, сильно повреждён, прочитывается только первое слово: «Оубо...».

Израильтяне изображены сидящими, группа в целом ориентирована фронтально, но отдельные фигуры чуть повёрнуты влево, к Аарону, прикладывающему руку к груди.

Слева от группы израильтян – засохшее дерево с обломанными ветвями, но с красными цветами. Левее дерева изображена сидящая крылатая аллегорическая фигура, написанная серой краской. Она держится за дерево. Рядом надпись: «ПОУСТЫНИ ПРОЦВЕТЕ ЯКО КРИНЬ».

Показательны замкнутость композиции, а также композиционное движение, начинающееся внизу слева, проявляющееся в очертаниях горы и возвращающееся к левому краю через контуры фигуры Моисея.

Византийские иллюстрации ко Второй Песни Моисея разнообразны. Иногда изображается проповедь Моисея, обличение грехов народа Израилева, как, например, в Псалтири XII в., Vatic. gr. 1925 [22], иногда – несколько разнообразных композиций, как, например, в сербской Мюнхенской Псалтири второй половины XIV в., Мюнхен, Баварская государственная библиотека, cod. slav. 4 [23]. В рукописях XIV в. встречаются и совсем скупые изображения: Моисей в рост, обращающийся с молитвой к небесам, например, в Псалтири Томича, 1360–1363 гг. [24]. Наиболее адекватно отражается соответствующий текст из Второзакония в миниатюре Псалтири XII в., Афон, Ватопед, cod. 760,

fol. 270 [25]: изображён Моисей, поющий на вершине горы, а внизу – слушающие его израильтяне.

Между тем рассматриваемая иллюстрация Симоновской Псалтири соединяет две совсем другие иконографические традиции. Одна из них представлена, например, миниатюрой из Псалтири около 1088 г. Сама Псалтирь находится в монастыре Ватопед на Афоне (Vatop, 761) [26], но интересующий нас лист – в музее Уолтерс в Балтиморе (W 530 b). Там изображено получение скрижалей Закона с небес и поучение израильтян. Эти мотивы в византийском искусстве изображаются как две сцены внутри одной композиции и иллюстрируют Псалом 76 (77), 12–20 [27]. Вторая традиция представлена миниатюрами Парижской Псалтири X в., BNF, cod. gr. 139, fol. 254 [28] (рис. 3), Библии Льва, Vatic. gr. 1, fol. 155 v. [29], рядом других иллюстраций [30]. Там изображён Моисей, принимающий скрижали Закона, предстоящий перед небесами, поучающий народ. Характерно, что израильтяне сидят на фоне горы, вероятно, Синайской, что в Парижской Псалтири подтверждается надписью при аллегорической фигуре, которая изображена сидя спиной к зрителю и придерживая кривоватое дерево: «ΟΡΟΣ ΣΙΝΑ». Такая же фигура в Библии Льва дана без надписи.

Похожая аллегорическая фигура, также держащаяся за дерево, частично сухое и обломанное, а частично цветущее, изображена в левой части сцены в Симоновской Псалтири. Но эта фигура, во-первых, крылатая, а во-вторых – тощая и сухая, в тусклых серых одеждах, со вставшими дыбом волосами, на которых видно что-то вроде шляпки. Надпись при этой фигуре: «ΠΟΥΣΤΥΝΙ ΠΡΟΨΒΥΤΕ ΥΑΚΟ ΚΡΙΝΉ». Этот образ может зависеть и от аллегории Пустыни в предыдущей, уже рассмотренной миниатюре Парижской Псалтири, fol. 419, иллюстрирующей Первую песнь Моисея, но наиболее вероятно – от аллегории горы Синай в миниатюре той же рукописи, fol. 422 v. В обоих случаях – и в русской, и византийской рукописях – фигура изображена сидящей, при этом она держится за дерево с обломанными ветвями. Не исключена и зависимость от словесных библейских образов, например, в книге пророка Осии, XIV, 6, о том, что Израиль расцветёт, как лилия. В фигуре Хлудовской Псалтири наиболее ярко прочитывается отрицательное начало, напоминающее о нечистой силе и о грехах народа Израилева, но ощущаются и положительные интонации, благодаря расцветшему ярко-красному «крину».

Иллюстрации к двум первым Библейским Песням в Симоновской Псалтири представляют собою своего рода диптих, где в первом случае доминирует нота торжества, а во втором – поучения, вслушивания. В первой миниатюре изображён ангел с облаком, а во второй – бес с сухим, но расцветающим деревом.

Песнь Четвёртая, пророка Аввакума (л. 276 об.) (рис. 6). Из-за нехватки места миниатюра помещена на нижнем поле, поэтому она потёрта пальцами и к тому же срезана снизу. Надписи:

ΑΜΒΑΚΟΥΜΉ

ДАНИЛ В РОВЕ

Иллюстрации к книге пророка Аввакума бывают трёх разновидностей. В первой пророк изображается как ясновидец и проповедник. Так, в греческой Хлудовской Псалтири IX в., ГИМ, Хлуд. 129 д, изображён Аввакум в рост, пророчествующий о Христе. Он указывает пальцем вверх, где представлен юный лик в медальоне, который служит крещатым нимбом, что, видимо, символизирует Христа. Над медальоном надпись: «ΑΠΟ ΜΕΣΕΜΒΡΙΑΣ» («полдень»). Слева от Аввакума – красное встающее солнце («ΑΝΑΤΟΛΗ» – «восток»). Справа – солнце, заходящее за гору. Эти символические изображения, персонификации, помещённые в дополнение к фигуре пророка, придают сцене космический характер [31]. Сходные изображения Аввакума, но без дополнительных символических фигур мы видим в кодексах развитого XIV в. – Псалтирях Томича [32], Мюнхенской [33] и Киевской [34]. В некоторых рукописях пророк Аввакум изображён особо одухотворённым, в динамической, энергичной позе (например, в Псалтири Национальной библиотеки в Афинах, cod. 15, fol. 121 v., около 1180 г. [35]; в Псалтири ГИМ, греч. 407, второй четверти XIV в., fol. 502 v. [36]).

Два других варианта основаны на книге пророка Даниила, 14, 33–37. В одном из них изображено, как ангел несёт Аввакума по воздуху в Вавилон. Это миниатюра в рукописи BNF, cod. suppl. gr. 610, второй – третьей четверти XI в., fol. 252 v. [37], и такая же, но несколько хуже сохранившаяся в Псалтири Washington, DO, cod. 3, ок. 1084 г., fol. 76 [38]. Внизу представлен Аввакум в рост, в молитвенной позе, а позади него – женская фигура, персонифицирующая город Вавилон. К. Вайцман рассматривает этот вариант как сокращённую третью версию: Аввакум несёт пищу Даниилу, но последний почему-то не изображён, а стоящий внизу Аввакум может навести читателя, рассматривающего эту миниатюру, на мысль, что он несёт пищу сам себе [39].

Наконец, третий вариант, видимо, очень редкий для псалтирных иллюстраций, представлен миниатюрой новгородской Симоновской Псалтири (л. 276 об.): Аввакум, летящий с помощью ангела, несёт пищу пророку Даниилу, который изображён в пещере со львами (Дан., 14, 37–38). Эта сцена, широко распространённая в раннехристианском искусстве и встречающаяся, например, уже в одном из рельефов на вратах базилики Санта Сабина в Риме, среди миниатюр сохранившихся византийских Псалтирей в литературе не указывается. Однако, по предположению К. Вайцмана, о существовании этого иконографического варианта в византийских иллюстрациях к Четвёртой Библейской песни свидетельствует одна из миниатюр в рукописи Слов Григория Богослова, IX в., BNF, gr. 510 [40] (рис. 5). Такая иконография хорошо известна в русском искусстве поствизантийского периода: икона второй половины XV в. из церкви Двенадцати апостолов «на Пропастех» (Новгородский музей) [41]; миниатюра московской Книги Пророков, 1489 г., РГБ, ф. 173 (МДА), л. 327 об. [42]. Но в этих русских произведениях главной фигурой является Даниил, тогда как в миниатюре Симоновской Псалтири фигура Аввакума лишь ненамного меньше Даниила.

Песнь Пятая, пророка Исаии (л. 278) (рис. 8). Как и предыдущая миниатюра, сцена расположена на нижнем поле из-за недостатка места, поэтому сильно потёрта при перелистывании и к тому же срезана снизу.

На л. 278 об. начинается сама Песнь:

«ОТ НОЩИ ОУТРЪНЮЕТЪ ДХЪ МОИ К ТЕБЕ, БЕ, ЗАНЕ СВЕТ ПОВЕЛЕНИЯ ТВОЕГО НА ЗЕМЛИ» (ср. Книгу пророка Исаии, 26–9: «Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра...»).

Пророк Исаия, вдохновляемый божественной силой, часто изображается в византийском искусстве то фронтально [43], то в повороте [44], иногда в молении перед символической фигурой тетраморфа [45], а иногда принимающим горящий уголь (сюжет, воспетый в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»), как, например, в Мюнхенской Псалтири [46].

Однако существует и другая иконографическая линия, где пророк Исаия показан между двумя аллегорическими фигурами – Ночи («НУХ»), в образе женщины с покрывалом, и Утра, в виде отрока («ОΡΘΡΟΣ») [47]: в Парижской Псалтири X в., BNF, cod. gr. 139, fol. 435 v. [48] (рис. 7), в Книге пророка Исаии, с толкованиями X в., Vat. gr. 755, fol. 107 [49], а также в двух Псалтирях XI в. – BNF, cod. suppl. Gr. 610, fol. 256 v. (второй – третьей четверти XI в.) [50] и в собрании Dumbarton Oaks в Вашингтоне, cod. 3, ок. 1084 г., fol. 77, из монастыря Пантократор на Афоне [51].

В Симоновской Псалтири пророк Исаия изображён в рост, в трёхчетвертном повороте. Он обращён в молении к небесам, как бы принимая оттуда истину и благодать в простёртые руки. Надпись чёрными чернилами обозначает его имя: «ИСАИА». По сторонам – две аллегорические фигуры, которые придерживают ткань, символизирующую небо. Композиция явно происходит от византийского варианта, с античными персонификациями, но аллегии потеряли античный облик, это две одинаковые фигуры неопределённого пола, похожие скорее на юношей с длинными волосами, – серо-голубая и красная, с надписями: «ЗОРЕ ВЕЧЕРНЯЯ» и «ЗОРЕ ОУТРЪНЯЯ». Замена античных персонификаций относительно абстрактными фигурами говорит об ослаблении на Руси той традиции византийской культуры, которая была связана с эллинистическими реминисценциями. Кроме того, в строго симметричном построении новгородской миниатюры можно видеть отражение местной композиционной концепции.

Песнь Шестая, пророка Ионы (л. 280 об.) (рис. 10). Сюжет по Книге пророка Ионы, III, 3–11 (о ките) и далее IV, 5–11 (о растении).

Миниатюра включает два изображения, которые разделены тонким зелёным растением с мелкими красными цветами. Справа, в море, изображён кит, извергающий Иону из пасти. Кит, покрытый чешуёй, похож на большого дракона со звериной головой, когтистыми лапами и рыбьим хвостом. Слева – Иона, возлежащий – в позе античной статуи – под деревом с роскошными жёлтыми плодами. Имеется в виду дерево, которое, как рассказывает Библия,

было выращено Господом и давало тень Ионе, а затем было погублено, дабы показать Ионе, насколько менее важно это дерево по сравнению с многолюдным городом Ниневией, который Иона обличал за грехи, но который был прощён Господом.

Миниатюра расположена на верхнем поле листа, поэтому она сохранилась лучше тех, которые помещаются на нижнем поле. Непосредственно под миниатюрой начинается текст Песни Ионы (Иона, II, 3–10).

Композиция с пророком Ионой исполнена вторым из двух миниатюристов, работавших над циклом Библейских песен в Симоновской Псалтири. Об этом говорят крупные формы и сравнительно обобщённые линии. Вероятно, некоторые контуры этой миниатюры, в частности изображение дерева с плодами, были заново обведены в позднее время чёрной краской (или чернилами). По этой причине контуры стали более грубыми, чем в других миниатюрах. Есть предположение, что, возможно, в XVII в. таким же способом в Симоновской Псалтири были обведены контуры заставок перед каждым Псалмом, а также первого инициала каждого Псалма [52].

В византийских Псалтирях наибольшая часть иллюстраций к Песни Ионы содержит изображение этого пророка, глотаемого китом или извергаемого китом из чрева, а иногда Иона представлен в позе моления [53]. Один из примеров – миниатюра Псалтири Томича. Однако К. Вайцман обратил внимание на несколько других, более подробных иллюстраций, где содержится целая серия эпизодов из истории Ионы [54]. По его мнению, такие серии свидетельствуют о происхождении подобных композиций от древнейших иллюстраций не к Библейской песни Ионы, а к более пространному рассказу в не дошедшей до нас специальной иллюстрированной Книге пророка Ионы. Таковы миниатюра Парижской Псалтири, BNF, gr. 139, fol. 431 v., где присутствуют и сцена с китом, и моление, и проповедь Ионы перед ниневитянами [55], и миниатюра Слов Григория Богослова IX в., BNF, gr. 510 [56], а также миниатюры Псалтири XII в., Vatoped, cod. 760, fol. 282 v. и 283 [57], где на развороте представлены и история с китом, и проповедь Ионы перед ниневитянами, и Иона, возлежащий под деревом. Сочетание нескольких эпизодов из истории Ионы – сцен с китом, возлегания под деревом – известно и в русской рукописи – Киевской Псалтири 1397 г., РНБ, ОЛДП F 6 [58]. Возможно, что изображённая там крепость косвенно напоминает о пребывании Ионы в Ниневии.

Миниатюра Симоновской Псалтири относится именно к такой, обособленной иконографической линии, содержащей не только историю с китом, но и другие эпизоды. Но в этой новгородской рукописи история Ионы показана относительно лаконично: всего в двух сценах. Сочетание именно таких двух эпизодов мы видим в миниатюре Менология Василия II, Vat. gr. 1613, fol. 59 [59] (рис. 9). Похожа поза лежащего пророка, до некоторой степени совпадает облик кита. Повторяется даже маленькое деревце, разделяющее правую и левую части композиции.

Как известно, иллюстрации к остальным пяти Библейским песням носят в византийской иконографии относительно стабильный характер, и соответствующие миниатюры Симоновской Псалтири воспроизводят более или менее традиционные византийские образцы. В миниатюре к Песни 3 пророчицы Анны (л. 275 об.) изображена сама Анна в молении перед храмом (архитектурный фон имеет некоторые особенности, связанные с новгородской традицией). В миниатюрах к Песням 7 и 8 (л. 281, 283) представлены «Три отрока в пещи огненной» и «Три отрока перед царём Навуходоносором». В иллюстрации к Песни 9 (л. 284) помещены «Благовещение» и «Встреча Марии и Елизаветы», а в иллюстрации к Песни 10 (л. 285 об.) – «Благовестие Захарии», «Рождество Иоанна Предтечи» и «Наречение Захарией имени Иоанна» – три композиции, данные в едином архитектурном обрамлении.

Между тем иллюстрации к Песням 1, 2, 4, 5 и 6, которые были рассмотрены в данной статье, имеют в византийском искусстве много вариантов. Одна типология византийских иллюстраций обнаруживается в рукописях преимущественно X–XI вв. **Для неё характерны эллинистические мотивы, антикизирующие персонификации, соответствующие культуре Македонского Ренессанса.** Совсем другие иконографические версии мы видим в XIII–XIV вв.

Рассмотренные миниатюры к пяти Библейским песням в Симоновской Псалтири воспроизводят именно древнюю иконографию псалтирных иллюстраций, характерную для Македонского Ренессанса и отчасти сохранявшуюся в несколько более поздний период. Художники Симоновской Псалтири проходят мимо образцов XIII в. и примеров палеологовского периода, сохраняя приверженность древним прототипам. Это указывает на исключительную значимость и «живучесть» византийской художественной традиции македонского периода.

Как попадали к новгородским художникам соответствующие образцы древней византийской иконографии? Почему не были использованы варианты, более близкие ко времени создания Симоновской Псалтири, т.е. памятники XIII – раннего XIV в.? Можно предположить, что этих вариантов на Руси в то время или совсем не было, или они были редки. Более же ранние образцы на Руси, надо полагать, имелись. Это могли быть собственно византийские произведения, либо, что вероятнее, какие-то русские рукописи с миниатюрами, созданными на основе византийской традиции македонского периода. Могла, например, существовать Псалтирь, переписанная в Киеве в XI – начале XII в. и иллюстрированная на базе византийской иконографической традиции X–XI вв.

Как известно, в Киеве древнейшие иллюстрированные рукописи не сохранились в силу исторических обстоятельств: из-за феодальных войн и особенно из-за разорения монголо-татарскими войсками после взятия города 6 декабря 1240 г. До нас дошли только те связанные с Киевом более ранние рукописи (Остромирово Евангелие и некоторые другие), которые ещё в домонгольское время попали в другие русские центры [60]. Как мы думаем, та гипотетическая рукопись Псалтири XI – начала XII в., которая могла послужить образ-

цом для иллюстрации Библейских песен в Симоновской Псалтири, хранилась в Новгороде, например, в его Софийском соборе.

Есть ещё один вопрос, который следует хотя бы вскользь затронуть в данной статье. Антикизирующие персонификации, использованные в предполагаемых нами византийских прототипах новгородской рукописи, сменились у русских миниатюристов совсем другими изображениями. В Первой песни Моисея – это ангел с облаком, во Второй песни Моисея – бес, обозначающий пустыню, в Песни пророка Исаии – утренняя и вечерняя зори. Возможно, такая замена носит не случайный характер, а зависит от славянских образов природы и природных явлений, которые отразились, например, в Слове о полку Игореве – памятнике, созданном в конце XII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Амфилохий, архим.* Исследования о славянской Псалтири XIII–XIV веков в библиотеке А.И. Хлудова // Древности. Труды МАО. Т. 3. Вып. 1. М., 1870. С. 4–28.

2. *Амфилохий, архим.* Древле-славянская Псалтирь Симоновская до 1280 года. М., 1881; *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольишенко В.С.* Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 163–165; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / отв. ред. Л.П. Жуковская. М., 1984. Кат. 384 (с. 318–319).

3. *Турилов А.А.* Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины – середины XIV в. (к вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 17–19 сентября 1998. СПб., 1998. С. 36–37.

4. *Попова О.С.* Новгородская миниатюра раннего XIV в. и её связь с палеологовским искусством // ДРИ. Рукописная книга. М., 1972. С. 105–139 (переизд. в кн.: *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 184–204); *Порова О.* Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. P. 48. Figs. 26–29; то же на рус. яз.: *Попова О.С.* Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // ДРИ. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 32. Ил. с. 27 (переизд. в кн.: *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 280. Ил. 151–155, 156 б).

5. *Преображенский А.С.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2012. С. 285. Ил. с. 285.

6. *Преображенский А.С.* Миниатюры Псалтири ГИМ, Хлуд. 3: образ Церкви и мотивы донаторской иконографии (в печати).

7. *Смирнова Э.С.* Тератологический орнамент в русских рукописях первой половины XIV в. Некоторые наблюдения // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века [Славяне и их соседи. Вып. 12]. М., 2008. С. 385–388.

8. *Cutler A.* The Aristocratic Psalters in Byzantium. Paris, 1984.

9. *Lowden J.* The Octateuchs. A Study in Byzantine Manuscript Illustration. Pennsylvania University Park, 1992.

10. *Lowden J.* Illuminated Prophet Books. A Study of Byzantine Manuscripts of the Major and Minor Prophets. The Pennsylvania University Park; London, 1988.

11. Воспр.: *Cutler A., Spieser J.-M.* Byzance Médiévale. 700–1204. Paris, 1996.

- Pl. 114. В миниатюре Ватиканской Библии («Библии Льва») добавлена сцена беседы фараона с израильтянами. См.: Die Bibel des Patricius Leo. Reg. gr. I B / Einführung von S. Dufrenne und P. Canart. Zürich, 1988. Fol. 46 v.
12. Lowden J. The Octateuchs... Fig. 133.
 13. Ibidem. Fig. 136.
 14. Ibidem. Fig. 134.
 15. Ibidem. Fig. 135.
 16. Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской Псалтири. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977. Л. 148 об.
 17. Например, в Октаевхах Vat. gr. 747, fol. 90 v., Vat. gr. 746, fol. 194 v. Описание рукописей: Lowden J. The Octateuchs... P. 11–15, 26–28. Воспр.: Джурова А. Томичов Псалтир. София, 1990. Т. 1. Приложение 33 (с. 188); Приложение 37 (с. 192).
 18. Воспр.: Джурова А. Томичов Псалтир... Т. 1. Приложение 26 (с. 181).
 19. Там же. Т. 2. Л. 248 об.–250.
 20. Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М., 1978. Л. 205 об., 206.
 21. О сюжете и о варианте его иллюстрирования см.: Штихель Р. Загадочная миниатюра Мюнхенской сербской Псалтири // ДРИ. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 319–335.
 22. De Wald E.T. The Illustrations in the manuscripts of the Septuagint. Vol. III: Psalms and Odes. Part 1: Vaticanus graecus 1925. Princeton; London; The Hague, 1941. P. 44–46. Pl. 47.
 23. Der Serbische Psalter. Faksimile-Ausgabe des Cod. Slav. 4 der Bayerischen Staatsbibliothek, München. Tafelband. München, 1983. Fol. 190, 191.
 24. Воспр.: Джурова А. Томичов Псалтир... Т. 2. Л. 252 v.
 25. Christou P.K., Mavropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S.N., Kalamartsi-Katsarou E. The Treasury of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 4. Athens, 1991. Fig. 198.
 26. Ibidem. Fig. 205–213.
 27. См. об этом: Weitzmann K. The Ode pictures of the aristocratic Psalter recension // DOP. Vol. 30. Washington, 1976. P. 71–73. Fig. 7–9. См. также: Cutler A. The Aristocratic Psalters... Fig. 399.
 28. Воспр.: The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle-Byzantine Era. A.D. 843-1201 / Ed. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997. Cat. 163.
 29. Grabar A. La peinture byzantine. Paris, 1953. P. 170; Die Bibel des Patricius Leo. Reg. gr. I B / Einführung von S. Dufrenne und P. Canart. Zürich, 1988. Fol. 155 v.
 30. Cutler A. The Aristocratic Psalters... Fig. 291 (Vatic. Cod. Barb. gr. 285. Fol. 112); Fig. 296 (Vatic. Cod. Palat. gr. 381 b, ок. 1300 г.); Fig. 327 (DO, cod. 3, Псалтирь из монастыря Пантократор на Афоне, fol. 73, ок. 1084 г. Об этой миниатюре см. также: Illuminated Greek Manuscripts from American Collections. An Exhibition in Honor of Kurt Weitzmann / Ed. G. Vikan. Princeton, 1973. Cat. 20. Fig. 34).
 31. Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской Псалтири. Л. 154 об.
 32. Джурова А. Томичов Псалтир... Т. 2. Л. 259 об.
 33. Der Serbische Psalter. Faksimile-Ausgabe... Fol. 194.
 34. Киевская Псалтирь 1397 года... Л. 216.
 35. Cutler A. The Aristocratic Psalters... Fig. 15.
 36. Ibidem. Fig. 204.
 37. Ibidem. Fig. 262.
 38. Ibidem. Fig. 329.

39. *Weitzmann K.* The Ode pictures... P. 75.
40. *Omout H.* Miniatures des plus ancient manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1929. Pl. LVII; *Weitzmann K.* The Ode pictures... Fig. 15; *Brubaker L.* Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium: Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge, 1999. Fol. 435 v.
41. Novgorod Icons 12th–17th Century / Preface D. Likhachov, intr. V. Laurina, V. Pushkariov. Leningrad, 1980. P. 225–226 (датирована XVI в.).
42. *Кучкин В.А., Попов Г.В.* Государев дьяк Василий Мамырев и Лицевая Книга пророков 1489 года // ДРИ. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 128, 130. Ил. с. 129.
43. Афины, Музей Бенаки, cod. vitr. 34.3, последняя четверть XII в., fol. 186 (*Cutler A.* Op. cit. Fig. 354).
44. Афон, Ватопед, cod. 851, конец XII в., fol. 187 v. (*Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Cat. 16. Fig. 84). Аналогично – Стамбул, Торкарі Sarayı, cod. 13, конец XII в. (Ibidem. cat. 23, fig. 133). Изображение в рост – в рукописи ГИМ, греч. 407, 1330–1340-е гг., fol. 489 v. (Ibidem. Cat. 33. Fig. 195).
45. Национальная библиотека в Афинах, cod. 7, вторая половина XII в. (*Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Cat. 2. Fig. 9).
46. Der Serbische Psalter. Faksimile-Ausgabe... Fol. 195 v.
47. Эту иконографическую линию выделил К. Вайцман. См.: *Weitzmann K.* The Ode pictures ... P. 75.
48. *Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Fig. 257; *Galavaris G.* Greek Art. Byzantine Illuminated Manuscripts. Athens, 1995. Fig. 22.
49. *Lowden J.* Illuminated Prophet Books... P. 22–25. Fig. 35. Воспр.: *Захарова А.В.* Минологий Василия II (Vat. gr. 1613) // *Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А.* Византийская миниатюра второй половины X – начала XII века. М., 2012. Ил. 151 (с. 185).
50. *Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Cat. 40. Fig. 263.
51. Ibidem. Cat. 51. Fig. 330.
52. *Щелкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольишенко В.С.* Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 164.
53. См.: *Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Fig. 10, 17, 29, 42, 57, 85, 95, 125, 134, 150, 166, 189, 196, 218, 242, 277, 331, 355, 407. Такие же изображения – в двух славянских Псалтирях XIV в.: Томича (*Джурова А.* Томичов Псалтир... Т. 2. Л. 263 об.) и Мюнхенской (Der Serbische Psalter. Faksimile-Ausgabe... Fol. 197).
54. *Weitzmann K.* The Ode pictures... P. 76–78. См. также: *Weitzmann K.* Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago; London, 1971. P. 63–64. Fig. 43.
55. *Cutler A.* The Aristocratic Psalters... Fig. 256.
56. *Omout H.* Miniatures des plus ancient manuscrits grecs... Pl. XX.
57. *Christou P.K., Mavropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S.N., Kalamartsi-Katsarou E.* The Treasury of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 4. Athens, 1991. Fig. 201–202.
58. Киевская Псалтирь 1397 года... Л. 220.
59. El “Menologio” de Basilio II, emperador de Bizancio (Vat. gr. 1613) [Codices e Vaticanis selecti, Series maior № LXIV]. Madrid, 2005. P. 59; воспр.: *Galavaris G.* Greek Art... Fig. 50.
60. Так, Остромирово Евангелие (РНБ, F п I 5), созданное в Киеве в 1056–1057 гг., служило главным, на престольным Евангелием в Софийском соборе в Новгороде. Две рукописи конца XI – начала XII в. – «Учительное Евангелие Константина Болгарско-

го» (ГИМ, Син. 262) и «Слово Ипполита, папы Римского» (ГИМ, Чуд. 12) принадлежали, возможно, к библиотеке Владимира Мономаха и впоследствии находились в каких-то центрах Северо-Восточной Руси, после чего попали в Москву: одна – в царский дворец, другая – в Чудов монастырь в Московском Кремле. См.: Уханова Е.В. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сборник (Collectanea Borisoglebica). Вып. 1 / ред. К. Цукерман. Paris, 2009. С. 117–156 (особенно с. 134–136, 148–152); Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. Кат. 118, 129.

Список иллюстраций

Рис. 1. Переход через Чёрное море. Иллюстрация к Песни Первой, Моисея. Миниатюра Парижской Псалтири. X в. Национальная библиотека Франции, cod. gr. 139. Fol. 419. По кн.: Cutler A., Spieser J.-M. Byzance Médiévale. 700–1204. Paris, 1996. Pl. 114.

Рис. 2. Переход через Чёрное море. Иллюстрация к Песни Первой, Моисея. Миниатюра новгородской Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 270 об. Фото ГИМ

Рис. 3. Моисей принимает Скрижали Закона и поучает народ. Иллюстрация к Песни Второй, Моисея. Миниатюра Парижской Псалтири. X в. Национальная библиотека Франции, cod. gr. 139. Fol. 254. По кн.: The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle-Byzantine Era. A.D. 843–1201 / Ed. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997. Cat. 163.

Рис. 4. Моисей принимает Скрижали Закона и поучает народ. Иллюстрация к Песни Второй, Моисея. Миниатюра новгородской Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 272. Фото ГИМ

Рис. 5. Даниил во рву львином и Аввакум с ангелом, летящие к нему с пищей. Миниатюра Слов Григория Богослова. IX в. Национальная библиотека Франции, cod. gr. 510. Fol. 435 v. По кн.: Brubaker L. Vision and Meaning in Ninth-Century Byzantium: Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge, 1999. Fol. 435 v.

Рис. 6. Даниил во рву львином и Аввакум с ангелом, летящие к нему с пищей. Иллюстрация к Песни Четвёртой, Аввакума. Миниатюра новгородской Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 276 об. Фото ГИМ

Рис. 7. Пророк Исаия с аллегорическими фигурами Ночи и Утра. Миниатюра Парижской Псалтири. X в. Национальная библиотека Франции, cod. gr. 139. Fol. 435 v. По кн.: Galavaris G. Greek Art. Byzantine Illuminated Manuscripts. Athens, 1995. fig. 22.

Рис. 8. Пророк Исаия между вечерней и утренней зорями. Иллюстрация к Песни Пятой, Исаии. Миниатюра новгородской Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 278. Фото ГИМ

Рис. 9. Пророк Иона. Миниатюра Менология Василия II. Первая четверть XI в. Ватиканская библиотека, cod. gr. 1613. Fol. 59. По кн.: Galavaris G. Greek Art. Byzantine Illuminated Manuscripts. Athens, 1995. Fig. 50.

Рис. 10. Пророк Иона. Иллюстрация к Песни Шестой, пророка Ионы. Миниатюра новгородской Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 280 об. Фото ГИМ

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Е.В. Уханова

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СИМОНОВСКОЙ ПСАЛТИРИ

Симоновская, или Хлудовская, Псалтирь (ГИМ, Хлуд. 3) – один из выдающихся памятников древнерусского искусства рукописной книги, давно уже ставший хрестоматийным. Однако, несмотря на это, многие особенности этого кодекса остались за рамками привычных для исследователей трактовок. Так, например, его обычно относят к редкой на Руси византийской «монастырской» редакции иллюминированных Псалтирей, богато украшенной маргинальными миниатюрами (110), забывая при этом о наличии в нем цикла листовых миниатюр, посвященных библейским сюжетам о царе Давиде (л. 1 об., 6 об., 52 об., 66 об., 98 об., 183, 219 об., 239 об., 250), присущих т.н. «аристократической» византийской редакции Псалтири. В таком слиянии традиций Э.С. Смирнова недавно заметила «условность деления Псалтирей византийского мира на эти две категории» [1], однако и это объяснение не является единственно возможным.

Этот роскошный новгородский кодекс выполнен литургическим уставом на высококлассном пергамене. Кроме многочисленных миниатюр, в рукописи имеются 26 роскошных заставок и более полутора сотен больших инициалов преимущественно тератологического стиля в сине-зелено-белой гамме. Их киноварный контур часто довольно небрежно обведен золотом. На фоне высочайшего уровня исполнения всех деталей декорации и письма рукописи это золочение воспринимается как более позднее вмешательство. Однако датировать его XVI в., как это делают авторы «Сводного каталога XI–XIII вв.» [2], нам представляется безосновательным.

Признанным шедевром этой рукописи является выходная миниатюра на л. 1 с изображением явления воскресшего Христа припавшим с обеих сторон к его ногам двум женам-мироносицам [3] (рис. 1). Поскольку над женскими фигурами сделана надпись «**мариѣ и марѣѣ сестрѣ лазоревѣ(ѣ)**», и здесь искусствоведы констатируют слияние двух разных сюжетов – «Явления Христа женам-мироносицам», традиционно изображающего рядом с Христом двух Марий – Марию Магдалину и Марию Иаковлеву, и «Воскрешения Лазаря», включающего в себя в том числе изображение его сестер – Марфы и Марии.

Причины такого слияния двух иконографических схем до сих пор историками искусства точно не определены: это могло быть как отражением неизвестного греческого оригинала, так и самостоятельным решением художника. Мы считаем, что неожиданное и не встречающееся более в других списках ветхозаветной Псалтири употребление в качестве выходной миниатюры изображения воскресшего Христа было непосредственным решением его художника, а припадающие к ногам Христа фигуры двух жен-мироносиц олицетворяли заказчиц этого кодекса. Именно их имена – Марфа и Мария – послужили причиной введения в иконографию «Явления Христа женам-мироносицам» сестер Лазаря, заменивших в ней двух Марий (рис. 2). Однако и здесь мы встречаем противоречие: уже первыми исследователями кодекса было отмечено появление дополнительной фигуры ап. Симона Зилота в композиции одной из небольших миниатюр с изображением Христа и предстоящих ему Богородицы и Иоанна Предтечи (л. 248 об.). Это навело издателя текста этой рукописи архимандрита Амфилохия на мысль о патрональном характере образа ап. Симона. Подтверждение ей исследователь нашел в полузатухшей сейчас записи мелким уставом на правом и нижнем поле рядом с листовой миниатюрой (л. 98 об.): «**стръпотно малое се писати велми / право ш(т)че симоне не борзо сѧ пишеть**». Упоминание имени «Симон» и добавление патрональной фигуры ап. Симона на миниатюре привело исследователя к выводу о том, что Синомом был заказчик рукописи [4]. В честь него Псалтирь получила название Симоновской. Это мнение стало к сегодняшнему дню аксиомой, поэтому признание патронального характера изображений Марфы и Марии на первой выходной миниатюре приходит в противоречие с уже сформулированной идеей о заказчике рукописи.

Наиболее ранние упоминания об этом памятнике встречаются в описях суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, которому он принадлежал уже в 1636 г. и, судя по записи, хранился еще в третьей четверти XVIII в. [5]. Через столетие он значился в собрании московского купца-старообрядца А.И. Хлудова [6]. Предположение о заказе Псалтири для новгородского Юрьевского монастыря, основанное на совпадении имени Симона с именем заказчика Симонова Евангелия 1270 г. (РГБ, Рум. 105), бывшего старцем Юрьевского монастыря [7], неубедительно, поэтому не получило серьезной поддержки в историографии. Также отсутствуют реальные основания для утверждения о вывозе оттуда нашей Псалтири в Москву Иваном Грозным в 1571 г. [8].

Несмотря на то что этот памятник стал хрестоматийным, серьезных работ о нем не так много. Он был рано введен в научный оборот, причем его научно-критическое издание архимандритом Амфилохием было образцовым для того времени [9]. Языковые особенности рукописи (в частности, неразличение аффрикат) определенно указывают на ее новгородское происхождение. Поэтому на протяжении многих десятилетий исследователи использовали миниатюры Симоновской Псалтири преимущественно в качестве иллюстрации высоких достижений новгородского средневекового искусства. Основным во-

просом для дискуссии с 1970-х гг. стал вопрос о времени создания рукописи. С последней четверти XIX в. на протяжении ста лет в литературе господствовала датировка его архимандритом Амфилохием последней четвертью XIII в. Особняком стояло мнение А.И. Некрасова, выраженное мельком, без аргументов, о том, что атрибуция этого памятника XIII в. ошибочна и рукопись принадлежит к числу новгородских памятников второй половины XIV в. [10]. Точка зрения архимандрита Амфилохия еще больше упрочилась благодаря вышедшей в 1974 г. статье авторитетного палеографа М.В. Щепкиной, посвященной обоснованию идеи архимандрита Амфилохия о тождестве почерка писца *Симоновской Псалтири* с почерком т.н. *Псалтири княгини Марины* (ГИМ, Син. 235), датировавшейся тогда 1296 г. [11].

Впрочем, О.С. Попова двумя годами ранее опубликовала специальное исследование о выходной миниатюре *Симоновской Псалтири* с изображением Христа с Марфой и Марией и пришла к выводу о ее создании в начале XIV в. Об этом свидетельствовало выявленное ею в миниатюре отражение влияния раннепалеологовского искусства. Противоречие в датировке почерка и миниатюры снималось ею утверждением о вставке миниатюры, выполненной на отдельном листе, позднее [12]. В 1990-е гг. появились новые факты, повлиявшие на изменение датировки всего кодекса. В 1993 г. А.А. Турилов высказал мнение о копийном характере записи с датой 1276 г. на *Псалтири Марины*, связываемой М.В. Щепкиной с *Симоновской Псалтирью* общим почерком писца Захарии, и отнес *Псалтирь Марины* к первой половине – середине XIV в. [13]. Пятью годами позднее Л.В. Столярова отождествила упомянутого во второй записи в той рукописи заказчика с псковским боярином Кириллом Константиновичем, погибшем в бою в 1343 г., тем самым подтвердив новую датировку А.А. Турилова. При этом датировка *Симоновской Псалтири* у автора осталась традиционной – конец XIII в. [14]. Перенос времени создания *Псалтири Марины* вскоре отразился и на датировке *Симоновской Псалтири*. А.А. Турилов высказал убедительное мнение об отсутствии тождества между писцами этих памятников при наличии несомненной близости между их почерками: «Кодексы принадлежат к одной каллиграфической школе, но написаны разными писцами и с неопределенным хронологическим интервалом» [15]. На основании новых данных о времени создания *Псалтири Марины* он предложил датировать *Симоновскую Псалтирь* второй четвертью XIV в. Такая датировка получила поддержку со стороны других исследователей, прочно вошла в современный научный обиход и внесена в Дополнения к «Сводному каталогу славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» [16].

Нужно отметить ряд сложностей в работе палеографа с такого рода кодексами. Литургический устав XIV в. – это **рисованное, отчасти искусственное** письмо, датировать которое по начертаниям отдельных букв чрезвычайно сложно. Оно медленно эволюционирует естественным образом, не имеет явно выраженной логики развития и в значительной степени зависит от художественных пристрастий писца. Литургический устав второй трети XIV в. не сильно отличается по начертаниям от такого же типа почерка конца этого сто-

летия (рис. 3). К типологически очень близким почеркам Симоновской Псалтири мы можем отнести письмо Евангелия апракос ГИМ, Увар. 293-1° (середина XIV в.) [17], Службника ГИМ, Воскр. перг. 8 (вторая половина XIV в.) [18], Пролога ГИМ, Син. 247 (вторая половина XIV в. [19]; особенно первый почерк), указанного А.А. Туриловым ярославского Службника (вторая половина XIV в., Ярославль, Историко-художественный музей-заповедник, инв. № 15471) [20]. К схожим, но с меньшей степенью близости, почеркам можно отнести письмо выходной записи на Евангелии апракос 1409 г. ГИМ, Син. 71 (л. 1 об.) и указанной А.А. Туриловым некаллиграфичной летописной записи 1345 г. в Синодальном списке Новгородской I летописи ГИМ, Син. 786 (л. 168 об.) [21]. Письмо еще одной указанной А.А. Туриловым рукописи – Евангелия апракос 1355 г. ГИМ, Син. 70 – мы не можем признать близким из-за стилистических отличий.

Почерки рассматриваемой нами группы представляют торжественное, парадное, каллиграфичное письмо, ориентированное на существенно более ранние образцы такого же каллиграфичного литургического устава XIII в. Этот стиль можно было бы назвать «традиционным» или даже «архаизирующим». Хотим обратить особое внимание, что это письмо используется преимущественно для заказов литургических книг высокого статуса. Оно характеризуется удлинненными элегантными прямоугольными пропорциями с в меру утолщенными мачтами, в отличие от почерков нового стиля – приземистых, «рубленных», с чрезмерно толстыми мачтами и нарочито подчеркнутыми углами вместо дуг. Наиболее ранний точно датированный такой образец нового стиля нам встретился в Евангелии апракос 1323 г. ГИМ, Хлуд. 29. Подобные почерки мы находим во множестве рукописей более позднего времени. Можно сказать, что устав указанных нами двух стилей употребляется параллельно до конца XIV в. **Поэтому нужны какие-то дополнительные маркеры, помимо стилистически близких аналогий, которые бы позволили нам уточнить датировку Симоновской Псалтири.**

Считается, что основными датирующими признаками для изменений в письме XIV столетия являются сильное увеличение нижней части букв (**б**, **в**, **ж**, **ъ**, **ь**) и в следствие этого завышение перекладин йотированных букв, **и** и **н**, изменение формы чашечки у **ч** на треугольную и почти полное сокращение ее ножки, появление специфических написаний **з** с почти горизонтальным хвостом, **є** якорного, **ѵ** как монографа (диграф может употребляться в начале слова) с хвостом, приписанным с боку дополнительным дуктом на манер современной **ц** [22]. По нашим наблюдениям, эти маркеры постепенно появляются в почерках во второй – третьей четверти XIV в., сосуществуют со старой графикой и мало помогают в уточнении датировки Симоновской Псалтири.

Во всех ее графемах с перекладами между составными частями или мачтами перекладки пишутся в самой верхней части буквы. **Н** с высоко поднятой косою перекладной встречается уже в конце первой четверти XIV в. (Евангелие апракос, ГИМ, Хлуд. 29, 1323 г.), высоко поднятая горизонтальная перекладка у **и** появляется примерно в то же время – во второй четверти

XIV в. (ГИМ, Син. 932, 1344 г.). Мы можем указать на рукопись ГИМ, Син. 67 (1354 г.) как на первый случай, где нам встретилось такое начертание. Такие же поднятые к верхней линии строки перекладины всех трех йотированных букв – **ѣ**, **ѥ**, **Ѧ**, используемых в Симоновской Псалтири, мы встречаем уже в новгородском Евангелии апракос 1355 г. ГИМ, Син. 70. При этом перекладина у **ѥ** поднимается позднее, чем у остальных йотированных букв, и ранее середины XIV в. нам не встретилась (см. также Переяславское Евангелие, ГИМ, Син. 67, 1354 г.). Наряду с ней в рукописи встречается **Ѧ** якорное, наиболее ранний случай употребления которой, вероятно, находится в Хронике Георгия Амартола (РГБ, собр. МДА № 100), которую недавно было предложено датировать концом первой трети XIV в. [23]. Частое употребление монографа **ѣ** мы фиксируем уже в 1344 г. в Ирмологии ГИМ, Син. 932, а в рукописях середины – второй половины XIV в. он становится доминирующим, часто в составе действующего правила: в начале слова пишется диграф **ѣѣ**, в остальных случаях – монограф. Тем не менее в Симоновской Псалтири с ее аристократичным и архаизирующим почерком во всех позициях употребляется диграф при этом в нем встречаются даже случаи употребления выносной «о» на конце строки (л. 108, 112 об., 122); написания **ѣ** в позиции конца строки крайне редки (например, л. 101 об., 124). Однако это не мешает писцу использовать **ѣ** в декоративном письме малых киноварных инициалов (л. 22, 62), не возможный в позиции начала слова в первой половине XIV в. К традиционным относится также графика **ѣ**, **ѣ** с треугольной, но маленькой чашечкой; нижние петли **ѣ**, **ѥ**, **Ѧ**, **Ѧ** остаются небольшими, не выше середины буквы, а головка **ѣ** еще не приобрела гипертрофированно маленький размер. Таким образом, наряду с традиционными начертаниями, восходящими к графике XIII в., в литургическом уставе Симоновской Псалтири встречаются и новации, появление которых относится, вероятно, ко времени не ранее середины XIV в.

Нам удалось найти редкие особенности, позволяющие нам подтвердить и уточнить эту датировку. Мы имеем в виду начертания, связываемые в древнерусских рукописях с очень ярким явлением последней четверти XIV–XV вв. – вторым южнославянским влиянием. В киноварных заглавиях к псалмам писец решил использовать более украшенные и витиеватые буквы, чем в основном тексте, поэтому там мы периодически встречаем графику иного рода, в т.ч. и новации (рис. 4). Среди новых начертаний можно назвать **Ѧ** якорное, наклоненное вперед (л. 53, 71, 89 об., 100, 102, 115 об., 136 об., 159 об., 161, 174, 198 об.), **ѣ** в виде цифры «3» с хвостом, повернутым вперед (л. 115 об., 118), **ѣ** «калачиком» (164 об., 172) или в виде спирали (л. 82, 113 об., 142, 143), лигатурное письмо типа вязи (наиболее ярко – л. 202 об., 206 об., 210). Считается, что эти начертания пришли на Русь в южнославянских кодексах в последней четверти XIV в. [24]. **Ѧ** якорное, наклоненное вперед, встретилось нам в рукописях последней трети этого столетия.

Именно второе южнославянское влияние помогает решить загадку с правописанием в этой рукописи. По определению В.М. Живова, «правописная манера» писца Симоновской Псалтири на фоне общей картины необычна и

уникальна [25]. В частности, лингвисты давно отметили окказиональное употребление в ней **ж**, что противоречит данным большинства древнейших рукописей, согласно которым эта буква выходит на периферию графической системы уже в начале XII в. и со второй половины XII в. практически не встречается. Лишь Симоновская Псалтирь, датируемая в лингвистических работах XIII в., является исключением из этого правила и оказывает негативное влияние на выводы общего характера. Раз **ж** продолжает использоваться даже в конце XIII в., его отсутствие для остальных рукописей не может служить диагностическим признаком для датировки ранних памятников [26]. Недавнее перемещение времени создания Симоновской Псалтири во вторую четверть XIV в. еще больше усложняет эту ситуацию. Сохранение архаизма первого южнославянского влияния на протяжении более двух столетий на общем фоне безьюсовых памятников сложно объяснить. Напротив, наше предположение о создании этого памятника в последней трети XIV в. ставит все на свои места. **Ѧ** в Симоновской Псалтири не архаизм, а новация, не остаток первого, а одно из самых ранних свидетельств второго южнославянского влияния. Это не только разрешает сложный лингвистический конфликт между сохранившимися древнейшими памятниками и нашими представлениями о них. Наш вывод справедливо возвращает **ж** его диагностическую значимость при датировке древнерусских пергаменных памятников XI–XIII вв.

В рамках гипотезы о втором южнославянском влиянии, отразившемся в некоторых особенностях нашего памятника, наиболее наглядной является орнаментика. Именно ее своеобразие стало импульсом для проведения настоящего исследования. Мы обнаружили, что из 26 заставок только 24 можно отнести к тератологическому стилю, две же последние несомненно несут отпечаток уже нового направления в искусстве декорации древнерусских кодексов – т.н. «балканского стиля». На л. 272 об. заставка представляет собой два параллельных ряда из 26 светлых колец с киноварным контуром, соединенных между собою простым переплетением. Центр 13 из них в шахматном порядке подцвечен зеленой краской. Верхняя и нижняя линия заставки заплетена сильно выступающими заостренными петлями, на ее углах – вытянутые петли образуют побег, украшенный листом с «глазком». Заставка на л. 283 выполнена в виде П-образной рамки, образованной двойным киноварным контуром и подцвеченной внутри зеленой краской. Два ряда из расположенных в шахматном порядке 26 светлых колец образованы киноварным контуром и соединены между собой простым переплетением; еще по одному такому кольцу находится в основании заставки. Обе заставки выполнены хотя и уверенной рукой, но не виртуозной; специальные приспособления типа циркуля при их создании не использованы (рис. 5).

Переплетенные ряды колец – характерный признак балканского стиля орнамента, появившегося в древнерусских рукописях также в рамках второго южнославянского влияния. И хотя орнаментальное наполнение описанных заставок далеко от классических, развитых схем этого стиля, широко распространенного в рукописях преимущественно XV в., его принадлежность именно

к балканскому стилю несомненна. Русская тератология никогда не знала схем с ритмическим повторением нескольких рядов кругов, ремни плетения в ней никогда не выходили далеко за внешнюю линию. Еще одна характерная деталь нового стиля – острые, пикообразные петли ременного плетения, резко выступающие за пределы рамы орнамента. Наиболее ярко она выражена в зрелом балканском орнаменте, но уже наша заставка на л. 272 об. ее пыталась воспроизвести. Несомненно, что при создании рассматриваемых орнаментов художник руководствовался новыми образцами с новыми схемами, пришедшими на Русь в рамках второго южнославянского влияния. Очевидно также, что рассматриваемые заставки принадлежат к первым попыткам воспроизведения новых южнославянских образцов, аналогии которым мы также находим в древнейших балканских рукописях с таким типом орнамента: Битольской триоди второй половины XII – начала XIII в. (София, Библиотека БАН, № 38), в орнаментальной раме миниатюры (л. 18 об.) и заставке (л. 73) Добрейшова Евангелия первой четверти XIII в. (София, НБКМ, № 17), Апостоле XIII в. (Загреб, ЮАЗУ, IV.d.107), Орбельской триоди второй половины XIII в. (РНБ, Ф.п.1.102, л. 1), Стоматове Евангелии XIII–XIV вв. (РНБ, Q.п.1.43, л. 168) [27]. Аналогичные простые схемы орнамента из переплетенных колец можно найти и в греческих рукописях (ГИМ, Син. греч. 17 (Вл. 130), XIV в., л. 3, Афины, Национальная библиотека, Cod. Athen.gr. 197. Л. 1. XV в.). В древнерусских рукописях они встречаются в начале XV в.: в псковском Евангелии апракосе 1409 г. (ГИМ, Син. 71, л. 192 об.), Иерусалимском уставе (Усп. перг. 5, л. 5), Минее на октябрь (ГИМ, Усп. 31, л. 1), Евангелии тетр (ГИМ, Чуд. 26, л. 101, 160).

Мы считаем, что и тератологический орнамент Симоновской Псалтири далек от классических образцов. Конечно, многое можно отнести на счет индивидуальной манеры очень талантливого мастера. Однако отход от сухих традиционных схем плетения, наличие массы несвойственных дополнительных растительных и иных элементов, появление полнофигурных, очень динамичных крылатых зверей, освобожденных от ремней, потеря обязательной рамки свидетельствуют о завершающем этапе тератологического стиля, о его исходе. Особенно показательно появление пышных, причудливых растительных обрамлений заставок, обычно чуждых «звериному» орнаменту. Если попробовать провести аналогии с существующим примерно в это же время европейским готическим стилем, перешедшем на последнем этапе в «пламенеющую готику», то стиль наших заставок можно было бы назвать «пламенеющей тератологией». При всей красоте мастерски исполненных заставок и инициалов можно говорить о вырождении стиля. Полные новаций и далекие от «классического» тератологического плетения заставки и инициалы Симоновской Псалтири сложно представить в памятниках первой половины XIV в., украшенных традиционными тератологическими орнаментами, в то время как конец этого столетия, время заката этого стиля в декорации рукописей, более соответствует им (рис. 6).

Еще одним дополнительным аргументом в поддержку нашей концепции о более позднем, чем сейчас принято считать, времени создания этого памят-

ника является и первая выходная миниатюра с изображением явления Христа женам-мироносицам. Необходимо отметить, что идея О.С. Поповой о вставном характере и потому несколько более позднем происхождении листа с нею является ошибочной. Первая тетрадь, в которую она входит, является полным кватернионом, и первый лист с рассматриваемой миниатюрой органично связан с л. 8. Кроме того, на л. 1 об. размещена еще одна миниатюра с изображением играющего на псалтири царя Давида, которая выполнена тем же художником, которому в этой рукописи принадлежит целый цикл листовых миниатюр на тему истории царя Давида. Будь этот лист вставным и более поздним, взаимосвязь первой и последующих миниатюр этого цикла нуждалась бы в дополнительном объяснении. Действительно, после л. 8, завершающего первую тетрадь, у корешка рукописи можно видеть узкую полосу пергамена, производящую впечатление обрезанного листа или окончание одинарного л. 1, согнутого для вставки в тетрадь. Однако такие узкие полосы пергамена, вшитые в тетради как с внешней стороны, так и в центре, можно видеть и в других частях рукописи. Они были вставлены при ее последнем переплетении для дублирования пергамена в месте сшивки тетрадей, поскольку из-за поновлений переплета в этих местах он был, вероятно, сильно поврежден и ненадежен для нового шитья. Тем не менее, если первая миниатюра не была создана одновременно с текстом не ранее середины XIV в., то она могла появиться в рукописи только позднее.

В посвященной ей специальной статье О.С. Попова отметила большое своеобразие этой миниатюры и сильное влияние на нее палеологовского искусства XIV в. В это время в Новгороде оно не получило распространения. «Миниатюра из Хлудовской Псалтири представляет собой редкий эпизод... Наиболее широкое распространение этот классицистический стиль палеологовской живописи получил в московском искусстве в позднем XIV – раннем XV в., причем как в формах позднепалеологовских, так и более ранних, восходящих к палеологовской классике начала XIV в.» [28]. Таким образом, исследовательница признает нестандартность первой миниатюры Симоновской Псалтири для новгородского искусства раннего XIV в. и определяет более органичную среду для бытования подобного стиля в конце XIV – начале XV в. Наиболее ранние иконы, относящиеся к этому художественному кругу, были созданы, по ее мнению, в 1340-х гг., когда в Москве работала артель греков-фрескистов. О.С. Попова отмечает особые иконописные приемы, используемые миниатюристом, например, замену ассита светло-желтой краской. «Сам факт обращения мастера-миниатюриста к иконописной технике нов для искусства русской миниатюры. Сближение миниатюры с иконой происходит в византийском искусстве конца XIII – начала XIV в. ... На Руси подобное же приближение миниатюры к иконописи произошло много позже, в конце XIV в.» [29].

Таким образом, созданная под несомненным византийским влиянием, выходная миниатюра Симоновской Псалтири по иконографии, стилю и отдельным приемам письма не находит аналогий в русских памятниках первой поло-

вины XIV в. В целом для древнерусского искусства этого времени византийское влияние неочевидно. Однако, будучи перенесенной в последнюю треть этого столетия, миниатюра выглядит там более органично. По крайней мере, ее стиль и особенности вполне укладываются в предлагаемую нами датировку рукописи. Мы не ставили перед собой задач, стоящих перед историками искусства, однако мы не могли пройти мимо нескольких аналогий. В частности, схожую типологию лика Христа (правда, в ином исполнении) мы находим в Переяславском Евангелии 1398–1425 г. (РНБ, Ф.п.I.21) [30], а также в рублевском «Спасе» (рис. 7).

Совокупность рассмотренных нами различных доказательств, характеризующих графико-орфографические, декоративные, стилистические особенности нашего памятника, как нам кажется, вполне обоснованно позволяет отнести время его создания к начальному этапу того многостороннего явления, которое принято называть «вторым южнославянским влиянием», когда древнерусская культура испытала мощное воздействие византийской и южнославянских культур. Нам совершенно очевидно, что именно наличием в распоряжении создателей Симоновской Псалтири новых разнородных византийских и балканских образцов обусловлены все противоречивые особенности иллюминации кодекса. Работавшие над ним художники творчески соединяли разные источники, что сделало оформление Псалтири уникальным. Несомненно, что рукопись создана на самом раннем этапе второго южнославянского влияния на Руси. Мы видим лишь эпизодическое отражение в ней первых, случайных элементов новых образцов графики, орнаментики, миниатюр. Они не представляют собой хоть сколь-нибудь выраженную систему, являясь лишь первыми пробами новых приемов, увиденных русскими писцами и художниками в византийских и южнославянских образцах. К сожалению, до сих пор не существует работ, обосновавших относительно точное время начала этого явления. Обычно в литературе оно относится к концу XIV–XV в. А.А. Турилов отмечает рубеж 1400–1410-х гг. как зримую границу, после которой южнославянское влияние становится в русских рукописях явлением массовым и очевидным [31]. Самое начало этого процесса, к сожалению, уловить сложно из-за утраты значительного числа памятников. Мы можем лишь указать на список Лествицы ГИМ, Увар. 865-4°, написанной одновременно на пергамене и бумаге «в прокладку». В ее заставках мы уже встречаем простые образцы нового балканского орнамента, подобно типологически схожим образцам в Симоновской Псалтири. Филиграни бумаги этой рукописи относятся к 1370-м гг., что позволило Т.В. Диановой датировать ее последней третью XIV в. [32]. И хотя Л.М. Костюхина отрицает датировку этого памятника якобы из-за более поздних (конец XIV в.) особенностей графики, которых она не называет [33], мы не видим препятствий присоединиться к датировке Т.В. Диановой. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что в последней трети XIV в. русские писцы и орнаментаторы начали использовать новые балканские образцы.

Полагаем, что у нас есть данные не только уточнить датировку этого памятника, но и высказать предположение о его происхождении на основании

кодикологических и палеографических особенностей. Мы обнаружили, что почерк последней тетради (л. 286–291) принадлежит другому писцу. Это не было отмечено в предшествующих исследованиях и описаниях [34]. Графика его букв менее каллиграфична и содержит больше новаций, чем основной почерк, хотя также вполне характерна для второй половины XIV в. Вставка последней тетради произошла таким образом, что заставляет предположить о ее добавлении к уже готовой рукописи. Основной текст Псалтири был почти закончен в предыдущей тетради, и несколько завершающих строк, вероятно, были дописаны основным писцом на дополнительном листе. Он был изъят из рукописи, последние строки Псалтири были восполнены почерком второго писца на л. 286, начинающего новую тетрадь [35]. Она содержала обособленное по оформлению и тексту дополнение – «Канон к Господу, певаемый по вся дни мнихом» шестого гласа, который предварялся на л. 286 об. своей собственной выходной миниатюрой с изображением сцен из Рождества Иоанна Предтечи. Она была выполнена, по всей вероятности, тем же художником, кому принадлежат и остальные листовые миниатюры рукописи, посвященные сценам из жизни царя Давида: манера изображения их персонажей очень близка (особенно с миниатюрой на л. 1 об.), хотя добавленная миниатюра отличается по цветовой гамме, в которой преобладают вишневые и красные тона. Несмотря на вероятную принадлежность их одному мастеру, цикл с изображением царя Давида и миниатюра с Рождеством Иоанна Предтечи не выглядят созданными одновременно. Да и тематически последняя миниатюра не вписывается в программу оформления кодекса (рис. 8).

Полагаем, что он был создан в два приема. Не сравнимая с другими рукописями роскошь оформления, каллиграфии и материала письма указывает на то, что заказчик этого кодекса имел самый высокий статус, и заказ был сделан для его личного пользования, а не для вклада в какой-нибудь монастырь. Отсутствие капель воска и большого загрязнения на листах подтверждает наше предположение. Наличие дополнительной фигуры ап. Симона Зилота в миниатюре с изображением Христа с предстоящими ему Богородицей и Иоанном Крестителем, вероятно, действительно обусловлено ее патрональным значением. В противном случае ее появление немотивированно и разрушает всю композицию сцены, внося в нее асимметрию добавлением лишней фигуры слева от Христа. Скорее всего, высокопоставленный заказчик рукописи носил имя «Симон». Что касается записи с упоминанием «отче Симона», то, вероятно, она принадлежит художнику листовой миниатюры, рядом с которой она находится. Его жалоба о трудности писать маленькие миниатюры и о том, что работа движется медленно, не обязательно адресована заказчику. «Отец Симон» мог быть как просто куратором исполнения заказа, так и самим заказчиком, который в таком случае был крупным церковным иерархом. Однако вскоре после создания рукопись перешла в руки какой-то женщины.

Этот вывод мы делаем на основании анализа содержания текста и миниатюры дополнительной части. Добавление со временем к роскошной рукописи, созданной для личного пользования заказчика, канона для ежедневного

чтения монахам может свидетельствовать только о том, что владелец принял постриг. Близость палеографических характеристик обоих почерков и вероятная принадлежность добавочной миниатюры и основных листовых миниатюр кодекса одному художнику или одной мастерской свидетельствуют о том, что дополнение было вшито в рукопись вскоре после ее создания (вероятно, в пределах одного – полутора десятилетий). Ежедневный монашеский канон сопровождается «выходной» миниатюрой со сценами Рождества Иоанна Предтечи. Их связь несомненно свидетельствует о посвящении монастыря, куда был пострижен заказавший дополнительный монашеский канон владелец кодекса, этому церковному празднику. В Новгороде в то время был один женский Ивановский монастырь – на Росткиной улице. Однако нам неизвестно, в честь какого из праздников Иоанна Предтечи он был освящен. Кроме того, его статус был невысок, а финансовые возможности невелики: в монастыре имелась лишь деревянная церковь, которая в 1396 г. была уничтожена пожаром; новая небольшая каменная церковь была построена только десять лет спустя [36]. Единственный действительно подходящий по статусу для владельца Симоновской Псалтири монастырь находился во Пскове. Это был древнейший княжеский женский монастырь во имя Рождества Иоанна Предтечи, основанный в 1243 г. княгиней Евпраксией Рогволдовной. Он служил местом пострижения и погребения псковских княгинь и, вероятно, других представительниц местной аристократии. Так, например, ок. 1300 г. там была погребена внучка князя Александра Невского и жена псковского князя Довмонта Мария, в иночестве Марфа.

Выше мы уже высказывали предположение, что изображение на первой миниатюре рядом с фигурой воскресшего Христа сестер Лазаря, Марфы и Марии, имело патрональный характер. Слишком необычно присутствие в ветхозаветной Псалтири не связанной с ней выходной миниатюры с воскресшим Христом, благословляющим припавших к его ногам двух женщин: слева – в темном монашеском одеянии Марии, касающейся ступни Спасителя, справа – в почти сливающихся с фоном светло-зеленых одеждах Марфы, не касающейся его. Мы уже указывали на составной характер этого сюжета, объединившего два традиционных – «Явление Христа женам-мироносицам» и «Воскресение праведного Лазаря». Нужны были особые причины помещения изображения комбинированного новозаветного сюжета в качестве выходной миниатюры в ветхозаветную книгу. Второй, и последней, в этом кодексе аналогичной листовой миниатюрой с новозаветным сюжетом было изображение Рождества Иоанна Предтечи, символически обозначающего небесного покровителя монастыря, в котором находилась владелица кодекса. Поэтому изображение воскресшего Христа, благословляющего Марфу и Марию, также можно считать очень символическим. С большой долей вероятности можно предполагать, что эти святые жены имели отношения к владелице, что и обусловило введение их в не связанный с ними прежде сюжет. Получившие благословение Христа святые, скорее всего, были небесными покровителями владелицы кодекса и ее близких. Можно предположить, что владелица носила имя Мария, поскольку

тезоименитая ей святая изображена в монашеских одеждах. Марфой могла быть ее близкая родственница (дочь, мать), оставшаяся в миру. Хотим также обратить внимание на близость не только сюжетную, но и композиционную рассматриваемой нами миниатюры фресковой «Явление Христа женам-мироносицам» в Мирожском монастыре Пскова (рис. 2), на которую могла указать заказчица как на образец.

Наличие двух владельцев кодекса – Симона и Марии – вполне правдоподобно. Симон заказал, вероятно, в 1370-х гг. список Псалтири у лучших новгородских каллиграфов и художников для личного пользования. После его смерти роскошная рукопись по наследству попала к его близкой родственнице (жене, сестре, дочери). Новая владелица постриглась в монахини и распорядилась сделать в той же мастерской, где был изготовлен основной кодекс, дополнение с необходимым ей ежедневным монастырским каноном. Дополнительная тетрадь была украшена прежними художниками актуальной миниатюрой с изображением главного для нее монастырского праздника, а весь кодекс, вероятно, именно тогда получил новую выходную миниатюру с символическим сюжетом благословляющего благочестивых жен Христа. Она была написана на оставшемся чистым первым листе (обороте первоначального фронтисписа) в уже готовом кодексе. Возможно, именно тогда было сделано золочение контура большинства заставок. Пребывание в это время Пскова и Новгорода в одной епархии под управлением одного архиепископа делали и такой заказ обычным делом.

Таким образом, на основании комплексного анализа графико-орфографических, кодикологических, орнаментальных, стилистических особенностей рассматриваемой рукописи мы пришли к выводу о более позднем времени ее создания – начале последней трети XIV в. – и о **разновременности ее составных частей**, выполненных по заказу разных владельцев в пределах, вероятно, одного десятилетия. Поместив один из центральных новгородских памятников XIV в. в наиболее органичную для него среду, мы ставим перед собой цель дать возможность специалистам разных дисциплин начать изучать его в контексте с действительно близкими ему памятниками и явлениями. Так, например, нам кажется очевидным, что взаимосвязи Симоновской и Киевской Псалтирей гораздо больше, чем было принято думать, поскольку они были созданы в пределах одних и тех же двух – трех десятилетий. Кроме того, выведение этой рукописи из списка двухюсовых памятников, несущих в себе следы первого южнославянского влияния, делает исследование памятников XI–XIII вв. более адекватным.

Когда работа сдавалась в печать, рукопись вернулась из реставрации, в ходе которой выяснилось, что первый лист рукописи двойной, и миниатюра с благословляющим Христом была аккуратно вклеена позднее, что подтверждает нашу гипотезу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнова Э.С. Симоновская псалтирь ГИМ, Хлуд. 3. Иллюстрации к Библейским песням // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры. Тезисы докладов международного научного симпозиума, Москва 10–12 ноября 2014 года. М., 2014. С. 35.
2. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 384. С. 318. (Далее – СК XI–XIII вв.).
3. *Walter I.F., Wolf N.* Capalavori della miniatura. I codici miniati piu belli del mondo dal 400 al 1600. Köln, 2003. P. 190–191.
4. Амфилохий, архим. Симоновская Псалтирь 1270 г. // Древности. Труды имп. Археологического общества. М., 1871.
5. СК XI–XIII вв. С. 318–319.
6. Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 5–6.
7. Амфилохий, архим. Симоновская Псалтирь 1270 г. // Древности. Труды имп. Археологического общества. М., 1871.
8. Щепкина М.В. Возможность отождествления почерков в древнерусских рукописях // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 13.
9. Амфилохий, архим. Древлеславянская псалтирь Симоновская до 1280 г., сходная по церковнославянским и русским переводам с греческим текстом и еврейским, с примечаниями. Изд. 2-е. М., 1881.
10. Некрасов А.И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 175, 178.
11. Щепкина М.В. Возможность отождествления почерков в древнерусских рукописях // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 8–13.
12. Попова О.С. Новгородская миниатюра раннего XIV в. и ее связь с палеологовским искусством // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. [Сб. 1]. С. 105–139. Цитируется по переизданию: Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 185, 203.
13. Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1988) / сост. Н.А. Охотина, А.А. Турилов. М., 1993. С. 20. Прим. 7.
14. Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 17–180; Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 153–154, 156.
15. Турилов А.А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины – середины XIV в. (К вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тезисы докладов международной конференции, Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 35.
16. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. XIV век. М., 2002. Вып. 1. С. 584. (Далее – СК XIV в.).
17. СК XIV в. С. 243–244.
18. Уточнение традиционной датировки было предложено в недавней работе Т.И. Афанасьевой «Литургия Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.)» (М., 2015. С. 28).
19. Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1973. Ч. II. № 905. С. 50.

20. *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. Каталог, № 93. В издании Т.И. Афанасьевой приводится уточненная датировка этой рукописи – первая половина XIV в., сделанная А.А. Туриловым на основании присутствия в этом Служебнике поминовения за упокой новгородского архиепископа Давида, умершего в 1325 г. (Афанасьева, 2015. С. 28); см. также: *Турилов А.А.* Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины – середины XIV в. (К вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тезисы докладов международной конференции, Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 35–36. Однако, на наш взгляд, нет ничего необыкновенного в поминовении архиеп. Давида и позднее, во второй половине XIV в., особенно если предположить какие-то особые связи или вклады этого иерарха в церковь или монастырь, для которого создавался этот список Служебника.

21. *Турилов А.А.* Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины – середины XIV в. (К вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тезисы докладов международной конференции, Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 35–36. Из четырех рукописей, почерки которых А.А. Турилов указал как близкие почерку Хлуд. 3, фигурирует также отрывок «Евангелия апракос первой пол. XIV в. (ЦНБ НАН Украины, коллекция отрывков)», близость почерка которого «столь велика, что уместно поставить вопрос об их идентичности». Однако недоступность для нас этого списка и отсутствие его шифра не позволяют нам оценить их сходство. Впрочем, отсутствие в нем четкой датировки делает его не очень полезным при датировке Симоновской Псалтири.

22. К сожалению, детальной разработки этого вопроса с опорой на фактический материал из репрезентативного списка точно датированных памятников до сих пор не существует. Краткий обзор основного направления развития почерков в это время и особенностей отдельных графем рассмотрены в обобщающих трудах по кирилловской палеографии: *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1999. С. 129–130, 142–143; *Карский Е.Ф.* Славянская палеография. М., 1979. С. 179, 184–185, 188, 191–193, 195, 196–197, 199, 202, 206. В последней монографии много неточностей из-за работы с копиями, зачастую не всегда качественными.

23. Принадлежит Н.Б. Тихомирову и Т.В. Анисимовой: Анисимова Т.В. Троицкий список Хроники Георгия Амартола (приписки на миниатюрах и на полях рукописи) // Древнерусское искусство. По материалам международной конференции «Искусство рукописной книги. Византия и Древняя Русь» (Москва, 17–19 ноября 1998 г.). СПб., 2004. С. 290.

24. *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1999. С. 129–130, 142–143.

25. *Живов В.М.* Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII вв. // Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 34.

26. *Живов В.М.* Проблемы формирования русской редакции церковно-славянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.». София, 1985, 358 с.) // *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 253.

27. См.: *Джурова А.* Хиляда години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981. Альбум.

28. *Попова О.С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 199–200.

29. Там же. С. 195.

30. *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. Каталог, № 86.

31. *Турилов А.А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // *Турилов А.А.* *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья.* М., 2010. С. 235–282.

32. *Дианова Т.В.* Особенности бумаги рукописей XIV в. // Историческому музею – 125 лет / Материалы юбилейной научной конференции. М., 1998. С. 116, 119, 123, 127, 132. После самостоятельной проверки найденных в этой рукописи филигранных по справочным каталогам мы пришли к схожему выводу – 1370–1380-е гг.

33. СК XIV в. № 380. С. 548–549.

34. СК XI–XIII вв. С. 318–319; СК XIV в. С. 584.

35. Нам не встречались случаи, когда бы основной писец, выполнивший около трех сотен листов парадной рукописи, отдал бы написать последние несколько строк другому писцу, к тому же менее искусному.

36. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый *Летописью Авраамки*. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 138, 151; ПСРЛ. *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.* Т. III. М., 2000. С. 399; *Новгородские летописи, издаваемые Археографической комиссией* (так называемые *Новгородская вторая* и *Новгородская третья летописи*). СПб., 1879. С. 250. См. также: *Секретарь Л.А.* *Монастыри Великого Новгорода и окрестностей.* М., 2011. С. 492–493.

Рис. 1. Явление Христа женам-мироносицам. Хлуд. 3. Симоновская Псалтирь. Новгород, последняя треть XIV в. Л. 1.

Рис. 2. Явление Христа женам-мироносицам.
Фреска Спасо-Преображенского собора
Мирожского монастыря. Псков, 1130–1140-е гг.

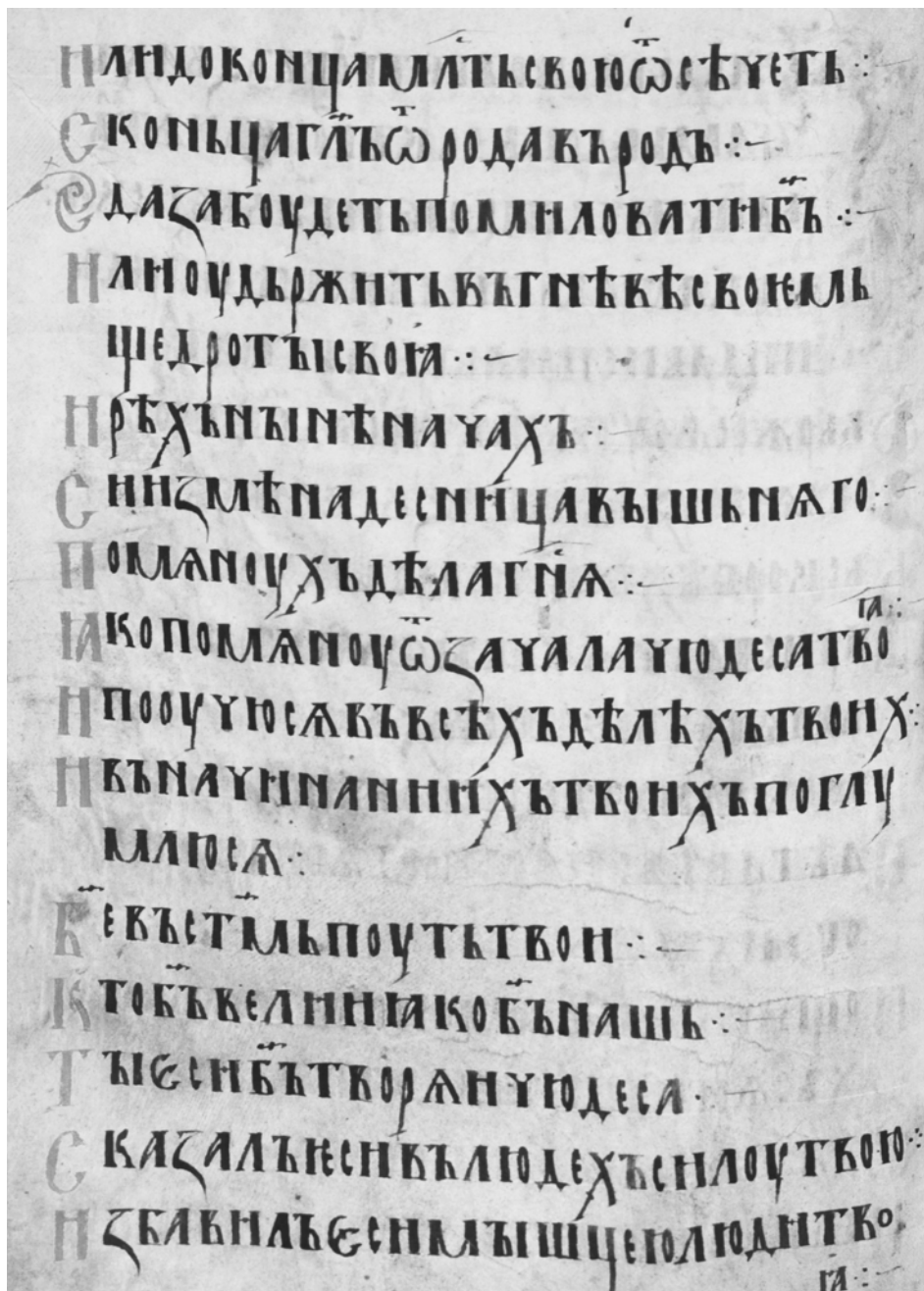

Рис. 3. Литургический устав XIV в.:

а) Хлуд. 3. Симоновская Псалтирь. Новгород, последняя треть XIV в. Л. 136 об.

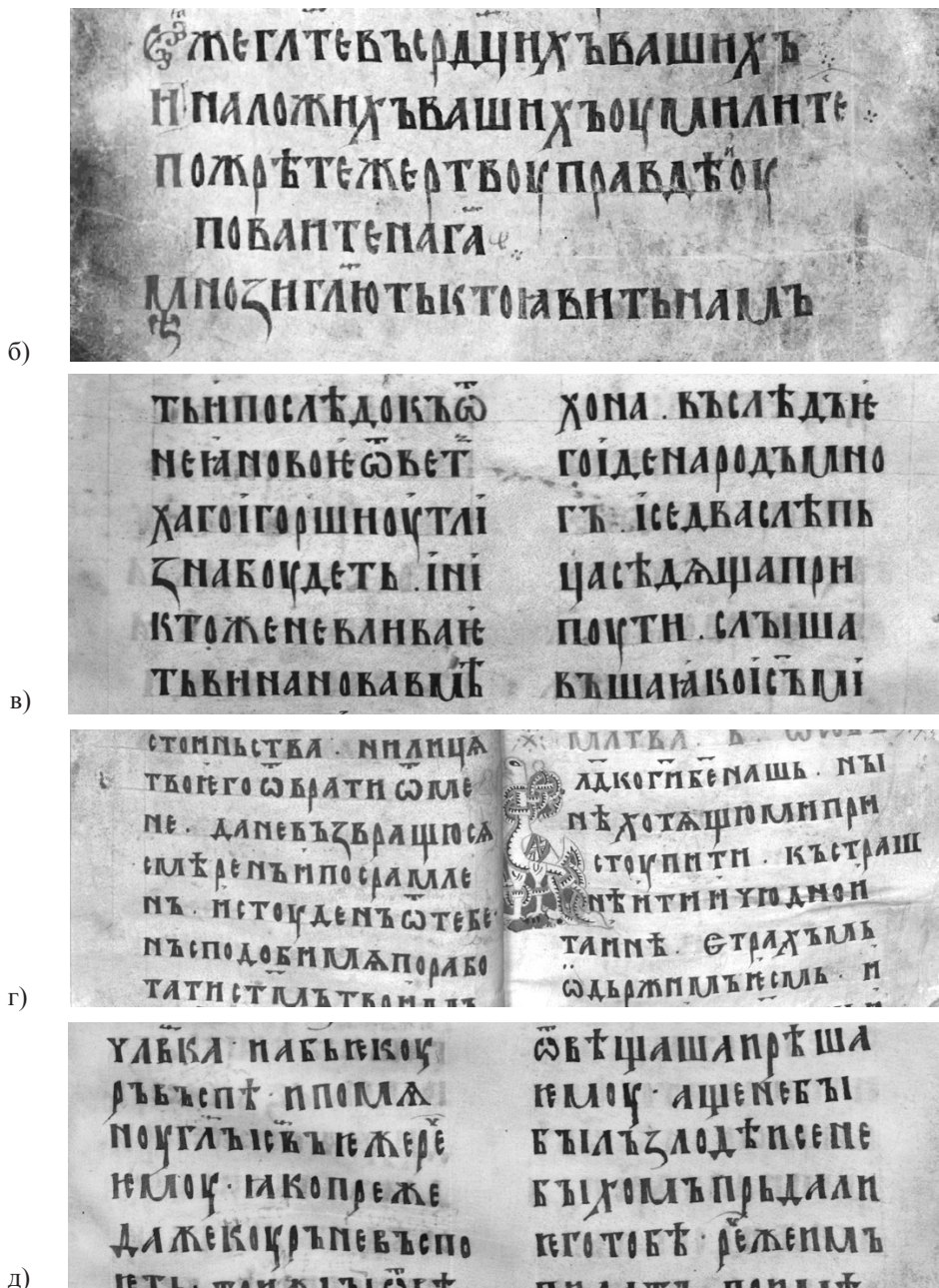

Рис. 3. Литургический устав XIV в.:

- б) Син. 235. Псалтирь Марины, Новгород, вторая четверть XIV в. Л. 5 об. (фрагмент).
- в) Увар. 293-1°. Евангелие апракос. Новгород, середина XIV в. Л.125. (фрагмент).
- г) Воскр. перг. 8. Служебник. Новгород, вторая половина XIV в. Л. 13. (фрагмент).
- д) Хлуд. 30. Евангелие апракос. Новгород, середина XIV в. Л. 188 (фрагмент).

Рис. 4. Отражение второго южнославянского влияния в почерке Симоновской Псалтири (Хлуд. 3. Новгород, последняя треть XIV в.): а) лигатуры – л. 179 об., 159 об., 202 об., 210 об., 275 об. б) з: л. 115 об., 118; в) е-якорное с наклоном вперед: л. 102, 174, 53, 115 об.

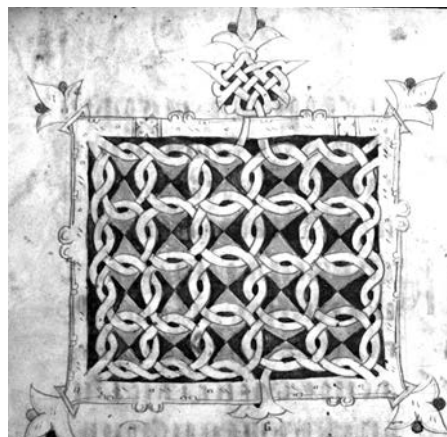

Рис. 5. Заставки балканского стиля в Симоновской Псалтири (Хлуд. 3. Новгород, последняя треть XIV в.) и их аналоги в византийских и славянских рукописях:

а-б) Хлуд. 3. Симоновская Псалтирь. Новгород, последняя треть XIV в. Л. 272 об., 283 (фрагменты) в) Афины, Национальная библиотека, Athen.gr. 197. Евангелие апракос. XV в. г) Москва, ГИМ, Син. греч. 17 (Вл. 130). Беседы Василия Великого. Л. 3. XIV в. д) Загреб, ЮАЗУ IVd 107. Триодъ постная и цветная. Болгария, первая половина XIII в. Л. 168. е) София, НБКМ № 17. Добрейшово Евангелие. Болгария, первая половина XIII в. Л. 73. ж) Любляна, Библиотека Университета, № 24. Копитарово Евангелие. Сербия, XIV в. Л. 66.

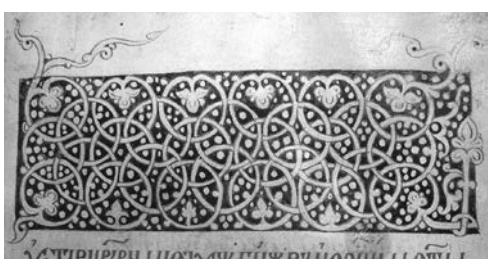
з)

и)

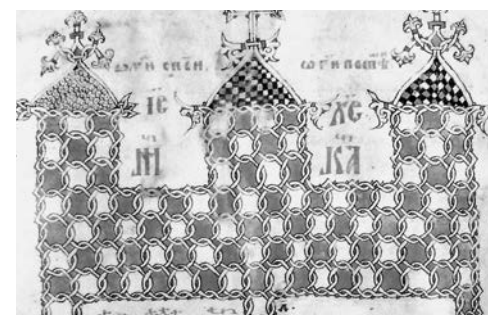
к)

л)

м)

н)

Рис. 5. Заставки балканского стиля в Симоновской Псалтири (Хлуд. 3. Новгород, последняя треть XIV в.) и их аналоги в византийских и славянских рукописях:

- з) Москва, ГИМ. Хлуд. 36. Апостол изборный. Болгария, третья четверть XIV в. Л. 5.
 и) Москва, ГИМ, Син.71 Евангелие апракос («Псковское»). 1409 г. Л. 192 об. к) Москва, ГИМ, Чуд.26. Евангелие тетр. Конец XV – начало XVI в. Л. 101. л) Москва, ГИМ, Усп.5п. Устав Иерусалимский. 1424 г. Саввино-Сторожевский монастырь. Л. 2.
 м) Белград, Архив САНУ, № 60. Паренесис Ефрема Сирина. Сербия, 1337 г. Л. 2.
 н) Белград, Архив САНУ, № 343. Манойлово Евангелие. Сербия, первая треть XIV в. Л. 31 об.

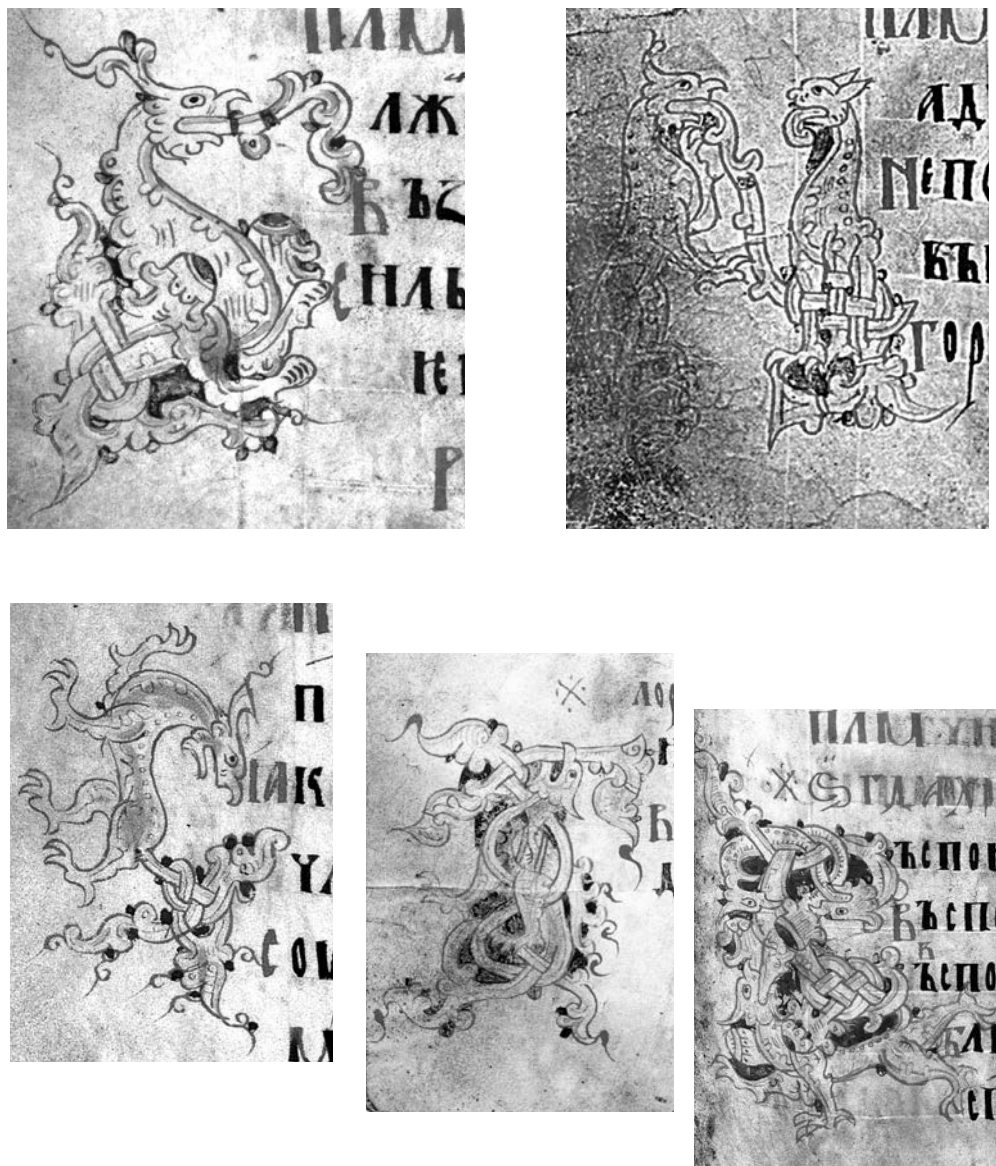

Рис 6. Терагологические заставки и инициалы Симоновской Псалтири (Хлуд. 3. Новгород, последняя треть XIV в.): заставки – л 250 об., 208; инициалы – л. 209 об., 242 об., 19 об., 159, 175.

Рис. 6. Тератологические заставки и инициалы Симоновской Псалтири (Хлуд. 3. Новгород, последняя треть XIV в.): л 250 об., 208.

а)

б)

в)

Рис. 7. Изображение лика Христа в памятниках последней трети XIV – XV вв.:
а) ГИМ, Хлуд. 3. Симоновская Псалтирь. Новгород, последняя треть XIV в.
Миниатюра «Явление Христа женам-мироносицам». Л. 1;
б) РНБ, Ф.п.1.21. Переяславское Евангелие, конец XIV – начало XV в.
Миниатюра «Спас в силах». Л. 6.
в) ГТГ, инв. 12863. Андрей Рублев. Икона «Спас»,
из деисусного чина («Звенигородский»).

Рис. 8. ГИМ, Хлуд. 3. Симоновская Псалтирь. Новгород, последняя треть XIV в.
Миниатюра «Рождество Иоанна Предтечи». Л. 285 об.

Е.К. Братчикова

ЛИЦЕВЫЕ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ ДИМИТРИЯ УГЛИЧСКОГО

Принято считать, что благодаря старообрядцам рукописная традиция Древней Руси развивалась вплоть до начала XX столетия. Это действительно так, хотя проблема позднего книгописания гораздо сложнее и не сводится только к переработке старого материала. Практика показала, что при иллюстрировании литературных памятников прошлого времени старообрядцы нередко разрабатывали собственные варианты этих текстов. Создателем образцовых списков выступал Выголексинский монастырь, в стенах которого появлялись альтернативные древнерусским произведения.

При исследовании, например, такого памятника средневековой книжности, как «Сказание о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской», выяснилось, что его текст был принят старообрядцами вместе с текстом Службы и до 1780-х гг., пока не появилась выголексинская редакция этого сочинения, оформлялся по образцу древнерусских списков [1]. Подобным путем шло развитие и других литературных произведений. К числу исключений следует отнести Житие Димитрия Угличского, **каноны художественного оформления** которого складывались в новый исторический период, и выголексинская редакция которого значительно отличается от всех других лицевых версий этого сочинения.

По свидетельству письменных источников, Димитрий Угличский был одним из самых почитаемых святых в истории Смутного времени и церковного раскола. Смерть отрока, воспринятая современниками не иначе как убийство, настолько потрясла русское общество, что имя царевича на долгие годы стало символом всех обиженных и гонимых. Сразу после угличских событий 1591 г. начинает складываться сначала устная, а с написанием «Повести о убиении царевича Димитрия Угличского» в 1606 г. и «Жития Димитрия Угличского» в 1607 г. – и литературная традиция в изложении события. На протяжении XVII в. и позднее появляются редакции и более десятка новых произведений на эту тему. Наиболее популярными среди них стали три версии Жития, включенные в Четьи Минеи Германа Тулупова (1607 г.), Ивана Милютина (середина XVII в.) и Димитрия Ростовского (1703 г.) [2].

Царевич Димитрий был канонизирован в 1606 г., после перенесения его мощей из Углича в Москву. Акция, имевшая место при Василии Шуйском, была предпринята с целью «уста лжущая заградить и очи неверующии ослепить глаголющим, яко живый избеже ото убийственных дланей» [3]. Царевич был погребен в приделе Иоанна Предтечи в Архангельском соборе Московского Кремля. С тех пор память по Димитрию Угличскому отмечается два раза в год: в день смерти – 15 мая и на перенесение мощей – 3 июня [4].

Изучение иллюстрированных списков Жития началось в 1879 г., когда Обществом любителей древней письменности фототипическим способом были отсняты лицевые списки, хранящиеся в РНБ. В альбоме, инициатором издания которого выступил М.М. Осипов, одна из рукописей воспроизведена полностью, три другие – фрагментарно [5]. Исследование Жития Димитрия Угличского продолжила О.А. Державина, опубликовавшая в 1953 г. 24 рукописи из собрания ГБЛ (ныне РГБ) [6]. Шестнадцать из них, датированных XVII в. и представляющих собой списки Жития тулуповской и милютинской редакций, – без иллюстраций. Среди рукописей XVIII в. – несколько лицевых (Овч. № 685, № 770; Муз. № 3594, № 4447). Иллюстрированные списки Жития имеются и в других книгохранилищах, например в РНБ (ОЛДП. Q. 543; Вяз. № 156, № 106, № 99; Погодин. № 715; Титов. № 2433), в ГТГ (10. Р. XVIII-4°/кирил.-2), в БАН (1.5.98).

В результате изучения стала очевидна закономерность, свидетельствующая о том, что в лицевых списках XVIII в. Житие представлено, как правило, в редакции Димитрия Ростовского и содержит три основных раздела: «Убиение», «Перенесение мощей из Углича в Москву» и «Чудеса». Число миниатюр варьируется в пределах двух – трех десятков, их может быть 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 23. В основном они относятся к первому разделу Жития. Во втором разделе, если картинки и есть, то не более одной или двух. Иллюстрации к «Чудесам» содержатся в списке Третьяковской галереи; их всего три – максимальное количество для XVIII столетия (л. 26, 27, 28) [7].

В характере расположения миниатюр в списках Жития Димитрия Угличского просматриваются два типа: книжный и иконный. В первом из них изображения не отделяются от текста и заключены с ним в одну рамку. Композиции располагаются как в нижней части листа, так и вдоль его внешнего поля, причем чаще всего они состоят из двух фрагментов. На месте, оставшемся после выполнения миниатюр, пишется текст.

К книжному типу оформления можно отнести рукописи из собрания П.А. Овчинникова (РГБ. Овч. № 685, № 770). Та, что под № 685, содержит 33 листа, выполнена на бумаге XVIII в. и написана полууставом. В первой из восемнадцати миниатюр представлен сам святой – с крестом и пальмовой ветвью в руках (л. 1 об.). Далее располагаются композиции, в которых парно сгруппированы фрагменты истории его жизни. Они повествуют о следующих событиях: Борис Годунов советуется с приближенными; он же дает деньги убийцам (л. 3 об.); Борис подкупает Волохову; она уходит вместе со своим сыном (л. 4); Волохова поит ядом царевича; царица с приближенными

(л. 4 об.); Борис с боярами, Григорий Годунов плачет; рядом – Борис с Загряжским и Чепчуговым (л. 5 об.); Борис Годунов посылает убийц в Углич; рядом – Клешнин и Битяговский (л. 6 об.); царица и царевич принимают присланных из Москвы (л. 7); Волохова убеждает царицу отпустить царевича гулять; она же выводит царевича к убийцам (л. 9); Волохов ударяет царевича ножом; он же бежит, бросив нож; двое убийц избивают кормилицу и расправляются с царевичем (л. 9 об.); пономарь звонит в колокол, убийцы выбивают дверь на колокольню; царица плачет над сыном (л. 10 об.); плач над царевичем (л. 11 об.); народ идет к убиенному; убийцы уезжают из города (л. 12); убийц побивают камнями (л. 12 об.); гроб царевича выставляют в храме (л. 13); угличане хоронят Димитрия (л. 17); перенесение мощей из Углича в Москву (л. 28 об.); мощи царевича в Архангельском соборе Кремля (л. 29); от гроба царевича совершаются чудеса (л. 31).

По такому же принципу оформлены рукописи из собрания П.П. Вяземского (РНБ. Вяз. № 156, № 106). Список с названием «Житие и убийство страстотерпца, благоверного царевича князя Димитрия, московскаго и угличскаго и всея России новаго чудотворца» (Вяз. № 156) выполнен полууставом на бумаге с водяными знаками первой половины XVIII в. Пятнадцать миниатюр располагаются то внизу, то выходя на внешнее поле, а иногда – как бы «разрывая» лист снизу доверху изображением какой-либо архитектурной постройки. Картинки без подписей, но они, в данном случае, и не нужны; заключенные в одну рамку с текстом, они находятся рядом с теми строками, которые иллюстрируют.

Лицевая версия Жития из того же собрания (Вяз. № 106) включает в себя два раздела текста: «Перенесение мощей» и «Чудеса» святого отрока. Список, реставрированный в XIX в., содержит подлинные фрагменты текста, выполненные скорописью XVIII в., в которых сохранилась дата – «1757» г. Как отмечал П.П. Вяземский, эти рукописи из его собрания абсолютно идентичны по манере исполнения и, быть может, принадлежат руке одного мастера [8]. Когда видишь оба списка вместе, становится очевидно, что они могли создаваться как разделы единого Жития: текст первого из них – «Убиение» царевича Димитрия (Вяз. № 156), текст второго – «Перенесение мощей» и «Чудеса святого вкратце» (Вяз. № 106).

Второй тип иллюстрирования Жития Димитрия Угличского – иконный – характеризуется тем, что миниатюры приобретают самостоятельность, они отделены от текста и заключены в рамки. При этом лица персонажей в композициях могут быть выполнены в цвете по образцу ликов на иконах, а в передаче обстановки иногда появляются элементы прямой перспективы (РГБ.Муз. № 4447; РНБ. ОЛДП. Q. 543).

Лицевой список Жития Димитрия Угличского, подаренный С.Д. Шереметевым в Императорскую Публичную библиотеку (РНБ. ОЛДП. Q. 543), состоит из 17 листов, выполнен полууставом и датируется XVIII в. По характеру соотношения повествования и изображений это скорее альбом с картинками, чем полноценный список Жития. Его текст, он же – и заглавие

рукописи, умещается в нескольких строках. Из него узнаем имя автора, который вначале сообщает о том, что «сказ писал многогрешный раб Петр Кузмин, Выгорской пустыни Олонецкой губернии лицевое житие св. цар. Демитрия» (л. 1 об.).

Сам же «сказ» заключается в следующем: «Благоверный Царевич Демитрий родился в 1582 року от вража Царя Иоанна Васильевича Грозного с Мариною Феодоровною из боярского Рода Нагих, тоясь по смерти Царя Иоанна Грозного в 7142 року со вступлением на престол Царя Федора Иоановича. Царь Демитрий вместе с матерью и ближайшими родственниками был отправлен из Москвы на житие в уездный свой город Углич» (л. 1 об.). **Каждая из шестнадцати миниатюр находится на отдельном листе и имеет авторскую подпись.** Поскольку текста Жития перед глазами художника не было, он по памяти нарисовал картинку, заострив внимание на изображении архитектуры.

Иллюстрации расположены в следующем порядке: «Святой Царевич Демитрий Углической» – в короне и со скипетром (л. 1); «Город Углич» (л. 2); «Церковь царевича Демитрия» (л. 3); «Дворец царевича» (л. 4); «Дворец с нянькой» (л. 5); «Замысел Гаврила Битяковскава» (л. 6); «Собрание народа ко дворцу» (л. 7); «Убиение царевича и бои колокола трюми разбойниками» (л. 8); «Углицкой собор» (л. 9); «А се три разбойника» (л. 10); «Избиение камнями трех разбойников» (л. 11); «Обретение мощей Демитрия царевича» (л. 12); «Несение царевича из Углича» (л. 13); «Несение царевича мощи в Москву» (л. 14); «На крови церква Демитрия царевича» (л. 15); «Собор Архангелски в Москве» (л. 16).

В ряду лицевых версий Жития Демитрия Угличского список выголексинской редакции, хранящийся ныне в собрании А.Е. Бурцева в Рукописном отделе БАН (Бурц. 26, ранее 1.5.98), стоит особняком. Прежний владелец рукописи, коллекционер и издатель библиографических материалов А.Е. Бурцев, характеризовал его как «редчайший памятник поморского письма XVIII в.» и считал лучшим произведением своей книгописной коллекции. Бурцевым выполнено первое описание рукописи, приведены полные названия всех разделов Жития и каждого из 12-ти чудес [9]. Им же опубликованы три листа: фронтисписная миниатюра «Святой благоверный царевич князь Демитрий» (л. 4 об.), орнаментальная заставка, название, большой инициал (л. 5), лист с текстом, нач.: «И тако на носилы оны поставиша священную ону раку...» (л. 80) [10].

Бурцевский список Жития Демитрия Угличского – парадная рукопись, созданная на Выгу в первой четверти XIX в. Она содержит 122 листа in-folio, выполнена на качественно выделанной бумаге с водяными знаками конца XVIII – начала XIX в. и написана черными чернилами. Письмо с разлиновкой, с неровной линией внешнего поля. Буквы мелкие, несколько вытянутые. Рукопись украшают три заставки поморского стиля, киноварные заглавия, сделанные вязью, большие орнаментальные инициалы и 80 миниатюр. Сохранились переплет из досок в темно-коричневой коже с орнаментальным тиснением и две скрепляющие его заставки.

По содержанию выголексинская редакция представляет собой компиляцию, состоящую из следующих частей: «Приветствие к благочестивым читателям» (л. 2–4), «Слово похвальное на Рождество» (л. 4 об.–16 об.), «Убиение» (л. 17–67), «Пренесение» мощей из Углича в Москву (л. 67 об.–79), «Пренесение» в Углич частицы нетленного тела и святынь от гроба Димитрия (л. 80–88 об.) и «Новые чудеса» святого (л. 89–121). Эта компиляция основана на нескольких источниках: второй раздел заимствован из Четых Миней Германа Тулупова; третий и четвертый восходят к Житию редакции Димитрия Ростовского; пятый и шестой – к Угличскому Летописцу. Миниатюры имеют не только каждая из трех канонических частей Жития, но также и другие разделы, входящие в его состав [11].

В Бурцевском списке нашли развитие оба типа иллюстрирования текста. Все миниатюры рукописи, в числе которых фронтисписные, листовые и в пол-листа, заключены в разноцветные рамки с двойным контуром. При этом только фронтисписные в полной мере соответствуют иконному типу оформления, остальные относятся к книжному типу. Миниатюры без подписей. Нет поясняющих надписей и над отдельными элементами внутри изображений, что было характерно для старообрядцев при оформлении переводных произведений, но оказалось несвойственным при работе над древнерусскими текстами исторического содержания.

Удивительно, насколько тонко изображения сочетаются с текстом, как неразрывно связаны они между собой, как органично входят в структуру книги. В одних случаях миниатюры следуют за повествованием, отражая содержание, в других – предвосхищают его, в подробностях разъясняя наиболее трудные для понимания фрагменты. Причем бытовые эпизоды и сцены символического характера проиллюстрированы в одной и той же манере, что придает памятнику стилистическое единство и цельность.

Живописный цикл Бурцевского списка открывает фронтисписная миниатюра с изображением царевича (л. 4 об.). Димитрий представлен в царском облачении, в короне, с золотым нимбом и восьмиконечным крестом. Правая рука отрока обращена к небу, откуда Господь осеняет его двуперстным знаменем. Фигура дана на фоне многоярусной постройки (Угличского дворца царевича) и усыпанной плодами яблони, которые, в данном случае, являются символами дольнего и горнего миров. Подобные миниатюры достаточно часто сопровождают рукописные повествования о жизни святого отрока, однако становление этого типа композиции восходит к иконописи, а не к книжной иллюстрации [12].

Известно, что первые иконописные изображения Димитрия были созданы вскоре после его канонизации. В выголексинской редакции описываются святыни от гроба царевича, присланные из Москвы: «...и посла во град Углич священными руками благолепне той безценный дар – священную плащаницу царевичеву... и образ его» (л. 79). Эти святыни были помещены в угличской церкви Димитрия «на крови»: «Мы братие в память страстотерпца нашего великаго царевича Димитрия и восторжествуем во святей его церкви

святолепно» (л. 85). Плащаница, на которой царевич представлен в рост, с крестом в правой руке, прижатой к груди, шита золотом на шелке. Это – «священная плащаница, она несомна колеблется» (л. 86). На одной из миниатюр изображен образ «на дсце писанной, местной зело чудновидны» (л. 79). Икону царевича почитали как чудотворную и мироточивую (л. 97). В Бурцевском списке Жития рассказывается также о том, что московский стольник Лука Иосифов передал в дар угличскому бургомистру Василию Панину образ царевича, писанный им на холсте (л. 103 об.).

Иконографический тип Дмитрия Угличского «в молении» был закреплен в Сийском лицевом иконописном подлиннике, предписывавшем писать царевича «подобием млад, отроком, в венце царском и багрянице, руки молебные» [13]. На рубеже XVII–XVIII вв., при сохранении прежнего извода «святого-мученика», образ царевича начинает «обрастать» житийными эпизодами, что также нашло отражение в иконописных подлинниках. В одном из них, под 15 мая, читаем: «Млад, в венце царском и в багрянице киноварь, испод лазорь, в руке крест, а левая молебна. Закалат его Никитка Качалов ножом, а душу ангел принимает, тут же полата празелень, а под ногами гора, и во облаце Пречистая с Превечным младенцем». В другом подлиннике, под 3 июня, такая запись: «Димитрей: спекулатарь закалат его ножом, а царевич припал на колено, зрит вверх» [14].

В иконографическом варианте, известном по ряду житийных икон XVIII в., фигура святого и фрагменты убийства воспринимаются уже как самостоятельные композиции. Один из таких примеров – икона «строгановских писем» из собрания священника-старообрядца Иоанна Власова с изображением царевича «в рост», а также сцен его заклания и отпевания [15]. На основе иконописных изображений складывается образ Дмитрия, который получает развитие во фронтисписных миниатюрах рукописных книг. На этом образе царевич представлен в трехчетвертном развороте, в царском венце и багрянице, с нимбом над головой, с крестом, пальмовой ветвью или ножичком в левой руке, правая же – молебна.

В выголексинской редакции Жития имеются картинки и к тем разделам, которых нет в других лицевых списках. Так, содержание «Слова похвального на Рождество» отражено в четырех миниатюрах, которые иллюстрируют пророчество Василия Блаженного о зачатии во чреве царицы святого отрока (л. 9). Юродивый предрек это событие за 25 лет до того, как оно произошло. Узнав о предсказании, Иван Васильевич повелел «представити онаго мужа пред лице свое» (л. 10). Когда же исполнилось время, царица Мария родила сына (л. 12 об.). Чудесным было это рождение: и «плотское», и духовное (л. 13). **Поэтому во всех композициях с момента рождения царевич изображался с нимбом над головой.**

Самый объемный раздел Жития, имеющий название «Месяца мая в 15 день. Убиение святого благовернаго и великаго князя царевича Дмитрия Иоанновича Угличскаго и Московскаго и Всея Руси новаго чудотворца», содержит 34 иллюстрации, отражающие события русской истории после

кончины Ивана Грозного. Его открывает изображение царевича Димитрия, восседающего на царском троне вместе с братом – царем Федором (л. 18 об.), а завершает композиция, представляющая шабаш над трупом Лжедмитрия (л. 66 об.). В двух миниатюрах рассказывается о том, как царевич Димитрий с матерью, с дядьями и пестунами направляется в свой удельный город Углич (л. 19 об.) и как жители Углича торжественно встречают процессию с иконами и хоругвями (л. 20). По сравнению с лицевыми списками XVIII в., значительно сократилось число композиций, состоящих из двух и более фрагментов, – **каждый** эпизод имеет самостоятельное значение и показан отдельно.

Сцены «Убиения» выголексинской редакции по своему содержанию мало отличаются от иллюстраций этого раздела в других списках. Среди них нет изображений подкупа Волоховой, осуждения Григория Годунова и отсылки убийц в Углич. Но само убийство разработано чрезвычайно подробно, оно отображено в пятнадцати иллюстрациях, большинство из которых – **многофигурные** композиции. Центральная сцена этого цикла с изображением Данилки Битяговского, перерезающего царевичу горло (л. 26 об.), включает, например, четырнадцать фигур (рис. 1). Характерной особенностью этого списка является появление композиций символического характера, таких, как явление в Угличе архистратига Михаила на «огнезračном коне» (л. 29 об.); воскресение в час убийства Димитрия дьякона Чудова монастыря (л. 34) (рис. 2); явление царевича монаху Тихону и предсказание о самозванце в 1602 г. (л. 54). С донесением о случившемся отправлены гонцы; горящий куст на их пути символизирует пожар в Москве, устроенный Борисом Годуновым (л. 38). Царь Федор «пойде ко граду Угличю», но, дойдя до обители Сергия Радонежского, вернулся назад, узнав о пожаре (л. 40). Послы рассказали ему, что царевича не убили, а он сам, играя, упал шеей на нож (л. 48). Мать Димитрия принудили принять иноческий чин с именем Марфы и отправили в монастырь Николая Чудотворца, что на Выксе (л. 49 об.). По приказу Бориса Годунова разорили Углич (л. 50) и отравили царя Федора (л. 52 об.).

Недолгое правление Лжедмитрия иллюстрируют десять композиций, в числе которых наиболее интересны сцены батального характера: поражение войска Бориса Годунова под Новгородом Северским и его победа над расстригой под Добрынищами (л. 57 об., 58). **Драматично развивается действие** в изображениях смерти Бориса Годунова и воцарения его сына – Федора (л. 59); расправы Лжедмитрия с новопоставленным царем и его семьей (л. 59 об.); погребения семьи Бориса Годунова и восшествия Лжедмитрия в царствующий град, когда многие познали – «он не царевич» (л. 60). **Затем показано, как Лжедмитрий освобождает из заточения инокиню Марфу** (л. 61); выдворяет из Москвы патриарха Иова (л. 62) и **устраивает праздник по случаю коронации Марины Мнишек** (л. 63 об.). **На этом его царствование кончается**, самозванца с позором выволакивают из царских палат (л. 66), а над его трупом учиняют «бесовские» игрища (л. 66 об.). **Таким образом, более половины миниатюр, иллюстрирующих Житие, приходится на два его первых раздела.**

Вторую часть Жития, посвященную перенесению мощей из Углича в Москву («Месяца июня в 3 день. О пренесении и о свидетельстве во Угличи честных мощей святого князя Димитрия Иоанновича. И како со Углича в царствующий граде Москву принесоша чудотворныя его мощи»), комментируют двенадцать сцен. Иллюстрируя события, миниатюрист изобразил процессию московских священников и бояр во главе с митрополитом Филаретом и епископом Феодосием, шествующую в Углич (л. 69 об.); открытие и освидетельствование мощей царевича (л. 70, 71 об., 72 об.); их проводы в Москву, причем угличане несут святыню не по старой Переяславской, а по новой Ростовской дороге (л. 73, 73 об. (рис. 3), 74 об., 75). Из Москвы же на сретение новообретенной реликвии выходят святейший патриарх Гермоген со всем освященным собором, царь Василий Шуйский, мать царевича – инокиня Марфа и все жители «московскаго града» (л. 75 об., 76). Мощи «принесоша» в Архангельский собор и после отпевания скрыли «под спуд земли» (л. 77). **Монах же написал образ св. Димитрия, чтобы послать тот «бесценный дар» в Углич (л. 79).**

Два последних раздела текста основаны на материале, заимствованном из Угличского Летописца, что усиливает историческую тему в выголексинской редакции. Первый из них «О пренесении во град Углич святого благовернаго страстотерпца царевича Димитрия, во образе части священнаго его телесе, и покровов, и о ношении священныя пелены на гроб царевичев. Маия в 16 день» иллюстрируют восемь миниатюр.

Известно, что после разорения Углича литовцами жители города обратились к государю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть им святыне мощи царевича Димитрия. В ответ угличанам были присланы частица мощей и святыни от гроба царевича. Среди них – обтянутый красным сукном одр, на котором мощи переносили в Москву; серебряная рака в рост царевича; шитая матерью Димитрия плащаница (л. 79). **Главная же святыня – это икона с изображением святого отрока, молящегося Спасителю, в ковчеге которой хранились запекшаяся кровь от гортани Димитрия и четыре ореха, найденные у него в момент заклания [16].**

В иллюстрациях к этому разделу видим, как накануне выхода из Москвы в Архангельском соборе Кремля перед мощами царевича Димитрия совершилось всенощное бдение (л. 80 об.). С молебным пением процессия отправилась по Московской дороге (л. 81 об.). В том ее месте, где угличане повстречали москвичей, в честь сретения раки с мощами впоследствии возвели каменную часовню (л. 82) (рис. 4). Святыни от гроба царевича внесли в соборную церковь Преображения Господня, где и воздали страстотерпцу благодарственную. При погребении частицы мощей в гробницу положили грамоту святого патриарха (л. 83). В церкви Димитрия «на крови» совершилось поклонение образу святого отрока, а также произошло источение «животворящей росы» (л. 84, 85). С новообретенными святынями (плащаницей и образом царевича Димитрия) при большом стечении народа был совершен крестный ход (л. 86).

Особого внимания заслуживает последний раздел Жития. В списке выголексинской редакции он называется так: «Новые чудеса святого благоверного царевича и великаго князя Димитрия, по возвращении из царствующаго града Москвы во град Углич священныя его части мощей, и по разорению града Углича от Литвы, и паки населении». В минейных редакциях Жития этот раздел называется «Чюдеса святого вкратце» и может включать от 38 до 46 чудес. В них говорится об исцелениях от слепоты или, как сказано в тексте, от «очесной болезни», а также от глухоты, хромоты, одержимости нечистым духом, то есть от всех тех недугов, рассказы об избавлении от которых с завидным постоянством переходят из Жития одного святого в Житие другого.

В списке выголексинской редакции заключительный раздел состоит из 12 рассказов, проиллюстрированных 22 миниатюрами. Эти чудеса новые во всех отношениях: и по времени их создания, и по содержанию. Только в двух из них, 4-м и 5-м, описываются исцеления от слепоты – считается, что молитва святому отроку помогает при болезнях глаз (л. 99, 100). **Во всех прочих повествуется о российских событиях XVI–XVIII вв., причем некоторые из них были важны и в истории старообрядчества.** Первое из чудес, случившееся в день приезда в Углич царя Алексея Михайловича и сопровождавшееся появлением «багноносной мокроты» на священном месте храма св. Димитрия, совершилось 19 июня 1654 г. (л. 89 об.). Одиннадцатое же чудо, о попе Иоанне, произошло уже в дни правления Елизаветы Петровны и относится к 1757 г. (л. 116, 117).

Между двумя этими датами – целое столетие и длинный ряд сменяющихся друг друга событий, также отображенных в миниатюрах рукописи. Поскольку источником раздела «Новых чудес» стала Угличская летопись, текст изобилует историческими датами и именами, одни из которых имели всероссийскую известность, другие сохранились лишь в памяти местных жителей. 1654 г. – избавление Углича от морового поветрия – чудо 2 (л. 92, 93, 94, 96). 1658 г. – реформа патриарха Никона по исправлению книг, изданных печатным тиснением, и, в связи с этим, «непоявление благодатной мокроты» под ковчегом с мощами св. Димитрия – чудо 3 (л. 97, 98). 1692 г. – начало строительства храма Димитрия «на крови» – чудо 12 (**не проиллюстрировано!**). 1705 г. – передача в дар угличскому бургомистру Василию Ивановичу Панину образа св. Димитрия, написанного стольником Лукой Иосифовым – чудо 7 (л. 103 об.). 1706 г. – перепись угличан, носящих русское платье и не бреющих бороду, и их мятеж по поводу этого – чудо 8 (л. 107, 108, 108 об., 110 об.). **В том же году – рекрутский набор, для проведения которого, по велению государя Петра I, в Углич был прислан дворянин Михаил Гаврилович Мелницкий** – чудо 9 (л. 112 об.). 1730 г. – «пропитание гладных» в храме Димитрия «на крови» – чудо 10 (л. 113 об., 114, 115).

В приведенных для сравнения с Бурцевской рукописью списках Жития нет и следа того, что они могли быть связаны со старообрядцами. И, напротив, в рукописи БАН характерные для раскольников проблемы отражены достаточно

ярко. Одна из них, связанная с 8-м чудом, в котором рассказывается о первом солдатском наборе, о богомолии к святому царевичу Димитрию, о новом платье и брадобритии, породила в старообрядческой среде смятение (л. 105).

Согласно царскому указу от 29 апреля 1706 г., раскольникам запрещалось появляться в присутственных местах небритыми и в «староманерном платье». Для таких случаев была разработана модель костюма на западный манер. Образец такого особого наряда находим среди русских народных картинок, изданных Д.А. Ровинским [17]. По утверждению Е.М. Юхименко, для жителей Выговской пустыни проблема новой моды стояла особенно остро. Вытолкнутые на периферию общественной жизни и заклеянные официальным определением как «воры и церковные раскольники», выговцы подвергались двойному налогообложению, «бородавочному знаку» и «русскому платью» по установленному образцу [18].

При всей своей уникальности выголексинская редакция Жития Димитрия Угличского находит точки соприкосновения с другими списками этого сочинения, не старообрядческими. Из числа рассмотренных обращают на себя внимание рукописи, датированные 1757 г. Приведем два таких списка из собрания РНБ. В первом (ОЛДП. Q. I. 780) имеется помета: «Списывано Житие сего тысяща семьсот пятидесят седмаго году: ноября: 19 дня» (л. 31); во втором (Вяз. № 106) содержатся следующие сведения: «Житие списано в Угличе или его окрестностях... Угличского Алексеевского монастыря пречестнейшему господину отцу игумену Димитрию с братией...»; далее: «1757 году сия книга... святого... услужителя Углицкаго [мона]стыря Ивана Петрова...» (л. 18). В Бурцевской рукописи эта дата упоминается дважды: первый раз в тексте 11-го чуда, которое начинается со слов: «Во дни всесветлейшия государыни императрицы... Елисаветы Петровны, в лета 7265 г., бысть во граде Угличе во святей церкви святого благовернаго и великаго чудотворца царевича Димитрия...» (л. 118–121). Второй раз 1757 г. приводится в записи на последнем листе, где она начертана тем же полууставом, что и весь текст: «Написася сия история во храме благовернаго царевича Димитрия: в лето от мироздания 7265-го году» (л. 121).

Первым на конечную запись с датой в тексте выголексинского списка обратил внимание А.Е. Бурцев и, несмотря на то, что в записи говорится о написании «истории», а не книги, назвал 1757 г. – годом создания рукописи [19]. Эта датировка просуществовала до тех пор, пока не была изучена бумага, на основании чего время создания кодекса пришлось передвинуть на первую четверть XIX в. [20].

При анализе лицевых списков Жития Димитрия Угличского обращает на себя внимание одна существенная особенность: создатели рукописей нередко указывали жанр, в котором работали. Так, Петр Кузмин из Олонецкой губернии – автор лицевого Жития царевича Димитрия, назвал свое произведение «сказом», что свидетельствует о существовании даже в XVIII в. устной традиции в изложении события (РНБ. ОЛДП. Q. I. 780). Лицевой список, сделанный в дар игумену Угличского Алексеевского монастыря

Димитрию, назван «книгой», как было принято называть рукописные литературные произведения в древнерусский период (РНБ. Вяз. № 106). И только редакция, написанная Димитрием Ростовским, называется «историей». В статье С.А. Щегловой приведено высказывание по этому поводу самого писателя. Говоря об источниках, использованных им при создании Жития Димитрия Угличского, митрополит-писатель отмечал, что «аз... собрав с некоего хронографа и с Угличской книжицы, написах историю о святом Димитрии царевиче» [21].

Очевидно, что лицевые списки Жития Димитрия Угличского XVIII–XIX вв. с датой «1757» объединяет не столько протограф текста или иконографический источник миниатюр, сколько имя митрополита Димитрия Ростовского, для которого 1757 г. стал годом причисления к лику святых. Димитрий Ростовский стал первым святым, канонизированным для общерусского почитания в синодальный период. Его канонизация состоялась 1 апреля 1757 г., в первый день Пасхи. Тогда же были установлены праздники святому: 28 октября – в день преставления и 21 сентября – в день обретения мощей [22].

Существенную роль в канонизации Димитрия Ростовского сыграла императрица Елизавета Петровна, неустанно контролировавшая процесс обретения мощей митрополита, повелевшая изготовить для них серебряную раку и облачение из золотой парчи. К концу XVIII в. была написана Служба и составлены четыре редакции Жития Димитрия Ростовского, одна из которых (Арсения Мацеевича) создавалась в 1757–1758 гг. В июне 1757 г. Арсений написал портрет Димитрия Ростовского, о чем также было доложено Елизавете Петровне [23]. У императрицы, помимо всего прочего, был личный мотив для почитания святого митрополита, она родилась в год его смерти (1709 г.) [24].

Если помнить, что текст лицевых версий Жития Димитрия Угличского дан в редакции Димитрия Ростовского, становится понятно, что обозначает 1757 г. – это дата канонизации святого-писателя. Но прослеживается и другая связь – имена, данные святым при крещении. Известно, что Димитрий Ростовский почитал своим небесным покровителем Димитрия Угличского. И тот, и другой исторически связаны с Ростовскими землями, что нашло отражение в их титулах: святитель Димитрий – митрополит Ростовский и Ярославский. Царевич Димитрий (последний представитель московской линии дома Рюриковичей) – благоверный князь Угличский и Ростовский [25].

Составитель выголексинского списка Жития Димитрия Угличского, указав в тексте дату канонизации Димитрия Ростовского, не забыл упомянуть и об императрице Елизавете Петровне. Ее имя приведено в тексте 11-го чуда только для того, чтобы обозначить время, когда происходило событие. Само же событие не имеет к императрице никакого отношения. В тексте рассказывается о попе Иоанне, который, не испросив благословения святого отрока, взялся за перестройку его угличского храма. Своды церкви Димитрия «на крови» рухнули, поп Иоанн был наказан битьем.

Теперь, когда известно, что Житие Дмитрия Угличского выголексинской редакции появилось не ранее первой четверти XIX в. и что одним из источников редакции был Угличский Летописец, можно утверждать, что этот парадный манускрипт был выполнен в память о возвращении в Углич частицы мощей Дмитрия Угличского, которое состоялось спустя 25 лет после перенесения мощей в Москву. Знаменательное для Углича событие произошло в годы правления Михаила Федоровича – первого русского царя из династии Романовых и, как указано в тексте Бурцевского списка, состоялось 10 декабря 1631 г. (л. 83). С тех пор угличане установили праздновать память святого отрока царевича Дмитрия три раза в год: 15 мая, 3 июня и 10 декабря [26].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Братчикова Е.К.* Выговская редакция Сказания о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской (Список из собрания В.Г. Дружинина) // Памяти Григория Васильевича Дружинина. СПб., 2010. С. 102–114.

2. *Солодкин Я.Г.* Житие Дмитрия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 338–342; *Солодкин Я.Г.* Повесть о убиении царевича Дмитрия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 203–204.

3. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 88.

4. В Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе (ок. 1634 г.) под 15 мая: «Убиение царевича Дмитрия Московского Чудотворца; благовест в ревут, трезвон большой». Месяца июня в 3 день «царевичю Дмитрею; благовест в ревут, трезвон большой». См.: Барсуков Н.П. Источники русской агиографии // Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1882. Т. 81. Стб. 153–156.

5. *Осипов М.М.* «Житие святого Дмитрия царевича» // Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1879. Т. 36.

6. *Державина О.А.* Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Дмитрия Угличского // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1953. Вып. 15. С. 78–118.

7. *Чинякова Г.П.* Иллюминированное житие Дмитрия Угличского из библиотеки П.М. Третьякова // Русское искусство. М., 2007. № 1 (13). С. 24–29.

8. Описание рукописей князя П.П. Вяземского. СПб., 1902. С. 284–285. № 106.

9. Полное собрание материалов по библиографии, палеографии и художеству, изданных в разное время А.Е. Бурцевым. СПб., 1908. Т. 1. С. 16–17.

10. Там же. СПб., 1908. Т. 4. С. 46–47.

11. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10. Вып. 1. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX веков / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова; отв. ред. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2010. С. 142–150. № 29.
12. Братчикова Е.К. Лицевое «Житие Димитрия Угличского» из собрания БАН // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2005. М., 2013. С. 55.
13. Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник // Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1898. Т. 4. С. 206. № 395.
14. Оба иконописных подлинника опубликованы в книге: Маркелов Г.В. Святые Древней Руси. Материалы по иконографии. СПб., 1998. Т. 2. С. 93–94.
15. Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания. Атлас. Ч. 2. СПб., 1906. № 498.
16. Лавров Н.Ф. Путеводитель по церквям города Углича. Ярославль. 1869. С. 23, 41.
17. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 4. С. 322–329. № 227.
18. Юхименко Е.М. Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994. С. 7.
19. Полное собрание материалов по библиографии, палеографии и искусству, изданных в разное время А.Е. Бурцевым. Т. 1. С. 16.
20. Братчикова Е.К. Лицевое «Житие Димитрия Угличского» из собрания БАН. С. 50, 51.
21. Щеглова С.А. Житие царевича Дмитрия в обработке св. Дмитрия Ростовского // Ученые записки Самарского Университета. Самара, 1919. Вып. 2. С. 86–87.
22. Федотова М.А. Житие святого Дмитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 150–182.
23. «Письмо императрице Елизавете о портрете Дмитрия Ростовского» обнаружено М.А. Федотовой. См.: Братчикова Е.К. Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 439.
24. О том, что канонизация Дмитрия Ростовского имела большой государственный резонанс, свидетельствуют многие факты российской истории. Приведем один из них. В 1757 г. владелец Гороблагодатских заводов граф П.И. Шувалов получил разрешение императрицы Елизаветы на строительство нового железоделательного завода на реке Вотке, в результате чего появился город Воткинск. Однако его первоначальное название было другим: на карте Вятского наместничества 1780 г. Воткинск назывался «Дмитровское». В Воткинске построена первая в России церковь, освященная в честь Дмитрия Ростовского 5 октября 1760 г. Одна из святынь этой церкви – икона Дмитрия Ростовского, являющаяся списком с его прижизненного портрета – парсуны. В настоящее время иконописный образ святого находится в Дмитриевском приделе Благовещенского собора города Воткинска, в котором 5 мая 1840 г. был крещен П.И. Чайковский.
25. Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. Стб. 153–156.
26. Угличский Летописец (копия XIX в.). РНБ. Титов. № 4023. Л. 158.

Рис. 1. Данилко Битяговский перерезает царевичу горло (Житие Димитрия Угличского. БАН. Бурц. 26 (1.5.98). Л. 26 об.)

Рис. 2. Воскресение в час убийства царевича дьякона Чудова монастыря (Житие Димитрия Угличского. БАН. Бурц. 26 (1.5.98). Л. 34)

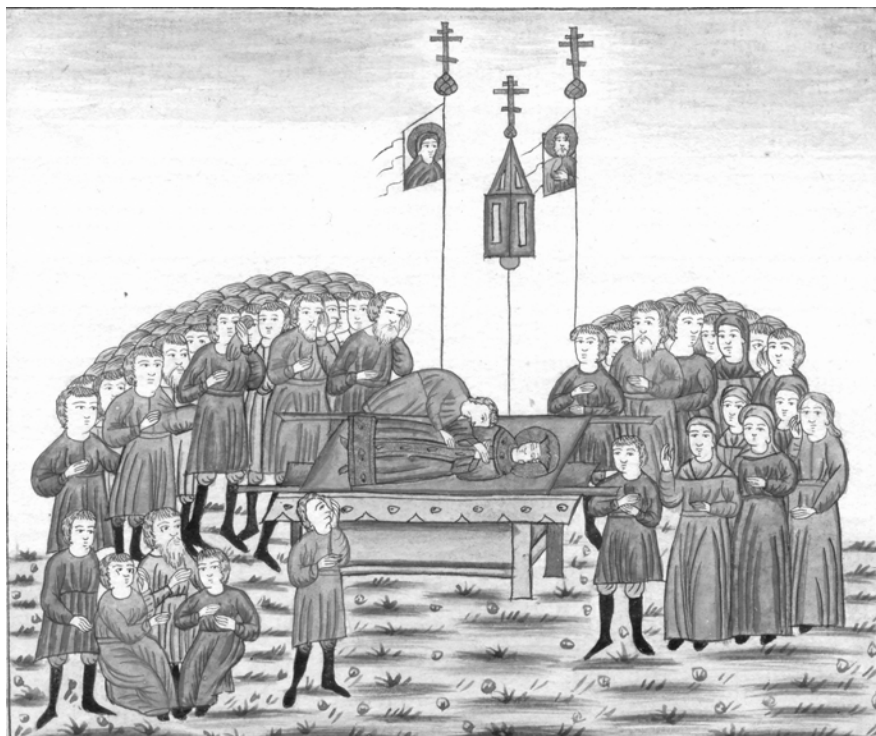

Рис. 3. Жители Углича отдают последнее целование своему государю (Житие Димитрия Угличского. БАН. Бурц. 26 (1.5.98). Л. 73 об.)

Рис. 4. Сретение частицы мошей царевича Димитрия в Угличе (Житие Димитрия Угличского. БАН. Бурц. 26 (1.5.98). Л. 82)

Е.А. Мишина

ТЕХНИКА ПЛОСКОЙ ПЕЧАТИ В РУССКИХ РУКОПИСЯХ XVII ВЕКА

Техника плоской печати хорошо известна всем специалистам, занимающимся древнерусским искусством, так как это именно та техника, в которой снимали в Древней Руси иконные переводы. Лицевые иконописные подлинники являлись неотъемлемой частью каждой иконописной мастерской, каждой монастырской библиотеки. Об иконных переводах писали и в XIX, и в XX вв. [1]. Но эта тема все еще до конца не исчерпана.

В рукописях конца XVII – начала XVIII в. подробно описаны тонкости исполнения перевода. Мастеру рекомендуют: «Делать оконница паюсная велика, чиста...», то есть сделать рамку и натянуть на нее выделанный рыбий пузырь – паюс. Затем нужно изготовить дощатый задник, который должен плотно входить в рамку с тыльной стороны. «Да зделать зелье составное, чтоб сымалось с паюса на бумагу». Для краски брали берестяную сажу или пушечный порошок, яичный желток или стоялый белок и чесночный сок. Именно липкий чесночный сок не давал краске быстро высохнуть и легко переходил с основы на бумагу. Наиболее для нас интересны здесь указания, что снимают подобным образом: «...а понадобится... травы или фряжские азбучные слова или иконные образцы, и ты положи в ту окончину паюсную... и пиши тем составным чернилом по той паюсной окончине. И как напишешь, и взяв бумагу, положи на паюс, пригнетай ногтем и подувай на письмо, на паюс и три ногтем гораздо. И кое место не выпечатается и ты на зелье подувай гораздо... А писать на паюсе кистью или пером, как сметишь умом» [2]. После того как рисунок переведен, паюс мыли, высушивали и хранили до следующего раза. Другой рецепт в сборнике конца XVII – начала XVIII в. так и называется «Память, как писать фряжские заставицы на проем» [3]. То есть, кроме иконных переводов, снимали копии с книжных заставок и с заглавных строк, которые были очень сложны в исполнении и требовали незаурядного мастерства и высокой грамотности от переписчика и иллюстратора (рис. 1).

Но перевод с паюса на бумагу дает зеркальное изображение, потому его не всегда можно сделать прямо на бумажную книжную страницу. Так можно переводить орнаменты и декоративные элементы. Тексты и иконные изобра-

жения требуют промежуточного этапа. Снятый на лист бумаги перевод надо перевести еще раз, теперь уже с бумаги на иконную доску, покрытую левкасом, либо на лист рукописи. Медленно сохнущая липкая краска вполне позволяла подобную операцию.

Самое пристальное внимание привлекло упоминание о «фряских заставицах», «фряских травах», «фряжских азбучных словах». Все это теснейшим образом связано с искусством оформления книги, как рукописной, так и печатной. Техника перевода с паюса на бумагу – это фактически и есть техника плоской печати. Иных упоминаний об этом виде печати в XVII в., кроме этих рецептов, в документах мы не встретили.

Дальнейшие поиски привели к труду Д.А. Ровинского «Русские народные картинки», где он, анализируя «Букварь» Кариона Истомина, упоминает о трех Буквицах (то есть Азбуках. – Е.М.) XVII в., исполненных в технике «перевода на зелье» и предназначенных для обучения чтению и письму [4].

Упомянутая Д.А. Ровинским «Буквица» из собрания Императорской Публичной библиотеки была в 1877 г. факсимильно издана Обществом Любителей Древней письменности. Издание было подготовлено Вячеславом Измайловичем Срезневским, который пишет, что «Словенская Буквица представляет свиток длиной в 12 аршин... склеенный из 20-ти листов старинной бумаги, расписанной и разрисованной пером». Из того, что «Буквица» рисована тушью и киноварью, Срезневский делает вывод «о значении и цели составления Буквицы, не как произведения искусства, но как образца для составления типографских инициалов, печатавшихся черным и красным чернилом... Во всяком случае, издаваемая Буквица или могла иметь целью составление рисунков и букв для типографии или явилась под влиянием уже прежде составленных типографских заставок и букв» [5].

На наш взгляд, свиток, если его использовать в качестве образцового, крайне неудобен в работе. Огромный размер и формат памятника (его длина составляет более 8,5 метров) также противоречат утверждению Срезневского.

Внимательное изучение этой «Буквицы», в настоящее время хранящейся в собрании отдела рукописей РНБ, позволило установить, что, как это ни парадоксально, практически были правы и Срезневский, утверждавший, что рукопись полностью рисована пером, и Ровинский, писавший, что она отпечатана со специальных форм. Каждый из исследователей увидел в этом памятнике то, чем он по преимуществу занимался [6].

На самом деле в основе «Буквицы» лежат оттиски, исполненные в технике плоской печати с каких-то форм. Очевидно, таковыми действительно послужили покрытые левкасом деревянные доски с нанесенными на них специальной краской рисунками и текстами. Но, по нашему предположению, художник вряд ли работал прямо по доске. Скорее всего, он исполнил предварительный прямой рисунок липкой краской либо на паюсе, либо на бумаге, затем перевел его на доску, а уже после этого были отпечатаны оттиски. Возможно, их могло быть два, три или даже четыре.

Исследование памятника показало, что отпечатывали только основные линии и контуры рисунков. Далее тонкие легкие линии печатной основы были пройдены пером коричневыми чернилами, а заливки сделаны тушью. Это придало произведению большую живописность и законченный вид. Но при такой проработке первоначальный оттиск почти полностью исчез, скрытый последующим перовым рисунком. В целом «Буквица» представляет собой удивительно органичный сплав различных художественных техник и блестящий образец графического искусства XVII в.

Этот огромный свиток делится на две почти равные части, что было отмечено и Срезневским, и Ровинским. Первую половину заполняет заставка, образующая сложную многосоставную композицию. В нее включены прямоугольники и круги с текстами, написанными вязью. Нам удалось прочитать некоторые из них. Это тексты о молитвенном пении и тексты из Евангелия. Тексты о молитвенном пении имеют чисто прикладное значение, так как указывают, какие молитвы и ирмосы нужно петь перед началом учебных занятий. Таким образом, практически половину рукописи занимает вступление.

Вторая половина рукописи – собственно азбука. Перед ее началом, примерно в середине свитка, в круге с двумя геральдическими львами по сторонам находится название всего произведения, написанное также вязью: «буквица языка словенска» (рис. 2). Этому названию предшествуют еще несколько текстов в прямоугольниках, проливающих свет на предназначение данной азбуки: «начало», «учения», «хотящи имут», «азбука великая хотящему разумѣти истиннаго слогу». Таким образом, сама «Буквица» опровергает утверждение Срезневского, что она якобы могла быть связана с типографским делом и книгоизданием и могла служить образцом букв, инициалов и заставок. Она была изначально задумана как учебное пособие и предназначалась для обучения письму и чтению.

Сохранность памятника показывает, что «Буквицу» очень берегли и, скорее всего, по первоначальному назначению, для обучения грамоте, не использовали. Судя по пышности, богатству орнаментации и качеству исполнения, эта рукопись стоила очень дорого и была заказной. Автор «Буквицы» выполнил ее как целостное художественное произведение, даже несмотря на то, что из-за размера ее не развортывали целиком, а рассматривали по частям. Стиль этого памятника, характер орнамента, изумительного по красоте и традиционного по набору элементов и мотивов, свидетельствуют о московском происхождении «Буквицы» и ее связи с мастерами Оружейной палаты. Те же цветы и побеги мы видим и в заставках старопечатных книг, и в украшениях прикладных предметов. Тесно связана «Буквица» и с русской гравюрой на металле второй половины XVII в., в особенности с рамками-заставками, которыми так часто украшали рукописи того времени.

Остановимся внимательнее на первой половине свитка, на его заставках. На самом деле эта часть рукописи – одна огромная заставка, но ее можно все-таки разделить на несколько частей, различных по композиции. Орнаменты всей заставки прорисованы очень тонко и тщательно, отточенными прикосно-

вениями пера. От этого средняя часть становится более легкой и плоскостной. Фон покрыт едва заметными горизонтальными печатными штрихами, произвольно разбросанными между основными мотивами. Эти штрихи создают легкую вибрацию и лишают чистую поверхность бумаги монотонной однообразности.

Изучение памятника показывает, что именно в самых тонких частях заставки лучше всего сохранилась первоначальная печатная основа. Светло-коричневые печатные линии слабы и тонки. Они светлее и легче, чем большая часть изображения. Так происходит потому, что оттиск плоской печати, «перевод прилепом», не может дать сильного насыщенного отпечатка. Печатная основа здесь в силу своей специфики всегда более монотонна и однообразна, так как ее линии имеют один цвет и одну насыщенность. Все, что нужно было выделить и подчеркнуть, все основные мотивы орнамента обведены по печатному контуру с большим или меньшим нажимом, что делает заставку более живописной, живой и подвижной в прихотливой игре непрерывно закручивающихся побегов.

В некоторых частях фон между орнаментами рамки заполнен сеткой штриховки, исполненной коричневыми чернилами. Иногда фон сплошь залит тушью. Подобное сочетание создает замечательный двухцветный эффект, так как здесь сочетаются коричневые матовые чернила и черная блестящая тушь. И этот эффект еще более оттенен штрихами печатной основы.

В центральной части заставки в круге помещено изображение Самсона, раздирающего пасть льву (рис. 3). Над кругом – два симметричных орла или ястреба с распростертыми крыльями. Фигуры птиц, Самсона и льва нарисованы совершенно иначе, чем все остальные элементы. Они первоначально в печатной основе были начерчены не сплошными линиями, а мелкими черточками-штрихами, почти точками. В дальнейшем мастер, рисовавший по печатной основе, только в некоторых частях поверх этих точек провел оконтуривающие линии. Печатная основа очень хорошо видна в изображении геральдических львов, обрамляющих круг с названием рукописи. Здесь мастер, прорисовывая первоначальный оттиск, не всегда соблюдает то, что лежит в основе. В результате фигуры становятся более живыми, так как черно-коричневые линии пера оттенены лежащими рядом светло-коричневыми немного монотонными штрихами печатной основы. В некоторых местах основа вообще не тронута пером. Таким образом получается мягкий цветовой и светотеновой переход, дающий намек на объем.

Как мы уже сказали, собственно азбука начинается примерно с середины свитка (рис. 4). Вся азбучная часть также отпечатана со специальных форм, а затем инициалы обведены и раскрашены чернилами и тушью. Каждая буква образует свою собственную отдельную композицию, занимающую примерно треть листа. Начинается каждая композиция с двух изумительных по красоте рисунков, заполненных великолепным пышным цветочным орнаментом, инициалов, расположенных, как мы уже сказали, слева и справа. Рисунок этих инициалов очень характерен для рукописных и печатных инициалов XVII в.

Орнамент, заполняющий их, также очень близок к старопечатному и рукописному книжному орнаменту, получившему на Руси прозвание «фряжского». Нужно отметить, что в орнаментальном декоре самой азбуки преобладает мотив цветка-чаши с торчащим из чаши пестиком, иногда прямым, иногда изогнутым, а иногда скрученным. Это придает единство всему комплексу заглавных букв. И этот же мотив особенно роднит рассматриваемый памятник со старопечатными заставками первой половины XVII в.

Внутри каждого инициала автор заполняет фон между цветами и листьями черной тушью, иногда дополнительно обводит линии орнаментальных элементов пером тушью, либо черно-коричневыми чернилами. Кое-где печатная светло-коричневая краска остается нетронутой. В результате каждый инициал представляет сам по себе художественное произведение, удивительное по законченности композиции, красоте и изысканности цветовых сочетаний и очень живописное, несмотря на почти монохромную черно-коричневую гамму.

Буквы между инициалами приглушенного светло-коричневого цвета. Линии, их образующие, абсолютно ровные, без нажима. В этих буквах нет разнообразия живого рисунка или письма пером. Поскольку к ним не прикасалась рука мастера, раскрашивавшего и дорисовывавшего «Буквицу», в них прекрасно видны специфические особенности печатной техники, в которой исполнено все произведение.

Нам удалось обнаружить еще одну азбуку-свиток, исполненную в этой смешанной печатно-рукописной технике. Она хранится в Отделе рукописей БАН и происходит из библиотеки Ф.А.Толстого [7]. Ее название, написанное почти в конце свитка, гласит: «Азбука словенскаго языка в наученіе». Рукопись была исполнена в промежутке времени между 1647–49 и 1676 гг. Нижняя граница определяется тем, что мы встретили в ней изображение двуглавого орла, переведенное один к одному с титульного листа книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей...», вышедшей в 1649 г. Верхнюю границу можно установить по тому, что в рукописи отпечатан полный титул царя Алексея Михайловича, а значит, данное произведение было создано именно в его правление.

В основе этой «Азбуки» также лежат оттиски, исполненные в технике плоской печати. У этой рукописи есть одна очень важная особенность. Рассмотренная выше «Буквица» из собрания РНБ исполнена блестящим художником, который великолепно справляется и с орнаментами заставок, и с фигурами птиц и зверей, и с буквами. «Азбука» из коллекции БАН, судя по всему, исполнена мастером-каллиграфом, который великолепно исполняет буквы, росчерки и орнаменты, но гораздо хуже прорисовывает, даже поверх уже существующей печатной основы, фигуры птиц и людей и особенно плохо справляется с лицами. При сравнении рисованной заставки, расположенной в верхней части свитка, с великолепно исполненной азбукой и, в особенности, с заглавным инициалом «А» даже создается впечатление, что их исполнили разные мастера.

В самой азбуке всего один инициал – печатная заглавная буква «А» [8] (рис. 5). Вся композиция снята с какого-то очень красивого оригинала. Затем сама буква «А» была обведена пером и дополнена заливками. В нижней части великолепный орнамент из побегов со звериными головками оставлен без раскраски и дает нам пример чисто печатного изображения. Каждый раздел, посвященный букве, кроме начертания самих букв, включает в себя нравоучительные тексты о кротком и благом нравном житии и фрагменты из «Александрии». Ее текст разделен на части и разнесен по всем буквам азбуки.

Азбука заканчивается плетенкой красного цвета. Именно потому, что плетенка нарисована красным, из-под нее очень хорошо виден первоначальный серовато-черный контур. Но на этом памятник не заканчивается.

После азбуки расположена заставка свободной формы с райскими птицами. Два Сирина и Алконост сидят на закрученных побегах удивительно красивого рисунка (рис. 6). И здесь орнамент также нарисован гораздо лучше, нежели фигурки птиц. Рисовальщику не помогает то, что он работает по печатной основе. Орнамент этой заставки, как и орнамент инициала «А», состоит из побегов-листьев, цепляющихся за стержни, образующие плетенку, и из нескольких крупных фантастических цветов. Побег рельефно выделяется на фоне заливки тушью, а черно-коричневые штрихи разделки создают красивые тональные переходы. Основные стержни покрыты золотой краской, что дает дополнительный цветовой акцент и вносит четкую конструктивность в композицию. Узлы плетенки раскрашены синим и золотом. Синий цвет создает цезуры в композиции, члени заставку на горизонтальные части. Но, судя по оттенку этого синего цвета, скорее всего он появился в более позднее время. Изначально это было твореное серебро, которое со временем претерпело химические изменения и приобрело синий оттенок [9].

Это самые роскошные примеры. Конечно, эти рукописи стоили очень дорого и их исполняли на заказ. Скорее всего, их создавали в царских мастерских и, возможно, по царскому заказу. Сохранились и более простые азбуки в такой печатной технике. Эти памятники показывают, что в XVII в., начиная, по крайней мере, с середины столетия, существовало стремление к более широкому распространению, можно даже сказать тиражированию, произведений. Судя по подобным печатным и одновременно рукотворным памятникам, подобные попытки не были редкостью. Их создатели стремились поставить на службу своим целям, своим новым исканиям старинную, хорошо известную и освоенную технику «перевода на зелье». Эта попытка дала прекрасные результаты, оставив нам блестящие образцы древнерусской графики.

Технику «перевода на зелье» употребляли также для создания сюит иллюстраций. В настоящее время известно большое число рукописей с текстом Апокалипсиса, в которые вплетены иллюстрации, отпечатанные с комплектов плоскопечатных форм. Каждая иллюстрация занимает отдельный лист. В одной из рукописей оттиски оставлены без раскраски (рис. 7). Изначально они исполнены чистым печатным контуром. Затем их усилили, частично прорисовав по контуру пером и тушью. Но дальше этого дело не пошло, и в данной

рукописи иллюстрации остались без раскраски [10]. В других экземплярах иллюстрации раскрашены по всем правилам создания иллюстраций в древнерусских рукописях. В раскрашенном виде они практически не отличаются от традиционных рисованных миниатюр в рукописях.

Поиски новых путей в искусстве, поиски новых техник затронули рукописную книгу гораздо значительнее, чем предполагали ранее. Всем известно, что в XVII столетии связи рукописной и печатной книги были весьма разнообразны и неоднозначны. Если изначально печатная книга полностью переняла всю систему оформления от рукописей, заимствовала основные мотивы и рисунки орнаментов, то далее картина стала более сложной. Во второй половине столетия рукописная книга оказалась под сильным влиянием печатных изданий. Очень часто декор в рукописях исполняли, подражая старопечатным орнаментам или копируя их. Иногда гравированные на дереве заставки и фронтисписы просто наклеивали на страницы рукописей.

Кроме этих, зафиксированных в литературе, случаев мы обнаружили в рукописях переводы с гравированных на дереве заставок, исполненные в технике плоской печати. Особо следует остановиться на рукописи «Пасхалия», исполненной около 1687 г. [11]. Этот огромный фолиант богато иллюстрирован большим количеством заставок, фронтисписов и других рисунков, причем все они скопированы с гравюр, которые мы встречаем в печатных книгах 60–70-х годов XVII в. [12]. Листовые иллюстрации и фронтисписы перерисованы вручную, с некоторыми изменениями в деталях, и раскрашены.

В этой рукописи мы также встретили заставки, не просто повторяющие или варьирующие старопечатные ксилографии, но копирующие их почти точь-в-точь. Заставки встречаются по несколько раз, от двух до четырех раз каждая. Рисунок орнамента заставок повторяется идеально точно, а миниатюры в центральных картушах разные. Их сюжеты зависят от содержания дальнейшего текста. Заставки производят несколько двойственное впечатление. Миниатюры нарисованы тонким пером, и рисунок слегка подцвечен. Орнамент прорисован пером черно-коричневыми чернилами и тушью сочно и энергично, даже чуть грубовато, в подражание старопечатным книжным ксилографиям. Фон внутри заставок залит тушью. В результате изображения в центральных картушах производят несколько сухое и даже жесткое впечатление, в то время как их орнаментальное окружение очень живописно, несмотря на почти монохромную гамму, состоящую из черной блестящей туши и черно-коричневых чернил.

Наши наблюдения показали, что в рисунках орнаментов заставок под линиями перового рисунка можно разглядеть следы первоначального подготовительного изображения. Следы эти мало заметны под перекрывающим их перовым рисунком. Но они есть, и их характер свидетельствует, что основа исполнена в технике «перевода на зелье». Дальнейшее изучение показало, что четыре заставки переведены с ксилографических заставок, которые впервые встречаются в Евангелии 1677 г., еще одна заставка снята с заставки Евангелия учительного 1681 г. [13].

В пользу того, что все заставки копированы переводом с гравюр из старопечатных книг, свидетельствуют, как это ни странно, мелкие погрешности, которые полностью совпадают в ксилографических и в рисованных заставках. Ряд заставок в «Пасхалии» имеет асимметричную форму, зеркально повторяющую асимметричность их гравированных оригиналов. Если в гравюре выше левая часть, то в «Пасхалии» будет выше правая. Если в старопечатной заставке справа изображен кривоватый вазон, то в рукописи он перейдет в левую часть и кривизна его будет также перевернута по отношению к гравюре. Но, как мы уже сказали, мастер снимал перевод только с орнаментальной части. Миниатюра в центральном картуше всегда нарисована от руки. В некоторых случаях скопирована сюжетная композиция из той же заставки, а в некоторых в центральный картуш помещено другое изображение. Оно, правда, будет скопировано также с гравюры. Судя по характеру рисунка, по манере построения изображения, можно предположить, что над заставками работали два мастера. Один делал перевод с гравюр, а другой рисовал миниатюры в центральных картушах.

Таким образом, художник-иллюстратор или художники-иллюстраторы «Пасхалии», подбирая источники для украшения своей рукописи, широко использовали в работе издания Московского Печатного двора различных лет выхода. В целях облегчения своей работы они прибегли к использованию техники перевода, которая давала возможность получить несколько однотипных, или попросту одинаковых изображений, не затрачивая на них лишнее время и силы. По нашему мнению, этот пример свидетельствует об известности и достаточно широком распространении техники «перевода на зелье» среди московских художников-иллюстраторов и переписчиков рукописей.

О том же самом свидетельствуют наши наблюдения над так называемым Цыплетевским Евангелием [14]. В нем удалось обнаружить украшения, исполненные в технике плоской печати. Это Евангелие датируется, исключительно по водяным знакам на бумаге, серединой XVI в. Большой интерес для нас представляет заставка на листе 101. Она вырезана по контуру и наклеена на страницу рукописи. Тот, кто вырезал эту заставку, сделал это чрезвычайно тщательно. Все побеги и выступающие части старательно обведены. Затем, когда заставку наклеили на лист рукописи, выходящие за пределы рамки фрагменты изображения обвели пером черной тушью. Внутри побегов орнамента основные конструктивные линии и детали также обведены пером. Заставка эта теснейшим образом связана с заставкой Евангелия, изданного в 1606 г. Радишевским [15]. Они вариативны по отношению друг к другу, но тем не менее очень близки и по композиции, и по орнаменту и, несомненно, восходят к одному прототипу.

Е.Л. Немировский считает, что заставка на листе 101 из Цыплетевского Евангелия представляет собой гравюру на металле [16]. О.Б. Враская не находит в ней признаков оттиска с медной доски [17]. По нашему мнению, эта заставка представляет собой пример «перевода на зелье». Рассмотрение заставки сильно затруднено из-за того, что первоначальная основа, как обычно, об-

ведена чернилами и тушью, поверх которых она сильно закрашена. Основные линии, образующие изображение (там, где они видны), плоские, слегка сероватого оттенка, как обычно бывает в «переводе на зелье», имеют однородный характер, в них нет нюансов цвета, как это бывает в рисунке пером. Особенно хорошо эта безжизненность и, можно даже сказать, механистичность заметна в верхней части заставки, в двойной орнаментальной полосе, состоящей из мелких кружков и точек.

По нашему мнению, эта заставка могла быть переведена с гравюры на металле. В пользу этого предположения свидетельствует характер штриховки, обозначающей тени и объемы растительных побегов. Подобная штриховка, параллельная и перекрещивающаяся, встречается преимущественно в гравюре на металле и является ее неотъемлемой частью. Вероятно, именно штриховка и ввела в заблуждение Е.Л. Немировского, когда тот посчитал, что данная заставка отпечатана с металлической доски.

Большой интерес представляют для нас в связи с изучением техники «перевода на зелье» в рукописях два инициала из Цыплетевского Евангелия. Инициал «З» на листе 101 и инициал «В» на листе 248 также исполнены в смешанной технике, сочетающей печать с плоской формы с рисунком пером и раскраской. Судить, что лежит в основе рисунка самих букв, не представляется возможным, поскольку они раскрашены золотом и синей краской, добывавшейся из лазурита. Обе эти краски имеют кроющий характер и непроницаемы не только для простого взгляда, но и для специальной аппаратуры. Но изысканное тонкотравье, замечательно красивые орнаментальные побеги, которыми окружены оба инициала, первоначально были отпечатаны «переводом на зелье», а затем доработаны пером тушью. Линии пера где-то усиливают завитки побегов, перекрывая их сверху; где-то пером проложены тени. Энергичная яркая линия пера, плавно утоньшаяся, переходит в мягкую и более бледную печатную, которая постепенно сходит на нет. Некоторая механистичность печатного перевода снимается дополнительным перовым рисунком, и весь орнамент производит впечатление полностью рукотворного.

Эти инициалы не были уникальным примером. Рукопись «Акафистник» из собрания РГБ наполнена разнообразными печатными инициалами, иногда огромными – во всю страницу (рис. 8), иногда малыми [18]. Большинство этих инициалов отпечатано в рукописи по три-четыре раза. В этой же рукописи мы встретили пример сочетания в одной композиции двух печатных техник. Рамка-заставка, обрамляющая страницу, представляет собой гравюру на меди, а инициал внутри нее исполнен в технике плоской печати (рис. 9).

В большом количестве рукописей XVII в. мы встречаем инициалы и орнаменты, исполненные в технике плоской печати. Таким образом, получает подтверждение догадка Т.Б. Уховой о существовании каких-то оригиналов-образцов для составления орнаментов и украшения рукописей [19]. Возможно, что существовали даже своды печатных образцов. В печатной азбуке-свитке из собрания отдела рукописей ГИМ мы видим пример именно такого сборника [20].

Мастера, использовавшие в своей работе печатную и рукописную техни-

ки оформления, создали великолепный сплав различных техник исполнения. Сочетание печати с рукотворными рисунками предоставило новые возможности для расширения художественной выразительности произведений. Изобразительный строй рукописей обогатился именно за счет особенностей языка техники плоской печати.

Художники XVII в. – иконописцы, книжники и миниатюристы, стремясь тиражировать свои произведения, желая сделать их более доступными для читателя, придумали свою собственную оригинальную печатную технику. В ней они развивали традиции древнерусской миниатюры и рукописной орнаментации. Созданные и отпечатанные лучшими мастерами образцы могли развозить по стране. Они могли служить подспорьем как для мастеров Оружейной палаты, так и для монахов в отдаленном северном монастыре.

Такие образцы формировали единый вкус, стиль и манеру исполнения в разных регионах. Именно наличие в книгописных мастерских подобных печатных образцовых рисунков и употребление техники плоской печати для их перевода давало возможность создавать рукописные памятники удивительной красоты. Они могли служить также для обучения искусству каллиграфии и мастерству составления рисунков и способствовали сложению единого общерусского стиля русской рукописной книги XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Достаточно подробно описывает существовавшую в XIX в. технику снятия иконных переводов Д.А. Ровинский. См.: *Ровинский Д.А.* Обзорение иконописания. СПб., 1903. С. 62.

2. Усть-сысольский сборник «Указ о всяких промыслах и рукоделиях...», кон. XVII в. Цит. по кн.: *Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX в. / сост., вступ. ст. и прим. Ю.И. Гренберга.* СПб., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 283.

3. *Свод письменных источников...* Т. 1. Кн. 1. С. 366.

4. *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881–1893. Т. 4. С. 515–516. По словам Ровинского, в XIX в. одна из «Буквиц» хранилась в Императорской Публичной библиотеке, вторая – в Румянцевском музее, третья – в Синодальной патриаршей библиотеке. Подробнее об этих азбуках см.: *Мишина Е.А.* Азбуки-свитки XVII–XVIII века // Сборник статей в честь юбилея О.А. Белобровой. СПб., 2006. С. 419–431; *Мишина Е.А.* Азбуки-свитки XVII–XVIII веков. Каталог рукописей // Книга в пространстве культуры. Вып. 1(16). М., 2010. С. 82–96.

5. Буквица языка словенского. Рукописный свиток императорской публичной библиотеки / Изд. ОЛДП. Т. XIV. СПб., 1877 (факсимиле).

6. Определение техники плоской печати при изучении иллюстраций в рукописях сильно затруднено именно из-за того, что многие из них раскрашены. Линии первоначального рисунка почти всегда перекрыты дальнейшей доработкой. Исследование при помощи различных технических средств не всегда приводит к желаемому результату, так как некоторые виды красителей, применявшихся в XVII–XVIII вв., непроницаемы для современных приборов. К ним относятся тушь, синяя краска из лазурита, творенные золото и серебро.

7. БАН. 34.1.1. Азбука. XVII в.

8. Дальше, на местах, где должны были находиться другие инициалы, помещены замысловатые росчерки пером. Они нарисованы удивительно красиво, но в их витиеватых линиях почти не читаются буквы, которые послужили основой для композиций.

9. С подобной трансформацией мы столкнулись в «Азбуке царевича Федора Алексеевича», которая изначально была написана золотом и серебром. Золото никогда не меняет свой цвет, а серебро потемнело и посинело.

10. РНБ. Ф. 193. F-20. Апокалипсис. Сер. XVIII в.

11. РНБ. Ф. 550. F I-320. Пасхалия. XVII в.

12. Так, на листе 13 заставка с Саваофом на облаках перерисована с некоторыми мелкими изменениями со знаменитейшего фронтисписа Библии, вышедшей в свет в 1663 г. (воспроизведение см.: *Сидоров А.А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, вклейка между с. 216–217). Изображение Василия Великого на обороте листа 316 перерисовано из «Книги великих пастырей» (*Сидоров А.А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 225). На обороте листа 557 нарисован фронтиспис, повторяющий фронтиспис из Октоиха 1666 г. (*Сидоров А.А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 227). Рисунок «Коло в нем же указывает часы дневные и ночные» заимствован с гравюры на дереве в Святцах Антониева-Сийского монастыря 1670 г.

13. *Зернова А.С.* Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII–XVIII веков (1677–1750): Атлас и текст. М., 1963. Определение заставок по атласу Зерновой показало, что они скопированы в технике «перевода на зелье» со следующих гравюр: № 2, 4, 5, 6, 7, 25. При копировании художник в точности повторил орнаменты, но заменил в ряде случаев сюжетные изображения в центральном картуше.

Зернова, № 2. В печатной заставке в картуше «Распятие». В рукописи – л. 202 в картуше «Распятие»; л. 223 об., 244 об. в картуше «Введение во храм»; л. 263 об. в картуше «Рождество Христово».

Зернова, № 4. В печатной заставке в картуше «Рождество Христово». В рукописи – л. 100 об., 117 об., 175 об. в картуше «Распятие».

Зернова, № 5. В печатной заставке в картуше «Благовещение». В рукописи – л. 78, 137 об., 152 об. в картуше «Благовещение».

Зернова, № 6 и 7. В печатной заставке в картуше «Христос стоящий». В рукописи – л. 300 об. в картуше «Сретение»; л. 282 об. в картуше «Крещение Господне».

Зернова, № 25. В печатной заставке в картуше «Сошествие во ад». В рукописи – л. 317 в картуше «Сошествие во ад».

14. РНБ. Кир.-Бел. 37/42. Четвероевангелие. XVI в.

15. *Зернова А.С.* Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVI–XVII веков. М., 1952, № 220.

16. *Немировский Е.Л.* Гравюра на меди в русской рукописной книге XVI–XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 99.

17. *Враская О.Б.* Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 273.

18. РГБ. Ф. 733, № 13. Акафистник. XVII в.

19. *Ухова Т.Б.* Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 22. М., 1960. С. 13.

20. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3. Ч. 2. С. 490–493, № 570. Азбука. XVII в.

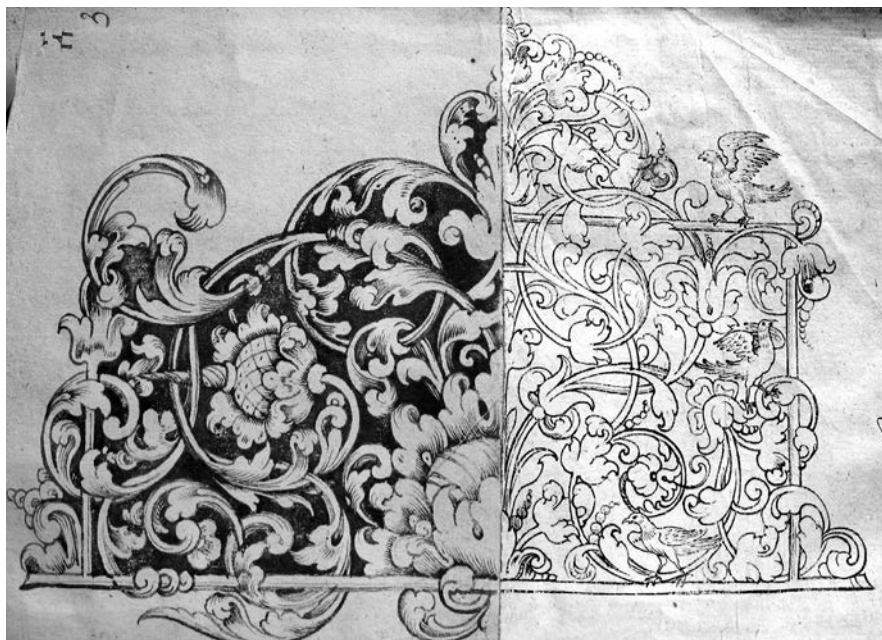

Рис. 1. Сийский подлинник. Фрагменты двух заставок. Кон. XVII в.
Плоская печать. БАН. Арх. С. 205. Л. 3.

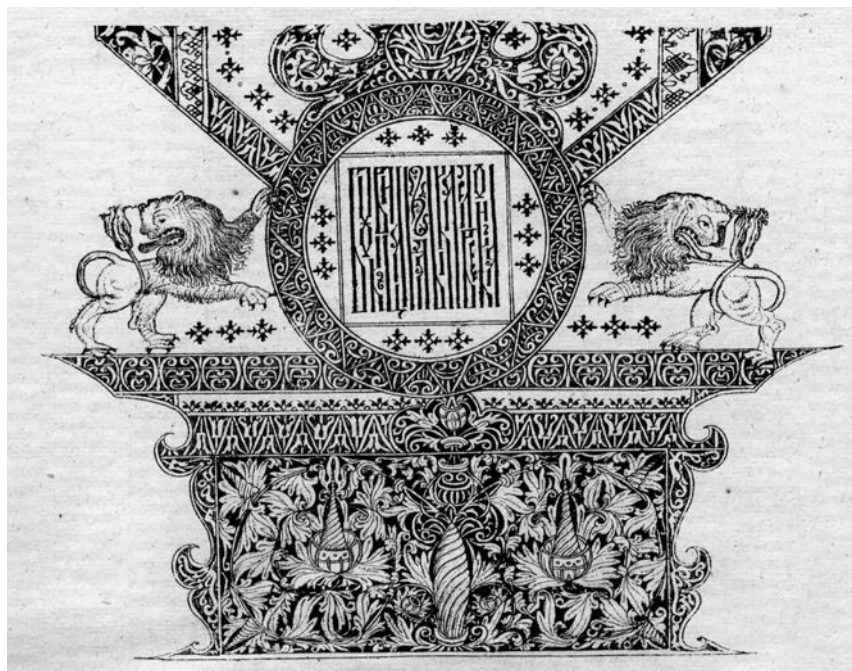

Рис. 2. Азбука-свиток. Фрагмент заставки с названием в круге и двумя львами.
Кон. XVII в. Плоская печать, тушь, чернила, кисть, перо. РНБ. Ф. 550, Ф III-131.

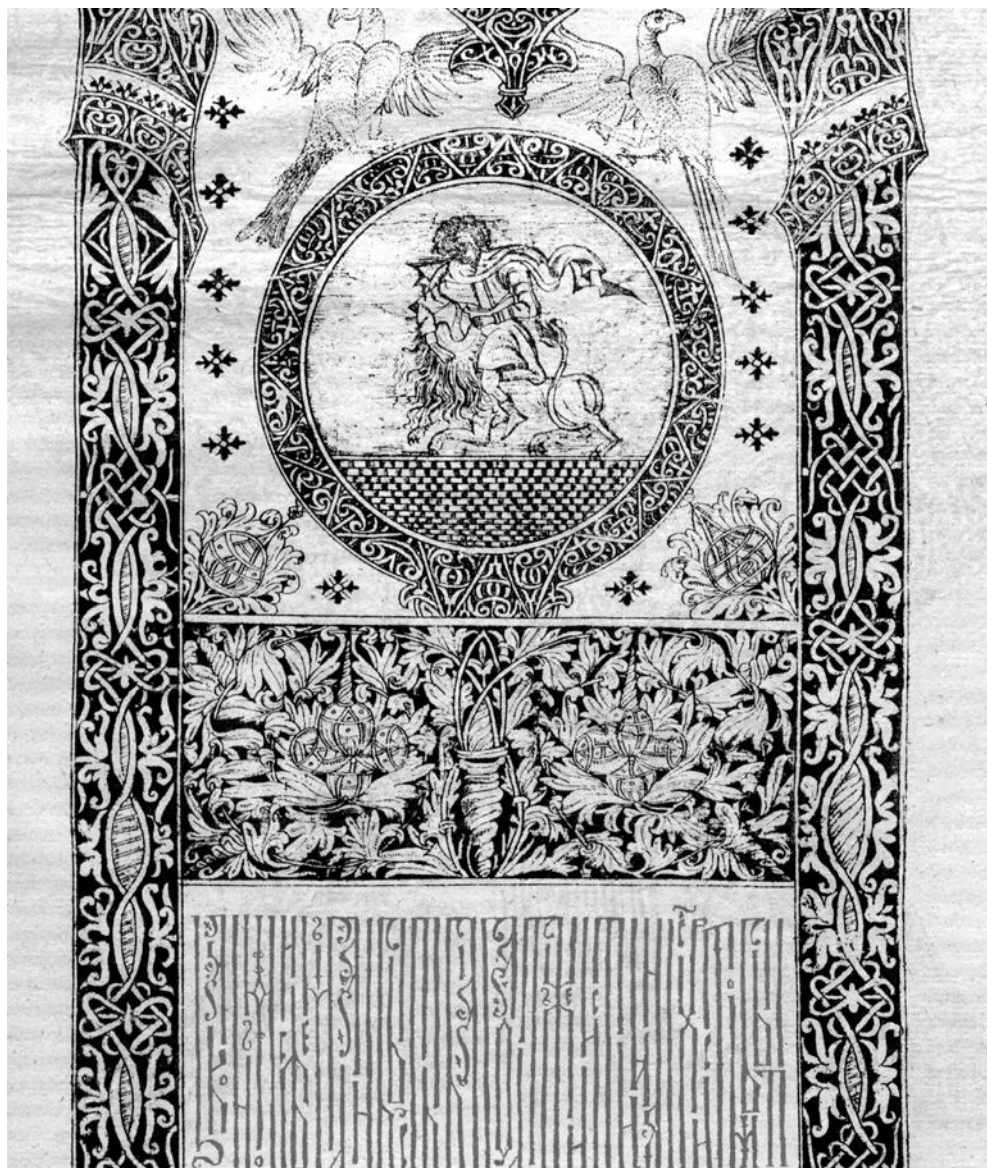

Рис. 3. Азбука-свиток. Фрагмент заставки с Самсоном, раздирающим пасть льву. Кон. XVII в. Плоская печать, тушь, чернила, кисть, перо. РНБ. Ф. 550, F III-131.

Рис. 4. Азбука-свиток. Фрагмент азбуки, буква «К». Кон. XVII в. Плоская печать, тушь, чернила, кисть, перо. РНБ. Ф. 550, Ф III-131.

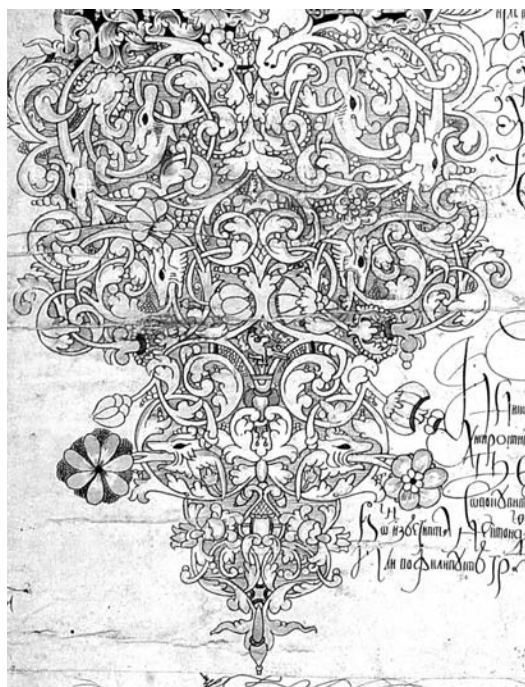

Рис. 5. Азбука-свиток. Фрагмент инициала «А». Плоская печать. БАН. 34.1.1.

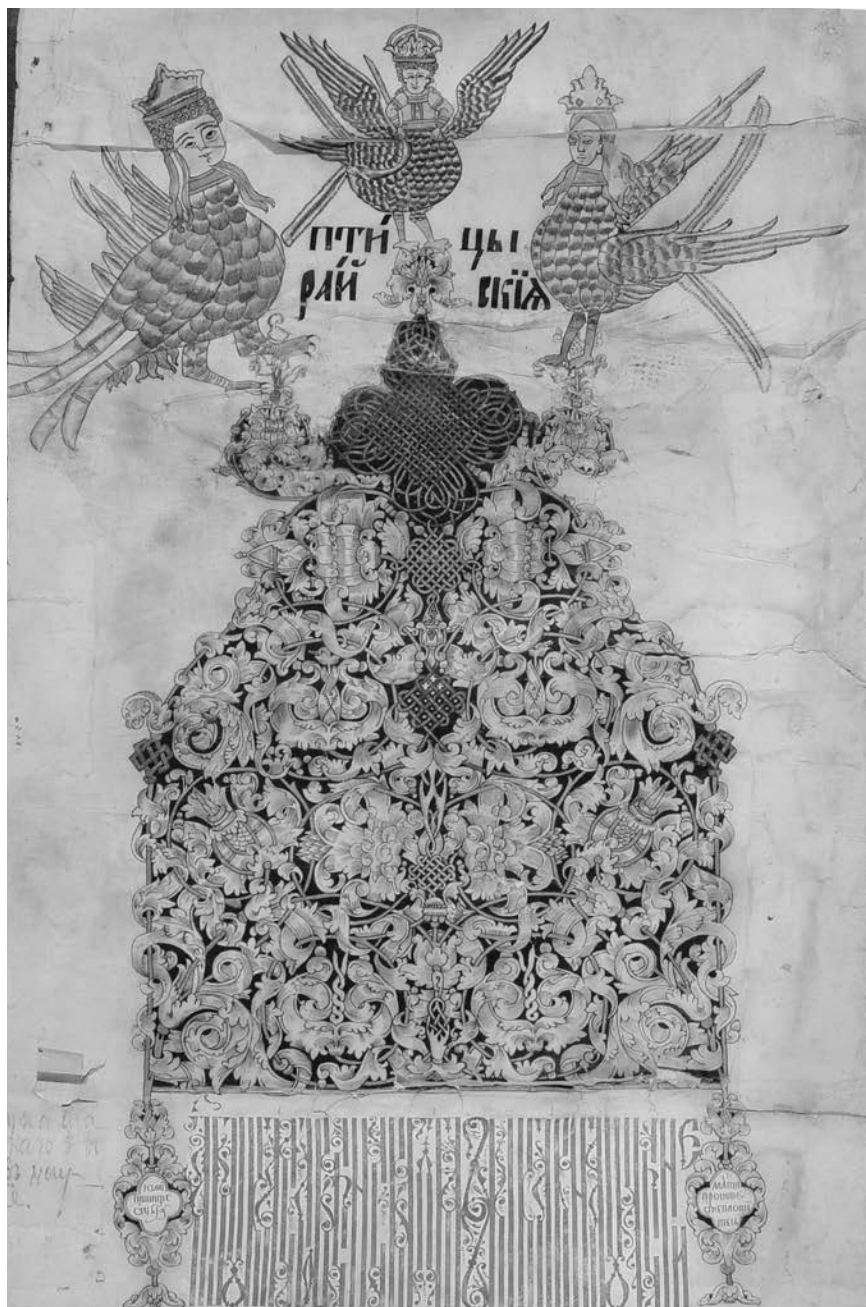

Рис. 6. Азбука-свиток. Заставка с райскими птицами.
Плоская печать, тушь, чернила, акварель, кисть, перо. БАН. 34.1.1.

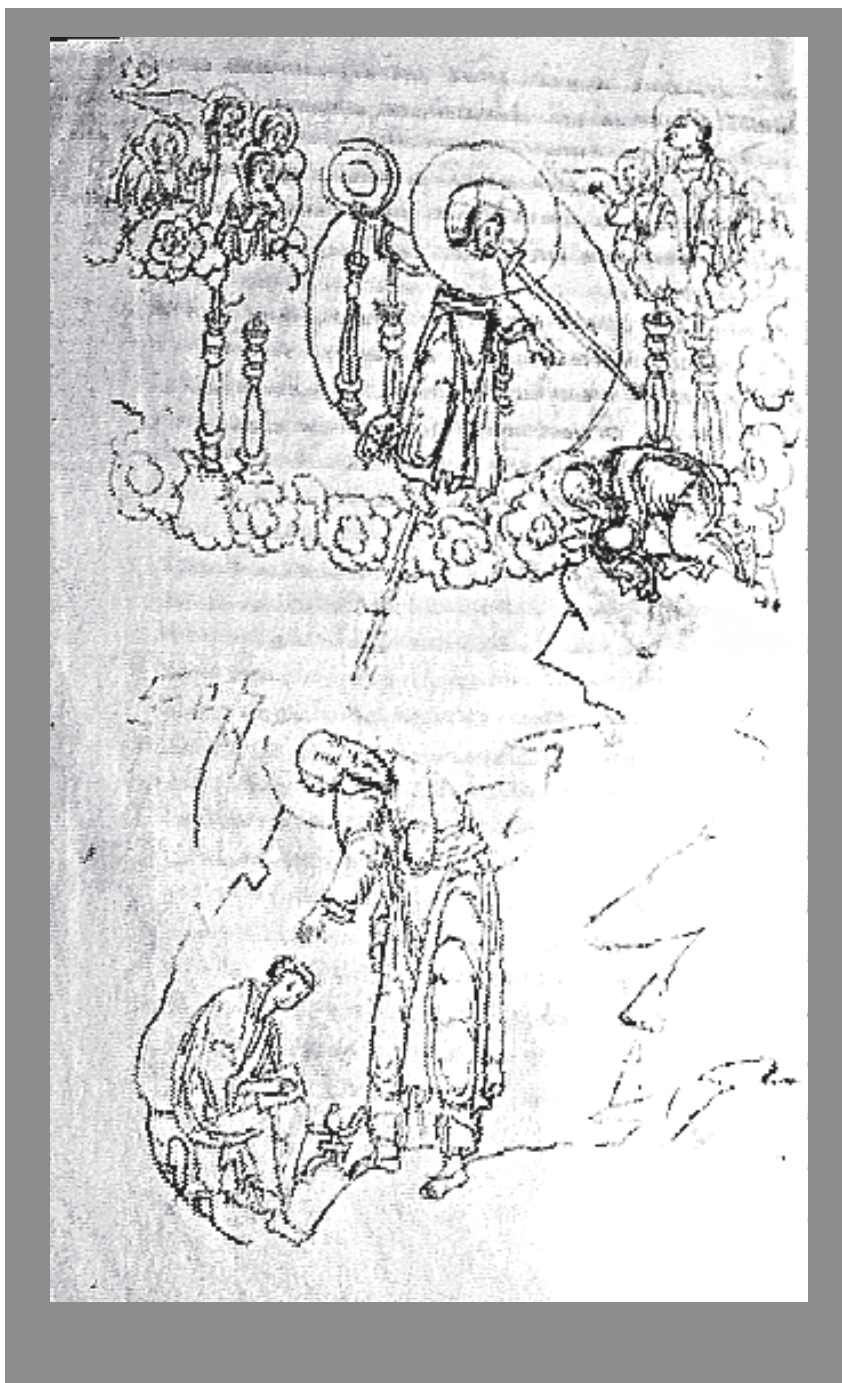

Рис. 7. Апокалипсис. Сер. XVIII в. Плоская печать. РНБ, собр. ОЛДП, F-20.

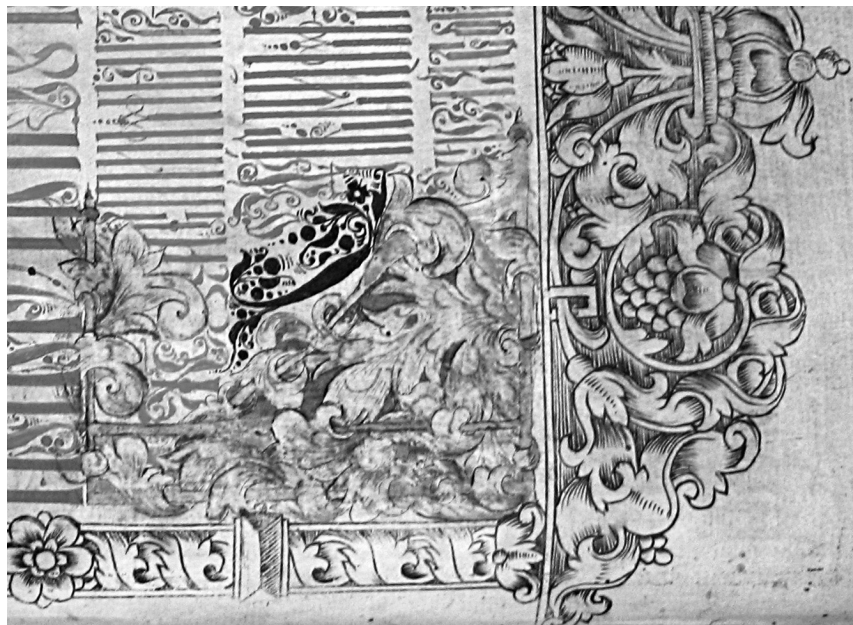

Рис. 9. Фрагмент гравированной рамки-заставки и плоскочечатный инициал «Б». Акафистник. Кон. XVII в. [1697?]. Гравюра на металле, плоская печать, тушь, акварель, кисть, перо. РГБ. Ф. 733 (собр. В.М. Ундольского), № 13. Л. 6.

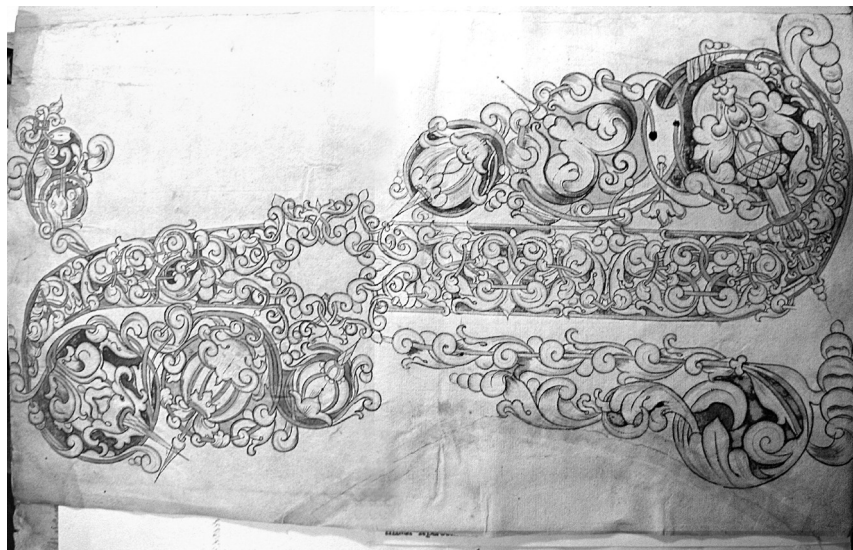

Рис. 8. Инициал «А». Акафистник. Кон. XVII в. [1697?]. Плоская печать, тушь, акварель, кисть, перо. РГБ. Ф. 733 (собр. В.М. Ундольского), № 13. Л. 2 об.

Н.Е. Плаксина

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИКОНОПИСНОГО ДЕЛА
СРЕДИ СТАРООБРЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ
(по материалам БАН)**

Изучение вопросов организации иконописного дела у старообрядцев сопряжено с трудностями поиска и выявления архивных источников и подписных памятников, что в немалой степени связано со строжайшей секретностью, в которой работали старообрядческие иконники, преследуемые официальными властями. Особенно это касается такой радикальной ветви старообрядчества, как странническое согласие (бегуны, скрытники), для которого характерно наиболее категоричное неприятие мира, оскверненного присутствием антихриста, вследствие чего они провозглашали разрыв связей с государством и обществом. Образ жизни странников, избегавших контактов с «миром», не имевших постоянного места проживания и документов, традиция оставлять мирское имя и принимать при крещении страннические имена осложняют изучение иконописания внутри странничества. Поэтому редкой удачей можно считать то обстоятельство, что в результате систематической исследовательской и экспедиционной работы археографов БАН в составе ее собраний сформировался довольно полный комплекс письменных и изобразительных источников, характеризующих иконописание этой ветви старообрядчества. Прежде всего, это сочинение историка страннического согласия Максима Ивановича Залесского «Илья Репкин и Антипа Смирнов, их жизнь и творчество в связи с общим обозрением искусства иконописания среди странников» (Каргоп. 83), рукопись Ф.И. Виноградова «Антипа Смирнов как художник» (Каргоп. 86), а также «уникальная по целостности материала» [1] коллекция образцов, привезенная экспедицией БАН в 1975 г. из скрытнического скита в деревне Залесье в окрестностях с. Волосово в Каргополье (Каргоп. 283, 284) [2]. Впервые на ценность этих источников для изучения художественной традиции старообрядцев-странников обратила внимание В.Г. Подковырова [3]. Ею было осуществлено описание части коллекции образцов (иконных прорисей и рисунков, а также фрагментов музыкальных рукописей) для академического издания «Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX вв.» [4]. В контексте книжной традиции уделил

внимание коллекции образцов и Г.В. Маркелов, отметивший разнообразие техник и материалов копирования, а также широкий масштаб деятельности мастерской странников [5]. Автором данной статьи было предпринято сопоставление ряда образцов этой коллекции с сохранившимися в семьях потомков удорских странников иконами, благодаря чему стало очевидно, что коллекция содержит обширные рабочие материалы иконописной мастерской странников. Сопоставление сведений М.И. Залесского с подписями на образцах и надписями на иконах позволило соотнести страннические и мирские имена иконописцев-зырян Каргопольского предела, уточнить их биографии, охарактеризовать в общих чертах иконописное искусство каргопольских странников [6]. Между тем документы Каргопольского собрания, в частности сочинения М.И. Залесского, несмотря на их субъективный характер, дают бесценный материал для изучения вопросов организации иконописного дела среди странников во второй половине XIX – начале XX в.

По мнению М.И. Залесского, иконописное искусство странников берет начало в Ярославской губернии и восходит к основателю странничества старцу Евфимию, который сам писал иконы и тем удовлетворял нужду в иконах для своих, пока еще немногочисленных, последователей. После его смерти иконописание «как будто замерло на весьма продолжительное время и так до 40-х гг. XIX столетия» [7]. Последователи и преемники Евфимия, среди которых Залесскому известно только имя старца Емельяна, лишь отливали, как умели, «почти в самоучку» для своих молитвенных нужд медные иконы в пустынных кельях Пошехонских лесов. Так было до 1846 г., когда начались преследования и разорения страннических скитов официальными властями [8].

Проблема обеспечения странников иконами остро встала в середине XIX в., когда количество их последователей стало расти, привлекая сторонников в самых отдаленных концах Российской империи. В частности, с 1860-х гг. вероучение последователей странников толка статейников или иерархитов распространилось среди жителей Важгортской волости Яренского уезда Вологодской губернии (в деревнях в бассейне притока Мезени реки Вашки, современный Удорский район Республики Коми). К этому времени странническое согласие толка статейников представляло собой разветвленную и хорошо организованную общину с центром в Ярославской губернии, состоявшую из отдельных «пределов» и «округов», каждый из которых находился под управлением «предельных» и «окружных» старейшин. В конце XIX в. община была разделена на 5 округов (стран): Даниловский, Ярославский, Вичугский, Каргопольский и Казанский [9]. В Каргопольский округ входили территории Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. Округа, в свою очередь, делились на пределы. В состав Каргопольского предела входили и старообрядцы-странники, проживавшие на территории современного Удорского района Республики Коми. Столь быстрый рост общины остро поставил вопрос о снабжении ее иконами своего письма, поскольку странники особенно ревностно относились к иконам, поклонялись лишь древним дониконовским образам, которых «взять было негде», и не принимали икон других

беспоповских старообрядческих согласий: «принцип не поклоняться иконам, писанным рукой иначе мудрствующих, заставлял их иметь для этого своих мастеров» [10].

Поскольку община странников представляла собой «сильную организацию с жесткой иерархией» [11], все вопросы жизни братства, в том числе и вопросы обеспечения иконами, решались централизованно и организованно. Как отмечал М.И. Залесский, «вопрос о снабжении странников иконами своего письма, как требовал того устав и обычай, был обсужден странниками на соборе 1848 года <в Сопелках Ярославской губернии. – Н.П.>, и скоро кризис снабжения был разрешен» [12].

Важнейшей задачей на пути снабжения одноверцев иконами стало обучение иконописцев из своей среды. В середине XIX в., как утверждает М.И. Залесский, у странников были уже два своих иконописца: Илья Степанович Репкин и Антипа Данилович Смирнов (1820–1909), которых он называет основателями страннического иконописания и создателями «своего рода Пошехонской школы». Иконописца А. Смирнова, проживавшего в селе Иванове, он называет «величайшим из художников-странников». «Под руководством Репкина обучался иконописанию старец Зосима Иванович, и жили они тогда в д. Барышкино Ярославского уезда, а от этого обучались еще другие и так далее» [13]. Среди учеников Зосимы Ивановича он выделяет старца Иону Антоновича, иконы которого тоже «производили приятное впечатление на зрителя». Все эти мастера проживали в Ярославском пределе и находились под покровительством знаменитого ярославского купеческого дома Понизовкиных (старец Зосима был любимым иконником братства Дросиды Понизовкиной) [14]. Впоследствии к ним присоединился переместившийся в Ярославский предел талантливый ученик Смирнова – Феодосий Демьянович Карпов (1845–1933) [15], родом из села Широкова Нерехтинского уезда. М.И. Залесский называет его «весьма деятельным сотрудником» и «гениальным мастером» [16], обогатившим странническое иконописание многочисленными новшествами [17] и обучившим множество учеников. Все эти мастера не только обучали новичков, но и свидетельствовали произведения иконописцев-странников Ярославского предела и северных «стран» [18]. Окончательный вердикт относительно икон новичков выносил общий собор старейшин, который, однако, чаще исходил не из художественных достоинств творения, а оценивал правильность икон в зависимости от соответствия уставу образа жизни автора-иконописца: «если у кого замечали уклон от устава в поведении – тут сразу зарождалось сомнение в правильности его работы» [19].

Первоначально перед странниками остро встал вопрос о выборе стиля иконного письма. М.И. Залесский сообщает интересный факт из биографии Антипы Смирнова, повлиявший на формирование стиля страннических икон, а именно, его знакомство в Городце Нижегородской губернии с известным собирателем древностей и старинных икон Прянишниковым. Очевидно, М.И. Залесский имел в виду Григория Матвеевича Прянишникова (ок. 1845–1915), балахнинского купца, торговца мануфактурой, попечителя Городецкой старо-

обрядческой часовни, известного собирателя русской старины, коллекционировавшего рукописные и старопечатные книги, древние иконы, мелкую пластику [20]. Проживая у Прянишникова, Антипа Смирнов расчищал иконы его собрания, снимал с них копии для себя и своих почитателей, изучал древнерусскую живопись и понял, «что Строгановский метод иконописания с его миниатюрностью в изображении событий... более подходящ к условиям и порядкам странственной жизни, он более вмещается в рамки их бытия и сильнее отражает их религиозное чувство» [21]. Выбор Смирнова был одобрен общим собором иконников и старейших, который «вынес решение, что... иконописцы должны держаться Строгановского стиля». М.И. Залесский приводит сведения о том, что по заказу верховного руководства общины в Москве некоему «хорошему иконописцу-старообрядцу» были заказаны «в Строгановском стиле» две иконы («Спасителя» и «Богородицы Одигитрии Смоленской») размером по восемь вершков каждая, которые должны были в дальнейшем служить образцом для иконописцев-странников [22].

М.И. Залесский полагал, что странникам удалось создать своеобразный стиль иконописания, однако, в чем состояло это своеобразие, он не сумел внятно сформулировать. Характеризуя творчество Карпова, автор сообщает, что тот ввел в иконописание изображение воздуха в живописном отражении, подводил облака под их естественный вид, в Распятии первый начал расписывать крест под дерево и писать у Спасителя «поняву кисейную с мошечками» [23]. Наиболее яркой особенностью икон странников М.И. Залесский называет их стремление к миниатюрности, к «мелким расписаниям эпизодов из Евангельской истории». Эта черта отразилась и в других видах творчества мастеров, в частности в искусстве медного литья (медные иконы странников также отличались небольшими размерами). Наиболее ценились среди странников миниатюрные иконы, вырезанные на грифельном камне, мамонтовой и слоновой кости, перламутровых раковинах. Такие миниатюрные изделия, по мнению М.И. Залесского, особенно олицетворяли девиз странничества: «града настоящего не имею, а грядущего взыскую». Свойственный страннической иконе уклон в миниатюрность был обусловлен, по мнению Залесского, самим укладом жизни странников, небольшими размерами их моленных, проводимой на практике идеей бегства и укрытия. Называет он и наиболее востребованные в заказах иконникам размеры икон – 6 на 4 вершка (28x18), 8 на 6 (36x28) и, довольно редко, 10 на 8 (45x36) вершков [24]. Искусством миниатюры в совершенстве владел Антипа Смирнов. Рассказывая о нем, Залесский упоминает, что тот везде появлялся с ящиком с иконописными принадлежностями. Возможно, мобильность иконописца, отсутствие привязанности к определенному месту пребывания были особенностями организации иконописного дела среди странников, по крайней мере, до начала XX в.

В приложении к рукописи Ф.И. Виноградова «Антипа Смирнов как художник» сохранилась черно-белая фотография миниатюрного (10,5x9,5) фрагмента складня с изображением «Троицы Ветхозаветной» кисти Антипы Смирнова [25], выполненного в довольно вычурной манере (рис.1). Этот сни-

мок может послужить основанием для дальнейшего поиска и атрибуции икон странников.

Налаженная система обучения привела к тому, что в первые годы XX в. иконописцев среди странников Ярославского края, в пределах Вичуги и города Иванова стало особенно много. М.И. Залесский отмечает, «что это был момент развития иконописания среди странников особенный. Почти каждый передовой из старцев, конечно с молодыми силами и до некоторой степени культурно-образованный, считал своего рода обязанностью или писать иконы или отливать их из меди и золотить, а то усваивать и то и другое искусство. В таком искусстве видели особый почет и образование, видели цель жизни и ее назначение». Это — любопытное замечание, свидетельствующее об особой роли эстетики, художественного образа в мировосприятии странников, подтверждаемое очевидцами — людьми, которым доводилось бывать в скитах скрытников и видеть рукотворную красоту замкнутого мира их молельных. Слова М.И. Залесского свидетельствуют и о том, что иконописание стало восприниматься как необходимое для «старейших» искусство. Не случайно в число старейших определяли «заслуживших достойное уважение по ведению божественных писаний и по беспорочности жития, и по опытности искусства» [26]. Однако, как отмечает Залесский, в творчестве многочисленных последователей Смирнова и Репкина искусство иконописи неизбежно измельчало и утратило художественное качество. Так называемая «Пошехонская школа» иконописи, которую застал М.И. Залесский в начале XX в., получила у него нелестную оценку как «прославившаяся дешевизной и скоростью работы над иконами, но вместе блиставшая своим невежеством и искажением подлинного иконописания» [27].

В приложении к своим очеркам о странническом иконописании Залесский приводит «Список иконописцев-странников с указанием места рождения, проживания и обучения иконному мастерству», точнее два списка: довольно обширный список иконописцев Ивановского предела и Вичуги и список иконописцев «Каргопольской страны» [28], в котором названы всего шесть имен. Прежде всего, это Прохор Филиппов Виноградов, в миру Павел Филиппович Ильин (1865–1922), зырянин, уроженец удорской деревни Муфтыга. Биография этого неординарного человека достаточно хорошо изучена Е.В. Прокуратовой [29]. Начитанный, образованный, обладавший даром убеждения и проповеди, после 1905 г. он был избран наставником и заместителем главы Каргопольского предела истинно православных христиан странствующих. Именно через него странничество укрепилось в удорских деревнях Чупрово, Муфтыга, Верхозерье, многие жители которых, как правило, связанные родственными узами, становились странниками либо странноприимцами. Возможно, не последним аргументом в пользу избрания Прохора Ильина «преимущим старейшим» Каргопольского предела было владение им иконописным мастерством. Известно, что Прохор Ильин учился иконному мастерству в Ярославском братстве у Зосимы Ивановича, потом под Вичугой у Карпова, некоторое время писал иконы в Данилове, но в основном жил в Каргопольском пределе.

Вторым назван Иоаким Яковлевич, «родом поморский». Он также учился писать иконы в Пошехонском уезде у Ионы Антоновича. Вернулся в Каргопольский предел в 1878 г., написал много икон, но впоследствии вышел из странничества, вернулся на родину и «во время езды по морю утонул». Остальные четверо были учениками Прохора Ильина. Это Лапкины Фома Васильев и его племянник Елеазар Трофимович, родом из пределов Шуньги Пудожского уезда. Фома Лапкин был крестником Прохора. Писал немного и, во время «общевропейской войны быв в Ленинграде» <так у автора. – Н.П.> пропал без вести. Елеазар тоже писал мало и бросил странничество молодым во время революции. Двое иконописцев были родом из зырян: Иоасаф Егорович (писал в Каргопольском пределе, умер в возрасте лет сорока в 1920 г.) и племянник Прохора – Александр Михайлов Виноградов («обучился иконописанию рано, писал порядочно и помер от вина лет 20-ти в 1911 году»). Имена в списке – страннические, до перекрещивания эти люди носили другие имена, сохранялось лишь отчество.

Мастерская иконописцев-скрытников Каргопольского предела находилась в д. Залесье Волосовской округи Каргопольского района, откуда в 1975 г. экспедицией БАН была вывезена уникальная коллекция книжных и иконописных образцов. В ее составе присутствуют иконные образцы на кальке и бумаге: целые композиции, а также отдельные фигуры святых, образцы орнамента полей, нимбов, картушей для теонимограмм и надписей, выполненные в техниках сколка, наlepка, припороха, перевода, карандашного рисунка [30]. Большой интерес представляют образцы орнаментов для украшения иконных полей. В их основе, как правило, лежит мотив сложного переплетения, имеющего охранительную символику, в который включены разнообразные растительные элементы. Большую ценность собранию придает то, что практически все изображения сопровождаются подписями, монограммами, датами. Целый ряд листов помечен именем или инициалами Прохора Филиппова Виноградова. На листе со сколком «Богоматерь Млекопитательница» имеется владельческий штамп-печать П. Виноградова, аналогичный тому, что присутствует на Сборнике из научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета [31]. На композиции в технике сколка «Рождество Христово» и на двух образцах орнамента иконных дробниц имеется монограмма «Ф.В.» – возможно, инициалы Фомы Васильева Лапкина, ученика и крестника Прохора Филипповича. За инициалами «Е.Т.», очевидно, скрывается Елеазар Трофимович. Среди других имен, встречающихся на иконописных образцах: Агапит (Агапиус) Матвеев (Матвеевич) Буров, В.И. Мухин, Стефан Сергеевич, Василий Иванович, Ф.Е. Солов(...), Петр Дим(...). Возможно, это авторы или владельцы образцов, полученных в дар или в обмен.

Вероятно, А.М. Яблоков был основным исполнителем иконописных работ. На некоторых листах, подписанных девятнадцатидвадцатилетним А.М. Яблоковым, встречается определение «старший» [32], указывающее на высокое положение в страннической иерархии. Среди подписанных им образцов – карандашные рисунки и сколки орнаментов, выполненные в разных

техниках листы с изображением отдельных фигур святых для перевода на иконные поля, законченные композиции. Особый интерес представляют его детские рисунки, вероятно, отражающие систему обучения иконописному мастерству, основанную на многократном копировании и повторении элементов изображения. В частных собраниях Сыктывкара и Удорского района Республики Коми сохранились иконы А.М. Яблокова, написанные им для родных и близких людей. Иконописная манера Яблокова отличается мягкостью, детской округлостью, тщательностью исполнения, миниатюрностью, вниманием к деталям.

Несколько листов коллекции помечено инициалами «И.Е.З.». Аналогичными инициалами отмечена икона «Спас Вседержитель» из собрания Архангельского областного музея изобразительных искусств (АОМИИ. Инв. 1942-ДРЖ) с надписью на обороте: «7421 год [1913] мая 16 го писалъ иконный изуграфъ отрокъ 30-летний **И. Е.З.**» [33]. **Вероятно, это инициалы зырянского иконописца Иоасафа Егоровича из списка Залесского, личность которого пока не установлена.** Имя Иоасаф носил в скрытничестве Платон Егорович Коровин, дата рождения которого совпадает с датой рождения монограммиста И.Е.З. и приблизительной датой рождения Иоасафа Егоровича из списка Залесского. Однако, по сведениям М.И. Залесского, иконописец Иоасаф умер около 1920 г. Платон Коровин вернулся на родину, был репрессирован и расстрелян в 1937 г.

Объем и характер рабочих материалов говорят о крупном масштабе деятельности книгописной и иконописной мастерской, выполнявшей заказы для скрытников всего Каргопольского предела. Судя по датам на образцах (наиболее ранняя дата – 1905 г., наиболее поздняя – 1914 г.), начало ее деятельности совпало по времени с указом об укреплении начал веротерпимости и с назначением Прохора Ильина наставником и заместителем главы Каргопольского предела истинно православных христиан странствующих. Мастерская объединяла людей разного возраста и степени мастерства, в ней было налажено обучение, копирование и обмен образцами, возможно, существовало разделение операций. Сохранившиеся в частных собраниях потомков странников иконы нередко выдают участие в их создании нескольких мастеров – например, стиль изображения на полях отличается от изображения в среднике.

В целом на сегодняшний день выявлено около 20 икон, которые можно соотнести с творчеством Прохора Ильина и с деятельностью его каргопольской мастерской. К сожалению, многие из них известны только по экспедиционным фотографиям 1990-х гг. Все иконы по своим размерам приближаются к стандартному аналоиному формату 36x28 (8 на 6 вершков), написаны на досках, сделанных из древесины хвойных пород. Основа, как правило, цельная или состоящая из двух крепко сбитых досок, скрепленных широкими врезными сквозными, слегка сужающимися встречными плоскими шпонками, не выступающими над поверхностью доски. На лицевой стороне почти все иконы имеют глубокий ковчег с пологой лузгой. Паволока, как правило, не просматривается, возможно, она использовалась только в среднике. Левкас меловой. Живопись выполнена в технике тщательного многослойного письма по су-

сальному золоту с применением цветных лаков. Отличительная черта – особое усердие в украшении полей, которые никогда не остаются пустыми. По всему периметру на них размещаются тисненные по левкасу фантазийные плетеные орнаменты, образы небесных покровителей заказчика иконы на шахматных позах, образы избранных святых деисусного чина в круглых клеймах. Поля и лужга обрамлены поясками тисненого по левкасу жемчужника. Надписи выполнены строгой поморской вязью и полууставом.

Многие орнаменты полей, нимбов и картушей удорских икон имеют образами образцы из коллекции прорисей Каргопольского собрания (рис. 2, 3). Совпадают и некоторые изображения избранных святых на полях (рис. 4, 5).

Значительно отличаются от этой группы икон произведения самого Прохора Ильина, которые удалось атрибутировать по сохранившейся подписной иконе наставника. Они датируются более ранним периодом – до начала XX в. (1894 г.) и, вероятно, были созданы либо в период ученичества, либо в период, когда Ильин работал для своих последователей в одиночку. Их размеры более вариативны – от 28х23 до 49х35. Золото в них практически не используется (только в нимбах). Скорописная и графичная, часто небрежная манера иконного письма, вероятно, отражает живой темперамент этого человека и в некоторых образцах вполне соответствует той нелестной оценке, которую дал М.И. Залесский «пошехонской школе» страннического иконописания.

Значительным потрясением для мастерской, очевидно, стала ранняя смерть в 1911 г. талантливого двадцатилетнего Александра Яблокова; затем, предположительно, в Первую мировую войну в 1913–14 гг. пропал без вести Фома Лапкин; наставник Прохор Филиппович умер в 1922 г. После его смерти многие из удорских странников, проживавших в Каргополье, вернулись на родину. Возможно, здесь, в тайных кельях удорских странноприимцев, они продолжили искусство рисования религиозных картин и икон. Этим можно объяснить записанную этнографами легенду о существовании в удорской деревне Верхозерье мастерской иконописцев-скрытников.

В произведениях каргопольских странников сплелись разнообразные тенденции искусства иконописи начала XX в., сильны отголоски ярославской иконописной школы, в частности «романовских писем». Их иконы лишены сухости, свойственной произведениям многих старообрядческих иконописных центров того времени, наполнены живыми эмоциями. Лучшим образцам присущи высокая культура письма, техническая сложность исполнения, яркая красочность, торжественная праздничность. Возможно, секрет эмоциональной выразительности икон странников в том, что изначально в них заложено личностное начало – они предназначались для конкретных людей, создавались для спасения души родных и близких. Искусству каргопольских странников не довелось перерасти в значительное художественное явление в силу краткости отведенного ему времени, но то, что в его развитии приняли активное участие коми крестьяне, носители коми языка и культуры, делает его уникальным явлением в истории русской старообрядческой духовной культуры.

Материалы Каргопольского собрания рукописного отдела БАН позволяют оценить странническое иконописание как яркое и незаслуженно забытое явление в художественной культуре старообрядчества второй половины XIX – начала XX в., исследование которого позволило бы полнее изучить феномен странничества, понять пути формирования региональных, в частности северных, старообрядческих художественных центров. Одним из перспективных направлений исследований по данной проблематике должно стать выявление и атрибуция на основе этих материалов памятников художественной культуры странников в музейных собраниях Центральной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Маркелов Г.В.* «Налепные образцы» в традиционном книгописании // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 286.

2. *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975–1976) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. Л., 1978. С. 275–276; *Подковырова В.Г.* Иллюминированные страннические рукописи в составе Каргопольского собрания БАН России // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М. 2002. С. 165–166; *Маркелов Г.В.* «Налепные образцы» в традиционном книгописании. С. 286–287.

3. *Подковырова В.Г.* Иллюминированные страннические рукописи... С. 165–166.

4. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX вв. / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова. СПб., 2010. С. 558–561.

5. *Маркелов Г.В.* «Налепные образцы» в традиционном книгописании. С. 286–287.

6. *Плаксина Н.Е.* Иконописное наследие удорских крестьян-старообрядцев // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малье Корель» (Архангельск, 8–10 июля 2009 года). Архангельск, 2010. С. 531–542; *Плаксина Н.Е.* Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII — начало XX века): Словарь / науч. ред. Т.М. Кольцова, Л.П. Роцевская. Сыктывкар, 2010. С. 33–37, 59–60, 67–69, 127–128; *Плаксина Н.Е.* Иконописное искусство каргопольских странников // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 3 (94). С. 4–20.

7. БАН. Каргоп. 83. Л. 56 об.

8. Там же. Л. 57.

9. Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010. С. 47.

10. БАН. Каргоп. 83. Л. 91.

11. Прокуратова Е.В. Странническое согласие на Удоре в конце XIX – начале XX вв.: наставник П.Ф. Ильин. // Христианство и Север: по материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 154.

12. Цит. по: Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи... С. 166.

13. БАН. Каргоп. 83. Л. 59.

14. Там же. Л. 65.

15. Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура... С. 201.

16. БАН. Каргоп. 83. Л. 62 об.

17. Там же. Л. 72.

18. Там же. Л. 65.

19. Там же. Л. 86.

20. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 236–237.

21. БАН. Каргоп. 83. Л. 63.

22. Там же. Л. 66.

23. Там же. Л. 72.

24. Там же. Л. 96 об.

25. БАН. Каргоп. 86. Л. 2.

26. БАН. Каргоп. 83. Л. 50.

27. Там же. Л. 59 об.

28. Там же. Л. 81.

29. Прокуратова Е.В. Странническое согласие на Удоре // Арт. 2000/4. С. 145–151; Старообрядческий центр на Вашке: устная и письменная традиция Удоры. Материалы и исследования / отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 2002; Прокуратова Е.В. Странническое согласие на Удоре в конце XIX – начале XX вв. ... С. 154–165; Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков... ; и др.

30. БАН. Каргоп. 283, 284.

31. ОРК НБ СыктГУ. Гагар. р.-10. Л. 129 об.

32. Лицевые старообрядческие рукописи... С. 558, 560.

33. Подписные и датированные иконы в собрании Архангельского областного музея изобразительных искусств. Каталог / авт.-сост. Вешнякова О.Н., Кольцова Т.Н. Архангельск, 1993. С. 39.

Рис. 1. «Троица Ветхозаветная». Фрагмент складня. Иконописец А. Д. Смирнов.
Фото Ф. Виноградова (?). БАН. Каргоп. 86. Л. 2.

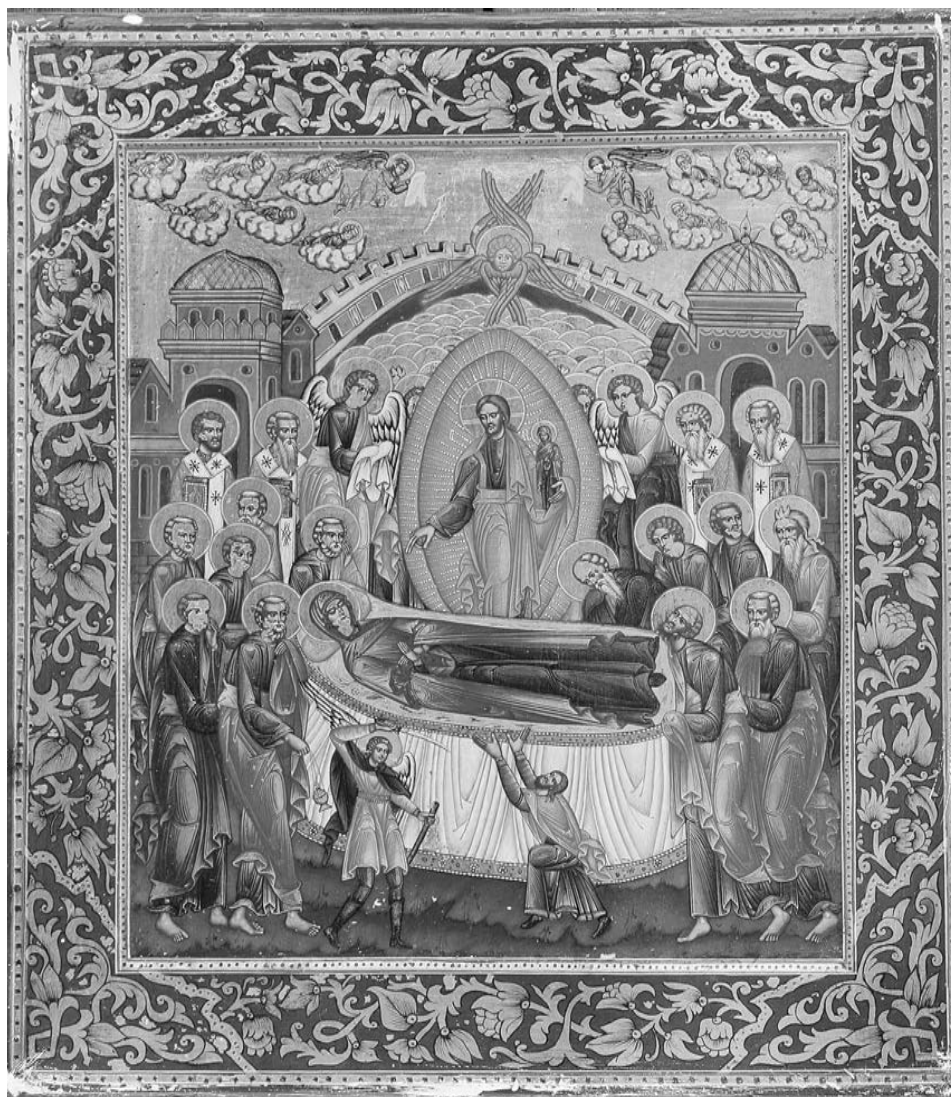

Рис. 2. Икона «Успение Пресвятой Богородицы». 1916.
Частное собрание, Республика Коми.

Рис. 3. Орнамент иконного поля. Бумага, сколок, карандаш.
БАН. Каргоп. 284. 4.4. Бордюры. IV-1

Рис. 5. «Избранные святые». Бумага, сколок. БАН. Каргоп. 284. Ч. 1 б. Иконография

Рис. 4. Икона «Недреманное Око».
Частное собрание, Удорский район Республики Коми

В.Г. Подковырова

**ЛИЦЕВОЙ СЕДМИТОЛКОВЫЙ АПОКАЛИПСИС
(БАН, 25.4.11).
К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ СОЗДАНИЯ
ЦИКЛОВ МИНИАТЮР В РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Средневековые изобразительные памятники, связанные с текстами Священного Писания и Предания, стремились отразить знание о высшей духовной реальности. Соответственно и создаваться подобные образы должны были, не отражая субъективное видение отдельного художника, а в соответствии с определенными канонами [1]. Следование воспринятому традицией иконографическому образцу служило своего рода гарантией поддержания уже обретенной предшественниками связи с подлинными вневременными ценностями.

Создатель книжной миниатюры всегда имел большую свободу творчества по сравнению с иконописцем [2], но и он использовал канонические образцы-прориси как основу для своей работы [3]. В период Нового времени в традиции старообрядцев, сохранивших до наших дней живую культуру рукописной книги, можно найти богатый и своеобразный материал для анализа процесса составления циклов миниатюр. Часто создаваемые ряды изображений не просто повторяли канон, но и переосмыслили его, использовали хорошо известные образы как «память жанра», что помогало рождению новых значений.

Работу по созданию иллюстраций в рукописях можно рассматривать в различных аспектах: с точки зрения техники исполнения, связи с иллюстрируемым текстом, источниками иконографии, принципами отбора и последующей компоновки используемых образцов. Именно последний аспект и станет предметом анализа в данной статье, которая посвящена единственному известному в настоящее время списку лицевого Седмитолкового апокалипсиса конца XIX – начала XX в. [4]. Иллюстрированных новозаветных Откровений и текстов Седмитолкового апокалипсиса [5] известно достаточно много, однако других рукописей с циклом миниатюр к этому памятнику [6] до сих пор не выявлено. Он в значительной степени составлен из изображений, иллюстрирующих другие тексты.

Прежде чем перейти к анализу изобразительного ряда, скажем несколько слов об иллюстрируемом тексте. Седмитолковый апокалипсис – это апокрифическое старообрядческое сочинение, в названии которого, как правило, указывается, что оно является фрагментом книги, якобы напечатанной во время правления Ивана Грозного [7]. Заглавие текста в отдельных списках и гектографированных изданиях [8] может соотносить произведение с разными главами: 23 [9], 91 или 401, видимо, для большей убедительности представляя его как часть издания, которого в реальности никогда не было. А в рукописи «Цветник духовный» начала XIX в. (БАН, Колоб. 61, л. 48–51) этот текст для авторитетности поименован еще и как авторский: «Глава 401 от притч пречистого Максима Грека святоградца. Выписано из книги Апокалипсиса седмитолковаго. О рождении антихристове».

О том, что печатный Седмитолковый апокалипсис является мистификацией, было написано еще в середине XIX в. в Окружном послании – известном полемическом сочинении старообрядцев Белокрыницкого согласия [10]. В его гектографированном издании (БАН, Чуван. Г 23) среди данных в Приложении «десяти еретических текстов» Седмитолковый апокалипсис назван первым и отдельно снабжен специальным комментарием – критическим разбором [11].

В появлении апокрифа именно с таким названием, безусловно, есть определенная логика. Текст новозаветного Откровения часто сопровождался толкованиями: наиболее распространены в православной традиции комментарии Андрея, архиепископа Кесарии Каппадокийской, чье изображение иногда украшает лицевые списки (рис. 1). С XVII, возможно, даже с конца XVI в. появились так называемые «троетолковые», а в действительности часто «четырёхтолковые» Апокалипсисы, где за небольшим отрывком-цитатой из новозаветного текста следовали от одного до четырех толкований [12]. В каждом конкретном случае их количество могло варьироваться. В списках эти толкования чаще всего анонимны, хотя иногда указывается имя автора (или псевдоавтора) цитаты (Иринея Лионского, Мефодия Патарского, Ипполита папы Римского и др.). В одной из редакций лицевого Апокалипсиса – например, в уже упоминавшейся рукописи БАН, Плюш. 167 (рис. 2) – на входной миниатюре изображены десять толкователей Апокалипсиса. Кроме Андрея Кесарийского (второй в верхнем ряду), здесь представлены: Дионисий Ареопагит, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, Епифаний Кипрский, Иустин Философ, Афанасий Александрийский и Ипполит папа Римский, Мефодий Патарский и Иринея Лионский.

Сочинение Седмитолкового апокалипсиса иногда приписывается известному наставнику федосеевского согласия о. Сергею Семионовичу Гнусину (1756–1839). Это связано с тем, что он написал ряд произведений на аналогичную тему, таких как «Книга об Антихристе в четырех частях, нарицаемой Глубина премудрости Божией или Откровение тайны Божией», «Толкования на 105 слово о антихристе преподобного отца Ефрема Сирина» и др. [13]. Закрепившееся в литературе авторство Гнусина [14] подтверждалось, прежде всего, доносом на него, составленным купцом Осиповым в период очередного

конфликта внутри федосеевского согласия [15]. Однако специально изучающая творчество С.С. Гнусина Е.А. Агеева считает, что даже предварительное сравнение текстов произведений о. Сергея с Седмитолковым апокалипсисом неоспоримо доказывает, что он не мог быть создателем этого, достаточно небрежного и поверхностного, произведения [16]. Вопрос о точном времени его написания, так же как и об авторстве, остается открытым.

Обратимся к рукописи БАН (25.4.11), которая представляет собой единственный известный в настоящее время лицевой список Седмитолкового апокалипсиса. Это небольшая тетрадка рубежа XIX–XX веков [17], 4°, без переплета, состоящая из 26 листов и содержащая 17 миниатюр [18]. На первом листе и обороте последнего читаются записи: «Священника Ивана Павловича Девятого» и «В сей книжице страниц двадцать шесть. Депутат священник Иоанн Павлович (?) Девятов». Инициал и заставку (л. 1) можно, хотя и с большой натяжкой, соотнести с гуслицкими (рис. 6). Рукопись имеет явные признаки незавершенности, возможно, даже представляет собой подборку рабочих материалов: текст Седмитолкового апокалипсиса переписан менее чем на половину, один из отрывков повторен дважды (второй раз – без изображения), три иллюстрации посвящены одному и тому же сюжету – Адам и Ева у райского дерева, при этом два рисунка не закончены; четыре последние миниатюры (с л. 13 об. по л. 18 об.) даны без каких-либо подписей и комментариев.

Лицевая рукопись БАН (25.4.11), так же как и все известные в настоящее время нелицевые списки Седмитолкового апокалипсиса, не имеет непосредственного отношения к тексту Нового Завета, а представляет собой подборку кратких отрывочных сведений о происхождении и царствовании антихриста на земле, описание некоторых признаков последнего времени и исторических событий, его подготавливающих. В подражание структуре Апокалипсиса с толкованиями этот апокрифический текст делится на следующие части: 1) стих – некоторое утверждение, часто приписываемое Иоанну Богослову; 2) вопрос, отнесенный к стиху; 3) ответ – толкование на данный вопрос. (Заметим, что в толковых Апокалипсисах есть только текст и его толкование). Сравнение содержания Седмитолкового апокалипсиса (25.4.11) с более полными списками (Карг. 40, Друж. 222) и гектографами (Чуван. Г 23 и Неман. 87), хранящимися в фондах БАН, позволяет увидеть ряд различий и изменений в последовательности изложения и делении текста на части. Это, вероятно, в определенной степени связано с незавершенностью рассматриваемого памятника.

Начала во всех списках совпадают и звучат так: «Глаголет Иоанн Богослов: “Будет вождь лукавый, человек греха, сын погибельный антихрист”» (л. 1) [19] – и здесь, и далее не встретим ни одной точной цитаты из новозаветного текста Откровения. На миниатюре (л. 1 об.), посвященной рождению антихриста от «жены скверной», его мать представлена в виде Вавилонской блудницы (рис. 3). Иллюстрирующее текст изображение заимствовано из глав 53 и 54 (17) [20] лицевого Апокалипсиса Филарето-Чудовской редакции, наиболее распространенной среди старообрядческих списков памятника

[21] (рис. 3а) [22]. Именно к этой редакции полностью или частично восходят одиннадцать иллюстраций рассматриваемого Седмитолкового апокалипсиса (л. 1 об., 2 об., 5 об., 6 об., 7 об., 8 об., 10 об., 11 об., 13 об., 17 об., 18 об.). Среди них и миниатюра (л. 2 об.), изображающая момент начертания печати зверя на лбах грешников. Протицируем текст подписи: «Вопрос: “Что суть вера его?” Глаголет Иоанн Богослов: “Воспримут человецы печать его, три тайны антихристовы”» (рис. 4). В лицевом Апокалипсисе этот сюжет как принципиальнейший повторяется в миниатюрах неоднократно, в частности в главах 37–39 (12–13), 42 (14) и др., но в данном случае за основу была взята композиция миниатюры к главе 46 (16) Новозаветного Откровения (рис. 4а), причем использован только нижний регистр изображения с некоторыми небольшими изменениями (антихрист стоит, а не сидит). Верхний регистр с ангелом Господним, изливающим фиал гнева, повторяется в лицевом Апокалипсисе Филарето-Чудовской редакции семь раз (по количеству соответствующих глав текста с 46-й по 52-ю), а в лицевом Седмитолковом апокалипсисе в списке БАН он включен в состав миниатюры (л. 13 об.), цитирующей то же изображение (рис. 4а), что и предшествующая миниатюра (рис. 4), но без беса, ставящего знак на лбы людям, и без сопровождающего текста (рис. 5).

Третья, четвертая и шестая иллюстрации имеют иные иконографические истоки, поэтому сначала обратимся к рассмотрению пятой миниатюры (л. 5 об.), посвященной моменту предания церковной и светской властями себя антихристу в последние времена. В ее композиции соединяются левая половина иллюстрации к Апокалипсису, глава 51 (16) – сидящий на троне антихрист в окружении лжепророка и семиглавого змия (рис. 7а) и изображения (справа) патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, дьяков, священников и царей (рис. 7). Аналогичным образом построена шестая иллюстрация (л. 6 об.), на которой показано, как принявшие антихриста будут служить ему, подобно тому, как верные служат Господу в церквях Божиих: «Сотвори ему всеночное пение, и принесут ему дары, яко Богови сотворшему небо и землю, и принесут ему фимиам, и свечи, и слезы. Пение зело красно, сиречь зело пестрое» (рис. 8). Композиция шестой иллюстрации не имеет прямых соответствий, но в ней используются принципы построения и «цитаты» отдельных деталей иллюстраций лицевых Апокалипсисов. Так, изображение антихриста на престоле внутри храма восходит к фрагменту миниатюры к главе 30 (11) (рис. 8а).

Седьмая миниатюра (л. 7 об.) соотносится с изображением к главе 50 (16) лицевого Апокалипсиса «О том, что пятою язвою омрачается царство звериное» (рис. 9а). Но в этой миниатюре часть канонического сюжета «изъята», что повлекло за собой изменение смысла: вместо «омрачения» представлено время процветания царства зверя (рис. 9). В Седмитолковом апокалипсисе читаем: «Иоанн Богослов толкует: “Скимен львов, сий антихрист, седе на престоле Бога живого”. Вопрос: “Како сядет на престоле Бога живого?” Ответ: “Поставит свой престол в церковь Христову и осквернит ю”».

Как для христиан образ распятия Спасителя является Его иконой, так в представлении староверов важнейшим знаком антихриста является его символ

в виде четырехконечного креста: «Вопрос 8, стих 10: “Что суть кумир его?” Ответ 8: “Сень креста почтут слуги его: вместо животворящаго и трисоставнаго креста Христова – крыж латинский”». На восьмой миниатюре (л. 8 об.) представлен такой крест и рядом – двурогий лживый пророк (рис. 10), иконография которого типична для лицевых Апокалипсисов и встречается, например, в иллюстрациях к главам 42 (14), 50 (16) (рис. 9а), 37 (13) и др.

Изображение следующей, девятой, миниатюры (л. 9 об.) напрямую связано с отдельными положениями эстетической полемики между старообрядцами и последователями церковных реформ. Распятый Спаситель здесь изображен именно таким, каким он быть должен (рис. 11): «Лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые <...>, все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя» [23]. При этом рисунке дан показательный комментарий, в котором в качестве «авторитетного эксперта» привлекается евангелист Иоанн Богослов: «Вопрос 9, стих 11: “Что сей крыж в себе заключает?” Ответ 9: Иоанн Богослов глаголет словенскую речь: “Креста сень именуется по словенски крыж. Словенски Иисус, а латински Иисус” – Богослов Иоанн вопиет верным: “Имя перекладывая и антихрист назвался Иисус”».

Композиция десятой миниатюры (л. 10 об.) составлена по аналогии с изображениями Теофании в нескольких главах Апокалипсиса, славящим Творца, в частности в главе 20 (7) «О народе бесчисленном от язык, имущем со Христом царствовати»: «По сих видех и се народ мног, егоже исчести никтоже может, от всякого языка и колена, и люди, и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем» (рис. 12а). На миниатюре Седмитолкового апокалипсиса (текст к ней не подписан) представлено прославление антихриста. Престол со льстецом (подписан: «льстец уподобився сыну Божию») и змием (он заменяет на престоле Агнца) в круге славы, с сиянием и бесами на месте ангелов Божиих, смещен из центра вправо. Слева изображены и подписаны антихрист и дух лукавый, иконография которых уже известна по предшествующим миниатюрам; внизу – дьявольские порождения вместо апокалиптических старцев и святых (рис. 12).

На одиннадцатой миниатюре (л. 11 об.) «процитирована» часть иллюстрации к главе 35 (12) Откровения Иоанна Богослова «Какое змий непрестанно гонит церковь»: на ней изображен семиглавый змий, преследующий Жену, облеченную в солнце – Церковь Христову (рис. 13а). Однако и в этом случае происходит полное переосмысление семантики композиции. Значение подписи из Седмитолкового апокалипсиса: «Глаголет Иоанн Богослов: “И тогда златоковании сосуди истощатся”» не ясно без обращения к полному тексту апокрифа, отсутствующему в списке: «...и не будет агнец заклатися, и тогда тело и кровь Христова не имать явится, понеже тогда змий изблеет свою блевотину и будет агнец антихристов, тогда, аще кто примет и той истребится от книг животных» [24]. Таким образом, под «истощившимися златокованными сосудами» надо понимать осквернение евхаристического потира – чаши с хлебом и вином, претворившимися в Тело и Кровь Христовы. Уничтожение

истинной Церкви Божией и вершинной точки православного богослужения – Евхаристии начнется с осквернения антихристом священных сосудов, в которых происходит таинство преложения хлеба и вина (рис. 13).

Излияние гнева Божия на прельщенных антихристом (рис. 5), глава 46 (16) Апокалипсиса, изображено на тринадцатой миниатюре (л. 13 об.) следующим образом: вверху – ангел, изливающий фиал на отступников, внизу – антихрист на престоле и поклоняющиеся ему люди [25].

На четырнадцатой миниатюре, не имеющей сопроводительного текста (л. 17 об., рис. 17), так же как на шестой (рис. 8), представлен антихрист на престоле. Иконография образа восходит к иллюстрации к главе 30 (11) «О Енохе и Илии, хотящих обличити антихриста» (рис. 8а). Изображение находящегося перед престолом лъстеца типично для любого беса: хвост, когти, стоящие дыбом волосы, и имеет явные переклички с его обликом на восьмой миниатюре (рис. 10).

Перейдем к рассмотрению иллюстраций цикла, иконография которых не связана с изображениями лицевых Апокалипсисов. Их в рукописи всего шесть (л. 3 об., 4 об., 9 об., 12 об., 15, 16), и они демонстрируют визуализацию важных религиозных догматов приверженцев старого церковного обряда (преимущественно беспоповских согласий).

Третья миниатюра (л. 3 об.) демонстрирует суть знака антихристового, держащегося для старообрядцев в троеперстном сложении: «Вопрос 3, стих 4: “Что суть три тайны антихристовы?” Ответ 3: Скажет Иоанн Богослов: “Три перста десная руки. Именуется первый перст – лев зверь. Второй – змий. Третий – лживый пророк. А посреди их скрывается сам сатана. Кто сего лстиваго вознесет на главу свою и будет на нем печать антихристового”» (рис. 14). Подобные изображения, трактующие смысл троеперстия, встречаются в старообрядческих сочинениях достаточно часто [26].

Совершенно неожиданно удалось найти источник нескольких специфических элементов иконографии троеперстия в рукописи БАН (рис. 14) в ксилографиях немецкого блокбуха второй половины XV в. «Arts memorandi» [27] (рис. 16). Причудливое соединение головы льва, половины туловища сатаны, выступающего из-за головы лжепророка, и змия образуют четырехконечный крыж. Аналогичное иконографическое заимствование обнаруживается и в восьмой миниатюре (л. 8 об.), на которой изображен лживый пророк, несущий крест (рис. 10), из всех четырех концов которого «прорастают» уже знакомые нам образы четырех персонажей из немецкого блокбуха (рис. 16). Весьма причудливые изображения с немецких гравюр, предназначенные для лучшего запоминания текста Нового Завета, хорошо показывают различие в восприятии Священного Писания представителями разных христианских конфессий. Вольная визуальная трактовка новозаветного текста, возможная у протестантов, воспринимается приверженцами древлеправославной веры даже не просто как святотатство, а как знак приближения пришествия антихристового.

Пока остается загадкой, попало ли к старообрядцам само немецкое ксилографированное издание XV в. (что очень маловероятно) или изображения

пришли через посредство некоторых промежуточных неизвестных нам звеньев.

На четвертой миниатюре (л. 4 об.) лицевого Седмитолкового апокалипсиса найдем символ грехопадения (Адам и Ева у райского древа), разъясняющий, в данном случае, тайный смысл троеперстия как знака присутствия дьявола в послереформенном богослужении: «Якоже древле скрыся сатана в раю в древо райское змиєю и прельсти снедию Адама и Еву, также и в последняя времена скрывается в три простыя персты десныя руки» (рис. 18). Как уже упоминалось, этот сюжет-метафора представлен еще в двух миниатюрах рукописи (л. 15, 16). Но повтор, вероятно, имеет случайный механический характер, связанный с незавершенностью списка.

Двенадцатая миниатюра растолковывает эсхатологический смысл подписания «римской юнии» (л. 12 об.; рис. 19) [28]. В тексте комментария ставится вопрос: «Чем отменится антихрист от сына Божия, но во всем уподобляется?» (л. 13). Это принципиально важно, так как Священное Писание многократно предупреждает о большом сходстве грядущих Мессии и антимессии. Вначале в тексте перечисляются несколько общих признаков: «Уподобися льстец Сыну Божию: лев Христос, лев и антихрист; агнец Христос и агнец антихрист; обрезан Христос и обрезан антихрист». Но далее указывается одно из главных отличий, состоящее в принятии антихристом крещения по католическому обряду (не через погружения, а через обливание), которым антихрист «крестися в римской юнеи» [29], в отличие от Христа, крестившегося в «реце Иордане». Так проявляется оппозиция христианских таинств латинской и православной церквей. И возникает метафора – Флорентийская уния как исток лживого потока, в котором крестился антихрист.

На последней восемнадцатой миниатюре (л. 18 об.) представлены цари, священники и дьяконы, стоящие перед антихристом. Все изображения подписаны, причем антихрист назван «кротким и милостивым», то есть таким, каким он будет в начале своего пришествия (рис. 20). Поскольку текст к иллюстрации отсутствует, приведем его по гектографированному изданию 1903 г.: «У Бога трудницы, и у антихриста трудницы, <...> чем Бога почитают, темже и антихриста во всем предпочтут слуги его, сиреч священницы, яко сущего Господа Бога нашего Иисуса Христа Сына Божия. Христос смирен сердцем, и антихрист будет прежде смирен и тих, молчалив и нищелюб, возлюбит правду. Святыи Иоанн Богослов: “Вселится прежде в царие земстии и потом в патриархи, и в епископы, и священницы, и диаконы, и в весь чин богатый”» [30]. О подлинной сути «кроткого и милостивого» напоминает копьё, которое он держит в руке, а с лицевым Апокалипсисом изображение связывает такая деталь, как «уютный» жест антихриста, так же подпирающего щеку, как царь на миниатюре к главе 30 (11) (рис. 8а).

Проведенное сопоставление показывает, что художник очень хорошо знал изобразительный ряд к новозаветному Апокалипсису и, вероятно, имел перед глазами (или в памяти) список рукописи с миниатюрами Филарето-Чудовской редакции, благодаря чему достаточно легко находил материал для иллюстри-

рования своего текста. В результате сложился своеобразный набор изображений, заимствованный преимущественно из одного памятника (больше двух третей всех изображений – 11 из 17 (фактически 15, если учесть трехкратное повторение одного сюжета)) и, таким образом, к этому памятнику постоянно отсылающий. В то же время визуальный ряд образован не в результате точного копирования, а путем извлечения отдельных «цитат». Подобный принцип – собирание авторитетных текстовых высказываний на важнейшие религиозно-догматические и нравственные темы – был достаточно распространен при составлении разнообразных старообрядческих (а ранее – вообще средневековых) четких сборников и записных книжек-цитатников. В отношении нашего лицевого Седмитолкового апокалипсиса заметим, что в цикле миниатюр рассматриваемого списка цитирование изобразительных элементов осуществляется последовательно, тогда как в тексте этого памятника отрывки новозаветного Откровения если отчасти и присутствуют, то всегда передаются своими словами и очень далеки от Священного Писания. Текст скомпонован небрежно, даже грубо и может быть понят только в контексте других эсхатологических старообрядческих сочинений. Изображения же становятся структурообразующим началом благодаря прямым ассоциациям с конкретным иллюстрированным текстом. Поэтому можно сказать, что именно миниатюры связывают Седмитолковый апокалипсис с новозаветным Откровением.

Использованные в цикле изобразительные «цитаты» или реминисценции могут быть разделены на три типа.

В первом (миниатюры 1-я, 2-я, 7-я, 11-я и 13-я; рис. 5, 7, 9, 13) точно повторяется большая часть исходной композиции, при этом в композицию не включаются дополнительные элементы. Здесь необходима оговорка – «копия» часто семантически переосмысляет оригинал. Так, Вавилонская блудница превращена в мать антихриста; извержение змием потока злобы на гонимую Церковь превращается в осквернение евхаристической чаши; воцарившиеся в храме лжепророк и антихрист показаны еще не обличенными гневом Божиим и т. д.

Во втором типе реминисценций (миниатюры 5-я, 6-я, 10-я; рис. 4, 8, 12) иконографический образец копируется только частично, при этом в композицию добавляются новые детали.

В третьем типе (миниатюры 3-я, 8-я, 12-я, 17-я, 18-я; рис. 14, 10, 17, 19, 20) используются только небольшие детали исходного образца, причем иногда цитаты столь незначительны, что обнаруживаются далеко не сразу. В данном случае не ясно, несет ли копирование особую семантическую нагрузку или это происходит случайно.

Вероятно, можно говорить о том, что при составлении цикла иллюстраций к Седмитолковому апокалипсису явно делались сознательные заимствования именно из миниатюр к новозаветному Откровению Иоанна Богослова. Благодаря этому текст с изображениями стал значительно больше соответствовать своему названию «Апокалипсис», нежели текст без изображений.

В фонде Отдела рукописей БАН имеется еще одна рукопись начала XIX в.

(собр. Колобова № 61) [31], где текст Седмитолкового апокалипсиса проиллюстрирован одной миниатюрой, не имеющей аналогов в цикле списка из рукописи БАН, 25.4.11. На этой миниатюре (л. 47 об.) представлена лже-Тайная вечеря (рис. 21): в правом верхнем углу, за условной линией облаков, – поясное изображение Спасителя с крестчатым нимбом, с книгой и свитком; ниже, вокруг стола с потиром, кувшином и лежащим ножом, стоят одиннадцать человек; чуть выше антихрист льет в кувшин Вавилонской блуднице лжекровь для лжепричастия (подписано: «Начало. Союз духов»). Одновременно Вавилонская блудница наливает ту же жидкость в кубок двенадцатого юноши (Иуды?); за ним стоят еще два юноши со свитками с надписями: «И мы имя Иисус признаем» и «И у нас нету разницы». За спиной антихриста змий, вышедший из геенны огненной и шепчущий что-то на ухо антихристу.

В данном случае мы опять имеем дело со своеобразным цитированием-реминисценцией – заимствованием композиции Тайной вечери, внесением в нее дополнительного «цитируемого» образа Вавилонской блудницы и полным переосмыслением изображаемого сюжета.

Особенности иконографии миниатюр к поздним спискам Седмитолкового апокалипсиса прекрасно демонстрируют нам определенное отношение художника к материалу: он работает над циклом в целом и над каждой композицией в отдельности, ориентируясь, прежде всего, на традицию и каноны. Большая часть использованных сюжетов и элементов иконографии трансформируется, переосмысливается, но остается близкой исходным образцам. Кроме того, в данном случае, видимо, можно говорить и о сознательном использовании заимствований в ином смысловом контексте, что уже не является простым следованием канону, но позволяет рассматривать канонические образцы как особый вид реминисценций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Успенский Л.* Богословие иконы Православной Церкви. Переславль, 1997. С. 11–32 (или любое др. издание); *Гаврюшин Н.К.* Вехи русской религиозной эстетики // *Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.* М., 1993. С. 7–14 и др.

2. *Попова О.С.* Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // *Древнерусское искусство: Рукописная книга.* М., 1983. Сб. 3. С. 12 и др.

3. *Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 60–61; *Маркелов Г.В.* «Налепные образцы» в традиционном книгописании // *ТОДРЛ.* СПб., 2003. Т. 53. С. 264–288 и др.

4. О принципах составления цикла миниатюр к лицевому Седмитолковому апо-

калипсису см.: *Подковырова В.Г.* Лицевой Седмитолковый апокалипсис. К проблеме генезиса цикла миниатюр // In honer Catalina Velculescu. La o Aniversara. Bucuresti, Romanian Academy of Science. Ed. Paideia, 2011. S. 329–338.

5. Например, БАН: Друж. 189, Друж. 222, Карг. 40 и др.; РГБ: Олон. Дух. Семинария (фонд № 212) 62, Шибан. (фонд № 343) 96, Юдин (фонд № 580) 28 и др.

6. В случае с определением списка Седмитолкового апокалипсиса из сборной рукописи Тамбовского губернского архивного бюро № XIII/16 как лицевого (см.: *Бельчиков Н.Ф., Рождественский Н.П.* Собрание рукописей бывшего Тамбовского губернского архивного бюро // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. Раздел 2, № 34. С. 565) ошибка произошла, вероятно, в результате контаминации при описании неиллюстрированного Седмитолкового апокалипсиса и находящегося в этом же конволюте списка обычного лицевого Толкового апокалипсиса, поскольку памятники были описаны в издании один за другим (см.: *Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии.* Тамбов, 1899. Вып. 43. С. 29–33, 34–65).

7. *Агеева Е.А., Турилов А.А.* Апокрифы у старообрядцев // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 57–58.

8. Текст был издан в Приложении к гектографированному изданию: Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников / сост. М.И. Бриллиантов. М., 1903. (№ V: Апокалипсис седмитолковый. 1-ая беспоповская ложная тетрадь) С. 165–168. В настоящее время описано три экземпляра издания, см.: Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища ЛАИ УрГУ. Ч. 1 / сост. С.А. Белобородов и др. Екатеринбург, 1994. С. 9 (Горнозаводское собр. 5р/411); *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческие гектографированные издания БАН. СПб., 2012. С. 263–269 (Чуван. Г 23, Неман. 87).

9. *Фиксен Б.* Две главы из седмитолкового апокалипсиса по рукописи библиотеки Тамбовской ученой архивной комиссии под № XIII/16 // *Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии.* Тамбов, 1899. Вып. 43. С. 29–33. (Полное название текста: Книга апокалипсис седмитолковый, напечатан повелением Государя царя и Великого князя Ивана Васильевича, о рождении антихриста и о царствии его. Глава 23).

10. Шувойская беседа и материалы... С. 165–168.

11. Там же. С. 168–173.

12. Апокалипсис Трехтолковый. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1910. (19 октября 7418 – 20 мая того же года). 2°, 246 л.

13. Об С.С. Гнусине и его сочинениях см.: *Агеева Е.А.* Библейские источники сочинений старообрядческого писателя первой трети XIX века С.С. Гнусина // *Библия и европейские литературные традиции.* СПб., ММVI [2006]. С. 67–74.

14. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 36 и др.

15. Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 16–74.

16. *Агеева Е.А.* Библейские источники... С. 71, 73.

17. Бумага машинного производства без филиграней и штемпелей.

18. Описание старообрядческих лицевых рукописей БАН XVIII – пер. пол. XX в. СПб., 2010. С. 38–42.

19. В дальнейшем номер листа дается только при миниатюре, а при цитировании текста не ставится, так как текст всегда расположен на листе, предшествующем иллюстрирующей его миниатюре.

20. Далее, как и в этом случае, вначале указывается номер главы (или глав) по делению св. Андрея Кесарийского, а затем в скобках – по общепринятому делению в Вульгате.

21. Характеристику Филарето-Чудовской редакции см.: *Буслаев Ф.И.* Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по Русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. М., 1884. Т. 1. С. 180, 468–525.

22. Все миниатюры из лицевого Апокалипсиса воспроизводятся по изданию: *Апокалипсис Трехтолковый.* М., 1910.

23. *Авакум, протоп. (Петров).* Об иконном писании // Пустозерская проза. М., 1989. С. 102.

24. Шувойская беседа и материалы... С. 167–168.

25. Композиция в лицевом Апокалипсисе воспроизводится неоднократно: в главах 45, 46, 50, 51 и др., см., например, рис. 4а.

26. В частности, они содержатся в рукописях XVII–XX вв. из БАН (Арх. Инст. 75, 1.1.46, Друж. 638, Друж. 37, Друж. 472 и др.), Библиотеки Ватикана (Slavo № 35) (рис. 15) и др.

27. Arts memorandi. German, 1470, см.: *The origins of European Printmaking. Fifteenth-Century woodcuts and their public / Peter Parshal and Rainer Schoch.* National Gallery of Art, Washington, Germanisches Nationalmuseum, Nuremberg; Yale University Press, New Haven and London. 2005. P. 95–96.

28. Имеется в виду Флорентийская уния 1439 г., закрепившая союз католической и православной церквей, но преданная проклятию последней уже в 1443 г. на Константинопольском соборе. Контаминация событий Флорентийского собора 1438–1445 гг., начавшегося в Ферраре, позже перенесенного во Флоренцию и завершившегося в Риме, создает у автора нашего текста некую «римскую юнию».

29. В этом смысле важно, что именно Флорентийский собор окончательно определил правила крещения у католиков, в том числе утвердив обливание как часть таинства.

30. Шувойская беседа и материалы... С. 167.

31. Описание старообрядческих лицевых рукописей... С. 479–481. В этом Описании ошибочно номер главы в заглавии текста указан как 430 (вместо 401) – неверно раскрыта буквенная цифирь.

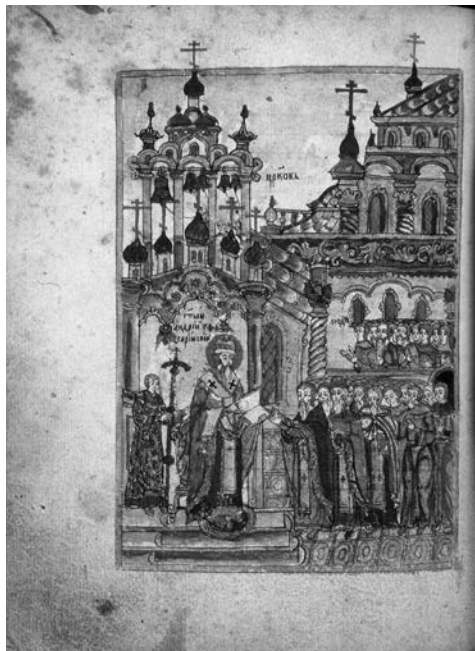

рис. 1

рис. 2

рис. 3

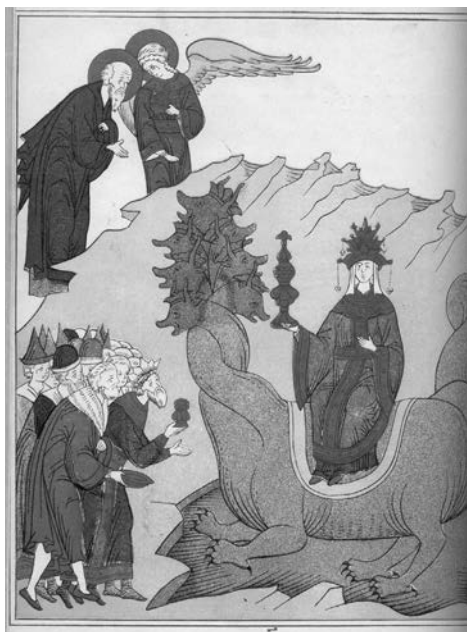

рис. 3а

рис. 4

рис. 4а

рис. 5

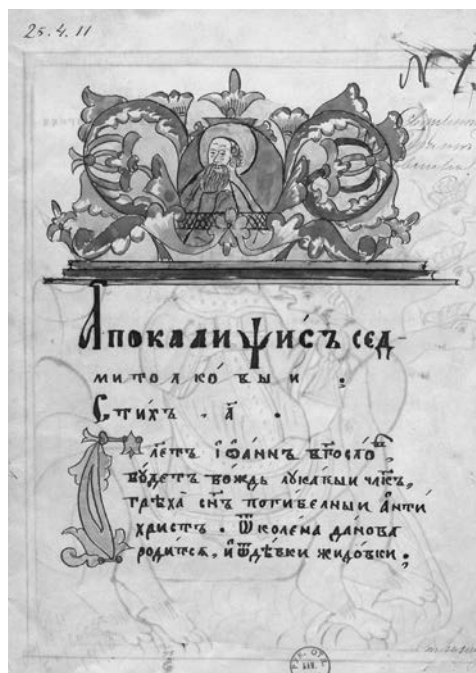

рис. 6

рис. 7

рис. 7а

рис. 8

рис. 8а

рис. 9

рис. 9а

рис. 10

рис. 11

рис. 12

рис. 12а

рис. 13

рис. 13а

рис. 14

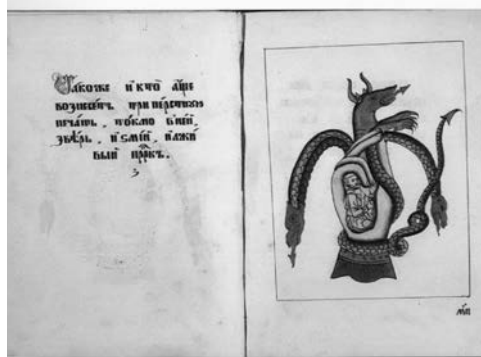

рис. 15

рис. 16

рис. 17

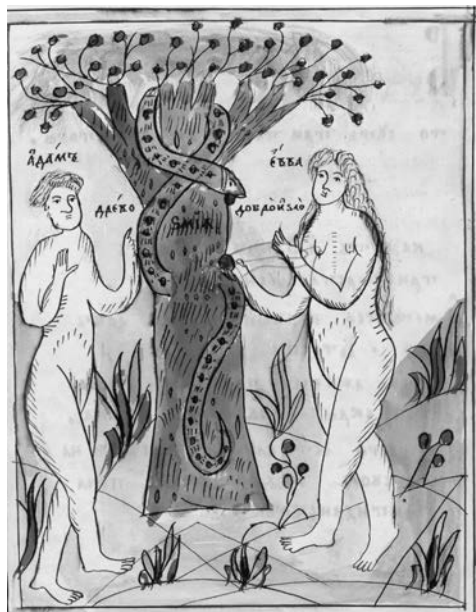

рис. 18

рис. 19

рис. 20

рис. 21

Список иллюстраций

Рис. 1. Андрей, архиеп. Кесарии Каппадокийской (БАН, Плюш. 167, л. 99 об.)

Рис. 2. Десять толкователей к новозаветному Апокалипсису (БАН, Плюш. 167, л. 89 об.)

Рис. 3. Мать антихриста, «жена скверная» (БАН, 25.4.11, л.1 об.)

Рис. 3а. Вавилонская блудница (Апокалипсис трехтолковый. – М.: Московская старообрядческая книгопечатня. 1910. Гл. 54; *далее* – из изд. 1910 и номер главы)

Рис. 4. Момент постановки печати зверя на лбы людям (БАН, 25.4.11, л. 2 об.)

Рис. 4а. Момент постановки печати зверя на лбы людям. (Из изд. 1910. Гл. 46)

Рис. 5. Излияние фиала гнева Господня на неверных, поклоняющихся антихристу (БАН, 25.4.11, л. 13 об.).

Рис. 6. Инициал и заставка Седмитолкового апокалипсиса (БАН, 25.4.11, л. 1 об.)

Рис. 7. Антитеофания. Поклонение царя Алексея Михайлович, патриарха Никона и «царей» антихристу (БАН 25.4.11, л. 5 об.).

Рис. 7а. Сидящий на троне лжепророк в окружении антихриста, лжепророка и семиглавого змия (Из изд. 1910. Гл.51)

Рис. 8. Служба в храме перед сидящим на престоле антихристом (БАН, 25.4.11, л. 6 об.)

Рис. 8а. Проповедь двух пророков перед антихристом, сидящим на престоле; смерть двух пророков. (Из изд. 1910. Гл. 30).

Рис. 9. Процветания царства зверя (БАН, 25.4.11, л.7 об.)

Рис. 9а. «О том, что пятою язвою омрачается царство звериное». (Из изд. 1910. Гл. 50).

Рис. 10. Латинский крыж – четырехконечный крест, несомый лжепророком (БАН 25.4.11, л. 8 об.)

Рис. 11. Ложное распятие – распятие антихриста. (БАН 25.4.11, л. 9 об.)

Рис. 12. Прославление антихриста (БАН 25.4.11, л. 10 об.)

Рис. 12а. «О народе бесчисленном от язык, имущем со Христом царствовать». (Из изд. Гл. 20).

Рис. 13. Осквернение змием евхаристического потира. (БАН 25.4.11, л. 11 об.)

Рис. 13а. «Како змий непрестанно гонит церковь». (Из изд. 1910. Гл. 35)

Рис. 14. Соединение головы льва, половины туловища сатаны, выступающего из-за головы лжепророка, и змия образуют четырехконечный крыж (БАН 25.4.11, л. 3 об.)

Рис. 15. Знак антихриста, скрытый для старообрядцев в троеперстии (Vat. Slav. № 35, л. 42 об.–43).

Рис. 16. Гравюра из “Arts memorandi”, сер. XV в., учебника для облегче-

ния запоминания текста Евангелия, Мк, 7–12: символ ап. Марка лев и аллегии основных моментов главы 9: солнце и демон, выступающие из тела льва представляют два важнейших события: Преображение Господне и изгнание бесов Иисусом.

Рис. 17. Антихрист на престоле и бес. (БАН, 25.4.11, л. 17 об).

Рис. 18. Адам и Ева у райского древа, в котором прячется змий (БАН, 25.4.11, л. 4 об.).

Рис. 19. Подписание «римской юнии» — Флорентийской унии 1439 г. (БАН, 25.4.11, л. 12 об.)

Рис. 20. Власть предержавшие, обманутые антихристом и подчинившиеся ему (БАН, 25.4.11, л. 18 об.)

Рис. 21. Анти- или лже- Тайная вечеря, искаженная Тайная вечеря (БАН, Колоб. № 61, л. 47 об.).

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Ю.С. Белянкин

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ «БЕЗДНА» ИЗ СБОРНИКА С АВТОГРАФАМИ ПУСТОЗЕРСКИХ УЗНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Необычное по форме и содержанию произведение, входящее в состав одного из «пустозерских» сборников, неизменно вызывает сложные вопросы при обращении к его тексту. Немногие изучавшие его в разное время исследователи долгое время работали фактически лишь с единственным списком. Произведение было введено в научный оборот И.М. Кудрявцевым, обнаружившим его в сборнике из собрания Е.В. Барсова (НИОР РГБ. Ф. 17. № 883; далее – «барсовский» сборник) [1]. Сравнительно недавно был выявлен еще один сборник с несколько более поздним (полным) списком рассматриваемого сочинения, которое можно назвать «Бездна» (Пермский край, Чердынский краеведческий музей № 1043/33; далее – сборник ЧКМ) [2]. Вопрос об авторстве остается открытым. Согласно предположению И.М. Кудрявцева, «Бездна» могла быть написана Тихоном Макарьевским. Эта идея основана лишь на том, что автором непосредственно предшествующего ей текста (Повесть-сказание об антихристе и о страшном суде) в рукописи указан «черный поп Тихон». К настоящему времени данное предположение не получило какого-либо подтверждения (в том числе с учетом палеографического изучения обоих списков «Бездны» [3]). В целом «Бездна» (л. 203–214 об.) является вполне логичной частью блока эсхатологических статей, входящих в «барсовский» сборник, среди которых «Сказание на осьмый век» (л. 45–102 об.), выписки-свидетельства об антихристе (л. 103–122), Повесть-сказание (л. 136–197 об.).

В то же время некоторые текстуальные параллели между Повестью и «Бездной», на которые обратил внимание И.М. Кудрявцев, представляются справедливыми. Он привел лишь несколько фраз и, чтобы проиллюстрировать его идею, представим еще ряд примеров из Повести и «Бездны»:

Повесть	«Бездна»
Бога мы же не послушахом окаянии не токмо рабы Его, но и Сына Его любимаго убихом» (л. 188 об.);	«Не послушахом Бога <...> заповеди не сохранихом» (л. 207), «люто похулих Бога» (л. 208);

«Несть во гробе покаяния ниже во аде исповедания» (л. 190); «Премудрости Божия како удалихомся» (л. 204);	«О несть покаяния во аде душам» (л. 210); «От пути истиннаго удалихомся» (л. 190);
«Люте нам люте, увы и нам увы» (л. 187);	«О люте увы, о люте увы» (л. 212 об.);
«Люте нам люте окаянным» (л. 183 об.).	«О люте нам грешником» (л. 213).

В Повести-сказании об антихристе слова «люте мне!», «горе мне!» относятся к врагу рода человеческого (л. 165 и др.), который «от Бога удален». Кроме того, в Повести точно приведены те же слова, которые даны в качестве объяснения к схеме-заставке в самом начале «Бездны» (курсив наш – Ю. Б.): «*Огнь и жупел и дух бурен*, рече пророк сокрушая корабли фарсиския» (л. 191). В «Бездне» вопиющий восклицает об ужасной участи: «О люте нам... Во аде люте бездну обретохом» (л. 204 об.).

Авторство Тихона Макарьевского маловероятно и с учетом того, каково было его отношение к проблеме церковного раскола и к старообрядцам в целом. В Латухинской Степенной книге, автором-составителем которой являлся архимандрит Тихон, уделено внимание событиям времен царствования Алексея Михайловича. В этой части текста архимандрит Тихон достаточно однозначно и пространно выразил свое отношение к «раскольникам». Так, в Латухинской Степенной книге идет речь о взятии Соловецкого монастыря, где сидели «старцы упрямые и мужики <...> мятежники и церковные раскольники», «благочестивейшему государю царю прекословники и противники» и даже «богоотступники» [4]. Царь Алексей Михайлович характеризуется как «врагом же Церкви Христове раскольником и непокорником мстител[ь]» [5]. «Невегласи поселяне», дьяволом «омраченные», были «возмущены» от старообрядцев. В этой связи трудно представить, какими путями текст архимандрита Тихона (содержание его – общее эсхатологическое и не связано напрямую с «идеологией» старообрядчества) мог оказаться в столь авторитетной для защитников «старой веры» рукописи, заверенной подписями пустозерских узников.

Краткая характеристика содержания «Бездны» представлена в статье И.М. Кудрявцева. Там же можно найти археографическое описание «барсовского» сборника, который достаточно надежно датируется 1668–1670 гг. (точнее, по мнению И.М. Кудрявцева, не позже апреля 1670 г.). Однако ответа на вопрос о том, кто непосредственно переписал все тексты сборника, выполненные одним почерком и на бумаге одного времени, пока что нет. В одной из новейших на данный момент работ, так или иначе связанных с изучением известной рукописи из собрания Барсова, утверждается, что «сборник уникален по составу и по судьбе в рукописной традиции: он не попал в старообрядческие скриптории и не “тиражировался”» [6]. По словам автора статьи,

состав сборника не повторяется, полностью или частично, в других старообрядческих сборниках (за исключением «Ответа православных»). Однако существование чердынского сборника опровергает данное утверждение [7] и не исключает возможности обнаружения других аналогичных списков.

Что касается сборника ЧКМ, то он датируется по водяным знакам концом 1690-х – началом 1700-х гг. В первом археографическом описании этой рукописи неверно указана датировка: первая половина XVIII в. [8]. Она открывается такими текстами, как «Ответ православных» и «О богоотметнике Никоне» (занимают л. 1–32) [9]. Последний обычно завершает «Ответ» во всех редакциях [10]. На л. 182–188 об. находится «Бездна», которой предшествует «Сказание на осьмый век». Оба эти текста в настоящее время известны только в «барсовском» и чердынском сборниках. В этой своей части рукопись ЧКМ в такой же последовательности повторяет состав «барсовского» сборника, в котором также присутствуют данные тексты [11]. Кроме того, вслед за «Бездной» в сборнике ЧКМ, как и в «барсовском», находится блок «Выписок из книг» (не полностью), как он называется в рукописях, который И.М. Кудрявцев считал черновыми материалами протопопа Аввакума. Первая статья в нем – «Молю вы, братия моя взлюбленная о Христѣ, и колѣномъ вашимъ касаюся, *wm* здѣ и впредь идущия слова да простремся...». По мнению И.М. Кудрявцева, она является одним из существенных признаков принадлежности всех следующих за ней выписок перу Аввакума [12]. В предыдущих работах, в которых был упомянут сборник ЧКМ, не отмечалось, что рукопись начинается тоже с выписок из сочинений протопопа Аввакума. Выписки начинаются со слов «5-я. О царе благочестивом о всем княжестве пекущихся о правове- рии» и оканчиваются словами «в беседах апостольских и в Маргарите пишет» (текст не был дописан; л. 1–3 об.). Судя по всему, эти первые три листа сохранились от более обширного текста, утраченного в начале рукописи.

«Бездна» и «Выписки» в сборнике ЧКМ выполнены одним почерком. Той же рукой выполнено предшествующее «Бездне» «Сказание на осьмый век». Вместе перечисленные три произведения составляют большую часть чердынского сборника. От начальных текстов дьякона Федора, принадлежащих другому писцу (это наиболее ранняя часть конволюта, 1690-е гг.), их отделяет Житие Василия Нового, представляющее третий почерк (здесь и в следующей за Житием группе текстов – самостоятельный счет сигнатур).

Следует заметить, что «Ответ православных» в чердынском списке отличается от того, что читается в «барсовском» сборнике, в котором он, среди прочего, не имеет конца и завершается текстом со слов: «И за сия все выше- реченныя уставы церковныя и догматы отеческия ...». В сборнике ЧКМ это окончание листа 13 об. (начало «Ответа» – л. 3 об.), далее без разрыва следует продолжение текста до л. 30, со слов «и в пустынях и в горах скитающесея, и жен и чад отлучаеми» [13]. Это может говорить о том, что та часть чердынского сборника, которая повторяет «барсовский», переписывалась с какой-то иной, промежуточной рукописи, или же о дополнении писцом дефектного списка «Ответа» из других источников.

Об истории бытования сборника ЧКМ можно судить лишь по записям, расположенным на л. 230 об. и 232 об.: «Сия книга глаголемая Апокалепъсисъ Усть Сысолской округи Печерской в<о>л<ос>ти деревни Глычдинской крестьянина Дмитрея Григорьева сына Пыстина і подписалъ плямянникъ ево Кирило Марковъ сынъ Пыстинъ же 1799 года месеца іюля 7 числа» [14]; «1815 года Марта дня сия книга города Чердыни мещанина Ивана Иванова сына Черемисинова. Подписалъ своеручно»; (там же на л. 232 об. скорописью конца XVIII в.) «Сия книга города Чердыни мещанина Ивана Савича Пузина». Вероятно, следует согласиться с Н.С. Демковой в том, что бытование сборника в какой-то период времени на Печоре свидетельствует о связи чердынской копии с пустозерским литературным центром. С другой стороны, записи позволяют с достоверностью говорить о нахождении рукописи в том регионе лишь в конце XVIII в., умалчивая о ее судьбе на протяжении предшествующих десятилетий [15]. Вызывает вопросы одна деталь, которую Н.С. Демкова приводит в качестве одного из доказательств связи с Пустозерском: бумага сборника ЧКМ [16]. И.М. Кудрявцев отнес «Бездну» к периоду зарождения старообрядческой литературы, полагая, вероятно, что данное произведение явилось плодом творчества кого-то из авторов-старообрядцев той эпохи. Однако при нерешенности проблемы авторства текста это предположение допустимо, но пока что не имеет под собой реальных оснований.

Между постоянно повторяющимися друг за другом короткими воплями и восклицаниями («О горе», «Увы», «О люте» в разных их сочетаниях; количество повторов очередного восклицания указывается цифирью: «2-ж», «5», «7», даже «1000» и т.д.) встречаются и небольшие фрагменты, более связанные и содержательные. Они показывают разнообразные страдания грешников, терзаемых душой и телом: «о люто роду человеку во аде» (л. 211); одних «древием угнетаху <...> по земли растилаху и нещадно бияху» (л. 210 об.), других грызут звери и влачат по земле («аки кони скакаху в борзе»), третьих «гвоздие пронзаху в руце и в нозе, копиями прободяху», несчастные «в котлех кипяху по выю в смолы, во езере ледени по выю померзаеми», их «с высоты метаху о камение» (л. 211), «овииже ужем по выю оцеплени, овииже по нозе связаны, овииже ко столпом руце привязаеми имуще и кожу драху им от главы и до ног нещадно. А смерти тамо нет» (л. 212). Нет там и покаяния. Автор описывает ангелов «над муками», которые «немилостиви зело», «люти зело», «страшни зело». Бездна предназначена «несотворшим милости», которым уготованы «суд без милости», «бездна мук» «и горести бездна». На восклицания страдальцев («зело тошно в муках», «вся бездна вопиет» и т.п.) периодически следует ответ, говорящий о заслуженном наказании: «Вправду, вправду, рече» (л. 210, 213). В преисподней «дух зол», «смад зол», «с мразу трясение люто», мучимые не открывают уст своих «от жижи и лютости огня», бесконечны гнев и «ярость Божия». Весьма натуралистичные и изощренные казни, изображенные автором, начинают напоминать описания страданий христианских мучеников, но с участием мучителей в роли жертв, терпящих воздаяние. Грешник постоянно сокрушается о не принесенном при жизни земной пока-

янии («милость Божия удалися от нас» (л. 204), «Солнца праведнаго Христа отбегом» (л. 207); «заблудихом от пути Божия» (л. 206), «Бога убих, брата убих» (л. 208), «храм Божий осквернихом сии речь душу и тело» (л. 207 об.)). «Бездне» лютой противопоставляется «бездна» милости Божией, которой лишились адские узники.

Примечательно, что писец (пока невозможно утверждать, был ли он автором или же только копировал чужой текст) постоянно графически выделяет букву **W**, дополнительно обводя ее чернилами. Широкая «зияющая» «омега» в началах многочисленных восклицаний, которыми насыщена «Бездна», усиливает в восприятии читателя ощущение тягостности страданий грешников, стенающих в преисподней. Эта особенность прослеживается и в чердынском списке «Бездны», что может свидетельствовать о том, что данный список был сделан непосредственно с пустозерской рукописи или же о том, что указанная особенность в принципе копировалась в разных списках вместе с текстом. Кроме того, переписчик примитивно перерисовал и схему-«заставку» (с изображением наполненной мучениями «бездны»), открывающую текст в пустозерской рукописи.

Рукопись Чердынского краеведческого музея представляет собой уникальное свидетельство бытования «барсовского» сборника как самостоятельного типа рукописи, своего рода раннего старообрядческого «Цветника», с устойчивым рядом основных текстов. Конечно, единственный прецедент еще не может в полной мере говорить в пользу того, что сборник имел постоянную рукописную традицию. Тем не менее сам этот факт дает основания и направление для дальнейших разысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кудрявцев И.М.* Сборник XVII в. с подписями протопопы Аввакума и других пустозерских узников // Записки отдела рукописей. Вып. 33. М., 1972. С. 148–212.

2. В рамках программы по научному описанию славяно-русских рукописей государственных хранилищ Пермского края, осуществлявшейся в 2007–2011 гг. Межкафедральной Археографической лабораторией исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. По результатам программы к изданию подготовлен каталог (Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края: каталог / [Баталова О.А. и др.; под ред. И.В. Поздеевой, Ю.С. Белянкина]. Пермь, 2014). Произведение не имеет четко выделенного заголовка. Над схемой-«заставкой», открывающей текст, написано «Бездна». Текст, начинающийся под заставкой, открывается тремя повторяющимися причитаниями «О горе!».

3. Выражаем признательность А.В. Сирену за консультации по этому вопросу и возможность ознакомления с автографами. Ни один из списков не показывает близости руке Тихона Макарьевского.

4. Латухинская Степенная книга / Изд. подг. *Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов*. М., 2012. С. 758.

5. Латухинская Степенная книга... С. 757.

6. *Титова Л.В.* «Ответ православных» дьякона Федора Иванова – две разновидности текста // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012. С. 60–79.

7. Со времени первого упоминания чердынской рукописи прошло уже немало времени. См.: *Демкова Н.С.* Краткий отчет об археографической практике студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке им. А.М. Горького и Чердынском краеведческом музее им. А.С. Пушкина // ТОДРЛ. Т. ХLI. Л., 1988. С. 450–451. Датировка сборника в этой публикации дана как «XVII в.» без уточнений, которые все же весьма важны в данном случае. См. ниже подробнее о датировке.

К библиографии, связанной со сборником Барсов 883, следует добавить статьи *Н.С. Гурьяновой* (*Гурьянова Н.С.* Эсхатология Реформации в русском историческом процессе в XVII в. // Русская агиография. Исследования, материалы, публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 576–590; *Она же.* «Сказание на осьмый век» из сборника с подписями пустозерских узников // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации: сб. научных трудов. Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2007. С. 64–79), в которых уделено внимание «Сказанию на осьмый век».

8. *Бегунов Ю.К., Демин А.С., Панченко А.М.* Краткое описание рукописного собрания Чердынского музея им. А.С. Пушкина // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 610. № 2.

«Бездна» в кратком описании не упомянута. Приведены инципиты лишь нескольких текстов, в т.ч. «Ответа православных», без каких-либо комментариев к ним.

9. Эти тексты завершаются краткими выписками из «Просветителя» Иосифа Волоцкого (слово 15-е) о разнице между еретиками и отступниками от веры и «Книги» Спиридона Потемкина (из «Слова» 2-го, «О Святом Дусе Господе истиннем», со слов «и помоливыйся с еретики чюжд будет христианства» до слов «но яко же еллинов и иудеов отвращается Бог»).

10. *Титова Л.В.* К вопросу о происхождении Сокращенной редакции «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 3–7. Изд.: *Демкова Н.С., Титова Л.В.* Полемический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII в. // **Общественное сознание и литература XVI–XX вв.** Новосибирск, 2001. С. 170–224.

11. Кроме того, в чердынской рукописи присутствуют и другие статьи, например: Житие Василия Нового, «Слово» св. Антиоха о пьянстве («Пияньство паче объяденія...»), «Слово о плясавшем бесе пред мнихом» («Повѣдаше братии пр<e>п<o>д<o>бныи игумен Павель...»), выписки из Космографии («Козмография по некоем богословцу, реченное еже...»; это последняя статья сборника, без окончания).

12. *Кудрявцев И.М.* Сборник XVII в. ... С. 153.

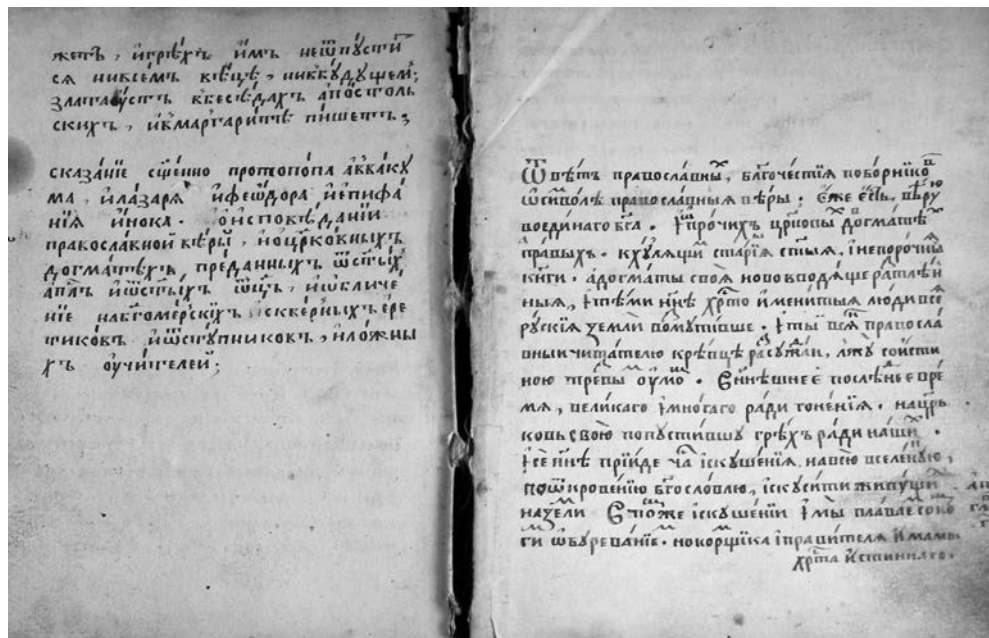
13. В тексте «Ответа» утрачено не менее одного листа между л. 16 и 17.

14. Село Усть-Илыч Усть-Сысольского уезда Вологодской губ. Ныне – Троицко-Печерский район Республики Коми.

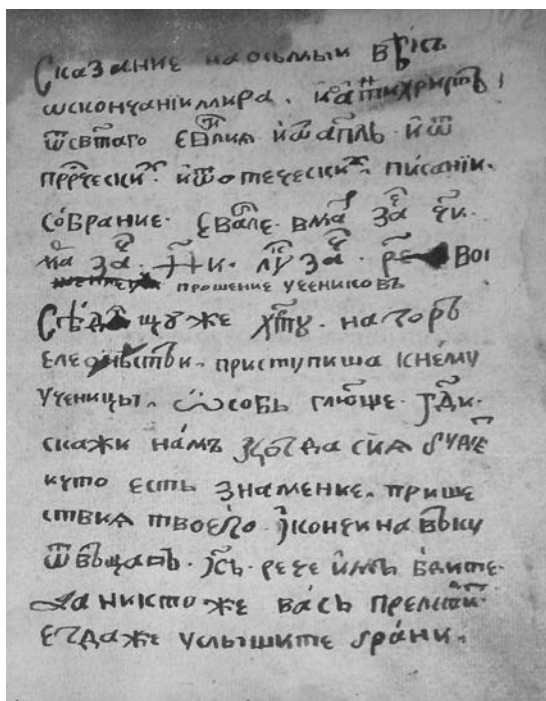
15. Согласно документации музея, рукопись была передана в собрание рукописей в августе 1954 г. из библиотеки Чердынского музея.

16. Демкова Н.С. Краткий отчет... С. 450. Неясно, какие сравнения позволяют говорить о связи на уровне бумаги. Филиграни чердынской рукописи следующие:

- 1) Л. 1–3 – голова шута с семью бубенцами и контрамаркой «PL» (лигатура). Близость: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. [далее – Дианова I] Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. № 494 – 1690 г. 2) Л. 4–10, 12–16, 19–33 – голова шута с семью бубенцами и контрамаркой «IDM». Близость: Дианова Т.В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута» [далее – Дианова II]. М., 1997. № 350 – 1692-1700 гг.
- 3) Л. 11, 17 – голова шута с семью бубенцами. Близость: Дианова II, № 365 – 1694–1695 гг. 4) Л. 34–112, 190–228 – герб Амстердама с поддоном и контрамаркой «PIOLY». Сходство: Дианова Т.В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама» [далее – Дианова III]. М., 1998. № 360 – 1697-1707 гг. 5) Л. 113–136 – герб Амстердама без поддона с контрамаркой «A/C/I/N» (лигатура). Подобие: Дианова III, № 123 – 1697–1700 гг.
- 6) Л. 138–189 – герб Амстердама с поддоном. Подобие: Дианова I, № 173 – 1697 г.

ЧКМ. № 1043/33. Л. 3 об.—4. Начало «Ответа православных»

ЧКМ. № 1043/33. Л. 142. Начало «Сказания на осьмый век»

Е.М. Юхименко

ДВА ТОМА ВЫГОВСКИХ ЧЕТИИХ МИНЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ БАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ УНИКАЛЬНОГО КНИЖНОГО СВОДА НАЧАЛА XVIII в.*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-04-00095а

О составлении в Выговской пустыни собственного комплекта Четиих Миней было известно на основании достоверных свидетельств Ивана Филиппова и Григория Яковлева, относящихся к 30-м и 40-м гг. XVIII в. В XIX в. (возможно, в середине, при закрытии общежития) они попали в филипповскую среду и находились в Череповце, где 11 томов (месяца марта уже не было) приобрел в 1864 г. московский филипповец Андрей Михайлов. По дороге в Москву одна книга (Минея за май) пропала. Оставшиеся 10 книг были пожертвованы на знаменитый Братский двор в Дурном переулке в Таганке. После того как из комплекта была украдена еще одна книга (месяц январь), настоятельница филипповской общины инокиня Парасковия, в миру Пелагея Потаповна Кокушкина, перенесла Четию Минею из часовни в свою келью для лучшего сбережения. Именно у нее в келье в 1915 г. Е.В. Барсову удалось бегло ознакомиться и кратко описать девять сохранившихся к тому времени книг (работа была опубликована в 1917 г.) [1].

Именно из московской филипповской общины два тома (сентябрь и июнь) позже попали к Ф.А. Каликину. В какое время состоялось это приобретение, не известно. Ныне эти два фолианта хранятся в БАН в собрании Каликина под № 60 (том за сентябрь) и № 61 (том за июнь) (рис. 1, 2). Исследователи неоднократно обращались к содержащимся в них текстам, однако специального внимания эти рукописи как «сколки» Выговских Четиих Миней не привлекали, а сам свод как единое целое считался утраченным.

Как оказывается теперь, драгоценные рукописи продолжали храниться у московских филипповцев и в дальнейшем (была утрачена только книга за август). Именно у последнего члена общины, с которым нас связывало многолетнее знакомство, нам удалось обнаружить шесть томов и приобрести их для Государственного исторического музея [2].

В результате этой археографической находки мы располагаем достаточным материалом для исследования этого уникального книжного свода начала XVIII в. И два тома, хранящиеся в БАН, теперь могут получить исчерпывающую характеристику в контексте истории этого книжного памятника в целом.

Записи, сохранившиеся в томах за февраль и ноябрь, свидетельствуют, что Четии Минеи писались в течение четырех лет, с 1712 по 1715 г. Подобная запись была и в сентябрьском томе, лист с «выходом» находился между современными листами 466 и 467, но он был вырван. На л. 466 об. отпечатались начальные слова (или буквы), занимающие 28 строк. Даже этих отрывочных фрагментов достаточно, чтобы увидеть, что данная запись совпадает, хотя и не дословно, с аналогичными в двух других томах.

Кодикологические наблюдения над рукописями, прежде всего, указывают на то, что Четии Минеи братьев Денисовых (как их называл Е.В. Барсов) не были просто списаны с какого-то предшествующего оригинала, а являются итогом самостоятельной и поражающей своим масштабом работы выговских книжников. Иван Филиппов свидетельствовал, что главным двигателем этого начинания был Петр Прокопьев, он осуществлял составительскую и редакторскую работу. Под его руководством лексинские писицы переписывали жития в отдельные тетради, поэтому в Четиях Минеях большинство произведений начинаются с лицевой стороны листа. Иногда переписчицы сразу соединяли в один блок несколько сочинений, посвященных одному празднику или одному святому или относящихся к двум соседним дням, и переписывали их друг за другом в одну или несколько тетрадей как единое целое. Так объединены слова на Крестовоздвижение (14 сент.), Житие и похвальное слово Иосифу Волоцкому (9 сент.), Житие и похвальные слова Иоанну Богослову (26 сент.) и другие.

В сентябрьском томе мы можем обнаружить примеры заключительного этапа работы Петра Прокопьева. Поскольку сочинения переписывались из разных источников, в том числе с отдельных списков, в заглавиях которых отсутствовало необходимое указание «Такого-то месяца в такой-то день», то составитель свода, заметив подобный недочет, собственноручно подписывал над киноварным заглавием статьи и в колонтитулах недостающие указания. К примеру, на л. 157–179 об. (Слово Льва Филолога об Иосифе Волоцком, 9 сент.) (рис. 3), на л. 182 (Мучение Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, 10 сент.) и на л. 213–229 (Слово «Хруса уединенного» на обретение Креста, 14 сент.).

Иван Филиппов указывал на то, что Петр Прокопьев не только составил Четии Минеи, но «написа, чтоб на всяк день почитати на утрени и на жертвенниках; которыя книги его собрания и ныне в монастыре читаются по вся дни» [3]. Здесь речь идет о церковном уставе Выговской пустыни, в котором, действительно, находим указания о чтении редких текстов (в Четиях Минеях они есть) и даже прямые отсылки к агиографическому своду. Например, 13 сентября предписывалось «за столом» чтение Обновлению Храма Воскресения Господня в Иерусалиме [4]. Этот редкий текст (в Макариевские Минеи он

включен не был) в Выговской Минее переписан на л. 190–191 об. Под 6 сентября помещено «Чюдо архистратига Михаила бывшее во Святѣй горѣ», рукою Петра Прокопьева на поле л. 69 сделана помета: «Сие чюдо чтется сентября въ 6 день» (рис. 4).

Еще более наглядный пример ориентированности состава Выговских Четиих Миней на богослужебный устав находим под 27 сентября (память Савватия Соловецкого). В выговском уставе на этот день записано: «На зазвонной статьи чтение святому. О житии его въкратце. Писанное въ минѣи сентябрьской» [5]. Действительно, в Выговской Минее под этим числом помимо Жития Зосимы и Савватия, повествования «О принесении мощей» прп. Савватия и похвального слова Льва Филолога помещается небольшое выговское сочинение под названием «О житии преподобнаго отца Саватия, написано вкратцѣ» (л. 404–404 об.). На полях помета рукою Петра Прокопьева: «Сие чтется на всенощном на зазвонной статьи на праздник преподобнаго отца Саватия сентября в 27 день».

Основой, своеобразным «каркасом» для составления выговского свода стал Софийский список Великих Миней Четиих. Вместе с тем на Выгу было несколько сокращено количество похвальных и поучительных слов на двенадцатые праздники, опущены некоторые большие сочинения, не являвшиеся обязательным календарным чтением, такие как «Маргарит» (10 сентября).

Проводя сравнительный анализ Четиих Миней братьев Денисовых с предшествующей традицией [6], нельзя не заметить очевидного желания составителя включить в свод как можно больше текстов, посвященных русским святым. Прославление сонма русских подвижников имело для поморцев особое значение: оно подчеркивало непрерывность сохраняемой старообрядцами церковной традиции. Выговцы целенаправленно собирали жития, изображения и устные предания о русских, в особенности о местночтимых святах.

В результате этой агиологической работы Выговские Четьи Миней стали самым обширным сводом русских житий. Очевидно, что старообрядческие книжники проводили сравнительный анализ различных редакций, выбирая из них наиболее авторитетные и полные.

Например, в Выговской Минее под 25 сентября помещено Житие Сергия Радонежского Пространной редакции – в Великих Миней Четиих во всех списках редакция Пахомия Логофета; под 30 сентября – Житие Григория Пельшемского в «редакции сборников» (согласно классификации С.А. Семячко) [7], в то время как во всех других сводах минейная редакция.

Выговские Четьи Миней включают тексты на дни памяти, которые прочно вошли в церковный обиход к 40-м гг. XVII в., что зафиксировали наиболее полные редакции печатных сводных изданий: Пролога 1642–1643 гг. и Святцев 1646 г. Однако в Выговском своде значительно число памятней, не вошедших в эти издания, в том числе Евфросинии Суздальской (25 сент.), митрополита Фотия (2 июня), Арсения Коневского (12 июня). Особняком стоит память блаженного Августина Иппонского, не имеющая точной календарной приуроченности и помещенная в Выговском своде после 30 июня.

Впервые в четьи-минеинной традиции в 12-томник в таком количестве были включены сказания о Богородичных иконах: Грузинской (Черногорской) (2 июня), Воронинской (15 июня), Тихвинской (26 июня), Казанской (8 июля), Колочской (9 июля), Смоленской (28 июля).

Примечательно, что даже в тех случаях, когда в предшествующих сводах уже имелось житие на день памяти подвижника, выговские книжники сочли необходимым представить существующие агиографические памятники более полно. Например, под 9 сентября Великие, Чудовские и Тулуповские Минеи Четьи помещали Житие Иосифа Волоцкого, написанное Саввой Черным (первая редакция). В Выговских Четиях Минеях добавлено еще два памятника: Надгробное слово Досифея Топоркова (л. 142–156 об.) и Житие, составленное неизвестным (или Львом Филологом) (л. 157–179 об.); таким образом, в своде представлены все агиографические сочинения о почитаемом старообрядцами святом.

Составители компендиума проводили сравнение большого числа источников – рукописных списков, Софийского комплекта Макариевских Минеи и Пролога, причем последний служил источником не только месяцесловных памятней, но и текстов. Свидетельства тому находим в томах БАН. Под 24 сентября на вставном листе помещено Сказание о «знамени, бывшем от иконы Пречистыя Владычицы наша Богородицы и Приснодѣвы Марии, иже бысть в веси псковской въ Черскахъ» (в 1420 г. при великом князе Василии Дмитриевиче). Этого текста нет в Макариевских Минеях, но он читается в Прологе 1642 года издания под 16 июля (л. 661 об.–662 об.). Текст Похвалы апостолам Петру и Павлу, сочинение Иоанна Златоуста, в составе июньского тома дополняет помета на верхнем поле л. 291: «Сие слово чти по кафисмахъ» (рис. 5). Аналогичное указание, набранное красной краской, читается только в Прологе (л. 581).

Внимательный просмотр томов и анализ их состава позволили выявить несколько случаев использования выговскими книжниками Степенной книги. Так, в текст Жития Феодора Ярославского и Смоленского (19 сентября) в редакции иеромонаха Антония была сделана вставка, написанная на небольшом вклеенном листе, с киноварным заголовком: «Из Степенной. Степень 9» (л. 243). Текст вставки дословно соответствует пространному фрагменту о женьитьбе князя Феодора на татарской царевне [8].

Из Степенной книги (16-я глава XIV степени) [9] взято Житие митрополита Фотия, помещенное, согласно указанной в первых строках текста дате кончины святителя, под 2 июня, тогда как в конце главы указана другая дата – 2 июля, и именно под этим числом преставление митрополита Фотия было внесено в Святцы 1646 г. и редакцию Месяцеслова Симона Азарьина.

Нам удалось выявить примеры собственно выговских включений в Четьи Минеи. Под 27 сентября в Выговских Минеях помещено уже упоминавшееся сочинение «О житии преподобнаго отца Саватия, написано вкратцѣ» (л. 404–404 об.). Согласно исследованиям О.В. Панченко [10], подобное сочинение о Савватии Соловецком в предшествующей традиции не встречается,

однако, как установлено нами, текст этого произведения в точности совпадает с посвященной Савватию частью сочинения Андрея Денисова «О житии преподобных отец наших Зосимы и Саватия вкратцѣ собраное» и, кроме того, содержит особые, характерные только для выговской традиции, хронологические выкладки о жизни соловецких подвижников.

Таким образом, два тома Выговских Четиих Миней, хранящиеся в собрании БАН и давно используемые исследователями как собрание текстов, приобретают иное значение именно в контексте истории всего книжного свода начала XVIII в. В них проявляются общие закономерности и принципы составительской работы выговских книжников, чей вклад в русскую культуру мог бы быть обеспечен уже одними Четиями Минеями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барсов Е.В. Четии Миней братьев Денисовых // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 663–708.
2. Подробнее см.: Юхименко Е.М. Четии Миней братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / отв. ред. Т.Р. Руди, С.А.Семячко. СПб., 2011. С. 302–308.
3. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 157.
4. Устав. Круг вселетнаго богослужения Поморскаго Выгорецкаго монастыря. Саратов, 1913. Л. 32 об.
5. Устав. Л. 42.
6. Подробнее см.: Юхименко Е.М. Традиция составления Четиих Миней в старообрядческой среде // *Slavia Orientalis*. 2013. Т. 62. № 1. S. 87–97.
7. Печников М.В., Семячко С.А. Григорий Пельшемский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 536–541.
8. Степенная книга царского родословия: Тексты и комментарий / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. С. 552–553.
9. Там же. М., 2008. Т. 2. С. 152–169.
10. Благодарю Олега Витальевича Панченко за устную консультацию.

Рис. 1. БАН. Собр. Каликина, № 60. Л. 5.
 Заставка-рамка в сентябрьском томе Выговских Четиих Миней

Рис. 2. БАН. Собр. Каликина, № 61. Л. 5 об.
 Большой инициал в июньском томе Выговских Четиих Миней

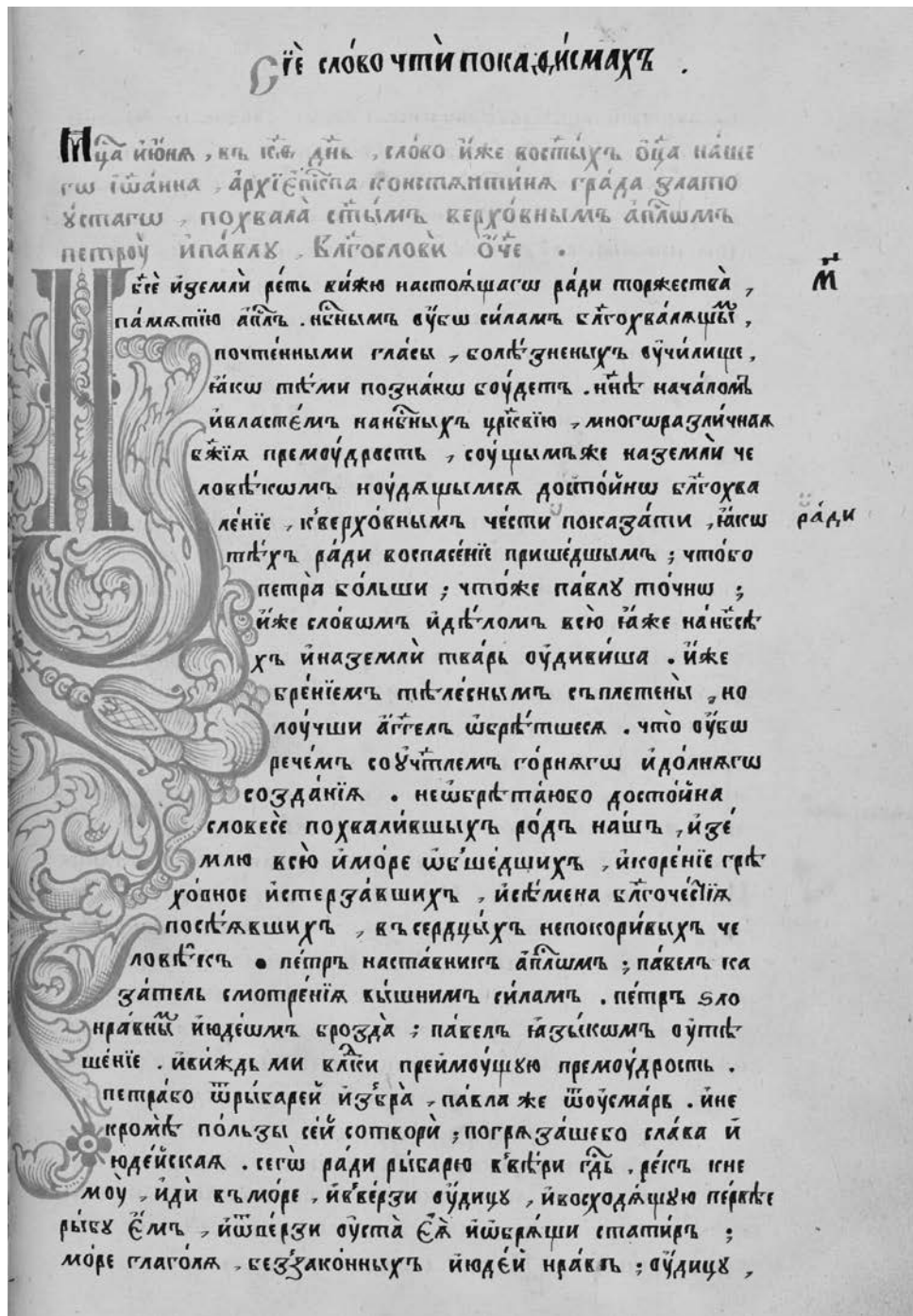

Рис. 5. БАН. Собр. Каликина, № 61. Л. 291.
 Богослужбная помета на верхнем поле

М.В. Корогодина

«ПРАВИЛА ИППОНСКОГО СОБОРА» И СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОДДЕЛКИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Первое упоминание о «Правилах Иппонского собора», неизвестном памятнике канонического права, принадлежит Ю.Д. Рыкову, встретившему ссылку на постановления Иппонского собора в автобиографии некоего Петра Юродивого, основные события которой приходятся на 1860-е гг. [1]. Бывший школьный учитель, Петр, пострадав по доносу и разочаровавшись в господствующей церкви, через самокрещение перешел в старую веру. Дав обет молчания, но не отказавшись от письменной речи, Петр подробно описал свои злоключения и причины перехода в старую веру; одним из оснований для самокрещения стали прочитанные им «Правила Иппонского собора». Приведя полный текст «Правил», Петр Юродивый в качестве доказательства их авторитетности выписал также «выходную запись». Из нее следовало, что «Правила» были переведены на славянский язык иноком Кириллом на Афоне в 1621 г., а в 1652 г. напечатаны на Московском печатном дворе тиражом 20 экземпляров.

Эту интереснейшую запись, упоминавшую неизвестный ранее перевод и печатное издание, Ю.Д. Рыков опубликовал в своем исследовании [2]. Дальнейшие поиски, предпринятые ученым, позволили обнаружить еще один список и несколько упоминаний «Правил Иппонского собора» в рукописях конца XIX – середины XX в., где также воспроизводилась запись из этого загадочного издания. К этому перечню можно добавить список конца XIX – начала XX в., содержащий текст «Правил Иппонского собора» [3]. Однако на основании поздних списков Ю.Д. Рыкову не удалось выяснить, представляли ли собой «Правила Иппонского собора» печатное издание или рукопись; являлись ли аутентичными или фальсифицированными.

Между тем в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН) хранится рукописная книга, которая позволяет прояснить историю возникновения этого текста. Рукопись (БАН. Собр. Доброхотова № 6, написанная на 189 листах, 8°), попала в Библиотеку в составе собрания епископа Олонецкого Павла Доброхотова и, возможно, была приобретена им в Олонецкой епархии. По водяным знакам рукопись датируется 1804 – началом 1810-х гг.

[4]. Владельческие записи указывают на то, что уже во второй половине 1820-х гг. рукопись принадлежала семье Пыстиных [5].

Рукопись содержит копии разновременных писем, записей, описаний прений о вере, которые как мозаика складываются в увлекательное, а иногда детективное повествование. Многолетний конфликт между старообрядцами разных согласий, порой доходивший до применения физической силы, предстает перед нами весьма запутанным. Если с доверием относиться к сообщаемым рукописью фактам, то складывается следующая история.

В 1790 г. ярославец Иван Тимофеевич Собласков, бывший проездом в «Василь городе», по поручению Павла Филипповича Кружукова пытался разыскать печатный экземпляр «Правил Иппонского собора». Однако находившийся там экземпляр сгорел; поиски в иных городах также не дали результата. Лишь в Москве Собласкову удалось найти нужную тетрадь и списать ее слово в слово; вскоре после этого последний печатный экземпляр был куплен «иноземским» купцом. Все это Иван Собласков изложил в письме Павлу Филипповичу, сопроводив его копией «Правил Иппонского собора». Письмо представляет собой завязку последующей истории, объясняя, что еще в недавнем прошлом существовало два печатных экземпляра «Правил», но один из них сгорел, а второй увезен заморским купцом – то есть также утрачен безвозвратно. Это обосновывает отсутствие печатного экземпляра Правил. Зато снятая Иваном Собласковым копия, как следует из письма, воспроизводит утраченное издание строка в строку, включая выходные данные, в чем окончательно уверить нас должно свидетельство Острожского купца Григория Спиридоновича Крискидонкина, собственноручно заверившего снятую Иваном Собласковым копию. Рукописная копия, как следует из записи, предшествующей «Правилам Иппонского собора», ничем не отличается от печатной книги, воспроизводя ее текст строка в строку, буква в букву: «По печати сей лист 1, по сему же и прочая разумевай» [6].

Итак, благодаря трудам Ивана Собласкова в руках Павла Филипповича Кружукова оказалась копия «Правил Иппонского собора», построенных по образцу соборных постановлений и насчитывающих 50 правил. Согласно рукописи, Иппонский собор постановил, что в случае нужды, при отсутствии священников и епископов, мирянин или монах может исповедовать, крестить или венчать людей, в том числе перекрещивать раскольников или крестить самого себя; перешедшие в правую веру из ереси священники или епископы не могут сохранять священство. Правила сопровождаются своеобразным послесловием – «рассуждением» Московского патриарха Иосифа, имевшим едва ли не большее значение для последующей истории, чем сами правила. Послесловие представляет собой пророчество патриарха Иосифа, в котором говорится, что в скором времени на Руси не станет истинного священства, и по нужде, согласно постановлениям Иппонского собора, мирянам самим придется совершать необходимые таинства: крещение, венчание и покаяние. Отныне сохранившим чистоту веры и двуперстное знамение, пишет патриарх Иосиф, следует более всего полагаться на постановления Иппонского собора. Следом

приведена уже знакомая нам «выходная запись», рассказывающая о переводе «Правил» в 1621 г. на Афоне и их издании тиражом 20 экземпляров в Москве в 1652 г.

В течение десяти лет Павел Филиппович (крестьянин, занимавшийся торговлей и живший в «Афанасийском городке») бережно хранил бесценные «Правила Иппонского собора». Однако в 1800 г. он затеял переписку со своим давним знакомым и тоже торговцем Кириком Якимовичем. Павел Филиппович придерживался мнения, что в особых случаях, за отсутствием священников, миряне или монахи могут совершать крещение через погружение, бракосочетание через обещание брачующихся, а также исповедовать. Отсутствие священства ведет к безвозвратной утрате других таинств: миропомазания, хиротонии, причащения и елеопомазания. Отвергая господствующую церковь как еретическую, Павел Филиппович полагал необходимость молитвы за царя. Иную точку зрения отстаивал Кирик Якимович, который считал, что без священства нет церкви, и следует принимать священников, рукоположенных еретиками, если они раскаялись в своих заблуждениях. Такое сохранение священства позволяет сохранить все таинства, кроме елеопомазания.

Спорщики, принадлежавшие к разным толкам, не смогли договориться; надеясь убедить в своей правоте оппонента, Павел Филиппович послал ему драгоценную копию «Правил Иппонского собора». Получив в ответ целый ряд возражений, Павел Филиппович, не полагаясь больше на собственный дар слова, обратился за помощью к старцам. Возможно, одной из причин обращения к старцам была недостаточная грамотность Павла Филипповича, письма за которого писал его помощник. Первая попытка Павла Филипповича найти поддержку оказалась неудачной. По совету Кирика Якимовича, сначала Павел Филиппович переслал затеявшуюся переписку старцу Дионисию Петровичу. Тот, однако, отказался участвовать в споре, полагая в равной степени неправыми обе стороны, поскольку сам не принимал ни молитвы за царя, ни браков. Тогда Павел Филиппович отослал бумаги в Верхкамышев «философу» Льву Анфиногеновичу Воеводкину. Последний не только с удовольствием сам вступил в полемику, но и привлек своего брата Луку. Пока братья трудились, составляя обширный ответ «кривовернику» Кирику, Павел Филиппович показал письма жителю того же «Афанасийского городка» Иакинфу Емельяновичу Кантогорову, который также взялся написать ответ Кирику Якимовичу. Собранный в результате «обличительную тетрадь» торжествующий Павел Филиппович выслал своему противнику.

Не желавший уступать Кирик Якимович, в свою очередь, ответил на пришедшие письма, и спор, вовлекая все новых участников, разгорелся с новой силой. Спорщики подбирали новые аргументы, ссылаясь то на сочинения святых отцов, то на авторитет святых обителей. Наряду с такими отцами церкви, как Кирилл Иерусалимский, Афанасий Великий, Кирилл Александрийский и другими, в послании «премудрого» Льва Анфиногеновича мелькают ссылки на сочинения, принадлежавшие неизвестным авторам: Спиридону Костромскому, блаженному Гавриилу, иеромонаху Азарию. Перечисленные авторы

лишь вскользь упоминаются верхкамышевским философом; основные же аргументы он черпает из «Правил Иппонского собора» и из книги патриарха Константинопольского Фомы, насчитывающей, по меньшей мере, 48 глав. Обширные цитаты из неизвестного сочинения Константинопольского архипастыря, как догадывался Лев Анфиногенович, должны были повлечь сомнения в их подлинности; поэтому автор нашел нужным объяснить появление книги, о которой никто не слышал: «В книзе Фомы патр. Царяграда, не сушей убо на нашем словенском языке, виденней же у купца Александрийскаго Амоса Иезекиилевича москвитинном Гурием Иоанновичем, иже по-словенски нужные от сея книги вещи преписа в лето 7270 маия 15-м дня, его же саморучное писание в руках своих аз, грешный, имам» [7]. Так, со слов верхкамышевского книжника, мы узнаем о еще одном переводе с греческого языка, подготовленном в 1762 г.

Почти три года, с марта 1800 г. по январь 1803 г., длились прения, причем стороны общались исключительно через письма. Оборвался спор лишь после того, как Кирик, оказавшийся в «Афанасийском городке», не в силах совладать с собой, в гневе разорвал все письма вместе с «Правилами Иппонского собора», а обрывки рассовал по нескольким кулям с мукой.

Однако бесценные послания Льва Анфиногеновича и «Правил Иппонского собора», доказывающие неправоту Кирика, казалось, безвозвратно утраченные, уцелели. По счастливой случайности несколько обрывков было найдено неким Тимофеем в мучных кулях в январе 1807 г. Это было тем удачнее, что спустя несколько дней Тимофею довелось встретиться с иноками «Вырьинского» монастыря Венедиктом, Ефросином и Иосафом – достойными последователями взглядов Кирика Якимовича. Прежние герои, всего четыре года назад бывшие единственными действующими лицами этой истории, исчезли бесследно, и на смену им пришли новые лица. Новый виток полемики вовлек уже Тимофея и Венедикта. Подстегиваемый желанием уличить соперника в неправоте, Тимофей предпринял новые поиски отрывков «Правил Иппонского собора» и посланий их апологетов. На протяжении нескольких месяцев Тимофей находил все новые и новые фрагменты переписки, изодранные и измазанные размокшей мукой, тщательно их собирал, отчищал, склеивал и переписывал. Первые листы Тимофей нашел 1 января, последние – 9 сентября 1807 г. Таким образом, Тимофею удалось реконструировать значительную часть переписки. Переписывая разодранные тетради, он оставлял пустые строки для утерянных фрагментов и скрупулезно фиксировал, на сколько клочков было разорвано каждое послание и какого числа он нашел обрывки. Впрочем, опять-таки по счастливой случайности, не разысканные фрагменты не нарушали целостности повествования – все важное сохранилось, и лакуны в тексте не мешали изложению аргументов. Таким образом, вся предыстория – находка «Правил Иппонского собора» в 1790 г. и последующие споры – постепенно раскрывается в ходе полемики между Тимофеем и Венедиктом.

Между тем насельники «Вырьинской» обители, Венедикт и его товарищи, первоначально весьма легкомысленно отнеслись к известию о необычной

находке. «Он же ниже слышати, ниже видети хотяше, но басни быти глаголаше вся: “И в коем, – рече, – кулю обрестися, ржаном или пшеничном?” – яки бесяся и смеяся долгим грохотанием», – так Венедикт воспринял сообщение о находке в кулях с мукой обрывков «Правил Иппонского собора» [8]. Однако после того, как Тимофей предъявил находку, Венедикт растерялся и был посрамлен. Внезапно объявившаяся копия Правил столь авторитетного собора и мудрые послания Льва Анфиногеновича явились для противной стороны полной неожиданностью, так что Венедикт, не в силах сдержаться, попрекнул своего предшественника Кирика, столь неумело уничтожившего «Правила Иппонского собора», и воскликнул в сердцах: «Се, не возмог назад отслати обличительная их словеса, но в кули спихал <...> Аще бы аз – во огонь метнул или в воду!» [9]. Впрочем, Тимофею удалось предотвратить новую беду и не дать испортить драгоценные тетради Венедикту, пытавшемуся забрать их себе или «подправить». Прения между Тимофеем и Венедиктом с товарищами продолжались долго – Венедикт, посрамленный, уходил, но затем вновь возвращался, и спор продолжался. В какой-то момент Венедикт, ушедший «на Колву», был там пойман властями и посажен в тюрьму, но потом явился к Тимофею снова. Сам Тимофей, названный лишь в колонтитуле к повествованию о прениях с Венедиктом, все время находится вне поля зрения читателя. Имя его не упоминается, и если противная сторона определена четко: Венедикт и его товарищи, то место героя и главного действующего лица другой стороны занимает неопределенное «мы».

Конец истории неясен, точнее – он отсутствует. Повествование заканчивается очередным витком полемических речей, и чем завершается история, какова судьба участников спора, остается неизвестным. Зато проясняется судьба «Правил Иппонского собора». Прения между Тимофеем и Венедиктом, согласно повествованию, происходили в 1807 г., но последнее свидетельство о копии «Правил Иппонского собора» относится к марту 1812 г., когда некий Филимон (еще один новый владелец «Правил!») показал сборник, содержащий «Правила» и описание всех последующих событий, нескольким самым авторитетным наставникам: казанскому настоятелю Ивану Золотареву и московскому купцу Лаврентию Ивановичу, но получил весьма суровую отповедь: «Ложны правила, – приказали мне снести в поварню во огонь. – Ниже мы всегда в Москве живем, а Правил не видали Иппонских» [10]. Оба учителя, упоминаемые в рукописи, хорошо известны: казанский купец Иван Тихонович Золотарев был весьма авторитетным наставником, много трудившимся на благо казанской федосеевской общины в начале XIX в. [11]; **московский купец** Лаврентий Иванович Осипов (1766–1825) был наставником федосеевской общины при Преображенском кладбище [12]. Оценка новоявленных Правил, данная наставниками, не оставляет сомнений: «Жениться захотели, да новы правила написали» [13]. Такая оценка тем более интересна, что один из наставников, Л.И. Осипов, возглавил движение «брачных» среди московских федосеевцев, и отказ признать сомнительные «Правила Иппонского собора», свидетельствующие в пользу его собственной точки зрения, говорит о несо-

мненном стремлении наставника к истине, а не к выгоде. Однако новый владелец, Филимон, не пожелал так легко расстаться с «Правилами». С нотками обиды Филимон рассказывает о том, что старцы презрели как подлинную копию иосифовского издания, так и собственноручно написанные послания сибирских отцов.

* * *

Драгоценный сборник не попал в печь. Можно с уверенностью утверждать, что именно он стал оригиналом, с которого снимались последующие копии «Правил», известные по жизнеописанию Петра Юродивого и более поздним рукописям. В этом нас убеждает то, что в «выходной записи» мнимого издания, воспроизведенной в жизнеописании Петра Юродивого, указано число листов издания – 16. В иных копиях «выходной записи» количество листов не указано; зато оно совпадает с числом листов, которое «Правила Иппонского собора» занимают в рукописи БАН. Эта особенность, наряду с ранней датировкой сборника, хранящегося в БАН, говорит о том, что именно он является той рукописью, в которой впервые собрана данная история.

Выше мы кратко описали события, изложенные в рукописи; однако очевидно, что далеко не всем ее сообщениям можно доверять. Рукопись пестрит именами, датами, названиями населенных пунктов, однако при всем изобилии фактов чрезвычайно трудно выяснить, кто были ее герои и где происходили события.

Основные взгляды двух спорящих сторон, обрисованные в письмах Льва Анфиногеновича и в прениях между Тимофеем и Венедиктом, одни и те же. Венедикт твердо держится взглядов беглопоповцев; Тимофей принадлежит к брачным беспоповцам. В одном из посланий, адресованных Кирику Якимовичу, автор-беспоповец настаивает на широком распространении своей веры, описывая ее следующими словами: «Наше православное согласие Сионския веры или в сей точию стране быть нам речете, солгатеся имате – не в Сибирстей бо и нагорней стране, еже Волги низу, но и в самех трех градах столечествующих глаголю, и в Великом Новеграде обрящете наше благочестие» [14]. Однако попытки точнее определить толк, которому принадлежала та или иная сторона, а главное – место их обитания, наталкиваются на неожиданные препятствия. Чуть ли не на каждом листе рукописи появляются новые имена и названия населенных мест, но почти все они представляют загадку.

Наиболее подробно описываются сторонники подлинности «Правил Иппонского собора». Множество топонимов предстает перед нами с первых же строк истории: в 1790 г. главные поиски «Правил» велись в «Василь городе», хотя найти их удалось только в Москве. Главный герой и зачинатель спора, Павел Кружуков, обитает в «Афанасийском городке», а его корреспондент, «философ» Лев Анфиногенович – в «Верхкамышеве». Место обитания главного оппонента первоначального спора, «кривоверника» Кирика, с которым остальные герои то обмениваются письмами, то встречаются лично, остается неопределенным. Таким образом, упоминаемые населенные пункты, при

всей обыденности их наименований, никак не могут помочь определить, где же происходили описываемые события. Немало было в России деревень Васильевок и Афанасьевок, немало и Камышовок, Верхних и Нижних; однако ни одного «Верхкамышева» в списках населенных мест Российской империи обнаружить не удастся.

Единственным указанием на несомненно существовавший населенный пункт в первой части повествования является упоминание Обонежского Юрьегорского монастыря, старцы которого, как выясняется, близки по своим взглядам к беспоповцам Павлу Кружукону и Льву Анфиногеновичу, хотя различия не позволяют им объединиться. Православный Троицкий Юрьегорский монастырь, расположенный на берегу Монастырского озера, был основан преп. Диодором в первой четверти XVII в. [15]. Монастырь находился поблизости от Онежского озера, в самых глухих местах, избранных старообрядцами для поселений в XVIII–XIX вв. С 1764 г. монастырь превратился в обычный приход [16]; в 1803 г. была построена каменная Троицкая церковь. На чертежах середины XIX в. изображен целый ряд построек, окружавших храм, свидетельствующих о продолжении церковной жизни в этих местах в первой половине XIX в. [17]. **О сохранении православного прихода свидетельствует обнаруженное А.В. Пигиным письмо местного священника, датированное 1815 г. [18].** Однако в этих местах, густо населенных старообрядцами, в конце XVIII – начале XIX в. действовал не только православный приход. О существовании достаточно крупной старообрядческой Юрьегорской пустыни говорит найденная А.В. Пигиным книга сбора подаяний начала XIX в. [19]; хотя, по мнению исследователя, маловероятно, чтобы старообрядческая пустынь и православный приход сосуществовали на Юрьевой горе [20]. Многочисленные сведения о староверческих поселениях, находившихся в первой половине XVIII в. **на землях православного Юрьегорского монастыря, собраны А.Н. Старицыным.** По мнению автора, старообрядческая пустынь, фигурирующая в найденной А.В. Пигиным книге, располагалась в Янгоре, на бывших землях Юрьегорского монастыря [21].

Несмотря на неясность вопроса о местонахождении Юрьегорского монастыря и численности его насельников, очевидно, что подобная обитель существовала в Обонежье – местах, тяготевших к Выговской пустыни. В интересующей нас рукописи, описывающей судьбу «Правил Иппонского собора», сообщение о Юрьегорской пустыни появляется не только в первой легендарной части повествования, но и во второй, где упоминаются «ответы Юрьегорских отцев», отождествляемые с «Алонскими ответами». В последних можно видеть Олонецкие ответы – знаменитое сочинение выговских отцов. Таким образом, и это упоминание указывает на Обонежье как на регион, с которым тесно связана история «Правил Иппонского собора».

Собственно говоря, Юрьегорская обитель является единственной, хоть и весьма слабой ниточкой, связывающей повествование о судьбе «Правил Иппонского собора» с действительными старообрядческими поселениями (по крайней мере, известными в настоящее время). Во второй части повествова-

ния вопрос о месте действия стоит не менее остро. По всей видимости, основное действие должно происходить в «Афанасийском городке», где жил Павел Кружуков – владелец бесценных «Правил», и где обличавшие беглоповцев тетради были разорваны и спрятаны в кулях. Однако во второй части место, в котором происходят события, не называется, заставляя нас гадать, по-прежнему ли главные герои находятся в «Афанасийском городке»? Напротив, одним из главных топонимов становится «Выршинская обитель», откуда приходит Венедикт и его товарищи, насельники этой обители. И снова на нашу долю остаются одни сомнения: действительно ли существовала подобная обитель? Не является ли она вымыслом автора? На северо-западе России известен целый ряд населенных мест, названия которых образованы от слова «вырь» – овраг; однако старообрядческого «Выршинского» монастыря среди них нет.

Что же надежно в этом повествовании? Вся история построена вокруг «Правил Иппонского собора» – неизвестного ранее канонического сочинения. Иппонский (или Гиппонский) собор, в проведении которого принимал участие блаженный Августин, состоялся в 393 г. в Северной Африке и стал одним из ряда африканских соборов, предшествующих Карфагенскому собору 411 г. Собственных постановлений Иппонского собора неизвестно; принятые на нем решения, наравне с постановлениями других поместных африканских соборов, были включены в правила Карфагенского собора. Именно из правил Карфагенского собора, входивших в Кормчую книгу и сохранивших упоминания об Иппонском соборе, русскому читателю было известно об африканском соборе, состоявшемся в IV в. Сборник, хранящийся в БАН, открывается выписками из печатной Кормчей, содержащими постановления Карфагенского собора, в которых упоминается Иппонский собор. Очевидно, именно эти краткие упоминания действительно состоявшегося собора, собственных постановлений которого не было известно, побудили ревнителей веры «восстановить» утраченные правила.

Таким образом, несомненным вымыслом является существование написанных на греческом языке «Правил Иппонского собора», их перевод в 1621 г. на Афоне и издание на Московском печатном дворе в 1652 г., включая послесловие патриарха Иосифа. Вымыслом мы должны признать и сообщение о другом переводе с греческого языка, якобы подготовленном в 1762 г. и содержащем сочинения патриарха Константинопольского Фомы. Однако можно полагать, что выдуманы были не только книги. Очевидно, что вся первоначальная история с находкой печатного издания (никогда не существовавшего!) в Москве в 1790 г., представленная в адресованном Павлу Филипповичу письме, является вымышленной. То же впечатление оставляют и дальнейшие события, относящиеся к 1800–1803 гг. Об этом свидетельствуют предельно простые и в то же время небывалые названия населенных пунктов: «Васильев» и «Афанасийский» города, «Верхкамьшев». Настораживает и обилие действующих лиц, характерное для первой части, в которой что ни страница – то новый герой. Многие из них появляются только для того, чтобы убедить читателя в правдоподобности событий, и затем бесследно исчезают. Наконец, само за-

вершение первой части истории, служащее завязкой последующих событий, выглядит невероятным: пролежав четыре года в кулях с мукой, драгоценные отрывки были найдены, склеены и переписаны.

Все это заставляет нас предполагать, что вся предыстория событий 1807 г. является вымышленной. Действительно, повествование о произошедшем в 1807 г. разительно отличается от предыдущего рассказа. Здесь мы уже не видим такого обилия действующих лиц, и все события укладываются в несколько встреч на протяжении полугода, а не трех с половиной лет, как в рассказе о переписке, затеянной Павлом Филипповичем. Населенный пункт, в котором обитает Тимофей, служащий основным местом действия, не определен, но зато и не выдуман. Иные топонимы, упоминаемые во второй части, являются реально существовавшими местами. Учитывая упоминания Обонежской Юрьегорской пустыни и расположение топонимов, название которых произведено от слова «вырь» (Выра, Вырица), описываемые события следует отнести к северо-западному региону. Вероятно, весь «роман в письмах», повествующий о событиях 1790–1803 гг. (включая «Правила Иппонского собора»), был подготовлен в 1807 г., когда Тимофей, главный герой событий 1807 г., встретился с насельниками «Вырьинской» обители. Перед каждой следующей встречей Тимофея и Венедикта по счастливому стечению обстоятельств «находятся» фрагменты новых посланий, обличающие предшественника Венедикта – «кривоверника» Кирика. Десятки клочков обнаруживались накануне каждой встречи, но как только спор Тимофея с Венедиктом прекратился, иссяк и источник новых находок. Это убеждает нас в том, что к действительным событиям имеет отношение только рассказ о событиях 1807 г., когда схватились в споре Тимофей с Венедиктом.

В том, что Тимофей – реальное, а не вымышленное лицо, убеждает нас вклеенный в рукопись листок с жалобным письмом некоей Матрены Никитовны к Тимофею Ивановичу – очевидно, главному участнику прений с Венедиктом. Видимо, за нехваткой бумаги письмо, когда-то сложенное и бережно хранившееся, было обрезано и исписано поверх цитатами из святоотеческих сочинений [22]. Письмо вклеено уже после рассказа о том, как «Правила Иппонского собора» были осуждены в 1812 г. Иваном Тихоновичем Золотаревым и Лаврентием Ивановичем Осиповым. Это заставляет предполагать, что именно Тимофей Иванович был составителем всего кодекса, который, несмотря на разновременность излагаемых в нем событий, следует рассматривать как цельное сочинение. Однако это письмо не позволяет нам понять, откуда были родом герои повествования.

Парадоксальным образом только позднейшие наслоения, не связанные, казалось бы, напрямую с описываемыми событиями, позволяют разыскать некоторые реалии, дающие возможность судить о месте создания сборника. На листах книги остались пометы, принадлежавшие трем людям из семьи Пыстных: Марку, Ивану и Кириллу; последний оставил две записи, датированные 1826 г. Наиболее ранней, вероятно, следует считать запись Марка Пыстина, «спрытавшего» свой автограф среди узоров, которыми украшен приклеенный

к обороту верхней крышки переплета лист. В записях не указано место, где они сделаны; однако из других источников мы узнаем, что в конце XVIII – начале XIX в. Пыстины жили в Троице-Печерском районе Республики Коми. Известен автограф, оставленный Иваном Васильевичем Пыстиным, крестьянином Усть-Сысольского уезда, на одной из рукописей [23]. В 1827 г. право на торговлю в Троице-Печорске получил П.К. Пыстин [24]. Эти Пыстины жили в одном регионе, близ Троице-Печорска. В тех же краях, в Усть-Илыче, в 1799 г. проживали еще двое Пыстиных: Дмитрий Григорьевич и его племянник Кирилл Марков сын, упоминаемые в исследовании Ю.С. Белянкина, опубликованном в настоящем сборнике [25]. Дядя и племянник, как указывает Ю.С. Белянкин, проживали в селе Усть-Илыч Усть-Сысольского уезда, от которого до Троице-Печорска около 35-ти километров вниз по реке Печоре.

В какой-то момент, расставшись со своим оппонентом, Венедикт ушел на реку Колву, где был пойман и посажен в тюрьму, но затем бежал оттуда и вернулся к Тимофею. Мельком упомянутая река Колва указывает на регион между Камой и Печорой: от Усть-Илыча, где жили дядя с племянником, до верховий Колвы около 80-ти километров. Можно полагать, что Кирилл Марков сын Пыстин, подписывавший в 1799 г. за своего дядю книгу и, вероятно, бывший тогда достаточно молодым человеком, и Кирилл Пыстин, владевший «Правилами Иппонского собора» в 1826 г. – одно лицо; а Марк Пыстин, оставивший автограф в самом начале рукописи, – его отец. Были ли Пыстины всего лишь случайными владельцами редкой книги или они причастны к ее составлению, невозможно сказать достоверно; однако можно с уверенностью утверждать, что Усть-Сысольский уезд был именно тем регионом, в котором происходили события, относившиеся к 1807 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыков Ю.Д. Неизвестный старообрядческий писатель XIX в. Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 149–189.

2. Там же. С. 168–169.

3. Сведения о рукописи были любезно сообщены мне А.А. Юдиным. Сердечно благодарю А.Ю. Бородихина и А.А. Юдина за возможность ознакомиться с цифровой копией рукописи, находящейся в старообрядческой общине в Горной Шории (Кемеровская область). Копия рукописи хранится в Отделе рукописей ГПНТБ СО РАН под шифром Q IX (E1). 1. Рукопись, представляющая собой сборник в 4° на 191 л., датируется концом XIX – началом XX в. Штемпели: 1) «Косинская фабрика Рязанцевых» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. Табл. II. № 175 (1887 г.); 2) «Зиминь Москва» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. № 64 (1908 г.); 3) «Фабрики наследников Сумкина» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. № 201–202 (1869–1909 гг.). В рукопись в числе прочего входят «Правила Иппонского собора», л. 4 об.–15 об.

4. Бумага с водяным знаком Герб Ярославля 9-го типа по Клепикову и литерами ЯМГЯ (?). См.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. С. 20–23. Филигранные нескольких видов с белыми датами 1802–1804 гг.

5. БАН. Доброхот. 6. Оборот верхней крышки переплета: «Марку Пыстину»; Л. 64 – «1826 года апреля 12 дня писал Кирило Пыстин»; Л. 166 – «Иван Пыстин»; Л. 171 об.–172 – «Кирила Пыстина подписал 1826 года».

6. БАН. Доброхот. 6. Л. 6.

7. БАН. Доброхот. 6. Л. 57 об.

8. БАН. Доброхот. 6. Л. 91 об.–92.

9. БАН. Доброхот. 6. Л. 140.

10. БАН. Доброхот. 6. Л. 174.

11. *Белобородов С.А.* «И вскоре раскол здесь необычайно усилился» (К истории старообрядчества Красноуфимского уезда) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (4). 2012. С. 86–110.

12. *Сморгунова Е.М.* Старообрядческие семейные и родовые захоронения на Преображенском кладбище // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 1999. С. 355.

13. БАН. Доброхот. 6. Л. 174 об.–175.

14. БАН. Доброхот. 6. Л. 78.

15. *Чумичева О.В.* Дамиан Юрьегорский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 704–706.

16. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 355, № 1228.

17. *Бодэ А.Б.* Троицкая церковь на Юрьевой горе // Деревянное зодчество. СПб., 2010.

18. *Пигин А.В.* О некоторых книгах из Троицкого Юрьегорского монастыря // Книжные центры Древней Руси: книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 327 (сноска 30).

19. Там же. С. 321–329.

20. Там же. С. 327.

21. *Старицын А.Н.* Староверческие поселения в окрестностях Диодоро-Юрьегорского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. История. 2014. Май, № 3. С. 18–23.

22. БАН. Доброхот. 6. Л. 181 об.: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй насъ. / <неразб.> я Матрона Никитовна Тимо<...>/ новичю низаишии поклонъ от лица дос<...>/ ли со слезами и прошу прощение и бла<...>/ во вѣки **снарежаюся я Матрона** и <...>/ ты преже снарежалъся Тимофей на дал<...>/ сто а ты Тимофей Ивановичъ кумъ <...>/ обвѣщался со мной во вѣки жити и <...>/» (письмо обрезано по правому краю приблизительно на 2–3 см; конец письма утрачен).

23. *Балашов Д.М., Бегунов Ю.К.* Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 424.

24. *Мацук М.А.* Торговля как реалия повседневной жизни населения южной части Коми края в первой половине XIX столетия // Повседневная жизнь Коми края. Вып. 1. Сыктывкар, 2006.

25. *Белянкин Ю.С.* Эсхатологическое сочинение «Бездна» из сборника с автографами пустозерских узников: проблемы изучения // Современные проблемы археографии. Вып. 2. С. 460.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	Академия наук
АРАН	Архив Российской академии наук
Архив НЗХТ	Архив национального музея-заповедника Херсонес Таврический
БАН	Библиотека Российской Академии наук (Библиотека Академии наук СССР)
ВГИАХМЗ	Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВХНРЦ	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И.Э. Грабаря
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	Государственная библиотека им. В.И. Ленина, см.: РГБ
ГИМ	Государственный исторический музей
ГММК	Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГОП	Государственная Оружейная палата
ГПНТБ СО РАН	Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ДРИ	Древнерусское искусство
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности АН
ИРЛИ	Институт русской литературы АН (Пушкинский Дом).
ИРЯ	Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Кат.	Каталог
МГАМИД	Московский государственный архив Министерства иностранных дел
МГУ	Московский государственный университет
МДА	Московская духовная академия
НИОР	Научно-исследовательский отдел рукописей
НБ	Научная библиотека
НБКМ	Национальная библиотека свв. Кирилла и Мефодия (София)
ОЛДП	Общество любителей древней письменности
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности АН.
ОС	Общее собрание
ОСРК	Основное собрание рукописной книги
Прот.	Протоколы
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей

ПФА РАН	Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РАН	Российская Академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека
РНБ	Российская национальная библиотека
РФА	Российский
СПбДА	Санкт-Петербургская духовная академия
СПИ	Сектор письменных источников
СОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности АН
ТГУ ОРКП	Томский государственный университет, Отдел рукописей и книжных памятников
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом).
ЦГАДА СССР	Центральный государственный архив древних актов СССР, см.: РГАДА
ЦНБ НАН Украины	Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины
ЧКМ	Чердынский краеведческий музей
ЮАЗУ	см. HAZU
HAZU	Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti (Хорватская академия наук и искусств), Загреб
BNF	Bibliothèque nationale de France

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранкова Галина Серафимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук (Москва).

Изборник Святослава 1073 года является переводом византийского сборника энциклопедического характера, сделанным в Восточной Болгарии. Он рано появился на Руси и получил большое распространение в русских списках. Статьи из Изборника очень часто включались в состав древнерусских сборников. В результате проведенного анализа установлено, что при составлении сборников их редакторы включали статьи из Изборника по тематическому принципу. Часто редакторы дополняли эти статьи, реже сокращали их. Иногда статьи существенно переделывались и наполнялись реалиями древнерусской жизни. Язык статей Изборника был отредактирован.

Ключевые слова: текстология, Изборник, сборники, рукописи, разночтения, редакционные изменения, язык.

Barankova Galina S. – PhD, leading researcher of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Svyatoslav's Miscellany in 1073 (Izbornik of Svyatoslav 1073) is a translation of the Byzantine encyclopedic collection, made in Eastern Bulgaria. He soon appeared in Russia, and became wide spread in the Russian copies. Articles from Izbornik often were included in the Old Russian collections. The analysis found that in the preparation of compilations of their editors have included articles from the Izbornik by topic. Often editors have supplemented these articles were less to cut them. Sometimes articles substantially altered and filled with the realities of Old Russian life. The language of the articles was edited.

Key words: textual criticism, Izbornik of Svyatoslav 1073 (Svyatoslav's Miscellany in 1073), collections, manuscripts, readings, language.

Башнин Никита Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, преподаватель Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

В статье исследуются синодики Дионисиево-Глушицкого монастыря XVII–XVIII вв. В конце XIX – начале XX в. ученым было известно три глушицких помянника. После закрытия монастыря в 1924 г. две рукописи были переданы в Вологодский музей, местонахождение третьего памятника неизвестно. Удалось установить, что в собрании НИОР БАН хранится семь листов, вырванных из синодика Глушицкого монастыря, который находится в Вологде.

Ключевые слова: Глушицкий монастырь, синодик, поминальная практика.

Bashnin Nikita V. – PhD, research associate at St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

In the article I investigate the *sinodiki* of 17th – 18th centuries of Glushitsky monastery. In the late of 19th – early 20th century scientists knew three *pomyannika* of Glushitsky monastery. After the monastery was closed in 1924, two manuscripts were transferred to the Vologda Museum; location of the third document is unknown. It was found that in the

collection of Library of the Academy of Sciences kept seven sheets that are torn from the Synodicon of Glushitsky monastery, which is located in Vologda.

Key words: Glushitsky monastery, Synodicon, commemoration practice.

Белова Людмила Борисовна – главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук.

О иконописце Антониево-Сийского монастыря иеромонахе Никодиме. В статье использованы материалы РГАДА, содержащие сведения о нем. В приложении публикуется текст договора (1741 г.) о написании и поновлении икон в монастыре, написанный рукой иеромонаха Никодима и подписанный иеромонахом того же монастыря Вассианом.

Ключевые слова: иконописание, монастыри.

Belova Ludmila B. – leading librarian of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences.

The article is devoted to the iconographer from Antonievo-Siyskiy Monastery Hieromonk Nikodim. There are used RGADA materials containing information about him. The attachment contains the text of the agreement (1741) about writing and renovations icons in the monastery, written by hand of Hieromonk Nikodim and signed Hieromonk of the same monastery Vassian.

Keywords: iconography, monasteries.

Беляева Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, директор Библиотеки Российской академии наук.

Бубнов Николай Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук.

Статья освещает основные направления научных исследований в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук за 115 лет, заложенных основателем и первым заведующим отдела Всеволодом Измайловичем Срезневским. Отмечено, что на разных исторических этапах первоначальный план исследований приходилось корректировать в связи с изменением состава фондов отдела, специализацией сотрудников, расширением круга читателей и общим развитием гуманитарных дисциплин. При этом главные направления научных исследований остались неизменными. Основное внимание уделено характеристике работы обновленного коллектива сотрудников Рукописного отдела в последние десятилетия.

Ключевые слова: рукописи, археография, история науки, книговедение, науковедение, библиотекоеведение, библиография, Библиотека РАН.

Belyaeva Irina M. – PhD, Director of Russian Academy of Sciences Library.

Bubnov Nicolay Yu. – Doctor of History, leading researcher of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library.

The article gives an overview of main research areas of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library for 115 years laid by the founder and first head of the Department Vsevolod Izmailovich Sreznevsky. This initial research plan had to be adjusted at different historical stages due to changes in composition of the funds of the

Department, of specializing employees, expansion of the circle of readers and the general development of the humanities. At the same time the main directions of research remained unchanged. The main emphasis is focused on the work of the new researchers of the Manuscript Department in recent decades.

Keywords: manuscripts, Archeography, history of science, bibliology, bibliography, Russian Academy of Sciences Library.

Белякова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

В статье рассматриваются созданные каталоги славянских церковно-правовых текстов и проблемы, возникающие в связи с каталогизацией. Отмечается отсутствие научных изданий славянских церковно-правовых памятников. В научной литературе отсутствуют и устойчивые названия для памятников церковного права. На примере «Святительского поучения новопоставленному священнику» и «Почуения собору епархиального духовенства» показано наличие разных редакций и разных названий текстов, а также способы их переработки в более поздней традиции, в частности в цикле поучений Киевских митрополитов.

Ключевые слова: памятники церковного права, Почуение новопоставленному священнику, Почуение собору епархиального духовенства, редакции.

Belyakova Elena V. – PhD, leading researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

This article examines existing catalogues of the Slavic Canon law texts and problems arising by cataloging. There is a noticeable lack of scientific editions of the Slavic sources of Canon law. The scientific literature contains no the stable names for the monuments of the Canon law. Using the example of “Episcopal teaching for the newly ordained priest” and “Teachings for the assembly of diocesan clergy” the article shows a variety of different editions and names of the texts, as well as the methods of their processing in the later tradition, in particular in the cycle of sermons by Kievan metropolitans.

Key words: the monuments of the Canon law, teaching for the newly ordained priest, teachings for the assembly of diocesan clergy, editions.

Белянкин Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ, старший научный сотрудник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Анонимное эсхатологическое сочинение, впервые найденное несколько десятилетий назад в одном из рукописных сборников, пребывавших какое-то время в Пустозерске вместе с первыми страдальцами за «старую веру», по-прежнему вызывает сложные вопросы, главные из которых – время создания и авторство текста. Произведение, известное в исследованиях как «Бездна», весьма необычно по форме и содержанию и во многом уникально. Важным шагом в сторону дальнейшего изучения памятника стало недавнее обнаружение на Северном Урале и введение в научный оборот второго, несколько более позднего списка «Бездны».

Ключевые слова: эсхатология, пустозерский сборник, кодикология, археография.

Belyankin Yuriy S. – PhD, senior researcher of the Manuscript Department of the

Russian State Library, senior researcher of the Historical faculty of the Moscow State University.

Anonymous eschatological writing, first found a few decades ago in one of the manuscripts that was a possession of the first martyrs for old belief in Pustozorsk, still raises some complicated questions. The most crucial among it – the time of composing and authorship. This text known in the researches as «Bezдна» is highly unusual in its form and content. An important step towards further study of the text is the finding of the second copy of «Bezдна» (a little bit more later dating) in the Northern Urals.

Key words: eschatology, Pustozorsk manuscript, codicology, archeography.

Бережная Наталья Александровна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук.

В предлагаемой статье автор анализирует латинскую рукопись F 12, хранящуюся в Библиотеке Академии наук, и впервые вводит ее в научный оборот. Рукопись представляет собой перевод на латинский язык Степенной книги – историографического памятника Древней Руси третьей четверти XVI в. Как показало проведенное исследование, перевод был сделан с Никоновского (Академического) списка Степенной книги (БАН, 32.8.1). Этот список был впервые атрибутирован как рукопись, принадлежавшая новгородскому архиепископу Феофану Прокоповичу в середине тридцатых годов XVIII в. Латинский текст следует датировать второй половиной тридцатых годов XVIII в. Рукопись была переплетена не ранее 1765 г. и, вероятно, тогда же поступила в Библиотеку Академии наук.

Ключевые слова: латинская рукопись, переводы Академии наук, Степенная книга, Феофан Прокопович.

Berezhnaya Natalia A. – Jr. researcher, Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library.

This article analyzes the Latin manuscript F 12 from the Library of the Russian Academy of Sciences, and presents it at the first time. The manuscript is Latin translation of the Book of Degrees of the Royal Genealogy, historiographical monument of Old Russia of the third quarter of the 16th century. The study shows, the translation was done from the Nikon's (Academic) copy of the Book of Degrees of the Royal Genealogy (BAN, 32.8.1). This copy was attributed as the manuscript, belonged to the Archbishop of Novgorod Theophan Prokopovich in the mid-thirties of the 18th century. The Latin text should be dated to the second half of 1730 years. The manuscript was bound not earlier than 1765, probably at the same time the manuscript came to the Academy of sciences.

Key words: Latin manuscript, translations of the Academy of Sciences, the Book of Degrees of the Royal Genealogy, Theophan Prokopovich.

Братчикова Елена Кимовна – кандидат искусствоведения, научный редактор Издательского Дома «Парад» (Москва).

Статья посвящена анализу лицевых редакций Жития Димитрия Угличского из книгописных собраний Москвы и Санкт-Петербурга. Рассмотрены книжный и иконный типы оформления этого произведения. Определены стилистические черты, характерные для старообрядческих списков. Исследована выго-лексинская редакция,

содержащая 80 миниатюр и представляющая собой образцовый вариант иллюстрирования текста (БАН). Выявлен ряд списков с датой «1757», являющейся годом канонизации Димитрия Ростовского, в редакции которого выполнены парадные лицевые версии Жития Димитрия Угличского.

Ключевые слова: Димитрий Угличский, царевич, житие, текст, миниатюры, редакции, типы художественного оформления, выго-лексинский список, атрибуция.

Bratchikova Elena K. – PhD, Scientific Editor of «Parade» Publishing House (Moscow).

The paper is concerned with analysis of illustrated editions of «Hagiography of Dimitry of Uglich» from Moscow and St. Petersburg manuscript collections. Book and iconic design types are reviewed. Stylistic features specific to Old Believers lists are defined. It is explored Vygo-Lexsin edition of Hagiography, which contains 80 miniatures and represents the exemplary variant of text illustrating. It was identified number of lists contains «1757», the year of canonization of Dimitry of Rostov, by whom ceremonial illustrated manuscripts of Hagiography were edited.

Key words: Dmitry of Uglich, tsarevitch, hagiography, text, miniatures, editions, decoration types, Vygo-Lexsin list, attribution.

Вознесенская Ирина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник НИОР БАН.

Всеволод Измайлович Срезневский: материалы к библиографии. Всеволод Измайлович Срезневский — первый ученый хранитель рукописей Академии наук оставил колоссальное научное наследие, которое до сегодняшнего дня не утратило своей актуальности. Основные направления его деятельности отражены в многочисленных публикациях. Настоящая работа – первый опыт составления библиографии В.И. Срезневского.

Ключевые слова: Всеволод Измайлович Срезневский, библиография.

Voznesenskaia Irina A. – PhD, Manuscript Department, Russian Academy of Sciences Library.

Academic heritage of Vsevolod Izmailovich Sreznevsky, the first curator of manuscripts of Academy of Sciences, did not lose its relevance to nowadays. The main directions of his activity are reflected in numerous publications. This work - the first experience of Sreznevsky's bibliography.

Keywords: Vsevolod Izmailovich Sreznevsky, bibliography.

История петровского времени в контексте рукописной традиции. Широкое распространение «петровской» темы в рукописной традиции XVIII в. связано с тем огромным значением, которое в общественном сознании занимала личность Петра Великого. Обзор рукописных сборников из собрания Библиотеки Российской академии наук, связанных с историей царствования Петра I, позволяет сделать предварительные замечания о составе и источниках настоящих сборников.

Ключевые слова: рукописные сборники XVIII в., история царствования Петра I, документы петровского времени.

A widespread of «Petrine» theme in the 18-th century manuscript tradition is connected with the great importance of Peter the Great in the public mind. Review of manuscripts

related to the history of the reign of Peter I from the Library of the Russian Academy of Sciences, allows to make preliminary remarks on composition and sources of these manuscripts.

Key words: 18-th century manuscripts, the history of Peter the Great's reign, Petrine documents.

Григорьева Вероника Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры регентования Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета.

Статья посвящена вопросу атрибуции киноварных помет, содержащихся в крюковых певческих рукописях XVII в. В научных описаниях данного типа источников атрибуция помет является одной из основных позиций, поскольку служит важнейшим датирующим признаком, дополняющим палеографические и кодикологические данные. На основе анализа изменений в практике простановки помет, происходивших на протяжении XVII столетия, автором выявлены четыре основных периода. Для каждого из них составлен особый свод помет и указаны наиболее яркие различия.

Ключевые слова: киноварные пометы, научное описание певческих рукописей, теория киноварных помет.

Grigor'eva Veronika Y. – PhD, St. Tikhon's University.

Article is devoted to the problem of attribution of the red marks, which contain in krukovye singing manuscripts of the 17-th century. In scientific descriptions of this type of sources the attribution of the red marks is one of the basic positions: it is the major dating sign supplementing paleographic and codikological signs. On the basis of the analysis of changes in practice of using the red marks during the 17-th century, the author reveals four basic periods. In the article it is made the special list of the red marks and there are specified the brightest distinctions for each of these four periods.

Key words: the red marks, the scientific description of the singing manuscripts, the theory of the red marks.

Давыдова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки.

Статья посвящена забытому, но важному памятнику славяно-русской письменности, известному под названием «Сводный патерик». О большом значении этой компиляции в литературном процессе на юге славянства и в Древней Руси свидетельствуют даже немногие из имеющихся исследований, проведенные в XX в. В статье представлен анализ имеющихся работ о Сводном патерике, перечислены проблемы, остающиеся нерешенными, но требующие своего рассмотрения.

Ключевые слова: патерик, сборник, рукопись, архив, перевод, архетип, редакция, текст, литература.

Davydova Svetlana A. – PhD, chief librarian of the National Library of Russia.

The thesis is devoted to an important Slavic text known as Compiled Pathericon. Its had a great significance for the South slavonic and Old Rus' literature. The thesis analyses scientific works about Compiled Pathericon and some problems related with its studying.

Key words: Pathericon, manuscripts, archive, translation, archetype, text version, literature.

Добрынина Элина Николаевна – старший научный сотрудник Отдела древнерусского искусства Государственного института искусствознания, заведующая Отделом научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря (Москва).

Морозова Екатерина Ивановна – научный сотрудник Отдела научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря (Москва).

Большинство средневековых рукописей требуют создания специальной методики реставрации на основе изучения их кодикологии и истории бытования. В статье этот аспект описан на примере двух древнерусских рукописей.

Исследование Минеи на август показало, что ее рунированное шитье является оригинальным. Это потребовало особого подхода при создании переплета. Изучение кодикологии Кормчей привело к выводу о четырех этапах ее формирования и позволило уточнить время создания и установки последнего переплета на рукопись как конец XIV – начало XV вв.

Ключевые слова: кодикология древнерусских рукописей, дореставрационные исследования, реставрация пергаменных рукописей, реставрация переплетов.

Dobrynina Elina N. – PhD, Senior staff researcher at the State Institute for Art Studies; Head of the Department for Scientific Research and Conservation of Parchment Manuscripts, Grabar Art Conservation Center (Moscow).

Morozova Ekaterina I. – researcher at the Grabar Art Conservation Center (Moscow).

The majority of medieval manuscripts require conservation by special methods based on analysis of their codicology and history. In this article the importance of pre-conservation research is illustrated by the example of two Old Russian codices.

Key words: codicology, Old Russian manuscript, pre-conservation research, conservation of parchment manuscripts, book binding conservation.

Духанина Александра Владимировна – кандидат филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук (Москва).

Житие Сергия Радонежского – известный памятник древнерусской литературы с крайне сложной и не до конца изученной текстологией. Наличие части первоначальной редакции, написанной Епифанием Премудрым в 1418–1419 гг., и нескольких редакций Пахомия Серба, работавшего над Житием в 40–50-е гг. XV в., предоставило древнерусским книжникам возможность создавать новые варианты текста Жития, контаминируя главы из разных редакций или их видов. Примером сложной истории редактирования Жития Сергия Радонежского является возникновение трех разновидностей Вяземского вида Пространной редакции.

Ключевые слова: Житие Сергия Радонежского, Пространная редакция Жития Сергия Радонежского, текстология, редакция, вид редакции.

Duhanina Alexandra V. – PhD (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

The Life of St. Sergius of Radonezh is a well-known work of the Old Russian literature with very complicated textological history, which has been not fully researched yet. Having at their disposal the first part of the initial redaction written by Epiphany Premudry in 1418–1419 and some redactions by Pachomius the Serb, which worked on the text of the Life in

40–50s of the 15-th century, Old Russian scribes had the opportunity to create new variants of the text of the Life combining chapters from different redactions or types of redactions. An example of this complicated process of editing is the creation of three variations of the Vyazemsky Type of the Extensive Redaction of the Life.

Key words: the Life of St. Sergius of Radonezh, the Extensive Redaction of the Life of St. Sergius of Radonezh, textual criticism, redaction, type of redaction.

Ефимова Наталья Алексеевна – главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук.

Тихон Задонский (1724–1783) известен как епископ Воронежский. В последние годы своей жизни проживал в Задонском монастыре, где скончался и был похоронен. Прославление его началось в середине XIX в. **Являлся автором различных слов и поучений.** В собрании БАН находится рукопись, сохранившая несколько собственноручных писем к разным лицам. Переписка относится ко времени его пребывания на воронежской кафедре и жизни в Задонском монастыре.

Ключевые слова: Тихон Задонский, Задонский монастырь, история церкви.

Efimova Natalya A. – chief librarian of the Department of Manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library.

Tikhon Zadonskiy (1724–1783) is known as the Bishop of Voronezh. He lived in the Zadonsk monastery in the last years of his life, and he was buried there. He is the author of many sermons. There is the manuscript which has a few handwritten letters to various people in the collection of BAN. Correspondence related to the time of his stay in Voronezh department and live in Zadonsk monastery.

Key words: Tikhon Zadonskiy, Zadonskiy monastery, history of the Orthodox church.

Жуков Артем Евгеньевич – младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Софийская II и Львовская летописи являются крупными памятниками русского летописания XVI в. Они обе восходят к общему протографу – Летописному своду 1518 г. и образуют одну группу летописных памятников, в которых читаются уникальные известия по истории XV–нач. XVI вв. **По мнению исследователей, эти оригинальные статьи восходят к утраченному летописцу конца XV в. Некоторые известия, читающиеся только в Софийской II и Львовской летописях, вошли также в Летописный свод 1560 г.** Поэтому исследователи полагали, что составителями последнего была использована летопись, сходная с Софийской II и Львовской. Однако в историографии не предпринималось попыток уточнить источник этих известий Свода 1560 г. Настоящая статья призвана восполнить данный пробел. Автор пытается установить, какой именно памятник послужил источником Свода 1560 г.: Львовская летопись, Софийская II летопись, их общий протограф Свод 1518 г. или его источник конца XV в.

Ключевые слова: летописи, Свод 1518 г., Иван Грозный, летописание рубежа XV–XVI веков.

Zhukov Artem E. – junior researcher of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library, postgraduate student of Saint-Petersburg State university.

The Sophia's II and the Lviv chronicles are the important monuments of the Russian chronicle tradition of the XVI century. The Chronicle compilation of 1518 became the common protograph of both. This three monuments forms the group of the chronicles contained the original articles about the history of the XV-XVI century. The chronicle of the end of the XV century was the source of this news. Some of the original articles are red in the Chronicle compilation of 1560. The researchers investigate, that the chronicle of the group of the Sophia's II and the Lviv chronicles became the source of the last monument. The author of this work tries to clarify the source of the Chronicle compilation of 1560.

The news of the Chronical compilation close to the Sofia II and the Lviv chronicles of 1560 were considered in the article. The latter two monuments has common protograph. It is the Chronicle compilation of 1518. The part of the news of the Chronicle compilation of 1560 are only in this monument. This article is an attitude to ask to the question: what chronicle of the group of the Sofia II and the Lviv chronicles was used in the Chronicle compilation of 1560?

Key words: chronicles, Chronicle compilation of 1518, Ivan the Terrible, the chronicles of the frontier of XV–XVI centuries.

Иванов Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Министерства культуры РФ (Краснодар).

На основе архивных материалов рассматриваются история складывания и структура утраченной библиотеки Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни. Прослеживаются источники ее комплектования, связь с библиотекой Киево-Межигорского монастыря. Анализируются данные двух описей библиотеки (1799 и 1854 годов).

Ключевые слова: монастырь, библиотека, старопечатные церковные книги, Екатерино-Лебяжская пустынь.

Ivanov Vladimir Ivanovich – Doctor of History, professor, main scientific worker, Southern branch of the Russian scientific research Institute of Cultural and Natural Heritage named by D.S. Likhachev Ministry of Culture RF.

The history of storing and structure of the lost Black Sea Ekaterina-Lebyazhskaya hermitage's library is examined on the basis of archive materials. The sources of its forming connection with the Kiev-Mezhigorsky monastery's library are outlined. Data of two inventories (1799 and 1854) of this library are analyzed.

Key words: monastery, library, old-published church books, Black Sea Ekaterina-Lebyazhskaya hermitage.

Иванова Климента Ильева – профессор, Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской Академии наук (София).

Рукопись из собрания Каликина 146 – молдавский сборник тырновской орфографии, содержащий Слова, предназначенные для подвижных праздников церковного года (Триодный Панигирик, в русской книжной и археографической традиции – Триодный Торжественник). Кодекс Каликин 146 списан около 30-ых гг. XV в. с юсовым антиграфом, который восходит к новому составу и новым переводам, возникшим око-

ло середины XIV в. и связанным с деятельностью болгарских исихастов (в том числе и Патриарха Евфимия Тырновского) как на Афоне, так и в Тырнове. Он содержит слова на праздники от Преполовления Пятидесятницы до Воскресенья всех святых. Сопоставление кодекса с другими молдавскими Триодными Панигириками XV в. выявило, что рукопись Каликина 146 списана с автографа молдавского книжника Гавриила Урика (Библиотека Румынской АН, Бухарест, № 149). Рукопись Каликина 146 является одним из самых ранних молдавских списков сборника «Преполовление».

Ключевые слова: Триодный Панигирик (Торжественник), молдавская книжность XV в., Гавриил Урик, новые переводы XIV в., тырновская орфография, Евфимий Патриарх Тырновский.

Ivanova Klimentina I. – PhD, Professor, the Cyrillo-Methodian Research Centre of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

A manuscript from the collection of Fedor Kalikin, № 146 (Russian Academy of Sciences Library) is a Moldavian collection of calendar Homilies named *Triodion Homiliarium* or *Panigirik*. The manuscript with Tyrnovo orthography was written in 1430th and contains the translation made at the middle of the 14th century by Bulgarian hesychasts. The codex from the Kalikin's collection is one of the earliest Moldavian manuscripts of this composition. It copies the manuscript written by Moldavian scribe Gavriil Uric which is kept in the Romanian Academy of Sciences Library (Bucharest), № 149.

Key words: *Triodion Homiliarium* or *Panigirik*, *Moldavian manuscripts*, *translations of the 14th century*, *Gavriil Uric*, Tyrnovo orthography.

Казанцева Татьяна Генриховна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

В статье дается общая палеографическая характеристика одного из старейших певческих кодексов собрания ГПНТБ СО РАН. Отмечается неординарность рукописи, выраженная в ее оформлении и содержании – полный свод песнопений знаменного распева второй половины XVI в. На основе сопоставления палеографических примет рукописи (бумага, тип оформления, почерки) с данными исследований книжных центров Московской Руси выдвигается гипотеза о двух этапах создания кодекса: 1560-е (старшая часть) и 1590-е (младшая часть) годы и о ее московском происхождении, связи со скрипторием Чудова монастыря.

Ключевые слова: Рукописные собрания Сибири, книжные центры Московской Руси, библиотека С.Ф. Севастьянова, певческие книги знаменной нотации, стихирарь.

Kazantseva Tatiana G. – PhD in Art History, State Public Scientific Technical Library of the SB RAS, Department of Rare Books and Manuscripts, senior researcher (Novosibirsk).

The article gives a general paleographical characteristic of one of the oldest singing codes of the collection of State Public Scientific Technical Library of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences. The originality of the manuscript appears in its design and content (it is a full code of znamenny chant of the second part of the 16-th century). On the basis of comparison of the paleographical distinctive marks of the manuscript (paper, type of design, handwritings) with the data of the researches of book centers of Muscovite Rus-

sia the author puts forward a hypothesis of the two stages of creating of this code: the 1560th (the older part) and 1590th (the newer part) and about its Moscow origin and connection with the scriptorium of the Chudovsky monastery.

Key words: **Manuscript collection of Siberia, book centers of Muscovite Russia, library of S.F. Sevastyanov**, singing books of znamenny chant, “Sticherar” (Miscellany of Stichera).

Клишева В.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Библиотеки Российской академии наук.

В статье рассматриваются вопросы камеральной археографии и выбор принципов описания корпуса старообрядческих рукописей. Выявление из общего количества рукописных памятников доли старообрядческих рукописей, их рассредоточение по собраниям открывают перспективы вариативного подхода описания рукописей. Просмотр выявленных рукописей de visu создает условия для подготовки репертуарного каталога-указателя памятников литературного творчества старообрядцев, хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук.

Ключевые слова: старообрядчество, рукописная книга, камеральная археография, Библиотека Российской академии наук.

Klisheva V.A. - PhD in History, science researcher of Scientific Research Department of Manuscripts Library of Russian Academy of Sciences

In this article the issues of cameral archeography and the choice of the principles of Old Believers' manuscripts description are considered. The reveal of the part of Old Believers' manuscripts from all handwritten texts and their dispersal to different collections opens perspectives to variable methods of the description of manuscripts. The investigation of revealed manuscripts de visu creates **necessary conditions for the preparation of a repertory catalogue-reference** of Old Believer's manuscripts which are stored in the Manuscripts Section of The Russian Academy of Science.

Key words: Old Believers, manuscripts, archeography, Russian Academy of Sciences Library.

Корогодина Мария Владимировна – доктор исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей Библиотеки Российской академии наук.

«Правила Иппонского собора» являются старообрядческой подделкой и сохранились в оригинальном сборнике первой четверти XIX в., находящемся ныне в Библиотеке Российской академии наук. Рукопись отражает горячие споры между различными старообрядческими толками, в ходе которых были изготовлены поддельные «Правила Иппонского собора».

Ключевые слова: старообрядцы, старообрядческие толки, рукописи, подделки, кодикология, каноническое право.

Korogodina Maria V. – Doctor of History, Head of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library.

An original manuscript with “Canons of Council at Hippon” is an Old-Believers forgery made in the beginning of 19-th century. It keeps an information about heated arguments between different persuasions of Old-Believers.

Key words: Old-Believers persuasions, manuscripts, forgery, kodikology, canon law.

Курьшева Марина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук (Москва).

В статье рассматриваются отдельные ключевые моменты биографии филолога-классика, историка-византиниста и палеографа Мстислава Шангина (1896–1942). Шангин был одним из первых, кто стал работать с греческими рукописями отечественных собраний. Он был фактически первым, кто стал систематически изучать греческие рукописи из собрания Библиотеки Академии наук. Некоторое время Шангин был сотрудником БАН. На протяжении всей своей жизни он, так или иначе, был связан с библиотекой и продолжал работу над рукописями из ее коллекций. В статье впервые публикуется фотографический снимок Шангина, чей облик был неизвестен современным историографам византиноведения.

Ключевые слова: Мстислав Антонинович Шангин, греческая палеография в России, византиноведение, Библиотека Академии наук, греческие рукописи БАН.

Kuryshcheva Marina A. – PhD (History), Senior Researcher in Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

In the paper are discussed some key biographical moments of the historian, classical scholar, byzantinist and palaeographer Mstislav Shangin (1896–1942). Shangin was one of the first who began to work with the Greek manuscripts from Russian collections. He was actually the first who began a systematic study of Greek manuscripts from the collection of the Library of Academy of Sciences. For some time Shangin was a fellow worker of BAN. Throughout his life, he, anyway, has been linked with this library and continued to work with the manuscript from its collections. In the paper is presented a first published photograph of Shangin, whose appearance was unknown to modern historiographers of Byzantine studies.

Key words: Mstislav Antoninovich Shangin, Greek paleography in Russia, Byzantine studies, Library of the Russian Academy of Sciences, Greek manuscripts in the Library of the Russian Academy of Sciences.

Макеева Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук (Москва).

В статье рассматриваются входившие в неслужебную часть старопечатных московских и киевских изданий «Николина жития» сказания о чудесах св. Николая Мирликийского, часть которых восходит к древнейшим русским спискам XII–XIII вв.: состав сказаний в разных книгах, изменение их названий, редактирование текстов и правка акцентуации, сделанная в киевском издании 1680 г. по сравнению с его источником – московским изданием 1662 г.

Ключевые слова: московские и киевские старопечатные издания, сказания о чудесах св. Николая, редакторская правка.

Makeeva Irina I. – PhD, senior researcher, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

The first Moscow edition of the Life of St. Nicholas appeared in 1640. In the second edition of 1641 the structure of works is changed, texts are edited. The first Kiev edition of the Life of St. Nicholas, issued in 1680, was based on the fourth Moscow edition of 1662. The text itself was emended only insignificantly but the accentuation was changed signifi-

cantly. The accentuation microsystem of the edition of 1680 should be characterized as one of the western type. In the second Kiev editions “Nikolina of Life” of 1700 the structure of legends on miracles and structure of texts is changed, very considerable lexical and grammatical editing is carried out. The third edition of 1738 included texts from the Kiev book of 1700 and from Moscow “Nikolina of life” 1725. Sometimes *spravshchik* borrowed separate readings from the Moscow book of 1725. That there was no divergence, accentuation of texts from the edition of 1700 is edited.

Key words: old printing editions, editing, source study, textual criticism.

Мишина Елена Александровна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела гравюры XVII–XXI в. Государственного Русского музея.

Данная статья является первым исследованием техники плоской печати, игравшей большую роль в древнерусской культуре. Эту технику часто применяли при иллюстрировании рукописей в XVII веке. Образцы рисунков и орнаментов, исполненные в технике плоской печати, сыграли большую роль в сложении единого стиля орнаментации произведений древнерусского искусства.

Ключевые слова: Русская культура, Русское искусство, печатные техники, техника плоской печати, орнаментация русских рукописей.

Mischina Elena – Doctor of Art Studies, State Russian Museum, engraving department.

The article offers the first study on the techniques of early planographic printing, its place and role in Russian art and culture of the XVII century.

Key words: Russian culture; Russian art; printing techniques; planographic printing.

Останчук Ежи (Ostapczuk Jerzy) – хабилитированный доктор богословских наук, профессор кафедры Священного Писания Нового Завета Христианской Богословской Академии (Польша, Варшава).

Статья основана на текстологическом исследовании шести литургических чтений из Евангелия от Матфея, проведенного на основе 23 старопечатных кириллических Четвероевангелий. Текстологические разночтения дали возможность предложения предварительного распределения южно- и восточнославянских тетров.

Ключевые слова: Евангелие от Матфея, четвероевангелие, старопечатная книга, текстология.

Ostapczuk Jerzy – dr hab. nauk teologicznych, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, profesor w Katedrze Pisma Świętego Nowego Testamentu.

The article is based on textological research of six liturgical readings from the Gospel of Matthew carried out on 23 old printed Cyrillic tetragospels. On the basis of textological variants some preliminary classifications of South and East Slavonic tetragospels are proposed.

Key words: Gospel of Matthew, tetragospel, old printed book, textology.

Паскаль Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, директор консалтинговой фирмы «Финвест-ЛТД» (Москва).

На основе анализа приемов письма книжников славяно-молдавских рукописей

XV–XVI вв. предлагается включать в состав дополнительного элемента археографического описания при подготовке научных каталогов-описаний рукописных собраний средневековых рукописей случаи гаплогрaфии (перескока строк), а также пропущенных при переписке писцами слов. Фиксация случаев гаплогрaфии, проведенная для ряда славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв., позволила, в частности, достаточно точно локализовать несколько кодексов как продукцию вполне определенных монастырских книжных центров в древнейших молдавских монастырях Няц и Путна.

Ключевые слова: гаплогрaфия, описание, рукописи, славяно-молдавский, средневековый, метод, локализация, книжный центр.

Pascal Alexander D. – PhD (History), Consulting firm «Finvest-Ltd», director (Moscow).

The article considers the possibilities of applying the haplography study results as one of the methods for localizing medieval manuscripts.

The example of the handwritten materials of Slavic-Moldavian literature of the XV–XVI centuries shows the effectiveness of this method with respect to some manuscripts having no indication of the place of their writing, and which managed to be localized as originating from the monastic scriptoria of the oldest monasteries of the medieval Moldavian Principality Neamț and Putna.

It is proposed to introduce the cases of haplography as an additional descriptive element in preparing scientific catalogues-descriptions of manuscript collections with regard to fixing not only the text of the skip, but also the previous and subsequent lines in the point of skip of the line by the copyist of the manuscript.

Key words: haplography, method, description of manuscripts, monastery, Neamt, Putna, Moldavia 15–16-th century, localization.

Плаксина Наталия Евгеньевна – заместитель директора по научной работе Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар).

В статье на основе документов Каргопольского собрания Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук рассматривается история возникновения и развития иконописного дела среди старообрядцев-странников Центральной России и Русского Севера (Каргопольского предела) в период с середины XIX до начала XX в. Дается общая характеристика состава и деятельности иконописной мастерской «Каргопольского предела» в начале XX в.

Ключевые слова: старообрядцы, странники, иконопись, икона, иконные образцы, иконописцы, Ярославский предел, Каргопольский предел, Удора.

Plaksina Natalia E. – Deputy Director for Science, National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar).

The article is studying the history and genesis of old believers-wanderers's icon-painting in Central Russia and Russian North (Kargopol region) from the mid-19th to the mid-20th century on base of Kargopol collection from the Manuscript Department of the Library of Russian Academy of Sciences. The author gives common characteristic of staff and activity of Kargopol icon-painting workshops in the early 20th century.

Key words: Old Believers, Wanderers, icon, icon-painting, icon samples, icon painters, Yaroslavl district, Kargopol district, Udora district.

Подковырова Вера Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, главный хранитель Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук.

Живая рукописная традиция сохранилась до наших дней в России и связана с таким историческим и религиозным явлением, как старообрядчество. Статья посвящена механизму и принципам создания поздних циклов миниатюр (XVIII–XX вв.) на примере единственного известного в настоящее время иллюстрированного лицевого списка Седмитолкового апокалипсиса рубежа XIX–XX вв. Сам текст является апокрифическим старообрядческим произведением, в котором собраны отрывочные известия о рождении и правлении антихриста и описание признаков последнего времени. В Седмитолковом Апокалипсисе эти темы связаны с новозаветным Откровением тематически и использовано имя Иоанна Богослова как псевдоавтора. Рукопись иллюстрируют 17 миниатюр, 11 из которых в той или иной степени копируют традиционные изображения, характерные для русской Филарето-Чудовской редакции лицевых Апокалипсисов. В статье производится типологическое сопоставление изображений Седмитолкового апокалипсиса с некоторыми миниатюрами из циклов к традиционным Откровениям Иоанна Богослова. Интересная параллель с немецким ксилографированным изданием второй половины XV в. позволяет рассматривать его среди других источников иконографии. В результате мы видим, как художник строит цикл, используя различные элементы изображения (иногда всю композицию, чаще – ее часть или сюжет) для создания в миниатюре нового смысла.

Ключевые слова: иконография, Апокалипсис, типология, старообрядцы, цикл миниатюр.

Podkovyrova Vera G. – PhD, philology, senior researcher of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library.

Manuscript alive tradition of a handwriting books is preserved up to our day in Russia and is connected with such a historical and religious phenomena as the Old Believers. The article is devoted to the mechanism of the principles of creating late cycles of miniatures (XVII–XX centuries) on the example of one manuscript of the early XX c. – «Sedmitolkovyi apocalypse». None of such illustrated texts had been known to scholars yet. The text itself is an apocryphal Old Believer essay which summarizes the fragmentary «information» about the birth and the reign of the antichrist and the description of the signs of recent times. This theme is related with New Testament Apocalypse thematically and by using the name of John the Evangelist as pseudo author of some of the «quotes». The manuscript is illustrated by 17 miniatures, 11 of which in varying degrees copy the traditional iconography of the Russian Filaret-Chudovsky edition of the illustrated Apocalypse. Typological comparison of the images from the Sedmitolkovyi apocalypse with some miniatures from traditional cycle is made in the article. Interesting parallel with the German xylography edition from the second half of XV century allows to consider it among other sources of iconography. As a result we can see how the painter constructs the cycle, taking useful images: sometimes as a whole composition, more often – as a part or concept for creating new meaning of the miniature.

Key words: Iconography, Apocalypse, typology, Old Believer, cycles of miniatures.

Поздеева Ирина Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории церкви МГУ им. М.В. Ломоносова.

П.М. Строев и его единомышленники, ученые Императорского московского университета, в XIX в. теоретически и практически определили судьбы археографии. В течение XIX–XXI вв. археографы МГУ разработали и осуществили новые формы и методы исследований и подготовки археографов: собрали в ОРКиР НБ МГУ 5000 памятников XV–XX вв. (2 собрания и 16 коллекций); создали поливидовой архив, адекватно зафиксировавший традиционную культуру старообрядческих общин Верхотамья (7 фондов, издано 5 каталогов и 130 статей); совместно с подготовленными местными кадрами и студентами в 35 хранилищах трех регионов РФ описали 155 рукописей XIV–XVII вв. и 2600 экземпляров изданий XV–XVIII вв. – издано 7 каталогов объемом 200 печатных листов.

Ключевые слова: П.М. Строев, археография полевая, описательная, эдиционная, ИМУ, МГУ, традиционная культура, старообрядчество, Верхотамье, Археографическая комиссия.

Pozdeeva Irina V. – Doctor of History, Professor of the History faculty of Moscow State University.

The archeography in Russia was begun in the 19th century by Pavel Stroeve and his confederates from the Moscow University. During the 19th and 20th centuries archeographies from the Moscow State University developed new methods of scientific collecting of manuscripts and rare books. They collect 5000 books in the Rare Book and Manuscript Department of the Scientific Library of the Moscow State University. Created by archeographies archive depicts a traditional culture of Old Believers. More than 150 manuscripts and 2600 rare books are described in catalogues edited by archeographies from the Moscow State University.

Key words: Pavel Stroeve, archeography, Moscow State University, Old Believers, traditional culture.

Пузина Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук (Москва).

В статье публикуются 14 ранее не известных зачал греческих стихир, которые являются оригинальными по отношению к переводным славянским стихирам, дошедшим в составе списков Минеяного стихирая XII в.

Ключевые слова: история церковнославянского языка, славянская и византийская гимнография.

Puzina Mariya Anatol'evna – PhD, researcher of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

The incipits of 14 Greek stichera, which were not known earlier and which are original to the translated Slavonic stichera from Menaion Sticherarion dated from the 12-th century, are published in the article.

Key words: history of Church Slavonic language, Slavic and Byzantine hymnography.

Рашиева Ивета Кирилова – Гл. ас. Д-р (PhD), Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской Академии наук (София).

Цель настоящего исследования – рассмотреть одну часть культурного аспекта сочинения Паисия Хилендарского, а именно, функцию анахронизмов в сведениях о принятии нашими предками христианства из главы «О учителях словенских», которая имеет политический смысл и множество более поздних проекций. Предлагается гипотеза, что идею отождествления святого Мефодия с монахом-живописцем Паисий заимствовал у Димитрия Ростовского. Рассматриваются несколько примеров из трудов русских историков, сохраняющих интерес к анахронизму в рассказе о христианизации болгар святым Мефодием, в период с начала XIX в. и до освобождения Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, св. Мефодий, христианизация, анахронизм.

Rasheva Iveta K. – PhD, Main Associate of the Cyrillo-Methodian Research Centre of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia).

The purpose of this researching is to investigate only part of culture aspect of conversation by Paisiy, namely, the function of anachronisms in the information on Bulgarian adoption of Christianity in the chapter “About Slavonic Teachers”, which has a political meaning and many subsequent projections. We suppose, the Paisiy idea of identifying St. Methodius and monk-painter was borrowed from Dimitry Rostovsky. We examine several examples from Russian historians of early 19-th c. before Bulgarian Liberation, who explicate still existing interest to anachronism of Bulgarian Christianization, carried out by St. Methodius.

Key words: Bulgaria, St. Methodius, Christianization, anachronism.

Романова Анастасия Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки Российской академии наук.

В работе рассматриваются разновидности сводов сведений о русских святых, которые создавались, редактировались и перерабатывались в России в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: агиография, агиология, патерики, перечни святых, «Книга глаголемая описание о российских святых».

Romanova Anastasiya A. – PhD, Head of the Department of the Rare books of the Russian Academy of Sciences Library.

The article deals with several kinds of collection of data on Russian saints. These collections and lists have been created, edited and remade in Russia in the XVIII–XIX centuries.

Key words: agiography, agiology, paterikons, lists of Russian saints, collections of lives of saints, “Kniga glagolemaya Opisanie o rossiiskih svyatyh” (“The book called Description of Russian saints”).

Смирнова Энгелина Сергеевна – доктор искусствоведения, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Государственного Института искусствознания (Москва).

В искусстве Новгорода второй четверти XIV в., несмотря на начинающееся знакомство с палеологовским искусством, большую роль играла допалеологовская традиция. Среди иллюстраций к Библейским Песням, завершающим Симоновскую Псал-

тирь (ГИМ, Хлуд. 3), есть пять композиций, которые воспроизводят иконографию византийских миниатюр македонского периода – главным образом X–XI вв. Наиболее вероятно, что миниатюры Симоновской Псалтири восходят к каким-то русским рукописям домонгольского периода, отразившим византийскую художественную традицию. Примечательно, что античные персонификации, использованные в византийских прототипах, сменились другими образами.

Ключевые слова: Симоновская Псалтирь, Новгород, миниатюры, византийское искусство.

Smirnova Engelina S. - Doctor of Art Studies, Professor of the Moscow State University, chief researcher of the State Institute of Art Studies (Moscow).

In spite the fact that the Paleologan art was already known in Novgorod in the 2nd quarter of the 14-th century, the earlier tradition nevertheless played a significant part. Among the illustrations to Odes in the final part of the manuscript there are five compositions, which reproduce iconographical schemes of the Byzantine miniatures of the Macedonian period, mostly of the 10th–11th centuries. Most probably, the miniatures of the Simonov Psalter hark back to those of Russian manuscripts of the pre-Mongolian period that reflected Byzantine artistic tradition. It is noteworthy that the other images took place of the ancient personifications used in the Byzantine prototypes.

Key words: Simon's Psalter, Novgorod, miniatures, Byzantine art.

Уханова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела рукописей Государственного Исторического музея (Москва).

Работа посвящена одному из центральных памятников новгородского искусства XIV в. – лицевой Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3). В результате комплексного анализа графико-орфографических, кодикологических, орнаментальных, стилистических особенностей рассматриваемой рукописи мы пришли к выводу о более позднем, чем это принято считать, времени ее создания – начале последней трети XIV в. – и о одновременности ее составных частей, выполненных по заказу разных владельцев в пределах, вероятно, одного десятилетия. Рукопись несет в себе самые ранние следы второго южнославянского влияния. Будучи помещенной в новый исторический контекст, она нуждается в новых исследованиях палеографов, лингвистов, историков искусства.

Ключевые слова: палеография, кодикология, древнерусские лицевые рукописи XIV в., Симоновская Псалтирь, второе южнославянское влияние.

Ukhanova Elena V. – doctor of science, leading researcher of the Department of manuscripts of the State Historical Museum (Moscow).

The article is devoted to the one of the central monuments of Novgorod's art – the illuminated Simonovsky Psalter (The State Historical museum, Khlud. 3). A complex analysis of graphical, orthographical, ornamental and stylistic features of this manuscript was undertaken. It allows us to come to a conclusion that the manuscript is younger than it was considered in a historiography. It was created at the early last third of XIV century. The manuscript is divided into two parts created with a time distance (probably within 10 years) by the order of two owners. The main part has early signs of so called “the second south Slavonic influence” that can probably started at 1370-th or a little earlier. The Simonovsky

Psalter needs new supplementary historical, language, art historical investigations in this new historical and cultural context.

Key words: paleography, codicologia, Old Russian illuminated manuscripts, the Simonovsky Psalter, “the second south Slavonic influence”.

Фонкич Борис Львович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук (Москва).

В статье сделана попытка реконструировать начальный этап в истории собрания греческих манускриптов БАН в XVIII–XIX вв. Дан обзор истории фонда греческих рукописей БАН. Выявлены тринадцать рукописей XI–XVIII вв., которые относятся к первоначальному ядру коллекции. На основе изучения палеографии и кодикологии рукописей прослежены судьбы отдельных кодексов до их попадания в собрание Академии наук.

Ключевые слова: греческая палеография в России, исследование Византии и поствизантийского пространства, греческие рукописи Библиотеки Российской Академии наук.

Fonkich Boris L. – Doctor of History, Chief Researcher in Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow).

The paper is an attempt to reconstruct the initial stage in the history of forming the collection of Greek manuscripts in BAN (Library of the Russian Academy of Sciences) in the 18th–19th c. A review of the history of Greek manuscripts’ fund in BAN is made. Thirteen manuscripts dated from the 11th to the 18th c., which belong to the initial nucleus of the collection, are identified. On the basis of paleography and codicology is traced the fate of every single code, before it entered the collection of the Academy of Sciences.

Key words: Greek paleography in Russia, Byzantine and Post-Byzantine studies, Greek manuscripts in the Library of the Russian Academy of Sciences.

Чурина Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, библиотекарь Научной библиотеки СПбГУ им. А.М. Горького.

В статье рассмотрен текст Службы местночтимому русскому святому, преподобному Трифону Вятскому, по спискам XVII–XIX вв. Текст проанализирован с точки зрения его источников. История текста рассматривается в связи с историей почитания святого в основанном им Хлыновском Успенском монастыре.

Ключевые слова: гимнография, Служба святому, почитание святого, Трифон Вятский.

Churina Irina O. – PhD, librarian of the Science library of the Saint-Petersburg State University.

The article studies the text of the Service to St. Trifon Vyatsky, a locally venerated Russian saint, on the basis of the manuscripts of the 17–19-th centuries. The article provides a detailed analysis of the text focusing on its sources, historical context of its creation, the history of the saint’s veneration in Uspensky Trifonov Monastery, founded by him in Khlynov.

Key words: hymnography, Service to saint, veneration of saint, St. Trifon Vyatsky.

Юдин Алексей Александрович – научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

В статье дается краткая характеристика различным видам записей, встречающимся на книгах Кемеровского собрания.

Ключевые слова: Кемеровское территориальное собрание, ГПНТБ СО РАН, старопечатные книги, записи.

Yudin Alexey A. – Researcher, Rare Books and Manuscripts Department of State Public Scientific Technical Library of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

The article gives a brief characteristic of different types of notation in the books of Kemerovo collection.

Key words: Kemerovo territorial collection, State Public Scientific Technical Library of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences, early printed books, notations.

Юхименко Елена Михайловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея (Москва), заслуженный работник культуры РФ.

Благодаря недавней археографической находке шести томов Выговских Четиих Миней два тома этого обширного агиографического свода, которые хранятся в БАН и были известны ранее, теперь получают исчерпывающую характеристику в контексте истории данного уникального книжного памятника в целом. В статье на материале двух томов – за сентябрь и июнь – анализируются общие закономерности и принципы составительской работы выговских книжников, рассматриваются конкретные списки житий.

Ключевые слова: агиография, Четии Минеи, старообрядчество, Андрей Денисов, Петр Прокопьев, Иосиф Волоцкий, древнерусская книжность.

Yukhimenko Elena M. Doctor of Philology, chief researcher of the Department of manuscripts and early printed books of the State Historical Museum (Moscow), honored worker of culture of the Russian Federation.

Two volumes of Vygovskie Chetii Minei are stored in the BAN manuscript collection and were formerly known by scientists. Our recent archaeological discovery of six volumes of this extensive hagiographic collection now gets an opportunity to investigate these two volumes in the context of the history of this unique literary monument as a whole. The article based on the material of the two volumes – for September and June and devoted to analysis of general patterns and principles of derivative work by Vyg scholars and research of particular lists of saints' lives.

Key words: hagiography, Old Belief, Chetii Minei, Andrey Denisov, Peter Prokopiev, Joseph Volotsky, Old Russian literary.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ

Выпуск 2

Редактор: *О. В. Холмогорова*
Оригинал-макет: *О. Н. Орлова*

Подписано к печати 23.12.2016. Формат 70x100/16

Печ. л. 31,7

Тираж 100 экз. Заказ № 117

Отпечатано в ОПП

Библиотеки Российской АН

(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)